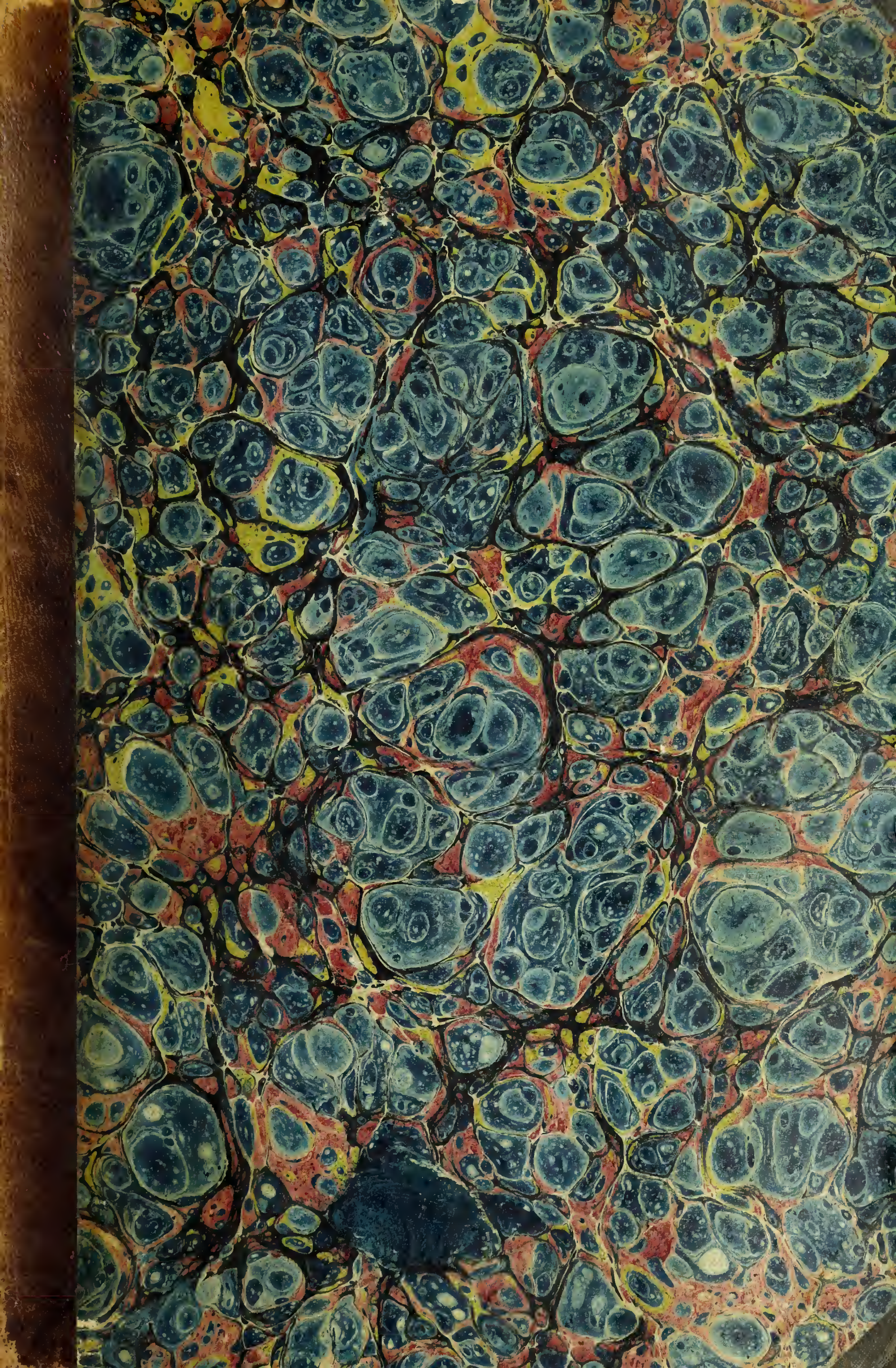
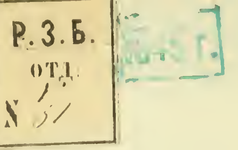



Р. З. Б.
ОТД.
№

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1876

№ 5 МАЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).
1876.

ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XI.

Переѣздъ изъ Восточной Сибири въ Западную.

Прощаніе съ тюрьмою. — Лагуны Селенги. — Байкалъ. — Буря. — Кн. В. М. Шаховская. — Сообщеніе. — Населеніе. — Исправникъ. — Трудолюбіе. — Смышленость. — Промышленность. — Опрятность. — С. Г. Краснокутскій. — Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ I.—А. Н. Муравьевъ. — Верещагинъ.—Ф. М. Башмаковъ.— Грабе-Горскій. — Фирстова Деревня. — Гр. Мошинскій. — Кн. Сангушко. — Крыжановскій. — Старый знакомецъ.

Въ Ильинъ день 1832 года, простился я съ товарищами и съ тюрьмою: охотно и радостно съ тюрьмою, но грустно съ остававшимися въ неволѣ. Душевно уважалъ ихъ и, теперь вспоминая, уважаю и люблю ихъ. Изъ нихъ со многими ли опять увижусь? Всѣ ли дождутся своего освобожденія? Много воспоминаній и много испытаній породнили меня съ ними! Не менѣе печально было мнѣ проститься съ нашими дамами: онѣ съ полнымъ самоотверженіемъ дѣлали все для облегченія нашего состоянія, а сами терпѣли гораздо больше насъ; и съ ними желалъ я опять увидѣться, но гдѣ? когда?—отвѣта не было. У тюремныхъ воротъ стояли двѣ тройки, при нихъ унтер-офицеръ и рядовой—проводники мои. Почтенный комендантъ Лепарскій приказалъ позвать меня въ особенную караульную комнату, гдѣ простился со мною и простосердечно сказалъ мнѣ, что жалѣетъ, что не прежде былъ знакомъ со мною на волѣ. Я просилъ его беречь моихъ товарищей, какъ берегъ ихъ при мнѣ. Когда спустился по ступенямъ караульни, то еще разъ увидѣлъ товарищей, стоявшихъ подъ сводомъ воротъ, и голосомъ, движеніемъ рукъ, выраженіемъ лицъ, еще разъ простились со мною, и послѣ того съ бо́льшею частью изъ нихъ больше не встрѣчались.

Я ѣхалъ вмѣстѣ съ М. Н. Глѣбовымъ до Верхнеудинска, тамъ я разстался съ нимъ: онъ былъ поселенъ недалеко отъ этого города, въ селеніи Кабанкахъ, гдѣ онъ прожилъ девятнадцать лѣтъ; сперва велъ онъ мелочную продажу въ лавочкѣ, потомъ скучалъ и все жаждалъ и снова скучалъ, и умеръ въ 1851 году. Безъ отдыха, я не скакалъ, а летѣлъ, какъ птица изъ клѣтки. Чудные берега Селенги мелькнули предъ глазами, солнце и луна освѣщали всѣ предметы гдѣ яркими, гдѣ блѣдными красками; но душа поперемѣнно была то въ Иркутскѣ у жены и сына, то у товарищей въ оставленной мною тюрьмѣ. Не доѣхавъ до Посольскаго монастыря, гдѣ главная пристань перевозныхъ судовъ, велѣлъ я, по совѣту проводниковъ, своротить по берегу Селенги, къ другой пристани Чертовкиной, откуда большія рыбацкія суда отправляются въ Иркутскъ, и чрезъ устье Селенги входятъ въ Байкалъ. Лишь только приблизились къ селенію Чертовкину, какъ увидѣли въ верстѣ оттуда плывущій баркасъ; у пристани не застали другихъ судовъ, и оставалось одно средство—догнать отплывшее судно. Пошелъ ямщикъ! пошелъ! Неслись мы лихо по деревнѣ, какъ вдругъ услышалъ пронзительный крикъ, повторявшійся нѣсколько разъ отрывисто; я оглянулся и увидѣлъ человѣка, бѣгущаго за моею повозкою, махающаго рукою, и какъ онъ съ ногъ свалился, выбившись изъ силъ. Я воротился, поднялъ его и узналъ въ немъ, хотя въ крестьянской одеждѣ, моего Петровскаго конвойнаго солдата Визгунова, георгіевскаго кавалера, который, за годъ предъ тѣмъ, вышелъ въ отставку и просилъ меня усердно взять его съ собою. «Самъ, братецъ, не знаю, куда ѣду, и мѣста нѣтъ тебѣ, любезный другъ! но когда устроюсь на поселеніи, охотно приму тебя, ты въ Иркутскѣ узнаешь, гдѣ я буду поселенъ». Визгуновъ не нуждался, пользовался хорошимъ здоровьемъ, выгоднымъ, мѣстомъ у селенгинскихъ рыбаковъ и перевозчиковъ, своихъ земляковъ. Откуда эта привязанность? я не давалъ ему ни копейки; узналъ онъ меня, когда во время болѣзни жены моей, онъ былъ безсмѣннымъ моимъ стражемъ; быть можетъ, заслуженный воинъ дорожилъ ласковымъ словомъ и хлѣбъ-солью. Какъ часто грѣшимъ мы противъ людей, упрекая ихъ въ неблагодарности и выставляя имъ въ примѣръ привязанность собаки, кошки и коня; но еслибы мы берегли людей, какъ многіе страстно берегутъ и холятъ собакъ и лошадей, то, право, люди были бы привязаннѣе, вѣрнѣе, лучше и полезнѣе для всѣхъ.

Далѣе поскакали по берегу рѣки цѣликомъ, чрезъ поля и луга. Въ полчаса, поравнялись съ плывущимъ баркасомъ; изъ всѣхъ силъ кричалъ я судовщикамъ: «Остановитесь! возьмите насъ съ

собой!» — «А дашь ли 25 рублей?» — «Охотно!» — «А 30 рублей?» — «Изволь!» — «А 35?» — «Хорошо!» — «А 40 рублей? — «Дамъ—живѣй лодку!» — и два рыбака спустились съ баркаса въ небольшую лодку и причалили къ берегу. Съ проводниками мы быстро пересѣли; былъ у меня только одинъ чемоданъ, салфетка съ хлѣбомъ и съ бутылкою чуднаго вина отъ Ек. И. Трубецкой на дорогу. Я не имѣлъ времени запастись провіантомъ на случай противнаго вѣтра; но вѣтеръ дулъ попутный, съ нимъ можно было переплыть Байкалъ въ пять часовъ. По Селенгѣ баркасъ плылъ съ помощью бичевой, которую медленно влачили три человѣка; съ кормчимъ было всего шесть человѣкъ. Поперегъ баркаса, во всю ширину его, стоялъ тарантасъ съ поднятыми оглоблями, въ немъ замѣтилъ я сѣдую голову и военную шинель. Маленькая лодка наша быстро перерѣзывала прозрачную воду Селенги и догнала судно. Взобравшись туда, поклонился сѣдому попутчику, приказалъ унтер-офицеру заплатить сполна кормчему по условію и просилъ сего послѣдняго употребить всѣ усилія, чтобы сегодня переплыть Байкалъ, и что я готовъ, въ такомъ случаѣ, щедро наградить его работниковъ. Эти байкальскіе моряки, проводившіе всю жизнь на озерѣ, возившіеся рыбною ловлею, были медленнѣе водоземныхъ, не знали, что̀ значитъ спѣшить или торопиться: они были хладнокровны и равнодушны ко всему, кромѣ живота своего. Было уже три часа по полудни, до устья Селенги оставалось плыть верстъ шестнадцать; они располагали прикрѣпить бичевую къ дереву, чтобы отобѣдать. «Успѣемъ, говорили они: — вѣтеръ попутный; завтра рано перелетимъ, лишь бы благополучно выбраться изъ Селенги». Рѣка изливалась въ Байкалъ многими рукавами, затрудняющими плаваніе по множеству мелей и шхеръ. Баркасъ остановился у самаго берега; я уговорилъ моихъ проводниковъ выйти на берегъ и тянуть бичевую, пока перевозчики отобѣдаютъ и отдохнутъ. Молодцы-солдаты тотчасъ послѣдовали за мною, перекусивъ хлѣба; втроемъ потянули и, шагъ за шагомъ, все подвигались впередъ. Соскочивъ съ баркаса на берегъ, я повредилъ себѣ ногу въ самомъ сгибѣ у пятки; вѣроятно, оступился, но съ каждымъ шагомъ было все больнѣе. До того ли мнѣ было, когда жена моя, безъ вѣсти обо мнѣ, вѣрно въ сильномъ безпокойствѣ проводила каждую минуту разлуки, продолжавшейся многими днями долѣе назначеннаго срока? Я тянулъ за бичевую до вечерней зари, крѣпко усталъ, а перевозчики собирались снова прикрѣпить бичевую къ берегу и поужинать. Кормчій божился, что вечеромъ опасно выбираться въ море по извилистымъ рукавамъ рѣки, что съ утреннею зарею, въ часъ

времени, выдемъ изъ Селенги, а тамъ уже натянемъ парусъ. Для меня вечеръ казался свѣтлымъ, луна въ первой четверти довольно свѣтила; но я былъ съ ушибенною ногою, попутчики-солдаты были утомлены, несвѣдущи съ плаваніемъ, незнакомы съ мѣстностью, и мы должны были покориться волѣ кормчаго, Я завернулся въ шинель, легъ на палубѣ, слышалъ, какъ попутчикъ въ тарантасѣ распрашивалъ обо мнѣ моихъ проводниковъ, и скоро, и крѣпко уснулъ.

Когда я, на другое утро, проснулся, то уже не видать было береговъ Селенги—мы были на открытомъ озерѣ, парусъ былъ натянутъ, но вѣтеръ слабѣлъ съ каждою минутою, и, наконецъ, парусъ повисъ; жестяной вымпелъ надъ мачтою скрыпѣлъ и визжалъ, ворочаясь направо и налѣво, остановился, и мы стали въ двадцати верстахъ отъ устья рѣки. Можно себѣ представить мою досаду! Упреки были напрасны, рыбаки разлеглись на палубѣ и сказали преспокойно: «не сегодня, такъ завтра доплывемъ». Я имѣлъ досугъ разглядѣть Байкалъ или Святое Море во всѣхъ направленіяхъ и видоизмѣненіяхъ: берега его высокіе и волнистые тянутся грядами: то скалисты, то кремнисты, гдѣ покрыты зеленью, гдѣ лѣсомъ, гдѣ травою, гдѣ свѣтлымъ пескомъ, гдѣ темною глиною. Со всѣхъ сторонъ кругомъ видно волканическое образованіе, и можно смѣло согласиться съ естествоиспытателями, утверждающими, что Селенга, Байкалъ и Ангара, составляли прежде одну рѣку. Тамъ, гдѣ Ангара вытекаетъ изъ Байкала, стоятъ два огромнѣйшіе гранитные утеса по самой срединѣ и служатъ какъ бы шлюзами; возлѣ гранитныхъ утесовъ, къ сторонѣ Байкала, дно его неизмѣримо: тутъ явный слѣдъ волканическаго дѣйствія, а къ сторонѣ рѣчной, къ Ангарѣ—дно не глубоко. Берега озера украшены одною только природою; нѣтъ нигдѣ слѣдовъ труда человѣческаго. Посольскаго монастыря башня, станція почтовая и нѣсколько хижинъ напоминали обитаемость этой страны.

Ушибенную ногу мою примачивалъ я холодною водою, просилъ рыбаковъ накормить моихъ проводниковъ за плату; у нихъ былъ десятидневный запасъ—иначе не пускаются на переправу чрезъ Байкалъ. Я вытащилъ изъ корзинки кусокъ хлѣба, когда попутчикъ мой, сидѣвшій все въ тарантасѣ, какъ въ вольтеровыхъ креслахъ, пригласилъ меня раздѣлить съ нимъ супъ изъ курицы и кашу. «Не прикажете ли водочки?» спросилъ онъ. «Если у васъ есть запасъ недѣли на двѣ, то охотно соглашаюсь, а, если у васъ меньше того, то легко могу обойтись безъ водки, отъ коей уже слишкомъ семь лѣтъ отказался поневолѣ». Я хорошо сдѣлалъ, потому что у хлѣбосольнаго попутчика была только одна бутылка водки. Мы скоро познакомились. А. П.

Злобинъ находился тогда по особымъ порученiямъ при генерал-губернаторѣ, былъ прежде начальникомъ соловаренныхъ заводовъ Якутской Области, а послѣ главнымъ начальникомъ алтайскихъ рудниковъ. Онъ былъ въ большой горести, недавно лишившись любимой супруги своей, съ которою счастливо прожилъ двадцать лѣтъ; осталось у него семеро дѣтей, изъ которыхъ 18-ти лѣтняя дочь управляла хозяйствомъ и заботилась о малолѣтныхъ братьяхъ и сестрахъ. Въ Якутскѣ познакомился онъ съ товарищемъ моимъ, А. П. Бестужевымъ-Марлинскимъ, который ласково принятъ былъ въ его домѣ и давалъ уроки его дѣтямъ. Попутчикъ мой былъ занимательный человѣкъ по своей горной части и исправлялъ свою должность съ рвенiемъ.

На третiй день, поднялась буря. Баркасъ нашъ на якорѣ качался съ канатомъ, какъ люлька. Съ боку баркаса, къ длиннымъ веревкамъ были привязаны четыре осетра, гостинецъ Злобина своимъ иркутскимъ прiятелямъ; осетры безпрестанно подымались изъ воды и ныряли, но освободиться не могли. Насъ качало днемъ и ночью; глаза мои раскраснѣлись отъ первыхъ ясныхъ дней на морѣ, отъ отраженiя солнца на водѣ, отъ вѣтра; отрывками могъ читать «Göthe's Genius»; эта книжка была въ моемъ карманѣ. Отъ качанiя мнѣ дѣлалось дурно, и бо̀льшею частью лежалъ я днемъ на палубѣ, а ночью въ низкой каютѣ, куда влѣзалъ ползкомъ. Чѣмъ больше увеличивалось мое нетерпѣнiе, тѣмъ неодолимѣе становились препятствiя. Послѣ двухдневной бури безпрестанно дулъ противный вѣтеръ. Уже шесть дней все качались на одномъ мѣстѣ; съѣстные запасы истощались; пришлось бы воротиться въ Чертовкину по рукавамъ или лагунамъ Селенги и опять терять время. Въ восьмой день собрали крохи сухарей; Злобинъ предложилъ пожертвовать осетромъ, я отговорилъ: у рыбаковъ опытныхъ было еще хлѣба и водки дня на два; они увѣряли, что иногда случалось ждать попутнаго вѣтра до двухъ недѣль. Часто въ жизни сходятся крайности: такъ столкнулись остальной черствый хлѣбъ моего щедраго попутчика съ моею бутылкою токайскаго вина, даннаго мнѣ на дорогу отъ Ек. И. Трубецкой. Это дивное вино изъ погреба знаменитаго гастронома, графа Лаваля, хотѣлъ я беречь для жены моей въ случаѣ болѣзни, а пришлось его пить на Байкалѣ. Наконецъ, рѣшено было поднять якорь и вернуться въ Чертовкину, какъ вдругъ желѣзный вымпелъ завизжалъ и началъ вертѣться вокругъ; рыбаки засмотрѣлись и опредѣлили, что будетъ или штиль, или подуетъ вѣтеръ попутный. Была минута торжественнаго молчанiя и тайнаго ожиданiя. Кормчiй звонкимъ голосомъ произнесъ: «Подыми мачту! прикрѣпи парусъ! вѣтеръ попутный!» Злобинъ сошелъ съ своего сѣдалища, самъ

держалъ конецъ паруса, прибавили еще другой парусъ; вѣтеръ становился порывистѣе; мы не плыли, а летѣли и, чрезъ нѣсколько часовъ пристали къ берегу, къ Лиственичной станціи. Тутъ узналъ я, что жена моя, переправившаяся съ Посольской пристани, провела семь дней на Байкалѣ, какъ я провелъ на немъ десять дней. Двѣ станціи до Иркутска проскакалъ по-курьерски, прибылъ туда около полуночи, о квартирѣ жены узналъ въ полиціи.

Служанка отперла двери; въ другой комнатѣ теплилась лампада, слышенъ былъ припѣвъ жены моей, убаюкивающій засыпающаго сына. Радость свиданія была невыразима, и мы обѣщали другъ другу впредъ самовольно не разлучаться; на лицѣ жены прочелъ я болѣзнь сына. Дѣйствительно, онъ былъ опасно боленъ, не ѣлъ, не пилъ; блѣдность лица стала еще блѣднѣе; мать подняла младенца, поднесла ко мнѣ; долго онъ смотрѣлъ на меня пристально, поднялъ ручку и улыбнулся; съ того дня ему стало лучше. Во время этой тягостной разлуки и болѣзни сына, добрая жена моя была осыпана ласками и вниманіями Пр. М. Муравьевой и добрѣйшею родною сестрицею ея, княжною Ва̀рварой Михайловной Шаховской, которая, въ продолженіи своего пребыванія при родной сестрѣ въ Верхнеудинскѣ и въ Иркутскѣ, была постоянная и неутомимая защитница и утѣшительница всѣхъ нашихъ узниковъ читинскихъ. Дружественнымъ своимъ посредничествомъ доставляла она нашимъ роднымъ и гораздо далѣе все то, что̀ не могло быть передаваемо, посредствомъ нашихъ женъ и коменданта, по почтовому сообщенію. Александръ Николаевичъ Муравьевъ 1-й, бывъ сосланъ въ Якутскъ и, въ дальнемъ пути за Верхоленскомъ, получивъ предписаніе вернуться и поселиться въ Верхнеудинскѣ, соскучился тамъ праздною жизнью и просился на службу. Какъ полковникъ гвардейскаго генеральнаго штаба и обвѣшанный орденами русскими и иностранными за отечественную войну 1812, 1813 и 1814 годовъ, онъ не отказался вступить въ должность городничаго въ уѣздномъ городѣ, откуда, чрезъ годъ съ небольшимъ, переведенъ былъ въ Иркутскъ въ той же должности, и дѣлалъ много добра для горожанъ и для города. Въ обратный проѣздъ мой чрезъ Иркутскъ, я засталъ его уже предсѣдателемъ губернскаго правленія, и онъ только что получилъ новое назначеніе—исправлять должность тобольскаго гражданскаго губернатора. Душевно я обрадовался, что такому благонамѣренному, свѣдущему и приготовившемуся человѣку представился большой кругъ дѣйствій послѣ многихъ лѣтъ бездѣйствія.

На другой день моего пріѣзда, навѣстилъ насъ докторъ и совѣтывалъ отложить поѣздку; но мы имѣли предъ собою далекій

путь и осень; незачѣмъ было медлить тѣмъ, которые всего больше надѣялись на помощь Божію. Поѣхалъ я въ загородный домъ губернатора, къ И. Б. Цейдлеру; тамъ получилъ подорожную и проводника, казацкаго урядника, и, 4-го августа, послѣ обѣда, переправились на паромѣ чрезъ Ангару. Вечеръ былъ теплый, маленькій выпалъ дождь; но, только что поднялись съ парома, солнце освѣтило одну изъ столицъ Сибири: показались хорошія, опрятныя зданія, зелень садовъ, зеркальныя поверхности Иркуты и Ангары. Каждый шагъ приближалъ насъ къ новой жизни; вся эта дорога, по коей я шесть лѣтъ предъ тѣмъ ѣхалъ зимою, представляла мнѣ новые виды и картины оживленныя. Очень часто, во всю дорогу, вмѣстѣ съ женою благодарили за изобрѣтательность К. Т. Торсона и Н. А. Бестужева 1-го, за спокойную висячую койку, въ коей сынокъ лежалъ такъ же удобно, какъ въ люлькѣ. Къ великой радости нашей, замѣтили мы на другой день, что у младенца прорѣзался первый зубокъ; вѣроятно, вся болѣзнь его была отъ зубовъ; съ той минуты становилось ему все лучше и лучше.

Мы ѣхали чрезвычайно скоро и торопились, чтобы прибыть въ Курганъ до родовъ моей жены. Изъ Петровскаго до Кургана считаютъ 4,200 верстъ; но непредвидѣнное задержаніе моей отправки изъ тюрьмы, задержки на Байкалѣ отняли у насъ три недѣли и лучшее время, потому что въ августѣ начинались утренніе и ночные морозы. Зато были освобождены отъ мошки, которая, въ особенности, въ Барабинской Степи въ лѣтнее время такъ мучаетъ людей и животныхъ, что днемъ почти невозможно работать, а люди покрываютъ себѣ лице сѣткою или маскою изъ кисеи или проволоки, или простого домашняго тканья. Я уже упоминалъ о быстротѣ сибирскихъ лошадей. Мы ѣхали днемъ и ночью; съ вечернею зарею садился на козлы возлѣ ямщика, обѣщалъ ему на водку пощедрѣе, если онъ повезетъ тише и осторожнѣе; но все это было напрасно. Когда закладываютъ лошадей у станціи, то множество людей держатъ ихъ за узды и только стоятъ впереди; какъ только усѣлись проѣзжающіе и ямщикъ подобралъ возжи, то кричитъ «пусти!»; тогда люди бросаются въ стороны, и экипажъ мчится, какъ ядро изъ пушки. Всѣ усилія ямщика тщетны, чтобы удержать ихъ; чѣмъ сильнѣе держитъ, тѣмъ быстрѣе несутъ кони; его дѣло—только править по дорогѣ; тогда, на четвертой верстѣ, гдѣ обыкновенно заборъ и ворота для выгона деревенскаго и станціоннаго скота, онъ начинаетъ владѣть своими лошадьми; тогда ѣзда безъ всякой опасности продолжается по курьерски до крыльца слѣдующей станціи. Однажды, совершенно потерялъ я присутствіе духа: станція была на горкѣ, съ крыльца дорога шла уг.

ломъ къ мосту чрезъ крутоберегую рѣчку: кони стрѣлою пустились къ мосту, казалось, прямо въ рѣку — въ эту минуту я закрылъ глаза рукою. Больной младенецъ до того полюбилъ движеніе и шумъ коляски, что, когда у воротъ поскотины приходилось останавливаться, то горько плакалъ и успокоивался не прежде, какъ съ новымъ движеніемъ впередъ. Для избѣжанія горькаго плача, ямщики старались, не доѣзжая до воротъ за десятки саженъ, ѣхать шагомъ или рысцою; въ это время слуга или проводникъ, или я самъ отворяли и запирали ворота, такъ что не нужно было останавливаться по два раза на каждой станціи. У поселянъ общій выгонъ для скота и лошадей, обширное пространство, загорожено; по малолюдству, они не имѣютъ пастуховъ.

Земледѣліе и скотоводство процвѣтаютъ повсюду, гдѣ климатъ позволяетъ ими заниматься. Большая почтовая дорога отъ Тобольска до Нерчинска есть главный путь сообщенія или главная жила огромнаго пространства земель, предназначенныхъ къ доставленію изобильныхъ средствъ существованія грядущихъ поколѣній. Въ царствованіе Екатерины II, называли Сибирь «золотымъ дномъ»; тогда богатство вѣсили золотомъ. Хотя, въ самомъ дѣлѣ, горы ея и русло рѣкъ, и дно болотъ доставляютъ много драгоцѣнныхъ металловъ, но почва ея плодородная даетъ больше. Много мѣстностей обширныхъ въ губерніяхъ Енисейской, Томской, Иркутской даютъ сороковое зерно; много земель въ тѣхъ странахъ не терпятъ никакого удобренія или унавоживанія, какъ черноземъ нашей Украйны. Теченіе главныхъ рѣкъ Оби, Енисея, Лены, со всѣми впадающими рѣками, идетъ въ Сѣверный Океанъ и затрудняетъ торговлю, особенно внѣшнюю. Юговосточная Сибирь имѣетъ судоходное сообщеніе съ Великимъ Океаномъ по Амуру. Еще не настало время для каналовъ; безконечное протяженіе отъ Охотскаго Моря до Волги имѣетъ водное сообщеніе, которое прерывается только въ трехъ пунктахъ, и то на пространствахъ не очень значительныхъ. Отъ урочища Нотары, близь Великаго Океана, могутъ плыть суда Масею, Алданомъ, Леною; изъ Качуги на Ленѣ перевозятъ гужомъ до Байкала; оттуда Ангарою, Енисеемъ до села Маковскаго—девяносто верстъ волокомъ; оттуда водою, Кетью, Обью, Иртышемъ, Тоболомъ, Турою, Тагилью, или прямо изъ Тюмени, по Турѣ, минуя Тагиль, волокомъ прямо до Перми, и оттуда Камою въ Волгу. Слѣдственно, на этомъ исполинскомъ разстояніи отъ Охотска до Петербурга въ десять тысячъ верстъ, если плыть водою, то встрѣтятся только въ трехъ мѣстахъ препятствія — въ Качугѣ, въ селѣ Маковскомъ и въ Тюмени. Умноженіе населенія, капиталы, промышленность, гражданское устройство отвратятъ пре-

пятствія и дадутъ должный и дешевый ходъ всѣмъ произведеніямъ, безъ помощи желѣзныхъ дорогъ. Помню, какъ часто товарищъ мой Арт. Зах. Муравьевъ проклиналъ Ермака и завоеваніе Сибири, содѣлавшейся мученіемъ и гробомъ для ссыльныхъ; но въ этомъ страна не виновата. Развѣ сѣверныя полосы нашихъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Пермской губерній также не могли служить мѣстами изгнаній? Даже если Сибирь не доставитъ никакой особенной выгоды для Россіи, то страна, съ увеличеніемъ населенія, обѣщаетъ самой себѣ счастливую и славную будущность. Много истинно хорошаго сдѣлалъ для нея Сперанскій своимъ сибирскимъ уложеніемъ; это хорошее, безъ сомнѣнія, еще лучше разовьется, когда страсть къ централизаціи и къ подведенію всего къ одной общей формѣ не помѣшаетъ дальнѣйшему развитію тѣхъ силъ, кои уже обрѣтаются въ Сибири.

Рѣка Енисей своимъ теченіемъ раздѣляетъ Сибирь на двѣ половины, на Восточную и Западную: первая гориста и прорѣзана рѣками изъ горныхъ источниковъ, воды быстры, чисты, прозрачны; вторая имѣетъ больше равнинъ, низменностей, рѣки текутъ лѣниво, вода мутна; но почва обѣихъ частей плодородна, за исключеніемъ всей сѣверной полосы. Земледѣльцы Восточной сбываютъ свои произведенія въ многочисленныхъ горныхъ заводахъ и частью на китайской границѣ; земледѣльцы Западной Сибири производятъ для внутренняго потребленія, а сбываютъ сало, масло, мыло, кожи оптовымъ торговцамъ, которые скупаютъ все на ярмаркахъ, бывающихъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ и въ значительныхъ селахъ по три раза въ годъ. Все населеніе состоитъ изъ полутора милліона жителей, въ томъ числѣ остяки, самоѣды, тунгусы, буряты и якуты; бо̀льшая часть населенія состоитъ изъ ссыльныхъ, изъ сброда всякихъ преступниковъ и безъименныхъ бѣглыхъ, которые въ Европейской Россіи всячески старались освободиться отъ неправильнаго рекрутства и отъ притѣсненій помѣщиковъ. Изъ этой смѣси разнородныхъ племенъ и жителей различныхъ губерній образуется нѣчто новое, особенное, сибирское. Правительство прилагало все стараніе къ водворенію ссыльныхъ поселенцевъ. Въ царствованіе Александра I были отпускаемы на это значительныя суммы. На большой дорогѣ къ Енисейской Губерніи и въ Иркутской, близь Бирюсы, устроены были новыя селенія по плану: большое карѐ въ срединѣ села составляетъ огромную площадь; отъ средины каждаго фаса перпендикулярно идутъ широкія улицы; все селеніе имѣетъ видъ креста. Дома̀ выстроены очень красивые съ двумя просторными половинами для двухъ семействъ; окна свѣтлыя; крыши тесовыя, выкрашенныя красною краскою. Для

первоначальнаго обзаведенія поселенцевъ казна отпустила довольно денегъ, на закупку лошадей, коровъ, земледѣльческихъ орудій и сѣменъ; но мѣстные распорядители дали имъ такихъ клячъ, что невозможно было ими работать, вся прочая принадлежность также была негодная, отчего поселенцы эти всѣ разбѣжались. Я самъ видѣлъ эти новыя селенія совершенно покинутыми; люди, оставшіеся сторожить строенія, разсказывали мнѣ, что и мѣсто для селенія было выбрано худое, безводное, неудобное для земледѣлія—опять вина мѣстнаго начальства, которое могло бы имѣть благодѣтельное вліяніе, еслибы по совѣсти исполняло свои обязанности.

Въ царствованіе Екатерины II и Павла, нѣкто Лоскутовъ былъ въ Киренскѣ комиссаромъ—то, что̀ нынѣ уѣздный исправникъ. Современники его, очевидцы, называли его чудакомъ и разсказывали, что онъ днемъ и ночью носилъ высокіе ботфорты, ложился спать одѣтый, какъ воинъ предъ сраженіемъ или стражъ въ караулѣ; но всѣ понынѣ благославляютъ его память. Дѣятельность его была необыкновенная: онъ устроилъ отличныя дороги, мосты, во всѣхъ селеніяхъ ввелъ большую исправность, коей, по привычкѣ, слѣдуетъ уже третье поколѣніе. Въ бывшемъ его округѣ донынѣ найдете въ крестьянскихъ домахъ большую опрятность, отлично допеченный хлѣбъ, вкусный хлѣбный квасъ. «Бывало, разсказывали они: — комиссаръ прискачетъ неожиданно въ деревню, зайдетъ въ одну избу, спроситъ кусокъ хлѣба, и, если хлѣбъ не хорошъ отъ нерадѣнія хозяйки, то хозяйкѣ наказанье розгами. Въ другой избѣ спроситъ квасу, и, если квасъ слишкомъ жидокъ или перекисъ, или если лѣтомъ подаютъ ему теплымъ, то хозяйкѣ розги, и всѣ хозяева благодарили комиссара. Разумѣется само собою, что я не ставлю въ примѣръ подобное похожденіе, но есть много другихъ средствъ, съ коими благонамѣренный начальникъ можетъ сдѣлать много добра. Нынѣ чиновники преимущественно только думаютъ, ка̀къ нажить побольше денегъ и людей прижимаютъ взятками больнѣе, чѣмъ комиссаръ Лоскутовъ розгами. Усердіе, зависть и взятки отдали его подъ судъ.

Непріятно коснуться злоупотребленій чиновниковъ или взяточничества, этой язвы во многихъ странахъ. Эта язва неисцѣлима тамъ, гдѣ дѣйствія чиновниковъ остаются тайной, гдѣ общее мнѣніе и гласность не уличаютъ виновнаго, гдѣ гласность и свободная печать не удерживаютъ дерзкаго грабителя. Судъ уѣздный и земскій представляютъ безчисленность примѣровъ или жестокихъ, или лукавыхъ злоупотребленій и взятокъ. Быть можетъ, лица, несвѣдущія съ продѣлками такихъ чиновниковъ, возразятъ мнѣ:—«на что̀ же высшія губернскія начальства, ко-

торыя обязаны обозрѣвать свои губерніи каждодневно?»—На это замѣчаніе скажу, что начальства, сами сознавая безсиліе своихъ средствъ, не хотятъ вникать въ подробности, и, кромѣ, того отъ нихъ искусно скрываютъ главное зло. Напримѣръ генералъ-губернаторъ, одинъ изъ лучшихъ, мужъ честный, безкорыстный, обозрѣваетъ свои губерніи: въ уѣздныхъ городахъ осматриваетъ присутственныя мѣста, острогъ, богадѣльни; въ это время, множество мѣщанъ и крестьянъ подаютъ ему жалобы, кои поступаютъ въ руки сопровождающихъ его чиновниковъ и секретарей. Они прочитываютъ каждую, оставляютъ для производства слѣдствія одну только часть изъ нихъ, а остальныя всѣ сожигаются въ мѣдномъ тазу, водою разводятъ золу сгорѣвшей бумаги и выкидываютъ на грязный дворъ, а просители ожидаютъ рѣшенія въ вѣчности.

Что̀ побудило этихъ секретарей или чиновниковъ по особымъ порученіямъ дѣйствовать такъ непріязненно противъ бѣдныхъ просителей и такъ дружелюбно для земскаго исправника?—этотъ послѣдній подкупилъ ихъ, или, по выраженію мѣстному—хватилъ ихъ въ рожу пакетомъ Хованскаго: такъ называли тогда ассигнаціи, подписанныя кн. Хованскимъ, директоромъ ассигнаціоннаго банка! Случалось, что подобная ревизія сто̀ила исправнику до двадцати тысячъ руб. ассигн. и больше; но что̀ значитъ эта сумма, когда изобрѣтательность его ума въ нѣсколько дней вознаграждала его за этотъ убытокъ двойною выгодой? Если нѣтъ особенныхъ *казусовъ* (выраженіе мѣстное), убійства, скоропостижной смерти, заразительной болѣзни, скотскаго падежа, при коихъ полицейскими мѣрами набираютъ денегъ, то они сами придумываютъ для себя вѣрные источники. Такъ, зимою, сидя за бостономъ, одинъ исправникъ съ торжествомъ воскликнулъ: «Слава Богу, сегодня я замѣнилъ себѣ всѣ убытки во время ревизіи: у насъ есть законъ, чтобы въ большихъ деревняхъ крестьяне строили свои овины не близко отъ жилья и чтобы не свозили хлѣба въ снопахъ слишкомъ близко къ дворамъ; но, какъ мужику затруднительнѣе молотить вдали отъ своего двора и онъ много теряетъ соломы и мякины отъ перевозки, отъ вѣтра и мятели, то предпочитаютъ молотить въ своихъ дворахъ подъ своимъ навѣсомъ. Зная, что хлѣбъ уже свезенъ къ дворамъ, я приказалъ, чрезъ волостныхъ старостъ и писарей, чтобы свезенный хлѣбъ, въ теченіе двухъ недѣль, былъ отвезенъ на разстояніе полуверсты отъ деревни. Вотъ посмотрѣли бы вы, какая началсь сумятица на мірскихъ сходкахъ: люди умные положили упросить меня, чтобы эта мѣра полицейская, предосторожность отъ огня, была бы отсрочена до слѣдующей осени, за что̀ съ каждой души положили мнѣ по рублю

ассигн.; и въ одну недѣлю, чрезъ волостныхъ писарей, доставили мнѣ съ величайшею благодарностью сорокъ тысячъ. Имъ это ничего не значило—бездѣлица, а для меня очень важное дѣло, оттого что этими деньгами могу отдѣлаться отъ другой ревизіи, въ случаѣ важныхъ жалобъ».

Въ томъ же городѣ жилъ отставной подполковникъ Яковлевъ, бывшій тридцать лѣтъ городничимъ въ Красноярскѣ; онъ получалъ 700 рублей пенсіи, имѣлъ семейство и, по дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, жилъ безъ долговъ, безъ подаяній, безъ нужды, но очень скромно. Одинъ изъ моихъ товарищей, разсуждая въ кругу чиновниковъ о службѣ, о гражданскихъ обязанностяхъ, привелъ въ примѣръ безкорыстіе и честность отставного городничаго. «Помилуйте! возразилъ окружный судья:—онъ—человѣкъ не честный, а просто дуракъ, глупецъ, трусъ! онъ или не умѣлъ, или боялся взять—за что̀ же тутъ хвалить его?»—Для такого судьи честность въ мірѣ не существуетъ; а правительство не можетъ обратить на путь истины такого закаленнаго правоучителя, если всякое злоупотребленіе его, всякая кривда, каждая взятка не будутъ преданы гласности; съ гласностью невольно явится въ немъ страхъ и совѣсть, или онъ лишится мѣста безвозвратно. При существовавшихъ тогда отношеніяхъ, трудно обвинить такого судью: представьте себѣ юношу, начинающаго службу канцеляристомъ; онъ бьется десятокъ лѣтъ для полученія благословеннаго чина коллежскаго регистратора; каждый день онъ видитъ, какъ отецъ его, чиновникъ опытный, умѣетъ брать взятки, улучшаетъ свое благосостояніе, обстраивается домишкомъ и амбарчиками; каждый день отецъ подстрекаетъ сына слѣдовать его примѣру. Сынъ беретъ копейками, чтобы послѣ брать рублями и сотнями, какъ дѣлаетъ отецъ. Сынъ научается смотрѣть на взятки, какъ на благопріобрѣтенное законнымъ образомъ достояніе; безчестность и плутовство прививаются къ нему, какъ прививаютъ оспу, такъ что̀ удивительнаго въ томъ что такимъ образомъ увеличивается число вредныхъ и злонамѣренныхъ чиновнковъ?

Въ Сибири донынѣ чиновниковъ немного: на каждый округъ, почти въ 250,000 верстъ, имѣющій до 40,000 жителей, приходится по десяти чиновниковъ: окружный судья съ тремя засѣдателями, земскій исправникъ съ тремя засѣдателями, окружный стряпчій, окружный лекарь. Еслибы каждый изъ нихъ довольствовался тысячью рублями въ годъ, то пришлось бы на каждаго поселенца въ годъ по 25 копеекъ. Но кто опредѣлитъ, сколько чиновнику нужно? Гдѣ предѣлъ желаніямъ чиновника, который, получая по 500 рублей жалованья, живетъ, съ большимъ семействомъ, не хуже наслѣдственнаго богача? Воззваніе

къ отцамъ и матерямъ, чтобы они воспитали дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ, въ правилахъ честности—было бы голосомъ въ пустынѣ, которому никто не откликнется. Тутъ помогутъ только преобразованіе, воспитаніе, которое возвысило бы самостоятельность человѣка, дѣятельность ума, духъ истинно религіозный, который оживилъ бы благороднѣйшія чувства въ человѣкѣ и уменьшилъ бы склонность его къ чувственнымъ, матеріальнымъ наслажденіямъ.

Упоминаю о жителяхъ Сибири вообще. Я не жилъ съ жалкими обитателями ужасной сѣверной полосы Сибири, въ коей, отъ Обдорска до Верхне-Колымска, жили мои товарищи, съ которыми встрѣтился въ Курганѣ, въ Хауторовскѣ и на Кавказѣ: М. А. Назимовъ, И. Ф. Фохтъ, В. Н. Лихаревъ, В. К. Тизенгаузенъ, А. В. Ентальцовъ. Въ этихъ тундрахъ погибли и лишились разсудка товарищи мои: Шахиревъ, Фурманъ, Бобрищевъ-Пушкинъ І-й, кн. Шаховской. Враницкій, за годъ до своей кончины, былъ перемѣщенъ въ Пелымь, гдѣ фон-дер-Бриггенъ тщетно старался его развлекать и поддерживать. Въ тѣхъ мѣстахъ безплодныхъ, гдѣ полгода сряду не показывается солнце, гдѣ земля, вѣчно холодная, оттаиваетъ только на полфута глубины, гдѣ люди питаются рыбою и дичью, ѣздятъ по промысламъ на оленяхъ и на собакахъ, гдѣ нѣтъ огородовъ, нѣтъ посѣвовъ—тамъ все малоросло, все угрюмо, все печально, все холодно.

Отъ средней полосы Сибири до юга, народъ вездѣ видный и здоровый, и смышленый. Занимательно видѣть, кàкъ земледѣльцы умѣютъ примѣнять къ почвѣ свои орудія, кàкъ ловко устроенъ сибирскій плугъ въ Курганскомъ Округѣ и въ другихъ мѣстахъ. Для молотьбы зимою поливаютъ они токъ и тѣмъ составляютъ зеркальный полъ изъ льду, отчего хлѣбъ легче и лучше вымолачивается и не имѣетъ въ себѣ пыли. Вмѣсто цѣповъ, они въ иныхъ мѣстахъ употребляютъ деревянный цилиндръ или зубчатый катокъ изъ лиственницы, изъ сибирскаго дуба, въ два аршина длины и въ десять вершковъ поперечника: къ окружности прикрѣпляютъ зубцы, длиною въ четыре вершка, рядовъ восемь, по восьми зубцовъ въ ряду въ шахматномъ порядкѣ; къ центрамъ обоихъ боковыхъ круговъ катка прикрѣпляютъ желѣзные стержни, въ кои придѣлываются оглобли, и катаютъ по разложеннымъ снопамъ. Этотъ механизмъ ведется у нихъ съ прошедшаго столѣтія. Когда они молотятъ горохъ, то къ простой телегѣ къ спицамъ колесныхъ привязываютъ небольшіе цѣпы и катаютъ телегу взадъ и впередъ по разложенному гороху. Даже когда молотятъ обыкновенными цѣпами, то напрасно не дадутъ удара по соломѣ: они кладутъ снопы сушенаго хлѣба въ два

ряда, комлями или соломою внутрь, а колосьями въ наружную сторону, тогда въ два ряда молотятъ, двигаясь взадъ и впередъ; въ это время, старушки и дѣти раскладываютъ другой такой-же рядъ сноповъ, и когда, молотильщики переходятъ къ другому разложенному ряду, то тѣ-же старухи и дѣти идутъ къ перемолоченному первому ряду, выбираютъ солому, или переворачиваютъ снопы, чтобы еще помолотить, если въ колосьяхъ еще остались зерна. Въ многихъ селеніяхъ земледѣліе въ цвѣтущемъ состояніи; но особенно достойно примѣчанія земледѣліе забайкальскихъ бурятъ.

Эти кочующіе дикари, не очень еще давно, когда Трескинъ былъ иркутскимъ губернаторомъ, впервые получили сохи и косы. Первопашецъ разсказывалъ Н. А. Бестужеву 1, ка̀къ три работника должны были управлять одною сохою: одинъ велъ лошадь, другой держалъ соху, третій отворачивалъ пластъ земли, поднятый сошникомъ, потому что они еще не знали употребленія лемеха. Нынѣ буряты кормятъ жителей забайкальскихъ и соперничаютъ съ семейскими, даже опередили ихъ въ орошеніи полей, луговъ, огородовъ. Эти недавно дикіе, кочевавшіе потомки монголовъ, ставъ осѣдлыми, занимаются успѣшно и ремеслами: они—хорошіе плотники, столяры, кузнецы; дайте ему только форму или модель, и сдѣлаетъ по этому образчику какъ нельзя лучше. Они служатъ примѣромъ, ка̀къ въ короткое время можно преобразовать не только отдѣльнаго человѣка, но цѣлое племя, когда умѣютъ взяться за дѣло; безспорно, что сосѣди ихъ семейскіе служили имъ примѣромъ трудолюбія. Буряты стали даже изобрѣтательны: для переправы чрезъ рѣки, гдѣ еще не устроены правильныя сообщенія, гдѣ нѣтъ даже лодокъ и карбасовъ, тамъ имѣютъ они корыта или выдолбленныя колоды, кои, хотя и могутъ поднять тяжести, но такъ вертки, что надо имѣть большое умѣнье нетолько управлять ими, но даже сидѣть въ нихъ, на днѣ корыта съ вытянутыми ногами, потому что лавочкѣ или скамейкѣ нѣтъ мѣста. Эти двѣ колоды или два корыта ставятъ они рядомъ поперекъ рѣки, повозку помѣщаютъ такъ, что правое переднее и правое заднее колесо были въ одномъ корытѣ, а лѣвыя колеса въ другомъ, дабы такое положеніе не позволяло корытамъ расходиться, но удерживало ихъ отъ боковой качки; повозка такимъ образомъ переправляется съ бо̀льшею безопасностью, чѣмъ на плоту или карбасѣ—тотъ и другой могутъ случайно покачнуться на бокъ. Съ еще бо̀льшею смышленностью ускоряютъ они, при осеннихъ морозахъ, переходъ чрезъ рѣку, что̀ называютъ *заморозить* ее посредствомъ отколотыхъ береговыхъ льдинъ, кои сцѣпляются морозомъ. Теченіе рѣки имъ не мѣшаетъ, потому что на снастяхъ становятъ свой

перевозный карбасъ все далѣе и далѣе въ рѣку, по мѣрѣ какъ подвигается работа. Съ противуположнаго берега дѣлаютъ то-же самое; въ двѣ или три ночи, промежутокъ загораживается самъ собою наноснымъ льдомъ, между тѣмъ, какъ ниже по рѣкѣ не стало сплавныхъ льдинъ. Такая-же смышленность видна при сплавкахъ дровъ по самымъ быстрымъ рѣкамъ:—изъ легкихъ бревенъ дѣлаютъ раму величиной по количеству дровъ, спускаютъ ее на воду и прикрѣпляютъ къ берегу жердями и кольями; тогда бросаютъ дрова въ раму, наблюдая, чтобы они ложились на перекрестъ рядъ послѣ ряда; рама и крестообразное положеніе препятствуютъ имъ расплываться.

По различію климата и почвы и отъ неизмѣримыхъ разстояній, бываетъ большое различіе въ цѣнахъ на хлѣбъ и на съѣстные припасы. Въ сѣверной полосѣ и на востокъ, до Якутска, ржаная мука доходитъ до трехъ рублей за пудъ и больше; между тѣмъ какъ въ Иркутскѣ пудъ стòитъ 60 копеекъ, а въ Минусинскѣ и Курганѣ—10 копеекъ. Говядина въ населенныхъ мѣстахъ повсюду дешева; можно купить ее по одной копейкѣ за фунтъ. Сибирская лошадь крестьянская для работы покупается лучшая за 15 рублей, корова—за 6 и за 8 рублей. Изъ этого видно, что матеріальная жизнь тамъ не дорога. Сахаръ, колоніальные и бакалейные товары привозятъ купцы во время ярмарокъ. Фабричная промышленность въ дѣтствѣ; въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ появляются заводы мыловаренные, кожевенные и салотопные. Въ 40 верстахъ отъ Иркутска находится обширная тельминская суконная фабрика, выдѣлывающая порядочныя сукна изъ туземной шерсти. Въ бытность мою въ томъ краю, составилось общество овцеводовъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора Цейдлера, которое изъ Саксоніи пріобрѣло стадо племенныхъ овецъ; оно прибыло благополучно; убыль отъ дальнаго пути замѣнилась приплодомъ во время дороги; но на мѣстѣ стадо постепенно извелось: не климатъ, не кормъ, но, вѣроятно, что недосмотръ былъ тому причиною.

Серьмягу, холстъ, пестрядь и ковры ткутъ въ деревняхъ для собственнаго потребленія. Тюмень продаетъ ковры собственнаго издѣлія. Зимою, при большой столбовой дорогѣ, населеніе имѣетъ довольно заработокъ отъ перевозки чаю, китайскихъ товаровъ, золота и серебра въ Европейскую Россію, а отсюда обратно, преимущественно изъ Ирбити, идетъ значительная кладь до Иркутска. Этотъ городъ изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ занимаетъ первое мѣсто по торговлѣ и по богатству купцовъ, которые, кромѣ того славятся благотворительностью и образованностью: Кузнецовы, Медвѣдниковы, Баснины, Кондинскіе; сыновья ихъ полу-

*

чили окончательное образованіе въ Англіи.—Когда въ Нижнемъ-Новгородѣ мѣстное и сибирское купечество представлялось Николаю I, то въ числѣ иркутскаго замѣтилъ онъ молодого купца во фракѣ и спросилъ его: почему оставилъ онъ народный покрой одежды? Тотъ отвѣтилъ государю, что прадѣдъ его за то, что замѣнилъ кафтанъ сюртукомъ, получилъ медаль и похвальный листъ отъ Петра Великаго и что онъ почелъ своимъ долгомъ слѣдовать этому нововведенію и примѣру дѣда и отца своего родного.—Въ Иркутскѣ—главный складъ товаровъ европейскихъ, китайскихъ и американской компаніи. Купцы прочихъ городовъ, особенно Западной Сибири, имѣютъ въ оборотѣ не собственные капиталы, а закупаютъ, какъ комиссіонеры, на деньги купцовъ казанскихъ, ирбитскихъ.—Съ недавняго времени сильно распространилось добываніе драгоцѣнныхъ металловъ: Уралъ, Алтай, Саянъ и Нерчинскъ богаты ими, и, безъ сомнѣнія, эти горы заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ еще много сокровищъ не открытыхъ. Частные золотопромышленники добываютъ золото еще въ бо́льшемъ количествѣ изъ розсыпей, въ Томской Губерніи, по рѣчкѣ Кундустуюлу, и въ Иркутской Губерніи, по рѣчкѣ Большой Бирюсѣ. Добыванія доведены до общаго свѣдѣнія и правительствомъ, и частными лицами въ журналахъ и газетахъ. Чихачевъ пишетъ о томъ съ знаніемъ дѣла. Въ 1863 году, добыто было на казенныхъ и на частныхъ промыслахъ *шлиховаго* золота въ Восточной Сибири болѣе тысячи пудовъ; въ Западной Сибири—десятая доля означеннаго количества, а въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ—больше трехъ сотъ пудовъ, всего 1459 пудовъ *золота*. *Серебра* выплавлено, въ томъ-же 1863 году, на казенныхъ и частныхъ заводахъ болѣе тысячи пудовъ. *Свинцу* 70,000 пуд. *Мѣди* 286,000 пуд. *Чугуна* 14 милліоновъ пудовъ. *Желѣза кричнаго* и *пудлинговаго* 10 милліон. пуд. *Соли самосадочной* 30 милліон., *каменной* 2 милліон., *выварочной* 8 мил. *Каменнаго угля* 9½ мил. *Петролея* и *нефти* слишкомъ 500,000 пудовъ.

Жалѣю только, что вольные работники и вообще мастеровые, конторщики, прикащики при этихъ заводахъ, какъ я слышалъ, наживая много денегъ, проживаютъ ихъ въ пьянствѣ и въ развратѣ, въ пользу ловкихъ и предпріимчивыхъ маркитантовъ и, не доставляя пользы себѣ, отнимаютъ сильныхъ работниковъ отъ земледѣлія и увеличиваютъ число безполезныхъ и вредныхъ людей.

Картина большой почтовой дороги въ Сибирь представляетъ виды, свойственные странѣ мало населенной: городъ отъ города отстоитъ на 500 верстъ, деревня отъ деревни—на 30 верстъ; за

то горы, лѣса и рѣки въ большихъ размѣрахъ тянутся на сотни верстъ. Жители, коренные русскіе, мало представляютъ разнообразія: тамъ лица, одежда, нарѣчіе не разнствуютъ такъ рѣзко, какъ мы то видимъ въ Европейской Россіи, отъ Петербурга до Одессы, гдѣ почти каждая губернія имѣетъ свой нарядъ, свое произношеніе, свое нарѣчіе. Въ Сибири, самымъ пріятнымъ образомъ поражаетъ насъ опрятность: нетолько столы, скамейки и полы чисто вымыты, но даже стѣны и крыльца моютъ мыломъ; печи всегда выбѣлены. Села и деревни имѣютъ видъ наряднѣе и веселѣе уѣздныхъ городовъ, гдѣ строенія все деревянныя. Губернскіе города походятъ на наши, и нѣсколько улицъ въ нихъ обстроены каменными зданіями въ нѣсколько этажей, имѣютъ красивыя церкви и большія площади. Меньшій изъ губернскихъ городовъ—Красноярскъ, но онъ красивъ мѣстностью при впаденіи Качи въ Енисей, окруженъ съ трехъ сторонъ горами; улицы вымощены природою мелкимъ щебнемъ. Здѣсь увидѣлся я и познакомился съ двумя соизгнанниками, соузниками, которыхъ засталъ въ крайне жалкомъ состояніи.

Семенъ Григорьевичъ Краснокутскій, бывшій обер-прокуроръ сената и родственникъ кн. Кочубея, былъ сосланъ прямо на поселеніе изъ петро-павловской крѣпости въ Якутскъ, оттуда, по просьбѣ родныхъ, переведенъ въ лучшій южный округъ, въ Минусинскъ. Тамъ жилъ съ нимъ вмѣстѣ нашъ С. И. Кривцовъ и видѣлъ его бодрымъ и совершенно здоровымъ; но, чрезъ нѣсколько лѣтъ, почувствовалъ большое разслаблѣніе въ ногахъ, въ колѣнахъ и въ бедрахъ, такъ что не могъ ходить иначе, какъ опираясь подъ руку и на плеча двухъ проводниковъ; ноги его плелись, какъ веревки, и, наконецъ, ноги отнялись совершенно. Тогда перевезли его въ Красноярскъ, гдѣ тщетно лекаря городскіе и деревенскіе, и бухарскіе, и армянскіе, употребляли различныя средства, покупаемыя на вѣсъ золота, но все напрасно. Родные посылали ему денегъ—онѣ были безполезны; родные просили для него позволенія пользоваться сибирскими минеральными водами, въ чемъ было имъ отказано. Я видѣлъ его, когда онъ уже два года не вставалъ съ постели: глаза его, блестящіе и живые, и при томъ цвѣтъ лица его пергаментный показывали живость ума и разрушеніе тѣла. Въ церковь возили его изрѣдка въ особенной для него устроенной тачкѣ, въ коей онъ лежалъ во время литургіи; и въ такомъ положеніи катали его по улицамъ обратно на квартиру, иногда и за городъ, для укрѣпленія его свѣжимъ воздухомъ.—Я долженъ былъ ему разсказывать подробно о друзьяхъ его, оставшихся въ петровской тюрьмѣ; онъ слушалъ съ жадностью, но мнѣ печально и мучительно

было глядѣть на него. Я простился съ нимъ съ тяжелымъ сердцемъ; еще страдалъ онъ два года, не покидая своей постели, былъ переведенъ въ Тобольскъ, гдѣ, въ 1841, смертью избавился отъ мученій. Отъ него пошелъ я къ другому товарищу, который неменьше достоинъ былъ сожалѣнія и участія.

Николай Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ I, служившій въ генеральномъ штабѣ, былъ также сосланъ прямо на поселеніе въ Туруханскъ. Раздраженное воображеніе въ петро-павловской крѣпости, особенно когда слѣдственная комиссія добивалась у него показаній, куда онъ, вмѣстѣ съ Заикинымъ и братомъ П. С. зарылъ «Русскую Правду» Пестеля, раздражилось еще сильнѣе въ дальней ссылкѣ, гдѣ не встрѣтилъ ни брата, ни друга; въ безпрестанной борьбѣ съ самимъ собою, онъ сошелъ съ ума. Тогда перемѣстили его въ красноярскую больницу, гдѣ я навѣстилъ его. У него была особенная комната въ отдѣльномъ флигелѣ, была старательная прислуга, и онъ ни на что̀ не жаловался. Мы были сосѣдями по казематамъ кронверкской куртины петро-павловской крѣпости, но въ Красноярскѣ увидѣлись въ первый разъ. Я передалъ ему вѣсти о родномъ братѣ его, Павлѣ Сергѣевичѣ, съ которымъ я особенно сдружился въ Читѣ и душевно уважалъ и любилъ. Онъ слушалъ съ видимымъ наслажденіемъ и восторгомъ и только изрѣдка прерывалъ мою рѣчь возгласомъ: «За что̀ же моего младшаго и лучшаго брата наказали строже меня?» До слезъ былъ онъ разстроганъ, когда передалъ ему подробно жизнь дѣятельную и духовную этого любимаго брата; но вдругъ, ни къ селу, ни къ городу, сталъ онъ убѣждать меня въ необходимости завоеванія Турціи, и разсказывалъ мнѣ, ка̀къ всего лучше будетъ взять Константинополь. Выслушавъ всѣ стратегическія средства и тактическія мѣры, я долженъ былъ еще выслушать выдуманныя имъ средства противъ холеры. Бѣдный разстроенный разскащикъ понесъ такую чепуху, заговорилъ стихами. Пора было разстаться: онъ — въ восторгѣ отъ своихъ изобрѣтеній, а я—въ глубочайшей скорби отъ его восторга. Чрезъ полгода послѣ того, освободили брата его Павла Сергѣевича и весь IV разрядъ государственныхъ преступниковъ: имъ уменьшенъ былъ срокъ каторжной работы по случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича. Тогда оба брата соединены были въ Тобольскѣ, гдѣ младшій братъ своей любовью и своими трудами берегъ и содержалъ несчастнаго старшаго брата. Павелъ Сергѣевичъ скончался въ Москвѣ въ 1865 году, а ума-лишенный братъ пережилъ его, не вѣритъ смерти брата, и теперь добрѣйшая сестрица его, Марья Сергѣевна, въ Тульской Губерніи, Алексинскаго Уѣзда, въ деревнѣ Ко-

ростино, своими нѣжными попеченіями замѣняетъ ему любимаго брата, котораго онъ слушался, о которомъ ниже упомяну подробнѣе.

Погода почти постоянно благопріятствовала нашему путешествію: дорога была отличная по всей Томской Губерніи, частью отъ природы, отъ грунта земли, частью отъ старанія бывшаго губернатора Токарева. Содержатели станцій, хозяева домовъ, въ которыхъ останавливались ночевать, были исполнены вниманія и гостепріимства. Въ концѣ августа, достигли мы границъ Тобольской Губерніи; повсюду спрашивали меня, скоро ли будетъ новый начальникъ Тобольской Губерніи, А. Н. Муравьевъ, который, въ 1826 году, вмѣстѣ съ нами приговоренъ былъ верховнымъ уголовнымъ судомъ къ каторжной работѣ, но, при конфирмаціи, повелѣно было, безъ лишенія чиновъ, орденовъ и правъ состоянія, сослать его въ Сибирь на жительство. Я упоминалъ о немъ, о его путешествіи въ Якутскъ, о перемѣщеніи въ Верхнеудинскъ, объ исправленіи должности городничаго сперва въ этомъ уѣздномъ городѣ, потомъ въ Иркутскѣ, гдѣ послѣ назначенъ былъ совѣтникомъ губернскаго правленія и, наконецъ, губернаторомъ въ Тобольскъ. Тутъ трудно было ему держаться надолго противъ происковъ цѣлой ватаги недоброжелателей и взяточниковъ, которымъ показалось преступленіемъ, что губернаторъ ничего не беретъ даже съ откупщиковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ борьбы съ интригами и доносами и послѣ совѣстливаго управленія губерніей, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ таврической казенной палаты. Въ концѣ царствованія Николая I, былъ онъ, по собственному желанію, переименованъ въ генералмайоры, а, по воцареніи Александра II, былъ онъ назначенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ, когда созываемы были губернскіе комитеты для улучшенія быта крестьянъ и предварительныхъ мѣръ ихъ освобожденія; здѣсь онъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ, какъ человѣкъ, хорошо приготовившійся къ важному перевороту. Дворянство этой губерніи было во всемъ передовое, по своему самоотверженію и великодушію; губернаторъ, за отличіе, произведенъ былъ въ генерал-лейтенанты, и, когда уже старость и слабое зрѣніе заставили оставить службу, то былъ уволенъ съ званіемъ сенатора и скончался въ Москвѣ въ 1863 году.

Когда пріѣхали въ городъ Тару, мы остановились у почтоваго двора и спросили: гдѣ останавливаются проѣзжающіе? Не желая войти въ почтовую контору, пошелъ прямо къ крыльцу; на лѣстницѣ стоялъ почтмейстеръ въ парадномъ мундирѣ, встрѣтилъ меня съ поклономъ и величалъ меня превосходительнымъ.

Я тотчасъ догадался, за кого онъ меня принимаетъ, и сказалъ, что я—не губернаторъ, а ссыльный, просилъ указать мнѣ отдѣльную комнату, для жены моей съ младенцемъ. — «Сдѣлайте мнѣ честь и остановитесь у меня; въ случаѣ внезапнаго пріѣзда губернатора, есть у меня еще комнаты для него; прошу покорнѣйше: супруга ваша и вы здѣсь отдохнете спокойно». — Онъ ввелъ насъ въ свои пріемныя комнаты и просилъ позволенія представить намъ жену свою. Вошла супруга его, молодая и миловидная, и, послѣ нашихъ привѣтствій, мужъ взялъ ее за руку и, указавъ на жену мою, сказалъ ей прерывающимся голосомъ: «Вотъ, другъ мой, прекрасный и высокій примѣръ, какъ должно исполнять священныя обязанности; я увѣренъ, что ты, въ случаѣ несчастія со мною, будешь подражать этой супругѣ».—Ласковые хозяева угостили насъ, уложили нашего младенца на парадномъ диванѣ и всячески уговаривали насъ остаться у нихъ, по крайней мѣрѣ, сутки; но мы спѣшили и уѣхали черезъ нѣсколько часовъ.—Въ это время, посѣтили насъ неожиданно двое ссыльныхъ, проживавшихъ тогда въ Тарѣ: Флегонтъ Мироновичъ Башмаковъ, знаменитый батарейный командиръ въ отечественную славную войну 1812 года; послѣ заключенія мира, оставался онъ съ батареей во Франціи, въ корпусѣ Воронцова, а, по возвращеніи съ корпусомъ въ Россію, въ 1818 году, имѣлъ несчастіе утратить или проиграть казенную сумму и былъ разжалованъ въ солдаты. Въ 1826 г., по принятому участію въ возстаніи черниговскаго пѣхотнаго полка, былъ онъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе и жилъ въ Тарѣ, въ крайней бѣдности. Ни несчастье, ни старость, ни нужда, не могли согнуть храбраго артилериста; онъ умеръ въ Тобольскѣ въ 1859 году, имѣвъ 90 лѣтъ отроду.

Другой, статскій совѣтникъ Грабе-Горскій, также былъ въ молодости конный артилеристъ въ 1812 году командовалъ конно-артилерійскою ротою № 7 (такъ прежде назывались батареи), былъ обвѣшенъ орденами, имѣлъ и георгіевскій крестъ за храбрость, вышелъ въ отставку послѣ войны съ Наполеономъ, былъ вице-губернаторомъ въ Ставрополѣ и служилъ въ сенатѣ. Декабря 14-го 1825 г., онъ показывался на сенатской площади по среди каре возставшихъ солдатъ въ парадной формѣ, въ шляпѣ съ плюмажемъ. Онъ долго былъ арестованъ въ крѣпости и былъ сосланъ въ Березовъ на жительство, безъ лишенія чиновъ, орденовъ и правъ состоянія; послѣ переведенъ былъ въ Тару, гдѣ климатъ не такъ суровъ, какъ въ Березовѣ, а, послѣ проѣзда моего, былъ перемѣщенъ еще южнѣе, въ Омскъ, гдѣ, послѣ тяжкой болѣзни, скончался 75-ти лѣтъ отроду, 7-го іюля 1849 года.

Вообще, въ личности Осипа Викентьевича Грабе-Горскаго много таинственности; прочтите записки Н. В. Басаргина, напечатанныя въ 1872 году въ историческомъ сборникѣ «Девятнадцатый Вѣкъ», издаваемомъ Петромъ Бартеневымъ.

Вѣжливый и добрый почтмейстеръ, Верещагинъ, проводилъ насъ также ласково, какъ встрѣтилъ; кажется онъ, временно только служилъ въ Сибири для скорѣйшаго повышенія въ чинъ коллежскаго ассесора. — Мы ночевали въ тотъ день въ селеніи у вдовы; къ ней собрались три сестры, также вдовы, всѣ въ черныхъ платьяхъ, въ печали. Я старался заговорить ихъ; жена моя ихъ утѣшала, а нашъ самоваръ и душистый чай немного ихъ разсѣяли. На слѣдующій день, 29-го августа, перемѣнили лошадей въ богатомъ селѣ Рыбинскомъ, гдѣ хозяинъ, крестьянинъ-землепашецъ, имѣлъ просторный домъ, съ хорошею мебелью, съ картинами, съ зеркалами, коврами, какъ случилось мнѣ видѣть только у семейскихъ за Байкаломъ. — Бойкіе кони помчали насъ до слѣдующей станціи чрезвычайно быстро; жена моя привыкла къ такой ѣздѣ, но, по временамъ, ощущала боли, возвращавшіяся періодически чрезъ нѣсколько минутъ. Пріѣхавъ на станцію въ деревню Фирстово, увидѣлъ, что предположенія и расчеты наши не сбылись. Уже закладывали лошадей, торопились доѣхать хоть до Тобольска; но жена моя должна была лечь въ постель; я тотчасъ разослалъ людей за бабкою, и, черезъ часъ Богъ даровалъ намъ сына. Сынъ мой, родившійся на пути, на почтовой станціи, былъ самый спокойный и кроткій младенецъ изъ всѣхъ моихъ дѣтей. Чрезъ семь дней, окрестили новорожденнаго, пригласили священника изъ села Рыбинскаго, а изъ Фирстовой деревни пригласили самаго бѣднаго мужика и самую бѣдную женщину въ воспріемники отъ купели. — Въ девятый день пустились въ дальнѣйшій путь.

Въ Тобольскѣ имѣли спокойную квартиру и пріятный отдыхъ. Утѣшительно было для меня свиданіе съ товарищемъ, В. Н. Лихаревымъ, съ которымъ годъ прожилъ въ читинскомъ острогѣ, откуда онъ поселенъ былъ въ Кондинскомъ монастырѣ и послѣ переведенъ въ Курганъ. Меня навѣстилъ графъ Машинскій, сосланный по польскому тайному обществу въ 1827 году; на другой день я пошолъ къ нему и засталъ у него, изъ сосланныхъ его земляковъ за возстаніе въ 1830 году, князя Романа Сангушко и полковника Крыжановскаго, служившаго съ особеннымъ отличіемъ въ арміи Наполеона I въ Испаніи, подъ начальствомъ извѣстнаго Хлопицкаго. Занимательно было слышать ихъ бесѣду и сужденія. Тутъ опять имѣлъ я доказательство, что, когда встрѣтишь истинно образованнаго поляка, то

онъ вдвое привлекательнѣе всякаго другого, какой бы то ни было національности; о нихъ и объ ихъ участи разскажу ниже. На минуту зашелъ я къ прокурору Криднеру, оказавшему вниманіе женѣ моей, когда она ѣхала ко мнѣ въ Читу чрезъ Тобольскъ; ему было за 80 лѣтъ, но на охотѣ, въ работѣ и на концертѣ со своею скрыпкою, былъ онъ бодрѣе и веселѣе молодежи.

Черезъ три дня, выѣхали изъ Тобольска, повернули съ большой дороги на югъ, а на другой день ночевали въ Ялуторовскѣ; здѣсь я увидѣлся съ двумя читинскими товарищами — съ В. К. Тизенгаузеномъ и съ А. В. Ентальцовымъ. Первый изъ нихъ уже въ 1815 году командовалъ полкомъ во Франціи, въ корпусѣ гр. Воронцова, и былъ между нами старѣйшій по лѣтамъ. Трижды выстраивалъ себѣ домъ и каждый разъ лишался его отъ пожара; но все не унывалъ, изъ остатковъ обгорѣвшихъ стѣнъ опять сколачивалъ домикъ свей, трудился въ саду и въ огородѣ и вполнѣ былъ увѣренъ, что доживетъ до своего освобожденія. Ентальцовъ жилъ въ этомъ городѣ съ женою, жаловался на нездоровье, на скуку, вспоминалъ свою конную батарею и утраченную карьеру.

Въ одинъ день невозможно было доѣхать до Кургана; особенно съ двумя младенцами трудно ѣхать ночью, почему остановились на послѣдней станціи отъ Кургана, въ Бѣлозерскѣ. Содержатель станціи объявилъ мнѣ, что засѣдатель земскаго суда желаетъ меня видѣть. Вошелъ Герасимовъ, который провожалъ, меня за шесть лѣтъ назадъ, изъ Тобольска до Иркутска. Я обрадовался, а онъ снова отрекомендовалъ себя:—«Я—титулярный совѣтникъ и имѣю собственный домъ!»—Эти слова̀ и выраженіе голоса такъ краснорѣчиво высказали самодовольство, что я обнялъ старика и искренно поздравилъ его, пожелавъ ему скорѣе быть коллежскимъ ассесоромъ.—Послѣднюю станцію пришлось нѣсколько верстъ ѣхать по глубокому песку, лѣсомъ, потомъ равниною, на коей, по обѣимъ сторонамъ дороги, вдали видны были большія деревни; наконецъ, увидѣлъ колокольню курганской церкви и Тоболъ, лѣниво текущій въ низкихъ и плоскихъ берегахъ, коегдѣ обнизанныхъ кустарникомъ.

Чувство невыразимой грусти охватило сердце при мысли, что въ этомъ мѣстѣ окончилась жизнь изгнанника—эта будущность останавливала дыханіе при взглядѣ на жену и на малютокъ; все ближе, ближе: вспомнилъ, что увижу товарищей, поселенныхъ прежде меня въ Курганѣ, увидѣлъ рядъ домовъ, и ямщикъ бодро и быстро подъѣхалъ къ дому полиціи.

ПЫРКИНЪ И ЧЕПУРКИНЪ.

(Изъ записокъ провинціальнаго адвоката).

I.

Немятовы и ихъ «большое дѣло» у мирового судьи Пыркина. — «Рѣшительный».—«Земскій ярыга».—Полустанокъ желѣзной дороги и его обитатели. — Средство будить спящихъ станціонныхъ дѣятелей.—Покорнѣйшая просьба заключить просителя въ острогъ.—Легкое столкновеніе поѣздовъ.—Безъ насилія.

— Мы къ вамъ съ поѣзда, прямо изъ Z. и съ большимъ дѣломъ, проговорилъ печальнымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ мой посѣтитель. — Я—Немятовъ, Z—скій гражданинъ и притомъ арендаторъ безобразовскаго имѣнія, вотъ что̀ около безобразовскаго полустанка, можетъ, вы изволите знать!.. А это, вотъ—моя жена-съ! отрекомендовалъ онъ мнѣ свою спутницу.

Заплаканные глаза Немятовой и разстроенныя физіономіи обоихъ супруговъ давали понять, что «большое» дѣло, съ которымъ мои посѣтители пріѣхали ко мнѣ изъ сосѣдняго уѣзднаго города Z., безпокоило ихъ порядкомъ.

— Гражданское у васъ дѣло или уголовное?

— Надо быть, уголовное... У насъ, въ селѣ Безобразовѣ прошелъ слухъ, что жену, вотъ, въ Сибирь... Привелъ Господь въ первый разъ въ жизни подъ судъ попасть...

— Получили вы обвинительный актъ?

— Обвинительный актъ?.. Нѣтъ, не получали!.. Вчера только повѣстку получили и сейчасъ же кинулись въ Z., а оттуда ужь и къ вамъ!

— Ваше дѣло не въ окружномъ судѣ?

— Хуже-съ!.. У мирового! Не откажитесь защищать! Берите, сколько пожелаете!..

— Наши Z—скіе адвокаты ни за какія деньги не берутся! сказала Немятова.

— Да̀, ни за какія деньги не берутся, съ грустію подтвердилъ ея мужъ.

Надо замѣтить, что правила о частныхъ повѣренныхъ, въ то время, къ которому относится мой разсказъ (начало августа 1874 года) были уже введены въ дѣйствіе.

— Что̀ же имъ мѣшаетъ?

— Боятся! Мы—участка мирового Пыркина, а вы, чай знаете, какой онъ «рѣшительный»!.. А наше дѣло какъ есть справедливое отъ начала до конца! прибавилъ Немятовъ.

Это мнѣ понравилось: «рѣшительный»!

Пять лѣтъ тому назадъ, я имѣлъ честь познакомиться съ этимъ «рѣшительнымъ», защищая у него одно пустяшное по своимъ послѣдствіямъ дѣло, принятое мною для веденія съ цѣлію распространенія своей практики и въ Z—скомъ уѣздѣ. — Г-жа Пыркина («отставного штабс-капитана жена», какъ было сказано въ ея жалобѣ) возбудила противъ бывшаго своего временно-обязаннаго крестьянина преслѣдованіе, обвиняя его въ порубкѣ еловыхъ жердей изъ принадлежащей ей рощи. Супруга была обвинительницею, супругъ рѣшалъ дѣло. Обвиняемый, не найдя защитниковъ въ Z., пріѣхалъ за помощью ко мнѣ. Несмотря на предъявленный мною и вполнѣ законный отводъ противъ судьи, не имѣвшаго права разбирать дѣла̀, возбуждаемыя его супругою, г. Пыркинъ постановилъ: «продолжать разсмотрѣніе дѣла» и затѣмъ, тотчасъ же, «на словахъ», впрочемъ, присудилъ обвиняемаго къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца. Подсудимый находился при разбирательствѣ на лицо и, бросившись судьѣ и супругѣ его въ ноги, сталъ умолять ихъ о прощеніи. Судья и супруга смиловались, и дѣло о порубкѣ было окончено мировою сдѣлкою, по которой подсудимый заплатилъ обвинительницѣ «три рубля въ видѣ штрафа за порубку», какъ было сказано въ протоколѣ мирового соглашенія. Разбирательство этого дѣла происходило въ городской камерѣ Пыркина, помѣщавшейся, въ то время, въ одной изъ свободныхъ комнатъ занимаемаго земскою управою зданія, въ присутствіи многочисленной публики изъ городскихъ обывателей, и я хорошо помню, что судья заслужилъ всеобщее одобреніе со стороны послѣднихъ «за свою доброту».

Это было въ первое время по открытіи мировыхъ учрежденій, и я объяснилъ себѣ дѣйствія г. Пыркина «ошибкою, неизбѣжною при всякомъ новомъ дѣлѣ». Съ тѣхъ поръ я видалъ Пыркина только во время засѣданій Z—скаго съѣзда, гдѣ у меня изрѣдка бывали дѣла̀.

— Не откажитесь! Что̀ сто̀итъ, мы вамъ хоть сейчасъ!.. Безъ

защитника намъ никакъ нельзя обойтись! началъ снова Немятовъ, выводя меня изъ размышленій, навѣянныхъ воспоминаніями.

— Сколько назначите, столько и дадимъ! Мы за цѣною не постоимъ! спѣшила прибавить отъ себя его жена.

— Надо правду говорить, продолжалъ мужъ:—Z-скимъ адвокатамъ мы полтораста давали, да они не брали! Двѣсти даже давали, да не брали! — «У другого, говорятъ, мирового за четвертной билетъ можно отстоять ваше дѣло, а у этого ни за какія деньги»!.. Берите двѣсти! Ну, что̀ же, мало?

— Напротивъ, вы даете черезъ чуръ много!

— Что̀ за много! Мы еще прибавимъ! Беритесь!

— Сказать вамъ, возьмусь ли я за ваше дѣло, я могу только тогда, когда найду возможнымъ помочь вамъ, а сущность дѣла вы мнѣ еще и не передавали!

— Нѣтъ, вы прежде возьмите деньги-то! Тогда мнѣ легче будетъ разсказывать! Берите-ка вотъ двѣсти, а это, вотъ, четвертную на расходы!

И Немятовъ подалъ мнѣ десять двадцатипятирублевыхъ.

Это была цѣна, неслыханная «по здѣшнему мѣсту». Ка̀къ ни сильно было искушеніе, однако я настоялъ на томъ, чтобы Немятовъ, прежде, чѣмъ услыхать отъ меня «да̀ или нѣтъ», разсказалъ мнѣ обстоятельства своего дѣла.

— Пустяшное дѣло, а вышло такъ, что хуже не надо и быть! началъ онъ.—Арендуемъ мы, какъ вы теперь уже знаете, это самое безобразовское имѣніе и живемъ сами въ управительскомъ домѣ при селѣ Безобразовѣ, а при ономъ самомъ домѣ, въ отдѣльной пристройкѣ держимъ питейное заведеніе!.. Нельзя же, знаете безъ того—все доходъ!.. Домъ-то стоитъ почти-что на краю села, а въ селѣ волостное правленіе, и въ этомъ самомъ селѣ живетъ Борисъ Осиповъ, бывшій волостной старшина. Недавно его за пьянство смѣнили, новаго назначили! Когда Борисъ старшиною былъ, то всегда бывалъ у насъ, какъ свой человѣкъ, потому что мы съ нимъ хлѣбъ, соль водили, да притомъ почти-что сосѣди, и, бывало, онъ къ намъ раза по два на дню ходилъ!.. Ну, нельзя же, знаете, уваженіе начальству не сдѣлать!.. А тутъ какъ изъ старшинъ-то его высунули, остался онъ земскимъ ярыгой?..

— Ка̀къ такъ ярыгой?

— Это у насъ земскимъ гласнымъ, которые пьянствуютъ, прозвище такое дано!.. Нѣкоторые пьянствуютъ очень, силу восчувствовали: «въ мировые судьи, говорятъ, или въ члены управскіе, всякаго посадить мы можемъ»!.. Какъ высадили его изъ

старшинъ-то, онъ и запилъ пуще прежняго! Сперва, по знакомству безъ денегъ, признаться сказать, изъ кабака-то отпускалось, ну и набралось долгу за нимъ порядкомъ, дальше-больше, дальше-больше! Я и велѣлъ пріостановить ему отпускъ, притомъ же жена его очень просила!.. Ну, какъ я пріостановилъ ему выдачу-то, анъ пріятель и недругомъ сдѣлался! Уѣхалъ я въ поле, у меня жнитво зачинали, вотъ на прошлой недѣлѣ; при домѣ одинъ работникъ остался. Борисъ сунулся въ кабакъ, принесъ поддевку, сталъ просить подъ закладъ ея водки; ну, извѣстно, сидѣлецъ, по моему приказу, ему и не отпусти, а Борисъ-то, осердившись на него, зашелъ къ намъ въ покои, да пьяный-то и жалуется женѣ на сидѣльца, а жена-то моя ему и скажи: «хорошо, говоритъ, сдѣлалъ, что не далъ тебѣ водки, потому что ты, говоритъ, отъ водки-то распухъ весь и на себя не похожъ сталъ»!—Ему слова̀ эти не залюбились; онъ ругаться сталъ; жена стала просить его вонъ уйти, а онъ драться полѣзъ!.. Жена закричала, побѣжала по покоямъ, а онъ за нею, да хорошо, что не догналъ! Дѣти разбѣжались, попрятались кто куда попало!.. Схватилъ онъ палку, и ну колотить ею по чемъ попало! Въ трехъ окнахъ рамы побилъ; зеркало простѣночное большое—въ залѣ у насъ стояло—разбилъ, посуду побилъ, самоваръ помялъ, часы аглицкіе, стѣнные сломалъ, да убытку-то страсть сколько надѣлалъ! Работникъ-то былъ на кухнѣ, а она у насъ въ отдѣльной пристройкѣ. Услышалъ онъ шумъ, да крики-то, сунулся было къ нему, а тотъ его палкой и, какъ видитъ, что одному съ этимъ человѣкомъ не справиться, потому что остервенѣлъ онъ очень, то «вскричалъ народъ». На помогу прибегъ кузнецъ нашъ сельскій, онъ мимо шолъ, а Борисъ ихъ обоихъ опять мятельникомъ отпотчивалъ! Побѣжали они въ волостную контору заявить старшинѣ, да не застали его дома, уѣхалъ по деревнямъ. Что̀ дѣлать? Старшины нѣтъ, надо старосту звать, а и его нѣтъ—тоже куда-то отлучился. Ну и захватили они съ собою весь наличный сельскій чинъ: сотскаго, да десятскаго! Тѣ прибѣгли, а онъ все бунтуетъ, самоваръ доколачиваетъ, около него возится. Ну и поподчивалъ же онъ ихъ мятельникомъ; одначе, они все-таки вчетверомъ-то съ нимъ справились, связали его, да и снесли въ волостную контору, а онъ-то во всю-то дорогу горло деретъ, кричитъ, что его избили! Можетъ быть, его пока связывали-то и тронули какъ, а не то, чтобы били какъ слѣдуетъ! Я у всѣхъ допытывался правды, мнѣ бы ужь сказали!.. Пролежалъ онъ въ конторѣ до слѣдующаго утра, проспался, а теперешній писаришка-то возьми, да и выпусти его безъ всякаго акту! Ну, извѣстно—человѣкъ онъ еще вновѣ, на своемъ

мѣстѣ не осмотрѣлся, и притомъ же боится мирового; а Борисъ-то мировому, который насъ судить-то будетъ, этому самому Пыркину—большой руки пріятель; самъ Борисъ этимъ всегда прежде похвалялся, а теперь такъ и кричитъ: «самого мирового я въ мировые выбиралъ; значитъ, мнѣ мировой всякое уваженіе сдѣлаетъ!» — Присталъ онъ, ему старшина и разсказываетъ, что̀ онъ у меня наработалъ; онъ побоялся, чтобъ ему чего за это не было, да самъ и упредилъ меня къ мировому-то прошеніе подать, подалъ отъ себя, что его избили жестоко-прежестоко!.. Ничего мы этого до вчерашняго дня не знали, а на прошлой недѣлѣ, послѣ этой ужь исторіи, прибѣгаетъ къ намъ Борисова жонка и плачетъ: «слышала, говоритъ, что мой-то у васъ напрокудилъ! Вы ужь простите его, не подавайте на него прошенья, за убытки я вамъ заплачу!»—Мы знаемъ, что она взята изъ богатаго дома, отецъ ея временнымъ купцомъ состоитъ, при многихъ тысячахъ состоитъ, и знаемъ, что у ней тайкомъ отъ мужа водились денежки! А на него—что̀ подавай, что̀ не подавай—все одно, взять съ него было нѐчего, совсѣмъ пропился, еще даже казенныхъ денегъ много потратилъ, поговариваютъ крестьяне! Ну, думаемъ, отчего-жь не взять, коли сама отдаетъ; согласились взять съ нее за убытки семьдесятъ пять рублей! Мало, да что̀ дѣлать, упросила! Одно зеркало этихъ денегъ-то сто̀итъ, а то и дороже! Выдалъ я ей росписку; мало того, въ конторѣ у волостного старшины мы ее засвидѣтельствовали; прикинулась, что, дескать «такъ какъ я неграмотная, то вы неня обмануть можете!» — Ну, покончивши все это дѣло, я и изъ головы его выкинулъ, анъ не тутъ-то было! Вчера подаютъ женѣ повѣстку, а тамъ слышу и работнику, и кузнецу, и сотскому, и десятскому! Всѣ-съ—подсудимые, всѣ—виноватые!.. Теперь и оправдаться нельзя: у насъ и свидѣтелей нѣтъ, всѣ въ виноватые поставлены!.. Вотъ какъ подстроено было дѣльцето! Подавать на Бориса намъ теперь нельзя, потому что я съ большаго ума-то, обрадовавшись, что мнѣ хоть убытку-то будетъ немного, въ роспискѣ-то, что̀ ей далъ, ляпнулъ такъ: «всякую претензію къ Борису Осипову прекращаю!» Я прекратилъ, а онъ завелъ, да и похваляется на селѣ, что «мировой—ему пріятель и что женѣ моей въ здѣшнихъ мѣстахъ больше не жить, потому что за такія, говоритъ, дѣла̀ въ Сибирь уходятъ!.. И чего-чего въ повѣсткахъ-то не нагорожено; чего и не было совсѣмъ—все тамъ есть! Работнику пришла повѣстка безъимянная, мы привезли вамъ ее показать! Вотъ она!

Содержаніе этой повѣстки было слѣдующее:

«Работнику арендатора Безобразовскаго имѣнія, Немятова, по имени и отчеству неизвѣстному!»

«Мировой судья Z—скаго уѣзда III участка вызываетъ васъ въ камеру свою, находящуюся въ сельцѣ Ердиловкѣ, для отвѣта по дѣлу о самоуправствѣ и нанесеніи крестьянину Борису Осипову оскорбленія словами, дѣйствіямъ и побоевъ, на 20-е августа 1874 года къ 10 час. утра.»

«Въ случаѣ неявки будетъ поступлено по всей строгости законовъ».

«Мировой судья Пыркинъ».

Повѣстка эта была не печатная (печатныя повѣстки, въ видахъ, экономіи труда, заведены почти всѣми судьями), а писанная и, хотя по закону, должна была указывать на послѣдствія неявки (оборотная сторона печатныхъ повѣстокъ наполнена извлеченіями изъ суд. уст. о послѣдствіяхъ неявки), но въ этой повѣсткѣ всѣ послѣдствія прикрывались фразой «будетъ поступлено по всей строгости законовъ!»

— И намъ такая же повѣстка, то-есть, не мнѣ, а женѣ, вотъ! Какъ получили мы ее нежданно-негаданно отъ волостного старшины, такъ съ часъ по крайности опомниться не могли!.. Вчера кинулись въ Z., перебывали у всѣхъ тамошнихъ адвокатовъ — никто, какъ есть, никто не брался. — «Не можемъ, говорятъ, у этого мирового защищать, вы какъ-нибудь помиритесь!» А ка̀къ тутъ мириться, когда Борисъ триста рублей на мировую проситъ! Адвокаты мнѣ притомъ и сказали, что Борисова жена, должно быть, по чьему-нибудь наученью со мной помирилась, а оно такъ и есть, потому что старшина, какъ отдавалъ повѣстку, сказывалъ, что Борисъ ему похвалялся, что мы ему теперь ужь ничего не можемъ сдѣлать, дай Богъ здоровья мировому, да его писарю!.. Вотъ вамъ все наше дѣло!.. Получите деньги и прикажите выдать вамъ довѣренность, только ужь, извините, такую, чтобы вы не могли съ нимъ мириться! Если разъ ему поддаться, такъ отъ него житья не будетъ! Онъ затаскаетъ къ мировому!.. Такъ ка̀къ же?

Защищать это дѣло я имѣлъ право на основаніи новыхъ правилъ о повѣренныхъ, въ счетъ трехъ дѣлъ, которыя можно было защищать въ каждомъ мировомъ округѣ безъ взятія установленнаго свидѣтельства. Обстоятельства дѣла были весьма благодарны для защиты Немятовой, и я изъявилъ согласіе на ея защиту. Мужъ и жена разсыпались въ благодарностяхъ; послѣдняя даже заплакала отъ радости.

— Я и забылъ вамъ передать, что по нашему дѣлу вызвано еще четыре свидѣтеля, четыре крестьянина изъ нашего села,

которые видѣли, ка̀къ пьянаго Бориса сотскій, десятскій, работникъ и кузнецъ въ контору связаннаго отнесли!.. Потомъ я слышалъ, что мировой посылалъ Бориса въ городъ къ земскому доктору на свидѣтельство, а что̀ тамъ у нихъ было—не знаю!

Немятовъ немножко хитрилъ и подробности дѣла сообщалъ послѣ изъявленія мною согласія защищать его жену.

Когда Немятова вручила мнѣ довѣренность и стала со мною прощаться (они спѣшили къ вечернему поѣзду), моя новая довѣрительница возбудила вопросъ, весьма для нея существенный:

— Скажите пожалуйста, что̀ мнѣ, по закону, за Бориса можетъ послѣдовать! Когда знаешь, то все-таки какъ-то легче! Нельзя вамъ показать...

Я раскрылъ анисимовское изданіе судебныхъ уставовъ и подъ ст. 142 улож. о нак., предусматривающею самоуправство и насиліе, прочелъ вслухъ нѣсколько кассаціонныхъ рѣшеній. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что «удаленіе силою лица, остающагося, противу воли хозяина, въ квартирѣ его, не можетъ считаться самоуправствомъ, предусмотрѣннымъ въ 142 ст. уст. о нак., ибо это составляетъ лишь мѣру, на которую нельзя отнять права у хозяина, при упорствѣ остающагося лица, къ охраненію его жилища». Въ другомъ говорилось, что ссора, вызванная посѣтителемъ, не обязываетъ непремѣнно хозяина прибѣгнуть къ содѣйствію властей правительственныхъ, а слѣдовательно и приказаніе хозяина о выводѣ посѣтителя, возбудившаго ссору, не составляетъ власти законной своимъ личнымъ произволомъ, т. е. самоуправства». Наконецъ, въ третьемъ было сказано, что: «удаленіе кого-либо изъ своей квартиры, хотя бы даже при этомъ и было употреблено нѣкотораго рода физическое насиліе, не можетъ еще считаться насиліемъ или самоуправствомъ въ юридическомъ смыслѣ, такъ какъ ни отъ какого хозяина квартиры нельзя требовать, чтобы онъ терпѣлъ у себя въ квартирѣ всякаго пришедшаго къ нему, и законъ никого не обязываетъ для удаленія лицъ, присутствующихъ въ его жилищѣ, вопреки ясно выраженному имъ. какъ хозяиномъ, желанію, обращаться къ содѣйствію полицейскихъ или иныхъ законныхъ властей».

— Очень, очень мы рады, что столько закону въ нашу пользу нашлось; только вы ужь постарайтесь, чтобы наше дѣло не было какъ-нибудь смято, да стерто!.. Не забудьте, что разбирательство будетъ послѣ-завтра и что пріѣхать на безобразовскій полустанокъ нужно съ почтовыхъ поѣздомъ, который отходитъ въ двѣнадцать часовъ ночи! Вы, пожалуйста, не опоздайте къ поѣзду! На полустанокъ я вышлю за вами лошадей, а, можетъ

быть, и самъ пріѣду! По близости мѣста, на полустанкѣ-то бываешь чуть ли не каждый день! А утрушкомъ пораньше и къ мировому!..

Настал день разбирательства.

Въ часъ ночи, я былъ уже на безобразовскомъ полустанкѣ. На этихъ полустанкахъ пассажирскіе и почтовые поѣзда останавливаются обыкновенно на минуту, много на двѣ, для того чтобы разъѣхаться съ ожидающими скрещенія съ ними встрѣчными. Полустанокъ былъ выстроенъ на американскій манеръ.

Платформы для пассажировъ не полагалось, и выпрыгивать изъ вагона слѣдовало прямо на полотно дороги. Едва я поспѣлъ выгрузиться, какъ поѣздъ двинулся въ дальнѣйшій путь. У станціоннаго зданія я не только не нашелъ обѣщаннаго мнѣ экипажа, но и не встрѣтилъ ни одной живой души, у которой можно было бы справиться о пути въ Безобразово, еслибы пришлось идти туда пѣшкомъ. Вдали, саженяхъ въ пятидесяти отъ станціи, виднѣлись двѣ человѣческія фигуры, освѣщенныя рефлекторами лампъ локомотива товарнаго поѣзда, стоявшаго на запасномъ пути, у стрѣлки; но идти къ нимъ нужно было по полотну дороги, что̀, въ виду готовившагося къ отправленію на встрѣчу мнѣ этого поѣзда, я счелъ для себя не безопаснымъ, и рѣшился войти въ вокзалъ. Собственно говоря, это былъ не вокзалъ, а большая деревенская изба, въ три окна по фасаду и по окну съ боковъ. Первая комната, куда я вошелъ, была, очевидно, кухней съ большею русскою печью, занимавшею чуть-ли не полкомнаты, а въ тоже время, и спальней для стрѣлочниковъ и сторожей, одинъ изъ которыхъ въ полной амуниціи валялся тутъже на полу около кадки съ «поставленными» хлѣбами, сильный, кисловатый запахъ которыхъ, казалось, спорилъ съ запахомъ смолы, текшей изъ щелей сыраго еловаго лѣса, изъ котораго было выстроено зданіе. Несмотря на растворенныя наружу дверь и окна, температура «воздуха» была банная, потому что единственная для всего вокзала печь, по необходимости, была въ употребленіи и лѣтомъ. Изъ слѣдующей комнаты, налѣво отъ входа, чрезъ полурастворенную дверь врывалась сюда, въ эту кухню, яркая полоса свѣта и освѣщала большую, сложенную изъ кирпичей и не обѣленную печь и кадку съ хлѣбами, покрытую рогожкой и спавшаго и храпѣвшаго «служащаго». Тяжелый товарный поѣздъ прошелъ мимо ходенемъ отъ этого заходившей станціи въ то время, когда я входилъ въ свѣтлую комнату. То была телеграфная. Надпись на дверяхъ въ слѣдующую комнату указывала, что тамъ былъ «кабинетъ начальника станціи».

Въ телеграфной я нашелъ двухъ тоже спящихъ «служащихъ». Одинъ, надо полагать, телеграфистъ спалъ, сидя у телеграфнаго аппарата и уткнувъ голову въ скрещенныя на телеграфномъ столѣ руки. На скамьѣ спалъ, не раздѣваясь, другой служащій. Трехъ минутъ не прошло со времени ухода поѣзда, на которомъ я пріѣхалъ, товарный только что отправился; а между тѣмъ, все служебное населеніе храпѣло во всю мочь, въ особенности телеграфистъ, которому, во время прихода и отхода поѣздовъ, всегда бываетъ вдоволь работы. Ка̀къ ни жаль было тревожить сонъ этихъ «тружениковъ земли», а разбудить кого-нибудь изъ нихъ было необходимо. Я началъ со сторожа, но растревожить его было подвигомъ не по моимъ силамъ. Достаточно будетъ сказать, что я нѣсколько разъ перекатывалъ его съ боку на бокъ, какъ чурбанъ—онъ спалъ въ какомъ угодно положеніи; толчки и пинки тоже не помогли, и, не добившись отъ него ни слова, я принужденъ былъ оставить его въ покоѣ. Считая организацію телеграфиста болѣе чувствительною къ внѣшнимъ вліяніямъ, я осторожно дотронулся до его плеча. Молодой человѣкъ храпѣлъ.

Я потолкалъ его съ меньшею деликатностью, а соня хотя бы пошевельнулся.

Вдругъ мнѣ послышалось, что кто-то скоро-скоро бѣжалъ къ станціи и, не успѣлъ я оглянуться назадъ къ дверямъ, какъ въ эту комнату не вбѣжалъ опрометью, а влетѣлъ начальникъ станціи въ красной фуражкѣ. Теперь-то я узналъ, ка̀къ надо будить спящихъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ: начальникъ станціи насѣлъ на несчастнаго телеграфиста и, схвативши его за плечи, сталъ трясти его съ такою силой, что у бѣдняги замоталась голова и застучала о телеграфный столъ.

— Отправленіе далъ?.. кричалъ начальникъ такъ, что, я думаю, за версту въ округѣ было слышно.

— Ммм... промычалъ телеграфистъ.

— Отправленіе почтовому и товарному далъ?.. Чoooртъ!.. кричалъ тотъ еще пуще.

Телеграфистъ насилу очухался.

— А! Что̀?.. Отправленіе?.. Да̀! Отправленіе!.. Далъ, далъ, далъ!..

У начальника какъ гора съ плечъ свалилась: онъ выпустилъ изъ рукъ соню, который тужь минуту опять захрапѣлъ въ прежней позѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Отпыхавшись, начальникъ отошелъ отъ телеграфнаго стола и тутъ только замѣтилъ меня.

— Вы-ы?.. Что̀ вамъ угодно?

Я назвалъ себя и объяснилъ ему причину своего присутствія здѣсь.

— А-а!.. Очень пріятно познакомиться.—Произошло рукопожатіе.—А за вами пріѣзжали изъ Безобразова, Немятовы работника присылали, да я, винюсь передъ вами, сію минуту отослалъ его обратно, потому что не замѣтилъ, какъ вы сошли съ поѣзда, а у «обера» спросить забылъ, да, признаться сказать, и некогда было!.. Немятовскія лошади очень боятся паровозныхъ свистковъ; поэтому работникъ оставилъ ихъ поодаль отъ станціи у изгороди! Быть можетъ, онъ еще не уѣхалъ! Начальникъ высунулся изъ окна.—Нѣтъ, уѣхалъ! Чу, какъ гремитъ его телега-то! Теперь вамъ придется дойти до Безобразова пѣшкомъ! Обождите у насъ, пока посвѣтлѣетъ: скоро начнетъ свѣтать! Вы, вѣроятно, въ первый разъ здѣсь и дороги въ Безобразово не знаете? Здѣсь недалеко, добредете пѣшкомъ живо! Онъ, вотъ, васъ проводитъ! указалъ начальникъ на спавшаго на скамьѣ.

Я поблагодарилъ.

— Услуга за услугу! Я къ вамъ съ маленькой просьбой! Посовѣтуйте, пожалуйста, что̀ намъ дѣлать! Я не для себя хлопочу, а вотъ для своего товарища! указалъ начальникъ во второй разъ на лежавшаго на скамьѣ.—Прежде онъ былъ моимъ помощникомъ, а теперь уволенъ. Онъ очень желалъ повидаться съ вами и переговорить... Я разбужу его, и онъ самъ разскажетъ вамъ, въ чемъ дѣло!

И начальникъ принялся будить своего товарища.

— Умучился, цѣлый день дрова-то грузивши! замѣтилъ онъ послѣ ряда безполезныхъ попытокъ.

— Грузилъ дрова! Вашъ бывшій помощникъ?

— Да̀-съ! Дрова грузилъ! Пить-ѣсть ему вѣдь тоже, я думаю, надо!.. Нѣтъ, видно его такъ не разбудишь! Нужно ему встряску задать!

Онъ взялъ спавшаго за плечи и задалъ ему такую же встряску, какую только-что передъ тѣмъ задалъ телеграфисту. Способъ будить станціонныхъ дѣятелей и на этотъ разъ оказался дѣйствительнымъ.

Проснувшійся молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ или трехъ, имѣлъ крайне истощенный, болѣзненный видъ. Его истасканный, мѣстами изорванный костюмъ требовалъ усиленнаго ремонта.

Мы познакомились.

— Вы—адвокатъ: помогите мнѣ! Я четвертый мѣсяцъ безъ мѣста.

— Въ томъ вся и бѣда?

— Нѣтъ, вся бѣда въ томъ, что меня до сихъ поръ въ острогъ не сажаютъ! Я приговоренъ окружнымъ судомъ къ заключенію въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца за столкновеніе товарныхъ поѣздовъ. Разбиралось мое дѣло въ апрѣлѣ, а теперь августъ и меня все еще не сажаютъ! Управленіе уволило меня отъ службы и за ту же вину оштрафовало на все причитающееся мнѣ жалованье! Благодаря только начальнику этого полустанка, я живу здѣсь въ дровокладахъ, а то хоть по міру ступай.

— Не подавали-ли вы жалобы?..

— Избави Богъ! перебилъ меня приговоренный. — Къ чему пускать дѣло въ затяжку? Отсидѣть бы поскорѣй, да и опять къ чему нибудь опредѣлиться, опять на какое-нибудь мѣсто поступить, а теперь вѣдь мнѣ и мѣста-то взять нельзя, потому что каждый день такъ все и ожидаешь: вотъ возьмутъ, вотъ возьмутъ! Вы посмотрите на меня, что̀ такое я сталъ! указалъ онъ на себя и свой истасканный костюмъ. — Обносился весь, оборвался около дровъ-то. Срамное дѣло! Подавалъ я въ судъ прошеніе, указалъ на то, что я живу здѣсь на станціи и просилъ, чтобы меня поскорѣй въ тюрьму спровадили, а все нѣтъ, какъ нѣтъ! Съѣздить самому въ судъ—средствъ нѣтъ, идти пѣшкомъ — далеко, да и не могу, потому что обязанъ подпиской о неотлучкѣ! Хотя я въ Z. явился къ исправнику и къ тюремному смотрителю, просилъ, чтобъ меня посадили въ острогъ, а они смѣются, говорятъ: «съ удовольствіемъ исполнили бы мы ваше желаніе, да не получали объ васъ никакихъ бумагъ». Показывалъ я имъ копію съ рѣшенія суда, мнѣ ее выдали послѣ рѣшенія моего дѣла: «это, говорятъ—не то, копія ваша само собой, а наши бумаги объ васъ—сами собой»!—Просилъ я, чтобы меня посадили теперь же, до бумагъ, а потомъ все равно зачли бы, такъ говорятъ, что «этого нельзя сдѣлать!» Такое скверное положеніе!..

— Обратитесь къ прокурору съ просьбою о приведеніи приговора въ исполненіе и приложите копію съ приговора. Прокуроръ разыщетъ причину задержки и исполнитъ ваше желаніе.

— Не начертите-ли вы мнѣ черненькую.

Мнѣ, въ первый разъ въ моей практикѣ, пришлось написать просьбу отъ имени человѣка, который «честь имѣлъ покорнѣйше просить» подвергнуть его тюремному заключенію.

— Серьёзное было столкновеніе?

— Пустяки. Самое обыкновенное: у одного локомотива чуть буфера помяло. Оно тутъ-же на этой ста́нціи и произошло. Вся моя вина въ томъ и была, что я понадѣялся на стрѣлочника и

не посмотрѣлъ, правильно-ли онъ поставилъ стрѣлку, а онъ пустилъ поѣздъ на поѣздъ! Спасибо машинистамъ, они во̀ время замѣтили ошибку, дали контръ-паръ и удержали поѣзда, а то была бы игра. И то кочегару ногу оторвало; онъ попалъ между паровозомъ и тендеромъ... Стрѣлочника судъ призналъ невиновнымъ, да онъ и, въ самомъ дѣлѣ, не виноватъ. У насъ на станціи всего навсего два стрѣлочника, одинъ заболѣлъ, а этотъ за него другія сутки дежурилъ, день и ночь! Нужно съ одного конца станціи стрѣлку поставить, пропустить поѣздъ и бѣжать на другой конецъ къ другой стрѣлкѣ, чтобъ ее поставить! Ка̀къ тутъ не ошибиться, когда эдакъ два дня и двѣ ночи безъ отдыха поработаешь!.. Я признанъ виновнымъ въ томъ, что недоглядѣлъ за стрѣлочникомъ, а ка̀къ мнѣ за всѣмъ за этимъ было досмотрѣть, когда я обязанъ безотлучно находиться при телеграфномъ аппаратѣ, потому что я—помощникъ начальника станціи, исполняю, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обязанности телеграфиста, чередуясь на дежурствѣ при аппаратѣ съ телеграфистомъ, а при поѣздахъ—съ начальникомъ станціи, такъ что я черезъ день долженъ бывалъ поспѣвать и туда, и сюда—и къ поѣздамъ и при аппаратѣ. За то слѣдующій день былъ весь мой... Работы во время дежурства ровно двадцать четыре часа въ сутки, а спать можно развѣ только въ промежутокъ отъ одного поѣзда до другого. И за всю эту музыку какое жалованье-то платятъ! Кто не знаетъ настоящей цифры, тотъ подумаетъ, что и Богъ вѣсть сколько получаемъ, а на повѣрку-то выходитъ, что получаемъ мы сущіе пустяки. Тридцать пять рублей, это—мой окладъ жалованья въ мѣсяцъ. Во-первыхъ, жалованье за прослуженный мѣсяцъ вы получаете во второй половинѣ слѣдующаго мѣсяца, числа эдакъ около двадцатаго, а во-вторыхъ, мѣсяца не проходитъ, чтобы васъ на десять или на пятнадцать рублей не оштрафовали. За всякія самомалѣйшія малости—штрафъ. Донесетъ «оберъ» о чемъ нибудь, что̀ ему не понравится — ну и штрафъ. Нѣтъ того, чтобы разобрать въ чемъ дѣло, а прямо — чуть рапортъ, и знай ужь, что будетъ штрафъ. Кто у насъ тысячи въ годъ получаетъ, съ того требуютъ не цѣлые же сутки работы и на рубль не оштрафуютъ, а того, кто триста, четыреста рублей въ годъ за круглый годъ работы получаетъ, съ того половину жалованья навѣрное вычтутъ на штрафы. И вѣдь нѣтъ того человѣка изъ мелкихъ служащихъ, который получилъ бы полное жалованье хоть за одинъ мѣсяцъ, ужь что̀-нибудь да найдутъ... Вотъ онъ, указалъ бывшій помощникъ на спавшаго телеграфиста:—аккуратно половину жалованья отдаетъ на штрафы. А тотъ, который на мое мѣсто въ помощники поступилъ,

такъ за первыхъ два мѣсяца восемь рублей получилъ: за первый мѣсяцъ три, за второй—пять. Остальное все на штрафы ушло. Сегодня—онъ не дежурный, такъ отсыпается въ кабинетѣ у начальника станціи! Вотъ она какова наша служба то!

Онъ долго говорилъ на ту же тэму, утверждая, что «тамъ» въ правленіи и управленіи есть люди, получающіе тысячи и не оштрафованные ни на грошъ, быть можетъ, потому, что они «ничего не дѣлаютъ», а «здѣсь» за круглый годъ безпрерывнаго труда получаются сотни и изъ нихъ, добрую половину удерживаютъ въ наказаніе за неисправность, происходящую въ большинствѣ случаевъ отъ чрезмѣрнаго истощенія силъ. «И при всемъ этомъ, полная возможность попасть нетолько въ острогъ, а и дальше куда!..» прибавилъ онъ.

Начальникъ станціи во всемъ съ нимъ соглашался и сказалъ въ свою очередь:

— Возьмите въ примѣръ начальниковъ дистанцій! Они получаютъ жалованье не большое, всего тысячи двѣ въ годъ, а проживаютъ пять, потому что количество ихъ «доходовъ» зависитъ: лѣтомъ—отъ ремонта пути и зданій, а зимой—отъ расчистки пути отъ снѣга!.. Снѣгъ у нихъ—самая доходная статья!

Послѣ всего этого разговора мнѣ какъ-то совѣстно стало за себя, за то, что я почти что ни за что̀ получилъ двѣсти рублей, тогда какъ тутъ, передо мною были люди, которые могли получить такую сумму послѣ десятимѣсячныхъ безпрерывныхъ работъ и бодрствованія.

Разсвѣло уже настолько, что можно было отправиться въ путь.

— Хотите я васъ провожу! Кратчайшей дорогой доведу: четверть часа ходу! вызвался осужденный.

— Я на это разсчитывалъ.

Мы отправились.

Дорога шла огороженнымъ и на половину уже убраннымъ полемъ. Мой спутникъ вытащилъ изъ изгороди приличныхъ размѣровъ жердь и взвалилъ ее на плечи «для всякаго случаю, про запасъ», какъ онъ выразился. Какое-то, я не могу себѣ объяснить, безотчетное чувство самохраненія внушило мнѣ послѣдовать его примѣру, хотя мнѣ не совсѣмъ-то удобно было идти съ небольшею елегою въ одной рукѣ и портфёлемъ въ другой.

— Вы-то на что̀? Бросьте, не надо!

— Для всякаго случая, про запасъ! повторилъ я его же слова.

Мы шли рядомъ.

— Меня, что̀-ль, боитесь?

— Нисколько.

— То-то! Не защитилъ бы васъ отъ меня вашъ домъ, еслибы я захотѣлъ съ вами что̀ нибудь сдѣлать, а въ моемъ положеніи человѣкъ «на все» можетъ рѣшиться! проговорилъ онъ какъ-то сквозь зубы, съ особымъ удареніемъ на словахъ «на все». — Иной разъ такая блажь приходитъ въ голову, что такъ вотъ и растерзалъ бы перваго встрѣчнаго.

— А теперь?

— А вы для меня, собственно говоря—развѣ не первый встрѣчный?

Я попробовалъ перемѣнить разговоръ и спросилъ:

— Далеко до Безобразова?

Отвѣта не было. Немного спустя, мой мрачный спутникъ началъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою вслухъ:

— Сквернѣйшее положеніе, когда у человѣка нѣтъ ни гроша денегъ и онъ не можетъ ни откуда законнымъ способомъ ихъ заполучить! Это—какое-то неоффиціальное положеніе.... Деньги придаютъ человѣку много оффиціальности, а безъ нихъ пропащее дѣло! А когда еще, при всемъ томъ, предстоитъ необходимость такому человѣку въ острогъ сѣсть—такъ ужь тутъ... Сѣсть-то еще ничего, а каково выдти-то оттуда̀ въ неоффиціальномъ положеніи.. Попросилъ бы у кого нибудь взаймы, да кто-жь добровольно дастъ?

— Хотите, я дамъ?

— Давайте!

— Съ удовольствіемъ! Но, къ сожалѣнію, дать много я вамъ не могу, рублей десять...

— Больше и не надо!

— Какъ придемъ въ Безобразово, я вамъ отдамъ.

— Нѣтъ, ужь лучше бы здѣсь! Я подержу вашъ портфёль.

Въ знакъ благодарности, онъ даже поцаловалъ меня.

— Да бросьте вы вашъ колъ! Тяжело вѣдь вамъ его нести.

Я бросилъ.

Безобразово было уже въ виду. Неподалеку отъ селенія стоялъ рядъ построекъ. Елка на длинномъ шестѣ, приставленномъ къ одной изъ этихъ построекъ, указывала, что здѣсь былъ кабакъ. Это была резиденція Немятовыхъ.

Саженяхъ во ста отъ построекъ, спутникъ мой остановился.

— Ну, прощайте! То есть, до свиданія! Теперь вы сами дорогу найдете! Мнѣ къ кабаку нельзя близко подходить!

— Притягиваетъ?

— Въ томъ-то и сила!

Мы разс..алась.

У подъѣзда дома Немятовыхъ стоялъ легкій крашеный тарантасикъ, запряженный парой въ пристяжку. «Вѣроятно, онъ приготовленъ для меня», подумалъ я, входя въ домъ.

II.

Выгоды положенія земскаго гласнаго. — Гласный отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. — Въ чемъ заключается «льгота перваго разряда». — «Ссылка въ Сибирь». — Прошлое и настоящее мироваго судьи Пыркина. — Секретарь съѣзда и письмоводитель судьи. — Бивуакъ вызванныхъ къ разбирательству. — Чающіе предстоящаго правосудія.

Немятовы перестали меня ожидать и, увидя меня, очѐнь обрадовались.

Несмотря на раннюю пору, я засталъ хозяевъ уже за чаемъ. За чайнымъ столомъ, кромѣ хозяевъ, сидѣли два незнакомыхъ мнѣ господина: одинъ пожилой, другой молодой, съ которыми Немятовъ меня тотчасъ же и познакомилъ.

— Мои сосѣди-съ! Папенька съ сынкомъ! Господа Ваникины! Засудились съ крестьянами и ѣдутъ къ мировому, а по дорогѣ заѣхали ко мнѣ, по пріятельству, чайку и водочки выкушать... Папенька-то—владѣлецъ полутораста десятинъ и гласный отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, значитъ, съ нимъ тягаться трудно!..

Гласный засмѣялся и показалъ Немятову кулакъ. На столѣ около обоихъ сосѣдей стояла закуска и водка; судя по остававшейся въ графинѣ водкѣ, можно было понять, что оба сосѣда достаточно подкрѣпили свои силы.

Меня усадили за столъ и дали чаю. Отъ водки я отказался на отрѣзъ.

— Пѣшкомъ пришли!.. А мы думали, что вы насъ обманули! въ видѣ любезности произнесла мадамъ Немятова:—деньги вамъ отдали, а росписки не взяли...

— Я насчетъ денегъ — ничего, а подумалъ, что господинъ адвокатъ, просто-на-просто, мироваго забоялся и не поѣхалъ! высказался, смѣясь, Немятовъ. — Сейчасъ вотъ съ ними (онъ кивнулъ на гласнаго) былъ про васъ разговоръ, и мы такъ и порѣшили, что вы мироваго забоялись!

— Что̀ говорить: человѣкъ даже очень «рѣшительный»! сказалъ на это Ваникинъ. — И ѣхать страшно, и не ѣхать нельзя. Вотъ и мы съ сынкомъ плачемъ, да ѣдемъ, преуморительно произнесъ онъ, такъ что Немятова не удержалась отъ смѣха.

— Тебѣ что̀! У тебя тамъ рука, никакихъ адвокатовъ не нужно! со вздохомъ сказалъ Немятовъ.

— Ну какая еще тамъ «рука»!

— Кàкъ же не рука: ты — гласный, а «они» «этакихъ народовъ» уважаютъ! Такую я глупость сдѣлалъ, что прошлые выборы прозѣвалъ!.. Думалъ, безпокойство только себѣ сдѣлаешь, надо въ городъ ѣздить, тратиться тамъ на проживку, а награды за это никакой не получишь, ну и оставилъ безъ вниманія! А статья-то она выходитъ важная!

— Еще бы не важная!

— Попочетнѣй оно было бы!

— Я былъ купцомъ, а теперь сталъ землевладѣльцемъ и гласнымъ! По нынѣшнему времю, оно и хорошо!

— Еще кàкъ хорошо-то!.. Ну ужь, въ предбудущіе выборы я какъ нибудь да вкручусь въ гласные! Во чтò бы ни стало, а добиться надо!.. И признаться сказать, мнѣ крестьяне въ тотъ разъ даже очень предлагали: «мы васъ отъ себя выберемъ», говорили; да, признаться сказать, просто не хотѣлось въ эту канитель путаться, а оно теперь-то кàкъ бы хорошо-то было!

И Немятовъ вздохнулъ: онъ жалѣлъ, что онъ не гласный.— Ужь только бы выбраться мнѣ въ гласные! прибавилъ онъ въ заключеніе.

Въ отношеніи предстоящаго дѣла Немятовъ разсказалъ мнѣ, что подсудимые и свидѣтели часа два тому назадъ какъ пошли пѣшкомъ къ мировому, что они, Немятовы, очень меня ждали и очень-очень испугались, даже побранили меня, когда работникъ привезъ съ полустанка извѣстіе, что я не пріѣхалъ.—«Мы уже рѣшились пустить дѣло на волю Божію, говорилъ онъ: — будь, чтò будетъ! Притомъ же, законы, которые вы намъ прочитали, намъ очень понравились! Вотъ и сосѣдъ насъ поуспокоилъ: говоритъ, заочное рѣшеніе сдѣлаютъ, а потомъ можно просить, чтобы судья опять разобралъ дѣло!.. Ты, гласный, замолвилъ бы за меня, какъ добрый сосѣдъ, словечко у мироваго!

— Вчера я, говорятъ тебѣ, у него былъ насчетъ своего дѣла, да и насчетъ твоего говорилъ, а чтò-жь ты будешь дѣлать! «Кабы для васъ, говоритъ, такъ еще куда бы ни шло, а то онъ—чтò-жь!—«Мы, говоритъ, гласныхъ бережемъ, въ обиду ихъ не даемъ и съ прочими ихъ не сравняемъ, потому что они—не что-нибудь такое, а наши избиратели»! Много онъ пріятнаго такого наговорилъ!—Одно снисхожденіе, говоритъ, сдѣлаю для васъ только, потому что вы просите, это—кàкъ нибудь на миръ свести!

— Ну чтò? какъ-то болѣзненно выговорилъ Немятовъ.

Мадамъ Немятова высказалась съ бòльшею опредѣленностью.

— Трехъ копеекъ нельзя дать, а Борисъ, шутка сказать,

триста рублей проситъ! Повадку ему сдѣлать, такъ онъ каждый день будетъ къ намъ врываться, стекла да зеркала бить, а мы ему каждый день по триста рублей плати! А все ты виноватъ, обратилась она къ мужу:—сдружился съ волостнымъ старшиною, чуть не братья были!.. Вотъ тебѣ и братья!.. Оттого, что онъ—гласный, плати ему триста рублей! Ну добро бы, дѣйствительно, его въ нашемъ домѣ, по моему приказанію, избили, исколотили, а то вѣдь—ничего, а деньги плати!

— Ужь только бы мнѣ выбраться въ гласные, тогда...

Немятовъ повторилъ прежнюю фразу больше для успокоенія своей расходившейся супруги и, не договоривши, налилъ себѣ водки и выпилъ.

— Ну-ка, гласный, выпей!.. О своемъ дѣлѣ ты вѣдь и не горюешь?

— Чего-жь мнѣ горевать!.. Свое дѣло я всегда выиграю!.. Сегодня разборки не будетъ, такъ только вызываютъ!

— А по совѣсти-то, надо бы тебѣ его проиграть!

— Никогда!

— Мнѣ еченстовскіе мужики сказывали, что ихъ дѣло совсѣмъ правое: вѣдь признайся, что обманулъ ты ихъ!

— Смотри, я тебя за такія слова̀ къ тому же мировому стащу!

Немятовъ не унялся. Выпивка развязала ему языкъ.

— Вотъ у него дѣло, обратился онъ ко мнѣ:—проиграть его надо, а онъ твердитъ, что выиграетъ!.. Видите ли, сдалъ онъ одной деревнѣ лугъ за сто рублей, деньги получилъ впередъ и росписку отъ себя выдалъ; потомъ тотъ же лугъ сдалъ другой деревнѣ...

— И совсѣмъ не тотъ! перебилъ гласный.

— Тотъ! Я знаю, вѣдь! Съ другой деревни полтораста получилъ и росписку выдалъ, а вы, дескать, дѣлите себѣ мой лугъ какъ знаете! Ну, деревня на деревню и пошла! Вторая-то деревня, какъ прознала, что попалась на такую штуку, поднялась вся отъ мала до велика на зорькѣ, да за одно утро и отмахала почти что весь лугъ, даже почитай и все сѣно-то сырьемъ перевезли къ себѣ въ деревню, сушили ужь дома по дворамъ! Вотъ первая деревня-то, это—еченстовскіе мужички-то, и подали къ мировому жалобу на гласнаго; ныньче все это дѣло и будетъ разбираться... Еченстовскіе мнѣ и говорятъ: «хотимъ, говорятъ, у хозяина спросить, за что̀ мы ему сто рублей отдали!..» Въ одной роспискѣ, точно, лугъ однимъ именемъ названъ, а въ другой—другимъ, а онъ—все одинъ и тотъ же, потому что еченстовскіе у ильинскихъ мужичковъ спрашивали про межи, и на по-

вѣрку вышло, что содѣдушко-то мой, когда лугъ продавалъ, то всѣхъ покупателей по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ водилъ!.. Ечепстовскіе и ильинскихъ въ свидѣтели и выставили!.. Сынокъ, ты бы папеньку-то удерживалъ! Вѣдь эдакъ, пожалуй, никто съ вами и дѣла имѣть не будетъ!

Сынокъ, молчавшій въ теченіи всего разговора сосѣдей, не отвѣтилъ и теперь ни слова.

— Ай, да сосѣдъ! Чѣмъ бы похвалить меня при чужомъ человѣкѣ, а онъ еще ремизитъ...

— Ярыга ты земскій!.. Ну-ка, выпьемъ, ярыга!

Сосѣди выпили.

— Правая рука родителя во всѣхъ случаяхъ! началъ Ваникинъ, указывая на сына.

— Тоже прожженый! замѣтилъ неугомонный Немятовъ.

— Умница онъ, я имъ очень доволенъ! продолжалъ тотъ, не слушая Немятова. — Всю конторскую часть ведетъ, расчитываетъ...

— И обсчитываетъ! не унимался Немятовъ.

— Вѣроятно, онъ еще подлежитъ? спросилъ я, чтобы дать другое направленіе разговору.

— Какже-съ, подлежитъ, но все равно, что не подлежитъ!

— Это почему?

— Я—у него одинъ! Кромѣ меня у него никого, кромѣ его—у меня никого! Значитъ-съ: «первая льгота-съ!»

— Дà, до тѣхъ поръ, пока вы живы! Въ противномъ случаѣ, онъ, какъ одиночка, подлежитъ безъ льготы! Онъ можетъ получить отсрочку по имущественному положенію, но—льготы имѣть не будетъ! Единственная безпроигрышная льгота, это—льгота по образованію!

Старикъ задумался.

— Значитъ, вся льгота во мнѣ! Надо беречься!

— Папаша, вы бы поменьше водки-то пили! сказалъ заботливый сынъ. Это были первыя словà его во все продолженіе разговора.

— Не пора ли ѣхать? спросилъ я Ваникина. Онъ еще давеча любезно вызвался свезти меня къ мировому и привезти обратно.

— Подождите! Куда вы торопитесь! Еще только седьмой часъ въ началѣ! Ѣхать намъ всего только семнадцать верстъ, я васъ живо докачу, двухъ часовъ не проѣдете, а разборка раньше одиннадцати никогда не начинается! Еще успѣете въ Сибири-то побывать!

— Чтò вы сказали-и?

— Я говорю: въ Сибири-то еще успѣете побывать, не торопитесь!

— Не понимаю васъ!

— Вотъ погодите! Пріѣдете къ мировому, поймете!.. Потѣха это! Вы, нешто, у него ни разу еще не были?

— Лѣтъ пять тому назадъ я у него былъ!

— Ну, тогда онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ! Гораздо потише! И сравнить даже нельзя! А теперь одно слово — «рѣшительный»! Чуть что̀ не по немъ — сейчасъ въ Сибирь безъ разговоровъ! Такъ-таки въ Сибирь! Инова за разбирательство-то разиковъ пять въ Сибирь-то сгоняетъ и сейчасъ же назадъ вернетъ! Ха, ха! Это у него дѣлается скоро! Иной бѣдняга вспотѣетъ, такіе концы задававши, шутка сказать—не близко!.. Ха, ха!

Отецъ съ сыномъ захохотали. Немятова съ сожалѣніемъ, близкимъ къ ужасу, взглянула на меня, не выдержала, ушла въ другую комнату и заплакала.

— Ссылка дѣлается только на словахъ? спросилъ я.

— А хоть и на словахъ! Каково это вытерпѣть вамъ, какъ эдакъ онъ васъ при всей честной публикѣ туда спровадитъ!.. Свое дѣло онъ знаетъ твердо, всѣхъ адвокатовъ отъ себя отвадилъ; не знаю, ка̀къ вы рѣшаетесь къ нему ѣхать!

— Пожалуйста, ты ужь, гласный, не разбивай ихъ: согласились ѣхать—такъ ужь что̀ же!

— Очень горячъ! Коли ошалѣетъ, такъ только держись! Онъ у насъ вторые выборы! Нужно его и на третьи поддержать! Второе трехлѣтіе къ концу подходитъ, а онъ только недавно еще утвержденъ въ должности! Все такъ неутвержоный рѣшалъ дѣла̀! Писалъ про него прокуроръ по начальству — самъ мировой объ этомъ мнѣ говорилъ—что будто онъ оказываетъ вредное вліяніе на правосудіе; ну, будто поэтому его долго не утверждали. Потомъ, не знаю ужь какимъ образомъ, а, все-таки, утвердили! Помню я, ка̀къ выбрали мы его на земскомъ собраніи во второй разъ въ мировые судьи (онъ до насъ, нѐчего сказать, хорошъ былъ), а онъ зналъ, что есть много такихъ, которые имъ недовольны—ну, вотъ онъ послѣ выборовъ и обратился ко всѣмъ гласнымъ въ родѣ какъ будто съ благодарностью: «благодарю, говоритъ, васъ, господа, за честь, которую вы мнѣ сдѣлали, что вновь меня выбрали, я думалъ и самъ, что я не хорошъ для васъ, а вамъ видно лучше меня и не надо!»...

— Лучше не надо! язвительно выговорилъ Немятовъ. — Вы знали, кого выбирали!

— Что̀-жь? Про него дурнаго сказать ничего нельзя! Бало-

ваться только любитъ, такъ онъ и прежде баловался! Вотъ еще третьяго дня дьячка подстрѣлилъ.

— Подстрѣли-илъ! Мы этого еще не слыхали!

— Гдѣ-жь слышать, когда это только-что третьяго дня случилось! Я вчера отъ него отъ самого слышалъ! Охотились они въ лѣсу; народу ихъ много было, и съ ними укрутился приходскій дьячекъ, записной охотникъ! Убить ничего не пришлось; съ досады всѣ перепились. Съ пьяну чего-чего они не выдѣлывали, подъ послѣдокъ стали куковать. Кто лучше? Дьячекъ лучше всѣхъ! «Какая же ты, говоритъ ему мировой:—кукушка, коли ты не на деревѣ сидишь!» Тотъ взобрался на дерево, сидитъ себѣ, да кукуетъ! «Покукуй-ка еще!» Тотъ затянулъ, а мировой схватилъ ружье, да какъ закричитъ: «кукушка, кукушка!», да бацъ!.. Цѣлый зарядъ самой мелкой дроби ему и влѣпилъ! Снизу-то оно ловко было! Дьячекъ такъ кубаремъ и сковырнулся! Смѣхомъ, смѣхомъ, а дѣло-то пошло въ серьёзъ, да дьячекъ на пятидесяти рубляхъ помирился, да чтобъ леченье было на счетъ мироваго!

— Батюшки!.. И все-то сходитъ ему съ рукъ! замѣтила Немятова, пришедшая послушать разсказъ.

— А ка̀къ онъ горничную свою бывшую изъ Петербурга по этапу вызвалъ — знаешь?.. Ну, да это нисколько не смѣшно! А вотъ на счетъ духовнаго завѣщанія, такъ ужь смѣшнѣе этого ничего не можетъ быть!.. Много онъ бѣдъ творилъ еще «до мировыхъ!»... Это было годковъ десять назадъ: притворился онъ больнымъ и пригласилъ къ себѣ городничаго, исправника и стряпчаго письмами, въ которыхъ проситъ ихъ быть свидѣтелями въ духовномъ завѣщаніи, которое онъ, на случай своей смерти, желаетъ совершить. Тѣ хоть и знали, что онъ—штукарь, однако, пріѣхали и видятъ, что человѣкъ лежитъ въ постели — ну, совсѣмъ умирать собрался! Попросилъ онъ у нихъ прощенія за свои прежніе проказы, прослезился даже, потомъ и предлагаетъ имъ подписаться подъ завѣщаніемъ, а оно тутъ же около него на столикѣ лежитъ. Ну, тѣмъ же, вѣдь, не читать, кому что̀ онъ завѣщеваетъ; они и подписались въ томъ, что завѣщаніе это подписано въ ихъ присутствіи завѣщателемъ, находящемся въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Подписались и уѣхали. А, какъ только они уѣхали, онъ сейчасъ съ постели, а завѣщаніе-то это къ губернатору эстафетой и отправь, а въ завѣщаніи онъ заранѣе прописалъ, что къ нему явились: исправникъ, городничій и стряпчій, и всѣ трое признались ему въ разныхъ своихъ грѣшка̀хъ по службѣ, и значитъ такъ вообще! Одинъ говорилъ, я—грабитель, другой—я пьяница, третій — я,

говоритъ, отъ старости изъ ума выжилъ! Къ этому они и подписались, а онъ такъ развелъ свою рукопись, что подписываться-то имъ приходилось на четвертой страницѣ... Губернаторъ возбудилъ дѣло; ему даже за это что-то было!.. А то разъ нужно ему было видѣть городничаго, а тотъ, зная его такой рѣшительный характеръ, сказывался всегда, что его дома нѣтъ. Надоѣло ему ходить. Разъ является онъ къ нему. «Ну, что, дома?» — «Никакъ нѣтъ-съ!» говорилъ лакей.—«Гдѣ-жь онъ?» — «Не могу знать!»—«Пусти-ка меня въ залу!» Потомъ, немного спустя, выходитъ и говоритъ лакею: «я, говоритъ, карточку ему свою оставилъ»... А то еще онъ одну штуку со священникомъ продѣлалъ! И смѣшно, и даже жалко!.. Это тоже было давно! Ѣхалъ онъ изъ своего имѣнія въ городъ въ тарантасѣ на тройкѣ. Выпросился съ нимъ ѣхать его приходскій священникъ, человѣкъ очень почтенный, но любившій немножко хорошенькаго винца испить! Поѣхали. Кучера онъ дорогой ссадилъ, приказалъ назадъ домой идти, а самъ сѣлъ на козлы. Дорогой, со священникомъ они выпили немножко: у него бутылочки двѣ всегда съ собой въ дорогу были... по положенію. Извѣстно, тогда, при крѣпостныхъ, доходы были совсѣмъ другіе и житье было получше! Подъѣзжаютъ къ городу, нужно колокольчикъ подвязать; въ то время эта церемонія соблюдалась строго. «Батюшка, говоритъ онъ попу: — подвяжи-ка, пожалуйста, колоколъ-то; мнѣ впору только лошадей сдерживать!» Священникъ вылѣзъ изъ тарантаса, да никакъ не могъ колокола достать, ростомъ, что ли, малъ былъ — не знаю. «Батька, кричитъ ему Пыркинъ: — ты заходи сзаду, стань на оглоблю, тебѣ ловчѣй будетъ, а то еще лучше—садись на коренника верхомъ... Тотъ и послушайся добраго человѣка, а Пыркину только того и надо было! Какъ ударилъ онъ по всѣмъ по тремъ, у батюшки только волосы по вѣтру развѣваются. И проѣхалъ онъ такъ черезъ весь городъ. Бютюшка сидитъ ни живъ, ни мертвъ, держится за хомутъ! Что страху натерпѣлся: чуть что—сейчасъ подъ экипажъ!.. Сошло съ рукъ, ничего!

— Терпѣла земля такого! со вздохомъ сказала Немятова.

— Теперь, какъ женился, да къ тому же, какъ судьей сталъ, такъ и тѣни нѣтъ противъ прежняго, а все, нѣтъ-нѣтъ, да и выкинетъ что-нибудь... Вѣдь, онъ по душѣ «очень добрый»... Жены сталъ побаиваться... А ужь писаришка у него—и не приведи ты Господи! Такой рвачъ!.. Съ живаго и съ мертваго! На что ужь я, кажется—свой человѣкъ, а и то безъ трёшницы къ нему не показывай носу!..—Онъ бывшій секретарь съѣзда! Предсѣдатель, на что ужь, кажется, добрый человѣкъ, а и то за пьянство его выгналъ! Терпѣлъ, терпѣлъ, да и не вытерпѣлъ!

Изъ-за пустяковъ дѣло вышло! Приходитъ онъ въ съѣздъ пьяный, препьяный и плачетъ. Приходитъ въ съѣздъ и предсѣдатель, а съѣздъ въ его домѣ въ то время помѣщался, и видитъ передъ собой пьяную картину. «Что съ тобой, спрашиваетъ:—за горе приключилось, аль жена нездорова?—Хуже! говоритъ, а самъ обливается горючими слезами.—Аль дѣти больны?—Того, говоритъ, хуже!—Ну, говори, какая у тебя тамъ бѣда стряслась?—Сосѣдъ, говоритъ, собаку мою любимую ободралъ; она у него трехъ куръ погадила!» А секретарь—охотникъ большой руки! Предсѣдатель сперва засмѣялся, а потомъ и дѣлаетъ ему выговоръ: «Что ты все пьешь, всегда пьяный на должность ходишь! пей ты на законномъ основанiи, такъ чтобы тебя никто, кромѣ твоихъ домашнихъ, пьянаго не видѣлъ, и никто тебѣ не могъ бы сказать, что ты—пьяница!» Далъ ему мѣсяцъ на исправленiе, а потомъ приказалъ подать въ отставку. Хотѣлъ онъ адвокатомъ сдѣлаться, да нашъ мировой его себѣ въ письмоводители подобралъ! Теперь онъ сталъ потише водкой зашибать, потому что мировой его крѣпко въ руки взялъ! Теперь у нихъ такое положенiе заведено: чуть писарь проштрафится насчетъ водки, запьетъ—сейчасъ же его, раба божьяго, при отношенiи препровождаютъ съ поваромъ въ волостное правленiе: «предписываю старшинѣ оставить при волостномъ правленiи до вытрезвленiя!» Говорятъ, и бланки заранѣе самимъ письмоводителемъ на себя изготовлены...

— Не опоздать бы вамъ? перебила Немятова.

— Дà, дà! Пора, пора! подтвердилъ ея мужъ.—Ну-ка, гласный, на дорожку! Ну, бери послѣднюю румочку-то!

— Папаша, вамъ вредно!.. остановилъ отца заботливый сынъ.

— Ну, не бойся, не околѣю! Меня еще долбней не убьешь!..

Мы отправились. Ваникинъ-младшiй былъ за кучера. Дорòгою, Ваникинъ, старшiй пустился въ разсужденiя:

— Гласный! говорилъ онъ.—Вотъ-те и гласный! Кàкъ ни чтò, а я—гласный, а ты, вотъ, поди попрыгай, пока ты гласнымъ-то будешь!.. Привилегiя большая!..

— Быть гласнымъ?

— Вотъ увидите сами!

Бòльшую часть дороги мы проѣхали молча, и, уже подъѣзжая къ усадьбѣ мирового судьи, Ваникинъ спросилъ у меня:

— Вы чтò-то присмирѣли! Побаиваетесь?

— Нисколько!

— Ну, дà, нисколько! Теперь правà-то новыя вышли; пожалуй, совсѣмъ васъ до защиты не допуститъ! Я вамъ говорилъ, что всѣ наши адвокаты отъ него отступились—такъ ужь чтò-жь

тутъ еще толковать! Одному перекресту изъ евреевъ только ходу и даетъ, и то по такимъ дѣламъ, которыя самъ ему отрекомендуетъ!.. Ну, притомъ, любитъ, чтобъ ему кланялись! Я васъ предупреждаю: вы больше поклонами, а не то чтобы, какъ у васъ, у всѣхъ адвокатовъ, есть такая замашка: «на основаніи такихъ-то статей». Испортите все дѣло! Онъ терпѣть не можетъ, чтобы его учили!

Было около десяти часовъ утра, когда мы подъѣзжали къ сельцу Пыркину. Теплое, солнечное утро смѣнилось знойнымъ днемъ. Начинало парить. Въ воздухѣ чувствовалась какая-то духота.

— А будетъ сегодня гроза! замѣтилъ Ваникинъ-отецъ.

Еще издалека, за версту, виднѣлась крыша огромнаго господскаго дома, утонувшаго въ зелени окружавшей его рощи; близъ усадьбы располагалась небольшая деревушка Ердиловка, принадлежашая супругѣ мирового судьи.

Остановились мы у изгороди, окружавшей со всѣхъ сторонъ рощу. У этой изгороди стоялъ рядъ крестьянскихъ телегъ. Лошади были выпряжены и поставлены къ телегамъ на кормёжку. Крестьянъ, вызванныхъ къ разбирательству, на мой взглядъ, было болѣе ста человѣкъ. Часть ихъ, «дальные», пріѣхали на лошадяхъ; большинство «явилось къ суду» пѣшкомъ. Тѣ и другіе расположились въ тѣни, образуемой рядомъ старыхъ елей, стоявшихъ по окраинѣ большаго заброшеннаго парка и скрывавшихъ отъ насъ домъ судьи. Кто сидѣлъ, кто лежалъ. Нѣкоторые закусывали хлѣбомъ съ огурцами. Тяжущіеся размѣщались группами и представляли картину, достойную кисти художника.

Пока Ваникины хлопотали около лошадей, я осматривалъ достопримѣчательности судебной усадьбы. Это были «остатки прежняго величія», какъ выразился Ваникинъ. И, дѣйствительно, я всюду видѣлъ передъ собою остатки если не величія, то, все-таки, остатки: остатки когда-то убитыхъ щебнемъ, теперь заросшихъ травою дорожекъ парка, въ который была во время оно превращена часть рощи передъ домомъ, остатки куртинъ съ жалкими остатками кустовъ шиповника и сирени. Неподалеку отъ изгороди начинался небольшой, поросшій зеленью квадратный прудъ, обсаженный по сторонамъ огромными елями; посрединѣ пруда стояли еще остатки свай, когда-то поддерживавшихъ мостикъ для пѣшеходовъ черезъ этотъ прудъ. Теперь, чтобы пройти къ дому, нужно было обойти этотъ прудъ кругомъ. Только старыя тѣнистыя березы и старыя мохнатыя ели дѣлали этотъ паркъ все-таки привлекательнымъ, несмотря на

всю его заброшенность. Черезъ дорогу, противъ окружавшей паркъ изгороди стояли остатки большаго скотнаго двора или, лучше ссазать, остатки каменныхъ столбовъ, на которыхъ когда-то покоилась крыша этого двора. Небольшая часть двора была, впрочемъ, реставрирована; простѣнки между столбовъ забраны новыми бревнами, и крыша мѣстами была покрыта новой соломой.

— Мнѣ надо просмотрѣть дѣло! Пойдемте въ камеру! предложилъ я Ваникину.

— Что̀ вы, что̀ вы!.. Развѣ это можно!.. Насъ позовутъ, когда мы понадобимся!

— Но гдѣ-жь мы будемъ дожидаться? Неужели здѣсь, подъ открытымъ небомъ?

— А то—что̀-жь! Не палатку же намъ съ собой возить!

— Ну, а въ непогоду?

— И въ непогоду здѣсь! Мировому-то, вѣдь, не гостинницу же для насъ выстроить!

— А зимой?

— И зимой здѣсь!—«Земство, говоритъ онъ:—на устройство пріемныхъ покоевъ для тяжущихся никакихъ суммъ намъ не отпускаетъ!»

— Вѣроятно, въ деревнѣ есть трактиръ или кабакъ!

— Воспретимъ, ха, ха, ха! «Меньше, говоритъ, судиться будутъ, если ихъ не очень ублажать-то!»... Зимой онъ разбираетъ дѣла на теплой, жилой половинѣ въ махоничкой комнаткѣ, десять часовыхъ въ ней не помѣстятся!.. Ну, а теперь, лѣтомъ, у него огромная зала!.. Пройдемтесь, посмотримъ, кто здѣсь изъ моихъ противниковъ!

Мнѣ нужно было найти работника Немятовыхъ, и мы съ Ваникинымъ пошли по линіи бивуака, на которомъ расположились тяжущіеся, вызванные къ разбирательству. У Ваникина между крестьянами было много знакомыхъ, и онъ безпрестанно отвѣчалъ на поклоны и здоровался.

— Иванъ Парѳёнычъ! Никакъ ты съ собой аблаката привезъ? крикнулъ Ваникину кто-то изъ большой группы крестьянъ.

Ваникинъ посмотрѣлъ на спрашивавшаго и сухо отвѣчалъ:— На что̀ мнѣ адвокатъ! Я—самъ себѣ адвокатъ!

— Ну, дай Богъ!.. Велики у тебя дѣла̀-то?

— Большія, только что одному въ обхватъ! съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Ваникинъ.

Когда мы поровнялись съ его «противниками», сидѣвшими двумя большими группами, каждая деревня отдѣльно, тѣ, снявъ шапки, поздоровались съ нимъ. Онъ остановился, заговорилъ съ

ними и съ первыхъ-же словъ сталъ упрекать «сосѣдей, заводящихъ кляузы». Обѣ группы сосѣдей заговорили обѣ сразу, и у нихъ съ Ваникинымъ поднялся довольно оживленный споръ. Крестьяне, въ свою очередь, упрекали его въ обманѣ, въ томъ, что онъ «ихъ за ихъ-же простоту обидѣлъ!»

Я прошелъ дальше. Въ другихъ группахъ шли свои разговоры.

— Очень пылокъ у насъ мировой! говорилъ одинъ крестьянинъ другому.—Сейчасъ вотъ, ты коли къ писарю не наровишь, а ему на глаза попадешь, прежде всего, онъ тебя проймѳтъ, потомъ твое прошенье разорветъ, а потомъ, ничего, обойдется, прикажетъ новое написать! Ты больше къ писарю нарови...

— А кàкъ-же сужетъ?

— Сужетъ простой: писарь...

Окончанiе этой фразы я не разслышалъ. Толпа крестьянъ, человѣкъ въ двадцать, остановила меня.

— Господинъ адвокатъ? несмѣло началъ одинъ.—Какъ бы вотъ намъ на счетъ нашихъ дѣловъ!.. Приметъ отъ насъ мировой?..

— Чтò такое?

— Четыре рубля тридцать!

— За чтò?

— Да, вотъ, съ нашей деревни, со всѣхъ домохозяевъ, четыре рубля тридцать лѣсничiй взыскиваетъ за порубленныя въ казенномъ лѣсу жерди. Сами мы казенныя и лѣсъ казенный, только онъ намъ на года разложенъ, а мы, вотъ, нынче по веснѣ прежде времени сотню жордочекъ вывезли, чтобы огороду въ полѣ справить! Лѣсничiй акту составилъ, судъ къ мировому его переслалъ! Хотимъ мы безъ канители отдать эти деньги, а не знаемъ—можно ли! Кто говоритъ—можно, а кто говоритъ—нельзя! Явились мы всѣ домохозяева, потому повѣстка на всю деревню была выдана! Хоть рабочая пора, да чтò-жь будешь дѣлать! Ну, мы и боимся, кàкъ бы хуже чего не было за признанiе! Можетъ тогда выдетъ такцiя не малая... Кàкъ бы всей деревней не угодить куда! Очень пугаютъ насъ вотъ здѣсь нѣкоторые; говорятъ, что лучше дождаться, на чемъ осудитъ мировой, а въ повѣсткѣ сказано весь сужетъ на четыре рубля тридцать!

— Вы не отвергали, при составленiи акта, что вы порубили жерди?

— Ту-жь минуту признались!

— Такъ уплатите!

— А чтò, можно будетъ къ письмоводителю неравно впередъ

какъ съ этимъ дѣломъ подойти? Деньги уплатить и фитанцу получить! Намъ къ мировому то не очень!..

— Не могу ничего вамъ сказать про здѣшніе порядки! Я полагаю, что, во всякомъ случаѣ, деньги принять отъ васъ долженъ мировой!

— Говорятъ нѣкоторые, что писарь больше этимъ занимается! Не бось, онъ тоже что̀ себѣ за хлопоты возьметъ, писарь-то?

— Едва-ли!

— Не проканителилъ-бы онъ насъ полдня лишнихъ, если ему ничего не дашь! мы и на его долю собрали...

Слѣдующая група состояла исключительно изъ бабъ. Разговоръ здѣсь велся болѣе громко и касался постороннихъ предстоящему разбирательству предметовъ. Одна баба съ большимъ оживленіемъ что̀-то разсказывала.

— ..... и повѣсилась! закончила она.

Слушательницы заахали.

— Молодая?

— Молодая!

— Мужъ-то, не бось, горюетъ?

— Чего горюетъ!.. Очень ужь она мягка была! Доброты и пропасть!.. Ну, просто, не жалѣючи себя!.. Мужу, нѐшто, это по сердцу:.. Роднула это она разо̀къ безъ него! Бить не сталъ, а словами донималъ при всякомъ разѣ!.. Ну, и не стерпѣла!..

Въ послѣдней групѣ, состоявшей изъ пожилыхъ крестьянъ и бабъ, шла критическая оцѣнка дѣятельности судебныхъ властей.

— Нынче законъ самихъ судей одолѣваетъ! говорилъ одинъ.

— Нашего не одолѣетъ! Ты ему слово не по немъ скажи, онъ тебя въ Сибирь, а то такъ и дальше куда!

— Это вашъ-то! А нашъ мировой—«смирнякъ», какъ есть смирнякъ!.. Измучаетъ, не судёвши!.. По одному дѣлу меня больше пятнадцати разовъ вызывалъ! Три года дѣло ведется и посичасъ не кончилось!

— А у насъ, выходитъ, лучше всѣхъ мировой-то! объявилъ третій.

— У васъ кто?.. Ка̀къ его?

— Занимательный! Его мужики такъ про межь себя прозвали!

— Дѣла̀ хорошо рѣшаетъ?.. Дѣлами, что̀-ли, занятенъ?

— Не то чтобъ дѣлами, а больше деньгами!.. Какъ узнаетъ, что мужикъ богатый пришолъ къ нему судиться, сейчасъ зазоветъ онъ его къ себѣ въ покои, да и пристанетъ: «дай ему денегъ взаймы!»—Ну, ка̀къ отказать, когда подъ вексель проситъ! Нельзя! Ну, и даютъ!.. За это его и прозвали: «занимательный»!

Послѣ нѣкотораго молчанія, говорившій началъ снова:

— А вчера я, братецъ ты мой, новаго слѣдователя возилъ! И что̀-жь это за оторва, прости ты, Господи!.. Ругатель, братецъ ты мой, такой, что ни одному мужику съ нимъ не сговорить! Ѣздить любитъ онъ шибко, чуть я своихъ лошадей не загналъ! Вотъ другого участку слѣдователь—такъ ужь человѣкъ! Людей такихъ мало!

— Мнѣ тоже на прошлой недѣлѣ вышелъ чередъ вести: возилъ я становаго и доктора уѣзднаго, пьянаго-распьянаго, на слѣдствіе по мертвому человѣку! Что̀ ни слово—то въ зубы, что̀ ни слово—то въ зубы! Я ужь больше молчалъ!.. И что̀-жь это значитъ: народъ, надо быть, ученый, а винище хлещутъ хуже нашего брата мужика?

— Вы будете за Немятовыхъ, господинъ? послышалось позади меня.

Работникъ Немятовыхъ самъ подошелъ ко мнѣ и объявилъ, что Борисъ Осиповъ пріѣхалъ уже давно и «пошелъ къ мировому на кухню». Свидѣтели и подсудимые пришли тоже давно.

— Безъ васъ очень боязно намъ было!.. А какъ увидали мы, что вы пріѣхали, такъ немножко отлегло!.. Будетъ что̀ намъ?.. Только-бы не Сибирь!..

— Сибири-то, пожалуй, не будетъ!

— А коли не Сибирь, то и слава тѣ, Господи!

III.

Усадьба Пыркина.—Камера для разбирательства.—Выходъ судьи.—Его костюмъ.—Разбирательство нашего дѣла.—«Въ Сибирь и на десять дней подъ арестъ».—«Мелкія звѣзды».—Допросъ свидѣтелей.—Провозглашеніе резолюціи и новый допросъ свидѣтелей.—Неудовольствіе на неудовольствіе.

Было около одиннадцати часовъ, когда маленькая грязная дѣвчонка (родители отдали въ услуженіе «изъ-за корму и одёжи») прибѣжала къ намъ за изгородь и, картавя, объявила, что «баинъ пгиказагъ идтить».

Большой гурьбой отправились всѣ мы къ дому; крестьяне съ непокрытыми головами шли впереди, а мы съ Ваникинымъ составляли арьергардъ. Сынъ его остался около лошадей.

Изъ за зелени показался большой деревянный двух-этажный домъ. Когда-то, впрочемъ, это былъ домъ; теперь это былъ его жалкій остовъ. Съ перваго-же взгляда можно было замѣтить, что только одна небольшая часть нижняго этажа дома была жилою; остальная, заброшенная, стояла съ выбитыми стеклами въ полусгнившихъ рамахъ.—«Съ самаго освобожденія ни одного

гвоздика не вбито!» замѣтилъ Ваникинъ, указывая на зданіе, носившее такіе явные слѣды всесокрушающаго времени: все запущено, все поразвалилось; половина построекъ разобрана на дрова, да и то правду сказать—изъ какихъ доходовъ все это справлять!..

Стѣны дома, выкрашенныя когда-то желтой клеевой краской, вылиняли, стали сѣдыми; слѣды окраски сохранились только кое-гдѣ подъ карнизами. Крыльцо въ жилую половину отъѣхало отъ стѣны и ежеминутно грозило паденіемъ, а, если и держалось, то благодаря тому, что было подперто бревномъ. Прежде это крыльцо было «заднимъ», потому-что вело на кухню; теперь оно стало и «парадным», такъ какъ войти въ домъ можно было только черезъ кухню. Другое крыльцо совсѣмъ развалилось.

Площадка передъ домомъ вся заросла травою.—«Судящимися протоптана!» указалъ мнѣ Ваникинъ на дорожку, ведущую отъ мѣста бивуака тяжущихся къ дому.—А это, вотъ, для тѣхъ, кто имѣетъ право къ мировому прямо въ экипажѣ подъѣзжать! указывалъ онъ на другую болѣе широкую дорогу, ведущую къ парадному въѣзду за изгородь, снабженному воротцами.—Сарай и конюшня стояли за изгородью съ этой стороны.

Ваникинъ, хорошо знакомый съ расположеніемъ дома, пошелъ впередъ. На кухнѣ, поваръ, занятый приготовленіемъ обѣда, вертѣлся около плиты и пустилъ въ насъ добродушное замѣчаніе: «Ишь васъ сколько сегодня, чертей, привалило!»—Изъ кухни мы прошли въ корридоръ, заваленный всякимъ хламомъ; поломанные стулья, кресла, диваны и столы грудами были свалены вдоль одной его стѣны; какіе-то ящики, сундуки, сажени три березовыхъ дровъ и половыя доски, положенныя по другую сторону на столько съуживали проходъ, что намъ приходилось пробираться гуськомъ. Какъ оказалось, доски принадлежали слѣдующей комнатѣ, полъ которой былъ разобранъ, и для прохода черезъ нее была оставлена дорожка изъ досокъ, положенныхъ на переводы, въ родѣ кладей, устроивамыхъ крестьянами для перехода черезъ рѣку.

— Другой годъ собирается полъ постлать!.. Осторожнѣй по этимъ доскамъ! Ка̀къ бы намъ не сковырнуться! сказалъ въ полголоса Ваникинъ.—Половина пола прогнила, другую половину отъ конфуза самъ велѣлъ собрать, а новый настлать все еще собирается.

Мы благополучно достигли залы судебныхъ засѣданій.

Эффектна была представившаяся глазамъ моимъ картина: съ перваго взгляда мнѣ показалось, что вся зала была уставлена разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ колоннами, а по бо-

лѣе внимательномъ разглядываніи, колонны эти превратились въ бревна, которыми подпирались въ ненадежныхъ мѣстахъ балки и накатъ потолка и которыя были обѣлены размытой дождемъ штукатуркой. Отъ послѣдней не оставалось на потолкѣ почти и слѣдовъ. «Ишь ты, отмякла отъ мокроты-то!» сказалъ кто-то изъ крестьянъ, глядя на потолокъ. Паркетный полъ тоже отмякъ, во многихъ мѣстахъ покоробился, во многихъ мѣстахъ его недоставало, и пустые квадраты его были наполнены кусками штукатурки, смѣшанной съ пылью. При такихъ обстоятельствахъ, вымести полъ было бы тщетной и безполезной попыткой, и прислуга судьи, вѣроятно, хорошо понимала это, потому что нельзя было даже приблизительно опредѣлить, сколько лѣтъ тому назадъ полъ этотъ былъ въ послѣдній разъ выметенъ. Стѣны зала были покрыты когда-то бѣлыми «муаровыми» обоями, теперь пожелтѣвшими, мѣстами почернѣвшими, мѣстами отставшими отъ стѣнъ. Какъ единственное и драгоцѣнное украшеніе залы, висѣли на стѣнахъ ея фамильные портреты въ рамкахъ, когда-то бывшихъ золотыми.

И при этомъ—полное отсутствіе мебели, если не считать судейскаго, покрытаго, какъ водится, зеленымъ сукномъ стола, стоявшаго не по серединѣ залы, а ближе къ одному изъ болѣе сохранившихся угловъ ея, и пары стульевъ около этого стола, одного—противъ средины стола, очевидно предназначеннаго для судьи, другого—сбоку, для письмоводителя. Если прибавить, что зала была очень велика и, несмотря на присутствіе колоннъ, очень свѣтла, то описаніе судебной камеры будетъ полное.

Крестьяне заняли мѣста вдоль стѣнъ, близь входныхъ въ залу дверей, а я, вмѣстѣ съ Ваникинымъ, усѣлся на одномъ изъ подоконниковъ, такъ какъ это было, за исключеніемъ пола, единственное мѣсто, на которомъ могла усѣсться публика. Крестьяне сперва было постояли въ ожиданіи судьи или, по крайней мѣрѣ, его письмоводителя; потомъ одинъ за однимъ разсѣлись на полу по турецки.—«Въ ногахъ правды, вѣдь, нѣтъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ, усаживаясь.

Добрая четверть часа прошла въ ожиданіи. Работникъ Немятовыхъ показалъ мнѣ Бориса Осипова. Это былъ высокій, ражій мужикъ, лѣтъ пятидесяти, съ физіономіей, опухшей отъ пьянства.

Наконецъ, изъ боковой двери, ведущей, какъ надо было полагать въ жилые аппартаменты судьи, вышелъ письмоводитель, сухощавый, сутуловатый человѣкъ средняго роста, одѣтый въ бѣлый парусинный костюмъ сомнительной чистоты. Крестьяне, при его выходѣ, поднялись-было съ пола, но вскорѣ усѣлись опять.

— Кто съ прошеньями, подходите!

Одинъ крестьянинъ подалъ бумагу, и письмоводитель приказалъ ему повидаться черезъ три дня. Другой, изъ числа вносившихъ штрафъ за порубку ста жердей, подалъ ему деньги.

— Кондрамарочку пожалуйте! Деньги, считай не считай, всѣ тутъ съ залишечкой! прибавилъ онъ въ полголоса.

— Дожидайся; сейчасъ постановленье напишу, а потомъ и квитанцію тебѣ выдамъ!

Подаватель отошелъ въ сторону. Письмоводитель поздоровался съ Ваникинымъ и объявилъ ему, что онъ «положилъ его дѣло сверху».

— Вы—по дѣлу? обратился онъ ко мнѣ.

Я сказалъ.

— Защищаете Немятову! Ну, не знаю, что̀ у васъ выйдетъ!..

«Взглянуть на дѣло» онъ мнѣ не далъ, говоря, что «это зависитъ отъ судьи», и усѣлся на свое мѣсто у присутственнаго стола.

Тяжелые шлепающіе шаги, раздавшіеся изъ-за дверей, изъ которыхъ вышелъ письмоводитель, глухимъ эхомъ пронеслись по пустой залѣ.

— Самъ идетъ! сказалъ вполголоса Ваникинъ.

Дѣйствительно, это былъ самъ. Дверь отворилась, вышелъ судья, и крестьяне съ шумомъ поднялись съ пола.

Костюмъ судьи былъ простъ и не безъ оригинальности: синей китайки блуза, той же матеріи широчайшія, но, къ сожалѣнію, очень короткія шаровары, и старыя, стоптанныя, такъ тяжело шлепавшія калоши, надѣтыя «на босу ногу». Блуза стягивалась у таліи широкимъ кожаннымъ поясомъ; по случаю лѣтняго времени, воротъ ея былъ растегнутъ и позволялъ, кому было угодно, видѣть волосатую мохнатую грудь.

Судья вышелъ въ залу, готовый къ отправленію правосудія. съ судейскимъ знакомъ сверхъ блузы. Обыденная физіономія его, человѣка лѣтъ пятидесяти, выглядѣла даже очень добродушно, и, съ перваго взгляда, казалось, трудно было себѣ представить, что обладателя ея такъ всѣ боялись.

Отвѣтивъ на поклоны крестьянъ, онъ пожалъ руку Ваникину, сказавши ему при этомъ: «ваше дѣло мы живо откатаемъ. первенькимъ!» и, протянувши и мнѣ руку, любезно, даже можно сказать, очень любезно, заговорилъ со мной.

— Давненько-таки, очень давненько не видѣлъ васъ въ нашихъ палестинахъ! Ну, ка̀къ вы поживаете?.. Немятову защищать пріѣхали, я ужь догадался!.. Очень радъ! Извольте, из-

вольте!.. Въ счетъ трехъ разиковъ! Допускаю васъ, допускаю! Дадите намъ легонькую подписочку и можете!.. Вѣроятно, впрочемъ, вы не доведете до разбирательства и покончите дѣло миромъ!.. Бориса Осипова мы кàкъ-нибудь уломаемъ: ему только бы съ Немятовой кончить, а остальныхъ онъ и такъ проститъ!.. Борисъ Осиповъ, ну, подходи сюда, говори, сколько ты просишь? обратился судья къ обвинителю, не давъ мнѣ времени, чтобы чтò-нибудь ему отвѣтить.

Борисъ Осиповъ выступилъ изъ толпы крестьянъ и смиреннымъ тономъ обиженнаго объявилъ: «пускай мнѣ отдадутъ за мои побои триста рублей! копейки меньше не возьму!»

— Я не уполномоченъ на заключеніе миромъ! поспѣшилъ я прекратить эту торговлю.

Брови судьи сжались-было, но тотчасъ же приняли прежній видъ, зато голосъ значительно измѣнился—огрубѣлъ. Любезности не осталось и слѣда.

— Ну, кàкъ знаете! Была бы честь приложена.. На меня не пеняйте потомъ! Запишите, что «мировой не состоялось»! крикнулъ онъ письмоводителю.—Всѣ явились?

— Всѣ-съ! отвѣтилъ тотъ на-авось; я не замѣтилъ, чтобы онъ провѣрялъ явившихся.

Судья сѣлъ на свое мѣсто.

— Иванъ Парѳёнычъ, я сперва ваши!.. Ну, подходите сюда, вы, кàкъ васъ тамъ, крестьяне деревень Еченстовой и Ильиной! Иванъ Парѳёнычъ Ваникинъ! выкликалъ судья.—Вы уполномоченные, чтò ли? обратился онъ къ крестьянамъ, подходившимъ къ его столу.

— Сами своимъ лицомъ всѣ здѣсь! отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Объявляю вамъ, что по дѣлу вашему съ г. Ваникинымъ я назначаю мѣстный осмотръ! Признаю̀ это необходимымъ! провозгласилъ судья.—Когда у насъ свободный день? спросилъ онъ у письмоводителя и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—на будущей недѣлѣ, въ пятницу! Занесите въ протоколъ, что обѣимъ сторонамъ о днѣ осмотра объявлено лично, въ публичномъ засѣданіи! Ну-съ, въ пятницу вы явитесь на мѣсто покоса безъ повѣстокъ, а теперь можете идти!

— Только затѣмъ и зваты? А когда-жь разборка-то? спросилъ кто-то изъ толпы крестьянъ.

— Кто-то тамъ захотѣлъ, чтобы я оштрафовалъ его на три рубля! прикрикнулъ строгимъ голосомъ судья, и, послѣ нѣкотораго молчанія, когда желавшаго быть оштрафованнымъ не нашлось, онъ прибавилъ:—Ну, грядите съ миромъ во свояси!

Судья, очевидно, не любилъ слишкомъ затягивать дѣла̀: слово, два, три—и резолюція готова. Крестьяне обѣихъ названныхъ мною деревень очистили залу засѣданія, а Ваникинъ, интересуясь исходомъ дѣла Немятовой, сказалъ мнѣ, что онъ «рѣшился дождаться конца».

— Какое слѣдующее дѣло?

— О порубкѣ изъ казеннаго лѣса крестьянами деревни Салминой на сумму четыре рубля тридцать копеекъ, доложилъ письмоводитель.

— Обвиняемые! Гдѣ-жь обвиняемые?

Въ толпѣ крестьянъ пошла суета; человѣкъ съ двадцать приблизились къ судейскому столу. Письмоводитель, между тѣмъ, всталъ и произнесъ болѣе или менѣе торжественно: «имѣю честь доложить г. судьѣ, что обвиняемые, признавши себя виновными въ порубкѣ лѣса, сегодня внесли мнѣ требуемый съ нихъ штрафъ, четыре рубля тридцать копеекъ, о чемъ и составленъ протоколъ!»

— Ну, и отлично! Вы уплатили? спросилъ у крестьянъ судья.

— Уплатили! Намъ бы кондрамарочку... заикнулся одинъ изъ обвиняемыхъ.

— Все равно! Прекращаю ваше дѣло! Вы составили объ этомъ протоколъ?

— Все вмѣстѣ-съ! отвѣчалъ писарь:—и объ уплатѣ, и о прекращеніи!

— Грядите съ миромъ во свояси!.. Слѣдующее дѣло!

— Бориса Осипова! громкимъ шепотомъ объявилъ письмоводитель. Стопка дѣлъ лежала передъ нимъ, и онъ откладывалъ разрѣшенныя въ сторону.

— Ну, кто тамъ по дѣлу Бориса Осипова? выходите сюда всѣ, свидѣтели, обвиняемые!

Передъ судьей выступило человѣкъ восемь крестьянъ и, между ними, сотскій съ бляхой.

— Свидѣтели, станьте въ сторону направо, а подсудимые — налѣво!

По пріемамъ судьи замѣтно было, что онъ намѣревался заняться этимъ дѣломъ съ большою подробностью и должнымъ вниманіемъ.

Четверо крестьянъ стали направо. Къ нимъ тотчасъ же присоединился и сотскій. Работникъ Немятовой, кузнецъ и десятскій, въ качествѣ подсудимыхъ, заняли мѣсто налѣво и, рядомъ съ ними, у окна, я, какъ защитникъ подсудимой Немятовой. Обвинитель Борисъ Осиповъ сталъ поодаль. На подоконникѣ,

около меня, усѣлся, въ качествѣ зрителя, Ваникинъ, шепнувъ мнѣ: «не робѣйте, а главное, будьте съ почтеніемъ!»

— Это что̀ такое? Развѣ ты свидѣтель? строго спросилъ у сотскаго судья.

— Свидѣтель!

— Какой ты свидѣтель! Ты—подсудимый! Становись налѣво!.. Ты билъ?

— Разковъ пятокъ, а то и побольше мнѣ отъ него попало! указалъ онъ на Осипова.—Я его за безпокойство въ волостную контору приставилъ! Мы не то, что для буянства, а для порядку призваны были! Ну, я связалъ, да въ волостную контору и приставилъ, потому онъ очень шибко дрался!

— И ты это правду говоришь?

— Давай хоть присягну!

— Нѣтъ тебѣ присяги! Ты—не свидѣтель! Становись налѣво! Ну, живо!

Сотскій перешелъ на нашу сторону. Судья нагнулся къ письмоводителю и заглянулъ въ дѣло.

— Кто тамъ еще? Кузнецъ! Кто изъ васъ кузнецъ?

— Я-съ! какъ-то добродушно-мягко отвѣтилъ кузнецъ, маленькій, коряненькій мужиченко, лѣтъ пятидесяти, очень бѣдно одѣтый.

— Ты?

Тонъ, которымъ это было сказано, предвѣщалъ недоброе. Кузнецъ не отвѣчалъ. Въ залѣ стало какъ-то темнѣе, сумрачнѣе. Я взглянулъ въ окно: нашла тучка; недаромъ такъ сильно па̀рило утромъ.

— Ты-ы?

Всѣ присмирѣли. Раздались глухіе раскаты грома. Что̀-то зашумѣло у насъ надъ головами: это—сильный дождь застучалъ о крышу.

— Эй, вы тамъ, кто у стѣнки, придвиньтесь сюда поближе—не то васъ тамъ зальетъ! крикнулъ судья «публикѣ», помѣщавшейся у стѣнки, около входа.

Когда публика размѣстилась подъ болѣе прочнымъ мѣстомъ потолка и въ залѣ снова все стихло, то тишина эта нарушалась лишь потоками воды, текшей ручьями въ залу черезъ худую крышу и потолокъ.

Судья возобновилъ разбирательство.

— Кузнецъ? спросилъ онъ у кузнеца съ удвоенною строгостью.

— Кузнецъ, смиренно отвѣтилъ подсудимый.

— Кузнецъ? спросилъ опять судья.

Кузнецъ молчалъ.

Судья вспылилъ.

— Бывшаго своего старшину бить! Да эдакъ ты и меня, когда я не буду судьей, тоже ни во что̀ ставить будешь, а?.. Въ Сибирь вашего брата! Пишите его въ Сибирь! кричалъ судья письмоводителю. Тотъ кивнулъ, въ знакъ согласія, головою и, не сморгнувъ глазомъ, взялся за перо. «Охъ, Господи-ты, Боже мой!» со вздохомъ сказалъ кто-то въ толпѣ, а Ваникинъ сзади шепнулъ мнѣ: «разбирательство-то настоящее—вотъ оно, только еще начинается».

— Господинъ судья, помилосердуйте, взмолился кузнецъ, бросаясь на колѣни.—Не бить, а вязать помогалъ я его пьянаго! Онъ насъ палкой вдарилъ!..

— Знаю я васъ, помогателей! Всѣ вы Успенской Волости — негодяи. Та̀къ и пишите его: въ Сибирь! рѣшительнымъ, не допускавшимъ никакихъ возраженій тономъ, приказывалъ судья писарю.—Вѣчно судятся...

— Я не Успенской, а Безобразовской Волости! Привелъ Господь къ вашей чести впервые! объяснялся кузнецъ, стоя на колѣняхъ. Онъ чуть не плакалъ.

— Ка̀къ? Что̀? Онъ не Успенской Волости? спросилъ озадаченный судья у письмоводителя.

— Они всѣ одной—Безобразовской, отвѣчалъ послѣдній.

— Да̀-а! Вотъ оно что-о̀! протянулъ судья. — Такъ ты Безобразовской Волости! сказалъ онъ кузнецу и тотчасъ же спросилъ у писаря:—кажется, онъ у насъ въ первый разъ? на что̀ и получилъ отвѣтъ: «кажется, что въ первый».

— Ну, вставай! Только потому, что ты въ первый разъ у меня, я приговариваю тебя на три мѣсяца подъ арестъ. Вставай! Вставай, тебѣ говорятъ—не то...

Вновь назначенное наказаніе было хоть сколько-нибудь сообразно съ закономъ, и ожившій надеждою на лучшую участь и приподнявшійся-было съ колѣнъ крестьянинъ снова распростерся передъ судейскимъ столомъ и опять живо вскочилъ на ноги.

— Ну, ей же Богу винности моей тутъ нѣтъ нисколько! Ну, спроси свидѣтелей, ну, видѣлъ ли кто, что я билъ? Чѣмъ хошъ отвѣтствую, что не билъ! Шелъ я мимо Немятовыхъ дому, слышу: кто-то кричитъ «караулъ», прибѣгъ я въ домъ, вижу Борисъ Осипычъ работника палкой бьетъ; двоимъ намъ съ нимъ трудно было совладать, я и бросился въ волостную контору, старшину не застали дома, нашли только сотскаго, да десятскаго, связали всѣ вмѣстѣ Бориса, да и снесли въ волостную!

Былъ ли судья тронутъ мольбами подсудимаго, или принялъ во вниманіе его «оправданія»—не знаю, но только тонъ, съ которымъ судья къ нему обращался, значительно смягчился.

— Ну, ужь такъ и быть! Только потому, что ты у меня въ первый разъ судишься, я штрафую тебя на десять рублей.

«Съ Сибири-то, да на десять рублей съѣхалъ! И все такъ!» шепнулъ мнѣ Ваникинъ.

По закону, арестъ считается болѣе тяжкимъ наказаніемъ, чѣмъ штрафъ, но въ понятіи бѣдняковъ-крестьянъ эта классификація наказаній обратна: большинство выберетъ скорѣй высидку, чѣмъ штрафъ. Кузнецу показалось, вѣроятно, что ему прибавили наказанія, потому что онъ взмолился снова:

— Жена, дѣти!.. Отъ земли отказался!.. Живу работой, а какая наша работа, когда таперь чугунка прошла!.. Хоша сколько-нибудь полегче!

— Ка̀къ, ты этимъ еще недоволенъ? Такъ гряди-жь ты на полтора мѣсяца подъ арестъ! Ну, не ныть! Пишите: на полтора мѣсяца!..

Кузнецъ кончилъ: ему полегчало.

Я не понималъ, что̀ значила эта тяжелая сцена, и никоимъ образомъ не могъ предполагать, что господинъ судья изволитъ такимъ образомъ рѣшать дѣла̀; поэтому я рѣшился сдѣлать судьѣ заявленіе и просить его направить дѣло къ законному порядку и указать при этомъ, что свидѣтели, вызванные къ дѣлу, нетолько не допрошены, но и не находятся въ залѣ засѣданія.

— Вы меня учить?.. Да кто здѣсь судья—вы или я?.. Я знаю, что̀ я дѣлаю! Еще разъ перебьете меня, и я лишу васъ права защиты!.. Вашу довѣрительницу я тоже, вѣдь...

Я рѣшился довести дѣло до конца.

— Позвольте мнѣ сдѣлать еще одно небольшое заявленіе, проговорилъ я почти нѣжнымъ голосомъ, чтобы «не раздражить»:—настоящее дѣло не подсудно мировымъ учежд...

— Это почему? перебилъ меня судья.

— Въ числѣ подсудимыхъ находится сотскій, несомнѣнно находившійся при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей въ то время, когда вязалъ Бориса Осипова; поэтому, онъ долженъ быть преданъ суду по должности, и всѣ соучастники его должны судиться въ одномъ съ нимъ судѣ...

— Довольно-съ! Остальное я понимаю! остановилъ меня судья.—Борисъ Осиповъ, ты на сотскаго съ десятскимъ претензіи не имѣешь? спросилъ онъ у обвинителя.

— Самые они главные и есть! Всему они дѣлу—голова! Они

били, а работникъ съ кузнецомъ почитай самую малость! Связали и представили въ контору!

— Намъ нельзя не связать! Мы завсягды можемъ связать, коли видимъ, что человѣкъ забунтовалъ и что̀ ни по̀падя бьетъ да колотитъ! Мы для законнаго порядку званы были, а не то, чтобы сами бунтовать!.. заговорили сотскій съ десятскимъ, оба въ разъ.

— Помолчите, васъ не спрашиваютъ! прикрикнулъ на нихъ судья.—Занесите въ протоколъ, что Борисъ Осиповъ, въ словесныхъ своихъ объясненіяхъ, отказался отъ обвиненія сотскаго, ка̀къ его тамъ зовутъ, и десятскаго! Борисъ, тебѣ слѣдуетъ отказаться, если ты хочешь, чтобы я разбиралъ это дѣло!

— Воля милости вашей! Мнѣ все одно!

— Роспишись!

— Г. судья, первое заявленіе Бориса Осипова, сколько мнѣ помнится, было какъ разъ противоположное тому, которое вы изволили приказать занести въ протоколъ! Поэтому, я прошу занести заявленіе Бориса Осипова въ той формѣ, въ которой оно было сдѣлано.

— Хорошо-съ! Занесите въ протоколъ, что я оштрафовалъ повѣреннаго Немятовой на три рубля! приказалъ судья писарю.

— Позвольте мнѣ сдѣлать еще одно заявленіе... началъ я и не окончилъ, потому что судья перебилъ меня словами:

— Еще на три рубля!

Молчать было дешевле.

Борисъ Осиповъ росписался подъ заявленіемъ, въ которомъ онъ отказывался отъ обвиненія сотскаго и десятскаго.

— Вы, сотскій съ десятскимъ! Вы можете идти!.. На этотъ разъ вы ускользаете изъ рукъ правосудія; но, въ другой разъ—смотрите!.. Помните, что бывшаго вашего начальника всегда слѣдуетъ уважать!

— Когда-жь онъ забунтуетъ, намъ никакъ нельзя...

— Молчи и слушай! перебилъ судья сотскаго: — ну, теперь ступайте съ миромъ во свояси!

Сотскій съ десятскимъ собирались уходить.

— Г. судья! Я выставляю сотскаго и десятскаго, уволенныхъ изъ обвиняемыхъ, въ качествѣ свидѣтелей, въ подтвержденіе того обстоятельства, что довѣрительница моя не наносила никакихъ оскорбленій Борису Осипову! Прошу ихъ допросить! снова началъ я.

— Еще три рублика! Занесите! Я вамъ отказываю! Сотскій и десятскій, вамъ здѣсь дѣлать больше нѐчего! Можете идти!

— Во имя справедливости и на основаніи рѣшенія...

— Отказалъ вамъ разъ—будьте довольны! Что̀ скажете вы въ защиту Немятовой?

— Позвольте мнѣ сдѣлать это своевременно послѣ допроса свидѣтелей!

— Говорите теперь! Предлагаю вамъ послѣднее слово!

Я покорился и высказалъ свои доводы, прося занести ихъ въ протоколъ.

— Такъ по вашему мнѣнію всякій хозяинъ можетъ своихъ гостей гнать въ шею?

— Я этого не говорилъ, а доказывалъ, на основаніи приведенныхъ мною кассаціонныхъ рѣшеній, что если «гость» остается въ квартирѣ хозяина вопрски желанію послѣдняго, то вывести такого гостя можно, даже и не прибѣгая къ содѣйствію полиціи; въ данномъ случаѣ представителемъ ея были сотскій, показаніе котораго могло бы разъяснить намъ...

— Довольно-съ! Я рѣшу ваше дѣло, но, все-таки, не теряю надежды, что вы уговорите вашу довѣрительницу покончить это дѣло миромъ!... Давайте слѣдующее дѣло!

Не кончивши одного дѣла, судья принимался за другое. Это было дѣло о кражѣ лошади. Къ судебному столу вышелъ потерпѣвшій, обвиняемый и, въ качествѣ единственной свидѣтельницы—жена послѣдняго.

— Это онъ у тебя лошадь укралъ? спросилъ судья у обвинителя, указывая на подсудимаго.

— Надо быть, ёнъ!

— Признаёшь ты себя виновнымъ? спросилъ онъ у подсудимаго.

— Батюшка мировой—нисколько!

— Предлагаю тебѣ послѣднее слово!

Какъ видитъ читатель, способъ рѣшенія дѣлъ былъ доведенъ судьею до крайней степени краткости. Послѣ перваго слова—слѣдовало послѣднее, середины не полагалось!

— Послѣднее слово говорю, что не воровалъ!

— Ой, укралъ!

— Ну, какіе-же прилики! Жена... Извѣстное дѣло—жена съ сердцовъ можетъ что̀ хошь сказать!

— Господинъ судья! Жена его при всей деревнѣ кричала, что онъ укралъ у меня лошадь! началъ обвинитель.—Ведетъ она его пьянаго изъ кабака, да и кричитъ: «берите его вора, разбойника, онъ у сосѣда—это у меня и есть—лошадь свелъ! А у меня точно въ прошломъ годѣ лошадь свели!

— Ну, я ли жь свелъ? Кабы кто видѣлъ, а то жена вскричала!... Какія глупости!...

— Чтò-о! прикрикнулъ на подсудимаго судья:—ты, смотри у меня, будь потише! Говори: ты уворовалъ? а?... Признавайся лучше, что уворовалъ! Вѣдь, я по глазамъ твоимъ вижу, что уворовалъ! Лучше признайся! Не признàешься — сидѣть тебѣ въ острогѣ ровно годъ, а признàешься — на полтора мѣсяца посажу! Даю тебѣ честное слово, что только на полтора мѣсяца посажу! Меньше чего не бываетъ! Ну, выбирай любое!

— Чего-жь ему выбирать, коли не за чтò сажать! съ горячностью вступилась жена, вѣроятно, боясь, чтобы мужъ ея, и въ самомъ дѣлѣ, не выбралъ изъ двухъ золъ меньшее:—я точно приличила его, что онъ уворовалъ у сосѣда лошадь, да приличила не взаправду, а съ нароку, потому что онъ запивать сталъ и никакъ его изъ кабака не вытащишь! Меня приколотилъ, дѣтей притаскалъ, это—все еще ничего! Да не видала я, кàкъ это онъ полушубокъ мой стащилъ въ кабакъ, да пропилъ! Ну, пожаловалась я старостѣ, просила, чтобы его всѣмъ обчествомъ высѣкли за пьянство, а староста засмѣялся, не захотѣлъ слушать, говоритъ: «Дожидайся воскресенья!» У насъ въ конторѣ по воскресеньямъ судъ собирается; ну, тогда за одно и моего обѣщалъ выпороть!... Веду это я своего изъ кабака-то вечеромъ, а у старостина дома всѣ наши мужики сидятъ на заваленкѣ и смѣхомъ мнѣ смѣются! Еще вотъ этотъ самый нашъ сосѣдъ и кричитъ мнѣ: «ты-бъ его за ноги волокомъ тащила, ловчѣй бы было, берись, какъ за оглобли, и тащи!... Зло меня взяло, я и вскричала: «берите его, православные, онъ у сосѣда лошадь свелъ!» — Его сейчасъ же схватали и высѣкли! Вотъ и все...

— Высѣкли? спросилъ судья у обвиняемаго.

— Надо быть, высѣкли! Я очень пьянъ былъ!...

— Чтò же онъ говорилъ, когда его сѣкли? спросилъ онъ у обвинителя.

— Ничего не говорилъ! Такъ пластъ пластомъ лежалъ! объяснилъ тотъ.

— Не за чтò насъ и судить! вступилась жена подсудимаго:— я зря вскричала, что онъ лошадь укралъ, а красть онъ не кралъ и во всей деревнѣ, чтò ни на есть—смирный человѣкъ!

— Какъ смирный? Не сама ли ты сейчасъ сказала, что онъ тебя, да дѣтей исколотилъ!

— Я на счетъ воровства-то говорю, что смирный, чужаго не возьметъ! А что билъ, то наше дѣло домашнее! Винности его никакой нѣту, и красть онъ, вѣрное слово тебѣ говорю, не кралъ! бойко твердила жена.

— Ой-ли! съ особенною усмѣшкою произнесъ судья.

Бойкость свидѣтельницы-жены ему не нравилась.

— Чтò-жь, божиться заставишь? Давай присягу!... Зови священника!

— Нѣтъ тебѣ присяги! Женѣ на мужа нѣтъ присяги!

— А коли нѣтъ присяги, такъ ты и такъ мнѣ повѣришь!

— Я тебѣ вѣрю, что твой мужъ—воръ!

— А я твоимъ судомъ недовольна! Не бось, и надъ тобой начальство есть! Пожалуй, намъ съ твоего суда скопію, мы выше куда ни на есть въ прошенье пойдемъ... Такихъ законовъ нѣту, чтобы за правое дѣло виновнымъ быть!...

— А-а!... Да ты вотъ какая! вскричалъ взбѣшеннымъ голосомъ судья.—Да тебѣ съ мужемъ и въ Сибири-то мѣста мало, понимаешь-ли ты, или нѣтъ! Пишите обоихъ ихъ въ Сибирь, въ кандалы, на каторгу-у! кричалъ судья письмоводителю.

Было чтò-то ужасное въ этомъ грозномъ крикѣ и въ этихъ словахъ. Мужикъ упалъ на колѣни: онъ видѣлъ, что этотъ манёвръ помогаетъ.

— За напрасное... жалобно началъ онъ, но его перебила жена.

— Вотъ чтò, мировая судья: кричи не кричи, пугай не пугай, а меня не запугаешь! Мы твоимъ судомъ недовольны и будемъ выше подавать, до царя дѣло доведемъ! Свѣтилъ бы ясный мѣсяцъ въ небѣ, а мелкія звѣзды намъ ни почёмъ! Встава-ай! дергала она своего мужа за плечо.

Это было дерзостью неслыханною. Присутствующіе, какъ замѣтно было по безпокойнымъ выраженіямъ ихъ лицъ, ожидали новаго взрыва гнѣва судьи; даже самъ письмоводитель какъ-то съёжился, завертѣлся на стулѣ, быстро взглянулъ на дерзновенную бабёнку и тотчасъ потупился, уткнулся въ свои бумаги. Однако, дѣло кончилось ничѣмъ: судья вскочилъ съ мѣста и почти выбѣжалъ изъ залы, на сколько шлепавшія, сползавшія съ ногъ колоши позволяли ему бѣгать.

Первыя минуты прошли въ молчаніи.

— Бабѣ Сибирь! сдержаннымъ полушепотомъ сказалъ кто-то сзади.

— Кàкъ ни шустра, а, надо быть, не отвертится!

— Нешто такъ можно!.. Первое дѣло—на колѣни, онъ это любитъ! У него сейчасъ все отойдетъ!

Письмоводитель вышелъ за судьей, оставивши дѣлà безъ призору.

Народъ будто ожилъ. Начался оживленный говоръ.

— Человѣкъ онъ физаномистый и поперекъ свому слову не любитъ!

— Что̀ людямъ нальешь, то и самъ выпьешь!

— Дуже рѣшителенъ! И чудное это дѣло: сейчасъ тебя въ Сибирь загонитъ; не успѣешь глазомъ сморгнуть—глядишь, а онъ оттуда тебя ворочаетъ! Сейчасъ накладетъ на тебѣ аресту, штрафовъ цѣлую кучу, а тамъ—глядишь, и свалитъ!

— Горячъ!

— У... Сылокъ! Одно слово: рѣшительный!

— А мнѣ адвокатъ одинъ сказывалъ, что мировой въ Сибирь не можетъ, а онъ вишь какъ... Значитъ, можетъ!..

— Бабѣ Сибири неминовать! сказалъ одинъ крестьянинъ громче другихъ.

— Самъ впередъ меня туда не попади! крикнула бойкая баба, оборачиваясь въ говорившему.

Появленіе письмоводителя возстановило тишину. Ваникинъ спросилъ у него: «гдѣ судья»? и получилъ отвѣтъ: «сѣлъ завтракать»!

— Пойдемте покуримъ, судья выйдетъ не скоро! сказалъ онъ мнѣ.

Мы вышли въ комнату съ разобраннымъ поломъ. Изъ полупритворенной двери въ камеру до насъ доносился громкій голосъ письмоводителя, выкликавшаго крестьянъ.

— Евдокимъ Петровъ! Кто Евдокимъ Петровъ? Здѣсь онъ?

— Здѣсь!

— Ну, подходи сюда! Чего же ты тамъ чешешься!

Ваникинъ прислушался.

— Начался допросъ свидѣтелей! сказалъ онъ. — Письмоводитель допрашиваетъ ихъ и записываетъ показанія во время завтрака судьи, чтобы не пропадало время!

— Ка̀къ, допросъ свидѣтелей? Безъ участія судьи и сторонъ?..

— Очень просто! Спрашиваетъ и записываетъ! Иногда даже цѣпь надѣнетъ, если судья оставитъ ее на столѣ! Сегодня, кажется, безъ цѣпи...

Я поспѣшилъ вернуться въ залу.

Письмоводитель возсѣдалъ на мѣстѣ судьи, и около него стояла кучка крестьянъ, въ которыхъ мнѣ не трудно было узнать свидѣтелей по дѣлу Немятовой. Одинъ изъ нихъ, облокотясь рукою на столъ и наклонясь къ столу, разсказывалъ «обстоятельства дѣла». По его словамъ, онъ видѣлъ, что Бориса Осипова, скрученнаго по рукамъ и ногамъ и кричавшаго «караулъ», снесли въ волостную четверо: сотскій, десятскій, кузнецъ Петра и Немятовыхъ работникъ, Иванъ Егоровичъ! Письмоводитель, записывая показанія, не поспѣвалъ за разсказчикомъ и часто прерывалъ его словами: «постой, постой, погоди!» и затѣмъ, послѣ не-

большой паузы, понукалъ, говоря: «ну, что̀-же дальше было?» Свидѣтель кончилъ.

— Все?

— Все!

— Ставь три креста! Кто еще? Ты, что̀-жь? обратился писарь къ крестьянину, стоявшему рядомъ съ допрошеннымъ.—Ты, вѣдь, тоже самое? Ка̀къ тебя? Савелій Антоновъ?

— Я! Что̀ онъ—то и я! Мы за одно видѣли, потому вмѣстёхъ по дорогѣ шли, когда Осипова несли.

— Ну, ставь три креста!

Письмоводитель съ интонаціей нѣсколько въ носъ проговорилъ, разставляя слова: «Савелій Антоновъ показалъ тоже самое».

— Позвольте мнѣ спросить его: видѣлъ ли онъ при этомъ Немятову? спросилъ я у исправлявшаго обязанности судьи.

— А это вотъ ка̀къ будетъ угодно судьѣ!.. Я не могу-съ!

— Но вы, вѣдь, допрашиваете?

— По приказанію господина судьи. Онъ сейчасъ выйдетъ!

Такимъ образомъ были допрошены всѣ свидѣтели по моему дѣлу.

— Ну, ты что̀ скажешь, мужняя жена? Ну-ка, говори! обратился письмоводитель къ крестьянкѣ, ставившей ни во что̀ мелкія звѣзды.

— Говорю, съ сердцовъ вскричала, а больше—ничего!

— Показала, что «вскричала на мужа съ сердцовъ», прогнусилъ письмоводитель, внося показаніе свидѣтельницы въ протоколъ.—Вѣрно?

— На что̀ вѣрнѣй!

— Ставь три креста!

— Хошь четыре! За правду всегда могу поставить!

— Привяжи себѣ языкъ-то! Ишь разнуздалась некстати! Ну, отходи къ сторонѣ! — «Обвиняемый виновнымъ себя не призналъ!..» Ахъ, да̀! Я и забылъ спросить у тебя, мужняя жена, желаешь ли ты показывать на мужа? Можешь отказаться!

— Я же тебѣ все сказала, что̀ знала!.. А что̀, милый человѣкъ, неужели-жь намъ и взаправду Сибирь?.. Можетъ, это такъ только?..

— А вотъ погоди, сейчасъ узнаешь! Отходи къ сторонѣ!..

Въ такомъ же родѣ послѣдовалъ допросъ свидѣтелей и по другимъ не интересовавшимъ меня дѣламъ.

Все то, что̀ я здѣсь видѣлъ, такъ мало походило на предписываемый закономъ порядокъ разбирательства, что я почти потерялъ голову и не зналъ, что̀ слѣдовало мнѣ предпринять. Я видѣлъ письмоводителей, имѣвшихъ власть принимать прошенія,

апелляціи, выдавать подписанные судьею еще въ бланкахъ исполнительные листы; но здѣсь впервые я встрѣтилъ письмоводителя, который допрашивалъ свидѣтелей, записывалъ показанія ихъ въ протоколъ, и притомъ безъ всякаго участія сторонъ...

Послышался знакомый топотъ галошъ, и судья вошелъ въ камеру.

— Готово? спросилъ онъ у писаря.

— Все готово!

Судья возсѣлъ на свой стулъ, заставивъ письмоводителя пересѣсть на прежнее мѣсто. Разбирательство возобновилось.

— Ну вы всѣ, которые по дѣлу Немятовой съ Борисомъ Осиповымъ, подвигайтесь сюда ко мнѣ поближе и прослушайте приговоръ! Вы написали, какъ я говорилъ? обратился онъ къ письмоводителю.

— Оставилъ до васъ, потому что вы работника пропустили!

— Такъ вы напомнили бы! вспылилъ судья. — Что̀ за неисправность такая! Ну, все равно! Пишите: работника Немятовой, ка̀къ его, Ивана Егорова, я признаю виновнымъ въ самоуправствѣ, насиліи и, что̀ еще, кажется, въ оскорбленіи дѣйствіемъ? да̀! въ оскорбленіи дѣйствіемъ Бориса Осипова и приговариваю его къ аресту на три мѣсяца!

Иванъ Егоровъ чуть не взвылъ.

— Господинъ судья! Я ни душой, ни тѣломъ! Не за свое, а за хозяйское пропадаю!..

— Что̀-о?

— За что̀ же на три мѣсяца?..

— А въ Сибирь не хочешь?

Иванъ Егоровъ молчалъ.

— Въ Сибирь не хочешь? повторилъ судья.

— Ну, за что̀ же въ Сибирь, коли вины моей нѣту! Сколько онъ хозяйскаго добра попортилъ, двѣ рамы со стеклами выбилъ, зеркало разбилъ...

— Знаю, знаю, это дѣло окончено миромъ, нѐчего тебѣ о немъ и говорить!.. Пишите: на три мѣсяца! приказывалъ судья писарю.—Написали? Нѣтъ еще! Ну, хорошо! Будетъ съ него и на два мѣсяца, или нѣтъ—пускай ужь на одинъ! такъ и будетъ! Пишите: на одинъ! И этого, ка̀къ его, кузнеца Петра Сидорова—тоже на одинъ!

Кузнецъ, въ свою очередь, началъ умолять гнѣвное правосудіе. Онъ опять бросился на колѣни и съ плачемъ проговорилъ:

— Хоша чуточку полегче! Ну, за что̀-жь мои дѣти безвинно пострадаютъ! Работой живу, а какая стала теперь наша работа,

когда чугунка прошла! Ослобони сколько нибудь, заставь за себя вѣчно Бога молить!

— Ну, смотри! На первый разъ, такъ ужь и быть, дѣлаю тебѣ снисхожденіе и приговариваю тебя къ аресту на недѣлю! милостиво объявилъ судья.—Встань, встань, вставай же, тебѣ говорятъ! Вы не написали еще: «на полтора»! Отлично! Напишите: «на недѣлю»!

У мужика глаза запрыгали отъ радости. Видя, что его защитительная мольба или умоляющая защита дѣйствуетъ, онъ попробовалъ выторговать себѣ еще бо̀льшаго «снисхожденія».

— Батюшка, мировой, снова началъ онъ: — ну, нельзя ли на три денёчка!

— Съ удовольствіемъ! Прибавьте ему три денёчка!.. Если мало, я могу еще прибавить?

Кузнецъ смолкъ. Письмоводитель съ перомъ въ рукѣ дожидался окончательной редакціи приговора судьи и опредѣленія мѣры наказанія.

— А мнѣ-то облегченья не будетъ? спросилъ Иванъ Егоровъ.

— Будетъ! Три рубли штрафу заплатить хочешь? А-а! Ну, такъ молчи! Ну-съ, теперь примемся за госпожу Немятову!

— Позвольте, г. судья, свидѣтели... началъ было я, но судья жестомъ остановилъ меня и не далъ докончить.

— Пишите: «признавая Немятову виновною въ тѣхъ же проступкахъ, причиненныхъ въ ея домѣ бывшему волостному старшинѣ Борису Осипову, гласному мѣстного земства, слѣдовательно—человѣку, имѣющему право на особое со стороны прочихъ обывателей уваженіе, я приговариваю Немятову къ высшей мѣрѣ наказанія... Нѣтъ, постойте! Это будетъ очень ужь строго! Напишите: «къ средней мѣрѣ наказанія, то-есть къ аресту на полтора мѣсяца». Не забудьте проставить статьи-то! Лучше бы вы оставили для нихъ мѣстечко, а самыя статьи-то проставили бы послѣ!.. Ну-съ, недовольная сторона, какъ водится, можетъ подать жалобу въ съѣздъ, заявивши неудовольствіе въ теченіи сутокъ! Написали? Напишите, дайте мнѣ подписать! Придвиньте-ка поближе ко мнѣ неисчерпаемую-то! Теперь вы можете идти во свояси, всѣ—и свидѣтели, и подсудимые. Про штрафы-то я и забылъ: я вамъ ихъ прощаю! обратился ко мнѣ судья. — Вы, вѣдь, ихъ не заносили въ протоколъ? спосилъ онъ у письмоводителя.

— Нѣтъ, не заносилъ!

— Ну и отлично! Можете идти! Дайте слѣдующее дѣло.

Письмоводитель досталъ продиктованный ему приговоръ и по-

далъ его судьѣ для подписи. Судья расчеркнулся, и дѣло было рѣшено.

Свидѣтели и осужденные, работникъ Немятовыхъ и кузнецъ, отошли отъ стола и направились къ выходу изъ залы.

Законъ предоставлялъ мнѣ заявить на приговоръ неудовольствіе и просить съ него копію. Я такъ и сдѣлалъ.

— Прошу васъ при этомъ, г. судья, занести въ протоколъ мое заявленіе о томъ, что свидѣтели по этому дѣлу допрашивались не вами, а письмоводителемъ, который допустилъ меня дѣлать свидѣтелямъ вопро́сы.

— Дѣло рѣшено! Впрочемъ, мы можемъ это сейчасъ... Эй, свидѣтели! Гдѣ-жь они? Ушли! Бѣги кто-нибудь, вороти ихъ!..

Свидѣтели вернулись и снова предстали предъ судьей.

— Вы видѣли, что Бориса били? спросилъ у нихъ судья.

— Какъ били не видѣли, а какъ несли—видѣли!

— Откуда-жь его несли?

— Изъ рендателева дома!

— Кто-жь изъ хозяевъ были дома?

— Говорили, что сама была дома!

— Считаю дѣло достаточно разъясненнымъ! Можете идти!.. Слѣдующее дѣло!

Свидѣтели, допрошенные судьею послѣ провозглашенія приговора, собрались уходить.

— Я желалъ бы спросить у нихъ, что̀ знаютъ они о томъ участіи, которое принимала въ этомъ дѣлѣ Немятова! заявилъ я.—Изъ этихъ показаній нельзя еще вывести заключенія о виновности Немятовой, которая приговорена вами къ такому строгому наказанію!

Въ эту минуту я таки походилъ на кузнеца и работника Немятовыхъ.

— Ну, уговорите вашу довѣрительницу помириться! Тогда и дѣло съ концомъ! былъ отвѣтъ.—Прошу не прерывать меня болѣе неумѣстными заявленіями. Копію съ приговора вы можете получить въ пятницу на будущей недѣлѣ въ моей городской камерѣ въ Z.

Ваникинъ вышелъ изъ залы вмѣстѣ со мною. — «Что̀ же вы не росписались собственноручно на приговорѣ то насчетъ неудовольствія! Смотрите, ка̀къ бы приговоръ не вошелъ въ законную силу! Я знаю много такихъ случаевъ! Хотя судья—мнѣ и другъ, однако, и Немятовы—мнѣ хорошіе пріятели и сосѣди, и я васъ предупреждаю»! наставлялъ онъ меня.

У крыльца насъ дожидались оба осужденные.

— Вы-то, что̀-жь, не заявили неудовольствіе? Переводите дѣло

въ съѣздъ, очень можетъ быть, что васъ сдѣлаютъ невиновными! Пойдемте, я за васъ роспишусь!

— Ка̀къ бы не было чего хуже!

— Хуже-то ужь навѣрное не будетъ! Ну, пойдемте всѣ назадъ, я за васъ похлопочу! Такъ мнѣ васъ жаль... Смотрите, вы всѣ—точно мокрыя куры...

Когда Иванъ Егоровъ и кузнецъ заявили судьѣ, что они приговоромъ его недовольны и кузнецъ прибавилъ, что довѣряетъ за себя росписаться «вотъ имъ», указалъ онъ на Ваникина, то судья поморщилъ лобъ.

— Прибавки вы захотѣли? Ну, что̀-жь, и будетъ вамъ прибавка, потому что я вижу, что вы недовольны тѣмъ, что вамъ мало я назначилъ!.. Борисъ Осиповъ, заявляй неудовольствіе ужь и ты! По крайней мѣрѣ, по твоей апелляціи можетъ быть увеличено наказаніе!

И судья приказалъ письмоводителю записать въ протоколъ неудовольствіе отъ обвинителя и всѣхъ обвиненныхъ.

Узнать, чѣмъ кончилось дѣло о кражѣ лошади, мнѣ не удалось Когда мы вернулись во второй разъ въ камеру, разборка его еще не начиналась; судья былъ занятъ съ Борисомъ Осиповымъ разговоромъ, который тотчасъ же съ нашимъ появленіемъ прекратился, такъ какъ судья, завидя насъ, спросилъ: «еще что̀ вамъ надо»? — Дождаться конца разбирательства мнѣ не далъ Ваникинъ, который, спѣша домой, чуть не насильно вытащилъ меня изъ камеры, грозя, въ случаѣ упрямства, оставить меня «идти пѣшкомъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Егоровымъ и кузнецомъ». «Неужели съ васъ мало того, что̀ вы насмотрѣлись?» прибавилъ онъ.

Такъ какъ того, что̀ я видѣлъ здѣсь, было слишкомъ достаточно, чтобы составить понятіе о порядкѣ отправленія судьей своихъ обязанностей, то я не счелъ нужнымъ сопротивляться. Тяжелое, грустное впечатлѣніе произвело на меня сумасбродное разбирательство: я былъ не въ духѣ и всю «обратную дорогу» молчалъ. Ваникины, напротивъ того, всю дорогу прохохотали. Смѣялся отецъ и смѣшилъ сына, разсказывая ему объ участи, постигшей подсудимыхъ, о томъ, ка̀къ «мировой чуть-было всѣхъ ихъ въ Сибирь не загналъ!»

Когда я объявилъ Немятовымъ о проигрышѣ дѣла, то слезамъ моей довѣрительницы и оханьямъ, и сѣтованьямъ ея мужа, казалось, не будетъ конца. Большаго труда сто̀ило мнѣ успокоить ихъ тѣмъ, что «дѣло можетъ поправиться въ съѣздѣ».

— Нужно до сената доводить! затвердилъ мужъ.

Немятова утѣшилась: «хорошо, что я еще въ Сибирь не попала!» сказала она и разсмѣшила Ваникиныхъ до упаду.

На другой день, съ утреннимъ поѣздомъ, я вернулся домой. Иванъ Егоровъ, свезшій меня на полустанокъ, разсказалъ мнѣ дорогой, что «женки его и кузнецова проплакали всѣ свои глазыньки», полагая, что судья прямо съ разбирательства отправитъ мужей ихъ «куда-нибудь подальше», и остались очень довольны, узнавши, что мужья, «отсидѣвши свой срокъ на высидкѣ», вернутся къ своимъ семействамъ и что, поэтому, онъ и кузнецъ порѣшили никуда дальше жалобъ не подавать, чтобы «на грѣхи не лѣзть» и, главное, чтобы не получить «какой-нибудь прибавки», обѣщанной имъ судьей.

IV.

Городская камера «рѣшительнаго».—Копія съ приговора.—Новое дѣло у другого мироваго судьи объ арендѣ кабака.—Монополія кабака.—Землемѣръ и волостной писарь.—Трактиръ, предназначенный для тяжущихся.—Двустороннее объявленіе.—Судья Чепуркинъ и его процессы приготовленія къ разбирательству. — Судья-смирнякъ. — Внезапная болѣзнь и разбирательство моего дѣла.

Въ назначенное время я отправился въ Z. за копіей съ приговора. Городская камера «рѣшительнаго» вовсе не походила на деревенскую и помѣщалась въ нижнемъ этажѣ собственнаго каменнаго дома судьи. Изъ большой передней я вошелъ въ маленькую квадратную комнатку объ одномъ окнѣ, разгороженную поперекъ некрашенною, деревянною, топорной работы рѣшоткою, за которой помѣщался присутственный столъ, стулъ письмоводителя и кресло судьи. Эта каморка и была камерой.

Камера была такъ мала, что въ части, предназначенной для тяжущихся, едва ли можно было помѣститься десяти человѣкамъ, такъ что тяжущіеся, въ ожиданіи разбирательства, толпились въ анти-камерѣ—въ передней.

Разбирательство еще не начиналось, и на этотъ разъ лицезрѣть судью мнѣ не пришлось, да и не предстояло въ томъ надобности. Лишь только письмоводитель приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей, какъ я обратился къ нему съ просьбою о выдачѣ мнѣ обѣщанной копіи. Она была готова, и, такъ какъ была разгонистымъ почеркомъ написана на четырехъ листахъ, то письмоводитель потребовалъ съ меня «канцелярскихъ» сорокъ копеекъ «за написаніе» ея. Приговоръ не былъ мотивированъ. Послѣ изложенія сущности свидѣтельскихъ показаній, слѣдовало:

«признавая кузнеца Петра Иванова, крестьянина Ивана Егорова и жену арендатора безобразовскаго имѣнія Немятову виновными»—и только. Сенатъ называетъ такіе приговоры «для сторонъ не вразумительными». Написать на этотъ приговоръ апелляціонную жалобу не составляло большаго труда.

Дома меня ожидало новое дѣло. Двое уполномоченныхъ отъ крестьянъ села Толстобрюхова, того же Z—скаго уѣзда, пріѣхали ко мнѣ, съ цѣлью поручить мнѣ свое дѣло, одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыя стали столь часто встрѣчаться въ крестьянской общественной жизни настоящаго времени. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что крестьяне, по приговору и особому, такъ ими называемому, «дополнительному» условію, предоставили Z—скому мѣщанину Ястребову исключительное право торговать виномъ въ ихъ селеніи въ теченіи 187... года. По этому дополнительному условію, Ястребовъ обязывался уплатить селянамъ за право монополіи 300 руб. въ годъ въ два срока, 1-го января и 1-го іюля, а селяне, въ свою очередь, обязывались никому другому «дозволительнаго на продажу крѣпкихъ напитковъ приговора» не выдавать, подъ опасеніемъ платежа неустойки въ ту же сумму. Въ приговорѣ, который былъ выданъ крестьянами Ястребову и который долженъ быть представленъ въ акцизное вѣдомство для полученія патента, ни про плату за исключительное право торговать виномъ въ с. Толстобрюховѣ, ни про самое право монополіи не было сказано ни слова, и понятно—почему: питейный уставъ считаетъ такіе приговоры и условія недѣйствительными и воспрещаетъ по нимъ выдачу патентовъ [1].

— Кабачникъ-то нашъ первые полтораста рублей взнесъ за наше селеніе въ волостную контору на подати, разсказывали

[1] Въ 3 примѣч. къ 310 ст. Уст. о Пит. Сборѣ, сказано: «приговоры, постановленія и условія, на основаніи коихъ поименованныя въ ст. 310 учрежденія, общества и лица дозволяютъ кому-либо продажу крѣпкихъ напитковъ въ данной мѣстности, со взиманіемъ опредѣленной платы въ свою пользу, собственно за право торговли напитками, считаются недѣйствительными, и патенты по такимъ приговорамъ и постановленіямъ не выдаются. Равномѣрно недѣйствительны постановленія и приговоры объ отдачѣ на земляхъ, непринадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, питейной продажи исключительно одному или нѣсколькимъ лицамъ, въ видѣ монополіи». Чтобы обойти этотъ законъ, кабачники-монополисты прибѣгаютъ къ такой уловкѣ: въ «дозволительномъ» приговорѣ, который представляется акцизному начальству для полученія патента, ни о платѣ въ пользу общества извѣстной суммы, ни о покупаемомъ за эту плату исключительномъ правѣ торговать виномъ не говорится ни слова, потому что, въ противномъ случаѣ, акцизное начальство не выдало бы патента; зато въ особомъ договорѣ излагались подробно всѣ условія, на которыхъ кабачникъ покупалъ у крестьянъ привилегію на торговлю въ ихъ селеніи крѣпкими напитками.

уполномоченные:—а другую половину и затягиваетъ: «все—подождите, да подождите!» Сказано было въ условіи—уплатить вторую половину къ петрову дню, а ужь первый спасъ на дворѣ, а мы все денегъ отъ него не видѣли! Ну, и видимъ мы его такую неустойку и выдали мы другому человѣку приговоръ на кабакъ за сто рублей и всѣ денежки съ него впередъ получили! Вотъ, Ястребовъ и сталъ съ насъ взыскивать неустойку, а мы на него въ полтораста рублей прошеніе подали! Теперь третій годъ наше дѣло ведется у мироваго Чепуркина, котораго вотъ еще «смирнякомъ-то» зовутъ, и, все-таки, до сихъ поръ къ рѣшенію дѣловъ нашихъ не приступано! Разковъ поболѣ десятку были мы у смирняка-то, а дѣло, все-таки, не рѣшается! Смаялись совсѣмъ, ждамши! Кабатчикъ-то, Ястребовъ — онъ теперь въ сосѣднемъ селѣ Плёсовѣ кабакъ держитъ — всякій разъ, какъ ни увидитъ, въ глаза намъ смѣется: «три года, говоритъ: — я васъ маячу, промаячу, говоритъ, еще тридцать лѣтъ и три года, а дѣла своего не брошу!» Съ насъ ему приходится сто пятьдесятъ рублей, сто рублей мы ему въ послѣдній разъ давали, такъ онъ не беретъ! Давай ему всѣ полтораста, да еще двадцать пять рублей на издержки!.. Намъ это очень показалось обидно... А теперь, вотъ, отъ мироваго новыя повѣстки пришли!.. Мы лучше ужь вашей милости, коли возьметесь!.. Нельзя ли ка̀къ поскорѣй наше дѣло кончить!..

— Что̀ же вы дѣлали у мироваго судьи въ эти десять засѣданій по вашему дѣлу?

— А все, значитъ, выходили такія статьи, что дѣловъ прикончить никакъ нельзя было! Вызоветъ мировой; пріѣдемъ мы, уполномоченные, и Ястребовъ явится; ну, мировой судья когда начнетъ судить, да не кончитъ, а то когда и вовсе не начнетъ, а объявитъ: «балёнъ я, судить не могу, а мирить васъ могу!..» Ну, такъ поговоримъ, поговоримъ, да и уѣдемъ домой! Такъ, вотъ, и канителится наше дѣло до сихъ поръ, да и не наше одно!..

Я объяснилъ уполномоченнымъ, что «по закону, въ искѣ той и другой сторонѣ должно быть отказано», то-есть, что ни крестьяне съ Ястребова, ни Ястребовъ съ нихъ взыскать ничего не могутъ. Такой исходъ дѣла они сочли для себя благопріятнымъ и выдали мнѣ передовѣріе, на что̀ имѣли право, такъ какъ были уполномочены отъ общества особымъ приговоромъ «пріискать для защиты дѣла адвоката». На разбирательствѣ у Чепуркина мнѣ не приходилось быть еще не разу, и я никогда его самого не видалъ на съѣздѣ, который онъ вовсе не посѣщалъ.

Уполномоченные Александръ, Михайловъ и Александръ Гри-

горьевъ, были постоянными уполномоченными отъ общества во всѣхъ дѣлахъ, до него касающихся. Общество ассигновало на веденіе дѣла съ Ястребовымъ пятьдесятъ рублей, но уполномоченные безъ стѣсненія сказали мнѣ, что они отдадутъ мнѣ только двадцать пять рублей; другіе же двадцать пять они оставляютъ у себя «за безпокойство».

Мировой судья Чепуркинъ вызывалъ крестьянъ къ разбирательству какъ разъ за день до срока подачи Пыркину апелляціоннаго отзыва по дѣлу Немятовой, и у меня съ уполномоченными отъ крестьянъ села Толстобрюхова было условлено, что наканунѣ разбирательства за мной пріѣдетъ подвода, которая и доставитъ меня къ мировому судьѣ Чепуркину, а отъ этого послѣдняго свезетъ къ Немятовымъ въ Безобразово. Надо замѣтить, что, хотя Пыркинъ и Чепуркинъ были судьями одного и того же уѣзда, но камеры ихъ отстояли верстъ на пятьдесятъ одна отъ другой, причемъ отъ усадьбы Чепуркина до Безобразова считалось не менѣе тридцати пяти верстъ.

Наканунѣ разбирательства, за мной пріѣхала изъ Толстобрюхова телега парой, и передъ вечеромъ, «по холодку», я отправился въ путь, а часовъ въ 8 вечера былъ уже въ Толстобрюховѣ. Возница, которому общество за провозъ меня постановило зачесть подводу въ счетъ общественной послуги, подвезъ меня къ волостному правленію, гдѣ, по словамъ его, мнѣ былъ отведенъ ночлегъ. Въ правленіи я засталъ: землемѣра, «третій мѣсяцъ обмѣрявшаго крестьянскіе надѣлы», и волостнаго писаря, сидѣвшихъ за столомъ около большаго графина водки и деревянной чашки со свѣжими огурцами на закуску. Пировавшіе были почти готовы: писарь смиренно сидѣлъ, понуривъ голову, а землемѣръ, желая, вѣроятно, показать галантность своего обращенія, не успѣлъ я войти въ главную «присутственную» комнату правленія, гдѣ происходило пиршество—говорилъ со мною съ большою развязностью:

— Мусьё неизвѣстный, очень радъ съ вами познакомиться!

Я поспѣшилъ отвѣтить, что пріятность будетъ взаимная, и назвалъ себя, но тотъ, повидимому, не обратилъ на послѣднюю часть моей фразы никакого вниманія и продолжалъ величать меня по прежнему.

— Мусьё неизвѣстный! Не побрезгуйте съ нами выпить и закусить самой благородной закуской! Ха, ха!.. Огурчики свѣженькіе, слегка ихъ посолить и въ ротъ — что̀ за манность!.. Хлѣба нѣтъ, извините! Не побрезгуйте нашей компаніей, не то мы можемъ задать вашей милости взлупку!. Непогнѣвитесь! Неугодно

ли вамъ приступить! предложилъ онъ, подавая мнѣ налитой стаканъ водки.

Угроза была убѣдительнѣе любезнаго приглашенія.

Почти вслѣдъ за мною пришли уполномоченные и нѣсколько человѣкъ «селянъ»; каждый изъ нихъ поздоровался со мною, протягивая руку для пожатія—обычай, начинающій входить въ употребленіе и между крестьянами. Такая вольность обращенія не мало смутила землемѣра и писаря. Послѣдній закричалъ на нихъ, едва выговаривая слова: «куда вы полѣзли», землемѣръ сдѣлалъ мнѣ что̀-то въ родѣ выговора.

— Мусьё неизвѣстный! Вы не умѣете съ этимъ народомъ обращаться! Онъ вамъ протягиваетъ руку, а вы ему протяните ногу! Вотъ такъ!

И, для бо̀льшей убѣдительности, онъ показалъ ка̀къ, пырнувъ одного изъ крестьянъ ногой въ животъ.

— Балуй, балуй! Опять нализался! Пять дней не работаешь! добродушно замѣтилъ крестьянинъ, принявши эту выходку за шутку:—мотри, ка̀къ бы опять не пришлось связать тебя по третеводнишному!

— Мусьё неизвѣстный, сегодня что̀-то ужасно плохо пьется: съ самаго утра четвертаго графина не одолѣемъ! Не поможете ли вы?

Я поблагодарилъ. Такъ какъ землемѣръ квартировалъ въ волостномъ правленіи, то мнѣ предстояла печальная необходимость провести цѣлую ночь въ обществѣ этого пріятнаго собесѣдника. Чтобы избавиться отъ такого удовольствія, я принялъ предложеніе Александра Михайлова «переночевать у него на сушилахъ».

Въ пять часовъ утра, были готовы двѣ подводы, одна для меня и уполномоченныхъ, другая—для трехъ человѣкъ «селянъ», ѣхавшихъ съ нами къ мировому «для узнанія дѣловъ», какъ они сказали мнѣ, а, вѣрнѣе всего, для контроля надъ дѣйствіями уполномоченныхъ, а, можетъ быть, и моими. До мироваго намъ нужно было проѣхать около двадцати верстъ.

Село Плёсово, гдѣ истецъ Ястребовъ держалъ большое трактирное заведеніе, лежало какъ разъ на полпути, въ десяти верстахъ отъ Толстобрюхова. Проѣзжая мимо трактира своего противника, уполномоченные потребовали кратковременной остановки, чтобы узнать, какъ говорили они, «уѣхалъ ли Ястребовъ къ мировому и одинъ ли, или съ адвокатомъ», а, на самомъ дѣлѣ, какъ оказалось, чтобы не упустить случая выпить по стаканчику. Имъ сказали, что ѣхать къ мировому собираются «самъ хозяинъ и адвокатъ Пузыревъ». Не успѣли мы отъѣхать отъ Плё-

сова двухъ-трехъ верстъ, какъ насъ перегнали бѣговыя дрожки съ двумя пассажирами, изъ которыхъ въ сидѣвшемъ позади я узналъ одного изъ Z-скихъ повѣренныхъ—Пузырева. Нашей тяжелой телегѣ, хотя и запряженной парою, но нагруженной тремя сѣдоками нельзя было поспѣть за легкими дрожками Ястребова, которые скоро скрылись изъ виду. Къ десяти часамъ мы достигли усадьбы мироваго судьи. Здѣсь все, начиная отъ недавно выкрашенной крыши господскаго дома до послѣдняго столбика около воротъ въ околицу, носило вполнѣ благопристойный видъ и доказывало, что имѣніе было въ рукахъ хорошаго хозяина. Господскій домъ стоялъ на одной изъ сторонъ большой прямоугольной площадки, образованной хозяйственными постройками: цѣлый рядъ амбаровъ, сараевъ, конюшенъ, людскихъ и нѣсколько флигелей окаймляли эту площадь; поодаль отъ этихъ построекъ стоялъ большой скотный дворъ, по крайней мѣрѣ, на пятьсотъ штукъ скота и около него — «сырня». Въ полуверстѣ отъ дома, около рѣчки, виднѣлся большой винокуренный заводъ. Постройки были крыты толемъ, что̀ въ нашей мѣстности считалось нетолько роскошью, но и неслыханною диковинкою.

Передній фасадъ дома выходилъ въ небольшой, но изящный садъ, разбитый въ англійскомъ вкусѣ. По дорогѣ отъ деревни Чепыркиной къ господскому дому, шагахъ во ста отъ послѣдняго, стоялъ большой «трактиръ», эта почти необходимая принадлежность каждой судебно-мировой камеры. «Пока баринъ не былъ судьею, трактиръ снимался за сто рублей въ годъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ уполномоченныхъ: — теперь онъ ходилъ за шестьсотъ рублей». Судья, за время своего служенія получалъ по пятисотъ рублей ежегодно лишнихъ.

У трактира стоялъ цѣлый рядъ телегъ и бѣговыя дрожки Ястребова. Лошади были выпряжены и поставлены на дворъ, подъ стрѣху, для кормёжки. Александръ Михайловъ, взявшій на себя обязанности кучера, направилъ нашъ экипажъ къ этому же заведенію. «Къ мировому идти раньше того, какъ позовутъ— нельзя!» сказалъ онъ. Порядокъ въ этомъ отношеніи былъ заведенъ такой же, какъ у Пыркина.

Въ общей залѣ трактира почти всѣ отдѣльные столики были заняты публикой. Вызванные къ разбирательству, сидя за чаемъ и водкою, вели разговоры, по которымъ можно было судить, что нѣкоторые изъ тяжущихся были не прочь отъ заключенія между собою мировыхъ сдѣлокъ.

— Ну, давай: половина на половину! Проведешь больше! Нѐчего канителиться! Время рабочее!

— Третью копейку тебѣ уступаю!

— Говорю: проведешь больше! Ты шестой разъ свидѣтелей возишь, я шестой разъ своихъ свидѣтелей вожу, а—все расходъ!

— Ты мнѣ разложи деньги-то по срокамъ!..

— Хозяинъ, подай-ка намъ сладенькой полштофчикъ!

Въ другомъ мѣстѣ.

— Нашъ мировой—человѣкъ добрый, а на рѣчахъ не твёрдъ!

— Смирнякъ! Тебѣ-бъ вонъ такого надо, какъ Пыркинъ, въ томъ участкѣ!

— Смирнякъ-то, онъ—смирнякъ, а замаешься къ нему ходёвши! Третій разъ меня вызываетъ, дѣловъ не рѣшаетъ, никакого сужету не дастъ, а все на смиренье сводитъ!.. Замаешься ходёвши, хоть и кончить ка̀къ ни на есть, только чтобы изъ головы ужь вонъ!..

Трактирщикъ встрѣтилъ насъ съ большимъ привѣтомъ. Оказалось, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ держалъ въ Толстобрюховѣ питейное заведеніе и «очень отъ этого поправился, можно сказать, съ того времени и жить пошелъ и, къ тому же, съ селянами за все теченье время ни въ какой сурьёзъ не входилъ и по сю пору ихъ добро помнилъ».

— Саша Мишкинъ, Саша Гришкинъ! Наше вамъ! Проходите въ мою комнату; тамъ съ Ястребовымъ повидаетесь, онъ давно ужь васъ ожидаетъ! И вы съ адвокатомъ? Никакъ чужегородняго взяли?.. Господинъ, пожалуйте вотъ въ эту комнату, обратился ко мнѣ трактирщикъ.

Уполномоченные предоставили уборку лошадей пріѣхавшимъ съ нами крестьянамъ, а сами усѣлись, по предложенію Ястребова, за чай, пропустивши по стаканчику очищенной. Съ Пузыревымъ я былъ знакомъ раньше, видаясь съ нимъ въ Z—скомъ мировомъ съѣздѣ; отъ него, вѣроятно, узналъ обо мнѣ и Ястребовъ, который, называя меня по имени, просилъ «раздѣлить кампанію». Вошелъ трактирщикъ и тоже усѣлся за столъ.

— Теперь у васъ судъ будетъ, какъ надо быть, началъ онъ:— а то годъ безъ адвокатовъ судились, годъ объ одномъ адвокатѣ, не знаю, сколько объ двухъ адвокатахъ просудитесь; только сегодня вашему дѣлу конца не будетъ! Это ужь я вѣрно знаю: какъ только два адвоката, не разберется дѣло! Лучше бы вамъ помириться какъ-нибудь! Кончили бы, да, по крайности, не гдѣ-нибудь, а у меня, стараго вашего пріятеля, и мировую запили!

— Отчего-жъ не кончить, мы согласны! отвѣтили уполномоченные.

— На чемъ же кончить-то? спросилъ у нихъ Ястребовъ.

— У насъ адвокатъ есть!

— И у меня адвокатъ есть! Коли я у васъ спрашиваю, такъ вы и отвѣчайте!

— Разойдемся по своимъ!

— Про это нѣчего и лясвать! съ неудовольствіемъ сказалъ Ястребовъ. — А вотъ вы сто рублей мнѣ давали въ прошлый разъ—хотите, такъ и кончимъ!

— Мало что̀ давали, теперь ста копеекъ не дадимъ!

— Всѣ отдадите и убытки заплатите!

— Какъ законъ велитъ! Пусть наше дѣло по закону рѣшится!

— Да не рѣшится ваше дѣло сегодня! вступился трактирщикъ. — Не надоѣло, видно, вамъ ѣздить-то! Пора рабочая, а они—знай себѣ катаются! Вотъ посмотрите, что не рѣшится ваше дѣло!

— Будемъ просить, чтобы рѣшилъ!

— Тутъ всѣ собираются просить, да не знаю, поможетъ ли!

— Развѣ нездоровъ самъ-то? спросилъ Ястребовъ.

— Часъ тому назадъ катался на бѣговыхъ дрожкахъ, а что̀ теперь съ нимъ—не знаю! отвѣтилъ трактирщикъ.—Нашъ мировой—страсть какой охотникъ до лошадей: погода—не погода, а каждый день онъ рано утромъ верстъ десятокъ объѣздитъ, все лошадей нарысачиваетъ! И что̀ у него теперь за лошади, большихъ тысячъ стоютъ!.. Охотникъ онъ до хорошихъ лошадей! повторилъ онъ, обращаясь больше ко мнѣ.

— Да еще до хорошенькихъ «барынь!» замѣтилъ Ястребовъ, хихикнувъ.

— Это—тоже.

— Сколько у него ихъ теперь?

— Парочка: одна французинка, другая нѣмка! И такія красавицы, что за одно посмотрѣнье отдай все, да и мало! Изъ Петербурга, говорили, привезъ! Сперва-то, какъ привезъ онъ ихъ, жили они вмѣстѣ, да потомъ неполадили, стали ссориться; ну, онъ ихъ и разъединилъ по разнымъ мѣстамъ: одну въ одинъ флигерь, другую—въ другой! День у одной побудетъ, день у другой! Чередъ свой наблюдаетъ!

Пузыревъ спросилъ у меня, «чѣмъ кончилось дѣло Немятовой», которое Немятовы предлагали ему вести и отъ котораго онъ, «по примѣру всѣхъ Z—скихъ адвокатовъ», отказался, потому что защищать дѣла у Пыркина можно только тѣ, которыя онъ «самъ рекомендуетъ, не то нарвешься на такую непріятность, что и самъ не радъ будешь, что взялся, а, при теперешнихъ правилахъ, осторожность не мѣшаетъ». Узнавши, что я намѣреваюсь подать по дѣлу Немятовой апелляціонный отзывъ вмѣстѣ съ част-

ной жалобой, въ которой я указываю на неправильности, допущенныя судьею при разбирательствѣ, онъ посовѣтовалъ мнѣ отъ подачи послѣдней воздержаться, говоря, что «частныя жалобы, кромѣ неудовольствія для подающихъ ихъ, рѣдко приносятъ какую-нибудь пользу».

— Вотъ возьмемъ, напримѣръ, здѣшняго судью Чепуркина! Медленность производства у него доведена до высшей степени совершенства! Наше съ вами дѣло ведется третій годъ, а попробуйте вы подать въ съѣздъ жалобу на эту медленность! Съѣзды бываютъ только разъ въ мѣсяцъ—значитъ, и жалобы разбираются разъ въ мѣсяцъ! Подадите вы жалобу; ну, съѣздъ въ первое очередное засѣданіе заслушаетъ вашу жалобу, предпишетъ истребовать отъ судьи объясненіе по предмету жалобы; черезъ мѣсяцъ по полученіи объясненія, опять заслушаетъ вашу жалобу и предпишетъ судьѣ «ускорить производство дѣла!..» И выходитъ, что жалоба на медленность производства разрѣшается, самое скорое — на третій мѣсяцъ по ея подачѣ!.. Вообще же, судьи обнаруживаютъ какую-то щепетильность къ подаваемымъ на нихъ частнымъ жалобамъ, и не скажу вамъ, чтобы они, по крайней мѣрѣ, наши судьи, долюбливали ихъ! Подайте-ка лучше одинъ апелляціонный отзывъ, и я вамъ предсказываю заранѣе успѣхъ!.. Я предлагалъ Немятовымъ свои услуги въ этомъ родѣ, такъ нѣтъ, вѣдь, они хотѣли, чтобы я и у мироваго судьи былъ— боялись, чтобы ихъ въ Сибирь не сослали!.. Ха, ха, ха, ха, ха!.. Часто это онъ Сибирь-то упоминалъ?.. Ха, ха, ха!.. Еще совѣтую вамъ не забыть сдѣлать одну вещь: подадите жалобу — просите росписочку, непремѣнно просите!.. Не любитъ онъ ихъ выдавать, а не брать нельзя, потому что у него часто случается такъ: вы подадите ему жалобу въ срокъ, квитанціи не возьмете, а онъ вернетъ ее вамъ черезъ полицію за «пропущеніемъ срока». Такихъ случаевъ у него было много, и я за справедливость ихъ ручаюсь... Ну, рѣшеніе, значитъ, вошло въ законную силу и подлежитъ исполненію, а вамъ предоставляется полное право доказывать, что жалоба подана въ срокъ! Хорошо еще, если у васъ есть свидѣтели подачи, а если ихъ нѣтъ! Тогда—капутъ! Вотъ и пишите частную жалобу! Мы, Z—скіе адвокаты, изобрѣли какую штуку: бредемъ по желѣзной дорогѣ въ другой городъ, а по почтѣ и пошлемъ ему отзывъ, тогда, по крайней мѣрѣ, почтовая росписка будетъ служить доказательствомъ, и то, все-таки, онъ ухитрился разъ вернуть мнѣ апелляцію, поданную по почтѣ за долго до окончанія срока, на томъ основаніи, что она пришла къ нему по минованіи срока, такъ какъ долго пролежала

на почтѣ! Я подавалъ частную жалобу, и ее уважили!.. Вотъ онъ каковъ!..

Прибѣжалъ лакей, крикнулъ: «идите, баринъ требуютъ!» и убѣжалъ обратно.

Гурьбою пошли мы къ господскому дому. Небольшой домъ судьи выглядѣлъ солидно и весело. Въ чистенькой передней насъ встрѣтилъ прилично одѣтый лакей съ требованьемъ, чтобы «всѣ вычистили ноги», прежде чѣмъ войти въ залу, гдѣ разбирались дѣла̀. Пузыревъ и Ястребовъ поздоровались съ этимъ лакеемъ рукопожатіемъ, какъ старые знакомые.

У дверей въ эту залу висѣла рамка, за стекломъ которой помѣщалось объявленіе о штрафѣ отъ 25 коп. до 3 рублей за шумъ и безпорядокъ во время разбирательства. Пузыревъ остановилъ меня у этой рамки, сказавши, что она «двусторонняя». Въ доказательство справедливости своихъ словъ, онъ снялъ ее съ гвоздя, перевернулъ задомъ на передъ и показалъ за другимъ стекломъ никѣмъ не подписанное объявленіе слѣдующаго содержанія: «назначенныя на сегодняшній день дѣла̀, по случаю внезапной болѣзни судьи, откладываются впредь до новаго вызова».

— Объявленіе, заготовленное разъ навсегда, то-есть, по крайней мѣрѣ на три года! Вы замѣчаете особое опредѣленіе болѣзни судьи: «внезападная», вмѣсто «внезапная!» Особая болѣзнь!

Лакей выхватилъ изъ рукъ адвоката рамку со словами: «увидитъ баринъ, осердится» и повѣсилъ ее на прежнее мѣсто.

— Сегодня будешь перевертывать ее на изнанку? спросилъ у него Пузыревъ.

— Я почемъ знаю? прикажутъ—переверну!

— «Лаврентій, вывѣси объявленіе!» болѣзненнымъ голосомъ проговорилъ Пузыревъ и разсмѣшилъ лакея.

Большая камера судьи раздѣлялась лакированною дубовою массивною перегородкою на двѣ части. За рѣшеткою, на паркетномъ полу, покрытомъ ковромъ, стоялъ присутственный столъ и около него высокое, готическое, рѣзной работы, кресло судьи съ лиловою бархатною спинкой. У стѣны, съ лѣвой стороны, около оконъ, стоялъ небольшой столъ для письмоводителя, сидѣвшаго уже на своемъ мѣстѣ. Это былъ тоненькій, бѣлокурый молодой человѣкъ, одѣтый съ претензіей на франтовство.

— Леонидъ Николаичъ, всѣ пришли? раздался изъ полурастворенной двери звучный мужской голосъ съ легонькимъ баскомъ.

— Пришли-съ! отвѣтилъ письмоводитель и, вставши, провозгласилъ:—судъ идетъ, прошу встать.

Въ части камеры, предназначенной для тяжущихся, по стѣнамъ стояли широкіе дубовые диваны и рядъ черныхъ скамей. Публика, размѣстившаяся-было на этихъ диванахъ и скамьяхъ, встала и придвинулась къ рѣшоткѣ.

Вышелъ судья, высокій, очень блѣдный молодой человѣкъ, красивый брюнетъ. Издалека, впрочемъ, онъ показался мнѣ и блѣднымъ, и молодымъ, и красивымъ, а впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось взглянуть на него вблизи, иллюзія моя разрушилась, и я замѣтилъ на лицѣ его такой толстый слой пудры, что часть ея даже ссыпалась на воротникъ его коротенькаго чернаго пиджака на распашку. Одѣтъ онъ былъ щеголевато, съ шикомъ: бѣлые брюки, бѣлый жилетъ, черный манчестеровый пиджакъ, лаковые ботинки, тоненькій бѣлый батистовый галстучекъ, тонкое и свѣжее бѣлье.

— Подайте цѣпь!.. Лаврентій, гдѣ же ты? Цѣпь!

Лакей принесъ продолговатый краснаго сафьяна, съ золотымъ тисненіемъ ящикъ и вынулъ изъ него цѣпь.

— Вытри! Тебѣ всегда нужно напоминать!

Лаврентій вынулъ изъ ящика же небольшое полотенце и прошмыгнулъ имъ по цѣпи. Судья нагнулъ голову и вытянулъ шею.

— Надѣнь!

Лаврентій съ благоговѣніемъ возложилъ цѣпь на рамена судьи. Это была процедура публичнаго приготовленія къ публичному разбирательству.

— Съ прошеніями никого нѣтъ? спросилъ судья.

Вопросъ остался безъ отвѣта. Судья сѣлъ за столъ и провелъ взглядомъ по тѣснившейся у рѣшотки публикѣ.

— Открываю засѣданіе! Прошу занять мѣста!

Приготовленіе къ разбирательству было очень торжественно, что̀ мнѣ даже очень понравилось. Судья провелъ взглядомъ по публикѣ во второй разъ. Такъ какъ я стоялъ за рѣшоткой въ первомъ ряду, то весьма естественно, что, какъ новое лицо, обратилъ на себя вниманіе судьи.

— Вы по какому дѣлу? спросилъ онъ у меня.

Я объяснилъ.

— Это дѣло, гдѣ обѣ стороны жалуются другъ на друга! Помню, помню! Очень пріятно!..

Судья всталъ со своего мѣста, подошелъ къ рѣшоткѣ и протянулъ мнѣ руку.

— Вы безъ свидѣтельства отъ нашего съѣзда? спросилъ онъ.

— Я защищаю это дѣло въ счетъ трехъ дѣлъ, которыя я

имѣю право защищать безъ свидѣтельства. Это дѣло будетъ вторымъ... я дамъ въ томъ подписку.

Судья взглянулъ на письмоводителя, тотъ кивнулъ головою.

— Въ такомъ случаѣ—оченъ пріятно! Вы за крестьянъ?

— Дà, я за крестьянъ!

— А Ястребова и его повѣреннаго нѣтъ? Дѣло, кажется, поэтому состояться не можетъ! съ живостью объявилъ мнѣ судья.

Ястребовъ съ Пузыревымъ стояли позади и, услыхавъ, что судья ихъ спрашиваетъ, продрались сквозь толпу.

— Лучше бы всего было, еслибы вы, господа, однакожь, кончили дѣла ваши миромъ, предложилъ судья, поздоровавшись съ Ястребовымъ и его адвокатомъ.

— Сто рублей крестьяне, въ прошлое засѣданіе, Ястребову давали—я согласенъ на эту цифру! объявилъ Пузыревъ.

— Мои условія мировой заключаются въ томъ, чтобы обѣ стороны отказались отъ предъявленныхъ ими требованій, разошлись по своимъ, сказалъ я со своей стороны.

Судья съ удивленіемъ на меня взглянулъ.

— Совѣтовалъ бы вамъ кончить «на половину»! Договоръ признанъ уполномоченными вашихъ довѣрителей за подлинный и потому долженъ быть исполненъ.

— Напротивъ: я считаю, что этотъ договоръ не имѣетъ никакого обязательнаго для сторонъ значенія!

— Это почему такъ? съ живостью спросилъ у меня судья.

— Я попрошу позволенія высказать мои соображенія при разборѣ этого дѣла!

— Нѣтъ, нѣтъ! пожалуйста, сейчасъ, прошу васъ!

— Извольте: въ 3-мъ примѣчаніи къ 310 статьи Питейнаго Устава сказано, что договоры объ исключительномъ правѣ торговать виномъ въ селеніяхъ—недѣйствительны!

— Ну, вотъ! ну, вотъ!.. Я всегда ожидалъ что-нибудь въ этомъ родѣ!.. Леонидъ Николаичъ, вы никогда не подготовите статей... Прежній письмоводитель былъ у меня золото въ этомъ отношеніи! Я зналъ, что чтò-то въ этомъ родѣ должно быть, да не могъ вспомнить гдѣ найти!.. Леонидъ Николаичъ, вы запишите!..

Письмоводитель опять кивнулъ головою. Судья взялъ у меня Питейный Уставъ и провѣрилъ ссылку. Надо было видѣть переполохъ Ястребова и Пузырева.

— Значитъ, нѣтъ никакого основанія опасаться, что рѣшеніе мое будетъ отмѣнено съѣздомъ, если я рѣшу на основаніи этой статьи! Вы меня не знаете: я очень самолюбивъ!.. Леонидъ Николаичъ, вы записали? спросилъ судья у письмоводителя и,

обратившись опять ко мнѣ, продолжалъ:—Я нѣсколько бѣдствую: у меня новый письмоводитель! прежній запьянствовалъ, пропалъ безъ вѣсти, черезъ мѣсяцъ моя собака принесла его ногу! Стали искать и нашли его въ болотѣ, въ двухъ верстахъ отсюда! Должно быть, утонулъ!.. Послѣ него еще ничего нельзя привести въ порядокъ!.. Вы не знаете, какое счастіе для судьи имѣть хорошаго письмоводителя! Впрочемъ, нужно быть судьею, чтобы понимать, что̀ значитъ хорошій письмоводитель!

Судья усѣлся на свое мѣсто и внимательно прочитывалъ указанное мною примѣчаніе.

— Для удовольствія господина судьи, я готовъ хоть сейчасъ помириться даже не то что на половину, то есть, на семьдесятъ пять рублей, а на пятьдесятъ рублей; но уже меньше не уступлю ни гроша! объявилъ Ястребовъ.

Судья ласково кивнулъ Ястребову головою, какъ-будто уступчивость Ястребова, и въ самомъ дѣлѣ, доставляла ему удовольствіе.

— А я имѣю честь заявить, что законъ этотъ къ настоящему дѣлу не относится, потому что здѣсь ничего про неустойку не сказано, а ты неустойку взыскиваешь! вставилъ Пузыревъ.

— Да̀, да̀, да̀! Именно такъ! поддакнулъ Ястребовъ:—именно законъ этотъ къ намъ не относится, потому что мы—на счетъ неустойки, а здѣсь про неустойку ничего не сказано!

Судья, кажется, былъ уже намѣренъ приступить къ разбору дѣла, какъ, услыхавъ заявленія Пузырева и Ястребова, вскочилъ съ мѣста и подошелъ къ намъ, къ рѣшеткѣ, съ питейнымъ уставомъ въ рукахъ.

— Кажется, здѣсь про неустойку ничего не сказано! сказалъ онъ, снова заглядывая въ книгу.

— Извольте посмотрѣть! Мнѣ этотъ законъ всегда даже очень былъ извѣстенъ, только онъ къ нашему дѣлу не подходитъ! громогласно и съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ отвѣтилъ Ястребовъ. Не согласенъ я мириться, пусть мнѣ всѣ триста рублей отдадутъ!..

Судья прочелъ роковое примѣчаніе и въ недоумѣніи взглянулъ на меня.

— Триста рублей мнѣ отдадутъ и судебныя издержки, и проценты за два года заплатятъ! твердилъ Ястребовъ.

— Дмитрій Петровичъ! обратились мои уполномоченные къ Ястребову:—ты не очень тѣсни-то насъ! Пожалѣй хоть сколько-нибудь!

— Если какое-либо условіе считается по закону недѣйствительнымъ, то есть для сторонъ необязательнымъ, то понятно,

что и неустойка, проставленная въ условіи этомъ, съ цѣлію придания ему обязательной для сторонъ силы—тоже недѣйствительна! произнесъ я не безъ апломба.

— Дà, дà! Это такъ! Это вѣрно! подкрѣпилъ меня судья:—я это знаю: условіе незаконно—значитъ, и неустойка пропадаетъ!

Заносчивость Ястребова тоже пропала.

— Крестьяне, въ теченіи двухъ лѣтъ, въ каждомъ изъ засѣданій признавали, что условіе они считаютъ за дѣйствительное, подлинное и для себя обязательное!.. Неугодно ли взглянуть на протоколы прежнихъ засѣданій! заявилъ Пузыревъ.

— Дà, дà! поддакнулъ ему судья и послѣ нѣкотораго раздумья, объявилъ намъ:—А знаете, господа! Я, кажется, разбирать дѣлъ сегодня не буду!

Пораженные такою неожиданностью, мы всѣ молчали.

— Я говорю, что вынужденъ буду всѣ сегодняшнія дѣлà отложить! Мнѣ чтò-то не здоровится!.. Я боленъ!.. Голова болитъ...

И судья взялся обѣими руками за голову. Голосъ у него сдѣлался болѣзненнымъ, жалостнымъ.

Толпа тяжущихся и свидѣтелей зашевелилась. Въ заднихъ рядахъ послышалось сдержанное: «опять, двадцать пять!»

— Не могу разбирать! твердилъ судья.—Лаврентій, вывѣси объявленіе!

Изъ передней долетѣло до насъ: «слушаюсь» и слышно было, кàкъ лакей зашумѣлъ, перевертывая задомъ на передъ рамку.

Судья снялъ цѣпь.

Нѣсколько человѣкъ тяжущихся, а въ числѣ ихъ и мои «уполномоченные» начали упрашивать.

— Господинъ мировой, просимъ рѣшить наши дѣлà! Можетъ, какъ и стерпишь!

— Рѣши какъ знаешь, батюшка мировой, будь отцомъ!

— Отпусти насъ суженыхъ, а то даже по всей округѣ сосѣди смѣются: «третій, говорятъ, годъ вашему дѣлу пошелъ, а на него все концовъ нѣтъ!» Тàкъ по всей, почитай, волости и зовутъ насъ «недосужеными!» Не можно ли какъ рѣшить на чемъ ни на есть, чтобъ только какой ни на есть отъ вашей чести резонтъ намъ вышелъ!

Судья подошелъ къ периламъ.

— Не могу! Я сказалъ, что не могу! Идите, читайте объявленіе! сказалъ онъ.

— Много разъ читали! Не бо-знать мудренность какая—наше дѣло-то! Не то, чтобы оно какое путанное было! Разсуди, батюшка!

— Я опять говорю вамъ, что не могу! Кто желаетъ кончить

дѣло миромъ, можетъ обратиться къ письмоводителю: онъ запишетъ мировую!

Къ просьбамъ крестьянъ присоединился и я.

— Я имѣлъ честь объяснить вамъ, что я боленъ, обратился онъ ко мнѣ съ оффиціально-натянутымъ, вѣжливымъ тономъ. Вы, быть можетъ, сомнѣваетесь, что я боленъ, думаете, что я притворяюсь? Увѣряю васъ, что я дѣйствительно нездоровъ и, если хотите, имѣю на то доказательства!.. У меня голова болитъ, я чувствую легкій жаръ и посмотрите—у меня даже языкъ бѣлый!

И судья, для бо̀льшей убѣдительности, показалъ имъ языкъ, слегка подернутый бѣлымъ налётомъ.

Признаюсь, предъ подобнымъ аргументомъ я спасовалъ, спасовали и крестьяне.

— И такъ, до новыхъ повѣстокъ! сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ всеобщаго молчанія и испортилъ тѣмъ все дѣло. Уйди онъ молча изъ залы, никто не пикнулъ бы ни слова.

— Просите дужей, можетъ смилуется! крикнулъ кто-то въ заднихъ рядахъ.

Крестьяне, стоявшіе у рѣшотки, обнаружили-было желаніе стать на колѣни, но, примкнутые задними рядами, только присѣли, сдѣлавши что̀-то въ родѣ книксена.

— Утрудись, разбери! Пятый разъ насъ по повѣсткамъ вытребываютъ, а дѣловъ нѣтъ нисколько! говорили одни.

— Прикончи наши дѣла̀! Осуди на чемъ ни на есть! вторили другіе.

Тронутый такими мольбами, судья самъ уже на себя надѣлъ цѣпь, снова сѣлъ за присутственный столъ и задумался.

— Открываю засѣданіе! послѣ нѣкотораго молчанія провозгласилъ онъ болѣзненнымъ, разслабленнымъ голосомъ.

«Слава-ти Господи!» вылетѣло изъ многихъ грудей шепоткомъ.

— Я ваше дѣло начну! обратился судья ко мнѣ.—Пожалуйте за рѣшетку!

Я и Пузыревъ вышли за рѣшетку. Я подалъ свою довѣренность и далъ подписку, что «защищаю во второй разъ».

— Леонидъ Николаичъ! прочтите исковое прошеніе Ястребова и встрѣчную жалобу крестьянъ!

Судья опустилъ локти на столъ и закрылъ лицо руками. Въ залѣ воцарилась благоговѣйная тишина. Письмоводитель, стоя, прочелъ, что̀ требовалось. Обѣ просьбы содержали въ себѣ извѣстныя намъ требованія; окончанія ихъ были тождественны, точно писались съ одного образца: «Считая себя крайне оби-

женными и припадая къ стопамъ милосердія вашего высокоблагородія, мы покорнѣйше просимъ оказать намъ въ нашемъ стѣсненіи законную защиту и снисхожденіе и взыскать...»

Когда письмоводитель кончилъ, судья будто очнулся. Онъ взялъ лѣнивымъ жестомъ анисимовское изданіе судебныхъ уставовъ и открылъ верхнюю крышку переплета. На приклеенномъ къ обложкѣ листкѣ почтовой бумаги было крупнымъ писарскимъ почеркомъ написано—я прочелъ «вверхъ ногами»—«порядокъ гражданскаго разбирательства», и за тѣмъ слѣдовало нѣсколько строчекъ мелкаго письма.

— «Истецъ объясняетъ свои требованія!» провозгласилъ судья, не относя собственно ни къ кому изъ насъ своей фразы.

Оба мы были истцами, и оба мы были въ нерѣшительности, кому изъ насъ начинать. Первоначальный искъ поддерживался Пузыревымъ—значитъ, ему принадлежало право первому «объяснять свои требованія». Я сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ началъ, и онъ повторилъ почти все то, что̀ было сказано въ прошеніи его довѣрителя.

— «Отвѣтчикъ представляетъ свои возраженія!»

Я объяснилъ, что претензіи Ястребова и крестьянъ другъ къ другу не имѣютъ законнаго основанія, и, отказываясь поэтому поддерживать требованія своихъ довѣрителей, я просилъ судью, въ силу приведенной мною статьи питейнаго устава, отказать Ястребову въ его требованіяхъ, взыскавъ съ него въ пользу крестьянъ села Толстобрюхова вознагражденіе за веденіе дѣла въ размѣрѣ десяти рублей по таксѣ.

Не успѣлъ я кончить, какъ Пузыревъ торжествующимъ голосомъ обратился къ судьѣ со словами:

— Заявленіе повѣреннаго противной стороны объ отказѣ отъ своихъ исковыхъ требованій прошу занести въ протоколъ и дать ему росписаться!.. Теперь-то мы всѣ денежки взыщемъ! громко сказалъ онъ, обращаясь назадъ къ своему довѣрителю, стоявшему за рѣшеткой.

— Я, въ свою очередь, прошу занести мое заявленіе въ протоколъ! заявилъ я.—Обернувшись назадъ къ своимъ кліентамъ, по растеряннымъ физіономіямъ ихъ я замѣтилъ, что они и, въ самомъ дѣлѣ, считали наше дѣло проиграннымъ.

— Не лучше ли вамъ, господа, помириться! предложилъ намъ судья.

— Я теперь не согласенъ! Пусть всѣ триста отдадутъ! Мы всѣ триста взыщемъ! До сената дѣло доведу! разразился Ястребовъ изъ-за рѣшетки.—Крестьяне нарушили условіе, сами признались въ томъ, что нарушили! Адвокатъ ихній отъ своего

иска отказался, а я отказываться не желаю! Своихъ триста просужу, а гроша имъ не уступлю!

Судья схватился за голову.

— Но я рѣшительно не могу разбирать сегодня! Я могу положительно сказать, что я боленъ! жалостливымъ голосомъ проговорилъ онъ и обнаружилъ рѣшительное намѣреніе положительно снять цѣпь.

Это движеніе было тотчасъ понято присутствующими. Повторились прежнія сцены мольбы и сдѣлали то, что судья остался на своемъ мѣстѣ и цѣпи не снялъ.

— Вы записали? спросилъ онъ у письмоводителя.

Тотъ кивнулъ головою. Я и Пузыревъ подписались каждый подъ своимъ заявленіемъ.

Судья снова заглянулъ въ свою книжку.

— «Предложеніе окончить дѣло миромъ!»... Да помиритесь же вы, господа!

— Нѣтъ, нѣтъ, я мириться теперь не согласенъ! Всѣ просужу, а копейки не уступлю! горячился Ястребовъ.

— «Судъ удаляется для постановки рѣшенія!» провозгласилъ судья. Онъ тихонько приподнялся съ мѣста и направился къ двери въ сосѣднюю комнату, изъ которой онъ вышелъ.

Наступила рѣшительная минута.

— Дмитрій Петровичъ! за что̀ ты такъ насъ тѣснишь, мы тебѣ никогда злодѣями не были! заговорили мои кліенты, обращаясь къ Ястребову.—Бери ты съ насъ сто рублей, какъ давеча просилъ!.. Самъ вѣдь просилъ!.. Давеча самъ набивался!.. Пожалѣй и насъ хоть сколько-нибудь!.. Возьми сотенку!.. Мы на сотенку мириться полномочны!..

Судья обернулся и ждалъ.

— Берите сто рублей! предложилъ онъ Ястребову.

— Пусть всѣ заплатятъ! До сената дѣло доведу!..

— Даютъ, вѣдь! Хотите я отложу разбирательство, а вы подумаете! Можетъ быть, и сегодня надумаетесь! День великъ! Миритесь и вы, прошу васъ! обратился ко мнѣ судья.—Уговорите вы своихъ!

— На прежде предложенныхъ мною условіяхъ—я согласенъ! сказалъ я, чтобы поскорѣй кончить эту комедію.

— Это—подарить крестьянамъ триста рублей! заговорилъ Ястребовъ.—Ни за что̀! Пусть всѣ триста мнѣ отдадутъ, а издержки мои за два года я имъ прощаю!

— Такъ мировой не состоится? спросилъ у меня судья.

— Нѣтъ!

Судья ушелъ, а вслѣдъ за нимъ и письмоводитель, захвативъ

съ собою судебные уставы, мой «Питейный уставъ» и разбираемое дѣло.

— А вѣдь судья правду сказалъ, что «судъ удаляется на совѣщаніе», шепнулъ мнѣ Пузыревъ:—дѣла-то здѣсь рѣшаются коллегіально: судьей, письмоводителемъ и камердинеромъ судьи, Лаврентіемъ! Таковъ составъ суда, въ которомъ судья — только предсѣдатель!.. Лаврентій, навѣрное, уже тамъ въ залѣ совѣщаній, указалъ онъ на комнату, куда ушли судья и письмоводитель.—Онъ больше заднимъ ходомъ пробирается въ совѣщательную-то комнату и тамъ съ правомъ голоса разрѣшаетъ дѣло! Иногда, знаете, очень важно бываетъ заручиться расположеніемъ обоихъ непремѣнныхъ членовъ совѣта судьи, тогда большинство голосовъ за вами обезпечено!.. Вы думаете, что «онъ», и въ самомъ дѣлѣ, боленъ? Нисколько-съ! Здоровѣе насъ съ вами! Это онъ всегда заболѣваетъ, когда нужно рѣшить какое-нибудь трудное дѣло и когда, притомъ, мировое соглашеніе не ладится! Ну, сейчасъ и «внезапная» болѣзнь на сцену! Трактирщикъ былъ отчасти правъ, говоря, что дѣла, пожалуй, разбираться не будутъ!

— Сегодняшнее дѣло вы, вѣроятно, надѣетесь выиграть?

— О нѣтъ! У меня съ Ястребовымъ здѣсь другая политика! Вы думаете, мы не знали этого примѣчанія къ 310-й статьѣ Питейнаго Устава! Знали-съ!.. Пока у крестьянъ не было адвоката, мы надѣялись повыгоднѣе помириться съ ними; ну, а теперь мы играемъ въ азартную игру—рискуемъ!..

— Чѣмъ же?

— А вотъ увидите, а не увидите, такъ услышите! отвѣтилъ онъ, отходя отъ меня прочь.

Прошло добрыхъ полчаса, прежде чѣмъ судья, опять въ сопровожденіи письмоводителя, вошелъ въ камеру. Я заглянулъ въ переднюю: Лаврентій стоялъ уже на своемъ прежнемъ мѣстѣ, у дверей.

Я приготовился выслушать резолюцію, но оказывалось, что она не была еще готова. Судья вышелъ не съ готовымъ, какъ я ожидалъ, рѣшеніемъ, а съ тѣмъ, чтобы собственноручно написать его въ камерѣ, въ присутствіи всей публики, на глазахъ у всѣхъ и тѣмъ доказать самостоятельность, независимость своего рѣшенія отъ постороннихъ вліяній. Онъ бойко писалъ, диктуя самъ себѣ, сперва потихоньку, а потомъ все громче и громче... «я, мировой судья Z—скаго округа, 3-го участка, разобравъ гражданское дѣло по иску мѣщанина Ястребова съ крестьянъ села Толстобрюхова неустойки 300 руб. и по встрѣч-

ному иску означенныхъ крестьянъ съ Ястребова 150 рублей по-ста-но-вилъ...»

Проговоривъ необыкновенно отчетливо и съ разстановкою «по-ста-но-вилъ», судья запнулся и, нагнувшись къ столу, казалось, раздумывалъ, что̀ слѣдуетъ постановить.

Мы съ Пузыревымъ взглянули другъ на друга. Онъ пожалъ плечами, желая показать, что не понимаетъ, что̀ происходитъ съ судьей:

— Леонидъ Николаичъ! Сколько разъ просилъ я васъ писать не карандашомъ, а чернилами и поразборчивѣе! Ни слова не разберешь, что̀ тутъ... рѣзкимъ, сердитымъ шопотомъ сказалъ письмоводителю судья.

— На основаніи примѣчанія... тоже шепотомъ началъ было подсказывать тотъ.

— Довольно, довольно! Теперь я ужь и самъ!

Оказывалось, что судья списывалъ рѣшеніе съ готоваго оригинала. Онъ пописалъ немного и расчеркнулся.

— Еще разъ предлагаю вамъ помириться! обратился онъ къ намъ.

Мировой не состоялось.

— Ну, выслушайте мое рѣшеніе!

И судья провозгласилъ резолюцію, по которой обѣимъ сторонамъ отказывалось въ искѣ, и съ Ястребова въ пользу моихъ кліентовъ присуждалось за веде́ніе дѣла 10 р.

Мои «уполномоченные» крикнули отъ удовольствія.

— Я недоволенъ, пожалуйте мнѣ за скрѣпой копію! Я до сената дѣло доведу! Въ губернію съѣзжу, настоящему адвокату дѣло передамъ! Непремѣнно до сената! Позвольте мнѣ копію! не безъ нахальства заговорилъ Ястребовъ.

— Вы, Дмитрій Петровичъ, все это напрасно! ласково сказалъ ему судья.—Вы знаете законъ! На меня вы не обижайтесь!

— Позвольте мнѣ копію! Развѣ мнѣ не обидно? Мнѣ даже очень обидно!

Судья схватился за голову.

— Такъ нездоровиться, такъ нездоровиться, а тутъ еще дѣла̀!.. Сколько назначено на сегодня? спросилъ онъ у письмоводителя.

— Съ этимъ шесть-съ!

— Гражданскіе?

— Гражданскіе со свидѣтелями!

— Просилъ васъ никогда не назначать по стольку! Никогда вы не дѣлаете, что̀ вамъ говорятъ!.. Я не могу разбирать, поло-

жительно не могу! Можетъ быть, у кого-нибудь есть мировая сдѣлка?

Два дѣла, по соглашенію тяжущихся, прекращались миромъ, окончанія остальныхъ я не сталъ дожидаться и ушолъ.

V.

Мировая сдѣлка.—Шантажъ новаго рода.—Подача отзывовъ «рѣшительному» и полученіе отъ него росписки.—Лиловыя чернила.—Какую важную роль можетъ играть иной разъ вакса.—Добродѣтельный поваръ.—Право и возможность имъ пользоваться.

Уполномоченные, прійдя вскорѣ за мною въ трактиръ, разсказали мнѣ, что судья «очень сталъ уговаривать» Ястребова, чтобы тотъ бросилъ дѣло и жалобъ никуда не подавалъ.

— Ястребовъ твердитъ свое: «пожалуйте, говоритъ, мнѣ копію, мнѣ очень обидно!» Судья ужь хотѣлъ было намъ за него отдать десять рублей, да онъ и руками, и ногами, говоритъ, что онъ побольше трехъ сотъ рублей убытку понесъ!—Мировой ему говоритъ: «купи у меня двѣсти штукъ опойку—я тебѣ по дешевой цѣнѣ отдамъ, только чтобы ты росписался, что ты судомъ моимъ доволенъ, а отъ опойку ты свои убытки сколько нибудь наведешь!»

— И наведетъ, замѣтилъ слышавшій этотъ разговоръ трактирщикъ:—нашъ мировой—«смирнякъ»; ему это—смерть, если на него жалобу подадутъ! И сколько это онъ денегъ переплачиваетъ, чтобы только смирить тѣхъ, кто у него судится! Крестьяне ужь это знаютъ!.. Вотъ, на прошлой недѣлѣ была разборка безъ адвокатовъ, такъ онъ судящихся-то разовъ пять присылалъ изъ суда ко мнѣ и всякій разъ при томъ записочку: «отпустить подателямъ полштофъ водки и записать въ счетъ платы за аренду!» А мнѣ товаромъ платить ему еще лучше! За то всѣ дѣла̀ въ тыё время прикончились миромъ!

— И сейчасъ, почитай, тоже! По двумъ дѣламъ помирились сами по себѣ, а по тремъ не миновать придутъ къ тебѣ съ записочками! сказалъ Александръ Михаиловъ.

— Ну, что̀-жь! И хорошее дѣло! У насъ ужь и пословица новая вышла: лучше помириться, чѣмъ вѣкъ судиться! говорилъ мнѣ трактирщикъ.—А славно вы Ястребова поддѣли сегодня! Ѣздилъ онъ, ѣздилъ сюда; хвастался, хвастался, что выиграетъ у крестьянъ дѣло или помирится съ барышомъ—анъ вышло такъ, что самъ крестьянамъ плати. Впрочемъ, онъ свое возьметъ!

Судья ни за что̀ до жалобы не допуститъ! На него еще не одной жалобы не доходило до съѣзда: все самъ прекращалъ!

— Не можетъ быть! Есть дѣла̀, которыя нельзя кончить примиреніемъ сторонъ, напримѣръ, дѣла̀ о кражахъ!

— А онъ такихъ дѣлъ вовсе и не разбираетъ! Въ городѣ за него всегда такія дѣла̀ другой судья рѣшаетъ; слышали вы, быть можетъ, «занимательнымъ» онъ прозывается! Дѣловатый парень!.. И незадаромъ вѣдь: у нихъ такое положеніе сдѣлано, что «нашъ» ему платитъ за всякій день разборки уголовныхъ дѣловъ по десяти рублей!.. Въ родѣ поденьщика!

— Что̀ за охота «вашему» служить, если онъ чувствуетъ себя... постоянно больнымъ?

— Ну, вотъ подите!.. И не понимаю самъ! Я ужь и то какъ-то разъ ему съ просту прямо въ глаза сказалъ: «бросили бы вы, баринъ, эти дѣла̀, одно только вамъ отъ нихъ безпокойство и прямой убытокъ!»—Ну, не залюбилъ: нравится ему быть судьей, да не нравится дѣла̀ рѣшать! И то все собирается на будущее время поступить не въ участковые, а въ почетные, да не любитъ онъ въ съѣздъ ѣздить! Никакъ онъ, за все время какъ онъ судьей, одинъ разъ въ съѣздѣ и былъ!.. Не знаю я, ка̀къ онъ вамъ показался, а вѣдь онъ у насъ—баринъ простой и очень веселый! Въ какой день нѣтъ разбирательства, онъ прямо ко мнѣ приходитъ, вотъ здѣсь, на вашемъ мѣстѣ, сядетъ, посидитъ, поговоритъ, выпьетъ водочки, ужь это всегда; онъ у насъ добрый баринъ—пошутитъ, посмѣется! Потомъ, когда придетъ ему время, вскочитъ, скажетъ: «пора мнѣ къ моей нѣмкѣ идти», а то въ другой день, коли француженкинъ чередъ, такъ къ француженкѣ!.. Большія имъ онъ деньги платитъ: вѣдь, онъ у насъ не бѣдный...

Большой толпой пришли въ трактиръ тяжущіеся. Одинъ изъ нихъ, подавая трактирщику клокъ бумаги, сказалъ:

— Всѣ дѣла̀ прикончились смиреньемъ! Просто, почитай, насъ силкомъ заставилъ помириться!.. За это, вотъ, съ него магарычи сорвали! На-ка записочку, самъ судья писалъ! Это—на всѣхъ, кому что̀ потребуется!

Трактирщикъ, прочтя записку, оставилъ ее на столѣ. Я полюбопытствовалъ узнать содержаніе ея и прочелъ: «Иванъ Сергѣевичъ, отпустите подателямъ на десять рублей чего они пожелаютъ и запишите въ счетъ платы за аренду».—Къ записочкѣ была приложена казенная печать судьи.

Ястребовъ съ Пузыревымъ еще не возвращались. По словамъ тяжущихся, судья хотѣлъ идти показывать имъ опойки, а потомъ зайти сюда, въ трактиръ.

Отъ нѣчего дѣлать я принялся разсматривать фотографическія карточки, которыми въ изобиліи была увѣшана стѣна надъ диваномъ комнаты трактирщика. Особенное вниманіе обращалъ на себя кабинетный портретъ молодой, очень красивой женщины, снятый въ одной изъ лучшихъ фотографій Петербурга и висѣвшій на почетномъ мѣстѣ.

— Это—жены моей сестрица! пояснилъ трактирщикъ, замѣтивъ, что я разсматриваю этотъ портретъ.—Красива? Самъ мировой говорилъ, что хороша, а онъ объ этомъ понимаетъ! Жаль, вотъ, что жены нѣтъ дома, въ городъ уѣхала, а то она показала бы вамъ такой-же портретъ, только росписанный красками!.. Мировой постоянно пристаетъ, чтобы ему этотъ портретъ подарить, да нѣшто это можно?—«Мнѣ бы, говоритъ, имъ свою нѣмку съ француженкой подразнить»...

Особа была снята въ богато отдѣланномъ черномъ бархатномъ платьѣ.

— Вотъ вѣдь: послалъ-же ей Господь счастье, продолжалъ онъ, указывая на портретъ:—при хорошемъ мѣстѣ живетъ.

— При хорошемъ мѣстѣ?

— Да! При богатомъ, пребогатомъ баринѣ! Недавно матери пятьсотъ рублей на новую постройку выслала, а сестрѣ—это, выходитъ, моей женѣ—шелковой матеріи на платье! Уѣхала съ родины отсюда въ Петербургъ, въ модное заведеніе въ мастерицы поступать, а привелъ Господь поступить ей почти-что въ барыни! Пишетъ: «нѣтъ мнѣ ни въ чемъ отказу»... Батюшки, что̀ это такое?

Въ растворенное окно неслись со двора отчаянные крики, въ которыхъ не трудно было узнать голосъ судьи и Ястребова. Трактирщикъ и я, а за нами и нѣкоторые изъ бывшихъ въ трактирѣ крестьянъ, выбѣжали на крыльцо, чтобы разузнать, въ чемъ дѣло. Неподалеку отъ трактира, на дорогѣ, идущей отъ господскаго дома къ этому ресторану для тяжущихся, мы увидѣли судью и Ястребова съ Пузыревымъ, стоявшимъ нѣсколько поодаль отъ первыхъ. Судья былъ въ очень возбужденномъ состояніи: онъ съ азартомъ приступалъ къ стоявшему передъ нимъ съ открытою головой Ястребову и кричалъ, энергически размахивая руками:

— Я думалъ, что ты шутишь, а ты и въ самомъ дѣлѣ! Ты думаешь, что дурака нашелъ, что я ужь и цѣны не знаю? Ошибаешься, очень ошибаешься! Кожи дороже рубля стоютъ, а ты по полтиннику даешь?.. Это безсовѣстно!

— Продавайте ихъ тому, кто дороже рубля даетъ! Не я съ

товаромъ набиваюсь, а вы!.. А теперь и полтинника не дамъ, коли на то пошло! кричалъ въ свою очередь Ястребовъ.

— Это—грабежъ, просто денной грабежъ! Я думалъ, что ты по совѣсти положишь цѣну, а ты безсовѣстнымъ образомъ хочешь меня ограбить!

— Ка̀къ, нѐшто я грабитель? Господа, будьте вы свидѣтелями, что господинъ мировой меня грабителемъ обозвалъ! обратился къ намъ Ястребовъ.—Мы и надъ мировыми судъ найдемъ: теперь ужь за одно въ сенатъ двѣ жалобы подадимъ!.. Не ндравится моя цѣна — не продавайте, а ругаться и мировому не дозволено!

Съ этими словами онъ живо натянулъ на голову свой картузъ и, сказавши оторопѣвшему Пузыреву: «ѣдемъ, я сейчасъ запрягу», побѣжалъ за лошадью. Вывести ее со двора и запречь въ дрожки было для него дѣломъ минуты.

Судья, между тѣмъ, тихими шажками подошелъ къ дому и, ставъ на крыльцѣ, слѣдилъ за дѣйствіями Ястребова. Когда тотъ сѣлъ на дрожки, посадилъ Пузырева и тронулъ лошадь, онъ соскочилъ съ крыльца и закричалъ ему:

— Дмитрій Петровичъ! Постойте, остановитесь! Куда-же вы?

— Нѣ-ѣтъ! Будетъ съ насъ и этого! Со мной теперь дешево не раздѣлаешься! крикнулъ ему въ отвѣтъ обиженный, пуская лошадь во всю рысь.

— Лаврентій, Лаврентій! заблажилъ судья.—На крыльцо выбѣжалъ лакей.

— Верхового!.. Сейчасъ за Ястребовымъ!.. Вернуть! Если дорогой не нагонитъ, пусть до Плёсова за нимъ ѣдитъ!.. Скажи, чтобъ живѣй!

Нѣсколько минутъ спустя, молодой парень верхомъ на неосѣдланной лошади промчался въ погоню за Ястребовымъ.

— Вотъ такъ работа! Расходился нашъ смирнякъ не на шутку! замѣтилъ, глядя въ слѣдъ проскакавшему, трактирщикъ.— Теперь изъ него хоть веревки вей!.. Ястребову сегодня барыши будутъ!.. Ха, ха, ха!.. И вѣдь счастье же человѣку: во второй разъ мирового подлавливаетъ! Въ прошломъ годѣ, акцизный составилъ на Ястребова актъ за продажу въ его кабакѣ некрѣпкой водки и передалъ на обсужденье мировому, а мировой промахнулся какъ-то, ужь не умѣю вамъ сказать, а знаю только, что, вмѣсто того, чтобы оштрафовать его на четверть патента, то есть на семнадцать съ полтиной, хватилъ его на сто рублей штрафу со всѣмъ по другой статьѣ, быдто за неправильную торговлю: должно быть, письмоводитель съ большого ума научилъ!.. Ну, Ястребовъ сталъ просить копію, получать ее пріѣхалъ вмѣ-

стѣ съ Пузыревымъ: «въ съѣздъ, говоритъ, подавать жалобу буду», а мировой-то, увидавши свою ошибку, чтобы не допустить дѣло до съѣзда, выкинулъ ему сотенный билетъ: «возьмите, говоритъ, вашу жалобу назадъ, получите съ меня ваши лишки»!.. Тàкъ вотъ и теперь!.. Вы еще не знаете нашего мирового: его стòитъ запугать, что, дескать, «сейчасъ въ сенатъ жалобу на васъ подамъ, если не въ мою пользу рѣшится дѣло—готовъ отдать что̀ запросишь!.. Его «сужденье»—ему чистый убытокъ, продолжалъ трактирщикъ:—свою аренду пятьсотъ рублей я ему никогда не плачу, а съ него при годовомъ разсчетѣ добираю! Накоплю росписокъ, а онѣ всѣ за казенной печатью—чтобы фальши не было, иначе не примаю, какъ съ печатью—ну, и обращаю ему ихъ назадъ, а онъ у меня на контрактѣ распишется въ полученіи денегъ!.. Жалованья его ему не хватаетъ на всѣ эти мировыя, на писаря, да на бумагу и все такое!.. Каждый годъ своихъ сколько-то прикладаетъ! Ему кабы быть вѣкъ судьей, да не судить никого—и ладно: онъ былъ бы ужь собой доволенъ! Я ему много разъ говорилъ: «да бросьте вы, говорю, ваше судьбище, это вамъ—не занятіе: хозяйство у васъ хорошее, имѣніе—любоваться надо, капитала вамъ, при вашей аккуратности, на вашу жисть хватитъ—чего вамъ еще надо?—Не залюбилъ моихъ словъ, приказалъ замолчать... И каково ему всѣ эти издержки на себѣ перенести, когда онъ скупъ, очень скупъ!.. Иной разъ надъ копейками трясется, а подъ часъ и «сотни» летятъ!.. Кромѣ его, некого было въ здѣшнемъ участкѣ и выбрать въ судьи-то! Изо всѣхъ помѣщиковъ по здѣшней окру́гѣ онъ одинъ въ своемъ имѣніи живетъ, а то всѣ прочіе—кто за границей, кто въ Петербургѣ или въ Москвѣ, ну, его на земскомъ собраніи и упросили. И то участокъ этотъ болѣе года пустовалъ, послѣ того, какъ прежній судья померъ!

Четверти часа не прошло со времени отправки верхового, какъ дрожки Ястребова подъѣхали къ трактиру въ сопровожденіи верховаго.—«Гдѣ ихъ нагналъ?» крикнулъ послѣднему трактирщикъ.—«За деревней не далёчко! они за деревней остановились, быдто меня нарошно дожидались!» отвѣтилъ тотъ, смѣясь.

Пузыревъ остался «при лошади», а Ястребовъ отправился къ господскому дому. Судья вышелъ къ нему на встрѣчу съ цѣпью на шеѣ и сталъ что̀-то очень тихо ему говорить.

Ястребовъ снялъ картузъ.

— Намъ нѣтъ вовсе никакихъ разсчетовъ-съ! громко сказалъ онъ.—Къ тому же, мнѣ теперь деньги очень нужны! Хоть и бездѣлица, а все-таки, по нашему заведенью, капиталъ!

Судья дружески положилъ ему свои руки на плечи.

— Я подожду! Ну, будемъ-же друзьями!.. Уступлю по чемъ ни дашъ, только бери и успокой меня!

— Пожалуй, опять не залюбите: по четвертачку, такъ ужь и быть, получайте!

Судья такъ сильно отпихнулъ его отъ себя, что тотъ чуть было не свалился съ ногъ.

— Я думалъ, что у тебя не достанетъ совѣсти сбавлять!.. Мнѣ, на прошлой недѣлѣ, по рублю съ гривной давали, а ты— четвертакъ!.. это просто...

— Опять?

Ястребовъ сдѣлалъ движеніе къ дрожкамъ.

— Дай хоть по сорока-то!

— Съ пятачкомъ двадцать!.. И то еще, пожалуй, не возьму!

— Всѣ дѣла̀ кончишь?

— Покончу!

— Бери!.. Пойдемъ въ камеру; ты на моихъ глазахъ распишешься!.. Идемъ! И вы, г. Пузыревъ, съ нами!

Немного спустя, явился въ трактиръ Лаврентій и потребовалъ къ судьѣ «толстобрюховскихъ уполномоченныхъ».—Тѣ въ пятеромъ «сломили голову третьему рублю», какъ говорили они, и будучи выпивши, заупрямились идти, говоря, что «дѣла̀ ихъ прикончены», но слова̀ лакея: «дурни, идите съ Ястребова деньги получать и въ томъ расписаться», живо подняли ихъ на ноги. Черезъ полчаса, вся эта ватага, съ Ястребовымъ, Пузыревымъ и, Лаврентіемъ во главѣ, ввалилась въ трактиръ съ шумомъ, гамомъ, хохотомъ и непечатной руганью.

— Ты дѣла̀ прикончилъ! Ставь бутылочку хорошенькаго! встрѣтилъ этими словами трактирщикъ Ястребова.

Уполномоченные за то, что Ястребовъ немедленно отдалъ имъ присужденные съ него десять рублей, обязались безвозмездно довести купленныя имъ кожи до Плёсова. Роль моя была съиграна, и тѣ-же прежде ухаживавшіе за мною уполномоченные стали теперь смотрѣть па меня, какъ на ненужнаго человѣка. Они сообщили мнѣ, что доставятъ меня въ Безобразово «не прямо отсюда», а черезъ Плёсово, куда они свезутъ кожи; я же долженъ буду доѣхать до Плёсова съ Ястребовымъ и Пузыревымъ на бѣговыхъ дрожкахъ.—«Дорога ровненькая, дрожки просторныя, втроемъ легко можно усѣсться, а въ Плёсовѣ мы васъ подождемъ или вы насъ подождете, и оттуда повеземъ васъ куда вамъ будетъ угодно! Ястребовъ, мы говорили ему, довести васъ согласенъ!

— Дмитрій Петровичъ, никакъ ты двухъ адвокатовъ повезешь?

спросилъ Лаврентій у Ястребова и началъ отпускать шуточки на счетъ проигравшаго дѣло Пузырева.

Лаврентій игралъ въ этомъ обществѣ большую роль, сознавалъ это самъ и сознавали его сотоварищи. Онъ нѣсколько свысока относился къ Пузыреву и Ястребову. Взявши послѣдняго за плечи, какъ бралъ его судья, и слегка раскачивая его, онъ сказалъ:

— Достигъ своего, чего тебѣ хотѣлось! Ставь парочку бутылочекъ, не скупись!.. Леонидъ Николаевичъ сейчасъ сюда придетъ: вмѣстѣ попируемъ!

— Принять бы кожи-то сперва.

— Чего ихъ тамъ принимать! Увѣряю тебя, что побольше двухсотъ штукъ ихъ найдется, а ты двѣсти купилъ!.. Складывать дома будешь, тогда и сочтешь! Неужели ты думаешь, что я тебя обману?

Пришелъ письмоводитель и подсѣлъ къ поджидавшей его компаніи.

— Судья къ француженкѣ ушелъ, у ней и обѣдать будетъ! объявилъ онъ на вопросъ Лаврентія: «гдѣ-то мой судья?»

Ѣхать съ Ястребовымъ въ Плёсовъ и оттуда въ Безобразовъ не входило въ мои разсчеты, во-первыхъ, потому, что это составляло бы пятнадцать верстъ крюку, а, во-вторыхъ—путешествіе на бѣговыхъ дрожкахъ, съ пьяными, какъ надо было ожидать, компаніонами не обѣщало ничего привлекательнаго. Я рѣшился, покончивъ разсчеты съ уполномоченными, нанять въ какой-нибудь изъ ближайшихъ деревень подводу прямо до Безобразова. Когда я предъявилъ Александру Михайлову свои требованія объ уплатѣ мнѣ, по условію, вознагражденія за веденіе дѣла, онъ почесалъ въ затылкѣ.

— Возьми пять рублей; остальныя въ скорости сами тебѣ въ городъ привеземъ!

— Если съ этого народа не получишь сейчасъ или, лучше всего, впередъ, значитъ не получишь долго, потому что сами привезти вамъ деньги они не догадаются, а станете спрашивать—проваландаетесь съ этимъ дѣломъ цѣлый годъ или больше! Получайте съ нихъ сейчасъ! совѣтовалъ мнѣ случившійся при этомъ Пузыревъ.—Вы, уполномоченные, чего-жь жметесь: на мировую давали намъ сто рублей, сейчасъ деньги въ руки—значитъ, они при васъ!.. Отдавайте-ка, не скупитесь!

— Жалко сразу отдавать-то! Аль ужъ отдать? спросилъ Михайловъ у прочихъ уполномоченныхъ. Тѣ порѣшили отдать слѣдуемые мнѣ по условію 25 рублей сейчасъ же и выпросили при этомъ себѣ «рублёвку на пропой».

Покончивъ такъ благополучно свои разсчеты съ уполномоченными, я отправился въ деревню Чепыркину отъискивать подводы. Рабочая пора еще не кончилась, и я съ трудомъ и, сравнительно, за высокую плату, могъ нанять «одноконную подводу», т. е. телегу, до Безобразова. Возница обѣщалъ подать экипажъ къ трактиру «въ одинъ секундъ».

Въ трактирѣ, когда я вернулся туда, шелъ дымъ коромысломъ. Чай, водка, наливка и три бутылки донскаго были къ услугамъ пирующихъ. Трактирщикъ бросилъ на столъ подержанную колоду картъ и предложилъ «сыграть въ стуколочку по пятіалтынничку».

Предложеніе было съ удовольствіемъ принято.

— Куда-жь вы запропастились? садитесь съ нами, изопьемъ малую толику! Получивши денежки, не мѣшаетъ проиграть намъ половинку! встрѣтила меня этими возгласами веселая компанія.—Чего-жь вы стѣсняетесь? съ нами и мировой часто играетъ, ужь на что̀, кажется, баринъ! упрекнулъ меня трактирщикъ за мой отказъ.

При прощаньи, Пузыревъ отвелъ меня въ сторону. «Понимаете теперь нашу политику: Ястребовъ сбилъ судью на пустомъ и, проигравши дѣло, все-таки не остался въ проигрышѣ! Ловко обдѣлалъ дѣльце! хвалился онъ.—На съѣздѣ вы, вѣроятно, будете по дѣлу Немятовой, такъ, до свиданія! Не забудьте о томъ— что̀ я вамъ говорилъ насчетъ жалобы на рѣшенье Пыркина! Что̀-жь это вы такъ дешево взяли съ крестьянъ, только цѣну намъ портите, сбиваете! Я вотъ, хотя и проигралъ дѣло, а получилъ куда больше вашего!»

Въ Безобразовъ я пріѣхалъ почти въ полночь. Возничій мой не зналъ хорошо дороги и, боясь сбиться съ пути, въ каждой попутной деревнѣ справлялся: «такъ ли мы ѣдимъ», на что̀ уходило немало времени. Немятовы, думая, что я пріѣду съ поѣздомъ, снаряжали-было на полустанокъ работника съ тележкой. Пріѣздъ мой, конечно, прекратилъ эти сборы..

Мнѣ предстояла работа: Немятовъ передалъ мнѣ, что «кузнецъ и Иванъ Егоровъ, такъ жестко осужденные судьею, рѣшили апеллировать», и просилъ меня, безъ особаго за то вознагражденія, написать имъ жалобы въ съѣздъ. Несмотря на сильное утомленіе послѣ тридцати-пяти-верстнаго ночнаго путешествія въ тряской телегѣ, я тотчасъ же принялся за составленіе апелляціонныхъ отзывовъ отъ имени моихъ новыхъ кліентовъ. Довѣренностей отъ нихъ брать было уже некогда, хотя засвидѣтельствовать ихъ можно было безъ затрудненія въ мѣстномъ

волостномъ правленіи, находившемся, какъ я уже говорилъ, въ Безобразовѣ; поэтому, подавать отзывы отправились мы «на зорькѣ» втроемъ: я—за Немятову, Иванъ Егоровъ и кузнецъ Петръ Ѳедоровъ—каждый за себя. Послѣдній взялъ на себя обязанности кучера.

Погода испортилась еще съ вечера, и день обѣщалъ быть дождливымъ. И дѣйствительно, не проѣхали мы полдороги, какъ начался мелкій, точно сквозь сито процѣженный дождь.

Разбирательства въ этотъ день у судьи не было, потому что «письмоводитель, какъ сказали намъ на деревнѣ, вчера еще уѣхалъ въ городъ, а безъ него судья дѣлъ не рѣшаетъ». Оставивъ свою повозку у изгороди, мы знакомымъ уже путемъ прошли черезъ садъ на кухню, гдѣ и попросили повара (единственную личность изъ прислуги, бывшую въ то время на кухнѣ) доложить судьѣ о нашемъ прибытіи и его цѣли. Я хотѣлъ-было идти въ камеру, но поваръ сказалъ, что судья «прошеньи принимаетъ здѣсь», на кухнѣ. Судья вышелъ къ намъ скоро. Костюмъ его былъ все тотъ же, съ тою разницей, что воротъ его блузы сегодня былъ застегнутъ.

— Вы, вѣроятно, съ отзывомъ? спросилъ онъ у меня, едва отвѣчая на мой поклонъ.—Не помирились? Ну, жаль, а я думалъ, что вы ка̀къ-нибудь сойдетесь!.. Жаль, что письмоводитель уѣхалъ въ городъ, а безъ него я не могу справиться, не пропущенъ ли вами срокъ, а безъ этого ка̀къ же я могу принять...

Я показалъ ему копію съ его приговора, изъ которой можно было видѣть, что послѣдній день срока истекалъ сегодня. Убѣдившись въ томъ, что срокъ еще не пропущенъ, судья принялъ отъ меня жалобу и прочелъ ее со вниманіемъ, а, прочтя, сложилъ и заткнулъ за поясъ. Жалоба была коротенькая, но въ весьма деликатныхъ выраженіяхъ содержала въ себѣ вѣскіе доводы о неправильности приговора, подкрѣпленные выписками изъ сенатскихъ рѣшеній.

— Принимаю вашу жалобу!

— Позвольте мнѣ росписку въ полученіи. Я помнилъ наставленія Пузырева.

— Што̀ такое?

— Я покорнѣйше прошу васъ выдать мнѣ росписку въ полученіи отъ меня жалобы.

— На что̀ она вамъ?

— Чтобы имѣть доказательство, что жалоба принесена мною въ срокъ.

— Что̀ жь? вы мнѣ, судьѣ, не вѣрите, что̀ ли?.. Я никому не

выдаю росписокъ! Достаточно того, что жалоба принята мною и на ней будетъ сдѣлана помѣта, что она подана вами сегодня! Притомъ же, законъ насъ не обязываетъ выдавать росписки!

— Напротивъ, въ статьѣ 149-й угол. суд. прямо сказано...

— Ну-да!.. Знаю, это предоставлено усмотрѣнію судьи—дать или не дать! Я вамъ отказываю!

При такомъ толкованіи закона, дальнѣйшія просьбы могли быть безполезны; однако, я продолжалъ «покорнѣйше просить» росписку.

— Прошу васъ, г. судья, выдать мнѣ росписку! Я вамъ вполнѣ вѣрю; но представьте себѣ, что завтра довѣрительница моя прекратитъ мои полномочія и потребуетъ отъ меня доказательствъ, что жалоба подана мною въ срокъ...

Судья призадумался.

— Видите ли, у меня нѐкому написать вамъ квитанцію, письмоводитель уѣхалъ въ городъ!

— Я заготовилъ росписку, и вамъ стòитъ только подписаться!

— Въ томъ-то и горе, что письменныя принадлежности на рукахъ у письмоводителя, и я не знаю, куда онъ ихъ дѣвалъ.

— Вѣроятно, у васъ въ домѣ найдутся и чернила, и перо!

— А пойдемте посмотримъ!

Судья какъ будто начиналъ сдаваться. Въ камерѣ, на присутственномъ столѣ мы нашли письменныя принадлежности.

— Это—все не то! указалъ на нихъ судья.—У меня принято за непремѣнное правило всѣ бумаги въ деревнѣ подписывать лиловыми чернилами, а въ городѣ—черными. Вы видите, что это—черныя.

Отговорка была и очень наивна, и очень забавна.

— Я оговорю въ роспискѣ это важное нарушеніе вашего правила и напишу, что росписка подписывается черными чернилами, по неимѣнію лиловыхъ.

— Чтò съ вами толковать! Вы, вѣдь, и не отвяжетесь!.. Давайте вашу росписку!

И судья съ сердцемъ черкнулъ на роспискѣ три начальныхъ буквы своей фамиліи.

— Полегчало вамъ теперь?

— Очень! Я имѣю у себя доказательство, что жалоба моя принята вами въ срокъ!

Судья вышелъ къ моимъ сотоварищамъ. На нихъ, чтò называется, лица не было.

— Съ жалобами? спросилъ онъ.

Оба молча подали ему сложенныя вчетверо жалобы.

— Что̀ подаешь? спросилъ онъ съ приличною строгостью у работника, который едва-едва могъ выговорить:

— Прошеніе.

— Куда прошеніе? еще строже спросилъ судья.

— На мировой съѣздъ!

— Объ чемъ?

— Насчетъ пересудки нашего дѣла.

— Какого дѣла?

— Съ Борисомъ Осипычемъ.

— Ну, та̀къ и говори!

Судья принялъ жалобы отъ обоихъ и сталъ ихъ читать. Жалоба кузнеца была прочитана первою, сложена и заткнута за поясъ.

— Записочку намъ пожалуете? смиренно спросилъ оправившійся отъ страха Егоровъ.

— Что-о̀?

Судья пріостановился чтеніемъ.

— Записочку...

— Какую записочку?

— Отъ вашей милости.

— Для чего? Объ чемъ?

— Для памяти, что прошеніе наше взято и въ дѣйствіе произведено! объяснилъ Егоровъ.

— Вотъ я тебѣ такую записочку задамъ... Ахъ ты!.. Туда-жь—записочку!

Судья снова принялся за чтеніе.

— Росписку просишь... Самъ роспишись прежде на жалобѣ, а потомъ и подавай ее!

Жалоба полетѣла въ подавателя.

Я хорошо помню, что, передъ отъѣздомъ къ мировому, я призвалъ обоихъ жалобщиковъ, прочелъ каждому его апелляціонный отзывъ и сказалъ, ка̀къ каждому изъ нихъ слѣдуетъ подписаться. Кузнецъ Петръ Ѳедоровъ былъ неграмотенъ: Иванъ Егоровъ, подписавшись за него, «по его безграматству и личной просьбѣ», на его жалобѣ, вѣроятно, забылъ подписаться на своей, а я не догадался просмотрѣть ихъ подписи. Во всякомъ случаѣ, этотъ недосмотръ съ моей стороны былъ причиною цѣлаго ряда непріятностей.

— Позвольте ему росписаться у васъ въ камерѣ, будьте такъ добры! просилъ я судью.

— У меня—не канцелярія адвоката!

— Господинъ мировой, дозвольте, явите божескую милость! упрашивалъ Егоровъ.

Судья ушелъ, не сказавши ни слова.

— Надо какъ можно скорѣе раздобывать гдѣ-нибудь чернилъ!

Поваръ сказалъ намъ, что чернилъ у него и въ заводѣ нѣтъ, а взять у барина онъ боится, потому что «баринъ, если узнаетъ, сильно заругается, а то, чего добраго, по его карахтеру—и съ мѣста прочь!» «Ну, васъ къ Богу! Мнѣ еще тутъ съ вами на грѣхи лѣзть! Поищите гдѣ-нибудь на деревнѣ: можетъ, найдете!»

Мы съ кузнецомъ остались у подводы, а Егоровъ отправился въ деревню отъискивать чернилъ. Черезъ полчаса онъ вернулся съ печальнымъ извѣстіемъ, что во всей деревнѣ граматныхъ только «два двора»: въ одной избѣ нѣтъ чернилъ, а въ другой и есть, да не дали, потому что судья строго-на-строго воспретилъ давать ихъ чужимъ людямъ.

— Два двугривенныхъ давалъ за одну капельку—и то не дали! Боятся очень мироваго, потому что мировой сказалъ, что подчасъ за эти за самыя чернила можно въ Сибирь послѣдовать!..

Я сказалъ Егорову, что, въ крайнемъ случаѣ, ему придется принести отзывъ словесно и просить судью составить о томъ протоколъ; но Егоровъ объявилъ, что у него не хватитъ духу сказать судьѣ: «я присоединяюсь къ отзывамъ прочихъ обвиняемыхъ и прошу съѣздъ отмѣнить приговоръ».

— Ни за что̀ не выговоришь! Лучше ка̀къ-нибудь постараться насчетъ чернилъ! Пойти къ повару попросить—авось, смилуется, дастъ!

Чтобы лучше смиловать повара, я далъ Егорову рубль.

— Не увидалъ бы какъ самъ-то! Очень боязно идти! Кабы съ вами или вотъ его послать! указалъ онъ на кузнеца.

— Не съѣдятъ тебя! ободрялъ его послѣдній.

Егоровъ пошелъ къ господскому дому, прячась за кустами такъ, чтобы изъ дома его не могли замѣтить, и, вернувшись, объявилъ, «что поваръ прогналъ его изъ кухни, говоря, что ему не время теперь хлопотать о чернилахъ, когда господа сѣли кушать».

Было около двухъ часовъ дня, а на дворѣ стояли почти сумерки. Дождь настолько усилился, что мой плэдъ оказывался плохой защитой, и еслибы не армякъ, которымъ кузнецъ услужливо меня окуталъ, я промокъ бы до костей. Осень вступала въ свои права̀. Иванъ Егоровъ и кузнецъ, несмотря на то, что были въ полушубкахъ, жались отъ холода и сырости и, чтобы

укрыться отъ дождя, усѣлись подъ телегой, въ которой я сидѣлъ.

Прошелъ часъ—время, по моему мнѣнію, вполнѣ достаточное для деревенскаго обѣда судьи, и я снова послалъ работника на кухню. Онъ скоро вернулся, обрадованный, говоря, что «поваръ рублёвку взялъ и обѣщался, немного погодя, достать чернила и перо, только просилъ отъѣхать подальше отъ дома, вонъ къ этому разваленному сараю, да стать къ сторонкѣ и дожидаться его. «Очень онъ меня жалѣетъ, разсказывалъ Егоровъ про повара:—самъ, можетъ быть, спать послѣ обѣда ляжетъ; тогда я, говоритъ, и принесу вамъ чернилъ съ перушкомъ, да вы, говоритъ, пожалуйста, меня-то не выдайте, а то нашъ чертогонъ-то ошалѣетъ, коли узнаетъ, что я вамъ помогъ!..» Ужь не бросить ли мнѣ мое дѣло? Видно, высидки мнѣ не миновать, а отсиживать, такъ отсиживать, только бы не путаться», прибавилъ Егоровъ.

— Не говори чего не надо! остановилъ его кузнецъ.

Отъѣхавъ къ указанному мѣсту, мы прождали повара съ добрыхъ полчаса. Наконецъ, Егоровъ первый замѣтилъ его и указалъ намъ, ка̀къ тотъ, въ сѣромъ наброшенномъ на плечи армякѣ, прокрадывался къ разваленному сараю, за которымъ мы его ожидали.

— «Самъ» раза три спрашивалъ про васъ, «гдѣ вы», да я сказалъ, что вы, надо быть, уѣхали! разсказывалъ намъ поваръ.— Чернилъ искалъ, искалъ—никакъ нельзя достать, въ присутствіи нѣту, должно быть, убраны; а вотъ вамъ, замѣсто чернилъ, кусочекъ ваксы: что̀ твои чернила! Пера тоже не нашелъ! Получите скорѣй, вотъ вамъ и рубль вашъ!

Онъ положилъ кусочекъ ваксы кузнецу на ладонь и, сунувъ Егорову рубль, опрометью бросился въ обратный путь. Кузнецъ помочилъ, размялъ пальцами кусочекъ ваксы и приготовилъ достаточно черный растворъ, который долженъ былъ замѣнить намъ чернила.

— Спички есть у кого-нибудь изъ васъ?

— Мы оба куримъ. Ка̀къ не быть.

И прошеніе было подписано Егоровымъ ваксой, вмѣсто чернилъ, спичкой, вмѣсто пера, и на бревнѣ, вмѣсто стола. Несмотря на принятыя нами предосторожности, отзывъ былъ кое-гдѣ смоченъ дождемъ. Толсто, грубо выходили у Егорова буквы его подписи, но законъ соблюлся въ точности, и подъ прошеніемъ красовалось: «крестьянинъ Иванъ Егоровъ».

Идти одинъ подавать отзывъ Иванъ Егоровъ не рѣшался ни

за что̀ на свѣтѣ и просилъ меня съ кузнецомъ ему сопутствовать.

— Отвѣчать—такъ отвѣчать цѣлой артелью, говорилъ кузнецъ, соглашаясь «раздѣлить компанію».

На кухнѣ мы узнали, что «баринъ ужь легъ».

— Барынѣ сказать нѐшто? предлагалъ намъ поваръ. — Она, вмѣсто барина, тоже прошенья принимаетъ, когда писаря дома нѣтъ.

— Ну, доложи барынѣ.

Судейша явилась на кухню скоро. Молодая, неопрятно одѣтая дама.

— Что̀ вамъ угодно?

— Подать апелляціонный отзывъ...

— Это—по дѣлу Немятовой? Судья легъ отдохнуть, а я принять безъ него не могу.

— Позвольте намъ подождать, пока судья проснется. Сегодня истекаетъ срокъ.

Судейша ушла. Черезъ минуту вышелъ къ намъ на кухню самъ. Ка̀къ онъ былъ гнѣвенъ и ка̀къ сердито-пресердито стучали его калоши.

— На что̀-жь этого хуже? Вы ни минуты покоя не даете!.. Я думалъ, что вы уѣхали! Что̀ вамъ надо?

— Цѣль нашего присутствія здѣсь должна быть вамъ уже извѣстна, г. судья, сказалъ я:—Иванъ Егоровъ подаетъ вамъ отзывъ, который имъ, въ настоящее время, подписанъ.

— Подписанъ-съ, повторилъ за мной Егоровъ, подавая судьѣ бумагу.

Судья взялъ отзывъ и взглянулъ на подпись.

— Это—безобразіе!.. Отзывъ смоченъ дождемъ! Развѣ можно въ такомъ видѣ предъявлять его въ судъ?.. И гдѣ вы достали чернилъ? спрашивалъ онъ у меня и тотчасъ же, не дождавшись отвѣта, обратился къ Егорову:—говори, гдѣ взялъ чернилъ.

— Мы—ваксой, господинъ мировой.

Судья понюхалъ. Я едва стерпѣлъ, чтобы не расхохотаться.

— Дѣйствительно ваксой! Съ вашихъ сапогъ, что̀-ли? спросилъ онъ у меня.

— Съ моихъ.

— То-то. Изобрѣтательность!.. У меня здѣсь на пять верстъ по окру̀гѣ чернилъ не достанете... А, все-таки, отзыва не приму, потому что срокъ уже пропущенъ.

— Онъ истекаетъ сегодня, г. судья, сказалъ я.

— Онъ ужь истекъ. У меня присутствіе до трехъ часовъ, а теперь—четвертый. Срокъ пропустилъ, получай.

И съ этими словами судья подалъ отзывъ Егорову.

— Примите во вниманіе...

— Ничего не принимаю! перебилъ меня судья и обнаружилъ намѣреніе уйти.

— Господинъ мировой, примите мое прошеніе, ради Создателя, Царя небеснаго, примите, упрашивалъ Егоровъ.

— Прими, батюшка мировой, хныкалъ кузнецъ.

— Ты чего! Развѣ твой отзывъ? Я твой принялъ!

— Одно быдто дѣло. Прими, вѣкъ буду Бога молить. Человѣка очень жаль... продолжалъ хныкать кузнецъ.

— Примите, Бога ради примите, не дайте за напрасное погибнуть! умолялъ Егоровъ, и, испытывая послѣднее средство, бросился на колѣни.

Право принести жалобу имѣетъ всякій изъ осужденныхъ, но подчасъ не легко бываетъ этимъ правомъ воспользоваться.

Если я вызываюсь судьею къ разбирательству и откажусь принять повѣстку, то разсыльный судьи можетъ выдать ее «домашнимъ» для передачи по принадлежности; если же судья не принимаетъ подаваемой ему въ срокъ апелляціонной жалобы, по причинамъ болѣе или менѣе неосновательнымъ, то подать жалобу такъ, чтобы она считалась по закону принятою—средствъ не много. Жаловаться на непринятіе? Пока будетъ разсматриваться въ съѣздѣ частная жалоба на непринятіе отзыва, приговоръ можетъ быть давнымъ-давно приведенъ въ исполненіе.

— Если вы находите, что Егоровъ пропустилъ срокъ, то прошу васъ сдѣлать на отзывѣ надпись о возвращеніи ея за пропускомъ срока или возвратить ему при особомъ объявленіи.

— Я вамъ отказываю! Что̀ вы пристали? Сказалъ, что не приму и не приму! Вы пропустили срокъ! Ты пропустилъ, понимаешь: ты пропустилъ срокъ! обратился судья сперва ко мнѣ, а потомъ къ Егорову.

— Цѣлый день у вашей чести пробавлялися. Примите, господинъ мировой.

— Вставай! Я тебя сейчасъ арестую, потому что рѣшеніе вошло въ законную силу. Вставай, тебѣ говорятъ! кричалъ на Егорова судья.—Тотъ всталъ.

Я принялся доказывать, что срокъ не долженъ считаться пропущеннымъ, потому что Егоровъ подалъ жалобу за долго трехъ часовъ, до «окончанія присутствія», что судья, «во имя справедливости и безпристрастія», долженъ принять отзывъ Егорова или же вернуть при объявленіи.

— Я вамъ отказываю, твердилъ судья. — Вы видите, что у меня нѣтъ письмоводителя. Какое вамъ тамъ еще объявленіе?

не приму и все тутъ! Я тебя арестую, сейчасъ арестую! закричалъ онъ на Егорова.

— Я—свидѣтель, что онъ подавалъ жалобу въ срокъ и что вы отказали ему въ каплѣ чернилъ. Онъ можетъ жаловаться...

— Николай Петровичъ! Перестань ты ихъ мучить, прими! послышался изъ корридора голосъ судейши, и въ голосѣ слышна была настойчивость.

Судья, собравшись уходить, остановился въ нерѣшительности.

— Будь отцомъ роднымъ! Слезно прошу, примите! умолялъ Егоровъ, снова бросаясь на колѣни.

— Ну тебя къ чорту! Принимаю.

Судья ушолъ съ отзывомъ въ рукахъ.

— Уходите поскорѣй, пока не передумалъ, шепнулъ намъ поваръ. — Молите Бога за барыню: она больше всѣхъ вашихъ просьбъ вамъ помогла. Одно ея слово—что̀ твой законъ!..

Мы живо собрались въ обратный путь.

— Натерпѣлся я сегодня страсти, всю жизнь буду помнить. Вотъ, если теперь вспомнить обо всемъ, такъ смѣшно станетъ, а давеча куды не до смѣху, разсуждалъ Егоровъ. — А ничего это, что мы росписки не имѣемъ? спросилъ онъ у меня. — Съ роспиской дѣло-то было бы повѣрнѣе, поспокойнѣй!

— Силкомъ дать росписку не заставишь, отвѣтилъ за меня кузнецъ.—У насъ свидѣтели есть: поваръ, да вонъ они, указалъ онъ на меня.

IV.

Мировой съѣздъ.—Адвокатскіе экзамены.—Мировой судья «занимательный».—Городской голова, какъ почотный судья.—Правила о частныхъ повѣренныхъ.—Разбирательство дѣлъ въ мировомъ съѣздѣ. — Собраніе сельскихъ хозяевъ. — Подарокъ Пыркина.—Судьи за обѣдомъ.—Выходка хорошаго знакомаго и отвѣтъ Пыркина.—Камеры мировыхъ судей и безотвѣтственность за неисправное ихъ содержаніе.—Неисправное содержаніе судьями самихъ себя.—Финалъ.

Апелляціонные отзывы наши, по моему разсчету, должны были слушаться въ октябрьскомъ засѣданіи Z—скаго мироваго съѣзда, и дѣйствительно, та̀къ оно и было. Пузыревъ, по просьбѣ моей, навелъ справки о томъ, представлены-ли Пыркинымъ поданные нами ему отзывы, и, къ удовольствію моему, оказалось, что отзывы наши и Бориса Осипова «объ увеличеніи наказанія» поступили въ съѣздъ. Запасшись довѣренностями отъ Егорова и Ѳедорова, я пріѣхалъ ко дню засѣданія съѣзда «подавать словесныя объясненія отъ имени подсудимыхъ».

Съѣздъ и его канцелярія помѣщались въ большомъ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, принадлежащемъ Z—скому земству. Низъ былъ занятъ лавками; въ бель-этажѣ помѣщались земская управа съ литографіею, мировой съѣздъ и рекрутское присутствіе. Въ двухъ свободныхъ комнатахъ, рядомъ съ канцеляріею съѣзда, судьи, у которыхъ не было въ городѣ постоянныхъ квартиръ, разбирали городскія дѣла̀. Городъ и уѣздъ раздѣлялись на четыре части, такъ что каждому изъ судей доставалась часть города и прилегающая часть уѣзда. Это было установлено земскимъ собраніемъ въ интересахъ высшей справедливости для болѣе равномѣрнаго распредѣленія дѣлъ между мировыми судьями. Центральное положеніе города въ уѣздѣ немало, конечно, тому способствовало.

Въ съѣздъ я явился рано. Судьи были еще не въ сборѣ. Деревенская публика наполняла половину залы, но городскихъ обывателей было немного.

Адвокаты, конечно, были всѣ на лицо. Интересенъ ихъ разговоръ. Дѣло шло объ экзаменахъ на частнаго повѣреннаго.

— Спрашиваютъ у меня: «что̀ такое аварія?», я и ляпнулъ: «скупость», говорю, да потомъ поправился, сказалъ какъ надо.

— А у меня спросили: «когда апелляціонный отзывъ можетъ быть поданъ на приговоръ безъ заявленія неудовольствія»... Я и задумался.

— Вотъ пустяки-то! На заочный приговоръ, конечно.

— А у меня спросили: «когда можно возбудить обвиненіе въ присвоеніи и растратѣ денегъ, взятыхъ на храненіе безъ поклажной росписки?» Я имъ и отчеканилъ: «когда деньги взяты у пьянаго на кратковременное сбереженіе до его вытрезвленія». И весь экзаменъ въ томъ и заключался!.. Нѣтъ, виноватъ, спросили еще: «что̀ долженъ дѣлать пароходъ, когда онъ подходитъ къ пристани?» Что̀-же, думаю, онъ долженъ дѣлать, какъ не свистѣть? и говорю: «свистѣть долженъ», и вѣдь попалъ въ самый разъ.

— А гдѣ-же Пузыревъ? спросилъ одинъ изъ проэкзаменованныхъ, «патентованныхъ».

— У «занимательнаго». У него дѣло одно защищаетъ.

Я пошелъ отыскивать Пузырева, съ которымъ былъ знакомъ нѣсколько болѣе, чѣмъ съ другими.

Прозвище «занимательный» принадлежало, какъ, вѣроятно, помнитъ читатель, одному изъ мировыхъ судей Z—скаго округа. Разбирательство его я засталъ на концѣ. Пузыревъ давалъ «словесныя объясненія», по окончаніи которыхъ судья провозглашаетъ резолюцію, по которой Пузыревъ выигрывалъ дѣло. Кон-

чивъ разбирательство, судья приказалъ своему горбатому письмоводителю выдать Пузыреву исполнительный листъ, а самъ ушолъ въ совѣщательную комнату съѣзда.

Присутственный столъ камеры «занимательнаго» былъ занятъ большимъ подносомъ, на которомъ стояли два чайника, одинъ очень большой, для горячей воды, другой значительно меньшихъ размѣровъ—для чая, и нѣсколько стакановъ. Столъ мѣстами былъ мокрый отъ разлитаго чая, и вообще замѣтно было, что здѣсь только-что отпили чай. Судья съ письмоводителемъ сидѣли «на углушкѣ» у стола, гдѣ было посуше и почище.

— Недостаетъ того, чтобы здѣсь у васъ, во время разбирательства, пили чай, сказалъ я Пузыреву.

— А та̀къ оно и было. Сейчасъ только-что отпили чай управскіе чиновники—чаевники, какъ мы ихъ зовемъ, потому что они больше пяти разъ за день чай пьютъ, благо трактиръ близко. Спосылаютъ въ трактиръ и дуютъ цѣлый день... Читалъ вашъ апелляціонный отзывъ: выиграете непремѣнно. Мнѣ «занимательный» ужь говорилъ, что «надо приговоръ Пыркина отмѣнить»... Я съ нимъ хорошъ; я за васъ его попросилъ, признаться сказать, и онъ почти-что увѣрилъ... Вѣдь, онъ у насъ—непремѣнный членъ. Вотъ судья, я вамъ скажу. И какъ человѣкъ — прекраснѣйшій человѣкъ, и какъ судья—золото! Онъ, кажется, одинъ за всѣхъ судей работаетъ, такъ что имъ однимъ почти-что весь съѣздъ держится. Предсѣдатель въ съѣздѣ бываетъ рѣдко, дай Богъ, чтобы разъ въ мѣсяцъ—и того нѣтъ: у него кирпичные заводы гдѣ-то за Москвой, такъ гдѣ-жь ему дѣлами заниматься!.. Весь съѣздъ на рукахъ у этого: что̀ этотъ скажетъ, то̀ ужь и будетъ... Однимъ только онъ не хорошъ: въ долгу — какъ въ шелку.

Судьи съѣхались, и засѣданіе началось. Трое участковыхъ (Чепуркинъ не ѣздилъ въ съѣздъ по болѣзни, о которой аккуратно извѣщалъ съѣздъ каждый мѣсяцъ ко дню засѣданія) и трое почетныхъ раздѣлились на два отдѣленія, такъ что разсмотрѣніе дѣлъ шло безъ перерывовъ. Разбирательство пошло бы еще быстрѣе, еслибы не затягивалъ его своими, неидущими къ дѣлу вопросами городской голова, почетный мировой судья, засѣдавшій въ первомъ отдѣленіи, которому надлежало рѣшать дѣло Немятовой. Каждому изъ свидѣтелей онъ считалъ непремѣнною обязанностію сдѣлать нѣсколько вопросовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были очень курьёзны. Такъ, напримѣръ, по дѣлу объ оскорбленіи одного землевладѣльца работникомъ, когда свидѣтель разсказалъ, что подсудимый «началъ подчищать въ саду деревья, хозяинъ приказывалъ ему срубить одно изъ

нихъ, а онъ не послушался, бросилъ топоръ на землю и сталъ требовать разсчета, при чемъ никакихъ ругательствъ на хозяина не произносилъ»—судья этотъ спросилъ у свидѣтеля:

— А что̀ топоръ тупится, если его бросить на землю?

— Ужь не знаю какъ сказать—ка̀къ бросишь! въ нерѣшительности отвѣтилъ тотъ.

— Да оскорбленіе происходило на чьей землѣ, на общественной, или на частной? допытывался голова.

— Чай, на хозяйской землѣ!..

По другому дѣлу «объ оскорбленіи священнической дочери» какимъ-то мѣщаниномъ, онъ у Пузырева, защитника обвинительницы, спросилъ:

— Вы защищаете женщину или дѣвушку?

— Я защищаю дочь священника.

— Это дѣлаетъ вамъ честь...

Пузыревъ шаркнулъ ножкой.

Въ третьемъ дѣлѣ свидѣтель изъ городскихъ, опредѣляя нравственныя качества обвиняемаго, выразился такъ:

— Его душа—какъ открытое письмо.

— А развѣ вы переписываетесь открытыми письмами? спросилъ любопытный голова-судья.

Предсѣдательствующій прекратилъ дальнѣйшіе распросы головы, сказавши ему почти вслухъ: «вѣдь, все это къ дѣлу не относится!»

Пришла очередь и моему дѣлу. Я предъявилъ довѣренность отъ Ивана Егорова и Петра Ѳедорова и просилъ съѣздъ допустить меня къ защитѣ обвиняемыхъ въ съѣздѣ на основаніи данной мною мировому судьѣ Пыркину подписки въ томъ, что я «защищаю первое дѣло» изъ числа дозволенныхъ закономъ трехъ. Товарищъ прокурора всталъ и заявилъ, что онъ «на допущеніе меня къ защитѣ обвиняемыхъ въ съѣздѣ», которыхъ я не защищалъ у мироваго судьи, согласиться не можетъ, на томъ основаніи, что, хотя новые мои довѣрители и осуждены по одному и тому же дѣлу, по которому я далъ судьѣ подписку, но въ правилахъ о частныхъ повѣренныхъ сказано, что повѣренные, не имѣющіе свидѣтельства отъ мѣстнаго съѣзда, допускаются къ защитѣ трехъ дѣлъ только у мировыхъ судей, но никакъ не въ съѣздѣ, а, такъ какъ я у мироваго судьи довѣрителей своихъ не защищалъ, то, по мнѣнію товарища прокурора, «допустить меня къ защитѣ ихъ въ съѣздѣ не представляется законнаго основанія». Съѣздъ, согласившись съ его мнѣніемъ, допустилъ меня къ защитѣ одной только Немятовой.

Нѣчего объяснять, что рѣшеніе Пыркина было отмѣнено, и

обвиненные имъ признаны по суду оправданными. Свидѣтели, сотскій и десятскій, представленные мною въ съѣздъ, разсказали, ка̀къ они были приглашены «работникомъ рендатора и кузнецомъ Петрой не для буянства, а для порядку, ка̀къ они связали Бориса Осипова и связаннаго отправили въ волостную контору, потому что съ нимъ «субразу не было», причемъ оба свидѣтеля удостовѣрили, что Немятовой при этомъ дѣлѣ они вовсе не видали.

Разбирательство дѣлъ кончилось часа въ четыре: часть дѣлъ была отложена до будущаго съѣзда по просьбѣ сторонъ, «для вызова и допроса новыхъ свидѣтелей». Пыркинъ, хоть и видѣлъ меня — онъ раза два проходилъ мимо меня, когда я сидѣлъ въ публикѣ—но на поклонъ мой не отвѣтилъ, быть можетъ, потому, что не удостоивалъ меня даже взглядомъ и моего почтительнаго поклона не замѣтилъ.

Z—скіе адвокаты сообщили мнѣ по секрету, что Пыркинъ «пробовалъ просить судей, участвовавшихъ въ разборѣ моего дѣла», «поддержать его», оштрафовавъ хоть на сколько-нибудь подсудимыхъ; но «занимательный, на отрѣзъ отказалъ ему въ томъ, говоря, что сенатъ кассируетъ дѣло». — Это говорилъ намъ помощникъ секретаря; онъ намъ передаетъ все, что̀ касается до дѣлъ, такъ что мы заранѣе знаемъ, кто какого мнѣнія по разбираемому дѣлу!» откровенничалъ Пузыревъ.

По окончаніи разбирательства, Пузыревъ поздравилъ меня съ выигрышемъ. Къ намъ присоединились всѣ «Z—скіе патентованные». Пришли къ дому, надъ которымъ красовалась громадная вывѣска: «Собраніе сельскихъ хозяевъ».

— Сюда, сюда! остановилъ меня Пузыревъ, указывая на подъѣздъ.—Клубъ-то, вѣдь, здѣсь!

— Ка̀къ клубъ?.. Здѣсь «собраніе сельскихъ хозяевъ!» указалъ я на вывѣску.

— Здѣсь все, только не собраніе сельскихъ хозяевъ! Днемъ ходятъ сюда пообѣдать и поиграть на билліардѣ, вечеромъ — здѣсь стуколка отъ шести гривенъ до шести рублей ставка...

Оказалось, что обѣдать въ «собраніе сельскихъ хозяевъ» могъ заходить всякій кому угодно, какъ въ трактиръ. Хотя собраніе это было учрежденіе новое, только что открытое, но оно успѣло уже ознаменовать себя рядомъ скандаловъ.

— Недавно была драка: «сельскіе хозяева» перепились, переругались и—въ драку... Произошла всеобщая свалка, кончившаяся, впрочемъ, благополучно! Тяжкихъ увѣчьевъ никому не нанесено, развѣ только легкое поврежденіе въ здоровьи... Какую же штуку отмочилъ Пыркинъ, узнавши про эту исторію: одному изъ

старшинъ собранія онъ прислалъ письмо, въ которомъ пишетъ, что собранію сельскихъ хозяевъ необходимо имѣть музей для храненія различныхъ полезныхъ для сельскаго хозяйства орудій и что онъ, съ своей стороны, кладетъ основаніе этому музею, препровождая при семъ желѣзную цѣпь въ три сажени длины «для укрощенія сельскихъ скотовъ!» Ха, ха, ха!.. Хотя въ этомъ письмѣ не было ни складу ни ладу, однако, письмо произвело большой эффектъ! разсказывалъ Пузыревъ, усаживаясь за столъ.

Вскорѣ послѣ насъ пришелъ въ собраніе, для одинаковой съ нами цѣли, и весь наличный персоналъ мироваго съѣзда въ сопровожденіи товарища прокурора, толстаго, пухлаго малаго, исправника и двухъ-трехъ простыхъ смертныхъ изъ «хорошихъ знакомыхъ».

Насколько наша компанія вела себя тихо и скромно, настолько та была бурна и шумлива. Въ особенности, «скандальничалъ» болѣе другихъ одинъ изъ простыхъ смертныхъ, оказавшійся, по словамъ Пузырева, не простымъ смертнымъ, а членомъ земской управы: онъ безъ всякаго милосердія придирался къ своимъ застольнымъ товарищамъ и, въ концѣ-концовъ, присталъ къ мировымъ судьямъ, упрекая ихъ «въ небрежномъ и неопрятномъ содержаніи присутственныхъ камеръ».

— Исключая камеры Чепуркина, внѣшнее благосостояніе которой достаточно вознаграждается внутреннимъ убожествомъ его самого, камеры ваши, господа, очень невзрачны на видъ; онѣ просто грязны-съ, неприлично грязны-съ! Вы профанируете судъ ихъ неприличной обстановкой!.. Если законъ наказываетъ за неисправное содержаніе тротуаровъ и мостовыхъ, то за неисправное содержаніе камеръ...

Окончаніе фразы было покрыто громкимъ хохотомъ обѣдавшихъ.

Одинъ изъ мировыхъ судей—тотъ, котораго звали «занимательнымъ»—поставилъ бѣдовому земцу на видъ, что «если камеры и невзрачны на видъ», то это происходитъ отъ того, что земство не даетъ ни гроша «на ихъ обстановку», а «изъ своего жалованья тратиться—не радость!»

— Не земство тутъ виною, продолжалъ членъ земской управы: — а сами вы виноваты... Камеры ваши невзрачны на видъ оттого, что и вы... тоже невзрачны на видъ!.. Какъ добрые знакомые, вы не обидитесь за правду, которую я вамъ скажу: одинъ изъ васъ является въ судъ на разбирательство въ халатѣ, другой—въ блузѣ, въ калошахъ на босу ногу!.. Прокурорскій надзоръ, чего ты смотришь!.. Привлекай къ отвѣтственности за не-

исправное содержаніе судьями самихъ себя!.. Скажу вамъ, господа, четворостишіе, не моего, впрочемъ, изобрѣтенія:

Я въ цѣпи,
Я—судья.
Я безъ цѣпи,
Я...

...въ нѣкоторомъ родѣ четвероногое!

Всѣ захохотали. Пыркинъ нашолся.

— А, такъ какъ вы никогда цѣпи не носите, значитъ вы всегда—въ нѣкоторомъ родѣ четвероногое! закричалъ онъ.

Эта выходка вызвала со стороны судей апплодисменты и послужила поводомъ къ очень крупному разговору, въ которомъ «хорошіе знакомые» посчитались такъ, что дѣло чуть не дошло до оскорбленія дѣйствіемъ, но, благодаря находчивости товарища прокурора, потребовавшаго «три бутылки шампанскаго», ссора окончилась полнымъ примиреніемъ.

За нашимъ столомъ тоже показалось шампанское. Оно развязало языки адвокатамъ, начавшимъ разсказывать мнѣ «разные случаи про мировыхъ». Тэма была благодатная.

— Пріѣзжаю я разъ къ мировому здѣшняго уѣзда, четвертаго участка, началъ одинъ изъ адвокатовъ:—вхожу въ камеру, вижу: сидитъ письмоводитель. — «Мирового судью можно видѣть?» — «Можно, говоритъ: — они сейчасъ выйдутъ». Ну, и выходитъ ко мнѣ старенькій старичекъ въ восточномъ халатикѣ, еле-еле ножками передвигаетъ; въ одной рукѣ у него рюмка съ водой, а въ другой пузырекъ съ какими-то каплями. Поздоровались. «Что̀ вамъ угодно?» спрашиваетъ онъ меня, а самъ принимается отсчитывать капли; «одна, двѣ, три, четыре»... Я объяснилъ. — «Девятнадцать, двадцать!.. Кажется, довольно! Хорошо-съ, я приму ваше прошеніе!» Онъ принялъ отъ меня прошеніе и при мнѣ принялъ лекарство!..

— Знаю, знаю! Онъ и во время разбирательства принимаетъ свои капли! перебилъ разсказчика другой адвокатъ.

— А я знаю судью, который, черезъ каждыя пять минутъ, уходитъ въ «совѣщательную» комнату, чтобы принимать «капли», и такъ напринимается, что къ концу разбирательства дѣлается больнымъ и неспособнымъ къ отправленію своихъ обязанностей, такъ что дѣла̀ вершитъ его письмоводитель! говоритъ третій.

— А вотъ, въ X—скомъ уѣздѣ есть мировой судья Блистановъ, замѣчательный тѣмъ, что онъ съ другимъ мировымъ судьею Барабановымъ обмѣнялся женами!.. Такъ и живутъ, другое трехлѣтіе живутъ!.. Ну-съ, этотъ Блистановъ рабираетъ дѣла̀ ка̀къ! Сидитъ онъ за рѣшоткой и самъ допрашиваетъ и сторонъ, и сви-

дѣтелей, но ничего не пишетъ. Кончивши состязаніе сторонъ, онъ проситъ тяжущихся «минутку обождать», а самъ закуриваетъ папироску. Немного времени спустя, изъ сосѣдней комнаты, двери въ которую, во время разбирательства, растворены настежъ, выходитъ его письмоводитель съ готовымъ протоколомъ и рѣшеніемъ! Судьѣ остается только подписаться и провозгласить это рѣшеніе, что̀ онъ всегда безукоризненно и исполняетъ... Письмоводитель изъ другой комнаты слушаетъ и объясненія сторонъ, и показанія свидѣтелей и заноситъ ихъ въ протоколъ, и, если кто-нибудь заговоритъ тихо, то судья заставляетъ говорить громче, такъ чтобы слышалъ письмоводитель!

— Господа, возложимъ надежды на будущее! торжественно провозгласилъ Пузыревъ: — судьи, которыхъ мы въ настоящее время имѣемъ, это — судьи «стараго покона»; подождемъ того времени, когда этотъ поконъ уступитъ мѣсто новому.

И Пузыревъ поднялъ тостъ за процвѣтаніе мироваго института въ будущемъ. Тостъ этотъ былъ услышанъ мировымъ институтомъ «настоящаго». «Занимательный» провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе «патентованной адвокатуры». Потребовалось съ той и другой стороны по нѣскольку бутылокъ шампанскаго.

Не помню, ка̀къ я добрался до гостинницы, въ которой я остановился.

Предсказаніе Пузырева исполнилось: при новыхъ выборахъ въ мировые судьи въ Z—скомъ уѣздѣ, ни одинъ изъ судей стараго покона не былъ избранъ на слѣдующее трехлѣтіе. «Занимательный», получивши взаймы, какъ оказалось впослѣдствіи, болѣе тридцати тысячъ отъ разныхъ лицъ, бо̀льшею частью крестьянъ и разными суммами, начиная отъ двадцати пяти рублей, за нѣсколько дней до выборовъ потихоньку скрылся изъ Z—скаго уѣзда, и гдѣ обрѣтается онъ въ настоящее время—никому изъ опечаленныхъ его отъѣздомъ кредиторовъ того не извѣстно. Имѣніе его оказалось заложеннымъ—что̀ онъ имѣлъ право сдѣлать, потому что цензъ его былъ свободенъ отъ всякаго запрещенія; лѣсъ въ имѣніи былъ проданъ на срубъ по долгосрочному контракту, совершить который онъ, по закону, не имѣлъ права, такъ какъ имѣніе было заложено съ лѣсомъ. «Зато пожилъ хорошо», сказали Z—скіе жители, узнавши про внезапный отъѣздъ этого судьи.

«Смирнякъ» Чепуркинъ не дослуживъ полнаго трехлѣтія; самъ отказался отъ должности, выйдя въ отставку «по болѣзни».

— И къ чему ему было служить—не понимаю, прибавилъ Пузыревъ, разсказывая мнѣ о происшедшихъ въ составѣ Z—скаго

съѣзда перемѣнахъ:—состояніе у него отличное, воспитаніе домашнее, имѣніе благоустроенное, хозяинъ онъ хорошій, а судья... вы знаете, какой!

Надъ «рѣшительнымъ» Пыркинымъ исполнилось предсказаніе Немятова: онъ былъ заваленъ на выборахъ черняками.

— Подъ послѣдокъ уже сталъ творить такія вещи, что изъ рукъ вонъ!..

Старичекъ, мировой судья четвертаго участка, волею Божьею, умеръ, «достигнувъ глубокой старости» (ему было около семидесяти лѣтъ), горько оплакиваемый своими родственниками и знакомыми.

Въ настоящее время, въ составѣ Z—скаго мироваго съѣзда можно встрѣтить людей «новаго покона» съ университетскимъ образованіемъ. Жаль, что, вмѣстѣ съ «участковыми дѣлами» къ новымъ судьямъ перешли прежніе письмоводители, по той причинѣ, что они «понаторѣли въ дѣлопроизводствѣ и знаютъ, гдѣ что̀ лежитъ и гдѣ что̀ найти», такъ какъ камеры были всегда на ихъ рукахъ, въ полномъ ихъ завѣдываніи. По этой причинѣ, переходъ отъ порядковъ, заведенныхъ при мировыхъ прежнихъ судьяхъ къ новымъ не могъ быть особенно рѣзкимъ.

«Рѣшительный», по словамъ Пузырева, не унываетъ, «не падаетъ духомъ» и, имѣя за собою шестилѣтнюю службу въ должности «мироваго судьи по выборамъ», разсчитываетъ на полученіе такой же должности «гдѣ-то», «по назначенію».

В. Кротковъ.

Г. Гжатскъ. 9 марта, 1876 года.

ОГЛЯНЕМСЯ НАЗАДЪ.

(Сопоставленіе нѣсколькихъ наблюденій и статистическихъ данныхъ о Россіи).

I. Страна самоуправленія.—II. Наше легкомысліе и наша косность.

Въ нашемъ обществѣ глубоко укоренились нѣкоторыя ложныя воззрѣнія и предразсудки, которые существенно мѣшаютъ свободному и нормальному его развитію и парализируютъ у насъ благодѣтельное вліяніе реформъ и прогрессивныхъ мѣръ. Поэтому ихъ устраненіе весьма важно, и противъ нихъ направлена настоящая статья. Автору очень хорошо извѣстно, что ложныя воззрѣнія въ обществѣ — такая вещь, которая уничтожается и измѣняется къ лучшему лишь съ большимъ трудомъ и послѣ многократнаго давленія на нихъ со всѣхъ сторонъ; поэтому онъ не имѣетъ никакихъ претензій, кромѣ желанія высказать то, что̀ представилось его непосредственному наблюденію и что̀ показали ему статистическія данныя послѣ ихъ разсмотрѣнія. Эти воззрѣнія и ложные взгляды существовали у насъ и раньше и даже несомнѣнно въ бо̀льшей силѣ, чѣмъ теперь, но это было до реформъ; можно было ожидать, что реформы уничтожатъ ихъ вредное дѣйствіе. Новѣйшія же явленія нашей жизни показали, до какой степени они обезсилили успѣхъ самихъ реформъ. Оказалось, что они—до такой степени могучая дѣйствующая сила, что, даже и путемъ крутыхъ реформъ, мы не добьемся нормальнаго и здраваго развитія, если они не будутъ устранены. Вотъ почему сдѣлалось чрезвычайно важнымъ привести ихъ теперь въ извѣстность и освѣтить достаточно яркимъ свѣтомъ. Авторъ, опять-таки, не имѣетъ претензіи на выполненіе этой задачи: задача эта такая трудная и сложная, что одна статья можетъ сдѣлать только микроскопически малую долю дѣла. Надежда сдѣлать эту микроскопическую малость было достаточнымъ стимуломъ для одушевленія автора къ его труду, и онъ предавался ему, менѣе всего преувеличивая его значеніе. Сознаніе, что трудишься для общественной пользы, это—достаточно сильный сти-

*

мулъ; онъ дѣйствуетъ такъ удовлетворительно, что въ преувеличеніи этой пользы нѣтъ никакой надобности—напротивъ: нѣтъ ничего лучше правильнаго и трезваго взгляда на результаты своего поступка.

I.

Страна самоуправленія.

«Финляндія—страна цивилизованная; это—страна самоуправленія», говорятъ мнѣ въ Гельсингфорсѣ. Мнѣ указываютъ на человѣка, который ближе всего похожъ на приказчика въ петербургскомъ винномъ погребѣ, и прибавляютъ: «смотрите, это—мужикъ, вотъ какіе у насъ мужики!» Финляндцы даже нѣсколько обижаются, что я такъ восхищаюсь ихъ скалами и не восхищаюсь ихъ самоуправленіемъ: филистерство, непростительное для русскаго. Финляндія—перлъ самоуправленія въ россійской имперіи; если русскіе такъ мало цѣнятъ Финляндію, то это объясняется только ихъ неразвитостію, ихъ неумѣніемъ понимать и цѣнить свободную жизнь. Мнѣ столько говорятъ обо всемъ этомъ, что я, наконецъ, самъ начинаю упрекать себя, свое равнодушіе я начинаю приписывать той атмосферѣ, въ которой я родился и воспитался. Люди, которые, по своему положенію, принадлежатъ уже къ рабочему пролетаріату, также съ восторгомъ говорятъ мнѣ о свободѣ, сожалѣютъ, что я не имѣлъ случая быть на сеймѣ и т. д. Такая сфера окружаетъ меня въ Гельсингфорсѣ, но вотъ я удаляюсь въ среду тѣхъ уединенныхъ сельскихъ домиковъ, которые разсыпаны по странѣ. Я обращаюсь къ сельскому населенію, спрашиваю ихъ: какая у нихъ община и какое у нихъ общественное управленіе? Меня даже не понимаютъ, не знаютъ, чего я отъ нихъ добиваюсь. Тогда я разсказываю о русской сельской общинѣ и волости, о томъ, кàкъ устроено наше сельское самоуправленіе; имъ явно трудно понять, что люди могутъ извлекать изъ подобнаго устройства какую-нибудь пользу для себя, въ политикѣ они—даже не новорожденныя дѣти, они находятся въ зародышномъ состояніи въ утробѣ своей матери природы, они еще не видали свѣта. Я скоро начинаю понимать, въ какомъ положеніи дѣлà, и потому, не вдаваясь ни въ какія тонкости, прямо спрашиваю: знаютъ ли они, что у нихъ есть сеймъ и что на этотъ сеймъ они избираютъ представителей? Оказывается, что ни о чемъ подобномъ они не слыхивали. Здѣсь говорятъ только о лендсмэнѣ и

о пасторѣ, лендсмэнъ есть олицетвореніе всякой власти, а пасторъ—также начальство. Далѣе извѣстно, что и эти два великихъ лица находятся въ подчиненномъ положеніи и что въ Финляндіи существуютъ другіе, болѣе великіе, между которыми извѣстно, впрочемъ, только одно—это губернаторъ. Всѣ распоряженія, все исходящее свыше приписывается губернатору, который постоянно смѣшивается съ генерал-губернаторомъ и составляетъ съ нимъ что-то въ родѣ двухъ лицъ въ одномъ лицѣ. Меня посѣщаетъ шведъ, которому вся суть финляндскаго устройства извѣстна вполнѣ. Я назвалъ ему нѣсколько крестьянъ-землевладѣльцевъ и спросилъ его, имѣютъ ли они право выбора на сеймъ; получивъ утвердительный отвѣтъ, я выразилъ свое удивленіе, что они нетолько объ этомъ правѣ ничего не знаютъ, но не знаютъ даже, что въ Финляндіи существуетъ сеймъ. Онъ съ большой горячностію утверждалъ, что это невозможно, что между мною и ими произошло какое-нибудь недоразумѣніе. На другой день, крестьяне сами заговорили со мною объ этомъ и старались разувѣрить меня въ своемъ невѣжествѣ; имъ ли не знать, что въ Финляндіи существуетъ сеймъ и что они—избиратели; они указывали мнѣ даже время, когда они ѣздили выбирать. Объясненіе было такое подробное, что я не могъ не убѣдиться: «Ну, а что̀ дѣлаютъ на сеймѣ: тачаютъ сапоги или пекутъ пироги?» Они засмѣялись: «Тамъ управляютъ нами», отвѣчали мнѣ съ полнымъ знаніемъ дѣла. «Въ чемъ, однакоже, состоитъ это управленіе?» На это мнѣ отвѣтили очень развязно, что это—не ихъ ума дѣло и что имъ, какъ крестьянамъ, не прилично такъ далеко простирать свое любопытство. «Такъ вы не знаете, что̀ дѣлалъ сеймъ въ послѣднее свое засѣданіе?» Мнѣ отвѣтили, что не знаютъ, но при этомъ сконфузились, они снова не были увѣрены, что они отвѣчали мнѣ какъ слѣдуетъ. Я старался имъ объяснить, что ихъ право избранія должно повести къ величайшимъ злоупотребленіямъ, пока они нетолько не будутъ знать, что̀ дѣлается на сеймѣ, но и что̀ тамъ дѣлаетъ и говоритъ ихъ представитель. Я легко могъ убѣдиться, что тѣ крестьяне, съ которыми я говорилъ, не составляютъ исключенія, но что это общее правило въ странѣ. Финляндецъ, какъ шведъ или англичанинъ, въ теченіи воскресенья не ударитъ пальцемъ объ палецъ, въ этотъ день вы ихъ можете видѣть всюду праздношатающимися и дѣлающими напрасныя усилія развлечь свою скуку; жалко глядѣть на нихъ въ этотъ день. Отъ полудня и до вечера, на крыльцѣ каждой лавочки собраніе принарядившихся молодцовъ и стариковъ, но никогда невозможно увидать, чтобы они читали какую-нибудь

газету или вообще что̀-нибудь. Васъ постоянно увѣряютъ въ Финляндіи, что крестьяне умѣютъ читать; въ случаѣ нужды, они дѣйствительно могутъ прочесть нѣсколько словъ, но читать такъ, чтобы чтеніе ихъ занимало, они вовсе не могутъ и никогда не читаютъ. Во время воскресныхъ своихъ сіестъ передъ лавочкою, они никогда не говорятъ о политикѣ, потому что въ этомъ отношеніи ихъ свѣдѣнія—безконечный нуль. Не дѣлается ничего, что̀ бы хотя сколько-нибудь способно было разсѣять непроницаемый мракъ этого невѣжества; страна, повидимому, очень довольна тѣмъ, что имѣетъ массу слѣпыхъ избирателей. Послѣ этого одно остается непонятнымъ для наблюдателя. Вы видите, что крестьяне-землевладѣльцы и пролетаріи одинаково политически невѣжественны; пролетаріи составляютъ массу, ихъ вдвое больше, чѣмъ землевладѣльцевъ, почему же избирательныя права составляютъ исключительное достояніе землевладѣльцевъ? Подобное избирательное право, конечно, безсильно съ точки зрѣнія вліянія избирателей, но все-таки оно имѣетъ несомнѣнное значеніе для нравственнаго настроенія самихъ представителей. Представитель, сознавая себя избранникомъ одного класса землевладѣльцевъ, будетъ проявлять въ дѣйствіяхъ своихъ тѣмъ болѣе грубаго пристрастія, чѣмъ ниже уровень политическаго развитія въ странѣ.

Мнѣ пришлось припомнить, что не въ одной политически неразвитой Финляндіи, но и въ наиболѣе просвѣщенныхъ частяхъ материка Европы, дѣла̀ дѣлаются такимъ же образомъ. Я вспомнилъ, ка̀къ нѣсколько лѣтъ тому назадъ европейская пресса толковала о Франціи: въ Парижѣ, да и въ центральныхъ пунктахъ Франціи росли и распространялись соціальныя и комунистическія идеи, въ эти центры стекалось рабочее населеніе изъ всѣхъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Франціи; проработавъ нѣсколько времени, оно возвращалось домой, и такимъ образомъ идеи эти заносились всюду. Встрѣчая эту жалкую болтовню въ самыхъ лучшихъ и солидныхъ изданіяхъ европейской печати, и притомъ въ изданіяхъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, читающая публика воображала себѣ, что Франція дѣйствительно, какъ выражались, разъѣдается соціальными и комунистическими идеями, между тѣмъ девяносто процентовъ французскихъ избирателей нетолько не имѣли никакихъ соціальныхъ или комунистическихъ идей, но даже не знали, какой у нихъ образъ правленія; объ этомъ образѣ правленія они имѣли такое же понятіе, какое финляндскій крестьянинъ о своемъ, и произносили слово императоръ, приблизительно такъ же, какъ финляндецъ произноситъ губернаторъ. О томъ,

чтобы они знали, что̀ дѣлаютъ ихъ представители, нѐчего и говорить: имъ точно также, какъ финляндскимъ крестьянамъ, въ теченіи всей ихъ жизни, ни разу не приходилось заинтересоваться какимъ бы то ни было политическимъ вопросомъ; между тѣмъ, они самымъ акуратнымъ образомъ, какъ на барщину, сгонялись на выборы, и во Франціи почти всѣ избиратели подавали свои голоса въ то время, когда въ Соединенныхъ Штатахъ голоса подаетъ только меньшая половина, и только въ минуту крайняго возбужденія является до двухъ третей. Сбитая съ толку глупой трескотней европейской прессы, публика воображала, что комунистическія и соціальныя идеи дѣйствительно крайне распространены во Франціи и что противъ нихъ единственное лекарство — сохраненіе того политическаго невѣжества, которымъ отличалось французское населеніе. Такое заблужденіе помѣшало ей понять, что политическое невѣжество избирателей и система, его поддерживающая, и составляютъ именно главное зло во Франціи. Рѣдко народу случалось такъ жестоко поплатиться за свое политическое невѣжество, какъ поплатились французы. Франція жестоко испытала на своей кожѣ наблюденіе, высказанное Спенсеромъ, въ его соціальной статистикѣ: политическое развитіе въ государствѣ обладаетъ свойствомъ, напоминающимъ жидкости—оно имѣетъ общей уровень: невѣжество массъ понижаетъ уровень политическаго развитія и въ высшихъ сословіяхъ, и наоборотъ. Вовсе невозможно задержать развитіе въ массахъ, не задерживая его, въ тоже время, и въ высшихъ слояхъ, и наоборотъ—съ каждымъ успѣхомъ массъ одновременно развиваются и высшіе слои. По причинѣ невѣжества массы избирателей, дававшей торжество бездарнымъ политикамъ и безтактности образованныхъ классовъ, которые позволили запугать себя призраками, уровень политическихъ талантовъ во Франціи упалъ до такой степени, что нетолько императорское правительство кончило самымъ жалкимъ фіаско, но это фіаско сопровождалось еще другимъ болѣе жалкимъ, которое освѣтило самымъ яркимъ свѣтомъ корень зла. Сто̀итъ вникнуть въ причины фіаско императорскаго правительства, чтобы понять, что причины эти прямо лежали въ политическомъ невѣжествѣ избирателей, котораго благодѣтельныя, будто бы, послѣдствія такъ громко восхвалялись. Обыкновенно думаютъ, что избиратели во время имперіи не имѣли никакого значенія и что правительство распоряжалось ка̀къ ему угодно, но это вовсе не такъ: народъ, будетъ ли онъ избирателемъ, или нѣтъ, всегда имѣетъ значеніе; инстинкты и политическія чувства этихъ избирателей имѣли самое существенное вліяніе на политику

императорскаго правительства. Именно вслѣдствіе невѣжества, эти инстинкты и политическія чувства были грубы и первобытны: они требовали отъ правительства не того, чтобы оно было разумно и раціонально, а чтобы оно поражало ихъ воображеніе. Чтобы угодить этому вкусу, правительству оставалось одно: держаться такой заносчивой политики, которая въ окончательномъ результатѣ неизбѣжно должна была привести къ самому жалкому концу. Царь дикарей долженъ позировать богомъ и знаетъ, что, если будетъ неурожай, то его взвалятъ на костеръ. И Наполеонъ I, и Наполеонъ III должны были окружать себя самымъ опаснымъ изъ ореоловъ; для Наполеона III достаточно было ничтожной въ политическомъ отношеніи мексиканской неудачи, чтобы сорвать этотъ ореолъ и заставить его затѣять опаснѣйшую игру, которая привела къ плачевному концу. Послѣдствія этого держанья избирателей въ невѣжествѣ обрисовались еще ярче въ самый разгаръ кризиса. Послѣ паденія Наполеона, народъ избралъ палату, въ которой преобладали реакціонеры. Это бы еще ничего не значило, и американскій народъ избралъ консервативное собраніе въ критическое время своего отдѣленія отъ Англіи. Но сравненіе этихъ двухъ законодательныхъ собраній и показываетъ вѣрность наблюденія Спенсера. Консерваторы Америки—мудрые политики, государственные люди въ лучшемъ смыслѣ этого слова, а представители французскаго народа оказались такими же жалкими, непроходимыми невѣждами, какъ и ихъ избиратели. Что тому и другому народу въ серьёзную и критическую минуту, которую онъ переживалъ, можно было спасти себя только подавъ великій примѣръ—это было ясно для всѣхъ глазъ. Американцы были политически развитымъ народомъ, а потому они поняли не только то, что имъ нужно дать великій примѣръ, но и то, кàкъ это сдѣлать. И вотъ мы видимъ поразительное зрѣлище: люди самыхъ противуположныхъ взглядовъ соединяются вмѣстѣ: консерваторъ Уашингтонъ стоитъ во главѣ движенія, которое производитъ политическій переворотъ безпримѣрной смѣлости, создаетъ обширное федеративно-демократическое государство въ то время, когда федеративная демократія считалась немыслимой и неосуществимой утопіей; реакціонеръ Гамильтонъ пишетъ руководящія статьи въ «Федералистѣ» и дѣлается однимъ изъ могущественнѣйшихъ двигателей великаго предпріятія. Но, можетъ быть, обстоятельства были болѣе благопріятны въ Америкѣ? Франція, говорятъ намъ, разъѣдалась крайними соціальными идеями; однакоже, стòитъ сколько нибудь ближе познакомиться съ дѣломъ, чтобы убѣдиться, что крайнія идеи, которыя распространены были въ Амери-

кѣ, отличались полетомъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ идеи парижской коммуны. Каждый штатъ Америки, каждый кантонъ Швейцаріи, между которыми были такіе, которые въ сто разъ менѣе Парижа, имѣли въ своихъ рукахъ все уголовное и гражданское законодательство. Затрудненія для устроителей американскаго управленія заключались въ томъ, что крайніе требовали полной независимости каждаго штата; они полагали, что свобода погибнетъ и деспотизмъ водворится, если каждый штатъ не будетъ вполнѣ независимымъ государствомъ. Кто былъ правъ?—это вопросъ неразрѣшимый. Всѣ подобные вопросы — относительные, тутъ все зависитъ отъ привычекъ и прошлой жизни народа. Дѣло въ томъ, что, въ то время, когда французскій народъ долженъ былъ дать міру для своего спасенія и для спасенія своей славы великій примѣръ, онъ далъ намъ только образчикъ послѣдствій политики, удерживающей населенія въ политическомъ невѣжествѣ. Суть не въ томъ, что произошла смута: къ несчастью для человѣчества, исторія показываетъ намъ, что и въ лучшемъ изъ цивилизующихся обществъ можетъ произойдти смута; суть въ томъ: изъ за чего произошла смута, въ какое время и какой она носитъ на себѣ характеръ? Въ обществѣ, которое гордится тѣмъ, что оно подавляетъ въ своей средѣ всякое политическое развитіе, малѣйшій шагъ на пути развитія сопровождается смутою. У испанцевъ, въ особенности въ ихъ американскихъ колоніяхъ, нетолько министерскіе кризисы безпрерывны, но кризисы эти чаще всего сопровождаются кровопролитіемъ и междоусобіемъ; иногда и микроскопическое изслѣдованіе не въ состояніи будетъ открыть ту долю прогресса, изъ за которой лилась кровь. Самое печальное при этомъ—то, что подобныя потрясающія и всегда опасныя для государственнаго благополучія явленія, наконецъ, не только не заставляютъ общество образумиться, но еще болѣе укореняютъ его въ зловреднѣйшихъ заблужденіяхъ. Вмѣсто того, чтобы понять весь вредъ и всю опасность политическаго невѣжества, образованное общество приписываетъ все зло будто бы распространенію прогрессивныхъ идей.

Послѣ этого читателю будутъ понятны причины, по которымъ мнѣ казалось, что финляндцы поступаютъ весьма легкомысленно, когда они держатъ своихъ избирателей въ такомъ невѣжествѣ, при которомъ они нетолько не знаютъ, что̀ дѣлаютъ ихъ представители и тотъ сеймъ, куда они ихъ посылаютъ, но не знаютъ даже, что они выбираютъ на сеймъ, гдѣ занимаются правительственной дѣятельностью, а не пекутъ пироги и не тачаютъ калоши. Скоро опасность эта уяснилась мнѣ еще съ одной стороны. Я тутъ прямо увидалъ, что финляндцы нетолько дурно дѣ-

лаютъ, что они избирателей удерживаютъ въ невѣжествѣ, но что было бы очень не дурно, еслибы они позаботились о прекращеніи этого невѣжества и въ тѣхъ сферахъ громаднаго большинства финляндцевъ, которые не принадлежатъ къ избирателямъ, и дали бы имъ возможность и случай подать и свой голосъ. Дѣло въ томъ, что неизбѣжный спутникъ всякой власти заключается въ возможности эксплуатировать ее въ свою пользу, всякое же развитіе самоуправленія даетъ власть, и, если чрезъ односторонность закона или чрезъ невѣжество избирателей, власть эта сосредоточится въ рукахъ не многихъ, то они будуть эксплуатировать ее въ свою пользу съ тѣмъ болѣе грубымъ эгоизмомъ, чѣмъ ниже степень ихъ политическаго развитія. Выходитъ положеніе весьма ненормальное: развитіе самоуправленія необходимо, потому что общество, достигшее извѣстной степени цивилизаціи, только этимъ путемъ и можетъ удовлетворять своимъ нуждамъ, а между тѣмъ, это самоуправленіе, чрезъ одностороннюю его эксплуатацію, чѣмъ болѣе оно развивается, тѣмъ болѣе приноситъ существеннаго вреда странѣ; граждане охлаждаются къ нему и пренебрегаютъ необходимѣйшимъ элементомъ для благополучной своей жизни. Стòитъ сдѣлать одинъ шагъ къ изученію Финляндіи, чтобы тотчасъ увидать въ ней страну, которою управляютъ, гдѣ и самоуправленіе превращается въ управленіе.

Для массы финскаго населенія никто не играетъ такой большой роли, какъ пасторъ. Если вы, живя среди финляндскаго крестьянства, услышите о генерал-губернаторѣ разъ въ годъ, о губернаторѣ разъ въ три мѣсяца, о лендсмэнѣ разъ въ мѣсяцъ, то о пасторѣ, вы навѣрное услышите три раза въ недѣлю. Съ другой стороны, вращайтесь исключительно вдали отъ церкви и резиденціи лендсмэна, въ теченіи года вы встрѣтите лендсмэна раза два или три, но будьте увѣрены, что пастора вы не встрѣтите ни одного раза. Чтò же это за власть невидимка, которая изъ за непроницаемаго тумана правитъ не только совѣстью, но и свѣтскими дѣлами? Прежде всего, вы убѣждаетесь, что эта власть, несмотря на свой образъ христіанскаго безкорыстія, менѣе всего пренебрегаетъ земными благами. Пасторъ получаетъ отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ въ годъ. Ого! невольно восклицаете вы:—это—кушъ; на такомъ же сѣверѣ, какъ Финляндія, нашъ сельскій священникъ радъ, если онъ получитъ триста рублей въ годъ; нельзя пожаловаться, чтобы шведское населеніе пользовалось своимъ политическимъ вліяніемъ съ излишнимъ безкорыстіемъ, и чтобы финляндскій пасторъ увлекался подражаніемъ тѣмъ исландскимъ теологамъ, которые, несмотря на свою ученость, жили также бѣдно, какъ окрестные крестьяне.

Нельзя сказать также, чтобы пасторъ полагался съ истинно христіанскимъ самоотверженіемъ на свое нравственное вліяніе; онъ позаботился, чтобы у него была болѣе солидная политическая почва подъ ногами, онъ обезпечиваетъ себя точно установленными поборами отъ собственниковъ и барщиной отъ бобылей. Рискните сдѣлать скромное сравненіе между русскимъ священникомъ и финляндскимъ пасторомъ, у шведа отвѣтъ готовъ: большое вознагражденіе пастора по сравненію съ русскимъ священникомъ, по его мнѣнію—несомнѣнный прогрессъ, именно—въ такой же мѣрѣ пасторъ дѣлается источникомъ благотворительности, умственнаго и нравственнаго развитія для своей паствы. Относительно благотворительности, я ни разу не имѣлъ счастья видѣть, чтобы финляндскій сельскій пасторъ посѣтилъ хотя одного больного, завернулъ хотя случайно къ какому нибудь бѣдняку или сиротѣ, объ оказаніи помощи изъ своего кармана и говорить нѣчего; я знаю только о щедрости на чужія деньги, на счетъ сборовъ съ бѣдныхъ людей, которыми пасторъ распоряжается, но, по нашему, это называется патронатъ, а не благотворительность; конечно, я долженъ приписать это тому, что былъ особенно несчастливъ; я убѣжденъ, что пасторы Финляндіи, по добротѣ и благотворительности своего сердца, не стоятъ ниже прочихъ христіанъ; однакоже, тоже самое можно сказать и о православномъ священникѣ, и этимъ нисколько не оправдывается тотъ крупный кушъ, который выпадаетъ на долю пастора. Что̀ же касается умственнаго развитія, то тутъ выходитъ странное явленіе: высокое вознагражденіе пастора служитъ нетолько источникомъ, а дѣлается препятствіемъ для его вліянія на это развитіе; именно по причинѣ этого вознагражденія, онъ, слишкомъ важный и значительный человѣкъ, чтобы снизойдти на степень школьнаго учителя. Еслибы, вмѣсто него, было, напр., два школьныхъ учителя, и еслибы эти школьные учители даже вдвоемъ получали хотя треть того, что̀ пасторъ получаетъ одинъ, такъ что на его долю осталась бы все таки еще значительная сумма въ 1600 руб., то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что обученіе шло бы гораздо успѣшнѣе. По отношенію къ развитію грамотности, финляндскіе пасторы положительно ничего не дѣлаютъ, хотя и считаются ея поощрителями; обучаются финляндцы грамотѣ самымъ примитивнымъ образомъ. Кто случится, обыкновенно безграматная работница, приготовляетъ избранныхъ, т. е. крестьянъ-землевладѣльцевъ, къ конфирмаціи; естественно, если они при этомъ выучиваются механически читать только то, о чемъ ихъ спроситъ пасторъ, читать же что̀ нибудь, кромѣ заученнаго, они не въ состояніи. Наши крестьяне, хотя чернымъ

хлѣбомъ, а все таки платятъ безграмотнымъ учителямъ своихъ дѣтей; финляндцы и въ этомъ не нуждаются, благо тамъ существуетъ многоголовый сельскій пролетаріатъ. Финляндскій крестьянинъ платитъ своей работницѣ за сельскія и домашнія работы, обученіе идетъ сверхъ комплекта. Что̀ касается пролетаріевъ, то они обучаются ка̀къ и гдѣ знаютъ: за работы, Христа ради и т. д. Роль пастора во всемъ этомъ ограничивается тѣмъ, что, въ качествѣ власти, онъ не отпускаетъ финна или финку искать себѣ работы, пока не будетъ выдержано испытаніе: хоть тамъ съ голоду умирай, а испытаніе выдержать долженъ. Дарвинъ говоритъ, что въ органическомъ мірѣ все приспособляется; та̀къ приспособились другъ къ другу и финскіе пролетаріи съ ихъ пасторомъ: однихъ побуждала тяжкая нужда, другого желаніе облегчить себѣ трудъ и заботы. Граматность пролетаріевъ оказывается одной прелестною мечтой, это—воображаемая величина, которая подразумѣвается и пасторомъ, и его паствой. О, Лютеръ, ка̀къ легко справляться съ твоимъ требованіемъ граматности отъ каждаго лютеранина! Въ Швейцаріи жалуются, что тамъ, гдѣ школы попадаютъ въ руки католическаго духовенства, онѣ учреждаются только для того, чтобы въ нихъ ничему не учить; я спрашиваю: далеко ли было бы отъ истины католическое духовенство, еслибы оно указывало на Финляндію въ доказательство того, что лютеранскіе пасторы именемъ Лютера дѣлаютъ требованіе всеобщаго обученія лютеранъ только для того, чтобы его не исполнять? О нравственномъ вліяніи пасторовъ умолчимъ: не будемъ пускаться въ область, гдѣ такъ темно; но обратимся къ предмету, который освѣтить гораздо легче. Посмотримъ, насколько пасторы удовлетворяютъ религіознымъ требованіямъ населенія. Прежде всего, такъ какъ пасторъ столь важный человѣкъ, то о требованіяхъ населеніе не смѣетъ и подумать; заговорить объ этомъ могутъ только привилегированныя лица, да и то только по отношенію къ себѣ. Остальные должны слушаться и принимать съ благодарностію, какъ благодѣяніе, то, что̀ господину пастору благоугодно будетъ сдѣлать. Слѣдовательно, о требованіяхъ тутъ нѐчего и говорить—можно говорить только о потребностяхъ. Сравнивая, въ этомъ отношеніи, пастора съ русскимъ священникомъ, нельзя утверждать, чтобы ихъ чрезмѣрная ревность служила ко вреду для ихъ здоровья. Мнѣ не случалось слышать, чтобы православный священникъ скакалъ сломя голову за десять или двадцать верстъ для того, чтобы исповѣдать или схоронить умирающаго нищаго, или окрестить новорожденнаго изъ опасенія, чтобы ребенокъ не простудился отъ переѣзда въ приходскую церковь. Что̀ же касает-

ся финляндскаго пастора, то онъ считаетъ себя слишкомъ полезнымъ человѣкомъ, чтобы рисковать своей драгоцѣнной особой: что̀ сто̀итъ жизнь какого-нибудь ребенка, изъ котораго выдетъ не болѣе, какъ грубый пролетарій, въ сравненіи со страданіями простуды для пастора? кто знаетъ, можетъ быть, эти страданія не дадутъ созрѣть въ его головѣ великой теологической идеѣ! Привыкшій къ скромной жизни, священникъ понимаетъ, что для бѣднаго человѣка, можетъ быть, очень трудно заплатить то, что̀ для богатаго кажется ничтожнымъ; поэтому онъ не только скромнѣе въ своихъ требованіяхъ, но не дѣлаетъ требованій капризныхъ и излишнихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что это—пустяшныя издержки, которыя всякій можетъ сдѣлать. За исповѣдь онъ довольствуется копеечкой; если хотятъ, пусть привозятъ покойника въ церковь запросто, безъ всякаго церемоніала; если не хотятъ—пусть хоронятъ на кладбищѣ селенія. Финляндскій пасторъ требуетъ, чтобы покойника, хотя бы это былъ двухдневный ребенокъ, привезли въ приходскую церковь съ дорого стоющимъ церемоніаломъ: надо нанять пѣвчихъ, которые будутъ пѣть всю дорогу даже и въ томъ случаѣ, если эта дорога составитъ верстъ двадцать и болѣе. Мораль всего этого понять не трудно: еслибы пасторъ былъ въ существенной зависимости отъ своего прихода и еслибы каждый прихожанинъ былъ сознательнымъ избирателемъ, понимающимъ, ка̀къ пользоваться своими правами, то финляндскій сельскій кирхшпиль и за третью долю современнаго вознагражденія имѣлъ бы пасторомъ хорошаго теолога, который, сверхъ того, позаботился бы, чтобы религіозныя требованія его прихожанъ исполнялись наилучшимъ и наидешевѣйшимъ образомъ; тогда можно было бы говорить и о заявляемыхъ требованіяхъ, а не только о робко-скрываемыхъ въ душѣ потребностяхъ, тогда пасторъ не былъ бы волшебной невидимкой, а появлялся бы всюду и дѣлалъ бы все самолично за ту же треть вознагражденія, безъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній. Если же, вмѣсто того, онъ получалъ бы десять тысячъ независимо отъ своихъ прихожанъ, то, по всей вѣроятности, онъ считалъ бы себя человѣкомъ, обиженнымъ судьбою, только по несправедливости человѣческой попавшимъ на мѣсто сельскаго священника вмѣсто мѣста генералгубернатора или статс-секретаря; онъ жилъ бы въ Стокгольмѣ или Парижѣ, и посѣщеніе своего прихода находилъ бы для себя весьма отяготительнымъ.

Послѣ пастора ваше вниманіе обращаетъ на себя лендсмэнъ; онъ значительно уступаетъ пастору по получаемому имъ содержанію; зато же и важности у него меньше, и

дѣла у него больше. Спросите кого-нибудь изъ русскихъ, живущихъ въ Финляндіи, кто такое лендсмэнъ? онъ отвѣтитъ вамъ — исправникъ; онъ долженъ имѣть весьма трезвый взглядъ на вещи, чтобы отвѣтить—становой. И, дѣйствительно, только въ послѣднее время наши становые по средствамъ своимъ приравнялись къ лендсмэнамъ. Посѣтите лендсмэна, вы найдете его на отдѣльной дачѣ, нерѣдко въ восхитительной мѣстности, среди обросшихъ лѣсомъ крутыхъ горъ и прелестнѣйшихъ озеръ; онъ обставленъ комфортабельно. Вы крайне удивитесь, когда вы узнаете, что онъ завѣдуетъ однимъ, много двумя кирхшпилями; по кругу своей дѣятельности, онъ прямо соотвѣтствуетъ нашему старшинѣ. Финляндцы гордятся этимъ и считаютъ себя цивилизованнымъ народомъ, потому что у нихъ цивилизованный человѣкъ занимаетъ такое мѣсто, которое въ Россіи занимается нерѣдко безграматнымъ крестьяниномъ. Я нахожу, что это было бы весьма отрадное явленіе, еслибы въ Финляндіи даже и водовозъ былъ образованный человѣкъ, но еслибы водовозамъ изъ финляндской казны выдавалось такое значительное содержаніе, что образованные люди тѣснились бы на эти мѣста, то въ этомъ не было бы ничего отраднаго. Финляндія, по числу своего населенія, равняется россійской губерніи, однакоже, въ ней насчитывается восемь губерній; она имѣетъ, кромѣ восьми губернаторовъ, генерал-губернатора и еще статс-секретаря въ Петербургѣ. Въ Привислинскомъ краѣ, въ послѣднее время, также расплодились губерніи, но, какъ извѣстно, это вызвано было такими чрезвычайными политическими причинами, о которыхъ въ Финляндіи нѣтъ и помину: до этого Царство Польское дѣлилось на пять губерній, эти губерніи были очень малы; въ среднемъ выводѣ, онѣ были на треть меньше русской губерніи и, все-таки, въ пять разъ больше финляндской; русская губернія въ восемь разъ больше финляндской. Въ Привислинскомъ краѣ и теперь только десять губерній, хотя его населеніе втрое значительнѣе финляндскаго. Теоретически я заключилъ изъ этого, что финляндцы—народъ, по крайней мѣрѣ, въ восемь разъ болѣе богатый, чѣмъ русскіе, потому что они доставляютъ себѣ роскошь такого управленія. Однакоже, въ этомъ послѣднемъ пунктѣ мнѣ пришлось жестоко разочароваться. Двѣ трети финляндскаго населенія состоятъ изъ сельскаго пролетаріата, который, безъ всякаго сомнѣнія, бѣднѣе русскихъ крестьянъ. Онъ существенно отличается отъ русскихъ бѣдняковъ только тѣмъ, что его потребности болѣе развиты и что онъ съ бо́льшею горечью чувствуетъ свою бѣдность. Пролетарій изъ всѣхъ силъ тянется, чтобы одѣться приличнѣе и для этого лишаетъ себя самаго существеннаго:

живетъ въ конурѣ, голодаетъ, моритъ своихъ дѣтей, которыхъ у него въ живыхъ остается очень мало. Роскошь финляндскаго управленія, очевидно, не происходитъ изъ потребности народа; сравненіе съ Привислинскимъ краемъ показываетъ, что она не можетъ быть исключительнымъ послѣдствіемъ политики русскаго правительства, которое, безъ всякаго сомнѣнія, удовольствовалось бы гораздо меньшимъ, еслибы это соотвѣтствовало обычаямъ страны. Она—явное послѣдствіе исключительнаго вліянія высшаго, образованнаго класса, которое нисколько не видоизмѣняется мнѣніемъ массы народа, по той простой причинѣ, что этотъ народъ держится въ такомъ политическомъ невѣжествѣ и въ такомъ черномъ тѣлѣ, что онъ неспособенъ ни имѣть, ни проявить мнѣнія, могущаго получить значеніе. Всякое самоуправленіе даетъ тѣмъ болѣе простора своимъ органамъ, чѣмъ болѣе оно развивается; но именно поэтому оно тѣмъ смѣлѣе эксплуатируется для своихъ личныхъ цѣлей, чѣмъ незначительнѣе число людей, у которыхъ оно сосредоточивается въ рукахъ. При такихъ условіяхъ, самоуправленіе можетъ даже перестать быть улучшеніемъ; мало этого: хотя въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, но возможны такія обстоятельства, при которыхъ оно въ части высшаго общества вызоветъ такіе инстинкты притѣсненія, которые запрудятъ дорогу къ прогрессу. Въ Финляндіи вы на каждомъ шагу, во всѣхъ мелочахъ видите въ образованномъ обществѣ сознаніе своей независимости отъ потребностей и мнѣнія народной массы и стремленіе идти все далѣе по этому пути. Прихожу я, напримѣръ, въ сельскую почтовую контору; письма отправляетъ барышня и горько жалуется на то, что она получаетъ чрезмѣрно малое вознагражденіе за свой трудъ. Я, съ своей стороны, совсѣмъ другого мнѣнія: я полагаю, что она могла бы быть благодарна крестьянству за то, что за столь ничтожный трудъ, какъ отправка писемъ, оно даетъ ей возможность пользоваться несравненно бо̀льшими удобствами, чѣмъ пользуется само. Выхожу за дверь, гляжу, а тамъ—объявленіе: оно ограничиваетъ пріемъ писемъ немногими часами, и въ воскресенье пріемъ кончается уже въ десять часовъ утра. Воскресенье—единственный день, въ который крестьянамъ удобно отправлять и получать письма. Не угодно ли скакать сломя голову за двадцать верстъ въ темную зимнюю ночь, чтобы поспѣть на почту раньше разсвѣта, то-есть до девяти часовъ; да и скакать-то можетъ только землевладѣлецъ, а пролетарій, который обязательно работаетъ цѣлую недѣлю и въ субботу до ночи, долженъ встать въ полночь на воскресенье и отправляться пѣшкомъ. Юной головкѣ явно никогда не случалось подумать о томъ, какимъ яр-

момъ ея распоряженіе ложится на населеніе. Не забывайте, что такъ поступаетъ здѣсь не какой-нибудь закоренѣлый чиновникъ, а юная прогрессистка; женщина служащая и въ Финляндіи — прогрессивный элементъ. Подъ конецъ мнѣ удалось открыть и финляндское сельское самоуправленіе, финляндскую общину, о которой такъ долго не было ни слуху, ни духу. Это—тотъ родъ средневѣковыхъ общинъ, который намъ ближе всего извѣстенъ изъ англійскаго права. Центральнымъ пунктомъ для нея служитъ церковь, приходъ, распоряжающіеся суммами нѣчто въ родѣ церковныхъ старостъ [1]. Весьма типично ихъ отношеніе къ членамъ общины. При мнѣ одинъ изъ подобныхъ господъ растратилъ 2,500 марокъ; когда общественное собраніе его уличило, онъ, второй Безъобразовъ, оказался великимъ казуистомъ, и весьма сильными юридическими доводами доказывалъ, что онъ имѣлъ право растратить деньги; общество такъ-таки и не могло принудить его отсчитаться. «Что же вы теперь будете дѣлать?» спросилъ я члена общины. «Губернаторъ разсудитъ», отвѣтилъ онъ. «Неужели вы съ служащимъ отъ васъ не можете справиться безъ помощи губернатора?» Я встрѣчаю, однажды, дѣвушку лѣтъ шестнадцати; стоило на нее взглянуть, чтобы убѣдиться, что она въ теченіи своей жизни ни разу не была сыта; ея тѣло совершенно не могло развиться; она была такъ слаба, что ребенокъ десяти лѣтъ легко могъ побороть ее. «Ей кормиться нечѣмъ, говорили мнѣ: — гдѣ она здѣсь можетъ найти хлѣбъ?» Я ей предлагаю ѣхать въ Петербургъ—тамъ она прямо поступитъ на готовое мѣсто. Эта мысль приводитъ ее въ восторгъ, какъ райское блаженство—какъ это было бы прелестно. Она даже знаетъ нѣсколько словъ порусски; здѣсь жила нѣкоторое время одна дама изъ Петербурга, и она служила у ней—это было единственное время въ ея жизни, когда она не страдала ни отъ голоду, ни отъ холоду; но, увы! ей нельзя отлучиться—пасторъ не дозволяетъ. «Пасторъ! восклицаю я съ удивленіемъ:—неужели пасторъ имѣетъ у васъ такую власть, что онъ можетъ заставить человѣка скорѣе обрекать себя на голодъ и холодъ, чѣмъ идти и отыскивать себѣ работы?» Оказывается — имѣетъ. Финляндцы упрекаютъ меня, что я постоянно разсуждаю, какъ будто я въ Россіи; здѣсь—совсѣмъ другое: здѣсь она

---

[1] Я бы, конечно, могъ дать читателю болѣе ясное и вѣрное понятіе о финляндскихъ учрежденіяхъ, еслибы я ихъ изображалъ такъ, какъ они представляются въ оффиціальныхъ источникахъ и головахъ образованныхъ шведовъ, но я умышленно придерживаюсь сбивчивыхъ изображеній и понятій крестьянъ, чтобы дать читателю осязательно почувствовать ихъ туманность и мутность фактическаго положенія дѣлъ.

умереть отъ голоду не можетъ; она получаетъ по полтиннику въ мѣсяцъ изъ суммъ для бѣдныхъ. Я со стыдомъ долженъ сознаться, что въ Россіи сиротамъ такихъ полтинниковъ не отпускается; но, все-таки, заключаю, что благотворительныя пять марокъ въ три мѣсяца не должны бы мѣшать человѣку отыскивать себѣ работу и обрекать его на голодъ и холодъ. Я интересуюсь суммами, изъ которыхъ почерпаются подобные полтинники. Населеніе имѣетъ объ нихъ весьма темное понятіе. Знаютъ только, что ими распоряжается пасторъ и что онѣ даются не сиротамъ, а ихъ опекунамъ, которые эксплуатируютъ это право въ свою пользу. Безпокойные умы знаютъ болѣе: они утверждаютъ, что эти суммы—общественныя, что на распоряженіе ими имѣетъ право вовсе не одинъ пасторъ, а что, будто бы, съ его согласія мѣстные кулаки производятъ на нихъ спекуляціи.

Шведы гордятся своимъ цивилизующимъ вліяніемъ на Финляндію, и, если сравнивать ихъ съ другими цивилизаторами полудикихъ племенъ восточной Европы, то окажется, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ они имѣютъ полное право гордиться. Сравните, напр., ихъ вліяніе, съ вліяніемъ нѣмцевъ въ Остзейскомъ краѣ, поляковъ въ Волынской и Подольской Губернія. Нѣмцы и поляки вносили крѣпостное право въ обширнѣйшихъ размѣрахъ; даже русскіе, заразившись идеями Запада, хотя позднѣе поляковъ, но все-таки расплодили его нетолько въ своей средѣ, но занесли и на бывшія татарскія земли, гдѣ до этого объ немъ и не слыхивали; шведы избавили Финляндію отъ этого бича. Нѣмцы и поляки отдали всю землю почти сплошь въ крупное землевладѣніе; шведы сдѣлали изъ Финляндіи страну мелкой поземельной собственности; они въ этомъ отношеніи имѣютъ опять-таки рѣшительное преимущество и передъ русскими; они уступаютъ русскимъ только въ томъ, что, подъ вліяніемъ европейскихъ идей, водворили исключительное вліяніе поземельной собственности въ то время, когда въ Россіи распространилось общинное владѣніе. Однакоже, не было еще народа, которому бы удалось избѣгнуть всѣхъ ошибокъ и спастись отъ всѣхъ гибельныхъ послѣдствій: шведы подверглись общей участи. Они поощряли политическое невѣжество финляндцевъ и радовались ему: это для насъ выгодно, это—источникъ нашего вліянія, говорили они. На повѣрку же оказывается, что этотъ узкій, скаредный взглядъ на вещи настолько же парализовалъ ихъ собственное развитіе, какъ и развитіе коренныхъ финляндцевъ. Конечно, еслибы избиратели въ Финляндіи были политически развитыми людьми, еслибы число этихъ политическихъ избирателей, постоянно разростаясь, обхватило, наконецъ, весь народъ, еслибы въ

Финляндіи существовала сельская община въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то невозможно было бы то положеніе, которое существуетъ теперь. Управляющимъ шведамъ невозможно было бы обезпечивать себя и свои семейства мѣстами, весьма похожими на синекуры; не могло бы дойти до того, что даже безсильная въ политическомъ отношеніи дѣвочка на почтовой станціи имѣла бы, однакожь, достаточно политической силы, чтобы подчинить многочисленное населеніе личному и мелочному своему удобству и т. д. Политически развитые финляндцы соглашались бы платить деньги только за дѣйствительно полезный трудъ и только въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ это необходимо для успѣшнаго его производства, и, все-таки, я утверждаю, что шведамъ, при этомъ условіи, было бы гораздо лучше, чѣмъ теперь. Когда въ высшихъ слояхъ общества является направленіе, при которомъ образованные люди стремятся обезпечить себя насчетъ своей власти, а не насчетъ своего труда, это направленіе распространяется во всѣхъ слояхъ народа; сверху до низу всякій стремится не къ тому, чтобы производить какъ можно больше и лучше и тѣмъ доставить и обществу, и себѣ какъ можно болѣе благосостоянія, а къ тому, чтобы работать какъ можно менѣе и безъ труда обезпечивать себя насчетъ другихъ: «я не работаю, я распоряжаюсь, произноситъ каждый въ Финляндіи съ гордостію» — и вѣчная мечта каждаго финскаго крестьянина состоитъ въ томъ, чтобы, наконецъ, сказать: «я не работаю, я распоряжаюсь хозяйствомъ»; но чрезъ это все умное и энергическое въ Финляндіи не работаетъ и заботится только о томъ, чтобы все населеніе было бы, по возможности, болѣе машинообразно и неразвито, чтобы его возможно легче было бы подчинять своимъ личнымъ цѣлямъ, а потому работаютъ только тѣ, чей трудъ, по ихъ невѣжеству и по ихъ забитости, не можетъ быть производителенъ. Среди своей мрачной бѣдности, эти несчастные работаютъ ужасно; на нихъ жалко смотрѣть, и все-таки результаты для страны ничтожны. Въ Финляндіи, при крайне рѣдкомъ населеніи, двѣ трети крестьянства и рабочаго сословія состоятъ изъ пролетаріевъ. Представьте себѣ, что вы никогда не бывали въ Финляндіи, ничего объ ней не слыхали, кромѣ того, что интеллигенцію въ этой странѣ составляетъ даровитое шведское племя. Очень возможно, что въ вашей головѣ родятся слѣдующія разсужденія: «Никогда не надо мѣрить всѣхъ людей по своей мѣркѣ. Англичане хотѣли обезпечить судьбу рабочаго населенія податью для бѣдныхъ; это было, конечно, лучше, чѣмъ ничего не дѣлать, какъ возстававшія на подать для бѣдныхъ государства материка Европы, но все-таки это

былъ худшій изъ путей. Испанцы на Порто-Рико избрали лучшій путь; они провозгласили и осуществляли принципъ права на трудъ, но при томъ рабочее населеніе оказалось въ слишкомъ большой зависимости отъ администраціи. Мы шли еще лучшей дорогой; наше рабочее населеніе стремилось обезпечить себя общиннымъ владѣніемъ землею. Однако же, и это обезпеченіе оказывается неудовлетворительнымъ потому, что только одна пятая земель находится въ общинномъ владѣніи и, кромѣ того, самый принципъ этотъ недостаточенъ при густомъ населеніи и высокой культурѣ; малые надѣлы будутъ тогда только спасать отъ голодной смерти, а не обезпечивать работника. Можетъ быть, финляндцы пошли еще лучшимъ путемъ. Они, можетъ быть, добиваются того, чтобы самый трудъ обезпечивалъ работника и будущность его семейства. Нетрудно убѣдиться, что это—единственно нормальное обезпеченіе; заработная плата должна быть такъ высока, чтобы работникъ могъ имѣть достаточный резервный фондъ для всякихъ случайностей, чтобы дѣти его учились, а не работали и т. д. Мы видимъ, какой цвѣтущій видъ представляетъ страна, когда это хотя отчасти достигается, какъ напр., въ Америкѣ и Австраліи. Только тогда, когда самый трудъ будетъ такъ обезпечивать работника, чтобы онъ не боялся борьбы, если его хотятъ притѣснить, не боялся нововведеній въ работѣ и сопряженнаго съ ними риска—только тогда онъ будетъ имѣть необходимую для прогрессивнаго труда самостоятельоость, закаленность и подвижность». Эта мысль легко можетъ привести васъ въ восторгъ, но какъ жестоко вы разочаруетесь, если вы будете искать ея осуществленія въ Финляндіи. Совершенно справедливо, что, если заработная плата будетъ достаточно высока, то, при самомъ рѣдкомъ населеніи, точно такъ же, какъ и при самомъ густомъ, земледѣліемъ будетъ заниматься ни какъ не болѣе трети; обезпеченный работникъ будетъ покупать столько промышленныхъ и ремесленныхъ произведеній, что для его удовлетворенія необходимо будетъ именно такое число ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ, да и то они могутъ удовлетворить его только при крайнемъ раздѣленіи труда и высокомъ совершенствѣ фабричнаго производства. На материкѣ Европы цѣнность земледѣльческихъ произведеній далеко превышаетъ цѣнность фабричныхъ и ремесленныхъ—въ Америкѣ, тамъ, гдѣ работникъ близокъ къ тому, чтобы обезпечить себя трудомъ, земля даетъ гораздо болѣе, чѣмъ въ Европѣ, и все-таки цѣнность земледѣльческихъ произведеній вдвое незначительнѣе цѣнности однихъ фабричныхъ, а потому и вознагражденіе за трудъ фабричнаго гораздо значительнѣе земле-

дѣльца, что̀, конечно, нормально въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ земледѣлецъ обезпеченъ землею, а фабричный и ремесленникъ долженъ обезпечить себя и семью экономіею изъ своего заработка. Въ Австраліи пудъ пшеничнаго хлѣба сто̀итъ рубль; цѣна за пудъ мяса нисходитъ въ селенія до пяти копеекъ, а фабричный и ремесленный рабочій, все-таки, получаетъ отъ 90 до 150 руб. въ мѣсяцъ. Однакоже, въ Финляндіи пролетаріатъ, вдвое превышающій число крестьянъ-землевладѣльцевъ, вовсе не является порожденіемъ благосостоянія населенія и развитія его потребностей: онъ порожденъ тѣмъ же стремленіемъ обезпечивать себя безъ труда, которое сдѣлало образованный классъ апатическимъ, невѣжественнымъ во всемъ, что̀ нужно для развитія благосостоянія въ странѣ, и, по крайней мѣрѣ, въ двухъ его третяхъ, безплоднымъ и совершенно лишнимъ для усовершенствованія въ умственномъ и промышленномъ смыслѣ. Стремленіе къ безпечной и лѣнивой жизни отъ высшихъ сословій перешло къ крестьянству и породило этотъ пролетаріатъ.

Крестьянинъ овладѣваетъ землею не потому, что у него велики потребности, не для того, чтобы производить, а для того, чтобы лѣниться. Даже въ этомъ завладѣніи у него проявляется та же жалкая апатія, съ которою высшія сословія захватываютъ мѣста и самоуправленіе. Къ своимъ поземельнымъ отношеніямъ онъ относится съ той же крайнею беззаботностью, какъ и къ своему самоуправленію — что̀ тутъ ему совать свой носъ, начальство сдѣлаетъ и безъ него! У него неспособна шевельнуться мысль о приспособленіи его правъ на землю къ его потребностямъ. Крестьянинъ знаетъ, что онъ владѣетъ наслѣдственно казенной землей и платитъ за нее, что, кромѣ того, есть земли, которыми они пользуются сообща. «Кто же распоряжается всѣмъ этимъ?»—спрашиваю я. Мнѣ отвѣчаютъ: «Губернаторъ».—«Если эта земля казенная и если ею губернаторъ распоряжается какъ хочетъ, то, чего добраго, какому-нибудь самодуру губернатору можетъ придти въ голову все разомъ у васъ отнять—ну, положимъ даже, не отнять, а, по незнанію вашего быта, сдѣлать для васъ какое-нибудь тягостное и неудобное распоряженіе. Вѣдь, эта земля—вся ваша жизнь; неужели вамъ никогда не приходило въ голову, ка̀къ бы себя оградить отъ подо̀бной случайности?». Смущеніе изобразилось на лицѣ моего собесѣдника, но черезъ минуту онъ отвѣчалъ съ тѣмъ легкомысліемъ, которое составляетъ суть всей его жизни: «губернаторъ не обидитъ». — «Ну, смотрите, не ровенъ часъ». Мой собесѣдникъ испугался до того, что поблѣднѣлъ: должно быть, онъ подумалъ, что я, какъ русскій, знаю что̀-нибудь страшное для него, чего онъ не

знаетъ; но не прошло и часу, какъ онъ былъ прежнимъ, безконечно безпечнымъ малымъ; я думалъ, что въ немъ шевельнется любопытство узнать что̀-нибудь о своихъ правахъ или о правахъ общины на землю—ни чуть не бывало. На другой день я его спросилъ: раздѣлютъ ту землю, которою онъ владѣетъ, или нѣтъ? такъ какъ это былъ вопросъ. Оказалось, что онъ ровно ничего не знаетъ о законахъ и распоряженіяхъ касательно этого предмета. «Гдѣ узнаешь?»—говорилъ онъ; я скоро убѣдился, что всѣ крестьяне, можетъ быть, даже безъ исключенія, такъ же невѣжественны, какъ и онъ. Я въ первый разъ видѣлъ крестьянскую общину, въ которой крестьяне даже и теоретически не признавали за собою права распоряжаться своими землями. Этимъ-то крестьянамъ отдана въ руки вся земля въ томъ разсчетѣ, что, сосредоточивая въ рукахъ своихъ богатсва страны, они будутъ въ состояніи больше платить и роскошнѣе обезпечить высшее, чиновное и духовное сословіе. Насколько этотъ разсчетъ оправдался, видно изъ тѣхъ размѣровъ, которые приняли въ Финляндіи аукціоны для покрытія недоимокъ; запасливый хозяинъ всѣ свои капитальные покупки дѣлаетъ на подобныхъ аукціонахъ выгоднѣе. И это—несмотря на то, что крестьянинъ-землевладѣлецъ платитъ менѣе русскаго и имѣетъ отъ ста до трехсотъ десятинъ земли. Этотъ финляндскій шляхтичъ изъ курной избы вполнѣ проникнулся міровоззрѣніемъ образованнаго класса, слѣдуя своему идеалу безпечной и лѣнивой жизни; онъ мечталъ объ одномъ—раздать свой участокъ маленькими и голодными клочками пролетаріямъ за тройную цѣну, посылать на работу этихъ же пролетаріевъ съ своими дѣтьми, а самому проводить жизнь, полеживая на грязной соломѣ, вздернувъ ноги и покуривая махорку. Привилегированные крестьяне-землевладѣльцы держатъ землю и все-таки ничего не имѣютъ и ничего не покупаютъ, и вотъ, рядомъ съ ними, безчисленныя толпы голодныхъ пролетаріевъ наводняютъ страну; напрасно они молятъ о работѣ и проклинаютъ день своего рожденія—работы нѣтъ нигдѣ. Невозможно ее отыскать, невозможно ей выучиться. Все дѣлается въ странѣ самыми грубыми, первобытными пріемами. Попробуйте, вдали отъ центральныхъ пунктовъ, отдать починить свой сапогъ—сапожниковъ не оберешься: почти каждый пролетарій вамъ скажетъ, что онъ—сапожникъ, съ жадностью десятки рукъ протянутся за вашей работой, но исполненіе будетъ такое грубое и неумѣлое, что вы десять разъ раскаятесь, что соблазнились предложеніемъ. Что̀ мудренаго! Гдѣ этимъ людямъ научиться работать, когда работы не имѣется, а если и имѣется, то за такую ничтожную цѣну, для которой и пальца-

ми пошевелить жалко? Остается одно—за непомѣрную арендную плату брать у землевладѣльца ничтожный клочекъ, съ огородъ, на которомъ едва можно взростить мѣшокъ картофеля, а надо еще, кромѣ прочаго, подати заплатить и барщины отправить. Жизнь пролетаріевъ такая тяжелая, что у нихъ нѣтъ дѣтей; дѣти умираютъ у нихъ повальной смертію, въ то время, когда землевладѣльцы многочисленностію своихъ семей напоминаютъ франковъ временъ Меровинговъ или арабовъ временъ Магомета; весь наростъ населенія въ Финляндіи происходитъ отъ нихъ: финляндское племя вымерло бы, еслибы существовали одни пролетаріи. Въ то время, когда среди пролетаріевъ слышится одинъ крикъ: до дѣтей ли намъ? избави насъ Богъ отъ дѣтей! землевладѣлецъ—аристократъ и султанъ: онъ никогда не стѣсняется. Однакоже, лѣнивымъ лежаніемъ не обезпечишь семейства, и, если количество дѣтей слишкомъ увеличивается, они начинаютъ ему надоѣдать; послѣ пятаго живаго ребенка, онъ недоволенъ женой, если она продолжаетъ родить; и вотъ, неизвѣстно какъ это случается, а всѣ дѣти у него умираютъ; жена восхваляется за такую распорядительность. Вы видите страну, гдѣ люди—лишніе; она и безъ того—пустыня, а все-таки желаютъ, чтобы ихъ было еще меньше. Жизнь пролетаріевъ напоминаетъ вамъ описаніе Нестора о жизни языческихъ славянъ: тутъ не гнушаются ничѣмъ, даже кровосмѣшеніемъ, лишь бы не нарождалось лишнихъ людей въ домѣ, лишь бы сыновья не вздумали слишкомъ рано жениться. Спрашивается, что̀ выиграли шведы, обращая свое самоуправленіе въ ложный его призракъ и распложая въ народныхъ массахъ суевѣріе и политическое невѣжество, вмѣсто политическихъ знаній? Парализуя движеніе мысли въ народныхъ массахъ, они парализовали его и въ своей собственной средѣ; иначе и сдѣлать это дѣло было невозможно: умственно дѣятельная и предпріимчивая интелигенція внесетъ жизнь и въ народную массу. Такимъ образомъ, она лишаетъ себя того рода наслажденій, который всего болѣе способенъ наполнить жизнь образованнаго человѣка, т. е. смѣлой умственной дѣятельности. То обезпеченіе, которое они добываютъ себѣ такимъ несчастнымъ путемъ, не достигаетъ своей цѣли—деньги безполезны среди народа, гдѣ нѣтъ промышленныхъ и умѣлыхъ рукъ; онѣ могутъ доставлять только жалкія подѣлки невѣжества. Вмѣсто того антагонизма, который воспитываетъ въ себѣ шведское населеніе по отношенію къ финляндцамъ, ему бы слѣдовало проникнуться чувствами солидарности и симпатіи. Поступая такимъ образомъ, оно показало бы гораздо болѣе дальновидности и здраваго чутья.

II.

Наше легкомысліе и наша косность.

Перенесемся къ Россіи, посмотримъ на тотъ новый, пышный нарядъ, въ который она облеклась въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ. Выберемъ сначала пунктъ на томъ центральномъ пути, куда стекается эта жизнь со всѣхъ сторонъ, на николаевской желѣзной дорогѣ: это будетъ селеніе. Оно возникло при станціи желѣзной дороги и по случаю развившагося на ней движенія; это—самое новѣйшее, самое типичное, что̀ можно себѣ представить. Когда вы пріѣзжаете изъ Финляндіи, то первое, что̀ васъ поражаетъ, это—то, что о священникѣ здѣсь—ни слуху, ни духу; еслибы церковь не бросалась вамъ въ глаза, то вы, можетъ быть, и не узнали бы, что здѣсь есть священникъ. Я невольно думалъ о русской политикѣ по отношенію къ духовенству; борьба противъ чрезмѣрнаго вліянія духовенства, это—первая борьба, съ которой мы встрѣчаемся при развитіи русскаго государства: начиная отъ Максима Грека и до Петра и Екатерины, она составляетъ славную страницу въ русской исторіи, она положила свою типическую печать на воззрѣнія и чувства общества; прислушайтесь къ разговору въ средѣ нѣмокъ, полекъ и русскихъ образованнаго круга: послѣ нарядовъ, пасторъ и ксёндзъ занимаютъ первое мѣсто; а часто ли вы услышите имя священника? Мы сами не знаемъ своихъ достоинствъ; мы легкомысленно готовы разрушить, что̀ созидали вѣками. Если вы мало слышите о священникѣ, то тѣмъ болѣе вы слышите объ общинѣ; хорошаго о ней вы ничего не услышите—всѣ ее бранятъ, всѣ говорятъ о ея безсиліи и несправедливостяхъ, и все-таки это несравненно лучше, чѣмъ финляндское игнорированіе. Потребность общинной жизни всосалась къ народу въ кровь; изъ случайно обстроившихъ станцію ни законъ, ни администрація не сдѣлали общины, и вотъ, они создали ее изъ себя сами; они добровольно сошлись, по подпискѣ сдѣлали изъ себя общество безъ названія, избрали должностныхъ лицъ. Эта община не признана ни закономъ, ни администраціей, и, все-таки, она дѣйствуетъ, она накладываетъ и сбираетъ подати, въ ней происходитъ даже борьба и, притомъ, по временамъ довольно ожесточенная. Сдѣлавъ это наблюденіе, я тѣмъ живѣе начинаю интересоваться земствомъ и созданіями самоуправленія послѣдняго времени. Въ об-

разованномъ классѣ всѣ эти учрежденія вызываютъ постоянные разговоры и толки: то, что̀ сдѣлано, то, что̀ дѣлается, носитъ на себѣ отпечатокъ жизни; прямо или косвенно оно отзывается на каждомъ; это—новые пути, которыми создаются и богатства, и банкротства, получаются теплыя мѣста и люди лишаются хлѣба. Спускайтесь ниже, въ среду полуграматнаго купечества, и еще ниже, въ сферу мелкихъ кулаковъ и спекуляторовъ на общественныя должности крестьянъ. Здѣсь вы видите тоже; разговоры объ этихъ дѣлахъ и предметахъ получаютъ здѣсь даже особый оттѣнокъ свѣжести и новизны; съ какимъ безконечнымъ восторгомъ эти люди позируютъ общественными дѣятелями, съ какимъ апломбомъ они ведутъ свою дѣловую рѣчь! Кулачокъ не можетъ скрыть своего восхищенія, когда онъ вамъ разсказываетъ, ка̀къ онъ далъ себя знать тому или другому изъ недоступныхъ ему прежде образованныхъ сферъ—напримѣръ, доктору или священнику, или даже становому. Нѣтъ людей, болѣе преданныхъ новымъ порядкамъ, чѣмъ эти кулаки. Спуститесь еще ниже, въ настоящую сферу рабочихъ и крестьянъ. Женщины тутъ никогда не слыхали, что существуетъ земство; реформы новаго времени представляются имъ только въ слѣдующихъ крупныхъ чертахъ: освободили крестьянъ, у государственныхъ и удѣльныхъ обрѣзали земли и прибавили оброки, учредили мировые суды и ввели всесословную повинность. Мужчины знаютъ о существованіи земства, это—ихъ преимущество надъ финляндцами; но они знаютъ только, что имъ приходится выбирать гласныхъ въ земство и что земство накладываетъ на нихъ поборы. Ихъ взглядъ на это учрежденіе радикально противоположенъ взглядамъ образованнаго общества и кулаковъ; имъ никогда не приходило на мысль, что это—прогрессивное учрежденіе, и польза, которую оно приноситъ, совершенно ускользаетъ отъ нихъ. Имъ оно представляется однимъ изъ распоряженій, которыми отъ времени до времени производятся перемѣны въ составѣ администраціи; они привыкли къ тому, что эти перемѣны чаще всего сопровождаются увеличеніемъ податей. Польза и необходимость этихъ періодическихъ перемѣнъ всегда оставалась для нихъ неизвѣстною и ощущалась одной податной прибавкой; вотъ почему это новое учрежденіе, съ одной стороны, не удивило ихъ, а съ другой—не вызвало къ себѣ никакого вниманія. На свое право выбора они смотрятъ, какъ на родъ повинности; что̀ дѣлается въ земствѣ—объ этомъ они знаютъ такъ же мало, какъ финляндскіе крестьяне о своемъ сеймѣ; поэтому, имъ и въ голову не можетъ придти, что они могутъ сдѣлать черезъ земство что̀-нибудь въ свою пользу. Освобожденіе крестьянъ и от-

мѣна откуповъ произвели, въ свое время, на народъ ошеломляющее и трескучее впечатлѣніе; тогда въ нихъ можно было видѣть дѣятельный и энергическій восторгъ, но, въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ онъ остылъ: до извѣстной степени къ бывшимъ крѣпостнымъ возвратилась ихъ прежняя робость и забитость, они стали представлять реакціонерный и раболѣпный элементъ во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ, ихъ легче другихъ можно было выставлять свидѣтелями противъ рабочихъ, они поддерживали выборы начальниковъ-притѣснителей. Теперь все ярче обрисовывалось то, чего въ годину освобожденія крестьянъ нельзя было замѣтить. Говорила, писала, заявляла свой голосъ, выражала свою волю одна образованная часть общества, къ ней одной обращались вопросы, отъ нея одной исходили отвѣты. Это образованное общество обсуждало не узко, а, напротивъ, старалось широко понимать задачу общественной жизни; казалось даже, что болѣе узкое, эгоистическое пониманіе навязывалось ему менѣе развитыми и болѣе грубыми сферами. Но именно потому, что масса ничего не выражала и вовсе не разсуждала, въ окончательномъ результатѣ оказывается, что все дѣлается въ узкихъ интересахъ образованныхъ, тѣмъ болѣе узкихъ и одностороннихъ, чѣмъ грубѣе самая масса; иногда просто остается удивляться: какимъ образомъ тамъ или здѣсь можетъ появиться такая развязка, неожиданная никѣмъ и менѣе всего самимъ образованнымъ обществомъ?

Изученіе путей, которыми это дѣлается, и окончательныхъ результатовъ, къ которымъ это приводитъ — чрезвычайно интересно. Осмотримся въ сельской мѣстности, прилегающей къ желѣзной дорогѣ, которую мы приняли за типъ. Съ одной стороны желѣзная, а въ недалекомъ разстояніи — запущенная большая шоссейная дорога. Работа новаго времени положила здѣсь свой отпечатокъ и на образованномъ населеніи, и на массѣ. И въ той, и въ другой сферѣ вы видите старое раззоряющееся и новое обогащающееся; однакоже, какая большая разница! Помѣщики, повидимому, болѣе кричатъ, что они раззорились, чѣмъ они раззорились въ дѣйствительности: правда, что они по̀-уши въ долгахъ, но по̀-уши въ долгахъ они были и прежде: они пьютъ шампанское попрежнему, они построили себѣ прелестныя виллы, далеко болѣе изящныя, чѣмъ прежніе помѣщичьи дома. Доходъ съ ихъ земель значительно, иногда даже несравненно, увеличился, въ особенности тамъ, гдѣ на ихъ земляхъ лица разныхъ сословій строили дома, гостинницы и лавки или дѣлали склады. Главную причину раззоренія составляла манія спекуляцій, овладѣвшая помѣщиками въ кон-

цѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Тогда множество землевладѣльцевъ закладывали свои имѣнія безъ малѣйшей нужды; они видѣли въ этомъ огражденіе противъ возможныхъ потерь при освобожденіи; затѣмъ, увлекаемые возбужденнымъ настроеніемъ общества, они убивали эти деньги на безумнѣйшія предпріятія. Осматривая мѣстность, я на каждомъ шагу встрѣчался съ слѣдами этихъ нелѣпыхъ затѣй. Вотъ большое зданіе, съ дорого стоющими машинами, которое стояло безъ всякаго употребленія; вотъ пустой заводъ, въ которомъ осталась только одна разбитая посуда. Странствуя безъ цѣли по окрестностямъ, я безпрерывно натыкался на дороги съ канавами, для сооруженія которыхъ употреблено было достаточно труда и по которымъ теперь никто не ѣздилъ; въ одной мѣстности было, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ болѣе такихъ дорогъ, чѣмъ ѣзжалыхъ. Рядомъ съ этимъ, ѣзжалыя дороги были до того непроходимы, что на нѣкоторое время въ году сообщеніе по нимъ совершенно прекращалось. Жители одной деревни, весною и осенью, вовсе не ѣздили въ сторону одной изъ подобныхъ дорогъ; въ случаѣ неизбѣжной нужды, они ходили пѣшкомъ обходомъ; каждый годъ въ волостномъ правленіи составлялся подрядъ на поправку этой дороги, и все-таки она оставалась непроѣздной; наконецъ, земство взялось за дѣло: за большую, сравнительно, сумму дано было порученіе искусному инженеру; этотъ богатый господинъ два раза съѣздилъ, вмѣсто прогулки, верхомъ осмотрѣть работы, и дорога осталась непроѣздной попрежнему. Болота на владѣльческихъ земляхъ также говорили мнѣ, что землевладѣльцы могли употребить свои деньги лучше, чѣмъ на устройство запускаемыхъ заводовъ и дорогъ. Все кругомъ меня носило на себѣ печать привычки вести свои дѣла зря, спустя рукава; всѣмъ здѣсь распоряжались не дѣловые, а въ высшей степени избалованные люди, которые привыкли вѣчно слѣдовать однимъ своимъ увлеченіямъ и фантазіямъ. И, рядомъ съ этимъ—самая грязная и щепетильная скаредность: одинъ не даетъ своимъ рабочимъ ѣсть, другой—прижимаетъ ихъ, пользуясь неблагопріятными обстоятельствами, и, какъ настоящій кулакъ, опутываетъ ихъ долгами; третій—обманомъ заключаетъ съ ними нетолько прижимистые, но неисполнимые контракты; наконецъ, находятся и такіе, которые не отступаютъ передъ подлогомъ, вписываютъ въ счеты подложныя цифры, требуютъ деньгами плату, забранную уже натурою. Здѣсь всѣ гордятся искуствомъ прижимисто нанять или продать, полагаютъ, что въ этомъ-то именно и заключается величіе спекулятора, истинное умѣнье обогащаться. Здѣсь никто и не подозрѣваетъ,

что даровитый спекуляторъ отличается не грязнымъ, озлобляющимъ людей скряжничествомъ, а умѣньемъ угадывать и оцѣнивать потребности, вѣрнѣе разсчитывать и изыскивать новые, легчайшіе пути удовлетворенія; его помощники не озлоблены, а въ восторгѣ отъ него, потому что онъ оплодотворяетъ и дѣлаетъ ихъ трудъ выгоднымъ и для нихъ, и для общества. Глядя на это хвастливое, грязноватое легкомысліе, на эту повальную бездарность, вы утѣшаете себя тѣмъ, что это—старое, погибающее, отживающее, вмѣстѣ съ погибшимъ крѣпостнымъ правомъ—утѣшеніе не слишкомъ дѣйствительное, потому что оно разсѣлось такъ широко, что заняло бо̀льшую половину земли.

Рядомъ съ нимъ, вы видите торжествующее ново́е, оно далеко превосходитъ его блескомъ, это—туго набитые мѣшки съ деньгами, которые, съ высоты своихъ виллъ и дворцовъ, посмѣиваются надъ извивающимися въ илѣ грязныхъ спекуляцій; раззоренными корифеями крѣпостнаго права. Съ перваго раза они васъ ошеломляютъ; они производятъ на васъ впечатлѣніе разцвѣтающей промышленности, съ обильными источниками обогащенія. Но, увы! этотъ ложный блескъ быстро исчезаетъ; я перебралъ всѣхъ этихъ гремящихъ и сыпящихъ деньгами богачей и не нашелъ между ними ни одного, который обогатился бы потому, что онъ нашелъ какой-нибудь лучшій способъ удовлетворять какой-нибудь потребности людей; всѣ, отъ перваго до послѣдняго, обогатились насчетѣ правительственныхъ распоряженій и увеличенныхъ податей. По бо̀льшей части, это были люди, которые получали значительное жалованье на новыхъ судебныхъ или административныхъ должностяхъ или отъ новыхъ земскихъ и городскихъ учрежденій. Другую и, притомъ, самую крупную категорію составляли обогатившіеся на счетъ желѣзныхъ дорогъ. Между этимъ способомъ обогащенія и обогащеніемъ посредствомъ истинной спекуляціи—громадная разница. Для того, чтобы, при существующемъ строѣ, можно было заговорить о цвѣтущей промышленности или, вообще, о дѣятельномъ развитіи цивилизаціи, необходимо преобладаніе обогащенія истинною спекуляціей. Если вы видите, что американскому священнику его прихожане охотно даютъ большія деньги, потому что онъ—краснорѣчивый проповѣдникъ, а иному русскому его прихожане съ трудомъ даютъ и двѣсти рублей въ годъ, то изъ этого вы можете сдѣлать заключеніе, что американскій краснорѣчивый проповѣдникъ лучше удовлетворяетъ религіознымъ потребностямъ своихъ прихожанъ; но, если вы видите, что финляндскій и остзейскій пасторъ получаютъ большія деньги по назначенію, то вы не можете сдѣлать никакого заключенія о

томъ, какъ онъ удовлетворяетъ религіознымъ потребностямъ прихожанъ. Вы дѣлаете прямое заключеніе, если сахарный заводчикъ обогащается, потому что его сахаръ раскупается съ жадностью. Но если чиновнику назначено большое жалованье или гласные назначаютъ другъ другу большія содержанія на счетъ сборовъ съ мѣщанъ и крестьянъ, никогда ничего не знающихъ о томъ, что̀ дѣлается въ земскомъ или городскомъ управленіи, то, вопросъ о томъ, насколько они полезны долженъ быть разрѣшенъ особо, и жалованье не можетъ служить никакимъ указаніемъ. Сто̀итъ взглянуть на карту желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ, чтобы убѣдиться, что, кромѣ, можетъ быть, ничтожной Греціи, нѣтъ ни одной страны, въ которой бы ихъ было такъ мало, какъ у насъ. Поэтому, польза созданія у насъ желѣзныхъ дорогъ очевидна, и дѣло это имѣетъ достойное свое мѣсто на ряду съ освобожденіемъ крестьянъ и уничтоженіемъ откуповъ. Но, если это справедливо, если ихъ требуется даже не вдвое, а втрое болѣе для оживленія промышленности, такъ какъ мы видимъ, напримѣръ, что даже въ Румыніи ихъ втрое болѣе, чѣмъ въ Россіи, то изъ этого вовсе нельзя сдѣлать заключенія о пользѣ тѣхъ путей, которыми назначались на желѣзныхъ дорогахъ огромныя содержанія, обогащались подрядчики, строители и распорядители. Внимательный разборъ этихъ путей и показываетъ намъ, почему у насъ именно столько желѣзныхъ дорогъ, а не втрое болѣе. Исходя отсюда, вамъ ярче всего освѣщается оборотная сторона всего прогресса, совершившагося въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ; вы яснѣе всего начинаете видѣть, какимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ время шло впередъ, все прекрасно задуманное и зачатое заваливалось каменьями, такъ что, въ концѣ концовъ, результатъ далеко не оказывался тѣмъ, чѣмъ бы ему слѣдовало быть, еслибы созданное энергической иниціативой не разрушалось вновь современемъ подсачивающею и вывѣтривающею средой. Вы начинаете понимать, почему вы встрѣчаете кругомъ себя только это обогащеніе вѣчно сомнительной полезности и не видите состояній, создавшихся избраніемъ лучшихъ путей для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, помимо всякихъ налоговъ, поборовъ, привилегій, субсидій и т. д.—однимъ словомъ, почему вы не видите истинныхъ признаковъ развивающейся промышленности и развивающагося благосостоянія. Сначала взглянемъ на аллюры этихъ новыхъ денежныхъ людей въ той мѣстности, о которой мы говоримъ. Лишь только имъ начинаетъ везти, лишь только у нихъ, такъ или иначе, начинаютъ скопляться деньжонки, первая мечта, которая ими овладѣваетъ, первая ихъ заду-

шевная мысль, это — пріобрѣсти недвижимость; мало деньжонокъ—человѣкъ мечтаетъ о домѣ, побольше — онъ мечтаетъ о землѣ или о домѣ въ столицѣ. Ка̀къ типичны эти мечты о недвижимости, ка̀къ живо наполняютъ онѣ азіатскую страсть копить клады! Это—признакъ такого же безмыслія, это—тотъ же азіатскій кладъ, только усовершенствованный—его нельзя украсть. Случалось ли вамъ, читатель, видѣть настоящаго спекулятора, человѣка, который изобрѣтаетъ новые пути и самостоятельно осуществляетъ ихъ? Такіе люди встрѣчаются на Руси, какъ и во всякой другой странѣ; неблагопріятный признакъ составляетъ только то, что ихъ число у насъ въ новое время не увеличилось. Такой человѣкъ и не подумаетъ о недвижимости; для того, чтобы проложить свой путь, ему нужно было дѣлать столько усилій мысли, что въ немъ загорѣлись жаръ и страсть истиннаго артиста; всю свою жизнь, всѣ свои средства онъ полагаетъ на расширеніе своего дѣла, съ нимъ и для него онъ живетъ, ростетъ—съ нимъ онъ и умретъ. Передъ моими глазами теперь два такихъ человѣка: они разбогатѣли въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ; они живутъ въ наемныхъ квартирахъ, ни у одного изъ нихъ нѣтъ даже собственнаго дома. «На что̀ купишь?» говорятъ они мнѣ; у нихъ вѣчно недостаетъ денегъ и на то дѣло, которое ихъ страстно занимаетъ, хотя оно уже разрослось до милліоновъ. Совсѣмъ иное—если человѣку не нужно было думать, чтобы разбогатѣть; если это сдѣлалось по протекціи, подъ прикрытіемъ теплаго мѣстечка или привилегіи. Первый изъ этихъ новыхъ людей, котораго я встрѣтилъ въ нашей мѣстности, былъ молодой человѣкъ, едва начинавшій мужать, но уже съ густыми серебряными эполетами; онъ уже былъ землевладѣльцемъ и теперь хлопоталъ изъ всѣхъ силъ объ устройствѣ какой-то дороги. «О, судьба милосердная! воскликнулъ я:—опять дороги». Мнѣ указали цѣлую серію подобныхъ дорогъ, которая была устроена людьми новаго времени; цѣлая ихъ треть уже была запрещена, по остальнымъ никто не ѣздилъ, кромѣ ихъ устроителей; это былъ плодъ прихотливой фантазіи. За дорогами слѣдовали постройки, между которыми тоже не мало было уже пустыхъ и съ выбитыми окнами. Шэдёвръ этого самодурства я съ крайнимъ любопытствомъ осмотрѣлъ на земляхъ крупнѣйшаго изъ корифеевъ новаго времени въ нашей мѣстности. Онъ игралъ одну изъ первостепенныхъ ролей въ русскомъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Благосостояніе, которое онъ пріобрѣлъ этимъ путемъ, породило въ немъ желаніе раскинуть великолѣпный паркъ. Выборъ мѣстности прямо показывалъ, что онъ знакомъ былъ съ подобными соображеніями на ихъ родинѣ, т. е.

въ Англіи. Она была такова, что постоянно заставляла васъ забывать, что вы въ искуственно произведенномъ саду: казалось, что все тутъ создано было рукою одной природы; вы чувствовали себя въ упоительномъ, поэтическомъ уединеніи, среди природы всегда живописной, иногда нѣсколько дикой; порою вы заходили въ мрачный сумракъ старыхъ и черныхъ деревьевъ, среди невозмутимой тишины думавшихъ глубокую думу, и внезапно выходили на свѣтлый, цвѣтущій лугъ, на которомъ идиллически паслось стадо — точь въ точь какъ въ паркѣ англійскаго землевладѣльца. Изъ-за холмовъ и деревьевъ выглядывали зубчатыя крыши дачи, которая, однако же, построена была въ новѣйшемъ русскомъ стилѣ и громко свидѣтельствовала о патріотической стрункѣ въ душѣ своего строителя. Было очевидно, что для сооруженія всей этой смѣси англійскаго съ нижегородскимъ потрачена была неисчерпаемая масса праздной мысли и лишнихъ денегъ—и что̀ же? Все съ начала до конца было начатое, испорченное и неоконченное. На запущенныхъ, недодѣланныхъ и грязныхъ дорожкахъ я перепачкался болѣе, чѣмъ на сосѣднихъ кочковатыхъ лугахъ. Идиллическое стадо по англійскому образцу должно было заключать въ себя великолѣпные, породистые экземпляры на показъ, но въ немъ теперь оказывалось всего двѣ или три породистыхъ коровы—остальныя были чахлый и жалкій скотъ. Нога владѣльца никогда не ступала на эти грязныя дорожки; онъ гордился тѣмъ, что его мечты лишились для него своей прелести прежде, чѣмъ онѣ осуществились, и что онъ бросилъ столько денегъ и недвижимости на вѣтеръ. Я шелъ по покрытымъ грязью, мусоромъ и рѣдкою травой дорожкамъ и думалъ: «Бѣдная земля русскаго народа! долго ли ты будешь игрушкой прихоти и самодурства, вмѣсто того, чтобы быть источникомъ богатства и кормилицей твоихъ дѣтей?»

Изъ всего этого нетрудно было убѣдиться, что новые ни на волосъ не лучше старыхъ. Мы имѣемъ тутъ самый назидательный опытъ, который показываетъ намъ, что, ка̀къ бы ни была смѣла мысль реформъ, ка̀къ бы ни было энергично ихъ осуществленіе, но все это будетъ замято и сдѣлано со временемъ безплоднымъ, если не будетъ совершена главная изъ бытовыхъ реформъ, краеугольный камень и единственный источникъ всякаго дѣйствительнаго прогресса, если въ массѣ народа не разовьется общественный смыслъ, пониманіе общественнаго и государственнаго устройства. Масса народа, это—не пробужденная тьма, тутъ нечего и видѣть; но взгляните на общественное мнѣніе даже въ образованной части, вы тутъ видите соціально-политическую безтолковость, отъ которой остается только разводить руками. Напри-

мѣръ, у насъ устроились желѣзно-дорожные съѣзды, даже печать привѣтствовала ихъ, какъ какое-то прогрессивное явленіе; однако же, никто не подумалъ, что эти съѣзды создаютъ изъ желѣзнодорожныхъ капиталистовъ организованную силу, организованную стачку, противупоставленную обществу и рабочимъ на этихъ дорогахъ. Съ одной стороны, совершенно справедливо, что существованіе цѣпи желѣзныхъ дорогъ создаетъ для желѣзно-дорожниковъ общіе интересы, которыми вызывается потребность съѣздовъ; но съ другой — также несомнѣно, что создавшійся съѣздъ будетъ сила, которая естественно будетъ эксплуатироваться во вредъ неорганизованному обществу и рабочимъ при дорогахъ. Гдѣ же противувѣсъ этой силѣ, подумалъ, ли кто нибудь о томъ, чтобы создать этотъ противувѣсъ, чтобы создать изъ съѣздовъ полезное, а не вредное для общества и рабочихъ учрежденіе? Никто объ этомъ не подумалъ и результатомъ этого было то, что съѣзды сдѣлались учрежденіемъ, которое въ значительныхъ размѣрахъ уничтожало всю пользу для общества отъ желѣзныхъ дорогъ. Явились въ свѣтъ чудовищные провозные тарифы, которые постоянно повышались въ то время, когда они должны были понижаться; для перемѣщающагося по желѣзнымъ дорогамъ населенія они сдѣлались невыносимымъ гнетомъ, народъ во множествѣ идетъ пѣшкомъ, вмѣсто того, чтобы платить непомѣрные тарифы. Желѣзныя дороги все болѣе превращаются въ гнетущую монополію, а съ тѣмъ вмѣстѣ является и ея неизбѣжный спутникъ — небрежнѣйшее и никуда негодное управленіе. Высшія лица получаютъ огромныя содержанія и чаще всего состоятъ изъ лицъ, которыя въ дѣлѣ ровно ничего не смыслятъ, а назначаются по протекціи. Никто, напримѣръ, въ той мѣстности, о которой здѣсь говорится, не получалъ такого большаго содержанія, какъ начальникъ дистанціи на желѣзной дорогѣ. Что же? былъ онъ инженеромъ, отличнымъ спеціалистомъ?—ничуть не бывало, онъ въ этомъ дѣлѣ даже ничего не смыслилъ, мѣсто свое онъ получилъ по связямъ и держалъ за незначительную плату молодого знающаго человѣка, который и исполняетъ все, что требовало спеціальныхъ знаній. При желѣзныхъ дорогахъ служитъ множество лицъ, которыя получаютъ три и четыре тысячи въ годъ, сами не знаютъ, за что они получаютъ эти деньги, а другіе знаютъ, конечно, еще менѣе ихъ. Такимъ же образомъ, все хорошо затѣянное и задуманное, мало по малу лишалось силы и возможности приносить ожидаемую пользу. Бросимъ взглядъ на связь судьбы новыхъ земскихъ и городскихъ учрежденій съ соціально-политическимъ невѣжествомъ въ обществѣ. Они развязывали руки, они давали возможность удовле-

творять многимъ потребностямъ, которыя оставались неудовлетворенными но они явились въ свѣтъ среди политически-невѣжественнаго и апатическаго общества; поэтому, уже съ самаго перваго дня своего появленія оказались въ ложномъ положеніи. Самоуправленіе немыслимо безъ общественнаго контроля; безъ такого контроля это будетъ уже не самоуправленіе, а управленіе лицъ, независимыхъ отъ общества; если эти лица будутъ служить по выборамъ—тѣмъ хуже. значитъ они будутъ имѣть обширный произволъ и никакого контроля, ни сверху, ни снизу. Поэтому, для того, чтобы земское и городское управленіе составили дѣйствительное самоуправленіе, необходимо было прежде всего преобразовать провинціальную прессу. Путемъ столичныхъ газетъ можно слѣдить за этими учрежденіями только урывками и въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ; самоуправленіе же требуетъ, чтобы общество слѣдило за каждымъ шагомъ; это можетъ выполнить только мѣстная пресса, а эта пресса до сихъ поръ находится въ такомъ положеніи, что она не смѣетъ пикнуть передъ мѣстными властями, а не только сдѣлаться для нихъ обуздывающимъ началомъ. Не очень давно еще Кубанскія Вѣдомости публично заявили своимъ корреспондентамъ, что онѣ отказываются печатать обличенія противъ должностныхъ лицъ, потому что эти должностныя лица—выборныя. Вотъ, по истинѣ, скандалёзное проявленіе нашего политическаго невѣжества. Газета, которая служитъ представителемъ всей текущей печати цѣлаго края, чуть-ли не въ тысячу верстъ въ поперечникѣ, полагаетъ, что лицо должно быть изъято отъ общественнаго контроля, потому что оно выборное—это невообразимо, а между тѣмъ, всякому извѣстно, что подобные же чудовищно нелѣпые взгляды обращаются въ громадномъ большинствѣ образованной провинціи. И такъ, земство и городское положеніе явились при такихъ условіяхъ провинціальной жизни, при которыхъ изъ нихъ могла выйти только самая несовершенная и зачаточная форма самоуправленія. Наша столичная пресса, вовсе не существовавшая до настоящаго царствованія, быстро разрослась и уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ успѣла обратить на себя вниманіе такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Милль. Это убѣждаетъ насъ, что провинціальная пресса могла у насъ получить несравнено бо̀льшее развитіе, чѣмъ она получила, если бы на этотъ предметъ было обращено болѣе вниманія. Причину, почему этого не случилось, не слѣдуетъ искать въ мнимыхъ опасеніяхъ, чтобы одновременное оживленіе печатнаго слова въ столицахъ и провинціяхъ не вызвало слишкомъ большаго волненія; и при существованіи подобныхъ опасе-

ній, правительство сдѣлало бы несравненно болѣе, чѣмъ было сдѣлано. Причина заключалась, съ одной стороны, въ томъ невѣжествѣ, чрезъ которое эта сторона дѣла оставалась совершенно въ тѣни даже у столичной прессы, а, съ другой стороны, въ той крайней ревности, съ которою высшая провинціальная администрація и провинціальные олигархи смотрѣли на всякое обличеніе и на всякую печатную критику. Эта крайняя щекотливость и ревность въ полномъ ходу до настоящаго дня. Публика и печать не обнаруживали живаго пониманія значенія провинціальной прессы для того, чтобы изъ земства и городскаго управленія сдѣлать самоуправленіе, а не управленіе, независимое отъ общества; оживленіе же провинціальной прессы со стороны правительства внушало неодолимое отвращеніе провинціальнымъ корифеямъ и причинило бы жгучую боль именно тѣмъ лицамъ, которыхъ преданность была тѣмъ необходимѣе для центральной администраціи: этимъ совершенно достаточно объясняется ея апатія по этому вопросу. Столичная печать очень много ожидала отъ земства и до извѣстной степени искуственно разжигала къ нему интересъ въ провинціи, но этотъ искуственный огонь не нашелъ себѣ пищи; непониманіе и апатическое отношеніе доходили тутъ до того, что громадное большинство провинціальнаго образованнаго общества не придавало земству даже ровно никакого значенія, почти никто даже и не подозрѣвалъ, что земство и городскія управленія ворочаютъ милліонами общественныхъ денегъ. О выборахъ ничего не бывало слышно, никто объ нихъ не говорилъ, въ день выборовъ объ этомъ фактѣ разсказывали точно такъ же, какъ о балѣ у какого-нибудь богатаго человѣка; театръ, концертъ вызывали несравненно болѣе толковъ, разговоровъ и интереса. Галлереи залы, гдѣ происходили собранія, обыкновенно были пусты, въ мировыхъ и другихъ судахъ бывало люднѣе. Однажды я пріѣхалъ въ большой центральный городъ, вошелъ въ засѣданіе земскаго собранія; въ тѣни шаталось человѣка три зрителей: оказалось, что всѣ они пришли сюда, потому что имѣли личный и частный свой интересъ. На первомъ планѣ сидѣла какая-то дама съ двумя провожатыми: это была жена предсѣдателя собранія. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что она въ первый разъ въ жизни была здѣсь и пріѣхала лишь для того, чтобы увидать, кàкъ собраніе будетъ вотировать благодарность ея мужу за пожертвованіе! О собраніи она имѣла сказочное понятіе; она удивлялась, что тамъ говорятъ обыкновеннымъ голосомъ, не произносится восторженныхъ рѣчей и т. д. Мнѣ въ тотъ же вечеръ пришлось убѣдиться, что обществу не мѣшало бы внимательнѣе слѣдить за земствомъ: послѣ пресловутой вотировки благодар-

ностей, оно постановило взыскиваемыя съ крестьянъ страховыя деньги употребить на другіе предметы, и черезъ нѣсколько дней городъ наводненъ былъ нищими изъ погорѣвшихъ селеній, которыя въ самое страдное время должны были нищенствовать и воровать и не могли продолжать своихъ работъ, потому что не получали страховыхъ денегъ. Вслѣдствіе апатическаго отношенія общества къ своему самоуправленію, земскіе и городскіе дѣятели тотчасъ же почувствовали себя совершенно независимыми отъ него; ихъ земская и городская власть сдѣлалась для нихъ орудіемъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей; они приняли тѣ же аллюры, которыя приняты были и прогрессивнымъ учрежденіемъ желѣзно-дорожныхъ съѣздовъ; они сосредоточились на увеличеніи своего жалованья и патроната, на подрядахъ, выгодныхъ только для того или другого изъ вліятельнѣйшихъ олигарховъ. Всѣ говорили объ этомъ, всѣ смѣялись надъ этимъ; однакоже, просмотрите газеты того времени, вы въ нихъ не найдете протеста: онѣ ограничиваются только опубликованіемъ безпрерывныхъ денежныхъ растратъ всевозможными корифеями самоуправленія: земцами, мировыми судьями и т. д. Протесты послышались только тогда, когда поощренныя примѣромъ городскія управленія стали уже выступать самымъ наглымъ образомъ на этомъ поприщѣ. Мѣстные жители объясняли подкладку всего этого совершенно вѣрно: немудрено, говорили они, если образованное общество равнодушно; земскіе сборы какъ прямые, такъ и косвенные обременяютъ крестьянъ, а образованные люди, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вліятельные изъ нихъ, пожинаютъ только плоды, т. е. многочисленныя, высоко вознаграждаемыя мѣста въ разныхъ отрасляхъ самоуправленія. Но именно это обстоятельство и показываетъ намъ, кàкъ неблагопріятно отражается на всемъ обществѣ невѣжество массъ относительно ихъ самоуправленія. Не будь этого невѣжества, тогда, конечно, нельзя было бы захватывать теплыя мѣста безъ полезнаго дѣла и безъ положительныхъ достоинствъ въ области самоуправленія; и на желѣзныхъ дорогахъ, каждый дѣятель долженъ былъ бы стòить получаемыхъ имъ денегъ; но зато же самоуправленіе и желѣзнодорожное дѣло послужили бы сильнымъ стимуломъ для умственнаго и практическаго развитія образованнаго класса, а чрезъ это и самое дѣло стало бы развиваться, а не запружаться и засоряться; его корифеи не стали бы вырождаться въ такихъ же безпечныхъ и самодурныхъ земле-и-домовладѣльцевъ, какими были корифеи крѣпостнаго права. Прошло немного времени, и въ правительствѣ явилось, по отношенію къ земству, неудовольствіе. Цѣль моя—вовсе не въ томъ, чтобы входить въ разборъ дѣйствій правительства и еще того менѣе входить въ полемику съ администраціею. Поэтому

я явленіе этого неудовольствія принимаю безъ критики, просто за фактъ: правительство ожидало отъ земства себѣ помощи, оно ожидало, что земство сдѣлаетъ для него и для государства то, что̀ было, по его мнѣнію, необходимо и чего, все-таки, нельзя было сдѣлать черезъ чиновниковъ; но, вотъ, оно мѣстами, вмѣсто этого, встрѣтило оппозицію, которая, по его убѣжденію, выходила изъ предѣловъ благоразумія. И оно приняло мѣры, чтобы подобныя явленія не возобновлялись. Конечно, можно сожалѣть о томъ, что свобода дѣйствія земства стѣснилась; но эта мѣра не служитъ признакомъ политическаго невѣжества ни со стороны общества, ни со стороны администраціи. Или государство не должно существовать, или его учрежденія должны быть въ гармоніи; худы ли они, хороши ли—а гармонія между ними должна существовать. Оппозиція внутри всякаго представительнаго собранія, политически—вполнѣ нормальное явленіе, потому что, если она разростется путемъ общественнаго волненія, то она естественнымъ образомъ превратится въ управляющее большинство. Но соперничество между двумя независимыми другъ отъ друга и несоединенными органически учрежденіями — дѣло совсѣмъ другого рода: земство и администрація не могутъ перейти другъ въ друга; ихъ соперничество должно вызывать безплодное волненіе и, наконецъ, сдѣлаться болѣзненнымъ. Тутъ могли быть только два нормальные исхода: или земство должно было перейти въ администрацію, или администрація должна была подчинить себѣ земство. Правительство предпочло послѣднее. Ослабленіе же общественнаго контроля надъ земствомъ прямо указываетъ намъ на глубокое политическое невѣжество въ обществѣ. Правительство прибѣгло къ этой мѣрѣ и удержало ее по той же причинѣ, по которой оно удерживаетъ всякія принимаемыя имъ по разнымъ случаямъ мѣры: она оказалась практическою. Но именно то обстоятельство, что она оказалась практическою, и показываетъ намъ политическое невѣжество общества. Она показываетъ, что земскія учрежденія вовсе не поняты были обществомъ въ ихъ существѣ и, если въ немъ существовало къ нимъ сочувствіе, то это сочувствіе составляло не болѣе какъ пылъ фантазёра, который увлекается названіемъ, не понимая сущности вещи. Общественный контроль составляетъ всю суть самоуправленія, самоуправленіе существуетъ именно только въ тѣхъ самыхъ размѣрахъ, въ которыхъ общественный контроль держитъ его въ своихъ рукахъ. Всякое ослабленіе контроля создаетъ независимое отъ общества управленіе феодальнаго характера. Еслибы общество это понимало и энергически устремилось подчинять земскія и городскія власти своему контролю, то правительству

никогда бы не пришло на мысль ограничивать этотъ контроль. Требованіе контроля надъ избранными лицами—до такой степени, очевидно, справедливое требованіе, что правительство не станетъ его оспоривать. Но громадное большинство избирателей, всѣ крестьяне, мѣщане, безграмотные и полуграмотные, и значительная часть привилегированныхъ избирателей не знали рѣшительно ничего о дѣятельности предоставленнаго имъ земскаго и городскаго самоуправленія. Они узнали бы очень мало и при самой широкой гласности; теперь же они были окончательнымъ нулемъ въ этомъ дѣлѣ: все было въ рукахъ не многихъ дѣятельныхъ людей, и я знаю земства, гдѣ, по вліянію немногихъ пройдохъ, на высшія должности умышленно избирались люди безпечные, чтобы другимъ вольготнѣе было плутовать. Безъобразовскія юридическія воззрѣнія пошли въ ходъ. Деморализація глубоко проникла во всѣ учрежденія самоуправленія; растраты и захваты размножились болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было отрасли администраціи. Дошло до того, что эти учрежденія считали уже необыкновеннымъ своимъ достоинствомъ, если у нихъ не сдѣлано было растраты, и хвалились этимъ. Знаменитое дѣло московскаго коммерческаго суда и московскаго головы Шумахера достойно завѣнчало все это ретроградное движеніе и затмило безъобразовскую неблаговидность, какъ солнце луну. Въ умѣ читателя, послѣ всего сказаннаго, начнетъ возникать нѣкоторое туманное представленіе о томъ, какимъ образомъ столь блестящее дѣло реформъ послѣднихъ двадцати лѣтъ мало по малу стало засоряться. Если мы вникнемъ въ условія, при которыхъ реформы совершались, то результатъ, къ которому онѣ привели, покажется намъ довольно естественнымъ. Онѣ не были созданіемъ стремленій, родившихся и разросшихся въ обществѣ; онѣ пошли сверху, поэтому онѣ могли только возбудить общество къ мысли, а не нашли въ немъ уже готовой и вполнѣ созрѣвшей мысли, которой оставалось бы только развиваться далѣе, вмѣстѣ съ измѣнившимися формами. Это сдѣлалось источникомъ односторонности при переходѣ реформъ въ жизнь. Только незначительная часть общества была въ области этихъ реформъ, какъ у себя дома; для громаднаго большинства это было новое, неожиданное; оно воспринимало ихъ, какъ нѣчто упавшее съ неба, оно не могло отнестись къ нимъ критически, потому что было неповинно въ идеяхъ о самоуправленіи, а потому не могло ни орудовать ими, ни развивать ихъ, и дѣло стало засоряться, вмѣсто того, чтобы развиваться. Теперь, когда дѣло реформъ ведется уже достаточно долго, чтобы видѣть ихъ результаты, передъ нами обнаруживаются послѣдствія этой односторонности, и, глядя на нихъ, мы должны убѣдиться, что намъ остается совершить величайшую изъ реформъ—реформу народнаго духа...

БЛАГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ.

ПЕРЕДЪ ВЫМОРОЧНОСТЬЮ.

Іудушка такъ-таки и не далъ Петинькѣ денегъ, хотя, какъ добрый отецъ, приказалъ, въ минуту отъѣзда, положить ему въ повозку и курочки, и телятинки, и пирожокъ. Затѣмъ, онъ, несмотря на стужу и вѣтеръ, самолично вышелъ на крыльцо проводить сына, справился, ловко ли ему сидѣть и хорошо ли онъ закуталъ себѣ ноги, и, возвратившись въ домъ, долго крестилъ окно въ столовой, посылая заочное напутствіе повозкѣ, увозившей Петиньку. Словомъ—весь обрядъ выполнилъ какъ слѣдуетъ, по родственному.

— Ахъ, Петька, Петька! говорилъ онъ:—дурной ты сынъ! не хорошій! Вѣдь, вотъ что набѣдокурилъ... ахъ-ахъ-ахъ! И что бы, кажется, жить потихоньку да полегоньку, смирненько, да ладненько, съ папкой, да съ бабушкой-старушкой—такъ нѣтъ! Фу-ты! ну-ты! У насъ свой царь въ головѣ есть! своимъ умомъ проживемъ! Вотъ и умъ твой! Ты на умъ надѣялся, анъ Богъ-то сверху—тукъ-тукъ: не надѣйся на умъ, а надѣйся на Бога! Ахъ, горе какое вышло!

И ни одинъ мускулъ, при этомъ, не дрогнулъ на его деревянномъ лицѣ, ни одна нота въ его голосѣ не прозвучала чѣмъ-нибудь похожимъ на призывъ блудному сыну. Да, впрочемъ, никто и не слыхалъ его словъ, потому что въ комнатѣ находилась одна Арина Петровна, которая, подъ вліяніемъ только-что испытаннаго потрясенія, какъ-то разомъ потеряла всякую жизненную энергію и сидѣла за самоваромъ, раскрывъ ротъ, ничего не слыша и безъ всякой мысли глядя впередъ.

Затѣмъ, жизнь потекла по прежнему, исполненная праздной суеты и безконечнаго пустословія...

Вопреки ожиданіямъ Петиньки, Порфирій Владимірычъ вынесъ материнское проклятіе довольно спокойно и ни на волосъ не

отступилъ отъ тѣхъ рѣшеній, которыя, такъ сказать, всегда готовыя сидѣли въ его головѣ. Правда, онъ слегка поблѣднѣлъ и бросился къ матери съ крикомъ:

— Маменька! душенька! Христосъ съ вами! успокойтесь, голубушка! Богъ милостивъ! все устроится!

Но слова̀ эти были скорѣе выраженіемъ тревоги за мать, нежели за себя. Выходка Арины Петровны была такъ внезапна, что Іудушка не догадался даже притвориться испуганнымъ. Еще наканунѣ, маменька была къ нему милостива, шутила, играла съ Евпраксеюшкой въ дурачки—очевидно, стало-быть, что ей только что̀-нибудь на минуту помстилось, а преднамѣреннаго, «настоящаго» не было ничего. Дѣйствительно, онъ пуще всего боялся маменькина проклятія, но представлялъ его себѣ совершенно иначе. Въ праздномъ его умѣ даже цѣлая обстановка сложилась: образа̀, зажженная свѣча, маменька среди комнаты и проклинаетъ. Потомъ: громъ, свѣча потухла, завѣса разодралась, тьма покрыла землю, а вверху, среди тучъ, виднѣется разгнѣванный ликъ Іеговы, освѣщенный молніями. Но ничего подобнаго не случилось, просто сблажила маменька, показалось ей что̀-нибудь—и больше ничего. Да и нѐ съ чего было ей «настоящимъ образомъ» проклинать, потому что въ послѣднее время у нихъ не было даже предлоговъ для столкновенія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ заявилъ сомнѣніе на счетъ принадлежности маменькѣ тарантаса (Іудушка соглашался внутренно, что *тогда* онъ былъ виноватъ и заслуживалъ проклятія), воды утекло много; Арина Петровна смирилась, а Порфирій Владиміричъ только и думалъ объ томъ, ка̀къ бы успокоить добраго друга маменьку.

— Пріѣдетъ она изъ Погорѣлки, говоритъ онъ самъ себѣ:— что̀-жь, милости просимъ! Икорки захочется—икорку на столъ ставь! индюшка есть—индюшку волоки! И тепленько у насъ, и уютненько—чего бы еще, кажется!

Стало-быть, это—только «такъ», только померещилось милому другу маменькѣ. Полно, здорова ли она? не передъ смертнымъ ли часомъ ей вдругъ бунтовать вздумалось?

— Плоха, старушка, ахъ, ка̀къ плоха! забываться ужь начала! Сядемъ, голубушка, въ дураки играть—смотришь, анъ она ужь и дремлетъ!

Справедливость требуетъ сказать, что ветхость Арины Петровны даже тревожила его. Онъ еще не приготовился къ ожидаемой утратѣ, ничего не обдумалъ, не успѣлъ сдѣлать надлежащія выкладки, сколько было у маменьки капитала при отъѣздѣ изъ Дубровина, сколько капиталъ этотъ могъ приносить

въ годъ доходу, сколько она могла изъ этого дохода тратить и сколько присовокупить. Словомъ сказать, не продѣлалъ еще массы пустяковъ, безъ которыхъ онъ всегда чувствовалъ себя застигнутымъ врасплохъ.

— Старушка крѣпо̀нька! мечталось ему иногда:—не проживетъ она *всего*—гдѣ прожить! Въ то время, какъ насъ отдѣляла, хорошій у нея капиталъ былъ! Развѣ сиро̀ткамъ чего не передала ли--да нѣтъ, и сироткамъ не много дастъ! Рубликовъ по десяти въ имянины—вотъ и все! Есть у старушки деньги, есть!

Но мечтанія эти улетучивались, не задерживаясь въ его мозгу. Масса обыденныхъ пустяковъ и безъ того была слишкомъ громадна, чтобъ увеличивать ее еще новыми, въ которыхъ, покамѣсть, не настояло насущной потребности. Порфирій Владимірычъ все откладывалъ да откладывалъ и только послѣ внезапной сцены проклятія спохватился, что пора начинать.

Катастрофа наступила, впрочемъ, скорѣе, нежели онъ предполагалъ. На другой день послѣ отъѣзда Петиньки, Арина Петровна уѣхала въ Погорѣлку и уже не возвращалась въ Головлево. Съ мѣсяцъ она провела въ совершенномъ уединеніи, не выходя изъ комнаты и рѣдко-рѣдко позволяя себѣ промолвить слово даже съ прислугою. Вставши утромъ, она, по привычкѣ, садилась къ письменному столу, по привычкѣ же начинала раскладывать карты, но никогда почти не доканчивала, и словно застывала на мѣстѣ съ вперенными въ окно глазами. Что̀ она думала и даже думала ли объ чемъ-нибудь—этого не разгадалъ бы самый проницательный знатокъ сокровеннѣйшихъ тайнъ человѣческаго сердца. Казалось, что она хотѣла что̀-то вспомнить, хоть, напримѣръ, то, какимъ образомъ она очутилась здѣсь, въ этихъ стѣнахъ и—не могла. Встревоженная ея молчаніемъ, Афимьюшка заглядывала въ комнату, поправляла подушки, которыми она была обложена, пробовала заговорить объ чемъ-нибудь, но получала только односложные и нетерпѣливые отвѣты. Раза съ два, въ теченіи этого времени, пріѣзжалъ въ Погорѣлку Порфирій Владимірычъ, звалъ маменьку въ Головлево, пытался распалить ея воображеніе представленіемъ объ рыжичкахъ, карасикахъ и прочихъ головлевскихъ соблазнахъ, но она только загадочно улыбалась на его предложенія.

Однимъ утромъ, она, по обыкновенію, собралась встать съ постели и не могла. Она не ощущала никакой особенной боли, ни на что̀ не жаловалась, а просто не могла встать. Ея даже не встревожило это обстоятельство, какъ-будто оно было въ порядкѣ вещей. Вчера сидѣла еще у стола, была въ силахъ бро-

дить—ныньче лежитъ въ постели, «не можется». Ей словно покойнѣе чувствовалось. Но Афимьюшка всполошилась и, потихоньку отъ барыни, послала гонца къ Порфирію Владимірычу.

Іудушка пріѣхалъ рано утромъ на другой день. Обстоятельно разспросилъ прислугу, что̀ маменька кушала, не позволила ли себѣ чего лишненькаго, но получилъ отвѣтъ, что Арина Петровна ужь мѣсяцъ почти ничего не ѣстъ, а со вчерашняго дня и вовсе отказалась отъ пищи. Потужилъ Іудушка, помахалъ руками и, какъ добрый сынъ, прежде, чѣмъ войти къ матери, погрѣлся въ дѣвичьей у печки, чтобъ не охватило больную холоднымъ воздухомъ. И, кстати (у него на счетъ покойниковъ какой-то дьявольскій нюхъ былъ), тутъ же началъ распоряжаться. Разспросилъ на счетъ попа, дома ли онъ, въ случаѣ надобности, чтобъ можно было сейчасъ же за нимъ послать, справился, гдѣ стоитъ маменькинъ ящикъ съ бумагами, запертъ ли онъ, и, успокоившись на счетъ существеннаго, призвалъ кухарку и велѣлъ приготовить обѣдать для себя.

— Мнѣ немного надо! говорилъ онъ:—курочка есть?—ну, супцу изъ курочки сварите! Можетъ быть, солонинка есть—солонинки кусочекъ приготовьте! Жарковца какого-нибудь... вотъ, я и сытъ!

Арина Петровна лежала, распростершись навзничь на постелѣ, съ раскрытымъ ртомъ и тяжело дыша. Глаза ея смотрѣли широко; одна рука выбилась изъ-подъ заячьяго одѣяла и застыла въ воздухѣ. Очевидно, она прислушивалась къ шороху, который произвелъ пріѣздъ сына, а, можетъ быть, до нея долетали и приказанія, отдаваемыя Іудушкой. Благодаря опущеннымъ шторамъ, въ комнатѣ царствовали сумерки. Свѣтильни догарали на днѣ лампадокъ, и слышно было, ка̀къ онѣ трещали отъ прикосновенія съ водою. Воздухъ былъ тяжелъ и смраденъ; духота отъ жарко натопленныхъ печей, отъ чада, распространяемаго лампадками, и отъ міазмовъ стояла невыносимая. Порфирій Владимірычъ, въ валеныхъ сапогахъ, словно змѣй, проскользнулъ къ постели матери; длинная и сухощавая его фигура загадочно колебалась, охваченная сумерками. Арина Петровна слѣдила за нимъ не то испуганными, не то удивленными глазами и жалась подъ одѣяломъ.

— Это—я, маменька, сказалъ онъ:—что̀ это ка̀къ вы развинтились сегодня! ахъ-ахъ-ахъ! То̀-то мнѣ ныньче не спалось; всю ночь, вотъ, такъ и поталкивало: дай, думаю, провѣдаю, ка̀къ погорѣлковскіе друзья поживаютъ! Утромъ сегодня всталъ, сейчасъ-это кибиточку, парочку лошадушекъ—и вотъ онъ-онъ!

Порфирій Владимірычъ любезно хихикнулъ, но Арина Пе-

тровна не отвѣчала и все больше и больше жалась подъ одѣяломъ.

— Ну, Богъ милостивъ, маменька! продолжалъ Іудушка:— главное, въ обиду себя не давайте! Плюньте на хворость, встаньте съ постельки, да пройдитесь молодцомъ по комнатѣ! вотъ— такъ!

Порфирій Владимірычъ всталъ со стула и показалъ, кàкъ молодцы прохаживаются по комнатѣ.

— Да постойте, дайте-ка я шторку подниму да посмотрю на васъ! Э! да вы молодецъ-молодцомъ, голубушка! Стòитъ только подбодриться, да Богу помолиться, да прифрантиться—хоть сейчасъ на балъ! Дайте-ка, вотъ я вамъ святой водицы богоявленской привезъ, откушайте-ка!

Порфирій Владимірычъ вынулъ изъ кармана пузырекъ, отыскалъ на столѣ рюмку, налилъ и поднесъ больной. Анна Петровна сдѣлала-было движеніе, чтобъ поднять голову, но не могла.

— Сиротъ бы... простонала она.

— Ну вотъ, ужь и сиротки понадобились! Ахъ, маменька, маменька! Кàкъ это вы вдругъ... натко! Капельку прихворнули— и ужь духомъ упали! Все будетъ! и къ сироткамъ эстафету пошлемъ, и Петьку изъ Питера выпишемъ—все чередомъ сдѣлаемъ! Не къ спѣху, вѣдь; мы съ вами еще поживемъ! да еще кàкъ поживемъ-то! Вотъ лѣто настанетъ—въ лѣсъ по грибы вмѣстѣ пойдемъ; по малину, по ягоду, по чёрную смородину! А не то—такъ въ Дубровино карасей ловить поѣдемъ! запряжемъ старика савраску въ длинныя дроги, потихоньку да полегоньку, трюхъ-трюхъ, благословясь да Богу помолясь—сядемъ и поѣдемъ!

— Сиротъ бы... повторила Арина Петровна тоскливо.

— Пріѣдутъ и сиротки. Дай же срокъ—всѣхъ скличемъ, всѣ пріѣдемъ. Пріѣдемъ, да кругомъ васъ и обсядемъ. Вы будете насѣдка, а мы цыплятки... цыпъ-цыпъ-цыпъ! Все будетъ, коли вы будете паинька. А за это вы—ужь не паинька, что хворать вздумали. Вѣдь вотъ что, проказница, затѣяла... ахъ-ахъ-ахъ! чѣмъ бы другимъ примѣръ подавать, а вы вотъ какъ! Не хорошо, голубушка! ахъ, не хорошо!

Но, кàкъ ни старался Порфирій Владимірычъ и шуточками, и прибауточками подбодрить милаго друга маменьку, силы ея падали съ каждымъ часомъ. Послали въ городъ нарочнаго за лекаремъ, и, такъ какъ больная продолжала тосковать и звать сиротокъ, то Іудушка собственноручно написалъ Аннинькѣ и Любинькѣ письмо, въ которомъ сравнивалъ ихъ поведеніе съ сво-

имъ и себя называлъ христіаниномъ, а ихъ—неблагодарными. Ночью, лекарь пріѣхалъ, но было уже поздно. Арину Петровну, какъ говорится, въ одинъ день «сварило». Часу въ четвертомъ ночи, началась агонія, а въ шесть часовъ утра Порфирій Владиміричъ стоялъ на колѣнахъ у постели матери и вопилъ:

— Маменька! другъ мой! благословите!

Но Арина Петровна не слыхала. Открытые глаза ея тускло смотрѣли въ пространство, словно она старалась что̀-то понять и не понимала.

Іудушка тоже не понималъ. Онъ не понималъ, что открывавшаяся передъ его глазами могила уносила послѣднюю связь его съ живымъ міромъ, послѣднее живое существо, съ которымъ онъ могъ дѣлить прахъ, наполнявшій его существо. И что отнынѣ этотъ прахъ, не находя для себя истока, будетъ накопляться въ немъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не задушитъ его.

Съ обычною суетливостью, окунулся онъ въ бездну мелочей, сопровождающихъ похоронный обрядъ. Служилъ панихиды, заказывалъ сорокоусты, толковалъ съ попомъ, шаркалъ ногами, переходя изъ комнаты въ комнату, заглядывалъ въ столовую, гдѣ лежала покойница, крестился, воздѣвалъ глаза къ небу, вставалъ по ночамъ, не слышно подходилъ къ двери и вслушивался въ монотонное чтеніе псаломщика и проч. Причемъ былъ пріятно удивленъ, что даже особенныхъ издержекъ для него по этому случаю не предстояло, потому что Арина Петровна, еще при жизни, отложила сумму на похороны, росписавъ очень подробно сколько и куда слѣдуетъ употребить.

Схоронивши мать, Порфирій Владиміричъ немедленно занялся приведеніемъ въ извѣстность ея дѣлъ. Разбирая бумаги, онъ нашелъ до десяти разныхъ завѣщаній (въ одномъ изъ нихъ она называла его «непочтительнымъ»); но всѣ они были писаны еще въ то время, когда Арина Петровна была властною барыней, и оставались не форменными, въ видѣ проектовъ. Поэтому, Іудушка былъ очень доволенъ, что ему не привелось даже покривить душой, объявляя себя единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ оставшагося послѣ матери имущества. Имущество это состояло изъ капитала въ пятнадцать тысячъ рублей и изъ скудной движимости, въ числѣ которой былъ и знаменитый тарантасъ, едва не послужившій яблокомъ раздора между матерью и сыномъ. Арина Петровна тщательно отдѣляла свои счеты отъ опекунскихъ, такъ что сразу можно было видѣть, что̀ принадлежитъ ей и что̀—сироткамъ. Іудушка немедленно заявилъ себя гдѣ слѣдуетъ наслѣдникомъ, опечаталъ бумаги, относящіяся

до опеки, роздалъ прислугѣ скудный гардеробъ матери; тарантасъ и двухъ коровъ, которыя, по описи Арины Петровны, значились подъ рубрикой «мои», отправилъ въ Головлево и, затѣмъ, отслуживши послѣднюю панихиду, отправился во свояси.

— Ждите владѣлицъ, говорилъ онъ людямъ, собравшимся въ сѣняхъ, чтобъ проводить его:—пріѣдутъ—милости просимъ! не пріѣдутъ—какъ хотятъ! Я, съ своей стороны, все сдѣлалъ; счеты по опекѣ привелъ въ порядокъ, ничего не скрылъ, не утаилъ—все у всѣхъ на глазку дѣлалъ. Капиталъ, который послѣ маменьки остался, мнѣ принадлежитъ по закону; тарантасъ и двѣ коровы, которыя я въ Головлево отправилъ—тоже мои, по закону. Можетъ быть, даже кой-что изъ моего *здѣсь* осталось—ну, да Богъ съ ними! сироткамъ и Богъ велѣлъ подавать! Жаль маменьку! добрая была старушка! печная! Вотъ, и объ васъ, объ прислугѣ, позаботилась, гардеробъ свой вамъ оставила! Ахъ, маменька, маменька! не хорошо вы это, голубушка, сдѣлали, что насъ сиротами покинули! дурно, и Богъ васъ не похвалитъ за это! Ну, да ужь если такъ Богу угодно, то и мы святой Его волѣ покоряться должны! Только бы вамъ, вашей душѣ, было хорошо, а объ насъ... что̀ объ насъ думать!

За первой могилой скоро послѣдовала и другая.

Къ исторіи сына Порфирій Владимірычъ отнесся довольно загадочно. Газетъ онъ не получалъ, ни съ кѣмъ въ перепискѣ не состоялъ, и потому свѣдѣній о процессѣ, въ которомъ фигурировалъ Петинька, ни откуда имѣть не могъ. Да врядъ ли онъ и желалъ что̀-нибудь знать объ этомъ предметѣ. Вообще, это былъ человѣкъ, который пуще всего сторонился отъ всякихъ тревогъ, который по уши погрязъ въ тину мелочей самаго поскуднаго самосохраненія и котораго существованіе, вслѣдствіе этого, нигдѣ и ни на чемъ не оставило послѣ себя слѣдовъ. Такихъ людей довольно на свѣтѣ, и всѣ они живутъ особнякомъ, не умѣя и не желая къ чему-нибудь пріютиться, не зная, что̀ ожидаетъ ихъ въ слѣдующую минуту, и лопаясь, подъ конецъ, какъ лопаются дождевые пузыри. Нѣтъ у нихъ дружескихъ связей, потому что для дружества необходимо существованіе общихъ интересовъ; нѣтъ и дѣловыхъ связей, потому что даже въ мертвомъ дѣлѣ бюрократизма они выказываютъ какую-то совершенно нестерпимую мертвенность. Тридцать лѣтъ сряду Порфирій Владимірычъ толкался и мелькалъ въ департаментѣ; потомъ, въ одно прекрасное утро исчезъ—и никто не замѣтилъ этого. Поэтому, онъ узналъ объ участи, постигшей сына, послѣдній, когда вѣсть объ этомъ распространилась уже между дворовыми. Но и тутъ притворился, что ничего не знаетъ, такъ что,

когда Евпраксеюшка заикнулась, однажды, упомянуть объ Петинькѣ, то Іудушка замахалъ на нее руками и сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! и не знаю, и не слыхалъ, и слышать не хочу! Не хочу я его грязныхъ дѣлъ знать!

Но, наконецъ, пришло отъ Петиньки письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ о предстоящемъ отъѣздѣ въ одну изъ дальныхъ губерній и спрашивалъ, будетъ ли папенька высылать ему содержаніе въ новомъ его положеніи. Весь день, послѣ этого, Порфирій Владимірычъ находился въ видимомъ недоумѣніи, сновалъ изъ комнаты въ комнату, заглядывалъ въ образную, крестился и охалъ. Къ вечеру, однакожь, собрался съ духомъ и написалъ:

«Преступный сынъ Петръ!

«Какъ вѣрный подданный, обязанный чтить законы, я не долженъ былъ бы даже отвѣчать на твое письмо. Но какъ отецъ, причастный человѣческимъ слабостямъ, не могу, изъ чувства состраданія, отказать въ благомъ совѣтѣ дѣтищу, ввергнувшему себя, по собственной винѣ, въ пучину золъ. И такъ, вотъ вкратцѣ мое мнѣніе по сему предмету. Наказаніе, коему ты подвергся, тяжко, но вполнѣ тобою заслужено — такова первая и самая главная мысль, которая отнынѣ всегда должна тебѣ въ твоей новой жизни сопутствовать. А всѣ остальныя прихоти и даже воспоминанія объ оныхъ ты долженъ оставить, ибо въ твоемъ положеніи все сіе можетъ только раздражать и побуждать къ ропоту. Ты уже вкусилъ отъ горькихъ плодовъ высокоумія, попробуй же вкусить и отъ плодовъ смиренія, тѣмъ болѣе, что ничего другого для тебя въ будущемъ не предстоитъ. Не ропщи на наказаніе, ибо начальство даже не наказываетъ тебя, но преподаетъ лишь средства къ исправленію. Благодарить за сіе и стараться загладить содѣянное — вотъ объ чемъ тебѣ непрестанно думать надлежитъ, а не о роскошномъ препровожденіи времени, коего, впрочемъ, я и самъ, никогда не бывъ подъ судомъ, не имѣю. Послѣдуй же сему совѣту благоразумія и возродись для новой жизни, возродись совершенно, довольствуясь тѣмъ, что̀ начальство, по милости своей, сочтетъ нужнымъ тебѣ назначить. А я, съ своей стороны, буду молить Подателя всѣхъ благъ о ниспосланіи тебѣ твердости и смиренія, и даже въ сей самый день, какъ пишу сіи строки, былъ въ церкви и возсылалъ о семъ горячія мольбы. Затѣмъ, благословляю тебя на новый путь, и остаюсь

негодующій, но все еще любящій отецъ твой

Порфирій Головлевъ».

Неизвѣстно, дошло ли до Петиньки это письмо; но не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ его отсылки, Порфирій Владимірычъ

получилъ оффиціальное увѣдомленіе, что сынъ его, не доѣхавши до мѣста ссылки, слегъ въ одномъ изъ попутныхъ городовъ въ больницу и умеръ.

Іудушка очутился одинъ, но сгоряча, все-таки, еще не понялъ, что онъ пущенъ въ пространство, лицомъ къ лицу съ однимъ своимъ пустословіемъ. Это случилось вскорѣ послѣ смерти Арины Петровны, когда онъ былъ весь поглощенъ въ счеты и выкладки. Онъ перечитывалъ бумаги покойной, усчитывалъ всякій грошъ, отыскивалъ связь этого гроша съ опекунскими грошами, не желая, какъ онъ говорилъ, ни себѣ присвоить чужого, ни своего упустить. Среди этой сутолоки ему даже не представлялся вопросъ, для чего онъ все это дѣлаетъ и кто воспользуется плодами его суеты? Съ утра до вечера корпѣлъ онъ за письменнымъ столомъ, критикуя распоряженія покойной и даже фантазируя, такъ что за хлопотами, мало-по-малу, запустилъ и счеты по собственному хозяйству.

И все въ домѣ стихло. Прислуга, и прежде предпочитавшая ютиться въ людскихъ, почти совсѣмъ бросила домъ, а являясь въ господскія комнаты, ходила на цыпочкахъ и говорила шопотомъ. Чувствовалось что̀-то выморочное и въ этомъ домѣ, и въ этомъ человѣкѣ, что̀-то такое, что̀ наводитъ невольный и суевѣрный страхъ. Сумеркамъ, которыя и безъ того окутывали Іудушку, предстояло сгущаться съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Постомъ, когда спектакли прекратились, пріѣхала въ Головлево Аннинька и объявила, что Любинька не могла ѣхать вмѣстѣ съ нею, потому что еще раньше законтрактовалась на весь великій постъ и, вслѣдствіе этого, отправилась въ Ро̀мны, Изюмъ, Кременчугъ и проч., гдѣ ей предстояло давать концерты и пропѣть весь каскадный репертуаръ. Въ теченіи короткой артистической карьеры, Аннинька значительно выровнялась. Это была уже не прежняя наивная, малокровная и нѣсколько вялая дѣвушка, которая въ Дубровинѣ и въ Погорѣлкѣ, покачиваясь и потихоньку попѣвая, ходила изъ комнаты въ комнату, словно не зная, гдѣ найти себѣ мѣсто. Нѣтъ, это была дѣвица вполнѣ опредѣлившаяся, съ рѣзкими и даже развязными манерами, по первому взгляду на которую можно было безъ ошибки заключить, что она за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Наружность ея тоже измѣнилась и довольно пріятно поразила Порфирія Владимірыча. Передъ нимъ явилась рослая и статная женщина съ красивымъ румянымъ лицомъ, съ высокою, хорошо развитою грудью, съ сѣрыми глазами на выкатѣ и съ отличнѣйшей зо-

лотистой косой, которая тяжело опускалась на затылокъ—женщина, которая, повидимому, проникнута была сознаніемъ, что она-то и есть та самая «Прекрасная Елена», по которой суждено вздыхать господамъ офицерамъ. Раннимъ утромъ пріѣхала она въ Головлево и тотчасъ же уединилась въ особенную комнату, откуда явилась въ столовую къ чаю въ великолѣпномъ шолковомъ платьѣ, шумя трэномъ и очень искусно маневрируя имъ среди стульевъ. Іудушка, хотя и любилъ своего Бога пуще всего, но это не мѣшало ему имѣть вкусъ къ красивымъ и крупнымъ женщинамъ. Поэтому, онъ сначала перекрестилъ Анниньку, потомъ какъ-то особенно отчетливо поцѣловалъ ее въ обѣ щеки и при этомъ такъ странно скосилъ глаза на ея грудь, что Аннинька чуть замѣтно улыбнулась.

Сѣли за чай; Аннинька подняла обѣ руки кверху и потянулась.

— Ахъ, дядя, ка̀къ у васъ скучно здѣсь! начала она, слегка позѣвывая.

— Вотъ-на! не успѣла повернуться — ужь и скучно показалось! А ты поживи съ нами—вотъ тогда и увидимъ: можетъ, и весело покажется! отвѣтилъ Порфирій Владимірычъ, котораго глаза вдругъ подернулись маслянымъ отблескомъ.

— Нѣтъ, не интересно! Что̀ у васъ тутъ? Снѣгъ кругомъ, сосѣдей нѣтъ... Полкъ, кажется, у васъ здѣсь стоитъ?

— И полкъ стоитъ, и сосѣди есть, да, признаться, меня это не интересуетъ. А впрочемъ, ежели...

Порфирій Владимірычъ взглянулъ на нее, но не докончилъ, а только крякнулъ. Можетъ быть, онъ и съ намѣреніемъ остановился, хотѣлъ раззадорить ея женское любопытство; во всякомъ случаѣ, прежняя, едва замѣтная улыбка вновь скользнула на ея лицѣ. Она облокотилась на столъ и довольно пристально взглянула на Евпраксеюшку, которая, вся раскраснѣвшись, неистово перетирала стаканы и тоже изъ подлобья взглядывала на нее своими широкими, мутными глазами.

— Это—моя новая экономка... усердная! молвилъ Порфирій Владимірычъ.

Аннинька чуть замѣтно кивнула головой и потихоньку замурлыкала: ah! ah! que j'aime... que j'aime... les mili-mili-mili-taires! причемъ поясница ея какъ-то сама собой вздрагивала. Воцарилось молчаніе, впродолженіи котораго Іудушка, смиренно опустивъ глаза, помаленьку прихлебывалъ чай изъ стакана.

— Скука! опять зѣвнула Аннинька.

— Скука да скука! заладила одно! Вотъ погоди, поживи... Ужо̀ велимъ саночки заложить—катайся сколько душѣ угодно!

— Дядя! отчего вы въ гусары не пошли?

— А отъ того, мой другъ, что всякому человѣку свой предѣлъ отъ Бога положенъ. Одному—въ гусарахъ служить, другому—въ чиновникахъ быть, третьему—торговать, четвертому...

— Ахъ да̀! четвертому, пятому, шестому... я и забыла! И все это Богъ распредѣляетъ... такъ, вѣдь?

— Что̀-жь, и Богъ! надъ этимъ, мой другъ, смѣяться нѐчего! Ты знаешь ли, что̀ въ писаніи-то сказано: безъ воли Божіей...

— Это насчетъ во̀лоса? — знаю и это! Но вотъ бѣда: нынче все шиньоны носятъ, а это, кажется, не предусмотрѣно! Кстати: посмотрите-ка, дядя, какая у меня чудесная коса... Не правда ли, хороша?

Порфирій Владимірычъ приблизился (почему-то на ципочкахъ) и подержалъ косу въ рукѣ. Евпраксеюшка тоже потянулась впередъ, не выпуская изъ рукъ блюдечка съ чаемъ, и сквозь стиснутый въ зубахъ сахаръ процѣдила:

— Шильонъ, чай?

— Нѣтъ, не шиньонъ, а собственные мои волосы. Я когда-нибудь передъ вами ихъ распущу, дядя!

— Да̀, хороша коса, похвалилъ Іудушка и какъ-то погано распустилъ при этомъ губы; но потомъ спохватился, что, по настоящему, отъ подобныхъ соблазновъ надобно отплёвываться, и присовокупилъ:—ахъ, егоза! егоза! все у тебя коса да шлейфы на умѣ, а объ настоящемъ-то, объ главномъ-то и не догадаешься спросить?

— Да̀, объ бабушкѣ.. Вѣдь она умерла?

— Скончалась, мой другъ! и ка̀къ еще скончалась-то! Мирно, тихо, никто и не слыхалъ! Вотъ, ужь именно непостыдныя кончины живота своего удостоилась! Обо всѣхъ вспомнила, всѣхъ благословила, призвала священника, причастилась... И такъ это вдругъ спокойно, такъ спокойно ей сдѣлалось! Даже сама, голубушка, это высказала, вдругъ начала вздыхать! Вздохнула разъ, другой, третій—смотримъ, ея ужь и нѣтъ!

Іудушка всталъ, поворотился лицомъ къ образу, сложилъ руки ладонями внутрь и помолился. Даже слезы у него на глазахъ выступили: такъ хорошо онъ солгалъ! Но Анниныка, повидимому, была не изъ чувствительныхъ. Правда, она задумалась на минуту, но совсѣмъ по другому поводу.

— А помните, дядя, сказала она:—ка̀къ она меня съ сестрой, маленькихъ, кислымъ молокомъ кормила? Не въ послѣднее время... въ послѣднее время, она отличная была... а тогда, когда она еще богата была?

— Ну-ну, что̀ старое поминать! Кислымъ молокомъ кормили,

а вишь ты какая, Богъ съ тобой, сдѣлалась! На могилку-то поѣдешь, что̀ ли?

— Поѣдемъ, пожалуй!

— Только знаешь ли что̀! ты бы сначала очистилась!

— Ка̀къ это... очистилась!

— Ну, все-таки... актриса... ты думаешь, бабушкѣ это легко было? Такъ прежде, чѣмъ на могилку-то ѣхать, обѣденку бы тебѣ отстоять, очиститься бы! Вотъ, я завтра пораньше велю отслужить, а потомъ и съ Богомъ!

Ка̀къ ни нелѣпо было Іудушкино предложеніе, но Аннинька, все-таки, на минуту смѣшалась. Но вслѣдъ затѣмъ, сдвинула сердито брови, и рѣзко сказала:

— Нѣтъ, я такъ... я сейчасъ пойду!

— Не знаю, ка̀къ хочешь! а мой совѣтъ такой: отстояли бы завтра обѣденку, напились бы чайку, приказали бы пару лошадушекъ въ кибиточку заложить и покатили бы вмѣстѣ. И ты бы очистилась, и бабушкиной бы душѣ...

— Ахъ, дядя, какой вы, однако, глупенькій! Богъ знаетъ, какую чепуху несете, да еще настаиваете!

— Что̀? не понравилось? Ну, да ужь не взыщи — я, братъ, прямикъ! Неправды не люблю, а правду—всегда выслушаю! Хоть и не по шёрсткѣ иногда правда, хоть и горьконько — а все ее выслушаешь! И должно выслушать, потому что она — правда. Такъ-то, мой другъ! Ты, вотъ, поживи-ка съ нами, да по нашему—и сама увидишь, что такъ-то лучше, чѣмъ съ гитарой съ ярмарки на ярмарку переѣзжать.

— Богъ знаетъ, что̀ вы, дядя, говорите! съ гитарой!

— Ну, не съ гитарой, а около того. Съ торбаномъ, что̀ ли. Впрочемъ, вѣдь ты меня первая обидѣла, глупымъ назвала, а мнѣ, старику, и пода̀вно можно правду тебѣ высказать.

— Хорошо, пусть будетъ правда; не будемъ объ этомъ говорить. Скажите, пожалуйста, послѣ бабушки осталось наслѣдство?

— Ка̀къ не остаться! Только законный наслѣдникъ-то былъ на лицо!

— То есть, вы... И тѣмъ лучше. Она у васъ здѣсь, въ Головлевѣ, похоронена?

— Нѣтъ, въ своемъ приходѣ, подлѣ Погорѣлки, у Николы на Воплѣ. Сама пожелала.

— Такъ я поѣду. Можно у васъ, дядя, лошадей нанять?

— Зачѣмъ нанимать? свои лошади есть! Ты, чай, не чужая! Племяннушка... племяннушкой мнѣ приходишься! всхлопотался Порфирій Владимірычъ, осклабляясь «по родственному»:—кибиточку... парочку лошадушекъ—слава-тѣ Господи! не пустодомомъ

живу! Да не поѣхать ли и мнѣ вмѣстѣ съ тобой! И на могилкѣ бы побывали, и въ Погорѣлку бы заѣхали! И туда бы заглянули, и тамъ бы посмотрѣли, и поговорили бы, и подумали бы— что̀ и какъ... Хорошенькая вѣдь у васъ усадьбица, полезныя въ ней мѣстечки есть!

— Нѣтъ, я ужь одна... зачѣмъ вамъ? Кстати: вѣдь, и Петинька тоже умеръ?

— Умеръ, дружокъ, умеръ и Петинька. И жалко мнѣ его съ одной стороны, даже до слезъ жалко, а съ другой стороны—самъ виноватъ! Всегда онъ былъ къ отцу непочтителенъ—вотъ, Богъ за это и наказалъ! А ужь ежели что̀ Богъ въ премудрости своей устроилъ, такъ намъ съ тобой передѣлывать не приходится!

— Понятное дѣло, не передѣлаемъ. Только я вотъ объ чемъ думаю: ка̀къ это вамъ, дядя, жить не страшно?

— А чего мнѣ страшиться? видишь, сколько у меня благодати кругомъ?—Іудушка обвелъ рукою, указывая на образа̀—и тутъ благодать, и въ кабинетѣ благодать, а въ образной такъ настоящій рай! Вонъ сколько у меня заступниковъ!

— Все-таки... Всегда вы—одинъ... страшно!

— А страшно, такъ встану на колѣни, помолюсь—и все какъ рукой сниметъ! Да и чего бояться? днемъ свѣтло, а ночью у меня вездѣ, во всѣхъ комнатахъ, лампадки горятъ! Съ улицы, какъ стемнѣетъ, словно балъ кажетъ! А какой у меня балъ! Заступники да угодники Божіи—вотъ и весь мой балъ!

— А знаете ли: вѣдь, Петинька-то передъ смертью писалъ къ намъ.

— Что̀-жь! какъ родственникъ... И за то спасибо, что хоть родственныя чувства не потерялъ!

— Да̀, писалъ. Ужь послѣ суда, когда рѣшеніе вышло. Писалъ, что онъ шесть тысячъ проигралъ, и вы ему не дали. Вѣдь вы, дядя, богатый?

— Въ чужомъ карманѣ, мой другъ, легко деньги считать. Иногда намъ кажется, что у человѣка золотыя горы, а поглядѣть да посмотрѣть, такъ у него на маслице да на свѣчечку— и то не его, а Богово!

— Ну, мы, стало быть, богаче васъ. И отъ себя сложились, и кавалеровъ нашихъ заставили подписаться—шестьсотъ рублей собрали и послали.

— Какіе же это «кавалеры»?

— Ахъ, дядя! да вѣдь мы... актрисы! вы сами же сейчасъ предлагали мнѣ «очиститься»!

— Не люблю я, когда ты такъ говоришь!

— Что́-жь дѣлать! Любите или не любите, а что́ сдѣлано, того не передѣлаешь. Вѣдь, по вашему, и тутъ Богъ!

— Не кощунствуй, по крайней мѣрѣ. Все можешь говорить, а кощунствовать... не позволяю! Куда же вы деньги послали?

— Не помню. Въ городокъ какой-то... Онъ самъ назначилъ.

— Не знаю. Кабы были деньги, я долженъ бы послѣ смерти ихъ получить! Не истратилъ же онъ всѣхъ разомъ! Не знаю, ничего я не получилъ. Смотрителишки да конвойные, чай, воспользовались!

— Да вѣдь мы и не требуемъ—это такъ, къ слову сказалось. А все-таки, дядя, страшно: ка̀къ это такъ — изъ-за шести тысячъ человѣкъ пропалъ!

— То̀-то, что не изъ-за шести тысячъ. Это намъ такъ кажется, что изъ-за шести тысячъ — вотъ мы и твердимъ: шесть тысячъ! шесть тысячъ! А Богъ...

Іудушка совсѣмъ ужь-было расходился, хотѣлъ объяснить во всей подробности, какъ Богъ... какъ Провидѣніе... невидимыми путями... и все-тако́е... Но Аннинька совсѣмъ ужь безцеремонно зѣвнула и сказала:

— Ахъ, дядя! скука какая у васъ!

На этотъ разъ Порфирій Владиміровичъ серьёзно обидѣлся и замолчалъ. Долго ходили они рядомъ взадъ и впередъ по столовой; Аннинька зѣвала, Порфирій Владиміровичъ въ каждомъ углу крестился. Наконецъ, доложили, что поданы лошади, и началась обычная комедія родственныхъ проводовъ. Головлевъ надѣлъ шубу, вышелъ на крыльцо, расцѣловался съ Аннинькой, кричалъ на людей: ноги-то! ноги-то теплѣе закутывайте! или: кутѐйки-то! кутѐйки-то взяли ли? ахъ, не забыть бы! и крестилъ воздухъ.

Съѣздила Аннинька на могилку къ бабушкѣ, попросила воплинскаго батюшку панихидку отслужить и, когда дьячки уныло затянули вѣчную память, то поплакала. Картина, среди которой совершалась церемонія, была печальная. Церковь, при которой схоронили Арину Петровну, принадлежала къ числу бѣдныхъ; штукатурка мѣстами обвалилась и обнажила большими заплатами кирпичный остовъ; колоколъ звонилъ слабо и глухо; риза на священникѣ обветшала. Глубокій снѣгъ покрывалъ кладбище, такъ что нужно было разгребать дорогу лопатами, чтобъ дойти до могилы; памятника еще не существовало, а стоялъ простой бѣлый крестъ, на которомъ даже надписи никакой не значилось. Погостъ стоялъ уединенно, въ сторонѣ отъ всякаго селенія; неподалеку отъ церкви ютились почернѣвшія избы священника и причетниковъ, а кругомъ, во̀ всѣ стороны, стлалась сиротливая

снѣжная равнина, на поверхности которой по мѣстамъ торчалъ какой-то хворостъ. Крѣпкій весенній вѣтеръ носился надъ кладбищемъ, безпрестанно захлёстывая ризу на священникѣ и относя въ сторону пѣніе причетниковъ.

— И кто бы, сударыня, подумалъ, что подъ симъ скромнымъ крестомъ, при бѣдной нашей церкви, нашла себѣ успокоеніе богатѣйшая помѣщица здѣшняго уѣзда! сказалъ священникъ, по окончаніи литіи.

При этихъ словахъ, Аннинька заплакала еще пуще. Ей вспомнилось: *гдѣ столъ былъ яствъ — тамъ гробъ стоитъ*, и слезы такъ и лились. Потомъ, она пошла къ батюшкѣ въ хату, напилась чаю, побесѣдовала съ матушкой, опять вспомнила: *и блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ* и опять много и долго плакала.

Въ Погорѣлку не было дано знать о пріѣздѣ барышни, и потому тамъ даже комнатъ въ домѣ не истопили. Аннинька, не снимая шубы, прошла по всѣмъ комнатамъ и остановилась только въ спальной бабушки и въ образной. Въ бабушкиной комнатѣ стояла ея постель, на которой лежала груда замасляныхъ пуховиковъ и нѣсколько подушекъ безъ наволочекъ. На письменномъ столѣ валялись неубранные лоскутья бумаги; полъ былъ не метенъ, и густой слой пыли покрывалъ всѣ предметы. Аннинька присѣла въ кресло, въ которомъ сиживала бабушка, и задумалась. Сначала явились воспоминанія прошлаго, потомъ, на смѣну имъ, пришли представленія настоящаго. Первыя проходили въ видѣ обрывковъ, мимолетно и незадерживаясь; вторыя осѣдали плотнѣе. Давно ли рвалась она на волю, давно ли Погорѣлка казалась ей постылою—и вотъ, теперь ея сердце переполнили горечь и какое-то болѣзненное желаніе пожить въ этомъ постыломъ мѣстѣ. Тихо здѣсь; не уютно, не приглядно, но тихо, такъ тихо, что словно все кругомъ умерло. Воздуху много и простору: вонъ оно, поле — такъ бы и побѣжала. Безъ цѣли, безъ оглядки, только чтобъ дышалось сильнѣе, чтобъ грудь саднило. А *тамъ*, въ этой полукочевой средѣ, изъ которой она только-что вырвалась, и куда опять *должна* возвратиться — что̀ ее ждетъ? и что̀ она оттуда вынесла?—Воспоминаніе о пропитанныхъ вонью гостинницахъ, объ вѣчномъ гвалтѣ, несущемся изъ общей столовой и изъ билліардной, о нечесанныхъ и немытыхъ половыхъ, объ репетиціяхъ среди царствующихъ на сценѣ сумерекъ, среди кулисъ, до которыхъ дотронуться гнусно, на сквозномъ вѣтру, на сырости... Вотъ и только! А потомъ: офицеры, адвокаты, циническія рѣчи, пустыя бутылки, скатерти, залитыя виномъ, облака дыма, и гвалтъ, гвалтъ, гвалтъ! И что̀ они говорили ей! съ какимъ цинизмомъ къ ней прикасались!.. Особливо тотъ, усатый,

съ охрипшимъ отъ перепоя голосомъ, съ воспаленными глазами, съ вѣчнымъ запахомъ конюшни... ахъ, что̀ онъ ей говорилъ! Анинька, при этомъ воспоминаніи, даже вздрогнула и зажмурила глаза. Потомъ, однако-жь, очнулась, вздохнула и перешла въ образную. Въ кіотѣ стояло уже немного образовъ, только тѣ, которые *несомнѣнно* принадлежали ея матери, а остальные были вынуты и увезены Іудушкой, въ качествѣ наслѣдника, въ Головлево. Образовавшіяся, вслѣдствіе этого, пустыя мѣста, смотрѣли словно выколотыя глаза. И лампадъ не было—все взялъ Іудушка; только одна желтаго воска свѣчка сиротливо ютилась, забывая въ крохотномъ жестяномъ подсвѣчникѣ.

— Они и кіотку хотѣли-было взять, все доискивались—точно ли она барышнина приданая была? донесла Афимьюшка.

— Что̀-жь? и пусть бы бралъ. А что̀, Афимьюшка, бабушка долго передъ смертью мучилась?

— Не то, чтобы очень, всего сутки лежали. Такъ какъ-то сами собой извелись. Ни больны настоящимъ манеромъ не были, ни что̀! Ничего почесть и не говорили, только про васъ съ сестрицей раза съ два помянули.

— Образа-то, стало-быть, Порфирій Владиміричъ увезъ?

— Онъ увезъ. Собственные, говоритъ, маменькины образа̀. И тарантасъ къ себѣ увезъ, и двухъ коровъ. Все, стало-быть, изъ барыниныхъ бумагъ усмотрѣлъ, что не ваши, а ея. Лошадь тоже одну оттягать хотѣлъ, да Ѳедулычъ не отдалъ: наша, говоритъ, эта лошадь, старинная погорѣлковская — ну, оставилъ, побоялся.

Походила Анинька и по двору, заглянула въ службы, на гумно, на скотный дворъ. Тамъ, среди навозной топи стоялъ оборотный капиталъ: штукъ двадцать тощихъ коровъ, да три лошади. Велѣла принести хлѣба, сказавъ при этомъ: я заплачу!— и каждой коровѣ дала по кусочку. Потомъ, скотница попросила барышню въ избу, гдѣ былъ поставленъ на столѣ горшокъ съ молокомъ, а въ углу у печки, за низенькой перегородкой изъ досокъ, ютился новорожденный теленокъ. Анинька поѣла молочка, побѣжала къ теленочку, сгоряча поцѣловала его въ морду, но сейчасъ же брезгливо вытерла губы, говоря, что морда у теленка противная, вся въ какихъ-то слюняхъ. Наконецъ, вынула изъ портъ-монѐ три желтенькихъ бумажки, раздала старымъ слугамъ и стала сбираться.

— Что̀-жь вы будете дѣлать? спросила она, усаживаясь въ кибитку, старика Ѳедулыча, который, въ качествѣ старосты, слѣдовалъ за барышней съ скрещенными на груди руками.

— А что̀ намъ дѣлать! жить будемъ! просто отвѣтилъ Ѳедулычъ.

Аннинькѣ опять взгрустнулось: ей казалось, что слова Ѳедулыча звучатъ ироніей. Она постояла-постояла на мѣстѣ, вздохнула и сказала:

— Ну, прощайте!

— А мы-было думали, что вы къ намъ вернетесь! съ нами поживете! молвилъ Ѳедулычъ.

— Нѣтъ ужь... что̀! Все равно... живите!

И опять слезы полились у нея изъ глазъ, и всѣ при этомъ тоже заплакали. Какъ-то странно это выходило: вотъ и ничего, казалось, ей не жаль, даже помянуть нѐчѣмъ — а она плачетъ. Да и они: ничего не было сказано выходящаго изъ ряда будничныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, а всѣмъ сдѣлалось тяжело. Посадили ее въ кибитку, укутали и всѣ разомъ глубоко вздохнули.

— Счастливо! раздалось за ней, когда повозка тронулась.

Ѣхавши мимо погоста, она вновь велѣла остановиться и одна, безъ причта, пошла по расчищенной дорогѣ къ могилѣ. Уже порядкомъ стемнѣло, и въ домахъ церковниковъ засвѣтились огни. Она стояла, ухватившись одной рукой за надгробный крестъ, но не плакала, а только пошатывалась. Ничего особеннаго она не думала, никакой опредѣленной мысли не могла бы формулировать, а горько ей было, всѣмъ существомъ горько. И не надъ бабушкой, а надъ самой собой горько. Безсознательно пошатываясь и наклоняясь, она простояла тутъ съ четверть часа, и вдругъ ей представилась Любинька, которая, быть можетъ, въ эту самую минуту, въ какомъ-нибудь-Кременчугѣ, среди развеселой компаніи..

Ah! ah! que j'aime, que j'aime!
Que j'aime les mili-mili-mili-taires!

Она чуть не упала. Бѣгомъ добѣжала она до повозки, сѣла и велѣла какъ можно скорѣе ѣхать въ Головлево.

Аннинька воротилась къ дядѣ скучная, тихая. Впрочемъ, это не мѣшало ей чувствовать себя нѣсколько голодною (дяденька, впопыхахъ, даже курочки съ ней не отпустилъ), и она была очень рада, что столъ для чая былъ ужь накрытъ. Разумѣется, Порфирій Владиміръічъ не замедлилъ вступить въ разговоръ.

— Ну, что̀, побывала?

— Побывала.

— И на могилкѣ помолилась? панихидку отслужила?

— Да̀, и панихидку.

— Священникъ-то, стало-быть, дома былъ?

— Конечно, былъ; кто же бы панихиду служилъ!

— Дà, дà... И дьячка оба были? вѣчную память пропѣли?

— Пропѣли.

— Дà. Вѣчная память! вѣчная память покойницѣ! Пѣчная старушка, родственная была!

Іудушка всталъ со стула, обратился лицомъ къ образамъ и помолился.

— Ну, а въ Погорѣлкѣ кàкъ застала? благополучно?

— Право, не знаю. Кажется, все на своемъ мѣстѣ стоитъ.

— То-то, «кажется!» Намъ всегда «кажется», а посмотришь да поглядишь — и тутъ кривèнько, и тамъ гнилèнько... Вотъ, такъ-то мы и объ чужихъ состояніяхъ понятіе себѣ составляемъ: «кажется!», все «кажется!» А впрочемъ, хорошенькая у васъ усадьбица; преудобно васъ покойница-маменька устроила, не мало даже изъ собственныхъ средствъ на усадьбу употребила... Ну, да вѣдь сиротамъ не грѣхъ и помочь!

Слушая эти похвалы, Аннинька не выдержала, чтобъ не подразнить сердобольнаго дяденьку.

— А вы зачѣмъ, дядя, изъ Погорѣлки двухъ коровъ увели? спросила она.

— Коровъ? какихъ это коровъ? Это Чернавку, да Приведèнку, чтò-ли? Такъ вѣдь онѣ, мой другъ, маменькины были!

— А вы—ея законный наслѣдникъ? Ну, чтò-жь! и владѣйте! Хотите, я вамъ еще теленочка велю прислать?

— Вотъ-вотъ-вотъ! ты ужь и раскипятилась! А ты дѣло говори. Кàкъ, по твоему, чьи коровы были?

— А я почемъ знаю! въ Погорѣлкѣ стояли!

— А я знаю, у меня доказательства есть, что коровы маменькины. Собственной ея руки я реэстръ отыскалъ, и тамъ именно сказано: «мои».

— Ну, оставимъ. Не стòитъ объ этомъ говорить.

— Вотъ лошадь въ Погорѣлкѣ есть, лысенькая такая — ну, объ этой ничего вѣрнаго сказать не могу. Кажется, будто бы, маменькина лошадь, а впрочемъ—не знаю! А чего не знаю, объ томъ и говорить не могу!

— Оставимте это, дядя.

— Нѣтъ, зачѣмъ оставлять! Я, братъ—прямѝкъ, я всякое дѣло на чистоту вести люблю! Да отчего и не поговорить! Своего всякому жалко: и мнѣ жалко, и тебѣ жалко — ну, и поговоримъ! А коли говорить будемъ, такъ скажу тебѣ прямо: мнѣ чужого не надобно, но и своего я чужимъ не отдамъ. Потому что, хоть вы мнѣ—и не чужія, а все-таки...

— И образа даже взяли! опять не воздержалась Анниька.

— И образа взялъ, и все взялъ, что̀ мнѣ, какъ законному наслѣднику, принадлежитъ.

— Теперь кіотъ-то весь въ дырахъ...

— Что̀-жь дѣлать! И передъ такимъ помолись! Богу вѣдь не кіотъ, а молитва твоя нужна! Коли ты искренно приступаешь, такъ и передъ плохенькими образами молитва твоя дойдетъ! А коли ты только такъ: болты-болты! да по сторонамъ поглядѣть, да книксенъ сдѣлать—такъ и хорошіе образа тебя не спасутъ!

Тѣмъ не менѣе, Іудушка всталъ и возблагодарилъ Бога за то, что у него «хорошіе» образа̀.

— А ежели не нравится кіотъ—новый вели сдѣлать. Или другіе образа на мѣсто вынутыхъ поставь. Прежніе—маменька покойница наживала да устроивала, а новые — ты ужь сама наживи!

Порфирій Владимірычъ даже хихикнулъ: такъ это разсужденіе казалось ему резонно и просто.

— Скажите, пожалуйста, что̀ же мнѣ теперь дѣлать предстоитъ? спросила Аннинька.

— А вотъ, погоди. Сначала отдохни, да понѣжься, да поспи. Побесѣдуемъ да посудимъ, и такъ посмотримъ, и этакъ прикинемъ—можетъ быть, вдвоемъ что̀-нибудь и выдумаемъ!

— Мы—совершеннолѣтнія, кажется?

— Да̀-съ, совершеннолѣтнія-съ. Можете сами и дѣйствіями своими, и имѣніемъ управлять!

— Слава Богу, хоть это!

— Честь имѣемъ поздравить-съ!

Порфирій Владимірычъ всталъ и полѣзъ цѣловаться.

— Ахъ, дядя! какой вы странный! все цѣлуетесь!

— Отчего же и не поцѣловаться! Не чужая ты мнѣ—племяннушка! Я, мой другъ, по родственному! Я для родныхъ всегда готовъ! Будь хоть троюродной, хоть четвероюродной, я, все-таки всегда...

— Вы лучше скажите, что̀ мнѣ дѣлать? въ городъ, что̀ ли, надобно ѣхать? хлопотать?

— И въ городъ поѣдемъ, и похлопочемъ—все въ свое время сдѣлаемъ. А прежде—отдохни, поживи! Слава Богу! не въ трактирѣ, а у родного дяди живешь! И поѣсть, и чайку попить, и вареньицемъ полакомиться — всего вдоволь есть! А ежели кушанье какое не понравится — другого спроси! Спрашивай, требуй! Щецъ не захочется—супцу подать вели! Котлеточекъ, уточки, поросеночка... Евпраксеюшку за бока бери!.. А кстати, Евпраксеюшка! вотъ я поросеночкомъ-то похвастался, а хорошенько и самъ не знаю—есть ли у насъ?

Евпраксеюшка, державшая въ это время передъ ртомъ блюдечко съ горячимъ чаемъ, утвердительно повела носомъ воздухъ.

— Ну, вотъ видишь! и поросеночекъ есть! Всего, значитъ, чего душенька захочетъ, того и проси! Такъ-то!

Іудушка опять потянулся къ Аннинькѣ и по родственному похлопалъ ее по колѣнкѣ, причемъ, конечно невзначай, слегка позамѣшкался, такъ что сиротка инстинктивно отодвинулась.

— Но вѣдь мнѣ ѣхать надо, сказала она.

— Объ томъ-то я и говорю. Потолкуемъ да поговоримъ, а потомъ и поѣдемъ. Благословясь да Богу помолясь, а не такъ какъ-нибудь: прыгъ да шмыгъ! Поспѣшишь — людей насмѣшишь! Спѣшать-то на пожаръ, а у насъ, слава Богу, не горитъ! Вотъ Любинькѣ—той на ярмарку спѣшить надо, а тебѣ—что̀! Да вотъ я тебя еще что̀ спрошу: ты въ Погорѣлкѣ, что̀-ли, жить будешь?

— Нѣтъ, въ Погорѣлкѣ мнѣ нѐзачѣмъ.

— И я тоже хотѣлъ тебѣ сказать. Поселись у меня. Будемъ жить да поживать—еще ка̀къ заживемъ-то!

Говоря это, Іудушка глядѣлъ на Анниньку такими масляными глазами, что ей сдѣлалось неловко, а Евпраксеюшка, которую ужь съ утра мутилъ пріѣздъ сироты, даже фыркнула.

— Нѣтъ, дядя, я не поселюсь у васъ. Скучно.

— Ахъ, глупенькая, глупенькая! И что̀ тебѣ эта скука далась! Скучно да скучно, а чѣмъ скучно — и сама, чай, не скажешь, ежели спросить! У кого, мой другъ, дѣло есть, да кто собой управлять умѣетъ — тотъ никогда скуки не знаетъ. Вотъ я, напримѣръ: не вижу, какъ и время летитъ! Въ будни—по хозяйству; тамъ посмотришь, тутъ поглядишь, туда сходишь, побесѣдуешь, посудишь — смотришь, анъ день и прошелъ! А въ праздникъ—въ церковь! Такъ-то и ты! Поживи съ нами—и тебѣ дѣло найдется, а дѣла нѣтъ — съ Евпраксеюшкой въ дурачки садись, или саночки вели заложить—катай да покатывай! А лѣто настанетъ — по грибы въ лѣсъ поѣдемъ! на травѣ чай станемъ пить!

— Нѣтъ, дядя, напрасно вы и предлагаете!

— Право бы, пожила.

— Нѣтъ. А вотъ что̀: устала я съ дороги, такъ спать нельзя ли мнѣ лечь?

— И ба̀иньки можно. И кроватка у меня готова для тебя, все какъ слѣдуетъ! Хочется тебѣ ба̀иньки — почивай, Христосъ съ тобой! А все-таки ты объ этомъ подумай: куда бы лучше, кабы ты съ нами въ Головлевѣ осталась!

Аннинька провела ночь безпокойно. Нервная блажь, которая застигла ее въ Погорѣлкѣ, продолжалась. Бываютъ минуты, когда человѣкъ, который дотолѣ только *существовалъ*, вдругъ начинаетъ понимать, что въ его жизни есть какая-то язва. Откуда она взялась, какимъ образомъ и когда именно образовалась—въ бо̀льшей части случаевъ онъ хорошо себѣ не объясняетъ и даже чаще всего приписываетъ происхожденіе язвы совсѣмъ не тѣмъ причинамъ, которыя въ дѣйствительности ее обусловили. Но для него оцѣнка факта даже и не нужна: достаточно и того, что онъ существуетъ. Дѣйствіе такого внезапнаго откровенія, будучи для всѣхъ одинаково мучительнымъ, въ дальнѣйшихъ практическихъ результатахъ видоизмѣняется, смотря по индивидуальнымъ темпераментамъ. Однихъ сознаніе обновляетъ, осаживаетъ, воодушевляетъ рѣшимостью начать новую жизнь на новыхъ основаніяхъ; на другихъ оно отражается лишь проходящею болью, которая не произведетъ въ будущемъ никакого перелома къ лучшему, но въ настоящемъ высказывается еще болѣзненнѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда встревоженной совѣсти все-таки представляются нѣкоторые просвѣты въ будущемъ.

Аннинька не принадлежала къ числу такихъ личностей, которыя въ сознаніи своихъ язвъ находятъ поводъ для жизненнаго обновленія, но тѣмъ не менѣе, какъ дѣвушка не глупая, она отлично понимала, что между тѣми смутными мечтами о трудовомъ хлѣбѣ, которыя послужили ей исходнымъ пунктомъ для того, чтобы навсегда покинуть Погорѣлку, и положеніемъ провинціальной актрисы, въ которомъ она очутилась, существуетъ цѣлая бездна. Вмѣсто тихой жизни труда, она нашла бурное существованіе, наполненное безконечными кутежами, наглымъ цинизмомъ и безпорядочною, ни къ чему не приводящею суетою. Вмѣсто лишеній и суровой внѣшней обстановки, съ которыми она когда-то примирялась, ее встрѣтило довольство и роскошь, объ которыхъ она, однакожъ, не могла теперь вспоминать безъ краски на лицѣ. И вся эта перестановка какъ-то незамѣтно для нея самой случилась: шла она куда-то въ хорошее мѣсто, но, вмѣсто одной двери, попала въ другую. Желанія ея были, дѣйствительно, очень скромныя. Сколько разъ, бывало, сидя въ Погорѣлкѣ на мезонинѣ, она видѣла себя въ мечтахъ серьёзною дѣвушкой, трудящейся, алчущей образовать себя, съ твердостью переносящей нужду и лишенія, ради идеи блага (правда, что слово «благо» едва ли имѣло для нея какое-нибудь опредѣленное значеніе); но едва она вышла на широкую дорогу самодѣятельности, какъ сама собою сложилась такая практика, которая сразу разбила въ прахъ мечты. Серьёзный трудъ не при-

ходитъ самъ собой, а дается только упорному исканію и подготовкѣ, ежели и не полной, но хотя до извѣстной степени помогающей исканію. Но требованіямъ этимъ не отвѣчали ни темпераментъ ея, ни воспитаніе. Темпераментъ ея вовсе не отличался страстностью, а только легко раздражался; матеріалъ же, который дало ей воспитаніе и съ которымъ она собралась войти въ трудовую жизнь, былъ до такой степени несостояteленъ, что не могъ послужить основаніемъ ни для какой серьёзной профессіи. Воспитаніе это было, такъ сказать, институтско-опереточное, въ которомъ перевѣсъ брала едва ли не оперетка. Тутъ въ хаотическомъ безпорядкѣ перемѣшивались и задача о летящемъ стадѣ гусей, и па съ шалью, и проповѣди Петра Пикардскаго, и продѣлки Елены Прекрасной, и ода къ Фелицѣ, и чувство признательности къ начальникамъ и покровителямъ благородныхъ дѣвицъ. Въ этомъ безпорядочномъ винигреттѣ (внѣ котораго она съ полнымъ основаніемъ могла назвать себя tabula rasa) трудно было даже разобраться, а не то, что исходную точку найти. Не любовь къ труду пробуждала такая подготовка, а любовь къ свѣтскому обществу, желаніе быть окруженной, выслушивать любезности кавалеровъ и вообще погрузиться въ шумъ, блескъ и вихрь такъ называемой свѣтской жизни.

Еслибъ она слѣдила за собой пристальнѣе, то даже въ Погорѣлкѣ, въ тѣ минуты, когда въ ней еще только зарождались проекты трудовой жизни, когда она видѣла въ нихъ нѣчто въ родѣ освобожденія изъ плѣна египетскаго—даже и тогда она могла-бы изловить себя въ мечтахъ не столько работающею, сколько окруженною обществомъ единомыслящихъ людей и коротающею время въ длинныхъ разговорахъ. Конечно, и люди этихъ мечтаній были умные, и разговоры—честные и серьёзные, но все-таки на сценѣ первенствовала праздничная сторона жизни. Бѣдность была опрятная, лишенія свидѣтельствовали только объ отсутствіи излишества. Поэтому, когда, на дѣлѣ, мечта о трудовомъ хлѣбѣ разрѣшилась тѣмъ, что ей предложили занять опереточное амплуа на подмосткахъ одного изъ провинціальныхъ театровъ, то, несмотря на контрастъ, она колебалась недолго. Наскоро освѣжила она институтскія свѣдѣнія объ отношеніи Елены къ Менелаю, дополнила ихъ нѣкоторыми біографическими подробностями изъ жизни великолѣпнаго князя Тавриды, и рѣшила, что этого было совершенно достаточно, чтобы «воспроизводить Прекрасную Елену» и «Отрывки изъ Герцогини Герольштейнской» въ губернскихъ городахъ и на ярмаркахъ. При этомъ, для очистки совѣсти, она припоминала, что одинъ студентъ, съ которымъ она познакомилась въ Москвѣ, на каждомъ шагу воскли-

цалъ: святое искуство! — и тѣмъ охотнѣе сдѣлала эти слова девизомъ своей жизни, что они приличнымъ образомъ развязывали ей руки и придавали хоть какой-нибудь наружный декорумъ ея вступленію на стезю, къ которой она инстинктивно рвалась всѣмъ своимъ существомъ.

Жизнь актрисы взбудоражила ее. Одинокая, безъ руководящей подготовки, безъ сознанной цѣли, съ однимъ только темпераментомъ, жаждущимъ шума, блеска и похвалъ, она скоро увидѣла себя кружащеюся въ какомъ-то хаосѣ, въ которомъ толпилось безконечное множество лицъ, безъ всякой связи смѣнявшихъ одно другое. Это были лица разнообразнѣйшихъ характеровъ и убѣжденій, такъ что самые мотивы для сближенія съ тѣмъ или другимъ отнюдь не могли быть одинаковыми. Тѣмъ не менѣе, и тотъ, и другой, и третій равно составляли ея кругъ, изъ чего должно было заключить, что тутъ, собственно говоря, не могло быть и рѣчи объ мотивахъ. Ясно, стало быть, что ея жизнь сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ въѣзжаго дома, въ ворота котораго могъ стучаться каждый, кто сознавалъ себя веселымъ, молодымъ и обладающимъ извѣстными матеріальными средствами. Ясно, что тутъ дѣло шло совсѣмъ не объ томъ, чтобы *подбирать* себѣ общество по душѣ, а объ томъ, чтобы примоститься къ какому-бы то ни было обществу, лишь бы не изнывать въ одиночествѣ. Въ сущности, «святое искуство» привело ее въ помойную яму, но голова ея сразу такъ закружилась, что она не могла даже различить этого. Ни немытыя рожи коридорныхъ, ни захватанныя, покрытыя слизью декораціи, ни шумъ, вонь и гвалтъ гостинницъ и постоялыхъ дворовъ, ни циническія выходки поклонниковъ—ничто не отрезвляло ее. Она не замѣчала даже, что постоянно находится въ обществѣ однихъ мужчинъ и что между нею и другими женщинами, имѣющими *постоянное положеніе*, легла какая-то непреодолимая преграда...

Отрезвилъ на минуту пріѣздъ въ Головлево.

Съ утра, почти съ самой минуты пріѣзда, ее ужь что̀-то мутило. Какъ дѣвушка впечатлительная, она очень быстро проникалась новыми ощущеніями, и не менѣе быстро примѣнялась ко всякимъ положеніямъ. Поэтому, съ пріѣздомъ въ Головлево, она вдругъ почувствовала себя «барышней». Припомнила, что у нея есть что̀-то свое: свой домъ, свои могилы, и захотѣлось ей опять увидѣть прежнюю обстановку, опять подышать тѣмъ воздухомъ, изъ котораго она такъ недавно безъ оглядки бѣжала. Но впечатлѣніе это немедленно же должно было разбиться при столкновеніи съ дѣйствительностью, встрѣтившеюся въ Головлевѣ. Въ этомъ отношеніи ее можно было уподобить тому человѣ-

ку, который съ привѣтливымъ выраженіемъ лица входитъ въ общество давно невидѣнныхъ имъ людей и вдругъ замѣчаетъ, что къ его привѣтливости всѣ относятся какъ-то загадочно. Погано скошенные на ея бюстъ глаза Іудушки сразу напомнили ей, что позади у нея уже образовался своего рода скарбъ, съ которымъ не такъ-то легко расчитаться. И когда, послѣ наивныхъ вопросовъ погорѣловской прислуги, послѣ назидательныхъ вздоховъ воплинскаго батюшки и его попадьи и послѣ новыхъ поученій Іудушки, она осталась одна, когда она провѣрила на досугѣ впечатлѣнія дня, то ей сдѣлалось уже совсѣмъ несомнѣнно, что прежняя «барышня» умерла навсегда, что отнынѣ она—только актриса жалкаго провинціальнаго театра и что положеніе русской актрисы очень недалеко отстоитъ отъ положенія публичной женщины.

До сихъ поръ она жила какъ во снѣ. Обнажалась въ «Прекрасной Еленѣ», являлась пьяною въ «Периколѣ», пѣла всевозможныя безстыдства въ «отрывкахъ изъ Герцогини Герольштейнской» и даже жалѣла, что на театральныхъ подмосткахъ не принято представлять «la chose» и «l'amour», воображая себѣ, кàкъ бы она обольстительно вздрагивала поясницей и шикарно вертѣла хвостомъ. Но ей никогда не приходило въ голову вдумываться въ то, чтò она дѣлаетъ. Она объ томъ только старалась, чтобъ все выходило у ней «мило» и, въ тоже время, «съ шикомъ», и нравилось офицерамъ расквартированнаго въ городѣ полка. Но чтò это такое и какого сорта ощущенія производятъ въ офицерахъ ея вздрагиванья—она объ этомъ себя не спрашивала. Офицеры представляли въ городѣ рѣшающую публику, и ей было извѣстно, что отъ нихъ зависѣлъ ея успѣхъ. Они вторгались за кулисы, безцеремонно стучались въ двери ея уборной, когда она была еще полуодѣта, называли ее уменьшительными именами—и она смотрѣла на все это, какъ на простую формальность, родъ неизбѣжной обстановки, и спрашивала себя только объ томъ—«мило» или «не мило» выдерживаетъ она въ этой обстановкѣ свою роль? Но ни тѣла своего, ни души она, покуда, еще не сознавала публичными. И вотъ теперь, когда она на минуту опять почувствовала себя «барышней», ей вдругъ сдѣлалось какъ-то невыносимо мерзко. Какъ будто съ нея сняли всѣ покровы до послѣдняго и всенародно вывели ее обнаженною; какъ будто всѣ эти подлыя дыханія, зараженныя запахами вина и конюшни, разомъ охватили ее; какъ будто она на всемъ своемъ тѣлѣ почувствовала прикосновеніе потныхъ рукъ, слюнявыхъ губъ и блужданіе этихъ мутныхъ, исполненныхъ плотоядной животненности глазъ, которые безсмысленно скользятъ по

кривой линіи ея обнаженнаго тѣла, словно требуютъ отъ него отвѣта: что̀ такое «la chose?»

Куда идти? гдѣ оставить этотъ скарбъ, который надавливалъ ея плечи?—Вопросъ этотъ безнадежно метался въ ея головѣ, но именно только метался, не находя и даже не ища отвѣта. Вѣдь, и это былъ своего рода сонъ: и прежняя жизнь была сонъ, и теперешнее пробужденіе—тоже сонъ. Огорчилась дѣвочка, расчувствовалась—вотъ и все. Пройдетъ. Бываютъ минуты хорошія, бываютъ и горькія—это въ порядкѣ вещей. Но и тѣ, и другія только скользятъ, а отнюдь не измѣняютъ однажды сложившагося хода жизни. Чтобъ дать послѣдней другое направленіе, необходимо много усилій, потребна не только нравственная, но и физическая храбрость. Это—почти тоже, что̀ самоубійство. Хотя передъ самоубійствомъ человѣкъ проклинаетъ свою жизнь, хотя онъ знаетъ, что для него смерть есть свобода, но орудіе смерти все-таки дрожитъ въ его рукахъ, ножъ скользитъ по горлу, пистолетъ, вмѣсто того, чтобъ бить прямо въ лобъ, бьетъ ниже, уродуетъ. Такъ-то и тутъ, но еще труднѣе. И тутъ предстоитъ убить свою прежнюю жизнь, но, убивъ ее, самому остаться живымъ. То «ничто», которое въ заправскомъ самоубійствѣ достигается мгновеннымъ спускомъ курка—тутъ, въ этомъ особомъ самоубійствѣ, которое называется «обновленіемъ», достигается цѣлымъ рядомъ суровыхъ, почти аскетическихъ усилій. И достигается все-таки «ничто», потому что нельзя же назвать нормальнымъ существованіе, котораго содержаніе состоитъ изъ однихъ усилій надъ собой, изъ лишеній и воздержаній. У кого воля изнѣжена, кто уже подточенъ привычкою легкаго существованія—у того голова закружится отъ одной преспективы подобнаго «обновленія». И инстиктивно, отворачивая голову и зажмуривая глаза, стыдясь и обвиняя себя въ малодушіи, онъ все-таки опять пойдетъ по утоптанной дорогѣ. Ибо надѣется, что на этомъ пути его, по крайней мѣрѣ, ничто не застанетъ врасплохъ.

Ахъ! великая вещь—жизнь труда! Но съ нею сживаются только сильные люди, да тѣ, которыхъ осудилъ на нее какой-то проклятый прирожденный грѣхъ. Этихъ она не пугаетъ. Первыхъ потому, что, сознавая смыслъ и рессурсы труда, они умѣютъ отыскивать въ немъ наслажденіе; вторыхъ—потому, что для нихъ трудъ есть прежде всего прирожденное обязательство, а потомъ и привычка.

Аннинькѣ даже на мысль не приходило основаться въ Погорѣлкѣ или въ Головлевѣ, и въ этомъ отношеніи ей большую помощь оказала та дѣловая почва, на которую ее поставили об-

стоятельства и которой она инстинктивно не покидала. Ей былъ данъ отпускъ, и она ужь заранѣе распредѣлила все время его и назначила день отъѣзда изъ Головлева. Для людей слабохарактерныхъ тѣ внѣшнія грани, которыя обставляютъ жизнь, значительно облегчаютъ бремя ея. Въ затруднительныхъ случаяхъ, слабые люди инстинктивно жмутся къ этимъ гранямъ и находятъ въ нихъ для себя оправданіе. Такъ именно поступила и Аннинька: она рѣшилась какъ можно скорѣе уѣхать изъ Головлева и, ежели дядя будетъ приставать, то оградить себя отъ этихъ приставаній необходимостью явиться въ назначенный срокъ.

Проснувшись на другой день утромъ, она прошлась по всѣмъ комнатамъ громаднаго головлевскаго дома. Вездѣ было пустынно, непріютно, пахло отчужденіемъ, выморочностью. Мысль поселиться въ этомъ домѣ безъ срока окончательно испугала ее. «Ни за что̀!» твердила она въ какомъ-то безотчетномъ волненіи:— «ни за что̀!»

Порфирій Владимірычъ и на другой день встрѣтилъ ее съ обычной благосклонностью, въ которой никакъ нельзя было различить—хочетъ ли онъ приласкать человѣка, или намѣренъ высосать изъ него кровь.

— Ну что̀, торопыга, выспалась? куда-то теперь торопиться будешь? пошутилъ онъ.

— И то, дядя, тороплюсь; вѣдь я въ отпуску, надобно на срокъ поспѣвать.

— Это—опять скоморошничать? не пущу!

— Пускайте или не пускайте—сама уѣду!

Іудушка грустно покачалъ головой.

— А бабушка покойница что̀ скажетъ? спросилъ онъ тономъ ласковаго укора.

— Бабушка и при жизни знала. Да что̀ это, дядя, за выраженія у васъ? вчера съ гитарой меня по ярмаркамъ посылали, сегодня объ скоморошничествѣ разговоръ завели? Слышите! я не хочу, чтобъ вы такъ говорили!

— Эге! видно правда-то кусается! А вотъ я, такъ люблю правду! По мнѣ, ежели правда...

— Нѣтъ, нѣтъ! не хочу я, не хочу! ни правды, ни неправды мнѣ вашей не надо! Слышите! не хочу я, чтобъ вы такъ выражались!

— Ну-ну! раскипятилась? пойдемъ-ка, стрекоза, за добра ума

чай пить! Самоваръ-то ужь, чай, давно хр-хр... да зз-зз... на столѣ дѣлаетъ.

Порфирій Владимірычъ шуточкой да смѣшкомъ хотѣлъ изгладить впечатлѣніе, произведенное словомъ «скоморошничать», и въ знакъ примиренія даже потянулся къ племянницѣ, чтобъ обнять ее за талію, но Аннинькѣ все это показалось до того глупымъ, что она брезгливо уклонилась отъ ожидавшей ее ласки.

— Я вамъ серьёзно повторяю, дядя, что мнѣ надо торопиться! сказала она.

— А вотъ пойдемъ, сначала чайку попьемъ, а потомъ и поговоримъ!

— Да почему же непремѣнно послѣ чаю? почему нельзя до чаю поговорить?

— А потому что потому. Потому что все чередо̀мъ дѣлать надо. Сперва одно, потомъ другое, сперва чайку попьемъ да поболтаемъ, а потомъ и объ дѣлѣ переговоримъ. Все успѣемъ.

Передъ такимъ непреоборимымъ пустословіемъ оставалось только покориться. Стали пить чай, при чемъ Іудушка самымъ злостнымъ образомъ длилъ время, по маленьку прихлебывая изъ стакана, крестясь, похлопывая себя по ляшкѣ, калякая объ покойницѣ маменькѣ и проч.

— Ну, вотъ, теперь и поговоримъ, сказалъ онъ, наконецъ:— ты долго ли намѣрена у меня погостить?

— Да больше недѣли мнѣ нельзя. Въ Москвѣ еще побывать надо.

— Недѣля, мой другъ—большое дѣло; и много дѣла можно въ недѣлю сдѣлать, и мало дѣла — ка̀къ взяться.

— Мы, дядя, лучше больше сдѣлаемъ.

— Объ томъ я и говорю. И много можно сдѣлать, и мало. Иногда много хочешь сдѣлать, а выходитъ мало, а иногда будто и мало дѣлается, анъ смотришь, съ Божьею помощью, всѣ дѣла̀ незамѣтно прикончилъ. Вотъ ты спѣшишь, въ Москвѣ тебѣ побывать, вишь, надо, а зачѣмъ, коли тебя спросить—ты и сама путёмъ не съумѣешь отвѣтить. А по моему, вмѣсто Москвы-то, лучше бы это время на дѣло употребить.

— Въ Москву мнѣ необходимо, потому что я хочу попытать, нельзя ли намъ на тамошнюю сцену поступить. А что̀ касается до дѣла, такъ вѣдь вы сами же говорите, что въ недѣлю можно много дѣла надѣлать.

— Смотря по тому, ка̀къ возьмешься, мой другъ. Ежели возьмешься какъ слѣдуетъ—все у тебя пойдетъ и ладно, и плавно;

а возьмешься не такъ, какъ слѣдуетъ — ну, и застрянетъ дѣло, въ долгій ящикъ оттянется.

— Такъ вы меня поруководите, дядя!

— То̀-то вотъ и есть. Какъ нужно, такъ «вы ужь меня поруководите, дядя!» а ненужно—такъ и скучно у дяди, и поскорѣе бы отъ него уѣхать! Что̀, небось неправда?

— Да вы только скажите, что̀ мнѣ дѣлать нужно?

— Стой, погоди! Такъ вотъ я и говорю: какъ нуженъ дядя— онъ и голубчикъ, и миленькій, и душенька, а не нуженъ—сейчасъ ему хвостъ покажутъ! А нѣтъ того, чтобъ спроситься у дяди: ка̀къ-молъ вы, дяденька-голубчикъ, полагаете — можно мнѣ въ Москву съѣздить?

— Какой вы, дядя, странный! Вѣдь мнѣ въ Москвѣ необходимо быть, а вы вдругъ скажете, что нельзя?

— А скажу: нельзя—и посиди! Не посторонній сказалъ, дядя сказалъ — можно и послушаться дядю. Ахъ, мой другъ, мой другъ! Еще хорошо, что у васъ дядя есть—все же и пожалѣть объ васъ и остановить васъ есть кому! А вотъ какъ у другихъ— нѣтъ никого! Нѝ ихъ пожалѣть, нѝ остановить — однѣ ростутъ! Ну, и бываетъ съ ними... всякія случайности въ жизни бываютъ, мой другъ!

Анниңька хотѣла-было возразить, однако поняла, что это значило бы только подливать масла въ огонь, и смолчала. Она сидѣла и безнадежно смотрѣла на расходившагося Порфирія Владимірыча.

— Вотъ, я давно хотѣлъ тебѣ сказать, продолжалъ, между тѣмъ, Іудушка:—не нравится мнѣ, куда какъ не нравится, что вы по этимъ... по ярмаркамъ ѣздите! Хоть тебѣ и нѐлюбо, что я объ гитарахъ говорилъ, а все-таки...

— Да вѣдь мало сказать: не нравится! Надобно на какой-нибудь выходъ указать!

— Живи у меня—вотъ тебѣ и выходъ!

— Ну нѣтъ... это... ни за что̀!

— Что̀ такъ?

— А то, что нѐчего мнѣ здѣсь дѣлать. Что̀ у васъ дѣлать! Утромъ встать — чай пить идти, за чаемъ думать: вотъ завтракать подадутъ! за завтракомъ—вотъ обѣдать накрывать будутъ! за обѣдомъ—скоро ли опять чай? А потомъ, ужинать и спать... умрешь у васъ!

— И всѣ, мой другъ, такъ дѣлаютъ. Сперва чай пьютъ, потомъ, кто привыкъ завтракать—завтракаютъ, потомъ обѣдаютъ, потомъ вечерній чай пьютъ, а наконецъ, и спать ложатся. Что̀

же! кажется, въ этомъ ни смѣшнаго, ни предосудительнаго нѣтъ! Вотъ еслибъ я...

— Ничего предосудительнаго, только не по мнѣ.

— Постой, дай мнѣ кончить. Вотъ, еслибъ я кого-нибудь обидѣлъ, или осудилъ, или дурно объ комъ-нибудь высказался—ну, тогда точно! можно бы и самого себя за это осудить! А то чай пить, завтракать, обѣдать... Христосъ съ тобой! да и ты, ка̀къ ни прытка, а безъ пищи не проживешь!

— Ну да̀, все это хорошо, да только не по мнѣ!

— А ты не все на свой аршинъ мѣряй—и объ старшихъ подумай! «По мнѣ» да «не по мнѣ» — развѣ можно такъ говорить! А ты говори: «по божьему» или «не по божьему»—вотъ это будетъ дѣльно, вотъ это будетъ та̀къ! Ка̀къ ежели у насъ въ Головлевѣ не по божьему, ежели мы противъ Бога поступаемъ, грѣшимъ или ропщемъ, или завидуемъ, или другія дурныя дѣла̀ дѣлаемъ—ну, тогда мы дѣйствительно виноваты и заслуживаемъ, чтобъ насъ осуждали. Только и тутъ еще надобно доказать, что мы точно не по божьему поступаемъ. А то натко! «не по мнѣ!» Да скажу теперича хоть про себя—мало ли что̀ не по мнѣ! Не по мнѣ вотъ, что ты такъ со мной разговариваешь, да родственную мою хлѣбъ-соль ха̀ешь—однако, я сижу, молчу! Дай, думаю, я ей такимъ maнepомъ почувствовать дамъ — можетъ быть, она и сама собой образумится! Можетъ быть, покуда я шуточкой да усмѣшечкой на твои выходки отвѣчаю, анъ ангелъ-то твой хранитель и наставитъ себя на путь истинный! Вѣдь мнѣ не за себя, а за тебя обидно! А-а-ахъ, мой другъ, ка̀къ это нехорошо! И ка̀къ это даже передъ Богомъ грѣшно, что ты этакъ со мной говоришь! И хоть бы я что̀-нибудь тебѣ дурно сказалъ или дурно противъ тебя поступилъ, или обиду какую-нибудь ты отъ меня видѣла—ну, тогда Богъ бы съ тобой! Хоть и велитъ Богъ отъ старшаго даже поученіе принять — ну, да ужь если я тебя обидѣлъ, Богъ съ тобой! сердись на меня! А то сижу я смирнёхонько да тихохонько, сижу ничего не говорю, только думаю, ка̀къ бы получше да поудобнѣе, чтобы всѣмъ на радость да на утѣшеніе—а ты! фу-ты, ну-ты! вотъ ты на мои ласки какой отвѣтъ даешь! А ты не сразу все выговаривай, другъ мой, а сначала подумай, да Богу помолись, да попроси Его вразумить себя! И вотъ, коли ежели...

Порфирій Владимірычъ разглагольствовалъ долго, не переставая. Сло̀ва̀ безконечно тянулись одно за другимъ, какъ густая слюна. Аннинька съ безотчетнымъ страхомъ глядѣла на него и думала: ка̀къ это онъ не захлебнется? Однако, такъ-таки и не

сказалъ дядинька, что̀ ей предстоитъ дѣлать по случаю смерти Арины Петровны. И за обѣдомъ пробовала она поставить этотъ вопросъ, и за вечернимъ чаемъ, но всякій разъ Іудушка начиналъ тянуть какую-то постороннюю канитель, такъ что Аннинька не рада была, что и возбудила разговоръ, и обо одномъ только думала: когда же это все кончится?

Послѣ обѣда, когда Порфирій Владиміричъ отправился спать, Аннинька осталась одинъ на одинъ съ Евпраксеюшкой, и ей вдругъ припала охота вступить въ разговоръ съ дядинькиной экономкой. Ей захотѣлось узнать, почему Евпраксеюшкѣ нестрашно въ Головлевѣ, и что̀ даетъ ей силу выдерживать потоки пустопорожнихъ словъ, которые съ утра до вечера извергали дядинькины уста.

— Скучно вамъ, Евпраксеюшка, въ Головлевѣ?

— Чего намъ скучать? мы—не господа̀!

— Все же... всегда вы однѣ... ни развлеченій, ни удовольствій у васъ—ничего!

— Какихъ намъ удовольствій надо! Скучно—такъ въ окошко погляжу. Я и у папеньки, у Николы въ Капелькахъ жила, немного развлеченьевъ-то видѣла!

— Все-таки, до̀ма, я полагаю, вамъ было лучше. Товарки были, другъ къ другу въ гости ходили, играли...

— Что̀ ужь!

— А съ дядей... Говоритъ онъ все что̀-то скучное и долго какъ-то. Всегда онъ та̀къ?

— Всегда цѣльный день такъ говорятъ.

— И вамъ не скучно?

— Мнѣ что̀! Я вѣдь не слушаю!

— Нельзя же совсѣмъ не слушать. Онъ можетъ замѣтить это, обидѣться.

— А почемъ онъ знаетъ! Я вѣдь смотрю на него. Онъ говоритъ, а я смотрю и все этимъ временемъ про свое думаю.

— О чемъ же вы думаете?

— Обо всемъ думаю. Огурцы солить надо—объ огурцахъ думаю, въ городъ за чѣмъ посылать надо—объ этомъ думаю. Что̀ по домашности требуется—обо всемъ думаю.

— Стало быть, вы, хоть и вмѣстѣ живете, а на самомъ-то дѣлѣ все-таки однѣ?

— Да по̀честь что одна. Иногда развѣ вечеромъ вздумаетъ въ дураки играть — ну, играемъ. Да и тутъ: середь самой игры остановятся, сложатъ карты и начнутъ говорить. А я смотрю. При покойницѣ, при Аринѣ Петровнѣ, веселѣе было. При ней

онъ лишнее-то говорить побаивался: нѣтъ-нѣтъ да остановитъ старуха. А ныньче ни на̀ что не похоже, какую волю надъ собой взялъ!

— Вотъ видите ли! вѣдь это, Евпраксеюшка, страшно! Страшно, когда человѣкъ говоритъ и не знаетъ, зачѣмъ онъ говоритъ, что̀ говоритъ и кончитъ ли когда-нибудь. Вѣдь, страшно? неловко, вѣдь?

Евпраксеюшка взглянула на нее, словно ее впервые озарила какая-то удивительная мысль.

— Не вы однѣ, сказала она: — многіе у насъ ихъ за это не любятъ.

— Вотъ ка̀къ!

— Да. Хоть бы лакеи — ни одинъ долго ужиться у насъ не можетъ; почесть каждый мѣсяцъ мѣняемъ. Прикащики тоже. И все изъ-за этого.

— Надоѣдаетъ?

— Тиранитъ. Пьяницы—тѣ живутъ, потому пьяница не слышитъ. Ему хоть въ трубу труби—у него все равно голова какъ горшкомъ прикрыта. Такъ опять бѣда: *они* пьяницъ не любятъ.

— Ахъ, Евпраксеюшка, Евпраксеюшка! а онъ еще меня въ Головлевѣ жить уговариваетъ!

— А что̀-жь, барышня! вы бы и заправду съ нами пожили! можетъ быть, они бы и посовѣстились при васъ!

— Ну нѣтъ! слуга покорная! вѣдь у меня терпѣнья недостанетъ въ глаза ему смотрѣть!

— Что̀ и говорить! вы — господа! у васъ своя воля! Однако, чай, воля-воля, а тоже и по чужой дудочкѣ подплясывать приходится!

— Еще ка̀къ часто-то!

— То-то и я думала. А я вотъ еще что̀ хотѣла васъ спросить: хорошо въ актрисахъ служить?

— Свой хлѣбъ—и то хорошо.

— А правда ли, Порфирій Владимірычъ мнѣ сказывали: будто бы актрисъ чужіе мужчины за̀все за талію держатъ?

Аннинька на минуту вспыхнула.

— Порфирій Владимірычъ не понимаетъ, отвѣтила она раздражительно:—оттого и чепуху несетъ. Онъ даже того различить не можетъ, что на сценѣ происходитъ игра, а не дѣйствительность.

— Ну, однако! То-то и онъ, Порфирій-то Владимірычъ... Какъ увидѣлъ васъ, даже губы распустилъ! «Племяннушка» да «племяннушка!»—какъ и путный! А у самого безстыжіе глаза такъ и бѣгаютъ!

*

— Евпраксеюшка! зачѣмъ вы глупости говорите!

— Я-то? мнѣ — что̀! Поживите — сами увидите! А мнѣ что̀! Откажутъ отъ мѣста — я опять къ батюшкѣ уйду. И то вѣдь скучно здѣсь; правду вы это сказали.

— Чтобъ я могла здѣсь остаться, это вы напрасно даже предполагаете. А вотъ, что скучно въ Головлевѣ—это такъ. И чѣмъ дольше вы будете здѣсь жить, тѣмъ будетъ скучнѣе.

Евпраксеюшка слегка задумалась, потомъ зѣвнула и сказала:

— Я когда у батюшки жила, тоща̀я, претоща̀я была. А теперь — ишь какая! печь печью сдѣлалась! Скука-то, стало-быть, въ прокъ идетъ!

— Все равно, долго не выдержите. Вотъ помяните мое слово, не выдержите.

На этомъ разговоръ кончился. Къ счастію, Порфирій Владимірычъ не слышалъ его—иначе онъ получилъ бы новую и благодарную тэму, которая несомнѣнно освѣжила бы безконечную канитель его нравоучительныхъ разговоровъ.

Цѣлыхъ два дня еще мучилъ Порфирій Владимірычъ Аннинньку. Все говорилъ: вотъ потерпи да погоди! потихоньку да полегоньку! благословясь да Богу помолясь! и проч. Совсѣмъ ее истомилъ. Наконецъ, на пятый день собрался-таки въ городъ, хотя и тутъ нашелъ средство истерзать племянницу. Она ужь стояла въ передней въ шубѣ, а онъ, словно на зло, цѣлый часъ прохлажался. Одѣвался, умывался, хлопалъ себя по ляшкамъ, крестился, ходилъ, сидѣлъ, отдавалъ приказанія въ родѣ: «такъ такъ-то, братъ!» или: «такъ ты ужь тово... смотри, братъ, ка̀къ бы чего не было!» Вообще, поступалъ такъ, какъ бы оставлялъ Головлево не на нѣсколько часовъ, а навсегда. Замаявши всѣхъ: и людей, и лошадей, полтора часа стоявшихъ у подъѣзда, онъ, наконецъ, убѣдился, что у него самого пересохло въ горлѣ отъ пустяковъ, и рѣшился ѣхать.

Въ городѣ все дѣло покончилось, покуда лошади ѣли овесъ на постояломъ дворѣ. Порфирій Владимірычъ представилъ отчетъ, по которому оказалось, что сиротскаго капитала, по день смерти Арины Петровны, состояло безъ малаго двадцать тысячъ рублей въ пятипроцентныхъ бумагахъ. Затѣмъ, просьба о снятіи опеки, вмѣстѣ съ бумагами, свидѣтельствовавшими о совершеннолѣтіи сиротъ, была принята, и тутъ же послѣдовало распоряженіе объ упраздненіи опекунскаго управленія и о сдачѣ имѣнія и капиталовъ владѣлицамъ. Въ тотъ же день вечеромъ, Аннинька подписала всѣ бумаги и описи, изготовленныя Порфиріемъ Владимірычемъ, и, наконецъ, свободно вздохнула.

Остальные дни Анинька провела въ величайшей ажитаціи. Ей хотѣлось уѣхать изъ Головлева немедленно, сейчасъ же, но дядя на всѣ ея порыванія отвѣчалъ шуточками, которыя, несмотря на добродушный тонъ, скрывали за собой такое дурацкое упорство, какого никакая человѣческая сила сломить не въ состояніи.

— Сама сказала, что недѣлю поживешь—ну, и поживи! говорилъ онъ.—Что̀ тебѣ! не за квартиру платить — и безъ платы милости просимъ! И чайку попить, и покушать—все, чего тебѣ вздумается, все будетъ!

— Да вѣдь мнѣ, дядя, необходимо! отпрашивалась Аннинька.

— Тебѣ не сидится, а я лошадокъ не дамъ! шутилъ Іудушка:—не дамъ лошадокъ, и сиди у меня въ плѣну! Вотъ недѣля пройдетъ—ни слова не скажу! Отстоимъ обѣденку, поѣдемъ на дорожку, чайку попьемъ, побесѣдуемъ... Наглядимся другъ на друга — и съ Богомъ! Да вотъ что̀! не съѣздить ли тебѣ опять на могилку въ Воплино? Все бы съ бабушкой простилась — можетъ, покойница и благой бы совѣтъ тебѣ подала!

— Пожалуй! согласилась Аннинька.

— Такъ мы вотъ какъ сдѣлаемъ: въ среду, раненько здѣсь обѣденку отслушаемъ, да на дорожку пообѣдаемъ, а потомъ мои лошадки довезутъ тебя до Погорѣлки, а оттуда до Дворикова ужь на своихъ, на погорѣлковскихъ лошадкахъ поѣдешь. Сама помѣщица! свои лошадки есть!

Приходилось смириться. Пошлость имѣетъ громадную силу; она всегда застаетъ человѣка врасплохъ, и, въ то время, какъ онъ удивляется и осматривается, она быстро опутываетъ его и забираетъ въ свои тиски. Всякому, вѣроятно, случалось, проходя мимо клоаки, нетолько зажимать носъ, но и стараться не дышать; точно такое же насиліе долженъ дѣлать надъ собой человѣкъ, когда вступаетъ въ область, насыщенную празднословіемъ и пошлостью. Онъ долженъ притупить въ себѣ зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ; долженъ побѣдить всякую воспріимчивость, одеревенѣть. Только тогда міазмы пошлости не задушатъ его. Аннинька поняла это, хотя и поздно; во всякомъ случаѣ, она рѣшилась предоставить дѣло своего освобожденія изъ Головлева естественному ходу вещей. Іудушка до того побѣдилъ ее непреоборимостью своего празднословія, что она не смѣла даже уклониться, когда онъ обнималъ ее и по родственному гладилъ по спинѣ, приговаривая: вотъ теперь ты—паинька! Она невольно каждый разъ вздрагивала, когда чувствовала, что костлявая и слегка трепещущая рука его ползетъ по ея спинѣ, но

отъ дальнѣйшихъ выраженій гадливости ее удерживала мысль: Господи! хоть бы черезъ недѣлю-то отпустилъ! Къ счастію для нея, Іудушка былъ малый не брезгливый, и хотя, быть можетъ, замѣчалъ ея нетерпѣливыя движенія, но помалчивалъ. Очевидно, онъ придерживался той теоріи взаимныхъ отношеній половъ, которая выражается пословицей: люби не люби да почаще взглядывай!

Наконецъ, наступилъ нетерпѣливо-ожиданный день отъѣзда. Аннинька поднялась чуть не въ шесть часовъ утра, но Іудушка все-таки предупредилъ ее. Онъ уже совершилъ обычное молитвенное стояніе и, въ ожиданіи перваго удара церковнаго колокола, въ туфляхъ и халатномъ сюртукѣ, слонялся по комнатамъ, заглядывалъ, подслушивалъ и проч. Очевидно, онъ былъ ажитированъ и, при встрѣчѣ съ Аннинькой, какъ-то искоса взглянулъ на нее. На дворѣ уже было совсѣмъ свѣтло, но время стояло скверное. Все небо было покрыто сплошными темными облаками, изъ которыхъ сыпалась весенняя изморозь—не то дождь, не то снѣгъ; на почернѣвшей дорогѣ посёлка виднѣлись лужи, предвѣщавшія зажоры въ полѣ; сильный вѣтеръ дулъ съ юга, обѣщая гнилую оттепель; деревья обнажились отъ снѣга и безпорядочно покачивали изъ стороны въ стороны своими намокшими голыми вершинами; господскія службы почернѣли и словно ослизли. Порфирій Владиміричъ подвелъ Анниньку къ окну и указалъ рукой на картину весенняго возрожденія.

— Ужь ѣхать ли полно? спросилъ онъ:—не остаться ли?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! испуганно вскрикнула она:—это... это... пройдетъ!

— Врядъ ли. Ежели ты въ часъ выѣдешь, то врядъ ли раньше семи до Погорѣлки доѣдешь. А ночью развѣ можно въ теперешнюю ростепель ѣхать—все равно, придется въ Погорѣлкѣ ночевать.

— Ахъ, нѣтъ! я и ночью, я сейчасъ же поѣду... я вѣдь, дядя, храбрая! да и зачѣмъ же дожидаться до часу? Дядя! голубчикъ! позвольте мнѣ теперь уѣхать!

— А бабенька что̀ скажетъ? Скажетъ: вотъ такъ внучка! пріѣхала, попрыгала и даже благословиться у меня не захотѣла!

Порфирій Владиміричъ остановился, и замолчалъ. Нѣкоторое время онъ семенилъ ногами на одномъ мѣстѣ и то взглядывалъ на Анниньку, то опускалъ глаза. Очевидно, онъ рѣшался и не рѣшался что̀-то высказать.

— Постой-ка, я тебѣ что̀-то покажу! наконецъ, рѣшился онъ и, вынувъ изъ кармана свернутый листокъ почтовой бумаги, подалъ его Аннинькѣ:—натко, прочти!

Аннинька прочла:

«Сегодня я молился и просилъ боженьку, чтобъ онъ оставилъ мнѣ мою Анниньку. И боженька мнѣ сказалъ: возьми Анниньку за полненькую тальицу и прижми ее къ своему сердцу».

— Такъ, что̀ ли? спросилъ онъ, слегка поблѣднѣвъ.

— Фу, дядя! какія гадости! отвѣтила она, растерянно смотря на него.

Порфирій Владимірычъ поблѣднѣлъ еще больше и, произнеся сквозь зубы: «видно, гусаровъ намъ нужно!», перекрестился и, шаркая туфлями, вышелъ изъ комнаты.

Черезъ четверть часа, онъ, однакожь, возвратился какъ ни въ чемъ не бывало и ужь шутилъ съ Аннинькой.

— Такъ ка̀къ же? говорилъ онъ: — въ Воплино отсюда заѣдешь? съ старушкой, бабенькой, проститься хочешь? простись! простись, мой другъ! Это ты хорошее дѣло затѣяла, что про бабеньку вспомнила! Никогда не нужно родныхъ забывать, а особливо такихъ родныхъ, которые, можно сказать, душу за насъ полагали!

Отслушали обѣдню съ панихидой, поѣли въ церкви кутьи, потомъ домой пріѣхали, опять кутьи поѣли и сѣли за чай. Порфирій Владимірычъ, словно на зло, медленнѣе обыкновеннаго прихлёбывалъ чай изъ стакана и мучительно растягивалъ слова̀, разглагольствуя въ промежуткѣ двухъ глотковъ. Къ десяти часамъ, однакожь, чай кончился, и Аннинька взмолилась.

— Дядя! теперь мнѣ можно ѣхать?

— А покушать? отобѣдать-то на дорожку? Неужто-жь ты думала, что дядя такъ тебя и отпуститъ! Это—безъ хлѣба-соли! И ни-ни! и не думай! Этого и въ заводѣ въ Головлевѣ не бывало! Да маменька-покойница на глаза бы меня къ себѣ не пустила, еслибъ знала, что я родную племяннушку безъ хлѣба-соли въ дорогу отпустилъ! И не думай этого! и не воображай! Ахъ-ахъ-ахъ, какіе пустяки тебѣ въ голову пришли!

Опять пришлось смиряться. Прошло, однакожь, полтора часа, а на столъ и не думали накрывать. Всѣ разбрелись; Евпраксеюшка, гремя ключами, мелькала на дворѣ, между кладовой и погребомъ; Порфирій Петровичъ толковалъ съ прикащикомъ, изнуряя его безпутными приказаніями, хлопая себя по ляшкамъ, вообще, ухищряясь какъ-нибудь затянуть время. Аннинька ходила одна взадъ и впередъ по столовой, поглядывая на часы, считая свои шаги, а потомъ секунды: разъ, два, три... По временамъ, она смотрѣла на улицу и убѣдилась, что лужи дѣлаются все больше и больше.

Наконецъ, застучали ложки, ножи, тарелки; лакей Степанъ пришелъ въ столовую и кинулъ скатерть на столъ. Но, казалось, частица праха, наполнявшаго Іудушку, перешла и въ него. Еле-еле онъ передвигалъ тарелками, дулъ въ стаканы, смотрѣлъ черезъ нихъ на свѣтъ. Ровно въ часъ сѣли за столъ.

— Вотъ ты и ѣдешь! началъ Порфирій Владимірычъ разговоръ, приличествующій проводамъ.

Передъ нимъ стояла тарелка съ супомъ, но онъ не прикасался къ ней и до того умильно смотрѣлъ на Анниньку, что даже кончикъ носа у него покраснѣлъ. Аннинька торопливо глотала ложку за ложкой.

— Ахъ, какъ ты скоро ѣшь! продолжалъ онъ, покачивая головой:—уѣхать, видно, поскорѣе хочется, скучно съ старикомъ дядей въ деревнѣ лишній часокъ побыть! Что̀-жь, другъ мой, извини! чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! И при папенькѣ покойномъ, въ Головлевѣ, баловъ не бывало, и маменька — дай Богъ ей царство небесное!—ихъ не жаловала, а я такъ и терпѣть не могу!

Онъ взялся за ложку и ужь совсѣмъ-было погрузилъ ее въ супъ, но сейчасъ же опять положилъ на столъ.

— Ужь ты меня, старика, прости! зудилъ онъ:—ты, вотъ, на почтовыхъ супъ скушала, а я — на долгихъ ѣмъ. Не люблю я съ Божьимъ даромъ небрежно обращаться. Намъ хлѣбъ для поддержанія существованія нашего данъ, а мы его зря разбрасываемъ — видишь, ты сколько накрошила? Да и вообще, я все люблю основательно да осмотрѣвшись дѣлать—крѣпче выходитъ. Можетъ быть, тебя это сердитъ, что я за столомъ черезъ обручъ—или какъ это тамъ у васъ называется — не прыгаю; ну, да что̀-жь дѣлать! и посердись, ежели тебѣ такъ хочется! Посердишься, посердишься да и простишь! И ты не все молода будешь, не все черезъ обручи будешь скакать, и въ тебѣ когда-нибудь опытцу прибавится—вотъ тогда ты и скажешь: а дядя-то, пожалуй, правъ былъ! Такъ-то, мой другъ. Не торопясь, да Богу помолясь—лучше. Теперь, можетъ быть, ты слушаешь меня да думаешь: фяка дядя! старый ворчунъ дядя! А какъ поживешь съ мое—другое запоешь, скажешь: пай дядя! добру меня училъ!

Порфирій Владимірычъ перекрестился и проглотилъ двѣ ложки супу. Сдѣлавши это, онъ опять положилъ ложку въ тарелку и опрокинулся на спинку стула въ знакъ предстоящаго разговора.

— Извергъ! кровопійца! такъ и вертѣлось на языкѣ у Аннинь-

ки. Но она сдержалась, быстро налила себѣ стаканъ воды и залпомъ его выпила. Іудушка словно нюхомъ отгадывалъ, что̀ въ ней происходитъ.

— Что̀! не нравится!—что̀-жъ, хоть и не нравится, а ты все-таки дядю послушай! Вотъ я ужь давно съ тобой насчетъ этой твоей поспѣшности поговорить хотѣлъ, да все недосужно было. Не люблю я въ тебѣ эту поспѣшность, легкомысліе въ ней видно какое-то, неразсудительность. Вотъ, и въ ту пору вы зря отъ бабушки уѣхали — и огорчить старушку не посовѣстились! — а зачѣмъ?

— Ахъ, дядя! зачѣмъ объ этомъ вспоминаете! вѣдь, это ужь сдѣлано! Съ вашей стороны это даже не хорошо!

— Постой! я не объ томъ, хорошо или не хорошо, а объ томъ, что, хотя дѣло и сдѣлано, но вѣдь его и передѣлать можно. Нетолько мы грѣшные, а и Богъ свои дѣйствія перемѣняетъ: сегодня пошлетъ дождичка, а завтра — вёдрышка дастъ! А! нутко! вѣдь не богъ же знаетъ, какое сокровище—театръ! Нутко! рѣшись-ка!

— Нѣтъ, дядя! оставьте это! прошу васъ!

— А еще тебѣ вотъ что̀ скажу: не хорошо въ тебѣ твое легкомысліе, но еще больше мнѣ не нравится то, что ты такъ легко къ замѣчаніямъ старшихъ относишься. Дядя добра тебѣ желаетъ, а ты говоришь: оставьте! Дядя къ тебѣ съ лаской да съ привѣтомъ, а ты на него фыркаешь! А между тѣмъ, знаешь ли ты, кто тебѣ дядю далъ? Ну-ко скажи, кто тебѣ дядю далъ?

Аннинька взглянула на него съ недоумѣніемъ.

— Богъ тебѣ дядю далъ—вотъ кто! Богъ! Кабы не Богъ, была бы ты теперь одна, не знала бы, ка̀къ съ собою поступить и какую просьбу подать, и куда подать, и чего на эту просьбу ожидать. Была бы ты въ лѣсу; одинъ бы тебя обидѣлъ, другой бы обманулъ, а третій и просто-на-просто посмѣялся бы надъ тобой! А какъ дядя-то у тебя есть, такъ мы, съ Божьей помощью, въ одинъ день все твое дѣло вокругъ пальца повернули. И въ городъ съѣздили, и въ опекѣ побывали, и просьбу подали, и резолюцію получили! Такъ вотъ оно, мой другъ, что̀ дядя-то значитъ!

— Да я и благодарна вамъ, дядя!

— А коли благодарна дядѣ, такъ не фыркай на него, а слушайся. Добра тебѣ дядя желаетъ, хоть иногда тебѣ и кажется...

Аннинька едва могла владѣть собой. Оставалось еще одно средство отдѣлаться отъ дядиныхъ поученій: притвориться, что она, хоть въ принципѣ, принимаетъ его предложеніе остаться въ Головлевѣ.

— Хорошо, дядя, сказала она:—я подумаю. Я сама понимаю, что жить одной, вдали отъ родныхъ, несовсѣмъ удобно... Но, во всякомъ случаѣ, теперь я рѣшиться ни на что̀ не могу. Надо подумать.

— Ну видишь ли, вотъ ты и поняла. Да чего же тутъ думать! Велимъ лошадей распречь, чемоданы твои изъ кибитки вынуть—вотъ, и думанье все!

— Нѣтъ, дядя, вы забываете, что у меня есть сестра!

Неизвѣстно, убѣдилъ ли этотъ аргументъ Порфирія Владимірыча, или вся сцена эта была ведена имъ только для приличу и онъ самъ хорошенько не зналъ, точно ли ему нужно, чтобъ Аннинька осталась въ Головлевѣ, или совсѣмъ это не нужно, а просто блажь въ голову на минуту забрела. Но, во всякомъ случаѣ, обѣдъ послѣ этого пошелъ поживѣе. Аннинька со всѣмъ соглашалась, на все давала такіе отвѣты, которые не допускали никакой придирки для пустословія. Тѣмъ не менѣе, часы показывали ужь половину третьяго, когда обѣдъ кончился. Аннинька выскочила изъ-за стола, словно все время въ паровой ваннѣ высидѣла, и подбѣжала къ дядѣ, чтобъ попрощаться съ нимъ.

— Погоди! остановилъ онъ ее строго:—сперва дай Богу помолиться, а потомъ и за обѣдъ благодари!

Помолились Богу, поцѣловались, а Іудушка все еще не выказывалъ намѣренія разстаться съ милой племяннушкой.

— Посидимъ, какъ добрымъ людямъ слѣдуетъ, да побесѣдуемъ, да Богу помолимся—и въ путь!

Пошли въ образну̀ю, сѣли.

— И куда только ты ѣдешь? какую пользу для себя пріобрѣтешь? бесѣдовалъ Порфирій Владимірычъ.

— Право, дядя, иначе не могу. Я сказала вамъ, что пріѣду... ну, ей-Богу, пріѣду! увѣряла Аннинька.

— А не то, осталась бы! право, осталась бы! стой, я велю лошадей распречь!

— А сестра же ка̀къ?

— Сестрѣ и написать можно... добро! оставайся! оставайся!

— Письмо сестру не убѣдитъ. Непремѣнно я должна лично переговорить съ нею. Нѣтъ, ужь вы отпустите меня!

— Отпустите да отпустите — заладила одно! Ты говори: пріѣдешь ли?

— Пріѣду... ну, право, пріѣду!

— Честное слово?

— Честное слово. Прощайте, дядя!

— Ну, нѐчего съ тобой дѣлать—ступай! Такъ смотри же, воз-

вращайся! Не обмани дядю, не хорошо дядю обманывать. До лѣта оканчивай дѣла̀, а къ лѣту пріѣзжай! Вмѣстѣ грибы поѣдемъ въ лѣсъ сбирать!

— Пріѣду, пріѣду, дядя! прощайте!

На этотъ разъ Аннинька рѣшилась во что̀ бы то ни стало покончить. Она расцѣловала дяденьку, простилась съ Евпраксеюшкой, и, хотя Порфирій Владиміромъ предлагалъ ей и еще посидѣть, но она притворилась, что не слышитъ, и убѣжала въ переднюю.

Іудушка, въ шубѣ и въ медвѣжьихъ сапогахъ, проводилъ ее на крыльцо и самолично наблюдалъ, ка̀къ усаживали барышню въ кибитку.

— Съ горы-то полегче—слышишь! Да и въ Сенькинѣ на косогорѣ—смотри, не вывали! приказывалъ онъ кучеру.

Наконецъ, Анниньку укутали, усадили и застегнули фартукъ у кибитки.

— А то бы осталась! еще разъ крикнулъ ей Іудушка, желая, чтобъ и при собравшихся челядинцахъ все обошлось какъ слѣдуетъ, по родственному. — По крайней мѣрѣ, пріѣдешь, что̀ ли? говори!

Но Аннинька чувствовала себя уже свободною, и ей вдругъ захотѣлось пошкольничать. Она высунулась изъ кибитки и, отчеканивая каждое слово, отвѣчала:

— Нѣтъ, дядя, не пріѣду! Страшно съ вами!

Іудушка сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, но губы у него побѣлѣли.

Освобожденіе изъ головлевскаго плѣна до такой степени обрадовало Анниньку, что она ни разу даже не остановилась на мысли, что позади ея, въ безсрочномъ плѣну, остается человѣкъ, для котораго, съ ея отъѣздомъ, порвалась всякая связь съ міромъ живыхъ. Она думала только объ себѣ: что она вырвалась, и что теперь ей хорошо. Вліяніе этого ощущенія свободы было такъ сильно, что, когда она вновь посѣтила воплинское кладбище, то въ ней уже не замѣчалось и слѣда той нервной чувствительности, которую она обнаружила при первомъ посѣщеніи бабушкиной могилы. Спокойно отслушала она панихиду, безъ слезъ поклонилась могилѣ и довольно охотно приняла предложеніе священника откушать у него въ хатѣ чашку чая.

Обстановка, въ которой жилъ воплинскій батюшка, была очень

убогая. Въ единственной чистой комнатѣ дома, которая служила пріемною, царствовала какая-то унылая нагота; по стѣнамъ было разставлено съ дюжину крашенныхъ стульевъ, обитыхъ волосяной матеріей, мѣстами значительно продранной, и стоялъ такой же диванъ съ выпяченной внутрь спинкой, словно грудь у генерала дореформенной школы; въ одномъ изъ простѣнковъ виднѣлся простой столъ, покрытый загаженнымъ сукномъ, на которомъ лежали метрики и исповѣдныя книги прихода, и изъ-за нихъ выглядывала чернильница съ воткнутымъ въ нее перомъ; въ восточномъ углу висѣлъ кіотъ съ родительскимъ благословеніемъ и съ зажженною лампадкой; подъ нимъ стояли два сундука съ матушкинымъ приданнымъ, покрытые сѣрымъ выцвѣтшимъ сукномъ. Обоевъ на стѣнахъ не было; посрединѣ одной стѣны висѣло нѣсколько полинявшихъ дагерротипныхъ портретовъ преосвященныхъ. Въ комнатѣ пахло какъ-то странно, словно она издавна служила кладбищемъ для мухъ. Самъ священникъ, хотя человѣкъ еще молодой, значительно потускнѣлъ въ этой обстановкѣ. Жидкіе, бѣловатые волосы повисли на его головѣ прямыми прядями, какъ вѣтви на плакучей ивѣ; глаза, когда-то голубые, смотрѣли убито; голосъ вздрагивалъ, бородка обострилась; шалоновая ряска худо запахивалась спереди и висѣла какъ на вѣшалкѣ. Попадья, женщина тоже молодая, отъ ежегодныхъ родовъ казалась еще болѣе изнуренною, нежели мужъ.

Тѣмъ не менѣе, Аннинька не могла не замѣтить, что даже эти забитые, изнуренные и бѣдные люди относятся къ ней не такъ, какъ къ настоящей прихожанкѣ, а скорѣе съ сожалѣніемъ, какъ къ заблудшей овцѣ.

— У дяденьки побывали? началъ батюшка, осторожно принимая чашку чая съ подноса у попадьи.

— Дà, почти съ недѣлю прожила.

— Теперь Порфирій Владиміричъ главный помѣщикъ по всей нашей окрўгѣ сдѣлались—нѣтъ ихъ сильнѣе. Только удачи имъ въ жизни какъ будто не видится. Сперва одинъ сынъ померъ, потомъ и другой, а наконецъ, и родительница. Удивительно, кàкъ это они васъ не упросили въ Головлевѣ поселиться.

— Дядя предлагалъ, да я сама не осталась.

— Чтò-жь такъ?

— Да лучше какъ на свободѣ живешь.

— Свобода, сударыня, конечно—дѣло нехудое, но и она не безъ опасностей бываетъ. А ежели при этомъ имѣть въ предметѣ, что вы Порфирію Владиміричу ближайшей родственницей,

а слѣдственно, и прямой всѣхъ его имѣній наслѣдницей приходитесь, то можно бы, мнится, насчетъ свободы нѣсколько и постѣснить себя.

— Нѣтъ, батюшка, свой хлѣбъ лучше. Какъ то легче живется, какъ чувствуешь, что никому не обязанъ.

Батюшка тускло взглянулъ на нее, какъ будто хотѣлъ спросить: да ты полно знаешь ли доподлинно, что̀ такое «свой хлѣбъ» значитъ? но посовѣстился и только робко запахнулъ полы своей ряски.

— А много ли вы жалованья въ актрисахъ-то получаете? вступила въ разговоръ попадья.

Батюшка окончательно обробѣлъ и даже заморгалъ въ сторону попадьи. Онъ такъ и ждалъ, что Анниныка обидится. Но Аннинька не обидѣлась и безъ всякой ужимки отвѣтила:

— Я получаю полтораста рублей въ мѣсяцъ, а сестра — сто. Да бенефисы намъ даются. Въ годъ-то тысячъ шесть обѣ получимъ.

— Что̀-жь такъ сестрицѣ меньше даютъ? достоинствомъ, что̀-ли, хуже? продолжала любопытствовать матушка.

— Нѣтъ, а жанръ у сестры другой. У меня голосъ есть, я пою — это публикѣ больше нравится, а у сестры голосъ послабѣе—она въ водевилихъ играетъ.

— Стало быть, и тамъ тоже: кто попомъ, кто̀ дьякономъ, а кто и въ дьячкахъ служитъ.

— Впрочемъ, мы поровну дѣлимся; у насъ сначала такъ было условлено, чтобъ деньги пополамъ дѣлить.

— По родственному? Чего же лучше, коли по родственному? А сколько это, попъ, будетъ? шесть тысячъ рублей, ежели на мѣсяца̀ раздѣлить, сколько это будетъ?

— По пятисотъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, а на двухъ раздѣлить—по двѣсти по пятидесяти будетъ.

— Вона что̀ денегъ-то! Намъ бы и въ годъ не прожить. А что̀ я еще хотѣла васъ спросить: правда-ли, что съ актрисами обращаются, словно бы онѣ — не настоящія женщины?

Попъ совсѣмъ было всполошился и даже полы рясы распустилъ; но увидѣвъ, что Аннинька относится къ вопросу довольно равнодушно, подумалъ: «Эге! да ее, видно, и въ самомъ дѣлѣ не прошибешь!»—и успокоился.

— То есть, ка̀къ же это: не настоящія женщины? спросила Аннинька.

— Ну, да вотъ будто цѣлуютъ ихъ, обнимаютъ, что̀-ли... Даже будто, когда и не хочется, и тогда онѣ должны...

— Не цѣлуютъ, а дѣлаютъ видъ, что цѣлуютъ. А объ томъ, хочется или не хочется—объ этомъ и рѣчи въ этихъ случаяхъ не можетъ быть, потому что все дѣлается по пьесѣ: какъ въ пьесѣ написано, такъ и поступаютъ.

— Хоть и по пьесѣ, а все-таки... Иной съ слюнявымъ рыломъ лѣзетъ, на него и глядѣть-то претитъ, а ты губы ему подставлять должна.

Аннинька невольно заалѣлась; въ воображеніи ея вдругъ промелькнуло слюнявое лицо храбраго ротмистра Папкова, которое именно «лѣзло».

— Вы совсѣмъ не такъ представляете себѣ, какъ на сценѣ происходитъ! сказала она довольно сухо.

— Конечно, мы въ театрахъ не бывали, а все-таки, чай, со всячинкой тамъ бываетъ. Частенько-таки мы съ попомъ объ васъ, барышня, разговариваемъ; жалѣемъ мы васъ, даже очень жалѣемъ.

Аннинька молчала; священникъ сидѣлъ и пощипывалъ бороду, словно рѣшался и самъ сказать свое слово.

— Впрочемъ, сударыня, и во всякомъ званіи и пріятности, и непріятности бываютъ, наконецъ, высказалъ онъ:—но человѣкъ, по слабости своей, первыми восхищается, а послѣднія старается позабыть, дабы и сего послѣдняго напоминовенія о долгѣ и добродѣтельной жизни, по возможности, не имѣть передъ глазами.

И потомъ, вздохнувъ, присовокупилъ:

— А главное, сударыня, сокровище свое надлежитъ соблюсти!

Батюшка учительно взглянулъ на Анниньку; матушка уныло покачала головой, какъ бы говоря: гдѣ ужъ!

— И вотъ это-то сокровище, мнится, въ актерскомъ званіи соблюсти — дѣло довольно сумнительное! продолжалъ батюшка.

Аннинька не знала, что̀ сказать на эти слова̀. Мало по малу, ей начинало казаться что разговоръ этихъ простодушныхъ людей о «сокровищѣ» совершенно одинаковаго достоинства съ разговорами господъ офицеровъ «расквартированнаго въ здѣшнемъ городѣ полка» объ «la chose». Вообще же, она убѣдилась, что и здѣсь, какъ у дяденьки, видятъ въ ней явленіе совсѣмъ особенное, къ которому хотя и можно отнестись снисходительно, но въ нѣкоторомъ отдаленіи, дабы «не замараться».

— Отчего у васъ, батюшка, церковь такая бѣдная? спросила она, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Нѐ съ чего ей богатой быть—отъ того и бѣдна. Помѣщики всѣ по службамъ разъѣхались, а мужичкамъ поднять нѐ изъчего. Да ихъ и всѣхъ-то съ небольшимъ двѣсти душъ въ приходѣ!

— Вотъ колоколъ у насъ черезъ чуръ ужь плохъ! вздохнула матушка.

— И колоколъ, и прочее все. Колоколъ-то у насъ, сударыня, всего пятнадцать пудовъ вѣситъ, да и тотъ, на грѣхъ, раскололся. Не звонитъ, а шумитъ какъ-то — даже предосудительно. Покойница Арина Петровна пообѣщалась-было новый соорудить, и ежели была бы жива, то и мы, всеконечно, были бы теперь при колоколѣ.

— Вы бы дядѣ сказали, что бабушка обѣщала!

— Говорилъ, сударыня. Ну, и онъ, надо правду сказать, довольно-таки благосклонно докуку мою выслушалъ. Только отвѣта удовлетворительнаго не могъ мнѣ дать: не слыхалъ, вишь, отъ маменьки ничего! никогда, вишь, покойница объ этомъ ему не говаривала! А ежели бы, дескать, слышалъ, то безпремѣнно бы волю ея исполнилъ!

— Когда, чай, не слыхать! молвила попадья: — вся округа знаетъ, а онъ не слыхалъ!

— Вотъ, мы и живемъ такимъ родомъ. Прежде, хоть въ надеждѣ были, а ныньче и совсѣмъ безъ надежды остаемся. Иногда служить нѐ на чемъ: ни просвиръ, ни краснаго вина. А объ себѣ ужь и не говоримъ.

Аннинька хотѣла встать и проститься, но на столѣ появился новый подносъ, на которомъ стояли двѣ тарелки, одна съ рыжиками, другая съ кусочками икры, и бутылка мадеры.

— Посидите! не обезсудьте! откушайте!

Аннинька повиновалась, нàскоро проглотила два рыжичка, но отказалась отъ мадеры.

— Вотъ объ чемъ я еще хотѣла васъ спросить, говорила, между тѣмъ, попадья:—въ приходѣ у насъ дѣвушка одна есть, лыщевскаго двороваго дочка; такъ она въ Петербургѣ у одной актрисы въ услуженьи была. Хорошо, говоритъ, въ актрисахъ житье, только билетъ каждый мѣсяцъ выправлять надо... правда-ли это?

Аннинька смотрѣла во всѣ глаза и не понимала.

— Это для свободности, пояснилъ батюшка: — а, впрочемъ, думается, что она неправду говоритъ. Напротивъ, я слышалъ, что многія актрисы даже пенсіи отъ казны за службу свою удостоиваются.

Анниринька убѣдилась, что, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и стала окончательно прощаться.

— А мы-было думали, что вы теперь изъ актрисъ-то выйдете? продолжала приставать попадья.

— Зачѣмъ же?

— Все-таки. Вы—барышня. Теперь, совершенныя лѣта получили, имѣніе свое есть—чего лучше!

— Ну, и послѣ дяденьки вы же—прямая наслѣдница, присовокупилъ батюшка.

— Нѣтъ, я здѣсь жить не буду.

— А мы-то кàкъ надѣялись! Все промежду себя говорили: непремѣнно наши барышни въ Погорѣлкѣ жить будутъ! А лѣтомъ у насъ здѣсь даже очень хорошо: въ лѣсъ по грибы ходить можно! соблазняла матушка.

— У насъ грибовъ даже и не въ дождливое лѣто—очень довольно! вторилъ ей батюшка.

Наконецъ, Аннинька уѣхала. По пріѣздѣ въ Погорѣлку, первымъ ея словомъ было: лошадей! пожалуйста, поскорѣе лошадей! Но Ѳедулычъ только плечами передернулъ въ отвѣтъ на эту просьбу.

— Чего «лошадей!» Мы еще и не кормили ихъ! брюзжалъ онъ.

— Да отчего-жъ, наконецъ? Ахъ, Боже мой! точно всѣ сговорились!

— Сговорились и есть. Кàкъ не сговориться, коли всякому видимо, что въ ростепель ночью ѣхать нельзя. Все равно въ полѣ, въ зажорѣ просидите — такъ, по нашему, лучше ужь дома!

Бабенькины аппартаменты были вытоплены. Въ спальной стояла совсѣмъ приготовленная постель, а на письменномъ столѣ пыхтѣлъ самоваръ; Афимьюшка оскребала на днѣ старинной бабенькиной шкатулочки остатки чая, сохранившіеся послѣ Арины Петровны. Покуда настаивался чай, Ѳедулычъ, скрестивши руки, лицомъ къ барышнѣ, держался у двери, а по обѣимъ сторонамъ стояли скотница и Марковна въ такихъ позахъ, какъ будто сейчасъ, по первому манію руки, готовы были бѣжать куда глаза глядятъ.

— Чай-то еще бабинькинъ, первый началъ разговоръ Ѳедулычъ:—отъ покойницы на донышкѣ остался. Порфирій Владимірычъ и шкатулочку собрались было увезти, да я не согласился. Можетъ быть, барышни, говорю, пріѣдутъ, такъ чайку испить захочется, покуда своимъ разживется. Ну, ничего! еще пошу-

тилъ: ты, говоритъ, старый плутъ, самъ выпьешь! смотри, говоритъ, шкатулочку-то послѣ въ Головлево доставь! Гляди, завтра же за нею пришлетъ!

— Напрасно вы ему тогда не отдали.

— Зачѣмъ отдавать—у него своего чаю много. А теперь, по крайности, мы послѣ васъ попьемъ. Да вотъ что̀, барышня: вы насъ Порфирію Владиміричу, что̀-ли, припоручите?

— И не думала.

— Такъ-съ. А мы было давеча бунтовать собрались. Коли ежели, думаемъ, насъ къ головлевскому барину подъ начало отдадутъ, такъ всѣ въ отставку проситься будемъ.

— Что̀ такъ? неужто дядя такъ страшенъ?

— Не очень страшенъ, а тиранитъ, словъ не жалѣетъ. Словами-то онъ сгноить человѣка можетъ.

Аннинька невольно улыбнулась. Именно гной какой-то просачивался сквозь разглагольствія Іудушки! Не простое пустословіе это было, а язва смердящая, которая непрестанно точила изъ себя гной.

— Ну, а съ собой-то вы ка̀къ же, барышня, рѣшили? продолжалъ допытываться Ѳедулычъ.

— То есть, что̀ же я должна съ собой «рѣшить»? слегка смѣшалась Аннинька, предчувствуя, что ей и здѣсь придется выдержать разглагольствія о «сокровищѣ».

— Такъ неужто же вы изъ актерокъ не выйдете?

— Нѣтъ... то есть, я еще объ этомъ не думала... Но что̀ же дурного въ томъ, что я, какъ могу, свой хлѣбъ достаю̀?

— Что̀ хорошаго! по ярмаркамъ съ торбаномъ ѣздить! пьяницъ утѣшать! Чай, вы—барышня?

Аннинька ничего не отвѣтила, только брови насупила. Въ головѣ ея мучительно стучалъ вопросъ: Господи! да когда же я отсюда уѣду!

— Разумѣется, вамъ лучше знать, какъ надъ собой поступить, а только мы-было думали, что вы къ намъ возворотитесь. Домъ у насъ теплый, просторный—хоть въ горѣлки играй! очень хорошо покойница-бабенька его устроила. Скучно сдѣлалось — санки запряжемъ, а лѣтомъ—въ лѣсъ по грибы ходить можно.

— У насъ здѣсь всякіе грибы есть: и рыжички, и волнушечки, и груздочки, и подосиннички—страсть сколько! соблазнительно прошамкала Афимьюшка.

Аннинька облокотилась обѣими руками на столъ и старалась не слушать.

— Сказывала тутъ дѣвка одна, безчеловѣчно настаивалъ Ѳе-

дулычъ:—въ Петербургѣ она въ услуженьи жила, такъ говорила, будто всѣ ахтёрки—белетныя. Каждый мѣсяцъ должны въ части белетъ представлять!

Анниньку словно обожгло: цѣлый день она все эти слова̀ слышитъ.

— Өедулычъ! съ крикомъ вырвалось у нея: — неужели вамъ доставляетъ удовольствіе оскорблять меня?

Съ нея было довольно. Она чувствовала, что ее душитъ, что еще одно слово—и она не выдержитъ...

Н. Щедринъ.

ЖАКЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ НРАВЫ.

Альфонса Додэ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IV.

Литературный вечеръ въ гимназіи Моронваль.

Дѣти—какъ взрослые: чужой опытъ не служитъ имъ въ пользу. Хотя исторія Маду-Гезо навела страхъ на Жака, но у него осталось о ней блѣдное воспоминаніе, какъ объ ужасной бурѣ или кровавомъ сраженіи, видѣнномъ въ діорамѣ. Первые мѣсяцы его пребыванія въ гимназіи прошли такъ пріятно; всѣ были къ нему такъ ласковы, такъ предупредительны, и онъ совсѣмъ позабылъ, что дебюты несчастнаго Маду были точно также блистательны.

За обѣдомъ онъ занималъ первое мѣсто, рядомъ съ Моронвалемъ, пилъ вино, участвовалъ въ дессертѣ, между тѣмъ какъ другія дѣти, едва только появлялись фрукты и пирожки, мгновенно вскакивали изъ-за стола, словно въ негодованіи и должны были довольствоваться какимъ-то страннымъ, желтоватымъ напиткомъ, нарочно для нихъ составленнымъ докторомъ Гиршемъ и носившимъ названіе «шиповника». Этотъ знаменитый ученый, финансы котораго, судя по его виду, находились въ плачевномъ состояніи, каждый день обѣдалъ въ пансіонѣ Моронваля. Онъ оживлялъ обѣдъ безконечными разсказами о разныхъ хирургическихъ операціяхъ; описаніями какихъ-то необычайныхъ болѣзней, почерпнутыми изъ многочисленныхъ книжекъ, прочтенныхъ имъ; кромѣ того, онъ посвящалъ своихъ собесѣдниковъ въ цифру смертности, сообщалъ имъ о господствующей

эпидеміи; и если въ какой-нибудь отдаленной странѣ земнаго шара появлялась чума или проказа, онъ зналъ это раньше всѣхъ газетъ и, самодовольно констатируя новость, съ угрожающимъ видомъ покачивалъ головой, какъ бы говоря: «Берегитесь, если доберется до васъ!» Впрочемъ, это былъ прелюбезный человѣкъ, имѣвшій, какъ застольный сосѣдъ, только два не совсѣмъ пріятныя свойства: во-первыхъ, близорукость, вслѣдствіе которой онъ дѣлалъ разные промахи, и потомъ манію беспрестанно примѣшивать къ вашему кушанью или къ вашему питью, то щепотку, то каплю чего-то—порошка или жидкости—заключавшагося въ микроскопической коробочкѣ или въ маленькомъ синемъ пузырькѣ весьма подозрительнаго вида. Эти снадобья часто измѣнялись, потому что докторъ, чуть не каждую недѣлю, дѣлалъ новыя научныя открытія. Но вообще — двууглекислая соль, щелочь и мышьякъ (къ счастью, въ безконечно малыхъ дозахъ) составляли главныя основанія этого пользованія посредствомъ пищи.

Жакъ подчинялся этимъ предупредительнымъ мѣрамъ, не смѣя сказать, что щелочь приходится ему не совсѣмъ по вкусу. Отъ времени до времени, приглашались къ обѣду и другіе профессора. Всѣ эти господа пили за здоровье маленькаго Баранси; и нужно было видѣть, какой энтузіазмъ возбуждала его грація, его наивность. Нужно было видѣть, какъ пѣвецъ Лабассендръ, при малѣйшей шуткѣ новичка, заливался хохотомъ, откинувшись назадъ на своемъ стулѣ, утирая глаза кончикомъ салфетки и изо всей силы стуча кулакомъ по столу. Д'Аржантонъ — самъ красивый д'Аржантонъ — прояснялся; безцвѣтная улыбка приводила въ движеніе его большіе усы; его холодные голубые глаза обращались къ ребенку съ высокомѣрнымъ одобреніемъ. Жакъ былъ въ восторгѣ. Онъ не понималъ, не хотѣлъ понять подмигиваній и знаковъ Маду, сновавшаго позади собесѣдниковъ, съ салфеткой на рукѣ и съ тарелкой, всегда у него блестѣвшей.—Маду зналъ цѣну этимъ преувеличеннымъ похваламъ; зналъ всю суету человѣческаго величія! И онъ когда-то сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, и онъ пробовалъ директорское вино съ примѣсью медикаментовъ доктора Гирша. И этотъ кафтанъ съ серебрянными галунами, которымъ такъ гордился Жакъ, только потому былъ ему не совсѣмъ впору, что былъ сшитъ для Маду. Примѣръ этого знаменитаго паденія долженъ бы былъ предохранить маленькаго Баранси отъ гордости. Съ нимъ повторялось тоже самое, что съ Маду. Безпрерывныя рекреаціи, въ которыхъ участвовала вся гимназія для его удовольствія; безсмысленная лесть и только отъ времени до времени уроки г-жи Мо-

ронваль, примѣнявшей свою пресловутую систему. Да и уроки эти не заключали въ себѣ ничего обременительнаго. Карлица была добрѣйшая женщина, имѣвшая лишь тотъ недостатокъ, что она съ какою-то особенною напыщенностью, произносила самыя простыя слова̀. Вмѣсто estomac она говорила эстомакъ; вмѣсто вагона — уагонъ. «Мы встрѣтились въ уагонѣ; я вошла въ уагонъ»; трудно было понять, о чемъ она говоритъ. Что̀ касается до Моронваля, то онъ признавался, что чувствуетъ большую слабость къ своему новому ученику. Онъ навелъ справки о домѣ на бульварѣ Гаусмана и узналъ, что̀ можно извлечь изъ «нашего друга».

Когда г-жа Баранси пріѣзжала видѣться съ Жакомъ, что̀ случалось часто — ее окружали предупредительностью, почтеніемъ; ея безконечная, тщеславная болтовня находила себѣ самыхъ внимательныхъ слушателей. Сначала, г-жа Моронваль, урожденная Дэкостеръ, хотѣла было сохранить нѣкоторое достоинство передъ такой легкой особой; но Мулатъ тотчасъ положилъ этому предѣлъ; и ей, при помощи различныхъ оттѣнковъ, удалось согласовать щекотливость честной женщины съ интересами коммерсантки. «Жакъ! Жакъ! твоя мамаша пріѣхала!» кричали со всѣхъ сторонъ, когда дверь въ пріемную отворялась, и щегольски разодѣтая Ида входила съ коробками конфектъ и пирожковъ въ рукѣ, въ муфтѣ. Это былъ праздникъ для всѣхъ. Лакомилась вся компанія; и сама Ида снимала перчатку съ одной руки,—на которой было болѣе колецъ — для того, чтобы взять свою долю. Она была такъ щедра, деньги такъ скользили у ней между пальцами, что, вмѣстѣ съ конфектами, она привозила всякаго рода подарки, игрушки, бездѣлки, которыми надѣляла окружающихъ. Вы можете себѣ представить, какія плоскія похвалы, какія восклицанія вызывала эта прихотливая щедрость. У одного только Моронваля появлялась на губахъ улыбка сожалѣнія при видѣ богатства, безумно расточаемаго на пустяки, между тѣмъ какъ оно могло бы прійти на помощь какому-нибудь возвышенному уму, какому-нибудь великодушному и обдѣленному судьбой человѣку—въ родѣ него, напримѣръ.

Это была его idée fixe. Восхищаясь Идой, слушая ея исторіи, онъ имѣлъ разсѣянный, озабоченный видъ и грызъ ногти съ лихорадочнымъ волненіемъ заемщика, у котораго просьба готова слетѣть съ языка, но который почти сердится на васъ за то, что вы ее не угадываете.

Давнишней мечтой Моронваля было основать журналъ, посвященный колоніальнымъ интересамъ, удовлетворить свое политическое честолюбіе, правильно напоминая о себѣ своимъ со-

отечественникамъ, и—какъ знать—можетъ быть, попасть въ депутаты. Для начала, журналъ казался ему необходимымъ; потомъ онъ, конечно, могъ бы его оставить. Онъ часто говорилъ объ этомъ съ «неудачниками», и они, разумѣется, подстрекали мулата къ осуществленію его плана. О! еслибъ они могли имѣть свой органъ! Сколько неизданныхъ рукописей хранилось въ этихъ мозгахъ, сколько невыраженныхъ или, лучше сказать, невыразимыхъ идей, которыя, какъ они воображали себѣ, сдѣлаются яснѣе при помощи печатныхъ буквъ!

У Моронваля было тайное предчувствіе, что мать новичка дастъ денегъ на этотъ журналъ; но онъ не хотѣлъ торопиться, опасаясь возбудить въ ней недовѣріе. Нужно было дѣйствовать исподволь; подходить къ ней мало по малу, чтобы умъ ея, довольно ограниченный, имѣлъ время понять. Къ сожалѣнію, самая подвижность г-жи Баранси разстраивала эти комбинаціи. Ида, безъ всякой предвзятой мысли, единственно по своей наивности, отклоняла разговоръ, который вовсе не занималъ ея; она слушала мулата съ улыбкой, съ привѣтливымъ, но разсѣяннымъ взглядомъ, блиставшимъ тѣмъ болѣе, что онъ ни на чемъ не останавливался.

«Еслибъ можно было заставить ее писать?.. думалъ Моронваль и тонко намекалъ ей, что между мадамъ де-Севинье и Жоржъ-Зандомъ оставалось незанятое мѣсто. Но извольте говорить о чемъ-нибудь намёками съ птичкой, которая все время только и дѣлаетъ, что производитъ около себя вѣтеръ, махая своими крыльями!—«Она не далека, моя голубушка!» думалъ онъ послѣ каждаго подобнаго разговора, Не доводами и разсужденіями можно было подѣйствовать на такой птичій мозгъ. Ее нужно было поразить—и Моронваль успѣлъ въ этомъ. Однажды, когда Ида первенствовала въ пріемной, болтая безъ умолку и прибавляя къ именамъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ частичку *де*, г-жа Моронваль-Дэкостеръ застѣнчиво сказала ей: «Г. Моронваль хотѣлъ обратиться къ вамъ съ просьбой, но не смѣетъ...»

— О! говорите, говорите, отвѣчала бѣдная дурочка съ такимъ искреннимъ желаніемъ обязать, что мулату захотѣлось тотчасъ же попросить у ней денегъ на изданіе ревю; но всегда осторожный и хитрый, онъ сдержалъ себя и удовольствовался тѣмъ, что попросилъ г-жу де Баранси удостоить своимъ посѣщеніемъ, въ слѣдующее воскресенье, одно изъ ихъ публичныхъ литературныхъ чтеній. Въ программѣ гимназіи это называлось «сеансомъ выразительнаго чтенія избранныхъ мѣстъ изъ нашихъ лучшихъ поэтовъ и прозаиковъ». Нечего прибавлять, что между

этими послѣдними — д'Аржантонъ и Моронваль фигурировали всегда на первомъ планѣ.

Въ сущности, это было придумано неудачниками, для того, чтобы навязать себя публикѣ при посредствѣ неутомимой и выразительной г-жи Моронваль-Дэкостеръ. Приглашались нѣкоторые друзья и корреспонденты учениковъ. Въ началѣ, эти маленькіе празднества повторялись каждую недѣлю; но съ паденіемъ Маду они стали происходить гораздо рѣже.

И дѣйствительно, несмотря на то, что Моронваль гасилъ по одной свѣчѣ въ канделябрѣ, по уходѣ каждаго гостя, что̀ значительно омрачало конецъ вечера; несмотря на то, что онъ, въ теченіи недѣли, сушилъ на окошкахъ, маленькими кучками, спитой чай и подавалъ его гостямъ въ слѣдующій литературный вечеръ, но расходовъ оказывалось все-таки много. Нельзя было даже разсчитывать на дѣйствіе рекламъ; потому что, вечеромъ, въ часы чтеній, пассажъ Двѣнадцати Домовъ, съ своимъ фонаремъ, походившимъ на единственный глазъ чудовища, не особенно привлекалъ гуляющихъ; самые смѣлые не отваживались проникать за рѣшотку.

Теперь, дѣло было въ томъ, чтобъ придать литературнымъ вечерамъ новый блескъ. Г-жа де-Баранси приняла приглашеніе съ восторгомъ. Мысль, что она можетъ фигурировать, въ качествѣ кого бы то ни было, въ салонѣ замужней женщины и, главное, присутствовать на литературномъ и артистическомъ вечерѣ, льстила ей до чрезвычайности: это ставило ее одной ступенькой выше ея званія и ея неправильной жизни.

Да̀! Этотъ сеансъ выразительнаго чтенія—«первый сеансъ новой серіи»—былъ великолѣпнымъ празднествомъ. «Маленькія знойныя страны» никогда еще не видали такой расточительности. Два цвѣтныхъ фонаря были повѣшены на акаціяхъ — при входѣ; сѣни украсились лампой, и болѣе тридцати свѣчь горѣло въ залѣ, полъ котораго Маду до такой степени навощилъ и натеръ, что это необычайное освѣщеніе отражалось, за отсутствіемъ зеркалъ, въ полу, соединявшемъ въ себѣ вмѣстѣ съ блескомъ и всѣ ихъ скользкія, опасныя свойства. Маду, какъ полотеръ, превзошелъ себя. Я долженъ замѣтить по этому поводу, что Моронваль находился въ колебаніи относительно того, какую роль маленькій негръ долженъ былъ играть на вечерѣ. Слѣдовало ли оставить его лакеемъ, или возвратить ему на одинъ день его титулъ и его прежнее великолѣпіе? Послѣднее было очень соблазнительно... но кто же сталъ бы тогда разносить подносы и возвѣщать гостей?.. Маду, съ своей черной кожей, былъ неоцѣнимъ; да и кѣмъ же замѣнить его? У другихъ учениковъ

были въ Парижѣ корреспонденты, которые, пожалуй, не совсѣмъ бы одобрили подобную систему воспитанія. Покончили на томъ, что вечеръ будетъ лишенъ обаятельнаго присутствія «королевскаго высочества». Съ восьми часовъ, маленькія знойныя страны заняли мѣста на скамейкахъ; и бѣлокурая головка Жака выдѣлялась, какъ звѣздочка на темномъ фонѣ смуглыхъ дѣтскихъ лицъ. Моронваль разослалъ приглашенія множеству лицъ изъ литературнаго и артистическаго міра, по крайней мѣрѣ, изъ того, который онъ посѣщалъ; и вотъ неудачники искусства, литературы, архитектуры, стеклись изъ самыхъ эксцентрическихъ угловъ Парижа, многочисленными депутаціями. Иззябшіе, дрожащіе, пріѣхавшіе на имперіялахъ омнибусовъ, они являлись кучками; все это были неизвѣстныя, но геніальныя личности, въ потертой одеждѣ, но исполненныя достоинства; ихъ извлекало изъ мрака, въ которомъ они пребывали, желаніе показаться, прочесть, спѣть что-нибудь, для того, чтобы доказать самимъ себѣ, что они еще существуютъ. Вдохнувъ въ себя струю чистаго воздуха, взглянувъ на небесный свѣтъ, подкрѣпивъ себя какимъ-то подобіемъ славы, успѣха, они возвращались въ бездну горечи—съ запасомъ силъ, необходимыхъ для прозябанія. Да̀, это—дѣйствительно прозябающее, эмбріоническое, недоконченное племя, походящее на тѣ продукты морскаго дна, которымъ недостаетъ движенія, чтобы сдѣлаться живыми существами, недостаетъ только запаха, чтобы быть цвѣтами. Тутъ встрѣчались философы, превзошедшіе Лейбница но, глухо-нѣмые отъ рожденія, у которыхъ были только жесты ихъ идей, и безсловесные аргументы; живописцы, мучимые желаніемъ создать что-нибудь великое, но такъ странно изображавшіе всѣ предметы, что ихъ картины походили на видъ землетрясенія или внутренности пароходной каюты во время сильной бури; музыканты—изобрѣтатели какихъ-то необычайныхъ фортепіанъ, ученые въ родѣ доктора Гирша, съ головой, набитой всякимъ хламомъ, въ которомъ ничего нельзя разобрать по причинѣ пыли и безпорядка и также потому, что всѣ предметы поломаны, неполны, негодны ни къ какому употребленію.

Эти были печальные, жалкіе, и, если ихъ безумныя претензіи, ихъ самолюбіе, ихъ маніи могли возбуждать смѣхъ, то наружный видъ обличалъ такія страданія, что, несмотря ни на что̀, вы чувствовали себя растроганными, при видѣ лихорадочнаго блеска этихъ глазъ, упоенныхъ иллюзіями; при видѣ этихъ изрытыхъ морщинами лицъ, гдѣ всѣ побѣжденныя мечты, всѣ разбитыя надежды оставили, погибая, слѣды свои.

За ними слѣдовали такіе, которымъ дорога искусства показалась слишкомъ суровой, слишкомъ безплодной, и которые потому

обратились къ другимъ профессіямъ, находившимся въ странномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что̀ занимало ихъ умъ. Лирическій поэтъ содержалъ справочную контору, рекомендовавшую мужскую прислугу; скульпторъ былъ комиссіонеромъ по части продажи шампанскаго; скрипачъ служилъ въ газовомъ обществѣ. — Другіе, менѣе честные, оставались на шеѣ у женъ своихъ, трудъ которыхъ содержалъ ихъ геніальную лѣность. Эти супруги являлись вмѣстѣ; и по энергическимъ поблекшимъ лицамъ бѣдныхъ подругъ неудачниковъ можно было судить, во что̀ обходится содержаніе геніальнаго человѣка. Съ гордостью сопровождая мужей своихъ, онѣ улыбались имъ материнской улыбкой, словно говорящей: «это—мое произведеніе!» И дѣйствительно, онѣ имѣли право гордиться: у всѣхъ этихъ господъ былъ такой цвѣтущій видъ.

Прибавьте къ этой галлереѣ еще двѣ-три литературныя древности, салонныхъ баснописцевъ, членовъ разныхъ атенеевъ, пританеевъ, филотехническихъ обществъ и т. д., никогда не пропускающихъ подобныхъ собраній. Потомъ шли «хористы»: неопредѣленные типы; одинъ господинъ, ничего не говорившій, но котораго считали очень умнымъ, потому что онъ читалъ Прудона; другой—приведенный докторомъ Гиршемъ и котораго называли «племянникъ Берцеліуса»; но, впрочемъ, никакихъ другихъ правъ на извѣстность, кромѣ этого родства съ знаменитымъ шведскимъ ученымъ, онъ не имѣлъ и казался совершеннѣйшимъ идіотомъ; далѣе—актеръ *in partibus*, по имени Делобелль, у котораго, какъ говорили, скоро будетъ свой театръ. Наконецъ—обычные посѣтители дома: три профессора, Лабассендръ, въ парадномъ одѣяніи, отъ времени до времени пробовавшій, тутъ ли его нота, потому что, въ продолженіи вечера, она должна была ему понадобиться и д'Аржантонъ, причесанный херувимчикомъ, завитой, напомаженный, въ свѣтлыхъ перчаткахъ, геніальный, строгій, священнодѣйствующій...

Моронваль, стоя у входа въ залъ, принималъ посѣтителей и разсѣянно пожималъ имъ руки, сильно озабоченный тѣмъ, что назначенный часъ приближался, а графини (такъ называли Иду Баранси) все не было.

Какое-то томленіе господствовало въ собраніи. По угламъ шептались, усаживаясь на мѣста. Маленькая г-жа Моронваль переходила отъ групы къ групѣ, говоря съ любезнымъ видомъ: мы еще не начинаемъ... ждутъ графиню. И въ ея «выразительныхъ» устахъ—это слово «графиня» звучало какъ-то особенно; получало оттѣнокъ какой-то таинственности, торжественности, аристократизма... «Ждутъ графиню», шептали потомъ въ раз-

ныхъ углахъ; каждому хотѣлось показать, что онъ имѣетъ достовѣрныя свѣдѣнія.

Открытый гармоніумъ, улыбавшійся всѣми своими клавишами, походившими на рядъ огромныхъ зубовъ, ученики, построенные у стѣны шеренгой, маленькій столикъ, покрытый зеленымъ сукномъ, съ лампой подъ абажуромъ, съ стаканомъ сахарной воды, зловѣщій и угрожающій на своей эстрадѣ, какъ гильотина, когда забрежжетъ утро; г. Моронваль, скорченный въ своемъ бѣломъ жилетѣ и г-жа Моронваль, урожденная Дэкостеръ, вся красная отъ хлопотъ пріема, какъ маленькій пѣтушокъ, и Маду-Гезо, дрожавшій отъ холода въ сѣняхъ—все, все ожидало графиню.

Но такъ какъ она не ѣхала и было очень холодно, то г. д'Аржантонъ согласился прочесть свое стихотвореніе «Le Credo de l'amour», знакомое всѣмъ присутствующимъ, слышавшимъ его разъ пять или шесть. Стоя лицомъ къ камину, съ откинутыми назадъ волосами, съ высоко поднятой головой, какъ будто онъ читалъ стихи лѣпнымъ фигурамъ потолка, поэтъ началъ декламировать свою поэму, столь же вульгарную и напыщенную, какъ и его чтеніе. Послѣ каждаго эффектнаго мѣста онъ дѣлалъ паузы, для того, чтобы дать время восхищенію слушателей вырваться наружу и чтобы ихъ восторженныя восклицанія успѣли долетѣть до него... Неудачники же не скупы на подобныя поощренія. «Поразительно!.. Необычайно!.. Дивно-хорошо!.. Это Гюго—но новѣе...» И, наконецъ, даже было слѣдующее невѣроятное восклицаніе: «Это Гёте—но только съ сердцемъ!

Не смущаясь, подстрекаемый этими похвалами, поэтъ продолжалъ съ простертой рукой, съ властвующимъ жестомъ:

И, какъ бы надо мной толпа ни издѣвалась,
Но вѣрю я въ любовь—какъ въ Бога вѣрю я!

Она вошла.

Лирикъ, глаза котораго все еще были устремлены въ пространство, даже не замѣтилъ ея; но она—она несчастная видѣла его, и съ этой минуты участь всей ея жизни была рѣшена! До сихъ поръ онъ являлся ей всегда въ пальто и въ шляпѣ, въ уличномъ, а не въ олимпійскомъ костюмѣ; но теперь, при мягкомъ свѣтѣ матовыхъ лампъ, сообщавшихъ еще болѣе блѣдности лицу его, въ черномъ фракѣ и перчаткахъ gris-perle, и вѣрящій въ любовь, какъ онъ вѣрилъ въ Бога—поэтъ произвелъ роковое, сверх-человѣческое дѣйствіе... Онъ отвѣчалъ всѣмъ ея желаніямъ, всѣмъ мечтамъ ея—этой глупой сантиментальности, составляющей основу характера подобныхъ женщинъ, этой потребности чистаго воздуха и идеала, являющейся какъ бы

отплатой за существованіе, которое онѣ ведутъ, этимъ неопредѣленнымъ порываніямъ, резюмирующимся для нихъ въ прекрасномъ словѣ, но которое въ устахъ ихъ получаетъ оттѣнокъ какой-то пошлости, сообщаемой ими всему, что̀ они говорятъ — въ словѣ «артистъ».

Да̀, съ этой первой минуты, она принадлежала ему и онъ весь вошелъ въ ея сердце, съ своими завитыми усиками, съ проборомъ по срединѣ головы, гармонически раздѣлявшимъ волосы его, съ простертой и дрожащей рукой, со всей своей поэтической мишурой. Она не видала ни своего маленькаго Жака, дѣлавшаго ей безнадежные знаки и посылавшаго поцалуи, ни Моронвалей, кланявшихся чуть не до земли, ни всѣхъ этихъ любопытныхъ взглядовъ, устремившихся на новую посѣтительницу, молодую, свѣжую, нарядную, въ бархатномъ платьѣ, въ маленькой шляпкѣ, какія надѣваютъ въ театръ — бѣлой, розовой, «бульоне», съ длинными тюлевыми концами, обвивавшими ея шею, какъ шарфъ. Она видѣла его—одного его!

— А мы, въ ожиданіи васъ, графиня, сдѣлали маленькую прелюдію, сказалъ Моронваль любезно улыбаясь:—г. виконтъ Амори д'Аржантонъ началъ читать намъ свою великолѣпную поэму «Le credo de l'amour».

Виконтъ! онъ былъ виконтъ. Значитъ — все! И она робко, застѣнчиво, краснѣя, какъ маленькая дѣвочка, обратилась къ нему:

— Продолжайте, прошу васъ.

Но д'Аржантонъ не хотѣлъ. По милости графини, у него пропало самое эффектное мѣсто въ его поэмѣ; а эти вещи не прощаются! Онъ поклонился и сказалъ съ иронической и холодной вѣжливостью: «Я кончилъ, сударыня». И потомъ смѣшался съ присутствующими, не занимаясь ею болѣе.

Бѣдная женщина почувствовала, что какая-то безотчетная грусть сжала ей сердце. Съ перваго же слова она ему не понравилась, и эта мысль была для нея невыносима. Ласки Жака, счастливаго тѣмъ, что онъ видитъ мать свою, и гордаго ея успѣхомъ въ этомъ собраніи, любезности Моронвалей, всеобщая предупредительность и сознаніе, что она — дѣйствительно царица этого праздника, кое-какъ изгладили это огорченіе, проявившееся у ней въ пятиминутномъ молчаніи, что̀ было для подобной натуры чѣмъ-то необычайнымъ. Когда смятеніе, произведенное ея прибытіемъ, нѣсколько поулеглось, всѣ заняли свои мѣста и приготовились слушать. Величественная Констанъ, сопровождавшая свою госпожу, помѣстилась на задней скамейкѣ, около учениковъ. Жакъ подсѣлъ къ своей матери, облокотился на ея

кресло, между тѣмъ, какъ Моронваль, находившійся подлѣ мальчика, отечески ласкалъ его волосы.

Публика представляла уже довольно внушительное собраніе, занимавшее длинные ряды стульевъ, какъ при раздачѣ наградъ. Наконецъ, г-жа Моронваль-Дэкостеръ завладѣла одна всѣмъ маленькимъ столикомъ, всей эстрадой, всѣмъ свѣтомъ лампы и начала читать этнографическій этюдъ г. Моронваля о монгольскихъ племенахъ.

Это было длинное, скучное, унылое чтеніе, въ родѣ тѣхъ, какія происходятъ въ ученыхъ обществахъ, въ сумерки, между 3 и 5 часами, для усыпленія членовъ комитета. Но эта дьявольская метода Дэкостеръ не давала вамъ даже забыться; вы не могли не чувствовать этого мелкаго, монотоннаго дождя, на который вамъ хотѣлось бы не обращать вниманія; нужно было слушать насильно. Слова входили вамъ въ голову — точно ихъ ввинчивали, слогъ за слогомъ, буква за буквой... и самыя вычурныя терзали васъ мимоходомъ. Но что̀ доводило утомленіе ваше до крайнихъ предѣловъ, такъ это—поучительный и ужасающій видъ г-жи Моронваль-Дэкостеръ, вполнѣ примѣнявшей свою систему. То она дѣлала изъ своего рта букву *о*, то растягивала и искривляла его; а тамъ, на заднихъ скамейкахъ, восемь дѣтскихъ ртовъ повторяли ту же самую мимику, слѣдя за профессоромъ во всѣхъ его прихотливыхъ кривляньяхъ и изображая то, что̀ на языкѣ этой превосходной системы называлось «очертаніемъ словъ». Безмолвное движеніе этихъ восьми маленькихъ челюстей производило эффектъ, по истинѣ, фантастическій. Дѣвица Констанъ была поражена.

Но графиня ничего этого не видѣла. Она смотрѣла на своего поэта, который стоялъ, прислонившись къ дверямъ, съ скрещенными на груди руками и устремленнымъ въ пространство взоромъ. Онъ мечталъ. Ка̀къ чувствовалось, что онъ далеко... что онъ гдѣ-то витаетъ, паритъ!.. Высоко поднявъ голову, онъ, казалось, прислушивался къ таинственнымъ голосамъ... По временамъ, его взглядъ обращался снова къ землѣ, но не останавливаясь ни на чемъ. Несчастная сторожила этотъ блуждающій взглядъ; она его жаждала, вымаливала почти, но всегда напрасно. Онъ равнодушно скользилъ по всѣмъ присутствующимъ, исключая ея; какъ будто кресло, на которомъ она сидѣла, казалось ему порожнимъ; и она была такъ опечалена этимъ равнодушіемъ, что даже забыла поздравить Моронваля съ блестящимъ успѣхомъ его этюда, окончившагося посреди шумныхъ рукоплесканій и всеобщаго облегченія.

За этимъ «выразительнымъ» чтеніемъ слѣдовало стихотвореніе

д'Аржантона, съ аккомпаниментомъ органа-гармоніума Лабассендра. На этотъ разъ она не проронила ни одного слова, и эти сантиментальные, тягучіе стихи привели ее въ неописанное умиленіе.

— Ка̀къ хорошо! ка̀къ хорошо! повторяла она, обращаясь къ Моронвалю, слушавшему ее съ завистливой, желчной улыбкой.

— Представьте мнѣ г. д'Аржантона, сказала она, какъ только кончилось чтеніе.—Безподобно, г. д'Аржантонъ. Ка̀къ вы счастливы, что обладаете такимъ талантомъ!

Она говорила вполголоса, заикаясь, ища словъ, она, обыкновенно такая болтливая, сообщительная. Поэтъ холодно поклонился, какъ бы оставаясь совершенно равнодушнымъ къ этимъ похваламъ. Тогда она спросила его, гдѣ можно найти его стихотворенія?

— Ихъ нельзя найти, сударыня, отвѣчалъ д'Аржантонъ, торжественно и съ оскорбленнымъ видомъ.

Она ненамѣренно задѣла самую чувствительную струну этого болѣзненнаго самолюбія и онъ снова отвернулся, даже не взглянувъ на нее.—Моронваль воспользовался этимъ случаемъ.

— Да̀! сказалъ онъ:—вотъ до чего доведена наша литература! Такіе стихи не находятъ себѣ даже издателя. Талантъ, геній остаются скрытыми, непризнанными... обречены блистать въ скромныхъ уголкахъ... И сейчасъ же прибавилъ:—Вотъ, еслибы имѣть свой журналъ!

— Нужно его имѣть, сказала она съ живостью.

— Да̀, но гдѣ деньги?

— Деньги найдутся. Невозможно же оставлять такія геніальныя вещи въ неизвѣстности... она пришла въ негодованіе и теперь, когда поэта тутъ не было, говорила очень краснорѣчиво.

— Дѣло пущено въ ходъ! сказалъ себѣ Моронваль, понявшій слабую сторону этой дамы и сталъ говорить ей о д'Аржантонѣ, старался выставить его въ романическомъ и сантиментальномъ свѣтѣ. Онъ сдѣлалъ изъ него новаго Лару, Манфреда, гордую, независимую натуру, которую никакія невзгоды жизни не могли поколебать. Онъ жилъ своими трудомъ, отказывался отъ всякой помощи со стороны правительства.

— Это прекрасно, говорила Ида и, мучимая этой вѣчной мыслью о гербахъ, засѣвшей у ней въ головѣ, она спрашивала:—Онъ—дворянинъ, не правда-ли?

— Ка̀къ же, помилуйте... виконтъ д'Аржантонъ; потомокъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій въ Овернѣ... Отецъ его былъ раззоренъ своимъ управителемъ...

И онъ приподнесъ ей самый пошлый романъ съ несчастной

любовью къ одной знатной дамѣ; исторію писемъ, показанныхъ ея мужу, какой-то маркизой, изъ ревности. Она хотѣла знать все въ подробности; и между тѣмъ какъ они шептались между собой, придвинувшись другъ къ другу, тотъ, о комъ шла рѣчь, казалось, не замѣчалъ ничего этого; а маленькій Жакъ, недовольный тѣмъ, что его матерью совсѣмъ завладѣли, два, три раза навлекъ на себя ея нетерпѣливые возгласы: «Жакъ, да сиди же смирно! Жакъ, ты ныньче невыносимъ...» такъ что онъ, наконецъ, надувъ губы и со слезами на глазахъ забился куда-то въ уголъ.

Теперь пришла очередь одного изъ учениковъ, маленькаго сенегальца, коричневаго, какъ финикъ, читать стихи Ламартина: «Молитва ребенка при его пробужденіи», которыя онъ началъ слѣдующимъ образомъ:

O pé qu'ado mo pé
Toi qu'o né no qu'a ginoux
(O père qu'adore mon père,
Toi qu'on ne nomme qu'à genoux)

что̀ доказывало какъ нельзя лучше, что природа смѣется надъ всѣми методами, и даже надъ методой Моронваль-Дэкостеръ. Затѣмъ, пѣвецъ Лабассендръ, послѣ долгихъ и многочисленныхъ просьбъ, согласился, наконецъ, «взять свою ноту». Сначала, онъ раза два попробовалъ ее, и потомъ такъ рявкнулъ, что окна и картинныя перегородки зала задрожали; а Маду-Гезо въ энтузіазмѣ, изъ глубины кухни, гдѣ онъ приготовлялъ чай, отвѣчалъ пѣвцу воинственнымъ крикомъ. Маду любилъ шумъ!

Были и комическіе эпизоды. Въ то время, какъ одинъ странный баснописецъ, поставившій себѣ задачей—онъ самъ наивно сознавался въ этомъ—передѣлать всего Лафонтена, посреди глубокаго молчанія декламировалъ свою басню Дервишъ и горшокъ съ мукой—перифразу Лафонтеновской басни Пьеррetta и крынка молока, въ самомъ концѣ залы произошла ссора между племянникомъ Берцеліуса и человѣкомъ, читавшимъ Прудона. Обмѣнялись крупными словами и даже оплеухами; и посреди потасовки, Маду стоило большаго труда держать прямо огромный подносъ, уставленный напитками, который онъ, безъ всякаго сожалѣнія къ маленькимъ знойнымъ странамъ, то и дѣло носилъ мимо ихъ. Ему формально было запрещено предлагать имъ что̀-либо. Впрочемъ, два или три раза въ продолженіи вечера, ихъ поили «шиповникомъ».

Моронваль и графиня продолжали свою бесѣду; и красавецъ д'Аржантонъ, замѣтивъ, наконецъ, что вниманіе ихъ обращено на него, сталъ громко разговаривать невдалекѣ отъ нихъ, отпуская трескучія фразы и жестикулируя для того, чтобъ его

видѣли и слышали. Онъ, казалось, сердился... на кого? Ни на кого и на всѣхъ. Онъ былъ изъ этой породы желчныхъ, во всемъ разочарованныхъ, хотя ничего неизвѣдавшихъ людей, громящихъ общество, нравы, стремленія своего времени, и всегда, разумѣется, ставящихъ себя внѣ всеобщаго развращенія. Въ настоящую минуту, онъ напалъ на баснописца, мирнаго чиновника въ какомъ-то министерствѣ, и говорилъ ему злобно, презрительно:

— Молчите... Я васъ знаю. Вы—сгнившіе. У васъ всѣ пороки прошедшаго вѣка; но у васъ никогда не будетъ его прелести.

Баснописецъ поникъ головой, подавленный, убѣжденный.

— Во что̀ вы обратили честь, любовь? И гдѣ ваши произведенія? Хороши они, нѐчего сказать, ваши произведенія!

На этотъ разъ баснописецъ возсталъ.

— А! нѣтъ. Позвольте...

Но тотъ не позволялъ. Да и какое ему было дѣло до того, что̀ думаетъ этотъ баснописецъ! Онъ говорилъ не ему. Онъ стоялъ выше его... смотрѣлъ дальше. Онъ хотѣлъ бы, чтобы вся Францiя могла его слышать; и онъ высказалъ бы ей самой всю правду въ лицо... Онъ не вѣрилъ въ нее, въ эту Францію. Погибшая страна, изъ которой уже ничего не извлечь... безъ вѣры, безъ идеала... Онъ не намѣренъ былъ оставаться въ ней: онъ твердо рѣшился эмигрировать въ Америку.

Мало по малу, около этого торжественнаго, требующаго вниманія голоса воцарилось молчаніе. Но всѣхъ болѣе сосредоточена въ себя была Ида. Этотъ добровольный отъѣздъ въ Америку, ловко вклеенный въ разговоръ, наполнилъ холодомъ ея сердце. Въ одну минуту всѣ тридцать свѣчей моронвалевскаго салона исчезли, потухли въ ея траурныхъ мысляхъ. Но окончательно повергло ее въ уныніе то, что поэтъ, порѣшивъ съ отъѣздомъ, передъ тѣмъ, какъ сѣсть на корабль, произнесъ энергическую тираду противъ французскихъ женщинъ, ихъ легкости, ихъ банальной улыбки, ихъ продажной любви...

Онъ уже не говорилъ, онъ гремѣлъ, облокотясь на диванъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ толпѣ, не щадя голоса, не скупясь на энергическія слова̀.

— Онъ знаетъ, кто я, говорила себѣ несчастная Ида, склонивъ голову подъ бременемъ его проклятій.

Вокругъ слышались восторженныя восклицанія: «Какая сила! Какой талантъ!»—«Онъ никогда не говорилъ съ такимъ жаромъ!»—говорилъ вслухъ Моронваль; и прибавлялъ про себя: «какой враль!»

Но Ида не нуждалась болѣе въ этихъ возбужденіяхъ; эффектъ былъ произведенъ. Она любила.

Г-жа Моронваль, сжалившись надъ Жакомъ, и надъ двумя, тремя знойными странами, которыя были поменьше другихъ — давно уже отослала ихъ спать: оставшіяся зѣвали, таращили глала, осовѣвъ отъ всего, что̀ они видѣли и слышали.

Наконецъ, стали расходиться. Бумажные фонарики еще качались у входа въ садъ; переулокъ съ своими спящими домами, смотрѣлъ такъ мрачно; даже шаги городскаго сержанта не оживляли его грязной мостовой. Но между этими людьми, которые, расходясь шумными группами, все еще распѣвали, декламировали, продолжали спорить, никто не обращалъ вниманія ни на холодъ, ни на зловѣщій мракъ ночи, ни на падавшій сырой туманъ.

Выйдя на улицу, замѣтили, что часъ омнибусовъ прошелъ. Но бѣдняки бодро примирились съ своей участью. Химера, съ золотой чешуей, освѣщала и сокращала ихъ путь; иллюзія согрѣвала ихъ; и, разсѣявшись по пустынному Парижу, они мужественно возвращались къ невзгодамъ своей темной жизни. Искуство—такой великій чародѣй! Оно создаетъ солнце, такъ же сіяющее для всѣхъ, какъ и настоящее; и всѣ, кто къ нему приближаются, даже бѣдные, даже безобразные, даже смѣшные, уносятъ частичку его теплоты, его блеска. Этотъ небесный огонь, безразсудно похищенный, и который неудачники таятъ въ глубинѣ своего взора, дѣлаетъ ихъ иногда страшными, всего чаще смѣшными; но сообщаетъ ихъ существованію величавую ясность, презрѣніе къ злу, изящество въ страданіяхъ, неизвѣстное другимъ страдальцамъ.

V.

Послѣдствія литературнаго вечера.

На другой день Моронвали получили отъ г-жи Баранси приглашеніе на слѣдующій понедѣльникъ. Въ концѣ письма находился P. S., выражавшій удовольствіе, которое доставитъ г. д'Аржантонъ, если пріѣдетъ вмѣстѣ съ ними.

— Я не поѣду, сухо сказалъ поэтъ, когда Моронваль показалъ ему кокетливую, раздушенную записку.

Тогда мулатъ разсердился: д'Аржантонъ поступалъ не по товарищески. И отчего ему было не принять этого приглашенія?

— Я не обѣдаю у женщинъ этого рода.

— Во-первыхъ, возразилъ Моронваль, г-жа Баранси—не то, что̀ ты думаешь. И, наконецъ, для пріятеля можно пожертво-

вать своей щепетильностью. Ты знаешь, что графиня нужна мнѣ. Идея журнала ей улыбается. А ты употребляешь всѣ усилія для того, чтобъ затормозить дѣло. Это ужь совсѣмъ не любезно.

Д'Аржантонъ, заставилъ довольно долго упрашивать себя, но, наконецъ, согласился.

Въ понедѣльникъ, г. и г-жа Моронваль, оставивъ гимназію на попеченіи доктора Гирша, отправились въ маленькій отель на бульварѣ Гаусмана, куда поэтъ долженъ былъ пріѣхать вслѣдъ за ними.

Обѣдъ назначенъ былъ въ семь часовъ; д'Аржантонъ явился въ половинѣ восьмаго. Вы поймете, что въ эти полчаса, Моронваль не имѣлъ никакой возможности завести рѣчь о своемъ проектѣ: Ида была въ такомъ безпокойствѣ!

— Пріѣдетъ онъ? кàкъ вы думаете? Только бы онъ не занемогъ... онъ, кажется, такой слабый...

Наконецъ, онъ пріѣхалъ, красивый, завитой, попрежнему сдержанный, но, однакожь, смотрѣвшій не такъ презрительно, какъ обыкновенно. Онъ слегка извинился —его задержали занятія.

Отель произвелъ на него впечатлѣніе. Эта роскошь ковровъ, и цвѣтовъ, отъ лѣстницы, уставленной зеленью, и до маленькаго будуара, наполненнаго благоуханіемъ бѣлой сирени; эта гостиная, голубая съ золотомъ, банальная, какъ гостинная дантиста; черная мебель, обитая желтой матеріей, и балконъ, гдѣ летала бульварная пыль, смѣшанная съ известковой отъ сосѣднихъ построекъ—все должно было плѣнять этого обычнаго посѣтителя моронвалевской гимназіи, говорить ему о широкой, исполненной наслажденій жизни. Видъ накрытаго стола, внушительная наружность Августина, поклонника солнца, и всѣ эти мелочи сервировки, сообщающія эффектный блескъ дурнымъ винамъ и вкусъ самымъ обыкновеннымъ блюдамъ—окончательно очаровали его. Не выражая на каждомъ шагу своего удивленія и восхищенія, какъ Моронваль, нагло льстившій тщеславію графини, неподкупный д'Аржантонъ, однакожь, смягчился немножко, сталъ улыбаться и разговаривать.

Это былъ неизсякаемый говорунъ, лишь бы только разговоръ шелъ о немъ, и его никогда бы не прерывали посреди начатаго періода, потому что прихотливое воображеніе его легко было сбить съ пути. Рѣчь его отличалась сентенціознымъ, авторитетнымъ тономъ въ малѣйшихъ аргументахъ, и нѣкоторой монотонностью, происходившею отъ этого вѣчнаго: я... я... которымъ начиналась каждая его фраза. Прежде всего, ему нужно было властвовать надъ своей аудиторіей, чувствовать, что его слушаютъ.

Къ несчастію, умѣнье слушать не было добродѣтелью графини и, вслѣдствіе этого, за обѣдомъ произошли нѣкоторыя прискорбныя случайности. Д'Аржантонъ любилъ въ особенности повторять слова̀, сказанныя имъ въ извѣстныхъ кружкахъ, обращенныя къ разнымъ извѣстнымъ личностямъ: редакторамъ журналовъ, издателямъ, директорамъ театровъ, которые никогда не хотѣли принимать его пьесъ, печатать его стиховъ и прозы. Это были жестокія, пропитанныя ядомъ, жгучія, язвительныя слова̀, совершенно уничтожавшія противника. Но съ г-жей Баранси ему никогда не удавалось добраться до этихъ словъ, которымъ, обыкновенно, предшествовало длинное вступленіе. Какъ только онъ приближался къ патетическому моменту исторіи и своимъ торжественнымъ голосомъ начиналъ: «И тогда я сказалъ ему эти жестокія слова̀...», несчастная Ида, правда, всегда занятая имъ же, но въ ущербъ его разсказу, прерывала его на срединѣ фразы:

— Г. д'Аржантонъ, возьмите еще этого мороженаго...

— Благодарю васъ.

И поэтъ, нахмуривъ брови, повторялъ съ усиленнымъ паѳосомъ: «И тогда я сказалъ ему...»

— Вамъ оно, можетъ быть, не нравится?..

— Напротивъ, оно превосходно... «я сказалъ ему... эти жестокія слова̀...»

Но запоздавшія жестокія слова̀ уже не производили желаемаго эффекта, тѣмъ болѣе, что, чаще всего, это было что̀-нибудь въ родѣ: «имѣющій уши, да слышитъ», или: «мы увидимся, милостивый государь!», къ чему д'Аржантонъ не упускалъ случая присовокупить: «И онъ былъ совсѣмъ уничтоженъ!»

Встрѣтивъ строгій взглядъ прерваннаго поэта, Ида приходила въ отчаяніе: «Что̀ съ нимъ? спрашивала она себя.—Опять я ему не понравилась». Два или три раза во время обѣда ей хотѣлось заплакать и, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы скрыть это, она съ любезнымъ видомъ говорила г-жѣ Моронваль: «Кушайте, вы ничего не кушаете», или г-ну Моронвалю: «вы ничего не пьете», что̀ было совершенной ложью, потому что челюсти изобрѣтательницы методы Дэкостеръ работали еще усерднѣе, нежели на лекціяхъ «выразительнаго чтенія», и аппетитъ ея могъ сравниться только съ жаждой г-на Моронваля.

Послѣ обѣда, когда всѣ перешли пить кофе въ гостиную, гдѣ было такъ свѣтло и тепло и гдѣ все располагало къ интимной бесѣдѣ, Моронваль, разсудивъ, что минута была благопріятная, небрежно сказалъ графинѣ:

— Я долго думалъ о нашемъ дѣлѣ... это будетъ стоить менѣе, чѣмъ я предполагалъ.

— А! произнесла она разсѣянно.

— Гораздо менѣе... и, еслибы нашей прекрасной редакторшѣ угодно было удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ для серьёзнаго обсужденія...

Слово «редакторша» было смѣлымъ ударомъ, геніальной находкой Моронваля, но, къ сожалѣнію, оно пропало даромъ. Редакторша не слушала; она слѣдила глазами за своимъ поэтомъ, безмолвно ходившимъ взадъ и впередъ по залѣ, съ озабоченнымъ видомъ. «О чемъ онъ мечтаетъ?» говорила она себѣ.

Но онъ просто прохаживался ради пищеваренія. Слегка страдая желудкомъ и всегда безпокоясь о своемъ здоровьѣ, онъ имѣлъ привычку, вставши изъ-за стола, ходить четверть часа большими шагами, гдѣ бы онъ ни обѣдалъ. Повсюду это могло казаться смѣшнымъ, но здѣсь это было только чертой геніальнаго человѣка, и, вмѣсто того, чтобы слушать Моронваля, Ида смотрѣла, какъ поэтъ то исчезалъ въ темной глубинѣ комнаты, то возвращался, озаряемый ламповымъ свѣтомъ, съ поникшимъ челомъ, съ строгой физіономіей.

Въ первый разъ въ жизни она любила истинно, страстно; она чувствовала, что сердце ея никогда еще не билось такимъ полнымъ біеніемъ, не походящимъ ни на какое другое. До сихъ поръ она всегда отдавалась случайностямъ жизни, прихотямъ своего тщеславія; и связи, болѣе или менѣе продолжительныя, порабощавшія ее, начинались и оканчивались безъ участія ея воли. Довольно ограниченная и невѣжественная, съ легковѣрнымъ и романическимъ умомъ и приближавшаяся къ роковому тридцатому году, который у женщинъ всегда бываетъ моментомъ какого-нибудь превращенія, она теперь, при помощи всѣхъ прочитанныхъ ею романовъ, создавала себѣ идеалъ, похожій на д'Аржантона. Когда она на него смотрѣла, физіономія ея до такой степени измѣнялась, ея веселые глаза дѣлались такими нѣжными, улыбка такою томною, что ея страсть не могла ни для кого оставаться тайною.

Моронваль, видя ее задумчивой и боязливой, незамѣтно пожималъ плечами, какъ бы говоря женѣ: «она сошла съ ума!» И это была правда. Съ самаго обѣда, она ломала себѣ голову, какъ бы войти опять въ милость къ д'Аржантону. Наконецъ, она нашла средство, и, когда поэтъ, прохаживаясь по залѣ, какъ запертая въ клѣтку пантера, приблизился къ ней, она сказала ему: «Не будетъ ли г. д'Аржантонъ такъ любезенъ, прочесть намъ то прекрасное стихотвореніе, которое имѣло такой

успѣхъ на прошедшей недѣлѣ въ гимназіи? Я думала о немъ всю недѣлю. Одинъ стихъ въ особенности преслѣдуетъ меня: *но вѣрю... но вѣрю...* постойте, ка̀къ это... да!...

«Но вѣрю я въ любовь, какъ вѣрую я въ Бога!»

— «Какъ въ Бога вѣрю я!» поправилъ поэтъ съ такой ужасной гримасой, какъ будто ему прищемили палецъ въ дверяхъ.

Графиня, мало смыслившая въ стихахъ, поняла только одно, что она опять не угодила поэту. Онъ начиналъ уже производить на нее то отупляющее впечатлѣніе, отъ котораго она никогда не могла освободиться и вслѣдствіе котораго любовь ея походила на рабское поклоненіе дикаря, распростертаго передъ своимъ страшнымъ идоломъ. Въ его присутствіи она становилась глупѣе, нежели была отъ природы, и даже теряла ту живую прелесть порхающей птички, ту неожиданность мысли и выраженія, то постоянное разнообразіе, которыми могъ еще нравиться ея ограниченный умъ.

Но идолъ, однакожь, смягчился и, чтобы показать г-жѣ Баранси, что онъ на нее не сердится за искаженіе его стиховъ, прервалъ на минуту свое гигіеническое упражненіе.

— Я очень радъ прочесть что̀-нибудь... но что̀ именно? Я, право, ничего не помню.

Онъ обратился къ Моронвалю, повинуясь тому движенію, столь милому всѣмъ поэтамъ, которые, вообще, спрашиваютъ всегда совѣта, съ твердымъ намѣреніемъ не слѣдовать ему.

— Если тебя просятъ прочесть «Credo», отвѣчалъ тотъ съ неудовольствіемъ, то и прочти «Credo».

— Въ самомъ дѣлѣ! Вы желаете этого?

— О! да̀... Вы доставите мнѣ большое наслажденіе...

— Извольте! сказалъ д'Аржантонъ, очень естественно. Поднявъ глаза, онъ припоминалъ съ минуту и потомъ началъ: «Женщинѣ, причинившей мнѣ много зла».

Замѣтивъ удивленіе Иды, ожидавшей совсѣмъ не того, онъ повторилъ съ еще бо̀льшей торжественностью: «Женщинѣ, причинившей мнѣ много зла». Графиня и Моронваль переглянулись. Вѣроятно, дѣло шло объ извѣстной, великосвѣтской дамѣ. Стихотвореніе начиналось очень спокойно, въ тонѣ свѣтскаго посланія; но потомъ становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. Отъ ироніи поэтъ переходилъ къ горечи, отъ горечи къ ярости и, наконецъ, заключилъ слѣдующими потрясающими стихами.

«Избавь меня, Творецъ, отъ женщины ужасной,
«Кровь сердца моего сосущей, какъ вампиръ!»

И потомъ д'Аржантонъ во весь вечеръ уже не говорилъ ни слова, какъ будто это стихотвореніе расшевелило въ немъ слишкомъ

горестныя воспоминанія. Ида тоже была грустна. Она думала объ этихъ великосвѣтскихъ дамахъ, причинившихъ ея поэту столько страданій, и все время представляла его себѣ въ аристократическомъ салонѣ Сен-Жерменскаго предмѣстья, гдѣ женщины-вампиры выпили всю кровь его сердца, не оставивъ ни одной капли на ея долю.

— Знай, милый другъ, говорилъ Моронваль д'Аржантону, идя съ нимъ подъ-руку по опустѣвшимъ бульварамъ, между тѣмъ, какъ крошечная г-жа Моронваль съ трудомъ могла поспѣвать за мужчинами: — знай, что, если мой журналъ состоится, то я тебя дѣлаю главнымъ редакторомъ.

Онъ бросалъ, такимъ образомъ, половину груза въ море, для того, чтобы спасти корабль, очень хорошо понимая, что, если д'Аржантонъ не вмѣшается въ дѣло, то отъ графини ничего серьёзнаго не добьешься. Поэтъ ничего не отвѣчалъ. Журналъ нисколько не занималъ его.

Его волновала эта женщина. Когда избираешь себѣ профессію лирическаго поэта и мученика любви, то трудно устоять противъ этого нѣмаго поклоненія, льстящаго, въ одно и то же время, двумъ самолюбіямъ—литератора и человѣка, имѣющаго успѣхъ у женщинъ. Съ тѣхъ поръ, въ особенности, какъ онъ увидалъ Иду, окруженную роскошью, можетъ быть, нѣсколько вульгарной, какъ и сама она, но полной комфорта, онъ чувствовалъ, что имъ овладѣло какое-то любовное томленіе, отъ котораго таяла суровость его принциповъ.

Амори д'Аржантонъ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ провинціальныхъ дворянскихъ семей, зáмки которыхъ походятъ на большія фермы, но безъ зажиточности и довольства, замѣчающихся въ послѣднихъ. Раззоренные еще за три поколѣнія д'Аржантоны, послѣ всякаго рода лишеній, испытанныхъ ими въ этихъ старинныхъ стѣнахъ, послѣ охотничьей и земледѣльческой, полупомѣщичьей-полукрестьянской жизни, вынуждены были, наконецъ, продать свое единственное достояніе и, покинувъ край, отправились искать счастья въ Парижъ. Съ той поры они впали въ такую нищету, потерпѣвъ разныя коммерческія неудачи, что уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ перестали прибавлять къ своему имени частичку *de*. Но Амори, пустившись въ литературу, снова принялъ ее, также какъ и титулъ виконта, на который имѣлъ право.

Онъ надѣялся прославить его и, съ дерзкой самонадѣянностью начинающаго, произнесъ слѣдующую фразу: Я хочу, чтобы со временемъ говорили виконтъ д'Аржантонъ, какъ говорятъ виконтъ де-Шатобріанъ.

— Или виконтъ д'Арленкуръ, отвѣчалъ Лабасендръ, который, въ качествѣ бывшаго работника, сдѣлавшагося пѣвцомъ, отъ всей души не терпѣлъ дворянства.

Дѣтство поэта прошло въ бѣдности и несчастіи — безъ свѣта и радостей. Окруженный вѣчными невзгодами и слезами, вѣчными денежными заботами, посреди которыхъ такъ рано блекнутъ дѣти, онъ никогда не игралъ и не улыбался. Стипендія въ училищѣ Людовика Великаго помогла ему кончить курсъ, но сдѣлала положеніе его, по прежнему не прочное, еще и зависимымъ. Единственнымъ развлеченіемъ его было—ходить въ дни отпуска къ тёткѣ, сестрѣ его матери, женщинѣ, содержавшей отель-гарни въ Marais и отъ времени до времени дававшей ему на перчатки, потому что туалетъ очень рано сдѣлался одной изъ его главнѣйшихъ заботъ.

Печальное дѣтство ведетъ къ горькой зрѣлости. Нужна очень счастливая жизнь, нужны многочисленныя удачи для того, чтобы изгладить впечатлѣнія этихъ первыхъ слезъ. Часто видишь людей богатыхъ, счастливыхъ, сильныхъ, высоко стоящихъ, но которые какъ будто никогда не пользуются житейскими благами, до такой степени лицо ихъ сохраняетъ на собѣ отпечатокъ прежнихъ невзгодъ; а въ манерахъ ихъ видны слѣды стыдливой застѣнчивости, сообщаемой юношѣ уродливымъ платьемъ, перешитымъ изъ стараго отцовскаго одѣянія.

Горькая улыбка д'Аржантона имѣла свою причину.

Двадцати семи лѣтъ, онъ еще ни до чего не достигъ: онъ только издалъ на свой счетъ книжку стихотвореній, заставившую его цѣлые полгода голодать и о которой никто не сказалъ ни слова. И однакожъ, онъ много работалъ; онъ обладалъ вѣрой и волей; но все это—потерянныя силы для поэзіи, отъ которой прежде всего требуютъ полёта. У д'Аржантона его не было. При помощи уроковъ и небольшой пенсіи, которую высылала ему, въ концѣ каждаго мѣсяца, его тётка, удалившаяся въ провинцію, онъ имѣлъ возможность, терпя лишенія, существовать коё-какъ. Все это было очень далеко отъ того идеала, который составила себѣ Ида, отъ этой разсѣянной жизни свѣтскаго поэта, представляющей рядъ литературныхъ успѣховъ и любовныхъ интригъ въ салонахъ благороднаго предмѣстья.

По природѣ холодный и гордый, поэтъ избѣгалъ до сихъ поръ всякой серьёзной связи. Случай, однакожъ, представлялся ему не разъ. Извѣстно, что всегда находятся женщины, готовыя полюбить такого рода господъ и которыя идутъ, какъ рыба на червячка, на разные: «и вѣрю я въ любовь». Но для д'Аржантона женщины всегда были только препятствіемъ, тратой вре-

мени. Онъ довольствовался ихъ восторгомъ; онъ намѣренно становился выше, удалялся въ тѣ сферы, гдѣ парятъ, и, окруженный поклоненіемъ, не удостоивался отвѣчать на него.

Ида Баранси первая сдѣлала на него серьёзное впечатлѣніе, но она не подозрѣвала этого; и когда, пріѣзжая въ гимназію Моронваля, для свиданія съ своимъ Жакомъ, (гораздо чаще, чѣмъ было нужно) встрѣчалась тамъ съ д'Аржантономъ, у ней былъ все тотъ-же покорный, униженный видъ и робкій, просившій пощады голосъ. Поэтъ, съ своей стороны, продолжалъ играть роль равнодушнаго; но это не мѣшало ему втайнѣ задобривать ребенка и заговаривать съ нимъ о матери. Нѣсколько разъ, на урокѣ литературы—какая литература могла интересовать эти знойныя страны?—онъ подзывалъ Жака къ своему столу, для того чтобы разспросить: здорова ли его мамаша, что̀ она дѣлаетъ, что̀ говорила?—Жакъ, которому это очень льстило, сообщалъ всѣ требуемыя свѣдѣнія, а иногда и такія даже, какихъ не требовали. Такъ, напримѣръ, онъ безпрестанно касался въ этихъ интимныхъ бесѣдахъ «нашего друга», мысль о которомъ д'Аржантонъ всячески старался отъ себя удалить. «Нашъ другъ» такой добрый; онъ такъ часто бываетъ у нихъ; очень часто; а когда не можетъ пріѣхать, то присылаетъ корзинки съ фруктами, съ грушами, «вотъ эдакими большими», съ игрушками для маленькаго Жака.. и за то Жакъ любилъ его, отъ всего сердца.

— И ваша мамаша, вѣроятно, также очень его любитъ? спрашивалъ д'Аржантонъ, пиша, или дѣлая видъ, что пишетъ.

— О! да̀... очень.... отвѣчалъ Жакъ наивно.

Впрочемъ, нельзя навѣрное сказать—точно-ли это была наивность. Душа ребенка—бездна. Никогда не знаешь, въ какой степени дѣти имѣютъ понятія о тѣхъ вещахъ, о которыхъ они говорятъ намъ. Въ этомъ таинственномъ зарожденіи идей и чувствъ, непрестано совершающемся въ ребенкѣ, бываютъ внезапности, которыхъ ничто не предвѣщало; изъ отрывковъ пониманія образуется цѣлое, и связь, соединяющая ихъ, вдругъ становится ясна для ребенка.

Такъ или иначе, но Жакъ замѣтилъ, что его учитель бѣсится, когда ему говорятъ о «нашемъ другѣ», и потому безпрестанно возвращался къ нему. Онъ не любилъ д'Аржантона. Къ отвращенію, которое ребенокъ почувствовалъ къ нему въ первое время, примѣшивалась теперь ревность. Его мать слишкомъ занималась этимъ человѣкомъ. Въ дни отпуска, она забрасывала мальчика вопросами объ его учителѣ: добръ ли онъ къ нему, не поручилъ ли сказать ей чего нибудь? — Ничего, отвѣчалъ Жакъ.

А между тѣмъ, поэтъ не упускалъ случая дать ему какое-нибудь порученіе къ графинѣ. Однажды даже послалъ ей, черезъ него, свое—Credo de l'Amour. Жакъ сначала забылъ его, потомъ потерялъ, отчасти по разсѣянности, отчасти изъ хитрости.

Черезъ каждыя двѣ недѣли, по четверкамъ, Жакъ обѣдалъ у матери, иногда вдвоемъ съ ней, иногда съ «нашимъ другомъ». Въ эти дни ѣздили въ театръ, въ концертъ. Это былъ праздникъ для Жака и для «маленькихъ знойныхъ странъ» также, потому что Жакъ возвращался изъ этихъ экскурсій въ семейную жизнь, съ карманами, полными лакомствъ.

Въ одинъ изъ такихъ четверковъ, Жакъ пріѣхалъ въ обычный часъ, увидѣлъ въ столовой три прибора и какъ-то особенно много хрусталя и цвѣтовъ. О! какое счастье! подумалъ онъ; здѣсь «нашъ другъ». Мать вышла къ нему на встрѣчу, прекрасная, нарядная, съ вѣтками бѣлой сирени въ волосахъ. Каминъ весело пылалъ въ гостиной, куда она увлекла Жака, говоря: угадай, кто здѣсь?

— Я знаю кто! отвѣчалъ Жакъ, довольный:—«нашъ другъ».

Эти маленькія сцены повторялись у нихъ часто по четверкамъ, при появленіи Жака.

Но это былъ д'Аржантонъ. Блѣдный, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, въ рубашкѣ съ гофрированной, туго-накрахмаленной грудью, придававшей ему важный видъ, онъ сидѣлъ, развалясь на диванѣ. Разочарованіе ребенка было такъ велико, что онъ съ трудомъ удержался отъ слезъ. Это была минута неловкости и молчанія. Къ счастью, дверь съ шумомъ и громомъ отворилась, словно на нее ринулась орда Гунновъ, и Августинъ громовымъ голосомъ возвѣстилъ: «кушать подано!»

Обѣдъ показался маленькому Жаку очень долгимъ и скучнымъ. Онъ стѣснялся и самъ былъ стѣсненъ. Чувствовали-ли вы когда-нибудь эту изолированность, поселяющую въ васъ желаніе исчезнуть, уйти совсѣмъ—до такой степени сознаешь себя безполезнымъ, докучливымъ?

Когда Жакъ говорилъ, его не слушали; понять же то, что̀ говорилось при немъ—ему нѐчего было и думать. Это были полуслова, загадочныя фразы, намёки, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ, когда приходится говорить при дѣтяхъ. Порой, онъ видѣлъ, что его мать смѣялась, потомъ краснѣла, и пила, для того чтобы не замѣтили, что она краснѣетъ. «О! нѣтъ, нѣтъ», говорила она, или «ка̀къ знать!.. «Вы думаете?» Можетъ быть». Все это казалось, ничего не значило, и однако-же, заставляло ихъ очень смѣяться. Куда дѣвались эти веселые обѣды, когда Жакъ, сидя между матерью и «нашимъ другомъ», царствовалъ за столомъ и управлялъ по своему капризу настроеніемъ собесѣдниковъ.

Это воспоминаніе пробудилось въ немъ вдругъ, при одной несчастной фразѣ. Г-жа Барански предложила д'Аржантону грушу, прекрасный видъ которой привелъ его въ восхищеніе.

— Это изъ Тура, сказалъ Жакъ съ намѣреніемъ или безъ намѣренія. Это—«нашъ другъ» прислалъ намъ....

Д'Аржантонъ, ужъ собиравшійся чистить грушу, положилъ ее опять на тарелку съ движеніемъ, въ которомъ проглядывала, въ одно и тоже время, досада, что онъ не можетъ отвѣдать любимаго фрукта, и презрѣніе, внушаемое соперникомъ.

О! какой ужасный взглядъ бросила мать на ребенка! Никогда она такъ не смотрѣла на него. Жакъ не смѣлъ болѣе ни шевелиться, ни говорить. И это впечатлѣніе обѣда продолжалось весь вечеръ.

Сидя у камина другъ подлѣ друга, Ида и д'Аржантонъ разговаривали въ полголоса; онъ разсказывалъ ей о своемъ дѣтствѣ, болѣзненномъ и нервномъ, проведенномъ въ старинномъ замкѣ, стоящемъ въ горахъ; описывалъ башни, рвы, длинные корридоры, гдѣ завывалъ вѣтеръ. Потомъ перешелъ къ своимъ первымъ трудамъ, къ борьбѣ съ препятствіями, которыя на каждомъ шагу долженъ былъ встрѣчать его геній... Онъ говорилъ объ ожесточенныхъ преслѣдованіяхъ, о литературныхъ врагахъ и о тѣхъ язвительныхъ эпиграммахъ, которыми онъ отплачивалъ имъ: «и тогда я сказалъ ему эти жестокія слова»...

На этотъ разъ она не прерывала его; она слушала, опершись на локоть, улыбаясь, какъ бы въ экстазѣ. Онъ такъ овладѣлъ ея мыслями, что, когда онъ замолкалъ, она все еще слушала; и въ залѣ раздавались только стукъ маятника, да шелестъ страницъ, которыя перевертывалъ скучающій ребенокъ, разсматривая какой-то альбомъ.

Вдругъ она встала, вся трепещущая... «Жакъ, тебѣ пора, мой дружокъ; позови Констанъ, чтобъ она проводила тебя въ гимназію».

— Мамаша!.. Онъ не смѣлъ сказать, что обыкновенно она отправляла его позже. Онъ боялся огорчить свою мать и въ особенности встрѣтить въ ея прекрасныхъ свѣтлыхъ глазкахъ то сердитое выраженіе, которое такъ поразило его за обѣдомъ. Въ награду за послушаніе она поцѣловала его съ какой-то особенной страстностью.

— Прощай, мальчикъ... сказалъ д'Аржантонъ съ удвоенной торжественностью и привлекъ къ себѣ ребенка, какъ бы для того, чтобъ поцѣловать его. Тотъ подставилъ ему свою хорошенькую бѣлокурую головку.

— Прощайте.

Но поэтъ оттолкнулъ его, словно подъ вліяніемъ непреодолимаго отвращенія, подобнаго тому, которое онъ испыталъ за обѣдомъ, когда собирался ѣсть свою грушу. И однако-жь, вѣдь этотъ ребенокъ не былъ подаркомъ «нашего друга».

— Я не могу, не могу... прошепталъ онъ и опустился на диванъ, отирая себѣ лобъ.

Жакъ, озадаченный, смотрѣлъ на мать, какъ бы спрашивая: что̀ я ему сдѣлалъ?

— Ступай, мой другъ... Констанъ, проводите его...

И между тѣмъ, какъ г-жа Баранси подошла къ своему поэту, чтобы его успокоить, мальчикъ возвращался, грустный, въ гимназію Моронваля. И въ темномъ переулкѣ, который казался ему, вслѣдствіе горести возвращенія, еще мрачнѣй и печальнѣй, и въ ледяномъ дортуарѣ онъ все думалъ о профессорѣ, такъ спокойно развалившемся на диванѣ, посреди цвѣтовъ и свѣта, и съ завистью говорилъ: онъ — счастливецъ... ему хорошо.. До котораго часу онъ тамъ останется?..

Въ восклицаніи д'Аржантона: «я не могу...» и въ этомъ отвращеніи, не дозволявшемъ ему поцѣловать Жака, конечно, было много напускного, дѣланаго; но однако-жь, сюда входило и дѣйствительное, искреннее чувство.

Онъ ревновалъ къ ребенку, какъ ребенокъ ревновалъ къ нему. Въ его глазахъ, это было все прошлое Иды—живое доказательство, что другіе любили ее до него. Его гордость страдала отъ этого. Не то, чтобы онъ былъ очень увлеченъ графиней. Можно было сказать скорѣй, что онъ любилъ въ ней самого себя; что, видя въ ея ясныхъ и наивныхъ глазахъ свой образъ, прикрашеннымъ, онъ снисходительно останавливался, съ эгоистической улыбкой, какую каждая женщина бросаетъ зеркалу, въ которомъ она является хорошенькой. Но д'Аржантону хотѣлось бы, чтобъ это зеркало не тускнѣло ни отъ чьего дыханія; чтобъ онъ зналъ, что оно никогда никого не отражало въ себѣ, кромѣ его—а между тѣмъ, оно хранило оскорбительное воспоминаніе о многихъ другихъ образахъ.

Это было непоправимо. Бѣдная Ида не могла тутъ ничѣмъ помочь и только повторяла, какъ всѣ онѣ: «Зачѣмъ я встрѣтила тебя такъ поздно?» что̀ вовсе не облегчало мученій этой странной, ретроспективной ревности, тѣмъ болѣе, что ей служила подкладкой непомѣрная гордость. «Она должна была меня предчувствовать», думалъ д'Аржантонъ. Отсюда этотъ глухой гнѣвъ, который одинъ видъ ребенка возбуждалъ въ немъ. Она не могла, однако-жь, отречься отъ этого милаго прошлаго съ золотыми кудрями, покинуть его совсѣмъ; но мало по малу, для

избѣжанія этихъ прискорбныхъ встрѣчь, при которыхъ каждый мучился мыслью, что онъ стѣсняетъ другихъ, она стала рѣже брать къ себѣ Жака и сама пріѣзжать въ гимназію. Она уже начинала приносить жертвы, и эта первая жертва была не самая ничтожная; что̀ касается до отеля, до экипажа, до всей этой роскоши, въ которой она жила, то бѣдная женщина готова была все покинуть и ожидала только знака отъ д'Аржантона, чтобы дать отставку «нашему другу».

— Ты увидишь, говорила она:—я стану помогать тебѣ, стану работать. И притомъ, я не буду тебѣ въ тягость... у меня все-таки останется немножко денегъ.

Но д'Аржантонъ еще колебался. Это былъ, несмотря на свою кажущуюся экзальтацію, очень холодный и разсудительный умъ, методическій буржуа, заранѣе обдумывавшій даже самыя необузданныя выходки свои.

— Нѣтъ, нѣтъ; подождемъ еще... придетъ время, я буду богатъ, и тогда...

Онъ намекалъ на эту старую тётку, высылавшую ему пенсію и которой онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ; добрая женщина была уже такъ стара...

И въ надеждѣ на будущее, они дѣлали разные проекты. Они поселятся тогда въ деревнѣ, не вдалекѣ отъ Парижа, для того, чтобы пользоваться его цивилизаціей, но избѣжать его шума; у нихъ будетъ маленькій домикъ, планъ котораго давно уже былъ намѣченъ поэтомъ, съ итальянской террасой, тонущей въ зелени виноградныхъ вѣтвей, съ надписью на фронтонѣ: *parva domus magna quies*, «маленькій домикъ, большое спокойствіе». Здѣсь онъ будетъ работать, писать свою «Дочь Фауста», о которой онъ говорилъ уже десять лѣтъ. За «Дочерью Фауста» послѣдуетъ книжка лирическихъ стихотвореній «Олеандры», потомъ книжка безпощадныхъ сатиръ «Мѣдныя струны». Въ головѣ его рождалось множество разныхъ заглавій, ярлычковъ идей, переплетныхъ корешковъ на книгахъ съ пустой, бѣлой бумагой внутри. Тогда явятся издатели... Они должны будутъ явиться. Онъ разбогатѣетъ, сдѣлается знаменитостью, можетъ быть, членомъ академіи; хотя это учрежденіе совсѣмъ упало, сгнило...

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила Ида:—все равно, ты долженъ быть академикомъ! И она уже видѣла себя въ академической залѣ, въ день его пріема. Скромно одѣтая, въ простенькомъ платьѣ, какъ подобаетъ женѣ знаменитаго человѣка, она съ замирающимъ сердцемъ прячется въ уголкѣ...

А въ ожиданіи всего этого, они продолжали лакомиться грушами «нашего друга», самаго удобнаго и наименѣе проница-

тельнаго изъ друзей... Д'Аржантонъ находилъ ихъ превосходными, но ѣлъ ихъ съ озлобленіемъ, съ яростью, съ зубовнымъ скрежетомъ и, сознавая неблаговидность своихъ поступковъ, вымѣщалъ все на несчастной Идѣ, которой говорилъ очень колкія и очень оскорбительныя вещи.

Недѣли, мѣсяцы прошли такимъ образомъ, не внеся никакой перемѣны въ ихъ жизнь, и только между Моронвалемъ и его профессоромъ литературы произошло весьма замѣтное охлажденіе. Мулатъ, все еще ожидавшій отъ графини рѣшительнаго отвѣта по дѣлу изданія журнала, подозрѣвалъ, что д'Аржантонъ вредитъ его планамъ, и не стѣсняясь высказывалъ свое мнѣніе объ «этомъ господинѣ».

Въ одинъ изъ четверковъ, когда Жакъ грустно поглядывалъ въ многочисленныя окна рекреаціонной ротонды на вешнее голубое небо, говорившее ему о прогулкахъ, о волѣ, раздался звонокъ, и г-жа Баранси появилась, веселая, разряженная, торопливая, въ какомъ-то особенно возбужденномъ состояніи. Она пріѣхала за Жакомъ для того, чтобы везти его за городъ, гдѣ они должны были завтракать и провести весь день. Надо было спроситься у Моронваля; но, такъ какъ г-жа Баранси привезла третной взносъ, то вы поймете, что за позволеніемъ дѣло не стало.

Жакъ былъ въ полнѣйшемъ восторгѣ, и между тѣмъ, какъ его мать разсказывала Моронвалю, что г. д'Аржантонъ долженъ былъ отправиться въ Овернь, къ своей умирающей тёткѣ — побѣжалъ одѣваться. На дворѣ онъ встрѣтилъ Маду, изнуреннаго, грустнаго и незамѣчавшаго, посреди своихъ хозяйственныхъ заботъ, своихъ ведерокъ и метелъ, что въ воздухѣ повѣяло весной. При видѣ его, у Жака блеснула мысль, одна изъ мыслей счастливаго ребенка, желающаго, чтобы всѣ вокругъ него были также счастливы, какъ онъ самъ.

— Мамаша! возьмемъ Маду...

На этотъ разъ позволенія было труднѣе добиться по причинѣ многочисленныхъ обязанностей, лежавшихъ на маленькомъ королѣ въ гимназіи. Но Жакъ такъ убѣдительно упрашивалъ, что добрѣйшая г-жа Моронваль согласилась принять, въ отсутствіе Маду, всѣ обязанности его на себя. Произошла минута замѣшательства. Маду былъ ошеломленъ. Г-жа Моронваль выбирала ему костюмъ, которымъ нужно было, для такого экстреннаго случая, позаимствоваться у другихъ учениковъ. Маленькій Жакъ прыгалъ отъ радости, между тѣмъ какъ его мать, подобно птичкѣ, которую шумъ возбуждаетъ, щебетала съ Моронвалемъ, сообщая ему всякія подробности объ отъѣздѣ д'Аржантона, о болѣзни его тётки и пр.

Наконецъ, отправились. Жакъ съ матерью сѣли въ кабріолетъ, а Маду помѣстился на козлахъ, рядомъ съ Августиномъ. Это было не совсѣмъ по королевски, но его высочество видалъ и не это. Они ѣхали сначала Аллеей Императрицы, гдѣ такъ хорошо, такъ свѣжо и просторно въ эту раннюю пору. Имъ встрѣтилось нѣсколько гуляющихъ, вышедшихъ подышать чистымъ воздухомъ, насладиться солнцемъ, пока еще не начался дневной шумъ, не поднялась пыль; дѣти гуляли съ своими няньками; изрѣдка попадались и всадники, амазонки, лошади которыхъ оставляли на только что утрамбованномъ пескѣ слѣды копытъ; виллы, тамъ и сямъ разбросанныя и прятавшіяся въ зелени, дышали тишиной и спокойствіемъ, а розовые кирпичи и синеватыя крыши ихъ блестѣли, омытые утренней росой.

Жакъ, внѣ себя отъ восхищенія, цаловалъ мать и дергалъ за рукавъ Маду, спрашивая:

— Ты доволенъ, Маду?

— Доволенъ, мусье.

Наконецъ, пріѣхали въ лѣсъ, мѣстами уже зеленѣвшій; экипажъ остановился у ресторана Pavillon; и между тѣмъ, какъ приготовляли завтракъ, г-жа Баранси съ дѣтьми пошла погулить вокругъ озера, которому утренняя тишина придавала совсѣмъ другую физіономію. Теперь оно осмѣлилось сдѣлаться настоящимъ озеромъ... не походило на неподвижное зеркало, въ которое глядятся новѣйшіе моды и парижское тщеславіе. Оно жило... рябь виднѣлась на немъ, птички задѣвали его своими крыльями, поплавки шевелились подъ его струями, лебеди плескались въ немъ, ивы, окаймленныя зеленью нѣжныхъ побѣговъ, купали въ немъ свои одинокія вѣтви.

— Не поѣхать ли намъ въ зоологическій садъ? предложила г-жа Баранси послѣ завтрака.

— Ахъ! мамаша, кàкъ ты хорошо придумала! воскликнулъ Жакъ.—Маду никогда не видалъ этого—онъ будетъ такъ радъ.

Зоологическій садъ, почти безлюдный, сдѣлалъ на нихъ тоже впечатлѣніе, что̀ и лѣсъ — впечатлѣніе свѣжести и пробужденія. Здѣсь Маду, радовавшійся до сихъ поръ только для того, чтобъ доставить удовольствіе Жаку, началъ уже дѣйствительно радоваться. Ему не нужны были синіе ярлычки, прибитые у всѣхъ этихъ маленькихъ двориковъ и придающіе имъ видъ тюремъ подъ номерами, для того чтобы узнать нѣкоторыхъ животныхъ своей родины. Съ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и сожалѣнія смотрѣлъ онъ на длинноногихъ кенгуру; казалось, онъ сочувствовалъ этимъ невольнымъ переселенцамъ и страдалъ, видя ихъ на такомъ маленькомъ пространствѣ, которое они пе-

репрыгивали въ три скачка, возвращаясь къ своей хижинѣ, съ торопливостью домашняго животнаго, знающаго домъ и понимающаго необходимость убѣжища Онъ останавливался передъ онаграми и антилопами, передъ страусами и казуарами и, смотря на ихъ тѣсныя помѣщенія, думалъ о гимназіи Моранваля.

Мало по малу садъ наполнялся; онъ сдѣлался теперь оживленнымъ, шумнымъ, свѣтскимъ, и вдругъ Маду увидѣлъ, между двумя аллеями, странное, фантастическое зрѣлище, до такой степени поразившее его, что онъ остался какъ вкопанный, не находя словъ для выраженія своего удивленія, своего восторга.

Надъ рѣшетками, надъ зеленой чащей, почти на высотѣ большихъ деревьевъ, показались огромныя головы двухъ слоновъ, которые приближались, шевеля хоботами и покачивая на своихъ широкихъ спинахъ пеструю толпу женщинъ, съ свѣтлыми зонтиками, дѣтей въ соломенныхъ шляпахъ и съ открытыми головами, бѣлокурыми, черноволосыми и убранными цвѣтными лентами. За слонами, совсѣмъ другой походкой, выступалъ жирафъ, вытянувъ свою длинную шею, высоко держа свою маленькую головку, гордую и серьёзную; на немъ тоже сидѣли люди, и этотъ оригинальный караванъ тянулся по извилистой аллеѣ между кружевомъ молодыхъ вѣтвей, съ хохотомъ, вскрикиваньями; въ томъ возбужденномъ состояніи, которое сообщается высотой, большей свѣжестью воздуха, а также и тайнымъ страхомъ, подавляемымъ самолюбіемъ.

— Что̀ съ тобой, Маду? ты дрожишь... Не боленъ ли ты? спросилъ Жакъ своего товарища.

Маду положительно изнемогалъ отъ волненія; но когда ему сказали, что онъ тоже можетъ влѣзть на животныхъ, его физіономія приняла важный, серьёзный, почти торжественный видъ. Жакъ отказался его сопровождать. Онъ остался съ матерью, которую находилъ не довольно веселой, не довольно смѣющейся для такого счастливаго дня. Онъ чувствовалъ потребность прижаться къ ней, любоваться на нее. Сидя рядомъ, они смотрѣли, ка̀къ маленькій негръ торопливо, съ какой-то странной дрожью взбирался на слона. Разъ попавши туда, онъ казался у себя, на своемъ мѣстѣ. Это ужь не былъ чужеземный ребенокъ, съ смѣшными, почти каррикатурными ухватками, съ страннымъ говоромъ, неловкій школьникъ, маленькій лакей, униженный своими рабскими обязанностями и тираніей своего господина; подъ его черной кожей, обыкновенно земляной, билась жизнь; его жесткіе волосы дико подымались; въ глазахъ сверкали искры гнѣва. Его два или три раза провезли по аллеямъ. «Еще! еще!» кричалъ онъ, возбужденный до опьяненія. Керика, Дагомей, война, охота—все воскресло у него въ памяти. Онъ говорилъ самъ съ

собой на своемъ языкѣ, и этому маленькому африканскому голоску, щебечущему и ласкающему, отвѣчалъ крикъ слоновъ, ржаніе зебровъ, удары птичьяго клюва о дерево... Шумъ, гамъ, свистъ дѣвственнаго лѣса, передъ часомъ сна.

Но становилось поздно. Надо было возвращаться домой, разстаться съ этой прекрасной мечтой; притомъ же, тотчасъ послѣ солнечнаго заката, поднялся вѣтеръ, холодный и пронзительный, какъ это часто бываетъ при началѣ весны, когда ночной морозъ смѣняетъ теплые, дневные лучи. Дѣти возвращались молчаливыя, озябшія. Маду задумался, на козлахъ подлѣ кучера. У Жака — самъ онъ не зналъ отчего — ныло сердце; случайно и г-жа Барански молчала. А между тѣмъ, она имѣла нѣчто сказать, и, вѣроятно, сказать это было ей не совсѣмъ легко, потому что она не говорила до послѣдней минуты. Наконецъ, она взяла руку Жака въ свою.

— Послушай, дитя мое, я должна сообщить тебѣ нехорошую вѣсть.

Онъ тотчасъ же понялъ, что его ожидаетъ какое-нибудь несчастіе, и его умоляющіе глаза устремились на мать.

— О! не говори, не говори, мамаша, того, что̀ ты имѣешь сказать мнѣ.

Но она продолжала вполголоса и очень быстро.

— Я должна уѣхать далеко... покинуть тебя... но я буду тебѣ писать. Главное — не плачь, мой дружокъ; ты очень огорчишь меня этимъ. Во-первыхъ, я уѣзжаю не надолго... мы скоро увидимся... да̀, скоро, я обѣщаю тебѣ.

И она принялась разсказывать ему разныя нелѣпыя исторіи: дѣло шло о деньгахъ, о полученіи наслѣдства, о какихъ-то совершенно непонятныхъ, таинственныхъ вещахъ.

Она могла говорить еще долго и изобрѣтать тысячу другихъ исторій—Жакъ уже не слушалъ ея; подавленный, убитый, онъ молчаливо плакалъ въ своемъ углу; и этотъ Парижъ, которымъ они ѣхали, казался ему очень измѣнившимся съ утра, лишеннымъ вешнихъ лучей, благоуханія сирени, мрачнымъ, гибельнымъ... Жакъ смотрѣлъ на него полными слезъ глазами ребенка, только-что потерявшаго мать свою...

VI.

Маленькій король.

Нѣсколько времени спустя послѣ этого внезапнаго отъѣзда, въ гимназіи получилось письмо отъ д'Аржантона. Поэтъ просилъ своего «милаго директора» уволить его отъ обязанностей про-

фессора литературы, такъ какъ смерть одной родственницы измѣнила его положеніе. Въ постскриптумѣ, онъ съ большой развязностью прибавлялъ, что г-жа Баранси, вынужденная внезапно оставить Парижъ, поручала своего маленькаго Жака отеческимъ попеченіямъ г. Моронваля. Въ случаѣ болѣзни ребенка, писать на имя д'Аржантона, для передачи. «Отеческія попеченія Моронваля!» Ка̀къ онъ долженъ былъ смѣяться, когда писалъ эту фразу. Какъ будто онъ не зналъ мулата, какъ будто не зналъ, что̀ ждетъ ребенка въ заведеніи, когда тамъ сдѣлается извѣстнымъ, что его мать уѣхала и что на нее нѐчего больше надѣяться.

По полученіи этого письма, сухаго, дерзкаго по своей краткости, Моронваль пришелъ въ неописанную ярость. Съ нимъ бывали иногда эти припадки безумнаго, необузданнаго гнѣва, повергавшіе всю гимназію въ страхъ и ужасъ, словно тропическая гроза. «Уѣхала! Съ этой голью, съ этимъ косолапымъ красавчикомъ, у котораго нѣтъ ни ума, ни таланта, ничего, ничего. И ка̀къ не стыдно было женщинѣ ея лѣтъ... вѣдь, она ужь не первой молодости—бросить этого бѣднаго ребенка одного въ Парижѣ, у чужихъ людей».

Но между тѣмъ, какъ онъ соболѣзновалъ объ участи бѣднаго ребенка, на губахъ его скользила какая-то нехорошая улыбка, словно говорившая: погоди, любезная, погоди... увидитъ твой Жакъ, каковы мои родительскія попеченія...

Но не столько возмущала его неудача съ журналомъ, лопнувшая навѣки надежда разбогатѣть, сколько эта недовѣрчивая скрытность, эта таинственность, которой окружали себя оба эти существа, познакомившіяся черезъ него, въ его домѣ. Онъ побѣжалъ на бульваръ Гаусмана, думая разузнать что-нибудь, но и тутъ была та же самая таинственность. Дѣвица Констанъ ожидала письма отъ госпожи Баранси. Она знала только, что съ «нашимъ другомъ» совсѣмъ покончили, что съ бульвара переѣдутъ и что вся движимость будетъ, вѣроятно, продаваться.

— Ахъ! г. Моронваль, прибавилъ фактотумъ: — это для насъ— большое несчастіе, что мы узнали ваше заведеніе.

Мулатъ возвратился въ гимназію, вполнѣ убѣжденный, что въ слѣдующую треть Жака возьмутъ отъ него или что самъ онъ долженъ будетъ его отправить за невзносъ денегъ. Изъ этого вытекало, что маленькаго Баранси безполезно было щадить теперь и что слѣдовало выместить на немъ все это подобострастіе, которымъ окружали его цѣлый годъ.

Началось съ обѣда, за которымъ теперь Жакъ нетолько сидѣлъ рядомъ съ другими учениками, какъ равный, но даже

сдѣлался ихъ игрушкой и мученикомъ. Ни пирожковъ, ни вина— одинъ «шиповникъ», какъ и для всѣхъ; мутный, желтоватый, прѣсный шиповникъ, съ нездоровой пѣной, съ плавающими въ немъ посторонними тѣлами, словно вода въ половодье. И все время—враждебные взгляды, оскорбительные намеки.

При немъ нарочно заговаривали о д'Аржантонѣ. Это былъ бездарный стихотворецъ, эгоистъ, тщеславный человѣкъ. Что̀ же касается до его дворянства, то оно также было хорошо извѣстно. Эти длинные, темные корридоры, гдѣ болѣзненный ребенокъ прислушивался къ завыванью вѣтра, находились не въ старинномъ за̀мкѣ въ горахъ, а въ маленькомъ отель-гарни, который содержала его тётка въ какомъ-то грязномъ и узкомъ переулкѣ Парижа. Эти нападки на поэта забавляли Жака, ненавидѣвшаго его. Но что-то удерживало его отъ смѣха, мѣшало ему примкнуть къ шумной веселости «маленькихъ знойныхъ странъ», раболѣпно восхищавшихся каждой шуткой Моронваля, потому что за этими нападками всегда слѣдовали намеки на другую особу, которую Жакъ боялся угадать, хотя никакого имени не произносилось. Казалось, въ умѣ собесѣдниковъ что̀-то соединяло Амори д'Аржантона, этого противнаго, смѣшнаго фата, съ той особой, которая была для Жака дороже и выше всего на свѣтѣ.

Особенно часто упоминалось въ ихъ разговорахъ какое-то герцогство Баранси.

— Гдѣ оно, это герцогство—въ Туренѣ или въ Конго? кричалъ Лабасендръ.

— Гдѣ бы оно ни было, отвѣчалъ докторъ Гиршъ, моргая:— но надо сознаться, что его хорошо «содержатъ...»

— Браво! браво! «Содержатъ!» это очень мило.

И всѣ покатывались со смѣху. Иногда у нихъ также заходила рѣчь о лордѣ Пемброкѣ, генерал-майорѣ индійской арміи.

— Я его отлично зналъ, говорилъ докторъ Гиршъ.—Онъ командовалъ полкомъ тридцати-шести папашъ.

— Браво, браво! тридцать шесть папашъ!

Жакъ опускалъ голову, смотрѣлъ въ свою тарелку, на свой хлѣбъ, не смѣя даже плакать, хотя слезы душили его. Порой, не понимая настоящаго смысла сказанныхъ словъ, онъ, по выраженію лицъ собесѣдниковъ, по ихъ смѣху, догадывался объ оскорбленіи. Тогда г-жа Моронваль говорила ему мягко: «Жакъ, сходи, милый другъ, на кухню... поторопи»... И потомъ она вполголоса начинала бранить компанію.

— Э! развѣ онъ понимаетъ! отвѣчалъ Лабассендръ.

Конечно, бѣдный ребенокъ не понималъ всего, но умъ его раскрывался при этихъ первыхъ огорченіяхъ, неустанно доиски-

вался причины ненависти и презрѣнія окружавшихъ его, и нѣкоторыя темныя слова изъ этихъ застольныхъ бесѣдъ оставались у него въ умѣ, какъ сомнѣніе. Онъ давно зналъ, что у него не было отца, что имя, которое онъ носилъ, было не его, что у его матери не было мужа. Это служило точкой отправленія для его тревожныхъ размышленій. У него появлялась обидчивость. Однажды, когда долговязый Саидъ назвалъ его «сыномъ кокотки», онъ вмѣсто того, чтобы засмѣяться, какъ прежде, бросился на египтянина и, сдѣлавъ ему изъ своихъ маленькихъ пальцевъ ошейникъ, началъ его душить. На ревъ Саида прибѣжалъ Моронваль, и, въ первый разъ, со времени своего вступленія въ гимназію, маленькій Баранси познакомился съ хлыстомъ.

Съ этого дня обаяніе рушилось, и Моронваль уже не останавливался передъ исправительными мѣрами. Наказывать бѣлаго доставляло ему такое удовольствіе! Для того, чтобъ участь Жака совсѣмъ походила на Маду, недоставало только, чтобъ онъ перешелъ на кухню. Не думайте, однако-жь, чтобъ положеніе несчастнаго короля, вслѣдствіе этой гимназической революціи, улучшилось. Нѣтъ, на немъ попрежнему вымѣщались всѣ обманутыя надежды. Лабассендръ угощалъ его пинками, докторъ Гиршъ дралъ его за уши, а «человѣкъ съ палкой»—мстилъ ему за неудачу журнала.

— Никогда доволенъ, никогда доволенъ! повторялъ маленькій негръ, изнемогая подъ тяжестью своей работы. Съ наступленіемъ весны и теплыхъ солнечныхъ дней, въ немъ усилилась тоска по родинѣ, которую, притомъ же, такъ живо и такъ недавно напомнилъ ему зоологическій садъ...

Его изгнанническая меланхолія проявлялась сначала въ нѣмой, невозмутимой покорности, съ которой онъ переносилъ всѣ оскорбленія и удары. Потомъ на лицѣ Маду появилась какая-то рѣшимость, черты его оживились, и казалось, что, снуя туда и сюда, то въ саду, то въ домѣ, исполняя свои разнообрзныя обязанности, онъ шелъ къ далекой, никому не вѣдомой цѣли; на эту же мысль наводила неподвижность его взгляда и какая-то стремительность всего существа его, какъ будто кто-то шелъ впереди и звалъ его.

Однажды вечеромъ, когда негръ ложился спать, Жакъ услышалъ, что онъ что̀-то потихоньку лепечетъ на своемъ языкѣ, и спросилъ его:

— Ты поешь, Маду?

— Нѣтъ, мусье, не пою, я говорю по своему.

И онъ открылся своему другу. Онъ рѣшился бѣжать. Онъ давно задумалъ это и только дожидался солнца; теперь, когда солн-

це воротилось и онъ вернется въ Дагомей, къ Керикѣ. Если Жакъ хочетъ бѣжать съ нимъ, они дойдутъ пѣшкомъ до Марселя, спрячутся на кораблѣ и потомъ вмѣстѣ поѣдутъ моремъ. Съ ними не могло случиться ничего дурнаго, потому что у Маду былъ гри-гри.

Жакъ сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія. Ка̀къ ни несчастливъ онъ былъ, но родина Маду-Гезо не соблазняла его. Мѣдный бассейнъ, съ головами казненныхъ, не выходилъ у него изъ памяти. И, притомъ, онъ будетъ тамъ еще дальше отъ матери.

— Ну, хорошо, сказалъ негръ спокойно:—оставайся въ гимназіи, я уйду одинъ.

— И когда ты уйдешь?

— Завтра, отвѣчалъ негръ рѣшительно и тотчасъ закрылъ глаза, для того чтобъ заснуть, какъ будто ему нужны были всѣ его силы.

Слѣдующій день былъ «день методы», какъ говорилось въ гимназіи. Въ эти дни на лекцію г-жи Дэкостеръ собирались въ большой залѣ потому, что тамъ находился органъ-гармоніумъ, необходимый для выразительнаго чтенія. Войдя туда, Жакъ увидѣлъ Маду, молчаливо натиравшаго полъ огромнаго зала, и подумалъ, что онъ отложилъ свое путешествіе.

Ужь часъ или два, какъ маленькія знойныя страны трудились надъ очертаніемъ словъ, не щадя своихъ челюстей, когда голова Моронваля показалась въ дверяхъ.—Маду нѣтъ здѣсь?

— Нѣтъ, мой другъ. Я послала его на рынокъ, за провизіей.

При этомъ словѣ: «провизія», на лицахъ дѣтей выразилась такая радость, что они бы сейчасъ изобразили его очертаніе, еслибы ихъ спросить. Ихъ такъ мало кормили! Жакъ, менѣе голодный, вспомнилъ вчерашній разговоръ, слышанный имъ передъ сномъ и оставшійся у него въ головѣ какъ сновидѣніе.

Г. Моронваль удалился затѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько минутъ появиться опять. «Ну, что̀-жь Маду?»

— Еще не пришолъ... Не понимаю, что̀ это̀ значитъ? сказала маленькая женщина, въ свой чередъ нѣсколько встревоженная.

Десять, одиннадцать часовъ—Маду все нѣтъ. Лекція давно кончилась. Насталъ часъ, когда обыкновенно изъ маленькой, узкой кухни, находившейся внизу, несся теплый запахъ, раздражавшій волчій аппетитъ учениковъ. Но въ это утро—ни овощей, ни мяса, и Маду нѣтъ какъ нѣтъ.

— Не случилось ли съ нимъ чего? говорила г-жа Морон-

валь, больше снисходительная, нежели ея угрюмый супругъ, который, отъ времени до времени, съ хлыстомъ въ рукѣ, выходилъ къ воротамъ сторожить маленькаго негра.

Наконецъ, и двѣнадцать пробило на всѣхъ часахъ, на всѣхъ сосѣднихъ башняхъ и колокольняхъ, возвѣщая часъ завтрака, раздѣляющій трудовой день на двѣ почти равныя части. Этотъ веселый звонъ отозвался въ пустыхъ желудкахъ обитателей гимназіи самымъ зловѣщимъ образомъ. И, между тѣмъ, какъ на ближайшихъ фабрикахъ водворилось молчаніе и даже въ бѣдныхъ домишкахъ переулка всюду виднѣлся огонь кухонныхъ печей, струился теплый душистый паръ и раздавался стукъ ножей и тарелокъ, ученики и учителя, исполненные отчаянія, напрасно ждали благодѣтельной манны. Это голодное заведеніе, безъ провіанта, походило на погибающій плотъ посреди океана жующихъ ртовъ. Маленькія знойныя страны блуждали съ вытянутыми лицами, съ широко раскрытыми глазами, съ спазмами въ желудкѣ, чувствуя, что въ нихъ пробуждается ихъ прежняя каннибальская свирѣпость; около двухъ часовъ, однакожъ, г-жа Моронваль-Дэкостеръ, несмотря на свой врожденный аристократизмъ, сходила сама въ колбасную, чтобы купить тамъ чего-нибудь. Она не смѣла поручить этого никому изъ этихъ маленькихъ голодныхъ дикарей, способныхъ пожрать все дорогой.

Когда она возвратилась съ огромными хлѣбами и пропитанной масломъ бумагой, ее встрѣтило восторженное ура! и тогда только, словно истощенное воображеніе присутствующихъ ожило въ минуту обѣда, всѣ стали сообщать другъ другу предположенія и опасенія, возбуждаемыя отсутствіемъ маленькаго короля. Моронваль не вѣрилъ ни въ какія случайности; у него были достаточныя основанія предполагать побѣгъ.

— Сколько съ нимъ было денегъ? спросилъ онъ.

— Пятнадцать франковъ, застѣнчиво отвѣчала жена его.

— Пятнадцать франковъ! Ну, такъ значитъ, бѣжалъ; это несомнѣнно.

— Не доѣдетъ же онъ, однако, замѣтилъ Гиршъ:—на пятнадцать-то франковъ до своего Дагомея.

Моронваль встряхвулъ головой и тотчасъ же отправился съ заявленіемъ къ коммисару квартала. Дѣло было неладное. Нужно было, во что бы то ни стало, возвратить мальчика, помѣшать ему добраться до Марселя. Мулатъ боялся объясненій съ «мусье Бонфисомъ». Притомъ же, свѣтъ такъ золъ. Маленькій король могъ пожаловаться на дурное обращеніе и уронить въ общественномъ мнѣніи пансіонъ. И потому, въ своемъ заявленіи полиціи онъ, главнымъ образомъ, озаботился наперетъ на

то обстоятельство, что Маду похитилъ «весьма крупную сумму». Вслѣдъ затѣмъ, онъ, съ видомъ безкорыстія, прибавилъ, что денежный вопросъ имѣетъ для него мало значенія, но что всего болѣе его тревожатъ опасности, которымъ можетъ подвергнуться этотъ несчастный ребенокъ, этотъ бѣдный маленькій король, свергнутый, изгнанный, безъ трона, безъ отечества.

Глаза его были влажны. Полицейскіе утѣшали его: «Мы его найдемъ; не безпокойтесь, г. Моронваль». Но г. Моронваль, напротивъ, очень безпокоился, и находился въ такомъ возбужденіи, что, вмѣсто того, чтобы ждать у себя спокойно результата поисковъ, какъ совѣтовалъ ему коммисаръ, онъ немедленно выступилъ въ походъ со всѣми своими маленькими знойными странами и съ нашимъ пріятелемъ Жакомъ, чтобы содѣйствовать усиліямъ полиціи.

Это были дальнія и разнообразныя экскурсіи ко всѣмъ парижскимъ заставамъ. Моронваль разспрашивалъ таможенныхъ досмотрщиковъ, описывая имъ примѣты Маду, между тѣмъ, какъ дѣти смотрѣли на дорогу: не покажется ли между удаляющимися пустыми тележками или между солдатами какого-нибудь полка на походѣ чернаго силуэта маленькаго короля? Потомъ отправлялись въ префектуру полиціи, въ часъ донесеній, или заглядывали раннимъ утромъ въ полицейскіе пòсты, откуда тогда выводятъ разнокалиберный людъ, попавшійся ночью. Странная эта была мысль: водить туда дѣтей, показывать имъ всѣ эти безобразія; разстроивать нервы ихъ, заставляя ихъ слушать эти умоляющіе голоса, эти проклятія, эти рыданія, этотъ рёвъ, эти дикія пѣсни... словомъ, всю эту адскую музыку, раздающуюся въ биткомъ набитыхъ полицейскихъ пòстахъ и доставившую имъ характерное прозвище «скрыпки» «Le violon». Директоръ гимназіи разумѣлъ, вѣроятно, это, когда обѣщалъ въ программѣ «посвящать учениковъ въ парижскую жизнь».

Каждый вечеръ, входя въ дортуаръ, Жакъ испытывалъ чувство радости при видѣ порожней кровати своего друга: «Онъ бѣжитъ, бѣжитъ маленькій король!..» говорилъ онъ себѣ и на минуту забывалъ всѣ горести своего собственнаго существованія, это необъяснимое отсутствіе его матери, покинувшей его. Одно въ путешествіи Маду безпокоило Жака: погода, которая, въ день бѣгства негра, была такая ясная, вдругъ перемѣнилась; теперь лили страшные дожди, шелъ градъ, снѣгъ даже, и, лишь изрѣдка, не надолго, показывались солнечные лучи. Плотно закутавшись въ свое одѣяло, для того чтобы хоть сколько-нибудь укрыться отъ сквознаго вѣтра, гулявшаго въ дортуарѣ со свистомъ и воемъ, Жакъ мысленно слѣдилъ за Маду, со-

здавая въ своемъ воображеніи путь, по которому тотъ долженъ идти. Онъ видѣлъ его пріютившимся въ оврагѣ, у опушки лѣса, подъ дождемъ и бурей, въ его коротенькомъ красномъ казакинѣ, который не могъ защищать его отъ суровостей непогоды.

Но дѣйствительность была еще мрачнѣе всѣхъ этихъ предположеній.

— Нашелся! Нашелся! вскричалъ однажды Моронваль, вбѣгая въ столовую въ ту минуту, какъ пансіонъ садился обѣдать.—Я получилъ извѣщеніе изъ префектуры полиціи, скорѣе мою шляпу и палку... Я бѣгу за нимъ.

Онъ чувствовалъ злобную радость, свирѣпое негодованіе.

Сколько для того, чтобы польстить директору, столько же и для удовлетворенія потребности покричать, которой вообще отличались маленькія знойныя страны, онѣ приняли эту новость съ оглушительными «ура!»; Жакъ не присоединилъ своего голоса къ этому рёву и подумалъ: «Ахъ! бѣдный Маду».

Маду, дѣйствительно, находился въ полиціи со вчерашняго дня. Тамъ-то, въ смрадной клоакѣ, посреди пьяницъ, бродягъ и преступниковъ, валявшихся на засаленныхъ тюфякахъ, брошенныхъ на полъ, нашелъ дагомейскаго наслѣднаго принца его превосходный наставникъ.

— Несчастный ребенокъ! Думалъ ли я найти тебя въ такомъ... въ такомъ....

Достойный г. Моронваль не въ силахъ былъ договорить отъ избытка чувствъ, и полицейскій надзиратель, вошедшій съ нимъ вмѣстѣ, видя, какъ онъ бросился обнимать маленькаго негра, невольно подумалъ: «Вотъ это такъ!.. этотъ содержатель пансіона любитъ своихъ воспитанниковъ!»

Напротивъ того, это безсердечное существо, Маду, казалось, испытывалъ полнѣйшее равнодушіе: при появленіи Моронваля, его черты не выразили ни радости, ни горя, ни удивленія, ни стыда; на нихъ не отразился даже тотъ священный ужасъ, который обыкновенно вселялъ мулатъ и который, въ настоящемъ случаѣ, повидимому, долженъ бы проявиться съ особенною силою.

Его глаза смотрѣли, ничего не видя, и мрачно выдѣлялись на этомъ измѣнившемся лицѣ, поблѣднѣвшемъ и потерявшемъ свой глянецъ. Это состояніе полнаго упадка силъ производило еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, благодаря жалкому, нищенскому виду всей его фигуры, представлявшейся кучею грязныхъ лохмотьевъ. Съ головы до ногъ, и даже въ его курчавыхъ волосахъ, грязь лежала цѣлыми, послѣдовательно накопившимися слоями, изъ

которыхъ наиболѣе сухіе легко отставали, въ видѣ лепешекъ пыльнаго цвѣта.

Онъ походилъ на амфибію, которая передъ тѣмъ то погружалась въ воду, то выходила поваляться на береговомъ пескѣ.

На немъ уже не было ни башмаковъ, ни картуза; его куртка съ галунами, вѣроятно, соблазнила какого-нибудь бродягу. Оставались только выношенные панталоны и жилетъ, красный цвѣтъ котораго, полинявшій отъ солнца и грязи, проглядывалъ только мѣстами.

Что же такое случилось съ нимъ?

Только онъ одинъ могъ бы объяснить это, еслибы захотѣлъ говорить. Надзиратель зналъ только, что полицейскіе, дѣлая свой обходъ наканунѣ, нашли его въ американскихъ каменоломняхъ лежащимъ на печи, предназначенной для обжиганія гипса, почти умирающимъ отъ голода и задыхающимся отъ чрезвычайнаго жара этой печи. Зачѣмъ онъ оставался до сихъ поръ въ Парижѣ? Что помѣшало ему уѣхать?

Моронваль не спросилъ его объ этомъ и не сказалъ ни слова во все время длиннаго переѣзда отъ депо до гимназіи, который они совершили вдвоемъ.

Этотъ ребенокъ, брошенный въ уголъ кареты, какъ какой-нибудь узелъ, растерзанный, отупѣвшій, печальный, и этотъ величественный и торжествующій директоръ обмѣнялись только нѣсколькими взглядами.

И какими взглядами!

Острый стальной клинокъ, закаленный и отточенный, скрестился съ несчастной желѣзной шпаженкой, погнувшейся, сломанной и уже заранѣе побѣжденной.

Когда они проходили черезъ садъ и Жакъ увидалъ это черное лицо, такое жалкое, покрывшееся морщинами и казавшееся еще меньше среди этихъ лохмотьевъ, онъ съ трудомъ узналъ маленькаго короля.

Маду сказалъ: «здравствуй, мусье», и это привѣтствіе прозвучало невыразимо грустно. Затѣмъ, его уже не было видно и о немъ не упоминалось во весь день. Классы и рекреаціи шли своимъ обыкновеннымъ порядкомъ. Только по временамъ, возобновляясь нѣсколько разъ, изъ комнаты мулата доносились глухіе удары и тяжелые стоны. Даже въ тѣ промежутки, когда эти зловѣщіе звуки прекращались, испуганному Жаку казалось, что онъ все еще ихъ слышитъ; г-жа Моронваль также казалась очень взволнованной, когда они доходили до ея слуха, и книга, которую она держала въ рукахъ, часто дрожала всѣми своими страницами.

Во время обѣда, директоръ усѣлся за столъ съ чрезвычайно усталымъ, но торжествующимъ видомъ:

— *Пъезъенный*, сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ и къ доктору Гиршу, *пъезъенный*!.. ка̀къ онъ измучилъ меня!

И дѣйствительно, онъ, казалось, изнемогалъ отъ утомленія.

Вечеромъ, въ дортуарѣ, Жакъ нашелъ занятою кровать, стоявшую рядомъ съ его кроватью. Бѣдный Маду до такой степени измучилъ своего директора, что самъ не могъ уже улечься въ постель безъ посторонней помощи.

Жаку очень бы хотѣлось поговорить съ нимъ и узнать подробности о его кратковременномъ, но трудномъ путешествіи; но тамъ были г-жа Моронваль и докторъ Гиршъ; они стояли, наклонившись къ ребенку, который, повидимому, дремалъ, часто испуская тяжелые вздохи, всегда являющіеся слѣдствіемъ сильнаго утомленія и слезъ.

— Такъ вы думаете, что онъ не боленъ, мсьё Гиршъ.

— Не болѣе, чѣмъ я самъ, мадамъ Моронваль.—Видите ли, эта порода покрыта броней, какъ какой-нибудь мониторъ.

Когда они ушли, Жакъ взялъ руку Маду, выдѣлявшуюся на одѣялѣ своею чернотою; она была суха и горяча, какъ кирпичъ, только что вынутый изъ печи.

— Добрый вечеръ, Маду.

Маду полураскрылъ глаза и съ мрачнымъ отчаяніемъ посмотрѣлъ на своего друга:

— Кончено съ Маду, тихо проговорилъ онъ.—Маду потерялъ *гри-гри*. Никогда ужь не увидитъ Дагомея. Кончено...

Вотъ почему онъ не ушелъ изъ Парижа. Черезъ два часа, послѣ его побѣга изъ гимназіи, въ то время, какъ въ одномъ изъ предмѣстій онъ разыскивалъ открытыя ворота, чтобы выйти за городъ, пятнадцать франковъ, выданные ему на провизію и висѣвшая у него на шеѣ медаль, перешли, онъ самъ не зналъ какимъ образомъ, въ карманъ одного изъ тѣхъ бродягъ, для которыхъ хороша всякая добыча—одной изъ тѣхъ хищныхъ птицъ, которыя бросаются на всякія блестящія вещи.

Тогда, не думая уже о Марсели, о корабляхъ, о своемъ путешествіи, хорошо зная, что безъ своего *гри-гри* онъ никогда не достигнетъ Дагомея, Маду повернулъ назадъ и впродолженіе восьми дней и восьми ночей бродилъ по самымъ глухимъ закоулкамъ Парижа, разыскивая свой талисманъ. Опасаясь, что его поймаютъ и отвезутъ къ Моронвалю, онъ велъ то пресмыкающееся, ночное существованіе, подъ постояннымъ страхомъ, какое ведетъ мрачная часть Парижа, ворующая и убивающая. Онъ проводилъ ночи на постройкахъ, на пустыряхъ, въ проточныхъ тру-

бахъ подъ мостами; благодаря своей миніатюрности и чернотѣ, онъ могъ проскользнуть повсюду и вездѣ находилъ мѣста занятыми. Онъ питался хлѣбомъ воровъ, такъ какъ и воры иногда способны чувствовать состраданіе; присутствовалъ при ночныхъ дѣлежахъ, при ночной трапезѣ убійцъ въ подвалахъ и спалъ своимъ дѣтскимъ сномъ рядомъ съ какимъ-нибудь отверженцемъ. Но что̀ ему было до этого? Онъ искалъ свой *гри-гри*, не обращая никакого вниманія на всѣ эти ужасы.

Среди этихъ подонковъ парижскаго общества, маленькій король чувствовалъ себя такъ же спокойно, какъ въ тѣхъ лѣсахъ, куда онъ отправлялся съ Керикой на большія охоты, когда, пробужденный ночью ревомъ слоновъ и гипопотамовъ, видѣлъ, при слабомъ свѣтѣ, какъ подъ исполинскими деревьями двигались чудовищныя фигуры этихъ животныхъ, бродившихъ вокругъ бивуака, и различалъ шорохъ пресмыкающихся, пробѣгавшихъ по листьямъ возлѣ него. Но Парижъ, со своими чудовищами, представляетъ другого рода ужасы, чѣмъ всѣ лѣса Африки: маленькій негръ чувствовалъ бы сильный страхъ, еслибы онъ могъ видѣть, могъ понимать. Къ счастію, всѣ его мысли были вполнѣ поглощены потерею гри-гри, и здѣсь, какъ и на этихъ отдаленныхъ охотахъ, его охраняло покровительство Керики.

— Кончено съ Маду!

Маленькій король не сказалъ ничего больше въ этотъ вечеръ— до такой степени онъ былъ утомленъ; и его сосѣдъ по дортуару долженъ былъ уснуть, не получивъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

Ночью, Жакъ былъ внезапно разбуженъ: Маду смѣялся, пѣлъ и безъ умолку разговаривалъ самъ съ собою на языкѣ своей родины. Начинался бредъ.

Утромъ, докторъ Гиршъ, котораго привели съ возможной поспѣшностью, объявилъ, что Маду очень боленъ.

— Превосходное воспаленьице мозговой оболочки, сказалъ онъ, радостно потирая руки. Очки его сверкали. Онъ былъ въ полномъ восторгѣ.

Ужасный человѣкъ былъ этотъ докторъ Гиршъ; голова его была набита всевозможными утопіями и теоріями, почерпнутыми изъ разныхъ ученыхъ книгъ; но, по своей лѣни и неумѣнью сосредоточиться, онъ было неспособенъ ни къ какой систематической работѣ, и, удержавъ въ памяти нѣсколько медицинскихъ названій, онъ старался пополнить недостатокъ свѣдѣній грудою разныхъ этюдовъ объ индійской, китайской и халдейской медицинѣ. Онъ даже занимался магіею, и, когда жизнь человѣка предоставлялась случайно на его попеченія, вамъ невольно прихо-

дили на память всѣ тайны чародѣйства и страшныя, загадочныя снадобья, приготовляемыя колдуньями.

По мнѣнію г-жи Моронваль, на помощь ему слѣдовало пригласить настоящаго доктора, но директоръ, менѣе сострадательный и не желавшій дѣлать лишнихъ расходовъ, нашелъ, что и одного Гирша совершенно достаточно для того, чтобы лечить эту мартышку, которую и отдалъ въ его полное распоряженіе.

Желая вполнѣ, безраздѣльно владѣть своимъ паціентомъ, онъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что, вслѣдствіе какого-то усложненія, болѣзнь можетъ сдѣлаться заразительной, велѣлъ перенести кровать Маду на другой конецъ сада, въ небольшое помѣщеніе, въ родѣ темницы, съ каминомъ, все покрытое стеклами, какъ и всѣ постройки прежняго фотографическаго заведенія.

Впродолженіе восьми дней онъ могъ испробовать на своей маленькой жертвѣ всѣ лекарства самыхъ варварскихъ народовъ и мучить ее сколько пожелается; она могла оказать только такое же сопротивленіе, какъ больная собака. Когда докторъ входилъ къ своему больному, нагруженный маленькими, плохо закупоренными стклянками и пачками разныхъ пахучихъ порошковъ, всѣмъ невольно приходило на умъ: «Что̀ онъ хочетъ дѣлать съ нимъ?»

И «маленькія знойныя страны», въ глазахъ которыхъ докторъ всегда являлся чѣмъ-то въ родѣ мага и колдуна, при видѣ его кивали другъ другу головами и перемигивались между собою.

Но, изъ страха эпидеміи, имъ было запрещено приближаться туда, и этотъ уголокъ въ глубинѣ сада принялъ характеръ мѣста, окутаннаго тѣнью, тайною, ужасомъ, гдѣ, повидимому, готовилось совершиться событіе, гораздо болѣе таинственное и ужасное, чѣмъ всѣ снадобья доктора.

Жаку очень хотѣлось видѣть своего друга Маду, переступить этотъ запрещенный порогъ, сдѣлавшійся недоступнымъ, вслѣдствіе постояннаго надзора. Наконецъ, ему удалось улучить минуту, когда докторъ вышелъ за какимъ-то забытымъ имъ лекарствомъ, и войти вмѣстѣ съ долговязымъ Саидомъ въ эту импровизованную больницу.

Это было одно изъ тѣхъ полузаброшенныхъ мѣстъ, куда прячутъ садовые инструменты, цвѣточные корни и луковицы, боящіяся холоду растенія. Желѣзная кровать, на которой лежалъ Маду, стояла на твердо убитой землѣ. По угламъ виднѣлись цвѣточные горшки изъ желтой глины, вложенные одинъ въ другой, рѣшетки для плюща, разбитыя стекла. Въ каминѣ горѣлъ огонь, наполняя темницу удушливымъ, разслабляющимъ жаромъ.

Маду не спалъ. Его жалкое, маленькое личико, становившееся

все болѣзненнѣе и тусклѣе, носило прежнее выраженіе полнѣйшаго равнодушія. Было что̀-то животное въ этомъ самоотреченіи, въ этомъ безучастіи ко всему окружающему, въ той манерѣ, съ которою онъ повертывался къ стѣнѣ, какъ будто между выбѣленными известкою камнями открывались для него невидимые пути, а каждая щель стараго строенія представляла свѣтлый выходъ въ ту страну, которая была извѣстна одному ему.

Жакъ подошелъ къ постели.

— Это—я, Маду... мусье Жакъ.

Маду безсознательно посмотрѣлъ на него и не отвѣтилъ ни слова: онъ уже не зналъ по французски. Этому не могли уже помочь никакія методы въ мірѣ. Мало по малу, природа сказывалась въ этомъ маленькомъ дикарѣ, и, находясь въ горячечномъ бреду, когда теряется способность управлять собою, когда инстинктъ изглаживаетъ изъ памяти все заученное, Маду говорилъ только по дагомейски. Жакъ сказалъ ему еще нѣсколько словъ, стараясь говорить какъ можно тише, между тѣмъ какъ болѣе взрослый Саидъ отошелъ къ дверямъ, въ припадкѣ мучительнаго страха и охваченный тѣмъ холодомъ, который всегда навѣваютъ на окружающихъ большія крылья смерти, когда она, подобно птицѣ, описывающей плавные круги, медленно спускается на потускнѣвшее чело умирающихъ. Вдругъ Маду испустилъ продолжительный вздохъ. Мальчики посмотрѣли другъ на друга.

— Кажется, онъ спитъ... сказалъ Саидъ, сильно поблѣднѣвъ.

Жакъ, тоже очень взволнованный, отвѣтилъ шепотомъ:

— Да̀, ты правъ, онъ спитъ... пойдемъ отсюда.

И оба поспѣшно вышли, оставивъ своего товарища во власти какой-то мрачной, окутавшей его тѣни, производившей еще болѣе сильное впечатлѣніе въ этомъ странномъ мѣстѣ, куда проникалъ неопредѣленный зеленоватый свѣтъ, свѣтъ глухой части сада во время сумерекъ.

Но вотъ уже и ночь. Въ безмолвной, мрачной каморкѣ, дверь которой дѣти затворили, выходя оттуда, пламя камина сверкаетъ, отражается, забѣгаетъ во всѣ уголки, какъ будто оно ищетъ кого-то и не можетъ найти. Оно освѣщаетъ на мгновенье нагроможденныя рамы, заглядываетъ въ цвѣточные горшки, взбирается по старымъ рѣшеткамъ, прислоненнымъ къ стѣнѣ, волнуется, мелькаетъ повсюду, но его поиски все остаются безплодными. Оно пробирается по желѣзной кровати, по этому маленькому красному казакину, рукава котораго вытянуты въ положеніи мирнаго покоя. Но, какъ видно, и здѣсь ничего не оказывается, потому что пламя продолжаетъ бѣгать по потолку, по двери, бродить, вздрагивать, пока, наконецъ, уставшее, истощенное,

упавшее духомъ, сознавая, что огонь уже безполезенъ, что ему уже некого согрѣвать, покрывается пепломъ и потухаетъ, какъ и маленькій, зябкій король, который такъ любилъ его.

Бѣдный Маду! Иронія судьбы преслѣдовала его даже и послѣ смерти. Содержатель пансіона долго колебался—слѣдуетъ ли его хоронить какъ слугу, или какъ его королевское высочество. Съ одной стороны, ему представлялись экономическія соображенія; съ другой—выгодность рекламы и удовлетворенное тщеславіе. Послѣ долгой нерѣшительности, Моронваль сказалъ себѣ, что нужно сдѣлать рѣшительный шагъ, что, если маленькій король не принесъ при жизни тѣхъ выгодъ, которыхъ отъ него ожидали, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, воспользоваться его смертью.

Такимъ образомъ, было рѣшено устроить роскошные похороны.

Всѣ газеты помѣстили біографію маленькаго дагомейскаго короля. Увы! Эта біографія была очень коротка и, по своимъ размѣрамъ, соотвѣтствовала продолжительности его земнаго существованія; но зато она сопровождалась длиннымъ панегирикомъ гимназіи Моронваля и ея директору. Высокое достоинство методы Дэкостеръ, искусство медика, состоявшаго при особѣ его высочества, превосходныя гигіеническія условія этого заведенія—ничто не было забыто; но что̀ было всего трогательнѣе въ этихъ похвальныхъ отзывахъ—это ихъ единодушіе и солидарность ихъ выраженій.

Наконецъ, въ одно майское утро, Парижъ, который, несмотря на свои безчисленныя занятія и лихорадочную дѣятельность, зорко присматривается ко всему происходящему въ немъ,—Парижъ увидѣлъ, какъ по его бульварамъ двигалась странная, но торжественная погребальная процессія. Четверо маленькихъ черныхъ воспитанниковъ несли кисти богатаго балдахина. Позади, желтокожій воспитанникъ, съ феской на головѣ — нашъ пріятель Саидъ—несъ на бархатной подушкѣ какіе-то странные ордена, какъ-бы представлявшіе собою знаки королевскаго достоинства. За нимъ шелъ мулатъ, окруженный «знойными странами», между которыми былъ и Жакъ. Шествіе замыкали всѣ профессора и друзья дома, двигавшіеся безпорядочною, унылою толпою. Сколько согнувшихся спинъ, сколько лицъ, на которыя жизнь наложила неизгладимыя морщины, сколько потухшихъ взглядовъ, голыхъ череповъ, еще окруженныхъ ореоломъ мечтаній, сколько изношенныхъ пальто, стоптанныхъ башмаковъ, обманутыхъ надеждъ, неосуществимыхъ плановъ. Все это уныло подвигалось впередъ, щурясь отъ солнечнаго свѣта, и этотъ печальный кортежъ приходился какъ разъ кстати для маленькаго ко-

роля, лишеннаго своего королевства. Не были ли также и всѣ эти несчастные мечтатели претендентами на какое-то воображаемое королевство, котораго имъ никогда не придется увидѣть?

Какъ бы для того, чтобы придать еще болѣе печальный характеръ этой грустной церемоніи, все время шелъ мелкій, частый, холодный дождикъ; какъ будто проклятіе холода преслѣдовало маленькаго короля даже до той самой земли, гдѣ ему предстояло покоиться. Увы! Это дѣйствительно было такъ: потому что та рѣчь, которую произнесъ Моронваль—этотъ потокъ общихъ мѣстъ, эти ледяныя, напыщенныя фразы — не могла отогрѣть тебя, мой бѣдный Маду. Мулатъ распространился о добродѣтеляхъ и замѣчательномъ умѣ покойнаго, о томъ, что онъ былъ бы образцовымъ монархомъ, и закончилъ свое надгробное слово избитой похвалой, часто употребляющейся въ подобныхъ случаяхъ: «Это былъ человѣкъ!» сказалъ онъ съ паѳосомъ.

Это былъ человѣкъ.

Для тѣхъ, которые помнили это маленькое личико, напоминавшее обезьяну, жалкое и симпатичное, это младенческое состояніе ума и способа выраженія, продолженное отупляющимъ рабствомъ, слова Моронваля должны были показаться настолько же печальными, какъ и комичными.

Но среди всѣхъ этихъ фальшивыхъ слезъ, пролитыхъ въ память Маду, было одно существо, испытывавшее искреннюю, неподдѣльную горесть. Это былъ Жакъ. Смерть его товарища произвела на него глубокое впечатлѣніе, и эта маленькая черная рожица съ такимъ убитымъ, отчаяннымъ выраженіемъ, неотступно преслѣдовала его уже два дня сряду. Къ этому, въ данную минуту присоединялось еще впечатлѣніе, произведенное печальною церемоніею, а также и сознаніе своего собственнаго несчастья. Теперь, когда около него уже не было маленькаго негра, онъ чувствовалъ, что только ему одному предназначено быть постоянною жертвою всѣхъ вспышекъ директора, такъ какъ у другихъ «маленькихъ знойныхъ странъ» все же были кое-какія лица, которыя навѣщали ихъ и стали бы протестовать противъ слишкомъ жестокаго обращенія. Жакъ былъ оставленъ всѣми—онъ это ясно видѣлъ. Его мать уже перестала писать ему; никто въ гимназіи не зналъ, гдѣ она находится. О, еслибы онъ зналъ это! какъ бы онъ бросился туда, чтобы укрыться подлѣ нея и разсказать ей всѣ свои несчастія!

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей находился маленькій Жакъ, возвращаясь съ кладбища по длинной, покрытой грязью дорогѣ.

Лабассендръ и докторъ Гиршъ шли впереди его, разговаривая между собою вполголоса, и онъ разслышалъ слѣдующія слова̀:

— Я навѣрно знаю, что она въ Парижѣ, говоривъ Лабассендръ.

Жакъ невольно насторожилъ уши.

— Я видѣлъ ее третьяго дня на бульварѣ.

— И его?

— Разумѣется. Ты понимаешь, что они должны были вернуться вмѣстѣ.

Она, онъ; это были, конечно, весьма смутныя указанія, однако, Жакъ почувствовалъ такое же волненіе, какъ и во время тѣхъ разговоровъ за столомъ, которые были для него такъ мучительны. И дѣйствительно, два имени, ясно произнесенныя вслѣдъ за тѣмъ, убѣдили его, что онъ не ошибался.

И такъ, его мать была въ Парижѣ, въ одномъ городѣ съ нимъ, и она не хотѣла придти обнять его.

— Что̀ еслибы я пошелъ самъ? вдругъ подумалъ онъ.

Впродолженіе всего длиннаго перехода, отъ кладбища Перъ-Лашезъ до улицы Монтэнь, его преслѣдовала одна мысль: убѣжать, воспользоваться тою разрозненностью, въ какой возвращалось населеніе пансіона, раздѣлившееся на группы, вслѣдствіе усталости или завязавшихся разговоровъ. Теперь, когда эффектъ былъ произведенъ и представленіе окончилось, никто ужь не заботился о порядкѣ и благообразіи.

Моронваль, окруженный профессорами и группою своихъ друзей, открывалъ шествіе, иногда оборачиваясь съ повелительнымъ жестомъ и съ восклицаніемъ: «впередъ!» къ длинному Саиду, который предводительствовалъ вторымъ отрядомъ. Египтянинъ, съ свою очередь, повторялъ жестъ и восклицаніе директора, обращаясь къ тѣмъ маленькимъ ножкамъ, которыя съ трудомъ передвигались въ отдаленіи: «впередъ, впередъ!» Тогда отставшіе принимались бѣжать и, призвавъ на помощь всѣ свои силы, догоняли главную группу. Одинъ Жакъ отставалъ все болѣе и болѣе, представляясь сильно утомленнымъ.

— Впередъ! говорилъ Моронваль.

— Впередъ, впередъ! повторялъ египтянинъ.

Подходя къ Елисейскимъ Полямъ, Саидъ въ послѣдній разъ обернулся, размахивая своими длинными руками; но они тотчасъ же опустились подъ вліяніемъ сильнаго изумленія и испуга.

На этотъ разъ исчезъ маленькій Жакъ.

КОРОЛЕВА ИЛИ ИМПЕРАТРИЦА?

Новая сатира Эдуарда Дженкинса.

Давно уже въ Англіи не происходило такого общественнаго волненія, такого раздраженія умовъ, какъ въ послѣдніе три мѣсяца, благодаря траги-комедіи, разыгранной министерствомъ Дизраэли по поводу неожиданно возбужденнаго имъ вопроса: быть-ли въ Англіи императрицѣ, или королевѣ? Хотя офиціально этотъ вопросъ уже разрѣшенъ, и съ 28-го апрѣля въ Европѣ явился новый императорскій титулъ, но едва ли привьется къ конституціонной почвѣ Англіи новый титулъ, столь не сродный всѣмъ ея историческимъ преданіямъ, потому что прибавка къ этому титулу индійскаго эпитета, очевидно, только временная, и если онъ укоренится, то мало-по-малу императрица или императоръ Индіи превратятся незамѣтно въ императрицу или императора Великобританіи. Но не загадывая о судьбѣ преемниковъ Викторіи, трудно даже сказать, будетъ ли, дѣйствительно, она сама практически императрицей или останется королевой— такъ громко высказывается общественное мнѣніе, столь могучее въ Англіи, противъ этой, повидимому, незначительной замѣны одного слова другимъ, но имѣющей глубокое, внутреннее значеніе для народа, знающаго свои права̀ и ревниво охраняющаго ихъ отъ всякой тѣни опасности. Но что̀ возбудило этотъ неожиданный вопросъ и прибавило къ политической исторіи Англіи любопытную, хотя скорѣе комичную, чѣмъ серьёзную страницу? Для уясненія этого новѣйшаго эпизода парламентской и общественной жизни Англіи, надо бросить хоть бѣглый взглядъ на положеніе политическихъ партій за послѣдніе два года.

I.

Современи парламентскихъ выборовъ 1874 г., доставившихъ блестящую побѣду консервативной партіи, политическая жизнь

Англіи представляла доселѣ невозмутимый штиль. Строго говоря, либеральная партія, со своимъ главою, Гладстономъ, пала два года тому назадъ, не потому, чтобы извѣстные консервативные принципы одержали верхъ, а потому, что либеральные принципы на время были отстранены господствующими классами англійской націи, которые перестали сочувствовать прогрессивнымъ реформамъ и захотѣли отдохнуть. Въ виду же того, что страна не можетъ существовать безъ администраціи, правленіе вручено было парламентской оппозиціи, именно торійской партіи, видоизмѣненной ея современнымъ предводителемъ, Дизраэли, въ такъ называемую консервативную. Новое правительство поэтому не было призвано къ осуществленію опредѣленной, политической программы, а ему слѣдовало только не дѣлать того, что̀ дѣлало министерство Гладстона, то-есть, въ сущности, ничего не дѣлать. Но въ чемъ же состояла положительная либеральная политика Гладстона, которая была отвергнута на выборахъ 1874 года?

Конечно, никто не станетъ оспоривать того несомнѣннаго факта, что министерство Гладстона составляетъ знаменательную эпоху въ современной исторіи Англіи и что онъ—способнѣйшій, честнѣйшій министръ нашего времени. Онъ—не замѣчательный политическій мыслитель, какъ Джонъ Стюартъ Миль, не народный трибунъ, какъ Джонъ Брайтъ, а практическій, государственный человѣкъ, глубоко понимающій духъ своего времени и потребности своей страны. Онъ ничего не создалъ новаго, ничего не изобрѣлъ; но никто лучше его не воспользовался тѣмъ, что̀ было указано и открыто другими. Это—искусный кормчій, способный вести ввѣренный ему корабль съ одинаковымъ умѣніемъ и въ тихихъ и въ бурныхъ водахъ. Въ этой практической снаровкѣ вся его сила и вся его слабость. Обладая громаднымъ запасомъ научныхъ знаній и практическихъ свѣдѣній, отличаясь яснымъ, здравымъ смысломъ, энергичной дѣятельностью и гибкимъ, проницательнымъ умомъ, доходящимъ до геніальности въ финансовыхъ дѣлахъ, онъ избралъ для себя роль исполнителя общественнаго мнѣнія и самымъ блистательнымъ образомъ осуществилъ эту, быть можетъ, невозвышенную, но полезную роль. Онъ никогда не шелъ впереди общественнаго мнѣнія и постоянно сообразовалъ свою дѣятельность съ волей большинства, а такъ какъ въ современной Англіи большинство въ политическихъ дѣлахъ принадлежитъ среднимъ классамъ, то онъ всегда являлся вѣрнымъ слугой этихъ классовъ, ревностнымъ блюстителемъ ихъ интересовъ. Точно такъ же, какъ, по его выраженію, «ораторъ возвращаетъ своимъ слушателямъ въ видѣ потока то, что̀ онъ отъ нихъ получаетъ въ видѣ паровъ», Гладстонъ заим-

ствовалъ идеи у той части англійскаго общества, которая управляетъ страной, и переработывалъ ихъ въ политическія мѣропріятія. Онъ не указывалъ новыхъ путей общественному мнѣнію, не вводилъ новыхъ принциповъ въ политикѣ, но въ искуствѣ придать наилучшую законодательную форму идеѣ, выработанной передовыми мыслителями и принятой общественнымъ мнѣніемъ, въ умѣньѣ организовать въ правильную систему необходимую реформу и провести ее черезъ горнило парламентскихъ преній, Гладстонъ едвали имѣетъ себѣ равнаго въ блестящемъ циклѣ государственныхъ людей Англіи. Благодаря этой отличительной чертѣ его дѣятельности, онъ является полнѣйшимъ выраженіемъ современной Англіи: въ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ его политическихъ убѣжденій отражается, какъ въ зеркалѣ, перемѣна общественнаго мнѣнія въ этой странѣ въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Рука объ руку, не опережая и не отставая, онъ прошелъ вмѣстѣ съ просвѣщеннымъ, состоятельнымъ среднимъ классомъ, руководящимъ до сихъ поръ въ Англіи общественнымъ мнѣніемъ, всѣ фазы, отдѣляющія торіевъ, въ лагерѣ которыхъ онъ началъ свою общественную дѣятельность, отъ Джона Брайта, политическія мнѣнія котораго, мало по малу пріобрѣли право гражданства. Служа, такимъ образомъ, практическимъ истолкователемъ общественнаго мнѣнія, Гладстонъ, очевидно, выражалъ какъ его хорошую сторону, такъ и дурную. Поэтому большинство его мѣропріятій можно назвать, съ теоретической точки зрѣнія, полумѣрами, но полумѣры всегда составляли отличительную черту англійской политики, и практическому дѣятелю приходилось часто выбирать между полумѣрой или отрицаніемъ всякихъ либеральныхъ мѣръ. Въ этомъ отношеніи Гладстонъ изощрялъ все свое искуство, чтобъ каждой своей мѣрѣ придать возможно болѣе радикальную форму, и только въ крайнемъ случаѣ мирился съ полумѣрой. Въ теченіи пяти лѣтъ своего министерства онъ провелъ столько важныхъ реформъ, сколько не удавалось провести ни одному предъидущему министерству. Отдѣленіе церкви отъ государства въ Ирландіи, измѣненіе ирландской поземельной системы, введеніе тайной подачи голосовъ при парламентскихъ выборахъ, отмѣна покупки офицерскихъ патентовъ, преобразованіе народнаго воспитанія, заключеніе Уашингтонскаго трактата, улучшеніе финансовъ, доставившее англійской націи до 300.000.000. ф. ст. экономіи, и многія другія не менѣе полезныя, хотя и не столь блестящія государственныя мѣры останутся прочными памятниками министерской дѣятельности Гладстона. Хотя, повторяемъ, бо̀льшая часть этихъ реформъ—только полумѣры, но практическое значеніе ихъ для будущаго развитія Англіи громадно, такъ какъ

главная ихъ заслуга заключается въ расчищенiи почвы для дальнѣйшихъ болѣе коренныхъ преобразованiй. Самъ Гладстонъ не довольствовался проведенными имъ мѣрами и хотѣлъ идти далѣе по пути реформъ; но либеральное правительство было сильно и могущественно, пока нацiя или тѣ классы, которые считаютъ себя нацiей, желали реформъ: какъ только исчезло это желанiе, такъ и министерство Гладстона, несмотря на всѣ его заслуги, пало.

Но отъ чего произошла эта внезапная перемѣна въ общественномъ мнѣнiи? Что̀ могло совратить Англiю съ того пути, по которому она шла болѣе сорока лѣтъ? Отчего крупные лондонскiе торговцы, богатые фабриканты Манчестера, Лидса и Шеффильда, пивовары, мыловары, винокуры и другiе крупные и мелкiе представители могущественной буржуазiи, составлявшiе оплотъ англiйскаго либерализма, вдругъ стали врагами всякихъ нововведенiй? Отвѣтъ не труденъ. Среднiе классы Англiи желали реформъ, пока эти реформы увеличивали ихъ могущество и благосостоянiе, уменьшая, въ тоже время, феодальныя права̀ аристократiи, но какъ только они поняли, что постоянныя нововведенiя должны, въ концѣ концевъ, коснуться и до ниже стоящихъ классовъ, они остановились въ своемъ прогрессивномъ шествiи. Страхъ овладѣлъ этими добрыми людьми, желавшими возвыситься на счетъ аристократiи, но не допускавшими и мысли о возвышенiи народа на ихъ счетъ. Подъ влiянiемъ подобнаго страха, искусно поддерживаемаго консервативной партiей, Джонъ Буль, имѣющiй главною цѣлью въ жизни спокойное наживанье денегъ, сталъ замѣчать съ неудовольствiемъ, что новые законы стѣсняютъ его со всѣхъ сторонъ. Дѣйствительно, по словамъ Times'а, «благодаря реформамъ Гладстона, онъ долженъ воспитывать своихъ дѣтей и платить за воспитанiе дѣтей сосѣдей, не имѣющихъ на то средствъ; онъ обязанъ вести себя прилично и не безпокоить сосѣдей ночными кутежами; онъ не можетъ обманывать покупателей въ мѣрѣ, вѣсѣ и качествѣ продаваемаго товара, не долженъ разбавлять молока водою и подмѣшивать въ чай посторонняго зелья; онъ обязанъ отвѣчать за сохранность пассажировъ, которыхъ берется доставить въ извѣстное мѣсто, наконецъ, ему предлагаютъ каждый день все болѣе и болѣе жертвовать своими интересами во имя справедливости, а онъ скорѣе любитъ восхищаться геройскими подвигами другихъ, чѣмъ самому являться героемъ». Пока дѣло шло о реформахъ въ сосѣдней Ирландiи, Джонъ Буль рукоплескалъ мѣропрiятiямъ Гладстона, но какъ только увидалъ, что логическимъ послѣдствiемъ этихъ нововведенiй было, съ одной стороны,

требованіе Ирландцами самоуправленія и независимаго парламента, а съ другой—распространеніе въ Англіи движенія въ пользу уничтоженія государственной церкви, преобразованія основъ поземельной собственности и предоставленія избирательныхъ правъ поселянамъ—онъ съ негодованіемъ воскликнулъ: довольно! Напрасно Гладстонъ старался успокоить испуганное общественное мнѣніе, господствующіе классы англійскаго народа отшатнулись отъ энергичной прогрессивной дѣятельности своего недавняго любимца. Тутъ Гладстонъ доказалъ, какъ чистосердечно и честно онъ служилъ общественному мнѣнію. Онъ слѣдовалъ за нимъ только пока оно шло впередъ и никогда изъ личныхъ интересовъ не останавливался на своемъ пути, а тѣмъ менѣе не возвращался вспять. Поэтому, видя, что общественное мнѣніе остановилось въ своемъ прогрессивномъ шествіи, онъ съ нимъ разошелся и отказался нетолько отъ министерскаго портфёля, но и отъ постоянной политической дѣятельности въ качествѣ главы парламентской оппозиціи.

Отвернувшись отъ своего естественнаго главы, доставившаго ей столько славы и могущества, англійская буржуазія перешла въ лагерь консерваторовъ, обѣщавшихъ ей спокойное, мирное, ничѣмъ не нарушаемое *Status Quo*. Такимъ образомъ, новая консервативная партія, одержавшая блестящую побѣду на парламентскихъ выборахъ 1874 года и управляющая въ настоящее время Англіей, состоитъ преимущественно изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и прежняя либеральная партія, и ея основу составляютъ тѣже пивовары, мыловары, винокуры, торговцы и промышленники, которые, конечно, не могутъ возстать противъ коренныхъ принциповъ девятнадцатаго вѣка, такъ какъ въ этихъ принципахъ весь ихъ *raison d'être*. Поэтому, хотя во главѣ этой партіи стали торіи и прежніе консерваторы, она не поставила своей программой уничтоженіе либеральныхъ реформъ и возвращеніе къ феодальнымъ порядкамъ, а желала только, чтобъ административная машина шла заведеннымъ порядкомъ, не нарушая интересовъ господствующихъ классовъ. Разыграть роль пресловутаго «септената» Мак-Магона и сохранить страну въ данномъ положеніи, не отступая назадъ и не идя впередъ ни шага—вотъ что̀ предстояло министерству Дизраэли. Ка̀къ же оно исполнило, повидимому, не трудную задачу ничего не дѣлать и охранять плоды чужой дѣятельности?

Глава министерства, Веніаминъ Дизраэли, представляетъ рѣзкій контрастъ со своимъ славнымъ предшественникомъ. Это—одна изъ самыхъ любопытныхъ личностей современной Англіи, представ-

ляющая, по словамъ одного публициста [1], «комическую загадку нашего времени, такъ что каждый англичанинъ, произнося его имя, невольно улыбается — до того несообразна его личность съ тѣмъ положеніемъ, котораго онъ достигъ; онъ является комическимъ элементомъ въ важной исторической эпохѣ, подобно шуткамъ Фальстафа въ историческихъ драмахъ Шекспира». Дѣйствительно, во всемъ длинномъ ряду англійскихъ первыхъ министровъ, хотя многіе изъ нихъ были люди неспособные и недостойные своего званія, не встрѣчается такого искателя приключеній, какъ «юркій Дизи». Одно это прозвище уже доказываетъ, какъ относится къ нынѣшнему первому министру англійскій народъ, также давшій особое прозвище Гладстону, но совершенно иного рода—*народный Вильямъ* (people's William). Происходя изъ еврейскаго семейства, Дизраэли, какъ мѣтко выразился профессоръ Роджерсъ—«не англичанинъ ни по расѣ, ни по чувствамъ, ни по характеру». Онъ находится внѣ англійскихъ интересовъ и, хотя всю свою жизнь принималъ участіе въ англійской политикѣ, онъ въ ней—чужой человѣкъ, и для него политическія партіи и политическіе вопросы не имѣютъ никакого значенія сами по себѣ, а служатъ только орудіями для достиженія личныхъ цѣлей. Какъ всякій искатель приключеній, онъ всегда видитъ передъ собою только свой интересъ и не пренебрегаетъ никакими средствами для достиженіи успѣха. Не имѣя никакихъ убѣжденій, онъ играетъ идеями, какъ фокусникъ, и сегодня говоритъ совершенно противоположное тому, что̀ утверждалъ вчера, не думая ни о благѣ страны, ни даже о пользѣ своей партіи. Вотъ что̀ дало ему возможность достигнуть первенствующаго мѣста въ англійскомъ парламентѣ, тогда какъ, при вступленіи въ него, онъ былъ встрѣченъ, въ 1837 году, общимъ презрительнымъ хохотомъ. Онъ началъ свое политическое поприще радикаломъ, подъ покровительствомъ О'Коннеля, потомъ былъ либераломъ, приверженцемъ Бульвера, наконецъ—торіемъ и консерваторомъ, товарищемъ лорда Сэлисбюри и главнымъ совѣтникомъ покойнаго лорда Дерби, столбовъ ультра-торійской партіи. Онъ написалъ краснорѣчивую «Защиту британской конституціи», а въ «Приключеніяхъ капитана Попонилло» поднялъ эту же конституцію на смѣхъ съ самымъ ѣдкимъ сарказмомъ. Въ своихъ первоначальныхъ сочиненіяхъ, онъ былъ сторонникомъ свободной торговли, а впослѣдствіи пріобрѣлъ значеніе въ торійской партіи ярой защитой протекціонизма. Въ своихъ романахъ, не исключая и послѣдняго, «Лотэра», онъ издѣвается надъ ан-

[1] Political Portraits—London 1873.

глійской аристократіей и называетъ ее венеціанской олигархіей, а въ политической дѣятельности преклоняется передъ нею, называя незыблемымъ оплотомъ свободы и порядка. Единственный принципъ, котораго онъ всегда держался въ политикѣ, заключался въ сохраненіи власти, когда она случайно попадала ему въ руки. Ради этой цѣли, онъ жертвовалъ всѣмъ и, между прочимъ, чтобъ остаться министромъ финансовъ при лордѣ Дерби, провелъ биль о реформѣ, болѣе радикальный, чѣмъ всѣ тѣ мѣры либеральной партіи, противъ которыхъ онъ постоянно возставалъ. Вообще, онъ никогда не выказывалъ самостоятельной дѣятельности во время нахожденія власти въ его рукахъ, а только питался крохами своихъ предшественниковъ. Онъ самъ краснорѣчиво очертилъ свое положеніе, какъ политическаго дѣятеля, въ словахъ, отнесенныхъ имъ совершенно несправедливо, къ сэру Роберту Пилю, когда этотъ знаменитый государственный человѣкъ, въ разрѣзъ интересамъ своей партіи, провелъ въ парламентѣ благодѣтельную для всего англійскаго народа отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ. «По моему мнѣнію, сказалъ онъ:—великій государственный человѣкъ—тотъ, кто представляетъ великую идею, развиваетъ ее, во имя ея получаетъ власть и кончаетъ тѣмъ, что прививаетъ эту идею уму и совѣсти цѣлой націи. Положеніе такого человѣка—величественное, геройское, но не таково положеніе человѣка, не имѣющаго ни одной самостоятельной идеи и наблюдающаго за атмосферой, чтобъ согласно вѣтру поворачивать парусъ своей ладьи. Быть можетъ, такой человѣкъ—могущественный министръ, но онъ — не великій государственный дѣятель, какъ мальчишка, взобравшійся на запятки — не возница». Этотъ ловкій политическій гаэръ, какъ его многіе называютъ въ Англіи, воспользовавшись распаденіемъ торійской партіи послѣ разрыва съ нею сэра Роберта Пиля, мало по малу подчинилъ ее своему вліянію и преобразовалъ, за очень немногими исключеніями, нѣкогда гордыхъ защитниковъ старинныхъ привилегій короны, церкви и аристократіи въ такъ называемыхъ консерваторовъ, имѣющихъ единственной цѣлью достиженіе власти. Путемъ мелкихъ интригъ, всовозможныхъ уступокъ, политическихъ измѣнъ, тѣснаго союза съ агликанской церковью и продавцами крѣпкихъ напитковъ, играющихъ большую роль въ современной Англіи, онъ довелъ свою партію до неожиданнаго торжества на выборахъ 1874 года.

Вотъ при какихъ условіяхъ и подъ чьимъ предводительствомъ приступила новая консервативня партія къ управленію Англией. Министерство Дизраэли, съ самаго начала, заявило, что «оно будетъ только поддерживать учрежденія страны, защищая всѣ

права̀ каждаго класса подданныхъ ея величества», и около двухъ лѣтъ довольно искусно примѣняло эту отрицательную, пассивную политику. Для развлеченія же націи, оно отъ времени до времени проводило въ парламентѣ мелкія, воображаемыя реформы по общественнымъ вопросамъ, а дѣйствительно, какъ отъ него и требовало общественное мнѣніе, ничего не дѣлало, сохраняя спокойствіе господствующихъ классовъ, которые были довольны и благодарны, извиняя политическіе промахи, парламентскія ошибки и чудовищное развитіе непотизма консервативной партіи. Ея соперники либералы почти совершенно стушевались, благодаря своему разъединенію, удаленію Гладстона отъ предводительства и апатіи общественнаго мнѣнія.

II.

До настоящей парламентской сессіи торжество консервативной партіи и министерства Дизраэли было полное; все, повидимому, шло благополучно, но, въ сущности, это кажущееся благоденствіе подтачивалъ современный червь государственныхъ и общественныхъ дѣлъ—всемогущій финансовый вопросъ. Зная, что Гладстона постоянно упрекали въ излишней экономіи, будто бы приносившей въ жертву достоинство страны, и не отличаясь финансовымъ геніемъ, министерство Дизраэли вело дѣла̀ съ самаго начала на широкой ногѣ, расходуя громадныя суммы на администрацію, отчего она, однако, нисколько не улучшилась, и, въ теченіи двухъ лѣтъ, увеличило государственный расходъ на 7.000,000 ф. ст. По выраженію Лоу, бывшаго министра финансовъ при Гладстонѣ, «если большинство страны поручило настоящему правительству быть расточительнымъ, то оно исполнило эту задачу самымъ благороднымъ и успѣшнымъ образомъ». Предвидя дефицитъ и необходимость увеличенія налоговъ, что̀ могло возстановить противъ него могущественную, разсчетливую буржуазію и возбудить въ ней сожалѣніе объ ея великомъ финансистѣ Гладстонѣ, Дизраэли рѣшился выдти изъ своей пассивной роли и удивить Англію величіемъ своей политической дѣятельности, причемъ, конечно, стушевалось бы финансовое замѣшательство. Область внутренней политики была для него положительно закрыта тою самой системой *status quo*, которой онъ былъ практическимъ исполнителемъ, и ему оставалось только выкинуть какой-нибудь блестящій фокусъ на полѣ иностранной политики. Это было тѣмъ удобнѣе, что Гладстона многіе упрекали за стойко проводимый имъ принципъ невмѣшатель-

ства въ европейскія дѣла и, будто бы, происходившее оттого уменьшеніе политическаго значенія Англіи. Слѣдуя примѣру Наполеона III-го и Бисмарка, Дизраэли вообразилъ себя политическимъ сфинксомъ и гордо возвѣстилъ удивленному свѣту свою «высшую политику относительно Индіи» (high policy connected with India), какъ нѣкогда Бисмаркъ излагалъ въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ «великую политику (grosse Politik) касательно Европы». Въ чемъ именно состоитъ эта таинственная высшая политика—до сихъ поръ неизвѣстно, но обнаружившіеся два ея фазиса—покупка акцій Суэзскаго Канала и предоставленіе англійской королевѣ титула индійской императрицы—выказали только всю несостоятельность активной политики консервативной партіи и возбудили противъ Дизраэли такую бурю негодованія и насмѣшекъ, что едва ли онъ, при всей своей ловкости, съумѣетъ возвратить себѣ потерянную популярность. Дѣйствительно, его *высшая* политика оказалась столь комичной, убыточной и противорѣчащей всѣмъ интересамъ и традиціямъ англійской націи, что нельзя не согласиться съ мнѣніемъ одного изъ либеральныхъ членовъ англійскаго парламента, Вильямса, что «ни одинъ министръ никогда не предлагалъ болѣе глупыхъ и безтолковыхъ (blundering aud stupid) государственныхъ мѣръ».

Не останавливаясь подробно на вопросѣ о покупкѣ акцій Суэзскаго Канала, скажемъ только, что сначала эта мѣра была очень популярна въ Англіи съ комерческой и политической точки зрѣнія, а въ Европѣ ее привѣтствовали, какъ очень тонкій и ловкій дипломатическій успѣхъ. Но вскорѣ парламентскія пренія, въ которыхъ, главнымъ образомъ, принялъ участіе Гладстонъ, и неудача посылки Кэва для изслѣдованія египетскихъ финансовъ выяснили всю пустоту этого фокуса, возбудившаго миражъ англійскаго протектората надъ Египтомъ. Прекрасную характеристику этого комичнаго эпизода *высшей политики* Дизраэли представилъ Лоу въ рѣчи, произнесенной имъ на политическомъ митингѣ въ Ретфордѣ, 18-го апрѣля. «Въ одинъ прекрасный день, сказалъ онъ: — наше правительство объявило, что купило акцій Суэзскаго Канала на 4.000,000 ф. ст. Дѣлая эту покупку, оно знало, какъ впослѣдствіи оказалось, что эти акціи не дадутъ ему болѣе десяти голосовъ въ компаніи, а, при существованіи 16,000 паевъ, конечно, эти голоса не могутъ много значить. Однако, оно, въ то же время, торжественно завѣряло иностранныя государства, что не будетъ во зло употреблять пріобрѣтенной власти, тогда какъ о такой власти не могло быть и рѣчи. Хотя власти мы этой покупкой

не пріобрѣли, но зато лишились дивиденда на свои деньги, что походитъ на разъединеніе тѣла отъ души. Правительство, въ силу заключенной сдѣлки съ хедивомъ, обязалось платить, впродолженіи девятнадцати лѣтъ, на эти акціи, въ видѣ процентовъ, 200,000 ф. ст. въ годъ, т. е. за все время 3.800,000; по истеченіи же этого срока, акціи снова дадутъ дивидендъ. Такимъ образомъ, мы сдѣлались заинтересованными на эту сумму въ благоденствіи и состоятельности хедива, и только послѣ выдачи этихъ денегъ, которыя немедленно исчезли въ пучинѣ его долговъ, наше правительство догадалось произвести изслѣдованіе египетскихъ финансовъ. Конечно, надо было съ этого начать; но пропустимъ такую маленькую практическую ошибку и укажемъ на другую нелѣпость этой мѣры. Еслибы отчетъ Кэва объ египетскихъ финансахъ оказался удовлетворительнымъ, то, конечно, все было бы спасено; ну, а если нѣтъ? Объ этомъ наше правительство не подумало, а когда отчетъ былъ полученъ, то оно его скрыло. Слѣдствіемъ этого была биржевая паника, и хедивъ такъ же близокъ теперь къ бонкротству, какъ самъ турецкій султанъ. Приэтомъ, я долженъ замѣтить съ отвращеніемъ, что всѣ эпизоды этого министерскаго предпріятія возбуждали страшный ажіотажъ. Я не обвиняю правительство въ участіи въ биржевой игрѣ, но оно располагало свѣдѣніями, которыя могли мгновенно обогатить или раззорить множество людей, а потому пренія въ нижней палатѣ, повидимому, имѣли главнымъ предметомъ не обсужденіе политики великаго государства, а указаніе спекуляторамъ—покупать или продавать фонды на биржѣ». Хотя покупка акцій Суэзскаго Канала и утверждена послѣдующимъ разрѣшеніемъ парламента, но общественное мнѣніе, устами всѣхъ газетъ, даже консервативныхъ, и лучшихъ англійскихъ финансистовъ: Гладстона, Лоу, Фаусета и другихъ, такъ громко высказалось противъ финансоваго протектората Англіи надъ Египтомъ, причемъ на первую легла бы вся отвѣтственность за долги хедива, что Дизраэли былъ принужденъ оффиціально отказаться отъ всякаго вмѣшательства Англіи въ египетскія дѣла. Итакъ, первый эпизодъ *высшей политики* Дизраэли оказался мыльнымъ пузыремъ и только вызывалъ бы улыбку своимъ комичнымъ элементомъ, еслибы, благодаря ему, не явилась необходимость возвысить ненавистный англичанамъ подоходный налогъ и не раззорилось много несчастныхъ семействъ отъ биржевой игры на билеты египетскихъ займовъ.

Второй эпизодъ *высшей политики* Дизраэли—перемѣна королевскаго титула—отличается еще бо̀льшимъ комизмомъ, но, въ виду возбужденныхъ имъ политическихъ страстей въ англій-

скомъ обществѣ, нельзя предугадать, къ какимъ результатамъ можетъ повести эта легкомысленно начатая исторія. Впервые упомянула о прибавкѣ къ королевскому титулу сама королева въ своей тронной рѣчи при открытіи парламента, а потомъ Дизраэли представилъ въ нижнюю палату билль о предоставленіи королевѣ принять такой добавочный титулъ относительно Индіи, который она найдетъ приличнымъ и соотвѣтственнымъ. Не ожидая, чтобы это предложеніе встрѣтило отпоръ, онъ даже не хотѣлъ опредѣлить, какой именно будетъ новый титулъ, но принужденный оппозиціей снять таинственную маску, онъ торжественно заявилъ, что королева приметъ титулъ императрицы Индіи. Въ пользу этого прибавочнаго титула онъ выставилъ только одну практическую причину: желаніе индійскихъ государей и всего народа, чтобы верховная власть надъ ними англійской королевы выражалась соотвѣтственнымъ титуломъ, но доказательствъ этого желанія и необходимости именно императорскаго титула онъ не представилъ никакихъ, кромѣ недостойныхъ министра великой страны ссылокъ на письмо двѣнадцатилѣтней дѣвочки, извѣщавшей, что королева давно называлась индійской императрицей въ какомъ-то школьномъ учебникѣ географіи, и на альманахъ Вайтэкера, въ которомъ упомянутъ тотъ же титулъ. Противъ такой безцѣльной и ни на чемъ не основанной перемѣны стараго королевскаго титула пламенно возстала вся либеральная оппозиція въ лицѣ ея главныхъ вождей: Гладстона, Лоу, Форстера, Брайта, Фаусета. Она не отрицала пользы упоминанія въ королевскомъ титулѣ нетолько Индіи, но и колоній въ другихъ частяхъ свѣта, но доказывала безполезность и вредъ созданія новаго титула, особливо императорскаго, который, во-первыхъ, былъ излишнимъ, такъ какъ онъ переводится на индустанскій языкъ тѣмъ же словомъ, какъ и королевскій, а главное, что онъ противорѣчилъ всѣмъ преданіямъ конституціонной Англіи. «Всѣми англійскими законовѣдцами, говорилъ, между прочимъ, Лоу: — признаётся конституціонный принципъ, что король подчиненъ закону, а не законъ королю; а императорскій римскій кодексъ говоритъ прямо противоположное». Понявъ всю силу подобныхъ возраженій, основанныхъ на столь дорогой для всякаго англичанина конституціи и сопровождаемыхъ изъявленіями преданности къ самой королевѣ, Дизраэли пошелъ, по своей всегдашней привычкѣ, на сдѣлки и объявилъ, что титулъ императрицы, какъ спеціально индійскій, не будетъ употребляться въ Англіи и, что принцы королевскаго дома не станутъ имъ пользоваться. Но эти хитрыя уловки ни къ чему не повели, и Гладстонъ побѣдоносно

доказалъ, что строгое разграниченіе титуловъ немыслимо, «тѣмъ болѣе, что тутъ примѣшаются совершенно простительные случаи индивидуальной преданности къ особѣ государыни» и что, наконецъ, изъ исторіи видно, что высшій титулъ всегда поглощалъ низшій. Другіе ораторы выставили противъ ссылки Дизраэли на добродѣтельныхъ римскихъ императоровъ Антониновъ болѣе близкій примѣръ Наполеона III-го, начавшаго свою дѣятельность 2-мъ декабря и окончившаго ее Седаномъ. Въ послѣднюю минуту, передъ окончательной баллотировкой, Дизраэли выдвинулъ свою тяжелую артиллерію и торжественно заявилъ, что императорскій титулъ необходимъ для сохраненія индійскихъ владѣній подъ властью Англіи, въ виду распространенія русскаго господства въ Средней Азіи. Эта легкомысленная угроза вызвала горячій протестъ Фаусета и Лоу «противъ такой безразсудной, похожей на лихорадочный бредъ политики». Конечно, несмотря на то, что всѣ вѣскіе аргументы и искренность убѣжденія были на сторонѣ оппозиціи, Дизраэли одержалъ побѣду, благодаря строгой дисциплинѣ своей партіи; но, хотя билль принятъ большинствомъ 75-ти голосовъ, замѣчательно, что многіе изъ самыхъ почтенныхъ торіевъ воздержались отъ подачи голоса. Въ палатѣ лордовъ, этой консервативной средѣ по преимуществу, злополучный билль встрѣтилъ еще болѣе энергическую оппозицію въ вожакахъ либеральной партіи, лордахъ Грэнвилѣ, Греѣ и Сельборнѣ, а также въ такихъ независимыхъ и пользующихся общимъ уваженіемъ людяхъ, какъ лордъ Шэфтсбёри и герцогъ Сомерсетъ. Первый внесъ особое предложеніе подать королевѣ петицію о «принятіи ею не императорскаго титула, а другаго болѣе соотвѣтственнаго исторіи Англіи и чувствомъ вѣрноподданныхъ ея величества»; послѣдній же дозволилъ себѣ особливо рѣзкія выходки; онъ заявилъ, напримѣръ, что министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Дерби, для того уѣхалъ съ королевой въ Германію, чтобы пріучить свои непривычныя губы къ произношенію слова императрица, а обращаясь къ аргументу Дизраэли, что титулъ императрицы необходимъ для огражденія индійскихъ владѣній отъ Россіи, онъ воскликнулъ: «Титулы никогда и ничего не защищали». Лордъ Росбери, съ своей стороны, заклеймилъ императорскій титулъ названіемъ «наружнаго средства», такъ какъ оно воспрещено для «внутренняго употребленія». Все же и въ верхней палатѣ билль прошелъ, хотя, сравнительно, незначительнымъ большинствомъ 46-ти голосовъ.

Но, пока Дизраэли проводилъ такимъ образомъ свою непопулярную мѣру чрезъ обѣ палаты, благодаря единству консервативной партіи и нежеланію многихъ пойти въ этомъ щекотли-

вомъ вопросѣ лично противъ королевы, общественное мнѣніе стало все болѣе и болѣе высказываться противъ легкомысленной попытки, по меткому выраженію Гладстона, «вылудить королевскій титулъ». Газеты всѣхъ оттѣнковъ, отъ ультра-консервативныхъ и торійскихъ до могущественнаго ȍргана буржуазіи «Times'a» и самыхъ радикальныхъ, одинаково порицали непонятную политику, желавшую превратить «законную, безспорную, наслѣдственную королеву въ императрицу *parvenue*». Жаркая полемика велась извѣстными учеными, въ томъ числѣ знаменитымъ Максомъ Мюллеромъ, о томъ, ка̀къ слѣдуетъ перевести на индустанскій языкъ императрица и королева; ежедневно появлялись на столбцахъ самыхъ распространенныхъ газетъ безчисленныя письма корреспондентовъ, разсматривавшихъ вопросъ о новомъ титулѣ королевы со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Одинъ спрашивалъ: ка̀къ онъ станетъ обѣдать, если нельзя будутъ за десертомъ провозгласить обычнаго тоста: «*Queen*», сдѣлавшагося государственнымъ учрежденіемъ страны? другой совѣтовалъ королевѣ довольствоваться титуломъ королевскимъ, такъ какъ Давидъ и Соломонъ не брезгали имъ и не были императорами; третій приводилъ цѣлую сотню титуловъ древнихъ британскихъ, англо-саксонскихъ и датскихъ королей, предлагая выбрать изъ нихъ любой скорѣе, чѣмъ заимствовать слово императоръ, чуждое для англійскаго слуха; четвертый саркастически замѣчалъ, что, такъ какъ придется бросить старинный гимнъ, заставлявшій столько вѣковъ биться англійскія сердца: «*God save the Queen*», болѣе современнымъ произведеніемъ, то приличнѣе всего было бы назвать новый гимнъ «*Partant pour les Indes*», что̀ звучало бы чисто по императорски, и т. д., и т. д. Движеніе противъ принятія королевою императорскаго титула быстро распространилось по всѣмъ городамъ Англіи; всюду стали собираться митинги, вездѣ произносили пламенныя рѣчи, подписывали петиціи королевѣ и обѣимъ палатамъ. Общее волненіе и раздраженіе умовъ росло съ каждымъ днемъ и находило себѣ правильный исходъ въ законной агитаціи противъ антипатичнаго всей націи титула. Въ Лондонѣ, въ экзетерской залѣ, была торжественная манифестація либеральной партіи; въ Манчестерѣ, на многочисленномъ митингѣ, рѣчь одного консерватора, вздумавшаго защищать несчастный билль, заглушили громкими криками: въ Лимингтонѣ, сторонникъ торійской партіи выразилъ публично свое удивленіе, ка̀къ консервативное министерство колебало монархическій принципъ, наводя радикаловъ на мысль, что, «если парламентъ могъ дать новый титулъ королевѣ, то онъ можетъ и лишить ее стараго». По словамъ одного корреспонден-

та, нѣкоторые изъ приверженцевъ настоящаго министерства говорили, печально качая головой: «Грустно видѣть, что консервативное министерство приготовляетъ терновый вѣнецъ будущему императору. Достославная эпоха нашихъ королей кончилась. По милости консервативнаго кабинета, мы попали въ болото цезаризма. Дай Богъ, чтобы мы не оставили въ немъ чего-нибудь болѣе существеннаго, чѣмъ высокочтимый титулъ нашихъ монарховъ». Только очень немногіе льстецы забѣгали впередъ и предвкушали уже удовольствіе называть королеву императрицей, но общественное мнѣніе отворачивались отъ подобнаго низкопоклонства. Такъ, лондонскій лордъ-мэръ провозгласилъ недавно, на торжественномъ обѣдѣ, тостъ не за королеву, какъ всегда, а за будущую индійскую императрицу; но присутствующіе ни мало не выразили сочувствія этой выходкѣ, которую *«Saturday Review»* объясняетъ тѣмъ, что *«различно можно заслуживать титулъ баронета»*.

Впрочемъ, о королевѣ, въ большинствѣ случаевъ, отзывались самымъ почтительнымъ образомъ, и многіе возставали противъ измѣненія ея титула только изъ старинной преданности къ монархамъ, всегда отличавшей англичанъ. Лишь изрѣдка слышались разсказы о томъ, что настоящая причина новаго титула состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя изъ принцессъ королевскаго семейства завидуютъ титулу жены втораго сына королевы или что сама королева уже давно желала сдѣлаться императрицей. Какъ бы то ни было, вообще относили всю отвѣтственность этой исторіи на Дизраэли, и въ немъ видѣли единственнаго творца пресловутаго императорскаго титула. *Daily News* даже приводитъ, въ доказательство, что эта мысль принадлежитъ ему одному, любопытный отрывокъ изъ его романа *Танкредъ*, вышедшаго въ 1847 году. Одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, эмиръ Факреденъ, совѣтуетъ герою, будущему государственному человѣку, поговорить съ англійской королевой, плѣнить ее своимъ краснорѣчіемъ и уговорить перенести столицу имперіи изъ Лондона въ Дели, гдѣ и поселиться со всѣми своими богатствами, дворомъ и главными подданными. «Она тамъ найдетъ, продолжалъ онъ: — громадную имперію съ прекрасной арміею и крупными доходами. Мы признаемъ индійскую императрицу нашей верховной государыней и подчинимъ ей Левантъ. Если она хочетъ, то можетъ получить Александрію, какъ она теперь владѣетъ Мальтой: все это можно устроить. Ваша королева молода, и передъ нею открывается блестящая будущность. Абердинъ и сэръ Робертъ Пиль никогда не дадутъ ей такого совѣта: они слишкомъ стары и хитры.

Но вы! подумайте, вѣдь, это будетъ величайшая имперія, когда-либо существовавшая! И этотъ планъ очень возможенъ, потому что единственно трудная его часть—завоеваніе Индіи, неудавшееся даже Александру Македонскому, уже исполнена». Дѣйствительно, читая эти строки, такъ и кажется, что Дизраэли, достигнувъ власти, рѣшился исполнить фантастическую программу, начертанную его романическимъ воображеніемъ. Но противники его *высшей* политики или, какъ ее называютъ въ Англіи, *системы политическихъ эффектовъ* (Sensational government) не довольствуются нанесеніемъ ему ударовъ его собственнымъ орудіемъ, а идутъ далѣе и заглядываютъ въ глубину его сердца. Одинъ изъ либеральныхъ членовъ парламента, сэръ Вильфридъ Лосонъ, на публичномъ митингѣ въ Кесвикѣ, среди всеобщаго хохота, передалъ монологъ, будто бы подслушанный имъ въ кабинетѣ перваго министра. «Я—великій творецъ, говорилъ самъ себѣ авторъ *Сибиллы*: — я создалъ много важныхъ особъ. Во время парламентскихъ вакацій я сдѣлалъ изъ нѣсколькихъ безполезныхъ членовъ нижней палаты очень полезныхъ членовъ верхней; одного графа я сдѣлалъ маркизомъ, семидесяти-семилѣтняго старика я превратилъ въ дѣятельнаго чиновника, пивовара сдѣлалъ баронетомъ, а теперь изъ королевы выкроилъ императрицу».

Вообще, какъ читатели видятъ изъ приведенныхъ примѣровъ, противники императорскаго титула старались главнымъ образомъ поднять на смѣхъ всю эту исторію и выставить всю комичность ненормальнаго положенія юркаго Дизи въ несродной ему роли перваго министра великаго, свободнаго государства. Въ этой отличительной чертѣ общественной агитаціи, противъ императорскаго титула, сказывается глубокій, политическій тактъ, присущій англійской націи, такъ какъ ничто лучше смѣха не можетъ подточить непопулярную государственную мѣру и сдѣлать ее совершенно невозможной. Въ этомъ отношеніи играли видную роль безчисленныя каррикатуры въ *Пончѣ* и другихъ сатирическихъ газетахъ: то Дизраэли изображался гаеромъ, кувыркающимся передъ маленькой дѣвочкой, зубрящей учебникъ географіи, то онъ является евреемъ, мѣняющимъ старую, настоящую королевскую корону на блестящій, императорскій вѣнецъ изъ фальшивыхъ бриллiантовъ, и т. д. и т. д. Но еще бо̀льшее значеніе имѣли многочисленныя брошюры, пародіи и сатиры, распространявшіяся въ громадномъ количествѣ во всѣхъ слояхъ общества. Между ними первое мѣсто занимаетъ чрезвычайно остроумная и блестящая сатира автора «Джинксо-

ва Младенца», Эдуарда Дженкинса, члена англійскаго парламента.

Это новое произведеніе автора столькихъ художественныхъ и правдивыхъ картинъ современной англійской жизни называется *«Пятно на головѣ королевы или разсказъ о томъ, какъ Маленькій Бенъ, старшій половой, перемѣнилъ вывѣску «Королевская Гостинница» на «Императорскій Отель» и что изъ этого вышло»* [1]. Замѣчательно, что оно задумано за утреннимъ чаемъ, 25-го марта, на другой день послѣ принятія билля объ императорскомъ титулѣ въ нижней палатѣ, написано, набрано, напечатано и выпущено въ свѣтъ въ тотъ же день; на все это потребовалось только одиннадцать часовъ. Конечно, это—не большая брошюра въ 32 странички, но все же она представляетъ рѣдкій примѣръ авторской и типографской быстроты. Не менѣе поразителенъ и ея успѣхъ: въ нѣсколько дней она разошлась въ 90,000 экземпляровъ въ двухъ изданіяхъ: одно—простое, дешевое въ 6 пенсовъ (около 15 коп.), а другое—болѣе изящное съ иллюстраціями. Эта бойкая сатира лучше всего выражаетъ какъ общественное мнѣніе и лучшіе люди въ Англіи относятся къ *высшей политикѣ* Дизраэли, поэтому, мы познакомимъ читателей съ ней подробнѣе. Всѣ намёки и имена, встрѣчающіеся въ ней, такъ прозрачны, что всякій узнаетъ въ Маленькомъ Бенѣ—Дизраэли, въ Большомъ Биллѣ—Гладстона, въ Бобби — Лоу, въ Дюжемъ—маркиза Гартингтона, оффиціальнаго предводителя либеральной партіи въ нижней палатѣ, въ Стаффи—сэра Стаффорда Норскота, министра финансовъ, и въ Сальсифи — лорда Салисбёри, государственнаго секретаря по индійскимъ дѣламъ.

III.

«Королевская Гостинница» была извѣстна во всемъ свѣтѣ, разсказываетъ Дженкинсъ. Это была величайшая, удивительнѣйшая гостинница на землѣ. Открытая въ скромныхъ размѣрахъ, въ давно забытое время, она изъ поколѣнія въ поколѣніе расширяла свои дѣла̀, увеличивала свои зданія и, наконецъ, достигла такого объема, какого никогда не имѣла ни одна гостинница, завѣдываемая однимъ лицомъ. Стѣ-

---

[1] The blot on the Queen's Head or how Little Ben, the head waiter, changed the sign of the *«Queens Inn»* to *«Imperial Hotel, limited»*, and the consequences thereof—by a guest, the Author of *Ginx's Baby*. London. 1876 г.

ны ея были толсты, крѣпки; время и землетрясенія не могли ихъ пошатнуть. Войны и революціи свирѣпствовали извнѣ и внутри; но стѣны ея оставались все такими же твердыми и крѣпкими. Дѣла въ ней всегда велись съ гордой, независимой самостоятельностью. Посѣтители пользовались самой полной свободой, кто бы ни управлялъ гостинницей. Въ одно время ею завѣдывалъ мужчина, а въ другое женщина, но это было все равно. Хозяева гостинницы всегда настаивали на томъ, чтобы дѣла велись на либеральныхъ основаніяхъ и внѣ всякихъ постороннихъ вліяній. Всякаго посѣтителя принимали радушно, особливо, если у него были туго набиты карманы. Вообще, гостинница приносила большой доходъ—она была для того и основана; но она представляла нетолько выгодное комерческое предпріятіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣрное убѣжище для всѣхъ несчастныхъ. Въ ней были великолѣпныя помѣщенія для султана, шаха и всевозможныхъ принцевъ и принцессъ, остававшихся не у дѣлъ, а также скромныя комнаты и даже чердаки для патріотовъ и революціонеровъ, искавшихъ спасенія отъ нѣмецкой, французской или испанской полиціи.

Удивительное зрѣлище представляло распространеніе этой гостинницы. Въ ближайшемъ съ нею сосѣдствѣ находилась другая гостинница, нѣкогда называвшаяся «Лиліей и Лягушкой»; въ глубокую старину, «Королевская Гостинница» даже занимала часть этого сосѣдняго заведенія, но потомъ сосредоточила всѣ силы въ своей фирмѣ и, въ виду быстро увеличившагося числа посѣтителей начала прикупать одинъ домъ за другимъ, такъ что, наконецъ, составила громадный, во всѣ стороны раскинувшійся караванъ-сарай. Она имѣла нетолько отдѣленія: Саксонское, Кельтическое и Каледонское, но еще частью купила, частью взяла безъ денегъ чудовищный дворецъ на подобіе Альгамбрѣ, подъ названіемъ Индійскій Дворъ. Кромѣ того, у нея были многочисленныя пристройки для менѣе важныхъ посѣтителей: африканская, американская, австралійская. Но, какъ ни распространялась «Королевская Гостинница, сколько ни открывала новыхъ отдѣленій подъ завѣдываніемъ отдѣльныхъ прикащиковъ, она все же оставалась «Королевской Гостинницей», и всюду на вывѣскѣ виднѣлась голова королевы, передъ которой всѣ прохожіе снимали шляпу, говоря: «эта вывѣска величайшей, богатѣйшей, лучшей и свободнѣйшей гостинницы въ свѣтѣ».

Поэтому не удивительно, что собственники гостинницы и всѣ прикосновенныя къ ней лица гордились ею, ея названіемъ и вывѣской, а всѣ посторонніе ее уважали и даже любили. Она всегда была «Королевской Гостинницей» (за исключеніемъ нѣсколькихъ недѣль, когда какой-то управитель назвалъ ее «Республиканской», но и онъ только привелъ въ порядокъ и улучшилъ ея дѣла), и вѣчно должна была ею остаться. Самая же вывѣска, красовавшаяся на дверяхъ, какъ главнаго зданія, такъ и всѣхъ отдѣленій и пристроекъ, была очень красива: ее писали давно многіе искусные художники, и, несмотря на непогоду, морозъ, дождь и солнечный зной, она сохранила въ удивительномъ блескѣ и свѣжести свои славные, незапятнанные цвѣта. А изображенная на ней величественная, *обнажонная* голова королевы ясно доказывала всему міру, что эта королева царила не въ силу золотой короны, а въ силу своихъ врожденныхъ достоинствъ и любви народа.

Во внутреннемъ управленіи этой удивительной гостинницы, въ послѣдніе годы, произошли большія перемѣны. Нѣкогда ею управляли неограниченно неумѣлые содержатели, такъ что двое изъ нихъ едва не довели ее до банкротства, но, мало по малу, все управленіе сосредоточилось въ рукахъ собственниковъ, которые назначали то содержателя, то содержательницу, какъ приходилось, но всегда оставляли за собою высшій контроль за ихъ дѣйствіями. Такъ какъ эти собственники жили въ гостинницѣ и собирались говорить о дѣлахъ въ нижней буфетной и въ верхней столовой, при чемъ открыто высказывали свое мнѣніе о содержателѣ, старшемъ половомъ и многочисленныхъ слугахъ, составлявшихъ администрацію гостинницы, то жизнь всѣхъ этихъ лицъ не была такъ беззаботна и весела, какъ бы они желали. Но они получали громадное содержаніе и исполняли свою обязанность прекрасно, то-есть дѣлали то, что имъ приказывали собственники и скрывали свое неудовольствіе, если таковое и чувствовали. Въ описываемую эпоху, «Королевская Гостинница» состояла подъ управленіемъ содержательницы, высокоуважаемой всѣми собственниками и посѣтителями. Дѣйствительно, никогда не бывало такой доброй, нравственной, милостивой, искусной и работящей трактирщицы. Конечно, многіе сожалѣли, что она, по домашнимъ обстоятельствамъ, рѣдко появлялась въ залахъ, но, зная уважительныя причины ея уединенной жизни, собственники мирились

съ ея заочнымъ управленіемъ, такъ какъ дѣла шли прекрасно, и она, по издавно принадлежавшему ей праву, искусно выбирала старшихъ половыхъ и слугъ.

Такъ процвѣтала «Королевская Гостинница» среди другихъ соперничествующихъ фирмъ, которыя часто подсмѣивались надъ ея слишкомъ разнородными, разбросавшимися во всѣ стороны вѣтвями, сложное управленіе которыми, по ихъ мнѣнію, должно было представлять много труда и, въ концѣ концовъ, лопнуть. Всѣ эти гостинницы, хотя во многомъ и не могли тягаться съ «Королевской», но отличались большимъ задоромъ, и нѣкоторыя изъ нихъ вели крупныя дѣла. Почти всѣ онѣ, по новой модѣ, назывались императорскими отелями: были «Отель Императорскаго Орла», «Отель Двухглаваго Императорскаго Орла», «Отель Императорской Лягушки», который, въ послѣднее время, прогналъ своего трактирщика, преспокойно переѣхавшаго и умершаго въ «Королевской Гостинницѣ». Главное различіе между этими императорскими отелями и «Королевской Гостинницей» заключалось въ ихъ внутреннемъ управленіи и доставляемыхъ ими удобствахъ. Завѣдывали ими, въ большинствѣ случаевъ, неограниченные содержатели, и посѣтители всегда жаловались, что при входѣ у нихъ осматривали чемоданы, что половые подозрительно слѣдили за каждымъ ихъ шагомъ, словно за ворами, и что, вообще, они должны были ѣсть, пить и спать по приказанію, а иначе подвергались немедленному изгнанію. Правда, на одномъ отелѣ «Янки-Дудль» вывѣска гласила крупными буквами «Храмъ Свободы», но этотъ громадный отель управлялся безчисленнымъ количествомъ собственниковъ, избиравшихъ трактирщика изъ числа слугъ, и каждый посѣтитель подвергался нескончаемымъ непріятностямъ, если не подчинялся грубымъ, мѣстнымъ обычаямъ.

Впрочемъ, несмотря на мирное процвѣтаніе «Королевской Гостинницы», ея собственники и слуги, бо̀льшею частью рожденные и воспитанные подъ ея кровомъ, раздѣлялись на двѣ партіи относительно системы управленія. Одни придерживались либеральной системы неограниченной личной свободы и строгой экономіи въ расходахъ, даже приняли кооперативные принципы и даровали въ нѣкоторой степени слугамъ право голоса въ завѣдываніи дѣлами. Глава этой партіи, Большой Билли, отличался замѣчательнымъ умомъ и долго былъ старшимъ половымъ, но онъ ввелъ столько новыхъ реформъ, развивалъ такія

крайнія идеи относительно часовни, содержимой въ гостинницѣ для нѣкоторыхъ посѣтителей, и заслужилъ такую ненависть въ чужестранцахъ съ круглыми шляпами и пунцовыми чулками, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ шпіонствѣ на пользу враждебныхъ отелей, что онъ былъ прогнанъ и теперь шатался по гостинницѣ съ грязной салфеткой въ рукахъ, осыпая всѣхъ ядовитыми замѣчаніями. Къ его партіи принадлежало очень много умныхъ и способныхъ половыхъ, въ томъ числѣ Бобби, говорившій всѣмъ правду въ глаза, постоянно наступавшій на ноги даже товарищамъ и отличавшійся необыкновенно независимымъ образомъ мыслей; но всѣ они теперь неутѣшно бродили безъ дѣла, въ побѣлѣвшихъ на локтяхъ фракахъ.

Партія, управлявшая нынѣ гостинницей, придерживалась старыхъ порядковъ, не допускала никакихъ перемѣнъ: ни оклейки стѣнъ новыми обоями, ни замѣны современными желѣзными кроватями древнихъ саркофаговъ, въ которыхъ каждую ночь погребали себя предки, ни участія въ дѣлахъ гостинницы младшихъ половыхъ, а, напротивъ, отворачиваясь отъ системы «дешево и гнило», сохраняла старинный блескъ, крупные расходы, большія жалованья и т. д. Во главѣ ея стоялъ странный, но умный Маленькій Бенъ. Объ его умѣ можно судить уже потому, что онъ собственно принадлежалъ не къ «Королевской Гостинницѣ», а къ «Іерусалимской Кофейнѣ», которая нѣкогда пользовалась большой славой, а потомъ сильно разстроила свои дѣла, хотя ея слуги всегда отличались ловкостью и умѣньемъ нажить копейку. Маленькій Бенъ былъ прекраснымъ образцемъ этой замѣчательной породы и, еще въ юности удалясь изъ «Іерусалимской Кофейни», совершенно отъ нея отрекся. Сначала онъ распѣвалъ пѣсни противъ сильныхъ міра сего, но, видя, что этимъ не наживешь денегъ, сталъ писать театральныя декораціи. Никто лучше его не могъ изобразить турецкой мареной и прусской лазурью туманную даль и великолѣпные дворцы съ полуобнаженными нимфами и красавцами Адонисами среди сарданапальской роскоши первобытной, восточной цивилизаціи, нѣсколько измѣненной еврейской склонностью къ сценичной мишурѣ. Силою своего таланта и самоувѣренности, онъ, наконецъ, изъ увеселителя публики перешелъ на болѣе высокую роль старшаго половаго и конфиденціальнаго совѣтника содержательницы «Королевской Гостинницы». По своей внѣшности, курчавой го-

ловѣ, большому лбу и рѣшительнымъ очертаніямъ рта, онъ былъ совершенно приличнымъ половымъ, только уже слишкомъ смиренно сѣменилъ ногами и вилялъ спиной, вѣроятно, отъ частаго прислуживанія самой трактирщицѣ и знатнымъ посѣтителямъ, въ отношеніи которыхъ онъ старался поддержать извѣстную интимность, недозволявшую ему сохранить самостоятельность, необходимую для старшаго половаго.

Однако, нельзя не сознаться, что Маленькій Бенъ исполнялъ свои обязанности, во многихъ отношеніяхъ, хорошо и искусно. Лица, завѣдывавшія нѣкоторыми пристройками «Королевской Гостинницы», обижались пренебреженіемъ къ нимъ Большого Билли, который полагалъ, что отъ этихъ пристроекъ нѣтъ никакой пользы и лучше было бы отъ нихъ отдѣлаться, а Бенъ успокоилъ ихъ увѣреніями, что «Королевская Гостинница» сохранитъ ихъ какъ можно долѣе, такъ какъ онѣ необходимы для процвѣтанія общей фирмы. Кромѣ того, видя, что содержатели нѣсколькихъ императорскихъ отелей составили союзъ для изгнанія обанкротившагося собственника «Султанскаго Отеля» и тѣмъ грозили отрѣзать «Королевской Гостинницѣ» свободное сношеніе съ «Индійскимъ Дворомъ», Маленькій Бенъ забѣжалъ тайкомъ къ содержателю «Гостинницы Пирамидъ» и купилъ у него право контроля надъ движеніемъ въ маленькой улицѣ, носившей названіе Улицы Канала. Хозяева императорскихъ отелей подняли большой шумъ, но, зная, что Маленькій Бенъ не выпуститъ изъ рукъ выгодной покупки, открыто признали его ловкость и послали поздравительныя письма къ содержательницѣ «Королевской Гостинницы».

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла, когда неожиданно Маленькому Бену вошла въ голову самая дикая мысль, которая только можетъ пригрезиться трактирщику или старшему половому. Всѣмъ извѣстно, какое громадное значеніе имѣетъ для гостинницы фирма и вывѣска, если онѣ пользуются доброй славой. Надо быть круглымъ дуракомъ, чтобы перемѣнить фирму, извѣстную и уважаемую во всемъ свѣтѣ за прекрасное устройство, рѣдкій комфортъ и необыкновенную свободу, которой пользовались посѣтители. И, однако, дьяволъ, въ той или другой формѣ, вселилъ въ душу хитраго еврея, Маленькаго Бена, безумное желаніе измѣнить славную фирму и передѣлать величественную своею простотой вывѣску. Трудно объяснить, чѣмъ онъ руководствовался въ этомъ случаѣ, по всей вѣроятности, въ немъ пробудилась восточная, фантастическая склонность къ блестящей мишурѣ и желаніе возбудить всеобщее удивленіе, а, быть можетъ, и старинное самолюбіе декоратора. Нѣкоторые

злые языки увѣряли, что сама содержательница «Королевской Гостинницы» заявила Маленькому Бену свое желаніе перемѣнить фирму, но никто этому не вѣрилъ. Она всегда гордилась своимъ возвышеннымъ положеніемъ и любила свое названіе, свою вывѣску, достоинство которыхъ строго поддерживала. Притомъ же, она смотрѣла на новыя, надменныя, блестящія вывѣски окружающихъ гостинницъ съ тѣмъ внѣшнимъ уваженіемъ, котораго онѣ заслуживали своей громадностью, но очень хорошо знала, что, по внутреннему устройству и процвѣтанію, ея гостинница—первая на свѣтѣ.

Какъ бы то ни было, Маленькій Бенъ, взявъ себѣ въ голову несчастную мысль о перемѣнѣ вывѣски, посовѣтовался съ своими близкими друзьями, испросилъ согласіе трактирщицы и объявилъ о своемъ планѣ въ нижней буфетной «Королевской Гостинницы». Вся, такъ сказать, законодательная дѣятельность этого обширнаго учрежденія совершалась въ двухъ комнатахъ: въ верхней столовой, гдѣ собирались самые знатные посѣтители и собственники, и въ нижней буфетной, гдѣ общественное мнѣніе высказывалось гораздо свободнѣе. Главные половые въ верхней столовой были очень важныя особы, получали громадное содержаніе и ходили въ великолѣпной ливреѣ. Пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ и принявъ на себя надменный видъ, они составляли какъ бы дворъ вокругъ трактирщицы. Маленькій Бенъ имѣлъ большое вліяніе въ верхней столовой, хотя многіе изъ гордыхъ ея половыхъ жаловались, что они должны были плясать подъ дудку іерусалимскаго выходца. По обычаю, всякая новая мѣра обсуждалась прежде въ нижней буфетной; поэтому, Маленькій Бенъ явился туда и просто заявилъ, что «Индійскій Дворъ» былъ отобранъ у мѣстныхъ владѣльцевъ въ 1858 году, но, несмотря на значительное увеличеніе блеска и богатства старинной гостинницы отъ этого присоединенія, вывѣска на ея дворѣ осталась неизмѣненной. По его мнѣнію, такое значительное событіе должно было чѣмъ-нибудь увѣковѣчить, и, въ виду того, что, въ послѣднее время, всѣ большія гостинницы стали называться императорскими отелями, онъ предложилъ, вмѣсто старой вывѣски, написать надъ дверью индійскаго двора «Отель Королевской и Императорской Короны». Онъ былъ увѣренъ, что подобное предложеніе съ его стороны будетъ встрѣчено единодушнымъ одобреніемъ и прибавилъ, что самъ готовъ написать новую вывѣску.

Сначала, предложеніе Маленькаго Бена было встрѣчено общимъ равнодушіемъ; никто сразу не понялъ его значенія и могущихъ произойти послѣдствій. Но пламенный Бобби, хотя и съ побѣ-

лѣвшими локтями, потерявъ мѣсто, не потерялъ смекалки и, обращаясь къ Маленькому Бену, громко воскликнулъ:

— Я не знаю, къ чему вы это затѣяли:—мнѣ гораздо болѣе нравится старая вывѣска. Вы хотите перемѣнить ее...

— Не перемѣнить, а только кое-что къ ней прибавить, перебилъ его Маленькій Бенъ.

— Вы меня не обманете своей жидовской хитростью! отвѣчалъ Бобби: — я—не дуракъ. Если вы перемѣните вывѣску на индійскомъ дворѣ, въ подражаніе проклятымъ отелямъ, то будьте увѣрены, что, мало по малу, обѣ фирмы смѣшаются, и насъ будутъ называть вообще не Королевской Гостинницей, а Отелемъ Императорской Короны. Подумайте, что вы дѣлаете. Индійскій дворъ—громадное зданіе, и мы, быть можетъ, не всегда его удержимъ въ своихъ рукахъ, а если, давъ ему новое имя, которое поглотитъ наше, вы принуждены будете съ нимъ разстаться, то какимъ дуракомъ вы покажетесь всему міру!

Большой Билли также сдѣлалъ нѣсколько поспѣшныхъ замѣчаній противъ проекта, на что Маленькій Бенъ, отвѣчалъ только: «Вздоръ!»

Вопросъ о перемѣнѣ вывѣски возбудилъ теперь горячіе толки въ гостинницѣ. Умные люди написали о немъ брошюры и разложили ихъ по столамъ. Посѣтители раздѣлились въ мнѣніи по этому предмету; лучшіе изъ нихъ были недовольны предложеніемъ Маленькаго Бена, но не хотѣли отказомъ оскорбить трактирщицы. Съ другой стороны, люди глубокомысленные, обдумавшіе вопросъ со всѣхъ сторонъ, признали перемѣну вывѣски чрезвычайно опасной. «Что будетъ, спрашивали они:—если посѣтители индійскаго двора не станутъ платить денегъ, слуги взбунтуются или дѣло дойдетъ до банкротства. Во всякомъ случаѣ, какая польза марать старую, славную вывѣску мишурными украшеніями блестящихъ отелей, которые извѣстны своимъ тираническимъ устройствомъ, постояннымъ недовольствомъ посѣтителей и недостаткомъ удобствъ?» Движеніе противъ перемѣны вывѣски быстро увеличивалось, и въ нижней буфетной происходили горячія пренія. Самые пламенные и искренніе ораторы высказывались противъ предлагаемой мѣры, но, по несчастью, они принадлежали къ партіи Большаго Билли, находившагося не у дѣлъ.

Маленькій Бенъ чрезвычайно любилъ таинственность и всегда съ особымъ уваженіемъ смотрѣлъ на сфинкса въ хрустальномъ дворцѣ, который казался ему громадной кошкой, сторожившей мышей и птицъ всего свѣта. Поэтому, хитро подмигивая, онъ сказалъ въ нижней буфетной:

— Вы никто меня не понимаете. Вы не можете себѣ вообразить, на что̀ я способенъ. Я это одинъ знаю. Да еще знаютъ Стаффи (буфетчикъ) и Сальсифи (контролировавшій отчеты по индійскому двору). Мы, вотъ, знаемъ, по какимъ важнымъ причинамъ необходимо сдѣлать эту перемѣну.

— Слушайте! воскликнулъ одинъ изъ первоклассныхъ половыхъ партіи Большаго Билли, прозванный Дюжимъ, за его силу и аппетитъ: — слушайте, Маленькій Бенъ, вы опять за свои штуки! Мы этого не потерпимъ. Говорите прямо, въ чемъ дѣло ли я...

Не докончивъ фразы, онъ скинулъ сюртукъ и засучилъ рукава.

— Дѣло въ томъ, сказалъ съ своей стороны Большой Билли въ пространной и пламенной рѣчи, бросившей въ жаръ Маленькаго Бена: — что вы сами не знаете, чего хотите. Я читалъ исторію и знаю, что̀ выходитъ изъ подобныхъ перемѣнъ. Маленькій Бенъ только слѣдуетъ примѣру большихъ отелей, принявшихъ громкія клички. По моему мнѣнію, если вы перемѣните вывѣску и назовете Индійскій Дворъ Императорскимъ Отелемъ, то всѣ будутъ называть нашу гостинницу Отелемъ Императорской Короны, потому что это названіе красивѣе. Безумно говорить, что мы можемъ здѣсь торговать подъ одной фирмой, а рядомъ подъ другой. Простой людъ, конечно, предпочтетъ болѣе громкое названіе. Я желалъ бы также знать, что̀ вы сдѣлаете съ головой королевы на старой вывѣскѣ? Вы приклеите къ ней корону? А ка̀къ вы будете называть нашу хозяйку? «Содержательницей Королевской Гостинницы и Императорской Короны» или «Содержательницей Императрицей»? Ка̀къ вы будете писать счеты? Нѣтъ, это—не ладно, и я утверждаю, что старшій половой играетъ въ опасную игру. Прежде, чѣмъ мы опомнимся, наша славная, старая гостинница превратится въ отель, и всѣ подумаютъ, что мы переняли всѣ обычаи сосѣднихъ мишурныхъ дворцевъ.

Вообще, Большой Билли и Дюжій говорили такъ громко и бросали такіе гнѣвные взгляды, что буфетчикъ Стаффи вмѣшался въ дѣло, также засучивъ рукава.

— Если вы хотите драться, сказалъ онъ: — то мы готовы. Вы, молодцы, только хотите затѣять скандалъ и занять наше мѣсто. Вашими криками вы произвели между посѣтителями безумную панику. Все это—вздоръ, то-есть то, что̀ вы говорите. Вы очень хорошо знаете, что у насъ въ индійскомъ отдѣленіи множество посѣтителей, которые желаютъ, чтобъ его вывѣска отличалась отъ нашей.

— Я этого-то и хочу избѣгнуть! воскликнулъ Большой Билли

— Держите языкъ за зубами, отвѣчалъ Стаффи:—у насъ есть важныя причины. Нашу гостинницу и прежде называли Императорской Короной.

— Когда? спросилъ Большой Билли, неумѣвшій держать языкъ за зубами.

— Завѣдывающій Индійскимъ Дворомъ приглашалъ въ гостинницу одного странствующаго набаба и назвалъ ее Отелемъ Императорской Короны. Другой набабъ адресовалъ недавно письмо къ этому же половому: «Завѣдующему Отелемъ Императорской Короны». Наконецъ, еще кто-то—я не помню кто—сказалъ что̀-то—я не помню что̀—но положительно служащее доказательствомъ необходимости нашего предложенія. Что̀ же касается до Бобби, увѣряющаго, что мы можемъ потерять индійское отдѣленіе, то мнѣ за него стыдно. Его слѣдовало бы прогнать отсюда.

— Прогнать! Прогнать! воскликнуло нѣсколько голосовъ, но Бобби, сильно покраснѣвъ, повторилъ:

— Да̀, можемъ потерять.

— Хорошій же вы человѣкъ, что говорите такія вещи, если даже и думаете ихъ, отвѣчалъ Стаффи.

Много еще было говорено колкостей съ обѣихъ сторонъ, и собраніе разошлось, ничего не рѣшивъ. На другой день, нѣсколько молодыхъ половыхъ отправились къ Маленькому Бену и спросили его, по какимъ важнымъ причинамъ онъ хотѣлъ перемѣнить старую вывѣску?

— Я вамъ не скажу, отвѣчалъ онъ и прибавилъ, стараясь ихъ запугать: — открытіе этихъ причинъ можетъ подвергнуть опасности дальнѣйшее существованіе гостинницы.

Во всѣхъ комнатахъ старой гостинницы теперь раздавались гнѣвныя восклицанія: «Что̀ все это значитъ?» «Кому это нужно?» «Что̀ за дьявольская арлекинада?» «Что̀ говоритъ трактирщица?» и проч. и проч. Даже друзья Маленькаго Бена сердились, зачѣмъ онъ возбудилъ этотъ вопросъ; но все же говорили другъ другу: «Мы должны его поддержать; нельзя допустить, чтобъ онъ потерялъ мѣсто старшаго половаго». Такимъ образомъ, они противъ своей воли подвергли опасности успѣхъ и доброе имя Королевской Гостинницы ради интересовъ своей партіи.

Во второмъ засѣданіи въ нижней буфетной, Маленькій Бенъ объявилъ, что онъ посовѣтуетъ трактирщицѣ ограничить индійскимъ дворомъ употребленіе новой вывѣски и что ни въ какомъ случаѣ ея дѣтямъ не будетъ дозволено поднять носъ по поводу перемѣны титула.

— Ка̀къ вы можете ограничить распространеніе въ народѣ новаго названія? воскликнулъ Большой Билли: — проходя мимо, народъ будетъ читать новую вывѣску и не станетъ называть гостинницу новымъ именемъ? Вотъ вздоръ. Мало того: всѣ прислужники и прислужницы начнутъ изъ лести называть хозяйку содержательницей Отеля Императорской Короны, а потомъ, мало по малу, ихъ примѣру послѣдуютъ и посѣтители.

Напрасно Маленькій Бенъ и Стаффи старались опровергнуть это справедливое замѣчаніе; очевидно было, что они сами не вѣрили въ то, что̀ говорили. Но все же Маленькій Бенъ оставался непреклоннымъ и на всѣ просьбы юныхъ половыхъ повѣсить старую вывѣску на индійскій дворъ, если тамъ непремѣнно требовалась вывѣска, отвѣчалъ, что судьбѣ было угодно превратить старую гостинницу въ императорскій отель, или, въ противномъ случаѣ будутъ такія роковыя послѣдствія, о которыхъ страшно и подумать.

Наконецъ, въ третье, самое бурное засѣданіе, Большой Билли, разгромилъ Маленькаго Бена въ длинной, краснорѣчивой, энергичной рѣчи, хотя произнесенной нѣжнымъ тономъ воркующей голубки.

— Я не хочу драться, но скажу свои мысли, сказалъ онъ:— одному небу извѣстно, что̀ изо всего этого выйдетъ. Всѣмъ противна эта мѣра; одни высказываютъ открыто свое неудовольствіе, другіе его скрываютъ. Объясните, напримѣръ, ка̀къ вы будете мѣтить бѣлье столовое и постельное? Станете вы выставлять мѣтку на ихъ бѣльѣ «Отель Императорской Короны», а на нашемъ «Королевская Гостинница»—или обратно? А приборы? А пуговки на ливреяхъ половыхъ? Вы видите, что все это ведетъ къ безконечной путаницѣ. Вообще эта исторія—глупый фарсъ, недостойный большой фирмы и старшаго половаго. Мы выросли подъ старой вывѣской и стали изъ скромной гостинницы извѣстнымъ всему свѣту учрежденіемъ. Мы всѣ любимъ эту вывѣску, а вы, съ своимъ еврейскимъ мишурнымъ искусствомъ, только замараете и уничтожите ее. Я протестую противъ святотатственнаго поднятія руки на такое почтенное учрежденіе.

— Вы толкуете! воскликнулъ Маленькій Бенъ:—о мѣткахъ на бѣльѣ и приборахъ. Все это—пустяки и устроится само собою. Вы говорите, что всѣ не сочувствуютъ перемѣнѣ вывѣски. Неправда. Посмотрите, вотъ въ этомъ путеводителѣ, Альгамбра называется императорскимъ отелемъ. Всѣ читаютъ путеводитель, значитъ всѣ согласны на это названіе. Но есть болѣе важныя причины, прибавилъ онъ торжественнымъ голосомъ: — мы всѣ

знаемъ, что отель Императорскаго Медвѣдя распространяетъ свое учрежденіе по направленію къ индійскому двору. Только пространство въ двадцать футовъ отдѣляетъ его службы отъ нашей кладовой. Что̀ будетъ, если онъ подкупитъ нашихъ слугъ или наши посѣтители станутъ недовольны нашей гостинницей. Если они вдругъ взглянутъ на вывѣску сосѣдняго отеля Императорскаго Медвѣдя и не увидятъ надъ нашими дверями подобной же вывѣски, то страшно подумать о послѣдствіяхъ! Господа, сохраненіе индійскаго двора зависитъ отъ разрѣшенія этого вопроса.

Въ собраніи поднялся ужасный шумъ. Бобби и его товарищи стали кричать: «Стыдитесь! Стыдитесь!» Дѣйствительно, никогда старшій половой не приводилъ такихъ нелѣпыхъ причинъ для принятія важной мѣры и не бросалъ такъ безразсудно перчатки сильному сопернику. Но все же Маленькій Бенъ одержалъ побѣду; собраніе приняло его предложеніе, и только для проформы дѣло передано на обсужденіе верхней столовой, гдѣ ораторы были спокойнѣе и обращали болѣе вниманія на чувства трактирщицы, но врядъ ли имъ эта мѣра нравилась болѣе, чѣмъ остальнымъ, прикосновеннымъ къ старой гостинницѣ лицамъ.

Въ концѣ концовъ, было рѣшено перемѣнить названіе индійскаго двора и поставить новую вывѣску съ надписью «Отель Королевской Короны», «ограниченный» (послѣднее слово прибавлено было для отличія отъ другихъ отелей неограниченныхъ). Самъ Маленькій Бенъ взялся, съ согласія трактирщицы, написать новую вывѣску, и толпа то смѣялась, то громко сѣтовала, пока онъ, снявъ сюртукъ, украшалъ новыми мишурными арабесками простую, благородную, старую вывѣску. Однако, нашелся какой-то прислужникъ, который громко крикнулъ: «Трижды ура императорской коронѣ!» Но онъ едва спасся отъ взрыва общаго негодованія. Когда новая вывѣска явилась на индійскомъ дворѣ, то многіе покачали головою, но, мало-по-малу, въ старой гостинницѣ всѣ стали забывать объ этой несчастной исторіи.

Настоявъ на своемъ, Маленькій Бенъ чувствовалъ, однако, что изъ уваженія къ трактирщицѣ нужно было означить и на старой вывѣскѣ новый титулъ гостинницы. Не смѣя днемъ прикоснуться къ тому, что̀ многіе считали святыней, онъ ночью взлѣзъ по лѣстницѣ къ старой вывѣскѣ и хотѣлъ намалевать золотой краской императорскую корону на *обнаженной головѣ королевы*, но, по ошибкѣ, взялъ, вмѣсто золота, ваксу и руки его дрожали; притомъ же, фонарь, который держалъ Стаффи, бросалъ мерцающій свѣтъ. На другой день, съ ранняго утра, раздался

на улицѣ громкій крикъ; всѣ обитатели королевской гостинницы выбѣжали. Восклицанія негодованія и печали огласили воздухъ. На головѣ королевы, на этой уважаемой и благородно обнаженной головѣ, грубая, легкомысленная рука нарисовала отвратительную, мрачную, ничего не означавшую корону, которая съ низу казалась большимъ, чернымъ пятномъ.

Разсказавъ такимъ образомъ исторію «Королевской Гостинницы», авторъ «Джинксова Младенца» прибавляетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дальнѣйшей ея судьбѣ. Послѣ многихъ лѣтъ успѣшнаго завѣдыванія старой гостинницей, содержательница ея умерла и память о ней доселѣ уважается, но какъ содержательницы Королевской Гостинницы, а не Императорскаго Отеля. Маленькій Бенъ собралъ посѣянные имъ плоды и получилъ заслуженную имъ награду. Все, что̀ предсказывала либеральная партія, исполнилось. Посѣтители, изъ уваженія къ содержательницѣ Королевской Гостинницы стали называть ее содержательницей Императорской Короны. Прислужники и внутри заведенія послѣдовали этому примѣру. Бѣлье и приборы обѣихъ фирмъ перемѣшались, такъ какъ половымъ, перебѣгавшимъ изъ одного зданія въ другое, не было времени ихъ разбирать. Болѣе серьёзныя послѣдствія несчастной фантазіи и нелѣпаго тщеславія Маленькаго Бена произвели много безпокойства обѣимъ фирмамъ, но здѣсь не мѣсто объ нихъ говорить. Увы! старое названіе почти совершенно забыто, и всякій, знающій эту грустную исторію, проходя мимо старой гостинницы, съ сожалѣніемъ взглядываетъ на нѣкогда славную вывѣску, доселѣ доказывающую, какимъ пророкомъ былъ Маленькій Бенъ, ненамѣренно сдѣлавъ *черное пятно на головѣ королевы.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛЕССИНГЪ И ЕГО «НАТАНЪ МУДРЫЙ».

(*Натанъ Мудрый*, драматическое стихотвореніе *Готгольда Лессинга*. Переводъ съ нѣмецкаго *Виктора Крылова*. Съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Спб. 1875).

Когда, года три-четыре тому назадъ, вышелъ въ свѣтъ русскій переводъ какого-то сочиненія одного изъ англійскихъ ученыхъ прошлаго столѣтія, рецензентъ, не помню котораго изъ нашихъ журналовъ, замѣтилъ, разбирая переводъ, что появленіе его останется безплоднымъ по отношенію къ русскимъ читателямъ, потому что переводчикъ не позаботился снабдить его ни предисловіемъ, ни комментаріями. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ изъ русскихъ читателей, которые въ состояніи сколько-нибудь правильно отнестись къ явленіямъ иноземныхъ литературъ, да еще не современныхъ и не близкихъ къ современнымъ, всего вѣроятнѣе могутъ знакомиться съ ними непосредственно и въ переводахъ не нуждаются; тѣ-же, для которыхъ переводы эти именно и предназначаются, въ рѣдкихъ случаяхъ только могутъ судить о нихъ правильно: понимать, что̀ въ данномъ произведеніи имѣетъ одно только историческое значеніе и что̀ живо еще и до настоящаго времени, или дать себѣ отчетъ о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ сложились эти произведенія, прослѣдить за тѣми нитями, которыя связываютъ ихъ какъ съ предшествовавшимъ имъ умственнымъ развитіемъ, такъ и современными имъ явленіями въ области мысли. Не имѣя обо всемъ этомъ опредѣленныхъ понятій, читатель не въ состояніи заинтересоваться даже появляющимся переводомъ настолько, чтобы прочитать его, да еслибы усердіе его и пошло такъ далеко, то результаты такого усердія были бы сомнительны: очень часто, кромѣ сумбура въ головѣ, читатель ничего бы не пріобрѣлъ. Естественно поэтому, что появленіе переводовъ, не снабженныхъ руководящими статьями, проходитъ у насъ тихо, мертво, безслѣдно. Переводчикъ иногда

работаетъ годы, изучаетъ всю литературу избраннаго предмета, дѣлаетъ все отъ него зависящее для передачи подлинника вѣрно, правильно, точно, является не *traditore*, а дѣйствительнымъ *traduttore* своего автора—словомъ, обогащаетъ нашу литературу въ полномъ значеніи этого слова, а мы, что̀ называется, и усомъ не ведемъ. Что̀ же и удивляться, если переводная литература наша остается бѣдною при всей своей обширности и, вообще говоря, не процвѣтаетъ.

Неизбѣгло общей судьбы даже и такое произведеніе, какъ *Натанъ Мудрый* Лессинга, появившееся въ русскомъ переводѣ около семи лѣтъ тому назадъ. «Мудрый» былъ принятъ такъ, какъ будто онъ вступалъ въ общество тоже мудрыхъ, которымъ ничего не предстоитъ узнать отъ него, ничему отъ него не приходится научиться... Теперь, по выходѣ въ свѣтъ того-же перевода, снабженнаго прекрасною объяснительною статьею переводчика, отношеніе къ Натану, вѣроятно, измѣнится. Теперь русскій читатель вѣрно пойметъ, наконецъ, причину той родственной любви, которою окружено имя Лессинга въ его родной странѣ.

«У нѣмца сердце радуется, когда онъ ведетъ рѣчь о Лессингѣ, говоритъ Геттнеръ:—Лессингъ есть мужественнѣйшій характеръ въ исторіи нѣмецкой литературы. Вся его жизнь была нескончаемою войною и побѣдою... Эта война и побѣда доставили нѣмцамъ обладаніе свободною наукою и произвели проникновеніе ея въ нравы и умонастроеніе общества». (*H. Hettner*. Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhundert). «Ни одинъ нѣмецъ, говоритъ Гейне: — не можетъ произнести имя Лессинга, не чуя въ груди своей болѣе или менѣе звучнаго отклика. Лессингъ—наша гордость и наша радость»... (*H. Heine*. L'Allemagne). «Когда произносится имя Лессинга, говоритъ Целлеръ:—тотчасъ же вспоминаются тѣ заслуги, которыя оказалъ этотъ рѣдкій человѣкъ нашей литературѣ и всей нашей духовной жизни. Величіе его зиждется не на богатой послѣдствіями обработкѣ отдѣльной области, но на всестороннемъ его вліяніи, которое, исходя, подобно искрамъ, изъ этого огненнаго духа, воспламеняло и освѣщало все, до чего только онъ ни прикасался». (Ed. Zeller. Gesch. der Deutschen Philosophie).

Рядъ подобныхъ цитатъ можно бы сдѣлать очень длиннымъ: г. Крыловъ справедливо замѣчаетъ, что во всякой нѣмецкой книгѣ, въ которой спеціально или даже вскользь говорится о Лессингѣ, видна черта теплой къ нему привязанности. Приведенныхъ выписокъ достаточно, впрочемъ, чтобы дать понятіе о характерѣ отношенія къ Лессингу его соотечественниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать въ общихъ чертахъ основы этихъ отношеній. Въ Лессингѣ нѣмцы чтутъ отца новѣйшей умственной жизни всего нѣмецкаго народа, главу того движенія мысли, которое блещетъ цѣлымъ рядомъ именъ, имѣющихъ обще-европейское значеніе и, притомъ, значеніе первостепенное.

Но, какъ ни колоссальна разносторонняя дѣятельность Лессинга, какъ ни важны его сочиненія для разнообразныхъ отраслей умственной дѣятельности: — «Воспитаніе человѣческаго рода» — дли философіи исторіи, «Лаокоонъ» — для искусства и поэзіи, «Сара Сампсонъ», «Мина фонъ-Барнгельмъ», «Эмилія Галотти», «Драматургія» — для театра, «Литературныя письма» — для критики и исторіи литературы, «Анти-Гётце» — для критики и теологіи, и т. д., тѣмъ не менѣе, Натанъ Мудрый, какъ «духовное завѣщаніе, передающее потомству сумму истинъ, завоеванныхъ борьбою и мужествомъ Лессинга», какъ «проявленіе всей геніальности его разума, всей его гуманной вѣры и надежды, какъ монументальный итогъ всего вѣка просвѣщенія» — Натанъ стоитъ выше ихъ всѣхъ и имѣетъ самое глубокое, истинно всеобъемлющее значеніе.

Таково произведеніе, лежащее передъ нами въ первомъ и пока еще единственномъ русскомъ переводѣ. Ужели и у насъ не порадуется сердце при знакомствѣ съ такимъ сокровищемъ мысли, ужели мы, хоть черезъ сто лѣтъ послѣ нѣмцевъ, не примемъ съ распростертыми объятіями носителя того, чѣмъ мы еще такъ бѣдны, ужели и мы, въ свою очередь, не заслушаемся Мудреца-Натана, говорящаго по-русски?.. Или, быть можетъ, оттолкнемъ мы его отъ себя, отвернемся отъ него, когда онъ скажетъ намъ что —

«Легче набожно мечтать,
Чѣмъ поступать и честно и разумно!

или оскорбимся, принявъ за горькую иронію его восклицаніе:

«Ахъ! Еслибы мнѣ въ васъ пришлось найти
Хотя однимъ бы человѣкомъ больше,
Которому довольно и того,
Что носитъ онъ названье человѣка».

Какъ бы то ни было, а очень мнѣ хочется возбудить охоту въ васъ, читатель, узнать это замѣчательное произведеніе, если только до сихъ поръ вы его еще не знаете.

Начнемъ съ Лессинга, а тамъ перейдемъ и къ его Натану.

I.

Лессингъ родился въ 1729 году, въ глухомъ провинціальномъ городкѣ — Каменцѣ, гдѣ отецъ его занималъ должность пастора. Лишь только маленькій Готгольдъ Эфраимъ сталъ лепетать, какъ его начали учить молитвамъ. Скоро затѣмъ онъ выучился читать по библіи и катихизису. Первое понятіе о поэзіи онъ получилъ, заучивая наизусть духовныя пѣсни, которыя слышалъ каждое утро и каждый вечеръ во время общихъ семейныхъ молитвъ.

Однообразіе впечатлѣній длилось, впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока мальчикъ оставался подъ болѣе или менѣе исключитель-

нымъ присмотромъ матери, женщины довольно ограниченной, только и мечтавшей о томъ, чтобы и сынъ ея сдѣлался когда-нибудь такимъ же пасторомъ, какимъ были его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ. Когда же мальчикъ подросъ и ему стало доступно вліяніе отца—горизонтъ его понятій получилъ возможность значительно расшириться, такъ какъ старикъ Лессингъ вовсе не принадлежалъ къ числу тѣхъ узкихъ и фанатическихъ піэтистовъ, для которыхъ обряды и формы того исповѣданія, къ которому они принадлежали, заслоняютъ собою и общій смыслъ религіи, и безконечное разнообразіе человѣческихъ интересовъ, вызываемыхъ жизнью. Іоганнъ-Готфридъ Лессингъ не даромъ былъ сыномъ того Теофила Лессинга, который, еще въ 1670 году, избралъ тэмою своей докторской диссертаціи—«*Религіозную терпимость*», которую, притомъ же, онъ понималъ весьма широко. Іоганнъ Готфридъ былъ не дюжиннымъ пасторомъ: съ обычнымъ обиліемъ дѣтей онъ соединялъ необычное обиліе знаній: — кромѣ обоихъ древнихъ языковъ, онъ основательно зналъ языкъ еврейскій и— чтò было особенною рѣдкостью для пастора его времени—зналъ еще языки французскій и англійскій. Исторія реформаціи и исторія церкви были любимыми предметами его занятій въ теченіи всей долгой его жизни. Сочиненія его свидѣтельствуютъ о его умѣ, хотя и вращавшемся постоянно въ рамкахъ теологическаго міросозерцанія, но никогда не засыпавшемъ, всегда дѣятельномъ и пытливомъ.

Но, кромѣ рода занятій отца, и родъ его жизни имѣлъ на Лессинга громадное вліяніе, не исчезнувшее во всю жизнь. Практическую мораль онъ считалъ высшимъ выраженіемъ своего міровоззрѣнія. Благотворительность его не отличала чужихъ отъ своихъ и проникала всюду, куда только могла проникнуть. Она не походила на то буржуазное мягкосердіе, которое надрывается надъ царапиной у собственнаго своего ребенка и не хочетъ знать о томъ, чтò совершается въ подвалахъ и на чердакахъ; еще менѣе похожа была она на то изувѣрское «совершеніе добрыхъ дѣлъ», которое щедрою рукою сыплетъ на богадельни, больницы, пріюты и т. д. и у котораго нѣтъ теплаго слова для близкихъ, для домашнихъ, для всѣхъ тѣхъ, жизнь которыхъ можно отравить втихомолку. У старика-Лессинга сердце билось для всякаго человѣческаго горя и откликалось на всякій вздохъ, на всякую слезу. Его милый образъ носился, конечно, передъ сыномъ, когда тотъ заставлялъ своего Натана говорить, что человѣкъ для человѣка милѣе ангела и что легче набожно мечтать, чѣмъ поступать разумно и честно.

Исполнилось Лессингу 13 лѣтъ, и вотъ—онъ уже въ школѣ, въ знаменитой въ свое время Fürstenschule zu Sanct Afra, въ Мейсенѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, учебное заведеніе это было въ своемъ родѣ достопримѣчательностью. Цѣль его заключалась, главнымъ образомъ, въ приготовленіи поборниковъ реформаціи и евангелическаго исповѣданія вообще. Цѣли этой думали достичь

посредствомъ строго-выдержаннаго классическаго образованія. Заведеніе было закрытое и устроено по монастырски: богослуженіе, молитвы и толкованіе библіи шли рука объ руку съ древними языками. Что̀ же касается нѣмецкаго языка и нѣмецкой литературы, то они были сколѣе терпимы, нежели поощряемы. Присмотръ за воспитанниками былъ очень строгій, но чуждъ педантства и безсмысленной требовательности.

Такая школа, какъ замѣчаетъ Штаръ (*A. Stahr.* G. E. Lessing. Sein Leben und seine Werke) имѣла, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, неоцѣненное преимущество предъ современными нѣмецкими гимназіями. Преимущество это заключалось въ томъ, что она предоставляла гораздо болѣе широкій просторъ личной самодѣятельности, въ высшей степени стѣсненной въ нынѣшнихъ гимназіяхъ непомѣрнымъ количествомъ учебныхъ часовъ и слишкомъ обременительными для учащихся внѣклассными занятіями. Въ мейсенской школѣ учебные часы служили только для того, чтобы показать, «гдѣ слѣдуетъ искать умственную пищу и ка̀къ ею пользоваться». Этотъ порядокъ обученія былъ особенно благотворенъ для такихъ натуръ, какова была натура Лессинга: онъ умѣлъ воспользоваться предоставленною ему самостоятельностью и много лѣтъ послѣ вспоминалъ о счастливыхъ годахъ, проведенныхъ въ Мейсенѣ. Большое значеніе имѣло также и отсутствіе того шума и тѣхъ развлеченій, которыя неизбѣжно оказываютъ свое вліяніе на воспитанниковъ заведеній, находящихся въ большихъ городахъ; хотя, съ другой стороны, Мейсенъ временъ Лессинга не долженъ возбуждать у читателя представленіе о какомъ-нибудь Нѣжинѣ тѣхъ блаженныхъ временъ, когда лицейская интеллигенція была одержима такою-же умственною спячкою, какъ и все это захолустье. Въ Мейсенѣ умственная жизнь бодрствовала: учителя и воспитатели стояли на высотѣ своего призванія:—ихъ не засасывало гнилое болото мѣстной жизни; воспитанники, по окончаніи курса, выходили далеко не невѣждами — словомъ, это было совсѣмъ не такъ, какъ можетъ представляться намъ, видѣвшимъ представителей интеллигенціи уѣздныхъ трущобъ. Но если общій уровень учениковъ мейсенской школы былъ не низокъ, то натура, столь богато одаренная, какъ натура Лессинга, имѣла возможность развить многія характеристическія черты своей будущей дѣятельности. Еще въ школѣ, Теренцій и Плавтъ сдѣлались его любимыми писателями, и на творенія ихъ онъ привыкъ смотрѣть, какъ на источники знанія жизни. Здѣсь же началъ устанавливаться у него и взглядъ на древность вообще. Въ ней онъ склоненъ былъ, всего прежде, видѣть средство къ познанію открывавшагося въ ней человѣческаго духа и человѣчности вообще. Онъ не увлекался поэтому одною только филологическою стороною изученія древней умственной жизни, но начиналъ смотрѣть на нее широко, начиналъ цѣнить всѣ высокія ея проявленія: онъ переводилъ Евклида и работалъ надъ исторіею ма-

тематики у древнихъ. На изученіе языка онъ смотрѣлъ только какъ на средство для достиженія знаній, а не какъ на цѣль образованія, и былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что, безъ знанія математики, естественныхъ наукъ и философіи, образованіе не можетъ считаться удовлетворительнымъ.

Въ 1746 году, Лессингъ окончилъ курсъ мейсенской гимназіи. Въ этомъ же году онъ вступилъ въ лейпцигскій университетъ. Переходъ отъ скромнаго Мейсена къ большому торговому и промышленному центру, какимъ и тогда уже былъ Лейпцигъ, къ центру всей нѣмецкой книжной торговли и пункту весьма оживленной литературной дѣятельности, не могъ не быть для Лессинга въ высшей степени поразительнымъ. Первые мѣсяцы, онъ, по его собственнымъ словамъ, былъ какъ бы оглушенъ тѣмъ, что̀ вокругъ него совершалось, и старался сколь возможно болѣе уединиться, какъ бы не рѣшаясь вступить въ общество, представлявшее для него на каждомъ шагу столько новаго и необыкновеннаго. Но едва, наконецъ, сдѣлалъ онъ первые шаги въ этомъ обществѣ, какъ увидѣлъ, что Мейсенъ для этого не далъ ему рѣшительно ничего. Чтобы имѣть возможность жить въ новой стихіи, въ которую онъ попалъ, чтобы имѣть возможность обращать вліяніе ея себѣ на благо, необходимо было всего прежде научиться вращаться въ ней. И онъ началъ изучать жизнь непосредственно, не пренебрегая ничѣмъ, что̀ могло бы дать ему превосходство надъ другими въ какомъ бы то ни было отношеніи. Въ сравнительно короткое время ему дѣйствительно удалось овладѣть всѣмъ, что̀ было необходимо для его цѣли, и затѣмъ поставить себя въ лейпцигскомъ обществѣ такъ, какъ, конечно, не съумѣлъ бы себя поставить заурядный молодой провинціалъ, сынъ бѣднаго пастора.

Университетъ, въ который вступилъ Лессингъ, былъ въ то время знаменитѣйшимъ университетомъ всей Германіи и, по господствовавшему въ ней духу, могъ въ высшей степени благопріятствовать дальнѣйшему развитію того направленія, которое обозначилось уже въ Лессингѣ, и которое онъ начиналъ уже сознавать. Въ Лейпцигѣ между профессорами блисталъ Эрнести. Этотъ талантливый ученый много способствовалъ эстетическому развитію литературнаго вкуса Лессинга, руководя его при изученіи древнихъ поэтовъ. Еще болѣе сдѣлалъ для Лессинга, предшественникъ Винкельмана—Кристъ, умонастроеніе котораго удивительно гармонировало съ начинавшимъ уже складываться строемъ понятій Лессинга. Обладая громадными знаніями и будучи первымъ, придавшимъ оживленіе мертвому и педантическому изученію древности, бывшему до него въ Германіи повсемѣстнымъ, Кристъ былъ еще и человѣкомъ свободномыслящимъ, отрѣшившимся отъ рутины во многихъ отношеніяхъ и всю свою жизнь преслѣдовавшимъ любимую свою идею—идею связи науки и жизни. Кристъ, надо еще прибавить ко всему этому, всегда выражалъ идеи свои въ формахъ сильно очерченныхъ и обла-

далъ значительнымъ полемическимъ талантомъ. Такимъ образомъ, главныя черты его характера, столь родственныя основнымъ чертамъ характера Лессинга, не могли не влiять на послѣдняго самымъ могущественнымъ образомъ въ ту юношескую пору жизни, когда впечатлѣнiя принимаются жадно и когда они особенно плодотворны. Изъ другихъ профессоровъ, только профессоръ философiи Кестнеръ успѣлъ привлечь Лессинга, который съ неизмѣнною акуратностью посѣщалъ устроенныя Кестнеромъ философскiя бесѣды. Кестнеръ, впрочемъ, не могъ удовлетворить его вполнѣ, и, по сдѣланной еще въ Мейсенѣ привычкѣ, Лессингъ старался дополнить путемъ чтенiя то, чего не давала ему школа. Сперва онъ занялся господствовавшей тогда философiей Вольфа, но, подъ влiянiемъ выработавшейся уже въ немъ потребности слѣдить за историческимъ развитiемъ занимавшей его идеи, онъ вскорѣ обратился къ источнику Вольфа—Лейбницу, а затѣмъ и къ древнимъ философамъ. Любимымъ его философомъ въ эту эпоху былъ Лейбницъ; но къ Лейбницу влекли Лессинга не система, а характеръ и складъ мыслей Лейбница, какъ человѣка дѣятельнаго и живаго, и въ самой системѣ даже его привлекалъ всего болѣе принципъ индивидуализма и самобытности.

Подъ влiянiемъ такихъ благопрiятныхъ условiй, кругъ знанiй Лессинга, за время пребыванiя его въ Лейпцигѣ, значительно расширился; идея связи науки и жизни опредѣлилась, разлилась, окрѣпла. Но это—еще не все, что̀ далъ Лессингу Лейпцигъ. Здѣсь Лессингъ научился еще тому, чему, по его собственному выраженiю, всего успѣшнѣе можно было научиться именно въ Лейпцигѣ—онъ научился быть литераторомъ. Лейпцигъ представлялъ тогда поле самой кипучей литературной дѣятельности: всѣ почти молодые люди, отличавшiеся талантливостью, принимали участiе въ журналистикѣ, и Лессингъ, само собою разумѣется, былъ не изъ послѣднихъ. Но вступая въ общество литераторовъ, тогда еще совершенно отрозненное отъ массъ и представлявшее своего рода государство въ государствѣ, Лессингъ, хотя еще и юноша, внесъ въ него цѣль совершенно новую. Онъ указывалъ на необходимость раздвинуть узкiя границы влiянiя литературы и начать возвѣщать то, что̀ возвѣщать было нужно, не однимъ только своимъ собратьямъ-литераторамъ, но и всему народу. Теперь, конечно, онъ не могъ еще достигнуть этой цѣли, но онъ ее уже поставилъ себѣ и достигъ впослѣдствiи.

Въ Лейпцигѣ же Лессингъ впервые познакомился и съ театромъ и впервые видѣлъ на сценѣ свои произведенiя.

Такимъ образомъ, когда, въ 1748 году, не окончивъ курса, Лессингъ оставилъ Лейпцигъ, всѣ основныя черты характера его, какъ человѣка, мыслителя, ученаго, литератора, уже были въ немъ явственно обозначены и обозначены такъ, что объ исполненiи завѣтныхъ надеждъ матери нѣчего было и думать.

Естественно, что Лессингъ былъ далекъ и отъ тѣни желанія сдѣлаться пасторомъ. Уже мейсенская школа, какъ это часто бываетъ и съ нашими школами, подготовила въ Лессингѣ совершенно не то, что̀ хотѣла и думала подготовить; Лейпцигъ же, сильно возбудивъ его умственную дѣятельность въ направленіи свѣтскомъ, живомъ, разностороннемъ, окончательно убилъ въ немъ охоту къ перенесенію того формализма и того служенія буквѣ, которыя неизбѣжно налагаются пасторскимъ званіемъ. Натура юноши-Лессинга, на той степени развитія, на которой онъ стоялъ, требовала уже русла болѣе глубокаго и болѣе широкаго, чѣмъ то, по которому обычно протекаетъ жизнь пастора; его умъ требовалъ полной, безграничной свободы, рѣшительнаго устраненія всѣхъ помѣхъ къ достиженію яснаго самосознанія и самоопредѣленія. Въ 20 всего лѣтъ онъ высказывалъ отцу, что «религія—не такая вещь, которую слѣдуетъ брать на вѣру у своихъ предковъ». «Время покажетъ, говоритъ онъ при этомъ:—кто лучшій христіанинъ—тотъ ли, кто держитъ христіанскія правила въ памяти и у котораго они часто и на языкѣ, кто ходитъ въ церковь и исполняетъ обряды, потому что они обычны, или тотъ, кто, по благоразумномъ сомнѣніи, стремится достичь до убѣжденія путемъ изслѣдованія».

Молодой, смѣлый, многознающій, разумный и остроумный пріѣхалъ онъ въ Берлинъ. Кромѣ своихъ способностей у него не было другой опоры. Съ этого времени начинается его самостоятельная жизнь.

II.

Въ скитальческой, многотрудной, богатой самою разнообразною дѣятельностью жизни Лессинга особенно важное значеніе имѣетъ его пятилѣтнее пребываніе въ Бреславлѣ, отъ 1760 до 65 года. Это были годы добровольнаго удаленія отъ утомительныхъ срочныхъ умственныхъ занятій, отъ жизни, полной треволненій, столкновеній, заботъ, невѣдомыхъ человѣку, чуждому литературы и журналистики и скоро подламывающихъ того, кому они вѣдомы. Лессингу хотѣлось во̀-время спасти свои силы, начинавшія уже ощущать тягость берлинской жизни: онъ пишетъ, что сытъ Берлиномъ по горло, что дѣятельность его требуетъ паузы, что между книгами пожилъ онъ уже вдоволь, пора-де пожить, наконецъ, и между людьми. Онъ удаляется въ Бреславль, беретъ тамъ мѣсто чиновника съ хорошимъ содержаніемъ и, получивъ возможность работать только опредѣленное число часовъ въ день, находитъ истинный отдыхъ въ занятіяхъ, избранныхъ по влеченію, въ трудахъ, задуманныхъ ранѣе, въ изученіи того, что̀ считалъ необходимымъ узнать въ видахъ будущаго.

Къ концу пребыванія своего въ Бреславлѣ, Лессингъ дѣйствительно видѣлъ, что онъ не обманулся въ разсчетѣ. Вскорѣ

по выздоровленіи отъ сильно измучившей его лихорадки, онъ пишетъ къ Рамлеру: «серьёзная эпоха моей жизни приближается; я начинаю становиться зрѣлымъ человѣкомъ и льщу себя мыслью, что вмѣстѣ съ этою злою лихорадкою минуютъ мои послѣднія юношескія бредни».

Мы увидимъ сейчасъ, что съ этой поры, въ самомъ дѣлѣ, достигаютъ зрѣлости тѣ элементы, изъ которыхъ потомъ слагается окончательное міросозерцаніе Лессинга. Теперь же остановимся на минуту надъ первымъ періодомъ самостоятельной жизни Лессинга—періодомъ, далеко не столь ничтожнымъ, какъ можно заключить изъ приведенныхъ выше словъ самого Лессинга, и далеко не составляющимъ пробѣла въ ходѣ его развитія, начавшимъ опредѣляться, какъ мы уже видѣли, еще въ Лейпцигѣ. Въ этотъ первый двѣнадцатилѣтній періодъ, Лессингъ весьма плодотворно работалъ уже для преобразованія нѣмецкой литературы и всего склада нѣмецкой образованности и, вмѣстѣ съ другими замѣчательными современниками своими, успѣлъ ужь положить твердое основаніе для борьбы противъ господствовавшихъ въ то время пошлости, педантства, піэтизма, клерикализма, мечтательности, морализированья, размазыванья—словомъ, всего, что̀ враждебно свободнымъ движеніямъ духа, свѣтлой поэзіи жизни и независимости науки. Фёльетоны Лессинга въ берлинской газетѣ, а потомъ и «Литературныя письма», наполнявшіяся въ первые годы исключительно статьями Лессинга и его друзей, имѣютъ громадное значеніе въ этомъ отношеніи. Въ фёльетонахъ онъ имѣлъ случай обнаруживать свои обширныя познанія и самостоятельный взглядъ на литературныя произведенія, критикомъ которыхъ являлся. Берлинскіе ученые и теологи отнеслись къ нему сперва свысока, но тѣмъ не менѣе критическій талантъ его скоро сталъ внушать страхъ и заставилъ уважать себя. Лессингъ въ этотъ періодъ времени представляетъ собою замѣчательный типъ независимаго литератора: онъ писалъ популярно, въ самой легкой изъ литературныхъ формъ и, работая ради хлѣба, сохранялъ безусловно нравственную самобытность и достоинство, не опираясь ни на какой офиціальный титулъ, ни на какую ученую степень офиціальнаго происхожденія. Въ это время онъ былъ всего только *studiosus medicinae*, т. е. выражаясь, какъ у насъ принято, недоучившійся студентъ. Хлѣбъ, который онъ заработывалъ, былъ скуденъ, но за то, какъ замѣчаетъ Штаръ, заслуженныя имъ критическія шпоры были настоящія золотыя шпоры критическаго рыцарства. Недаромъ и въ новѣйшее даже время онъ былъ признанъ первымъ европейскимъ критикомъ (Маколей). «Не позднѣйшія сочиненія Лессинга заслуживаютъ наибольшаго удивленія, говоритъ его біографъ Данцель:—сочиненія эти принадлежатъ зрѣлому возрасту, тому періоду, когда Лессингъ пріобрѣлъ обширную опытность и изучилъ многосторонне лучшее всѣхъ литературъ. Но, что двадцатидвухлѣтній юноша съ такою свободою, твердостью и искуствомъ съумѣлъ стать выше партій,

къ которымъ въ то время, точно какъ бы по закону Солона, необходимо долженъ былъ принадлежать всякій — вотъ что̀ по истинѣ изумительно».—Еще бо̀льшее, чѣмъ берлинскіе фёльетоны, имѣютъ значеніе «Литературныя письма», въ которыхъ критическая сила, обнаруженная имъ при самомъ началѣ литературнаго поприща, достигла поразительной высоты и стала всесокрушающею. «Изъ литературныхъ писемъ, Германія въ первый разъ узнала о Шекспирѣ, какъ истинно великомъ поэтѣ... говоритъ Шлоссеръ. При ихъ помощи поэзія освобождалась, по крайней мѣрѣ, отъ пошлости. Прозу критика также заставила принять другой тонъ. Своими умными и острыми разборами, написанными чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, Лессингъ и его друзья показали, что можно писать безъ тяжелаго школьнаго педантства, безъ готшедтовской тривіальности и безъ плаксивой заоблачности поклонниковъ клопштоковой поэзіи... Прежде, ни одинъ писатель не воспользовался примѣромъ, который показали Лессингъ и Мендельсонъ въ брошюрѣ Попе-Метафизикъ; теперь «Литературныя письма» ободряли всякую попытку обратить философію изъ школьной науки въ живую». (Исторія восемнадцатаго столѣтія. 2 изд. II. 420).

Въ теченіи этого же періода, путемъ чтенія и размышленія, зрѣла и философская мысль Лессинга. Плоды ея, выразившіеся въ нѣсколькихъ небольшихъ сочиненіяхъ, свидѣтельствуютъ, до какой степени возвышался уже онъ въ это время надъ своими современниками. Его «Мысли о гернгутерахъ» полны замѣчательно-глубокой критики философіи его времени — критики, нещадившей и самого Лейбница и съ особенною силою ратовавшей противъ философскаго догматизма вообще. Еще бо̀льшее значеніе имѣетъ упомянутое выше сочиненіе «Попе-Метафизикъ», написанное имъ въ сотрудничествѣ съ Мендельсономъ. Здѣсь неумолимой критикѣ подвергается оптимизмъ лейбнице-вольфовой школы и разсматривается вопросъ объ отношеніи философіи къ поэзіи съ такою необычайною для того времени простотою, силою и изяществомъ, что и до сихъ поръ даже сочиненіе это остается образцовымъ въ своемъ родѣ. Здѣсь въ первый разъ упоминается имя Спинозы, хотя знакомство съ этимъ писателемъ, по мнѣнію I. Якоби (Lessing als Philosoph), врядъ ли въ это время было у Лессинга непосредственнымъ. Такое знакомство принадлежитъ бреславльской эпохѣ.

Пять лѣтъ, проведенныхъ въ Бреславлѣ, какъ я замѣтилъ выше, имѣли громадное значеніе въ жизни Лессинга. Это время, какъ говоритъ I. Г. Фихте, было «собственно эпохою опредѣленія и укрѣпленія его духа — эпохою, когда онъ, имѣя возможность не давать своей литературной дѣятельности внѣшняго направленія и будучи занятъ дѣлами совершенно иного рода—дѣлами, въ которыя ему не приходилось углубляться, обратился на самого себя и въ себѣ самомъ пустилъ корни. Съ этого времени сталъ онъ проявлять неустанное стремленіе ко всему глу-

бокому и непреходящему во всѣхъ человѣческихъ знаніяхъ» (Цит. у І. Якоби). Переходъ этотъ, по мнѣнію большинства нѣмецкихъ писателей, изучавшихъ Лессинга, слѣдуетъ приписать вліянію Спинозы, съ философіей котораго Лессингъ познакомился именно въ Бреславлѣ.

Руководящей идеей міросозерцанія Лессинга до этого времени была идея дуализма; у Спинозы впервые встрѣтилъ онъ величественное единство пантеистической философіи, произведшее на него, какъ мы уже знаемъ, сильное впечатлѣніе. Лессингъ былъ, конечно, слишкомъ самобытенъ, чтобы подчиниться Спинозѣ рабски; но не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе, что пантеизмъ этого мыслителя, его ученіе о нравственности и самая его личность прошли чрезъ сознаніе Лессинга далеко не безслѣдно. И, если вѣрно, что «его *Credo* не написано ни въ какой книгѣ», какъ онъ самъ сказалъ о себѣ въ разговорѣ съ Якоби, то также вѣрно и то, что, «если ему приходится называться чьимъ-нибудь послѣдователемъ, то развѣ только послѣдователемъ Спинозы», и что для него «не было другой философіи, кромѣ философіи Спинозы», какъ онъ замѣтилъ это въ томъ же разговорѣ.

Существенное значеніе и достоинство Спинозы заключается въ томъ, что онъ отвергъ идею абсолюта, какъ внѣміроваго бытія, и, отождествивъ ее съ идеей природы, создалъ то высшее метафизическое единство, которое представляетъ собою великій шагъ въ развитіи метафизическихъ ученій. Важное значеніе теолого-политическаго трактата Спинозы и заключается именно въ томъ, что онъ особенно ярко выставилъ въ немъ противоположность своего всеобъемлющаго цѣлаго раздвоенному воззрѣнію теологизировавшихъ мыслителей. Этому трактату въ особенности и слѣдуетъ приписать то обаятельное вліяніе на умы, которое онъ сохранилъ даже до новѣйшаго времени. «Чтеніе Спинозы, говоритъ Гейне (l'Allemagne):—поражаетъ насъ, какъ видъ величественной природы въ ея жизненномъ покоѣ; это — лѣсъ мыслей, высокихъ, какъ небо, цвѣтущія вершины которыхъ движутся волнообразно, тогда какъ неподвижные пни вросли корнями въ вѣчную землю. Въ его сочиненіяхъ чувствуется вѣяніе духа, волнующаго насъ неописуемо. Точно дышется воздухомъ будущности»... Такое обаяніе присуще, конечно, не одной только теоретической части трактата Спинозы, но и части практической. Какъ первая даетъ обще-философскія основы міросозерцанія, такъ вторая открываетъ цѣлый рядъ руководящихъ принциповъ въ частныхъ вопросахъ. Особенно блестящи здѣсь доводы необходимости полной свободы мысли въ области религіи и философіи. Основанія этой свободы, вкратцѣ, слѣдующія: различіе людей нигдѣ не сказывается такъ, какъ въ ихъ мнѣніяхъ, и особенно религіозныхъ: что̀ у одного вызываетъ благоговѣніе, то другого смѣшитъ; поэтому, всякому слѣдуетъ предоставить рѣшать самому, во что̀ онъ желаетъ вѣровать, если только вѣ-

ра побуждаетъ его къ добрымъ дѣламъ. Государство должно заботиться не о мнѣніяхъ, до которыхъ не достигаетъ его власть, а только о дѣяніяхъ. Вѣра, религія и теологія не имѣютъ, вообще говоря, никакого теоретическаго значенія; ихъ значеніе исключительно практическое: оно заключается въ томъ, что онѣ ведутъ къ добродѣтели и благоденствію тѣхъ, которые неспособны еще руководиться разумомъ; безумно, поэтому, искать познанія вещей въ теологіи. Истина — не ея задача. Философія и теологія, поэтому, не имѣютъ ничего между собою общаго.

Внутренній кризисъ, пережитый Лессингомъ въ Бреславлѣ, совершился, конечно, не вдругъ. Сперва онъ неизбѣжно долженъ былъ пережить борьбу между міросозерцаніемъ, усвоеннымъ чрезъ воспитаніе, и новымъ, которое онъ избиралъ свободно и сознательно; и только тогда, когда борьба эта закончилась, могъ онъ сказать, что сталъ зрѣлымъ человѣкомъ. Несомнѣнно же, что эпоха зрѣлости проникнута у него идеями Спинозы: идеи эти обнаруживаются во всемъ, что̀ онъ писалъ въ это время, часто въ самыхъ мелкихъ замѣткахъ и незначительнѣйшихъ намекахъ. Даже и тогда, когда вновь открытыя сочиненія Лейбница «Nouveaux essais» опять привлекли вниманіе Лессинга къ изученію системы этого мыслителя, онъ твердо держится въ основѣ идей Спинозы, съ его точки зрѣнія изучаетъ Лейбница и желаетъ даже видѣть и въ немъ послѣдователя того же избраннаго имъ ученія. «Это умозрительное ученіе, по словамъ І. Якоби, сообщило Лессингу ту глубину взгляда, которую онъ постоянно обнаруживаетъ съ этихъ поръ въ области литературы такъ же, какъ и въ области искуства и религіи; оно именно, вопреки преобладанію у Лессинга анализирующаго разсудка, вопреки склонности его къ рѣзкимъ разграниченіямъ, сообщило ему способность схватывать общее во всякой частности и во всякомъ отдѣльномъ членѣ цѣлое; другими словами: оно создало въ немъ то творчество и искуство критики, которому удивляется потомство».

Съ этого времени начинается и тотъ рядъ произведеній Лессинга, выше которыхъ, по словамъ Шлоссера, «ничего нѣтъ и не будетъ въ нѣмецкой литературѣ». Въ 1766 году появился «Лаокоонъ», въ 1767 — Мина фон-Барнгельмъ, въ 1768 и 1769—полемическія статьи противъ Клоца, между 1767 и 1770—«Драматургія», въ 1775—Эмилія Галотти; съ 1770 года начинаютъ появляться теологическіе его трактаты и статьи, приведшіе къ Натану Мудрому, появившемуся въ 1779 году.

Я уже говорилъ, что еще въ 1754 году, когда Лессингъ писалъ фёльетоны въ берлинской газетѣ, обнаружилъ онъ оригинальный, глубокій и живой взглядъ на искуство; теперь, въ полномъ цвѣтѣ своей зрѣлой мысли, онъ задумалъ написать обширное сочиненіе, которое должно было обнять всю разнообразную область эстетики. Планъ этотъ, къ несчастью, не осуществился, и даже та часть его, которая была уже написана и

вышла подъ заглавіемъ: «Лаокоонъ или о границахъ между живописью и поэзіею», представляетъ неотдѣланный очеркъ; пополненіе и обработка этого очерка, какъ видно изъ оставшихся послѣ Лессинга бумагъ, все откладывались и никогда не осуществились. «И въ этомъ отрывочномъ видѣ, однакоже, говоритъ Штаръ:—сочиненіе это стало истиннымъ дѣломъ освобожденія для эстетической стороны культуры и литературы нѣмецкаго народа». Въ Лаокоонѣ дѣло идетъ объ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, разъясненіи вопросовъ исторіи искуства и опредѣленіи значенія истинной поэзіи въ противоположность господствовавшей тогда описательной поэзіи и стихоплетству. На этой послѣдней мысли сосредоточивается главное значеніе трактата, который, дѣйствительно, и послужилъ основаніемъ новымъ понятіямъ по отношенію къ произведеніямъ поэтическаго творчества и былъ тою заслугою Лессинга, благодаря которой онъ справедливо считается основателемъ той эстетической теоріи, которая господствовала въ слѣдующій затѣмъ періодъ исторіи нѣмецкой литературы и прославилась именами Гёте и Шиллера.

Чѣмъ былъ Лаокоонъ для поэзіи вообще, тѣмъ стала «Драматургія» для поэзіи драматической. Еще менѣе обработанная, чѣмъ Лаокоонъ, Драматургія представляетъ собою философію драматической поэзіи. Въ сочиненіи этомъ Лессингъ далъ въ летучихъ листкахъ, являвшихся, повидимому, вслѣдствіе случайныхъ поводовъ, нѣчто законченное, цѣлое, представлявшее гармоническій ходъ одной общей развивавшейся идеи. Къ этому надо прибавить свойственное Лессингу ясное и высокоизящное изложеніе и увлекательность, которыя онъ умѣлъ придавать всему, о чемъ писалъ. Всѣ эти свойства Драматургіи объясняютъ громадный успѣхъ ея, вызвавшій, вслѣдъ за появленіемъ перваго изданія, еще три. Такимъ образомъ, вліяніе Драматургіи было чрезвычайно обширно и распространялось чрезъ посредство драматической поэзіи и на самую жизнь образованнаго общества, особенно средняго его класса, на нравы, вкусы и понятія, которыя, благодаря вліянію этому, значительно измѣнились.

Осуществленіемъ теоріи, изложенной въ Драматургіи, является Эмилія Галотти — произведеніе, пережившее цѣлый рядъ поколѣній и сохранившее и до сихъ поръ всю силу своего обаянія. «Сколько, говоритъ Штаръ:—жизненной силы въ произведеніи, которое, будучи первымъ по времени въ нѣмецкой литературѣ, возникло въ самомъ началѣ новой эпохи, произвело въ литературѣ этой переворотъ и побѣдоносно пережило столько фазисовъ развитія нѣмецкаго духа, тогда какъ почти всѣ современныя ему произведенія, не исключая и тѣхъ, которыя были одобрены самимъ Лессингомъ, такъ же, какъ почти всѣ произведенія слѣдующаго затѣмъ періода и позднѣйшія, были забыты, исчезли изъ кругозора націи».

Написанная ранѣе Эмиліи Галотти Мина фон-Барнгельмъ также не лишена значенія. Этимъ произведеніемъ, какъ говоритъ Шлоссеръ, «Лессингъ оказалъ безсмертную услугу для пробужденія нѣмецкой націи къ національной и гражданской жизни, къ самоуваженію и вѣрѣ въ свою литературу». Предшествовавшую драму Лессинга, «Миссъ Сару Сампсонъ», Дидро признавалъ лучшею пьесою созданнаго самимъ Дидро драматическаго рода, занимающаго средину между комедіею и трагедіею; но Лессингъ самъ понималъ, что этой драмѣ недостаетъ трехъ элементовъ, которые дѣлаютъ пьесу достояніемъ націи, театръ привлекательнымъ для массы народа—недостаетъ національности, опредѣленнаго колорита и частнаго интереса, который еще не замѣняется общимъ. Всѣ эти три качества были въ «Минѣ фон-Барнгельмъ».

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть объ антикварскихъ письмахъ, казнившихъ литературнаго шарлатана Клоца и остающихся и до настоящаго времени, вмѣстѣ съ полемическими статьями противъ Гётце, о которыхъ я буду говорить ниже, лучшимъ образцомъ полемическаго рода во всей нѣмецкой литературѣ.

Таковы были характеръ и значеніе литературной дѣятельности Лессинга до того времени, когда теологическіе вопросы заняли въ ней первое мѣсто.

III.

Кромѣ общаго поворота въ міросозерцаніи Лессинга, о которомъ я говорилъ, ко времени пребыванія въ Бреславлѣ относится и другой важный поворотъ, явившійся, какъ неизбѣжное слѣдствіе перваго. До бреславльской эпохи Лессингъ въ тѣсномъ смыслѣ не занимался теологіей, такъ какъ виттенбергскія его работы были скорѣе изслѣдованіями вопросовъ изъ исторіи реформаціи, чѣмъ трактатами теологическими. Только въ Бреславлѣ обратился онъ опять къ теологіи въ собственномъ смыслѣ, и притомъ уже отнесся къ ней съ той новой точки зрѣнія, которая должна была вскорѣ выдвинуть теологическія работы его на первый планъ и дать поводъ начать ту великую борьбу, которая привела его къ «Натану» и наполнила собою самую славную и плодотворную эпоху его жизни.

По удаленіи изъ Бреславля, Лессингъ перенесъ цѣлый рядъ горькихъ неудачъ: гамбургскій театръ, благодаря которому возникла его Драматургія, по недостатку средствъ, закрылся; полученіе мѣста библіотекаря въ Берлинѣ не состоялось по недоразумѣніямъ; путешествіе въ Италію, о которомъ онъ мечталъ всю жизнь, пришлось совершить невзначай и при обстоятельствахъ, самыхъ неблагопріятныхъ; библіотеку въ шесть тысячъ томовъ, составленную путемъ сбереженій, онъ вынужденъ былъ распродать... нужда и разочарованія гнались за нимъ по пятамъ,

и онъ продолжалъ быть баздомнымъ скитальцемъ, съ года на годъ откладывая бракъ съ женщиной, которую давно любилъ. Въ это время, открылось мѣсто библіотекаря въ Вольфенбюттелѣ. Принятіе этого мѣста влекло за собою много неудобствъ, непріятностей и страданій, но оно давало насущный хлѣбъ, и Лессингъ взялъ его. Время пребыванія въ Вольфенбюттелѣ представляетъ собою заключительный періодъ его литературной дѣятельности; къ нему относятся и первыя теологическія сочиненія, обратившія на себя всеобщее вниманіе.

Такъ какъ сочиненія эти опредѣляютъ отношеніе Лессинга къ теологическимъ партіямъ его времени, то и необходимо теперь сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Партій этихъ было три: первая, ортодоксальная, стремилась къ полному застою ученья, къ безусловному торжеству буквы, отвергавшему всякое движеніе, всякое проявленіе чувства и фантазіи. Это была школа суровая и скучная, но зато въ бо̀льшей части случаевъ строго-послѣдовательная и стойкая, хотя не всегда разборчивая въ выборѣ средствъ борьбы. Вторая, возникшая подъ вліяніемъ англійскихъ мыслителей, усиливалась провести идею чистаго деизма и для этой цѣли дозволяла себѣ большой произволъ въ толкованіи источниковъ. Третья партія, наконецъ, хотѣла, посредствомъ критики и умозрѣнія, добиться сущности первоначальныхъ вѣрованій церкви, будучи, однако же, безсильною выполнить эту задачу. Къ разрѣшенію этой задачи она подходила при помощи самыхъ разнообразныхъ постановокъ вопроса и столь же разнообразныхъ пріемовъ его рѣшенія:—иные сосредоточивались на догматикѣ, другіе вдавались въ мораль, у третьихъ преобладала метафизика, и т. д. Лессингъ, понимая дѣло гораздо глубже представителей этихъ партій, не считалъ нужнымъ принадлежать ни къ одной изъ нихъ и находилъ, какъ говоритъ Шлоссеръ, «равно глупымъ какъ то, что вожди раціонализма хотятъ ввести другую, выдуманную ими религію, такъ и то, что тупые зубрители догматики не хотятъ допустить никакихъ измѣненій, никакого свѣта, никакого принаровленія ученія къ потребностямъ времени». Несмотря на такой характеръ отношеній своихъ къ современнымъ теологамъ, Лессингъ, ранѣе рѣшительнаго вступленія своего въ теологическія распри, держалъ сторону старой ортодоксальной школы, выражая глубокое презрѣніе къ «неологіи», къ «новомодной теологіи», бывшимъ какимъ-то неопредѣленнымъ среднимъ между вѣрою и безвѣріемъ, чѣмъ-то вялымъ, крайне сбивчивымъ и запутаннымъ. Онъ слишкомъ высоко цѣнилъ разумъ и философію, какъ замѣчаетъ Шварцъ (Lessing als Theologe), и потому не могъ признать ихъ въ тѣхъ формахъ поверхностнаго и безпорядочнаго умничанья, въ которыя облекали ихъ новѣйшіе представители, будто бы, разумной теологіи. Ему пріятнѣе было, по этой причинѣ, имѣть дѣло съ ненавистью къ разуму, съ отрицаніемъ всякой философіи: здѣсь онъ зналъ ка̀къ себя держать.

но заигрыванiе передъ философiею, присѣданiе передъ нею и, въ то же время, половинчатость и неопредѣленность результатовъ были антипатичны его прямой, благородной натурѣ, несоотвѣтствовали характеру его ума, всегда бывшему свободномыслящимъ или правомыслящимъ, какъ часто любятъ называть его нѣмецкiе писатели. Въ новомодной разумной вѣрѣ онъ видѣлъ только вѣру, прикрывающуюся разумомъ, но обманывающую разумъ. Такую игру съ разумомъ онъ считалъ крайне вредною, полагая, что она дѣлаетъ разумъ смѣшнымъ и губитъ его значенiе. «Я, пишетъ онъ къ брату своему Карлу въ 1773 году:—презираю ортодоксовъ такъ же, какъ и ты, но новомодныхъ пасторовъ еще болѣе: они—въ малой мѣрѣ теологи и совсѣмъ въ недостаточной философы». Въ другомъ письмѣ (1777 г.) онъ говоритъ, что предпочитаетъ старыхъ теологовъ новымъ, потому что «первые представляются ему врагами открытыми и, слѣдовательно, не столь опасными, какъ враги скрытые и лицемѣрные». У ортодоксовъ, при томъ же, есть цѣльная гармоническая система, тогда какъ у «новомодныхъ»—одни только кое-какъ сшитыя старыя и новыя лохмотья. И, если необходимо выбирать одно изъ двухъ, то Лессингъ всегда предпочитаетъ характеристическую ложь лжи безхарактерной, оригинальное заблужденiе заблужденiю блѣдному и стертому. «Чѣмъ ложь грубѣе, говоритъ онъ:—тѣмъ путь, ведущiй къ истинѣ, короче. Утонченная ложь, напротивъ того, можетъ навсегда удалить отъ истины, и намъ гораздо труднѣе признать ее ложью».

Была еще и другая причина, побудившая Лессинга предпочитать ортодоксальную школу рацiоналистической, это — заимствованный имъ у Лейбинца взглядъ на теологiю, какъ на предуготовленiе къ независимому умозрѣнiю. Руководясь этимъ взглядомъ, Лессингъ стоялъ, по отношенiю къ теологiи, на педагогической точкѣ зрѣнiя: онъ видѣлъ въ ней преддверiе философiи. Въ этомъ смыслѣ говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ о грязной, негодной водѣ, которую онъ не желаетъ выливать вонъ до тѣхъ поръ, пока не станетъ извѣстно, откуда можно достать чистой. «Я не желаю сохранять эту воду, говоритъ онъ:—но я настаиваю на томъ, чтобы выливали ее обдуманно и не доводили до необходимости купать ребенка въ еще болѣе грязныхъ помояхъ». Ту же мысль выражаетъ онъ, говоря, что охотнѣе готовъ защищать не философскую вещь философски, чѣмъ не философски отвергать ее и преобразовывать, или что онъ считаетъ болѣе разумнымъ гасить свѣчи не ранѣе, чѣмъ взойдетъ солнце.

Несмотря на такое отношенiе Лессинга къ ортодоксамъ, ему, человѣку искреннему и послѣдовательному, невозможно было оставаться неопредѣленное время въ невполнѣ выяснившихся отношенiяхъ къ ортодоксамъ. И когда эти грубые и безтактные ревнители старины вздумали обходиться съ нимъ, какъ съ зауряднымъ прихожаниномъ, онъ возсталъ противъ нихъ и на-

несъ системѣ ихъ тѣ великіе удары, которые были эпохою въ исторіи умственнаго развитія нѣмецкой націи.

Распря съ «охранителями Сіона» началась по поводу изданія отрывковъ одной рукописи, касавшейся весьма важныхъ теологическихъ вопросовъ и разрѣшавшихъ ихъ далеко не въ ортодоксальномъ смыслѣ. Теологи, сонъ которыхъ былъ нарушенъ, накинулись на издателя и, не обращая вниманіе на его коментаріи къ отрывкамъ—коментаріи, показывавшіе его несогласіе съ авторомъ ихъ, хотѣли наложить на него отвѣтственность за все, что только въ нихъ ни содержалось. Лессингъ, разумѣется, не остался безмолвнымъ и отвѣчалъ имъ со свойственною ему силою и горячностью. Отвѣты свои онъ печаталъ отдѣльными летучими листками и придалъ тѣмъ возникшей борьбѣ еще бо̀льшую популярность, чѣмъ какая могла достаться имъ на долю въ томъ случаѣ, когда бы они печатались вмѣстѣ съ «отрывками». «Летучіе листки Лессинга, говоритъ Шлоссеръ:—показываютъ въ немъ величайшаго оратора въ наилучшемъ родѣ краснорѣчія—именно въ томъ, который безъ декламаціи и пустословія сражается одною только діалектикою и сжатыми доказательствами. Полемическія сочиненія Лессинга противъ гамбургскаго пастора совершенствомъ своимъ превосходятъ все, что̀ только нѣмецкій языкъ можетъ произвести въ этомъ родѣ; они смертельно поражаютъ старую догматику». Вся ортодоксальная партія взволновалась и, неразборчивая въ средствахъ борьбы, съумѣла привлечь на свою сторону администрацію, которая отобрала у Лессинга рукопись, надѣлавшую столько шума; конфисковала одинъ изъ напечатанныхъ уже отрывковъ и отняла право безцензурной печати, которымъ Лессингъ до того времени пользовался. При такомъ оборотѣ борьбы за идею, побѣда всенеизбѣжно должна была остаться именно за идеей. Событіе это дѣйствительно совершилось и совершилось скорѣе, чѣмъ могли ожидать нетолько враги Лессинга, но и друзья его.

«Такъ какъ рѣшительно хотятъ, чтобъ я оставался празднымъ отъ работы, которую я, безъ сомнѣнія, выполнялъ не съ тою смиренною хитростью, съ какою единственно она можетъ быть выполнена счастливо, пишетъ Лессингъ (1778 г.):—то попадаетъ мнѣ въ руки больше по случаю, чѣмъ по выбору, одна старая моя театральная попытка, давно уже заслуживающая, какъ вижу, послѣдней отдѣлки. Это—попытка въ нѣсколько необычномъ родѣ и называется «Натанъ Мудрый», въ пяти дѣйствіяхъ. Я не могу ничего сказать про подробности содержанія: достаточно и того, что оно въ высшей степени достойно драматической обработки, и я сдѣлаю все, чтобъ остаться довольнымъ этой обработкой».

Такимъ образомъ возникъ «Натанъ».

Чтобы понять связь, существующую между теологическимъ споромъ, который вели ортодоксы съ Лессингомъ, и драмою «На-

танъ Мудрый», надо знать, что главнымъ основаніемъ этой драмѣ послужила «сказка о трехъ кольцахъ»—это поэтическое выраженіе идеи свободы совѣсти и терпимости. Являясь въ драмѣ во всемъ блескѣ и величіи геніальнаго творчества, идея эта сокрушительно дѣйствовала на дикіе предразсудки, обаятельно привлекая къ себѣ все мыслящее, здравое, неповрежденное...

Въ скольких поколѣніяхъ сказка о трехъ кольцахъ возбуждала восторгъ или негодованіе, радость или уныніе, надежду или отчаяніе, сколько поколѣній тревожно задумывались надъ нею ранѣе, чѣмъ Лессингъ сдѣлалъ ее средоточіемъ своей драмы, и до настоящаго времени еще не утерявшей своего воспитательнаго значенія! Лессингъ заимствовалъ сказку эту изъ Декамерона Боккачіо, (1353), но Боккачіо, въ свою очередь, взялъ ее изъ того собранія новеллъ, которыя впослѣдствіи (1525 г.) были изданы Гуальтеруци, подъ заглавіемъ «*Le cento novelle antiche*», и которыя заключаютъ въ себѣ разсказы и легенды, ходившіе въ народѣ въ XIII вѣкѣ и ранѣе. Уже у Бузоне да Губбіо, современника Данте и въ «*Gesta Romanorum*», также относящихся къ первой половинѣ XIV вѣка, и въ «*Schebet Iuda*» Соломона бенъ Вирга встрѣчается этотъ знаменитый разсказъ. Происхожденіе его, несомнѣнно, не христіанское и относится ко времени, гораздо болѣе раннему, чѣмъ XIV вѣкъ, когда оно было записано: оно—еврейское и восходитъ къ эпохѣ процвѣтанія арабскаго владычества въ Испаніи.

Какая поразительная, глубокая, далеко идущая въ историческую почву традиція великой идеи!

Не одинъ читатель вспомнитъ, быть можетъ, при этомъ о томъ прекрасномъ далекѣ, изъ котораго идетъ свѣтъ этой идеи въ нашу непроглядную тьму, о томъ прекрасномъ далекѣ, гдѣ «блещутъ веселящія взоръ дерзкія дива природы, увѣнчанныя дерзкими дивами искусства» и гдѣ не менѣе поражаютъ нашъ непривычный взоръ и дерзкія дива разума. Въ нихъ есть, въ самомъ дѣлѣ, «что-то манящее, несущее и чудесное», въ этихъ дивахъ разума, уходящихъ въ даль исторіи, какъ тамошнія цѣпи сіяющихъ горъ уходятъ въ серебряную высь тамошняго яснаго неба.

Отъ мыслителей, разсказывавшихъ о трехъ кольцахъ, перешло оно къ тѣмъ, которые не останавливались и передъ разсказомъ и о трехъ лжецахъ, а потомъ, черезъ еврея Соломона бенъ-Вирга, черезъ Бозоне да Губбіо, черезъ Боккачіо и Гуальтеруци, идетъ эта традиція, пріобрѣтая все бо̀льшую и бо̀льшую степень глубокомыслія и художественности, и достигаетъ, наконецъ, до Лессинга, у котораго пріобрѣтаетъ полноту своего развитія, свою эстетическую и философскую законченность.

Въ «*Schebet Iuda*» Соломона бенъ-Вирга, въ той части, гдѣ идетъ рѣчь о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались евреи при католическихъ государяхъ Испаніи, передается разговоръ, бывшій между Педро Старшимъ, королемъ аррагонскимъ, и евреемъ

Эфраимомъ Санчо. Педро, имѣя въ виду уловить еврея хитрымъ образомъ, спросилъ у него однажды, которая изъ двухъ вѣръ лучшая—еврейская или христіанская. Еврей попросилъ три дня на размышленіе и, по истеченіи ихъ, раскалазъ королю, что одинъ изъ его сосѣдей отправился въ путешествіе и оставилъ каждому изъ своихъ сыновей по драгоцѣнному камню; когда же у него требовали опредѣлить, который изъ этихъ камней цѣнится выше другихъ, то онъ посовѣтовалъ отложить рѣшеніе этого до своего возвращенія. «Точно такъ и ты, сказалъ еврей:—спрашиваешь: тотъ ли камень дороже, который получилъ Іаковъ, или тотъ, который получилъ Исавъ? по моему же, рѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ предоставить небесному отцу». (*J. Dunlop's*, Geschichte der Prosadichtungen etc. aus dem Engl. uebertragen v. F. Liebrecht).

Въ «*Cento novelle antiche*» поэма эта является уже въ нѣсколько иной обработкѣ:

«Султану, нуждавшемуся въ деньгахъ, посовѣтовали, чтобы онъ изыскалъ случай начать процессъ противъ богатаго еврея, жившаго на его землѣ, и чтобы затѣмъ онъ отобралъ у еврея имущество, бывшее весьма значительнымъ. Султанъ потребовалъ къ себѣ этого еврея и спросилъ у него, которая вѣра самая лучшая, думая: если онъ скажетъ—еврейская, то я скажу ему, что онъ грѣшитъ противъ моей, и если скажетъ — магометанская, то я скажу: зачѣмъ остаешься ты въ еврейской? Еврей, услышавъ вопросъ властелина, отвѣчалъ такъ: государь, жилъ-былъ отецъ, у котораго было три сына и который обладалъ кольцомъ съ драгоцѣннымъ камнемъ, лучшимъ во всемъ свѣтѣ. Каждый изъ сыновей просилъ отца оставить, послѣ смерти, кольцо это ему. Отецъ, видя, что каждый изъ нихъ желаетъ имѣть это кольцо, послалъ за искуснымъ ювелиромъ и сказалъ ему: мастеръ, сдѣлай мнѣ два кольца, точно такія, какъ это, и вставь въ каждое камень сходный съ этимъ. Мастеръ сдѣлалъ именно такъ, и никто, кромѣ отца, не могъ узнать настоящаго. Потребовавъ къ себѣ сыновей одного за другимъ, отецъ каждому изъ нихъ тайно вручилъ по кольцу, и каждый думалъ, что настоящее досталось ему, и никто не зналъ истины, кромѣ отца ихъ. И то же самое говорю тебѣ о вѣрахъ, коихъ три. Всевышній Отецъ знаетъ наилучшую, а сыновья, т. е. мы, думаемъ, что у каждаго изъ насъ—истинная. Тогда Султанъ, видя, какъ онъ увернулся, не зналъ какимъ образомъ начать процессъ и отпустилъ еврея». (Cento novelle antiche. Milano, 1525).

Въ Декамеронѣ разсказъ «Ста новеллъ» является, въ обработкѣ такого разскащика, какъ Боккачіо, значительно измѣненнымъ:

«Саладинъ, доблесть котораго была такова, что, благодаря ей, онъ нетолько изъ маленькаго человѣка сталъ султаномъ вавилонскимъ, но и одержалъ еще многія побѣды надъ царями сарацинскими и христіанскими, растративъ всю свою казну на

*

различныя войны и великую роскошь, нуждался, однажды, въ значительной суммѣ. Не зная, откуда бы можно было достать ее такъ скоро, какъ ему требовалось, припомнилъ онъ о богатомъ евреѣ, по имени Мельхиседекѣ, дававшемъ деньги въ ростъ въ Александріи, и подумалъ, что еврей этотъ могъ бы снабдить его такимъ количествомъ денегъ, какое ему желалось. Еврей былъ такъ скупъ, что никакъ не сдѣлалъ бы этого добровольно, а насилій Саладинъ дѣлать ему не хотѣлъ. Вынужденный необходимостью, онъ сосредоточился на мысли найти средство, могущее побудить еврея оказать требуемую услугу, и вознамѣрился употребить силу по какому-нибудь вымышленному поводу. Потребовавъ къ себѣ еврея и принявъ его дружески, онъ посадилъ его съ собою рядомъ и потомъ сказалъ: Почтенный человѣкъ, я слышалъ отъ многихъ, что ты мудрый и въ дѣлахъ божіихъ много ученъ, по этой причинѣ хотѣлось бы мнѣ узнать отъ тебя, который изъ трехъ законовъ считаешь ты истиннымъ: еврейскій, сарацинскій или христіанскій? Еврей, бывшій, въ самомъ дѣлѣ, человѣкомъ мудрымъ, сообразилъ сейчасъ же, что Саладинъ, предлагая вопросъ, имѣетъ въ виду уловить его на словахъ, подумалъ, что ему невозможно похвалить ни одинъ изъ названныхъ законовъ, не осуществляя тѣмъ намѣренія Саладина. Поэтому, какъ человѣкъ, нуждающійся въ отвѣтѣ, котораго у него не было, онъ напрягъ свой умъ и скоро придумалъ то, что̀ ему сказать слѣдовало. «Государь, сказалъ онъ:—вопросъ, предлагаемый вами, прекрасенъ, и я, желая передать вамъ то, что̀ я о немъ думаю, считаю умѣстнымъ разсказать новеллу, которую вы сейчасъ услышите. Если не ошибаюсь, мнѣ случалось не разъ слышать разсказъ, что былъ нѣкогда знатный и богатый человѣкъ, который, въ числѣ разныхъ наидрагоцѣннѣйшихъ вещей своихъ, имѣлъ прекраснѣйшее и высокой цѣны кольцо. Желая отличить кольцо это отъ прочихъ сокровищъ и на вѣчныя времена оставить его во владѣніи своихъ потомковъ, онъ завѣщалъ, чтобы тотъ изъ его сыновей, которому онъ оставитъ это кольцо, считался бы его наслѣдникомъ и чтобы остальные уважали его и почитали какъ старшаго. Тотъ, которому онъ оставилъ кольцо, сдѣлалъ такое же завѣщаніе относительно своихъ потомковъ и поступилъ такъ же, какъ и его предшественникъ. Словомъ, кольцо это пошло изъ рукъ въ руки многихъ наслѣдниковъ и, наконецъ, достигло рукъ одного, у котораго было три сына, прекрасные и добродѣтельные и отцу своему весьма послушные, за что̀ онъ равно любилъ всѣхъ троихъ. Молодые люди же, знавшіе обычай относительно кольца, какъ бы соревнуя о наибольшемъ почетѣ, каждый за себя, какъ только кто умѣлъ лучше, просилъ у отца, который былъ уже старъ, чтобы онъ, умирая, оставилъ кольцо ему. Добрый человѣкъ, всѣхъ ихъ троихъ равно любившій, не зналъ самъ, кого изъ нихъ избрать наслѣдникомъ кольца и, давъ обѣщаніе всѣмъ троимъ, вздумалъ удовлетворить всѣхъ троихъ. Позвавъ тайно хорошаго мастера,

заказалъ ему еще два кольца, которыя до такой степени были похожи на первое, что и самъ онъ едва отличалъ настоящее. Умирая, онъ тайно далъ каждому изъ сыновей по кольцу. Послѣ смерти его, сыновья, желая каждый пользоваться наслѣдствомъ и почетомъ и отказывая въ нихъ одинъ другому, представили въ доказательство разумности своихъ требованій свои кольца. И такъ какъ кольца оказались до такой степени сходными, что не было возможности узнать настоящее, то вопросъ о томъ, кому быть наслѣдникомъ отца, не разрѣшился и остался неразрѣшеннымъ и до настоящаго времени. И точно тоже, государь, говорю я вамъ о трехъ, тремъ народамъ данныхъ Богомъ-Отцемъ законахъ, о которыхъ вы предлагали мнѣ вопросъ: каждый думаетъ, что владѣетъ его наслѣдствомъ, его истиннымъ закономъ, его заповѣдями; но кто въ дѣйствительности владѣетъ ими — вопросъ этотъ, подобно вопросу о кольцахъ, еще не разрѣшенъ». Саладинъ призналъ, что еврей превосходно выпутался изъ разставленныхъ ему тенетъ, и потому рѣшился открыть ему свои нужды и посмотрѣть, готовъ ли онъ служить ему. Такъ онъ и поступилъ, открывъ ему то, что̀ имѣлъ въ виду сдѣлать, еслибы онъ не отвѣчалъ ему такъ разумно, какъ онъ это сдѣлалъ. Еврей далъ щедро Саладину все то количество денегъ, которое тотъ потребовалъ, а Саладинъ впослѣдствіи удовлетворилъ его вполнѣ и, кромѣ того, одарилъ его богато и всегда относился къ нему, какъ къ другу, и далъ ему при себѣ высшее и почетное положеніе». (Decamerone. Giornata I. Novella III).

Теперь перейдемъ къ той редакціи, которую придалъ новеллѣ этой Лессингъ.

Саладинъ.

Такъ какъ ты здѣсь мудрымъ
Слывешь у всѣхъ, скажи мнѣ откровенно:
Какую вѣру и ея законы
Ты лучшими считаешь?

Натанъ.

Но, султанъ,
Ты знаешь, я—еврей.

Саладинъ.

Я—мусульманинъ,
И христіанинъ между нами средній.
Но, вѣдь, одна изъ этихъ трехъ религій
Должна быть истинной, и человѣкъ
Такой, какъ ты, не можетъ оставаться
При томъ, куда случайно онъ заброшенъ
Своимъ рожденьемъ. Если-жь остается —
То у него на это есть причины,
То это—выборъ зрѣлаго сознанья.
Такъ подѣлись же имъ и объясни
Причины, до которыхъ допытаться
Мнѣ самому не приходилось. Дай мнѣ
Узнать твой выборъ и его основы,
Чтобъ я и самъ принять ихъ могъ. Понятно,

Что это между нами будетъ... Ка̀къ?
Ты удивленъ? ты смотришь такъ пытливо?
Да̀, можетъ быть, султану въ первый разъ
Пришла на умъ подобная причуда.
Надѣюсь, что она не унижаетъ
Султана. Что̀-жъ? не такъ-ли? Говори!
Иль хочешь ты съ минутку поразмыслить.
Ну, хорошо — даю тебѣ ее.

Про себя.

Подслушиваетъ-ли сестра? посмотримъ.
Спрошу ее: довольна-ли началомъ?

Натану.

Обдумай, но скорѣй—я не замедлю,
Я тотчасъ ворочусь.

Уходитъ въ дверь, въ которую вышла и Зитта.

Натанъ—*одинъ.*

Гм! гм!... Чудесно!
Но ка̀къ-же это? Но чего-же хочетъ
Султанъ? Я ждалъ, что спроситъ денегъ. Онъ-же...
Онъ правды требуетъ, онъ хочетъ правды!
Притомъ наличной, ясной, какъ монета.
Еще добро-бы старая монета,
Которую по вѣсу оцѣняли;
Но эта новая, что̀ выдается
По счету; новая, которой цѣну
Мы только по чекану узнаемъ!
Такой монетой правда не бываетъ.
Какъ золото въ мѣшокъ, онъ хочетъ разомъ
И правду загребать себѣ въ разсудокъ.
Да кто-жъ тутъ жидъ? Неужли я? не онъ-ли?
Но точно-ли о правдѣ онъ хлопочетъ?
Что̀, если онъ изъ правды хочетъ сдѣлать
Ловушку? Нѣтъ! Какое подозрѣнье!
Вѣдь это было-бъ слишкомъ мелко... Мелко?
Что̀ мелко для великаго?!.. Да̀, да̀!..
Онъ неожиданно ко мнѣ толкнулся.
Онъ не предупредилъ меня ничѣмъ
Когда-жъ подходятъ другомъ—окликаютъ.
Я буду остороженъ. Что̀-жъ отвѣтить?
Быть яростнымъ приверженцемъ еврейства
Не слѣдуетъ; тѣмъ больше не годится
Мнѣ вовсе отъ еврейства отказаться.
Понятно, что тогда спросить онъ можетъ:
Зачѣмъ не мусульманинъ я. Да вотъ!. .
Меня легко спасти могло-бы это.
Вѣдь не одни ребята жадны къ сказкамъ...
Идетъ! Добро пожаловать! прекрасно.

Саладинъ и Натанъ.

Саладинъ *про себя.*

Ну, поле тамъ очищено.

Натану.

Что̀-жъ? Натанъ,
Вѣдь я не слишкомъ скоро воротился?

Ты все успѣлъ обдумать? Говори.
Никто не слышитъ насъ.

Натанъ.

Пускай услышитъ
Хоть цѣлый міръ.

Саладинъ.

Такъ ты въ себѣ увѣренъ.
Вотъ это называю я быть мудрымъ:
Кто никогда не измѣняетъ правдѣ,
Кто ради правды жертвовать готовъ
Имѣньемъ, счастьемъ, жизнью!

Натанъ.

Если нужно,
И есть въ томъ польза—да̀!

Саладинъ.

Теперь я смѣю
Надѣяться, что я по праву буду
Носить мой громкій титулъ: улучшитель
Законовъ и вселенной.

Натанъ.

Славный титулъ!
Но прежде, чѣмъ я выскажусь открыто,
Позволь мнѣ сказку разсказать, султанъ.

Саладинъ.

Пожалуй! почему-же нѣтъ? Я сказки
Всегда любилъ, когда мнѣ хорошо
Разсказывали ихъ.

Натанъ.

Ну, этимъ врядъ-ли
Могу я похвалиться.

Саладинъ.

Униженье
Тутъ паче гордости. Но къ дѣлу, къ дѣлу!
Разсказывай.

Натанъ.

Во дни давно былые,
Жилъ на востокѣ нѣкій человѣкъ,
Который изъ любимыхъ рукъ—въ подарокъ —
Владѣлъ кольцомъ цѣны необычайной.
Въ кольцо былъ вставленъ камень драгоцѣнный,
Игравшій ярко множествомъ цвѣтовъ
И силу тайную имѣвшій: дѣлать
Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми
Того, кому носить его случалось
Съ надеждой и довѣріемъ. Понятно,
Что не снималъ его съ своей руки
Восточный житель никогда, что даже
На вѣки сохранить его рѣшился
Въ своемъ потомствѣ—именно вотъ такъ:
Кольцо свое оставилъ онъ въ наслѣдство
Любимѣйшему сыну, завѣщая,
Чтобъ этотъ сынъ опять отдалъ его
Тому изъ сыновей своихъ, который

Заслужитъ наибольшую любовь...
И чтобъ всегда любимый сынъ былъ первымъ
Въ своей семьѣ, чтобъ—несмотря на лѣта —
Однимъ значеніемъ кольца — онъ всѣми
Былъ уважаемъ, какъ глава и князь.
Понятно-ли, султанъ?

Саладинъ.

Понятно, дальше.

Натанъ.

Итакъ, переходя отъ сына къ сыну,
Кольцо досталось одному отцу,
Имѣвшему трехъ сыновей, въ которыхъ
Онъ послушанье равное встрѣчалъ,
А потому и самъ любилъ ихъ равно.
Порой одинъ, порой другой иль третій
Ему казался болѣе достойнымъ
Кольца, и съ кѣмъ изъ нихъ наединѣ
Онъ оставался, тотъ его любовью
И пользовался въ ту минуту больше,
Чѣмъ братья; такъ-что каждому изъ нихъ
Онъ обѣщалъ кольцо тайкомъ отъ прочихъ.
Такъ дѣло шло; подходитъ время смерти.
Старикъ приходитъ въ затрудненье.—Больно
Двухъ сыновей обидѣть въ ихъ довѣрьи
Отцовскимъ обѣщаньямъ. Что̀ тутъ дѣлать?
Онъ посылаетъ къ мастеру тайкомъ
Свое кольцо и поручаетъ сдѣлать
Другія два по образцу его.
Онъ проситъ не жалѣть труда и денегъ,
Чтобъ только вышли совершенно схожи
Всѣ три кольца. И это удалось.
Когда къ отцу ихъ принесли, такъ даже
Онъ самъ свое кольцо не могъ узнать.
Довольный и счастливый, призываетъ
Старикъ по одиночкѣ сыновей,
Благословляетъ ихъ по одиночкѣ,
Даетъ имъ по кольцу—и умираетъ.
Ты слушаешь, султанъ?

Саладинъ—*смущенный, отвернувшись отъ него.*

Я слышу—дальше.
Кончай скорѣе сказку—ну?...

Натанъ.

Я кончилъ.
Что̀ слѣдуетъ — само собой понятно.
Едва скончался онъ, приходитъ каждый
Съ своимъ кольцомъ и каждый хочетъ быть
Главою дома. Смотрятъ кольца, спорятъ,
Хотятъ судиться. Тщетно все! не можетъ
Никто изъ нихъ представить доказательствъ
Въ защиту своего кольца —

Послѣ молчанія, во время котораго онъ ждетъ отъ султана отвѣта,

Почти-что
Такъ нѣтъ, вѣдь, доказательствъ и у насъ
Въ защиту правой вѣры...

Саладинъ.

Какъ? и это
Отвѣтъ на мой вопросъ?

Натанъ.

Нѣтъ, это только
Хотѣлось мнѣ представить въ извиненье,
Что различать я не рѣшаюсь колецъ,
Которыя отецъ велѣлъ поддѣлать,
Чтобъ различить ихъ было невозможно.

Саладинъ.

Какія кольца? Не играй словами.
Я думаю, что есть-таки различье
Въ религіяхъ, мной названныхъ тебѣ;
Различье даже въ пищѣ и одеждѣ.

Натанъ.

Но только въ ихъ основахъ нѣтъ различья
Не на исторіи-ль основаны онѣ,
Изустно къ намъ иль письменно дошедшей?
И какъ же, какъ не на слово, должны мы
Принять преданья старины?—не такъ ли?
Къ кому же мы съ сомнѣньемъ наименьшимъ
Относимся, какъ не къ своимъ роднымъ?
Не къ тѣмъ, чья кровь и въ насъ течетъ?—кто съ дѣтства
Свою любовь доказывалъ намъ часто?
Кто не обманывалъ насъ никогда?
И развѣ только, чтобъ принесть намъ пользу.
Какъ можетъ кто-нибудь изъ насъ скорѣе
Чужимъ отцамъ повѣрить, чѣмъ своимъ?
Какъ можно требовать, чтобъ нашихъ предковъ
Во лжи мы уличали для того,
Чтобъ соглашаться въ мнѣніяхъ съ чужими?
Для христіанъ—не тоже-ль будетъ?—Нѣтъ?

Саладинъ—*про себя.*

Клянусь Творцомъ, что говоритъ онъ правду—
И я невольно долженъ замолчать.

Натанъ.

Но возвратимся снова къ нашимъ кольцамъ.—
Какъ сказано, судиться стали братья,
И каждый поклялся судьѣ, что прямо
Изъ рукъ отца свое кольцо имѣетъ —
Оно вѣдь такъ и было, что отецъ
Исполнилъ этимъ только обѣщанье,
Которое давно наединѣ
Ему давалъ.—Что тоже такъ и было.
«Отецъ не могъ»—такъ каждый увѣрялъ—
«Не могъ бы обмануть меня—и въ этомъ
Его я никогда не заподозрю.
Скорѣй я ожидать могу отъ братьевъ
Такой продѣлки, хоть они казались
Мнѣ до сихъ поръ хорошими людьми.

Но я найти обманщика съумѣю!
Съумѣю разсчитаться за обманъ!»

Саладинъ.

Ну, что̀-жь судья?—мнѣ любопытно слышать,
Кàкъ ты судью заставишь говорить.

Натанъ.

Судья сказалъ: «Коль вы сію минуту
Ко мнѣ отца не приведете, всѣхъ васъ
Спроважу вонъ. Не думаете-ль вы,
Что долженъ я вамъ разрѣшать загадки?
Иль ждать, чтобъ неподдѣльное кольцо
Само заговорило? Но постойте —
Я слышалъ: то кольцо имѣетъ силу
Владѣльца своего любимымъ дѣлать,
Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми.
Пусть это все рѣшитъ:—въ поддѣльныхъ кольцахъ
Вѣдь силы нѣтъ?—Кто-жь больше всѣхъ изъ васъ
Любимъ двумя другими—говорите.
Кàкъ?—вы молчите?—значитъ ваши кольца
Обратно дѣйствуютъ на васъ?—и только
На васъ, а для другихъ они безсильны?
И каждый любитъ больше всѣхъ себя?
О! если такъ—всѣ три кольца поддѣльны!
Обманщики обманутые вы! —
А неподдѣльное кольцо, конечно,
Потеряно. Чтобъ скрыть ловчѣй потерю,
Отецъ велѣлъ, взамѣнъ его, вамъ сдѣлать
Другія три».

Саладинъ.

Прелестно! Превосходно!

Натанъ.

«Такъ если ждете вы—сказалъ судья—
Рѣшенья моего, а не совѣта,
Ступайте прочь.—Но мой совѣтъ таковъ:
Останьтесь вы при томъ, что̀ есть. Пусть каждый
Свое кольцо считаетъ неподдѣльнымъ,
Коль отъ отца его онъ получилъ.
Отецъ, быть можетъ, думалъ уничтожить
Въ своей семьѣ то право старшинства,
Которое кольцомъ пріобрѣталось.
Быть можетъ, васъ отецъ любилъ всѣхъ равно
И не хотѣлъ двоихъ изъ васъ обидѣть,
Давая предпочтенье одному.
Такой любви пусть каждый соревнуетъ:
Любви безъ предразсудковъ, неподкупной;
Пусть выкажетъ одинъ передъ другимъ
Всю силу своего кольца; пусть въ жизни —
И миролюбіемъ ее проявитъ,
И кротостью, и добрыми дѣлами,
И искреннею преданностью Богу —
И ежели вліянье вашихъ колецъ
Въ потомствѣ вашемъ скажется, то снова —
Чрезъ сотню тысячъ лѣтъ — я васъ зову.

Тогда другой судья сидѣть здѣсь будетъ
На этомъ стулѣ—онъ мудрѣй меня —
И онъ отвѣтитъ вамъ. Ступайте».—Вотъ что̀
Сказалъ судья.

Саладинъ.

О Господи!..

Натанъ.

Султанъ,
Коль ты себя считаешь этимъ мудрымъ,
Обѣщаннымъ судьей...

Саладинъ—*оживленно схватываетъ его за руку.*

Я? я—ничто!
Я—прахъ!

Натанъ.

Султанъ, что̀ сдѣлалось съ тобою?..

Саладинъ.

Нѣтъ, добрый На̀танъ, сотни тысячъ лѣтъ,
Твоимъ судьей предсказанныя братьямъ,
Еще не миновали, и не я
Засяду на его судейскомъ креслѣ.
Ступай. Но будь мнѣ другомъ, На̀танъ...

IV.

Сказка о трехъ кольцахъ, съ которою мы познакомились въ предшествовавшей главѣ, составляетъ сущность содержанія драмы «Натанъ Мудрый», какъ утверждаетъ самъ Лессингъ въ письмѣ къ своему брату. Едва задумавъ свое великое произведеніе, онъ, извѣщая о томъ брата, пишетъ: «Хотя я не желалъ бы, чтобъ слишкомъ рано сдѣлалось извѣстнымъ подлинное содержаніе моего, долженствующаго быть объявленнымъ произведенія; но, все-таки, если вы, ты или Моисей (Мендельсонъ), хотите его знать, раскройте Decamerone Боккачіо: Giornata I, Nov. III, Melchisedech Giudeo. Мнѣ кажется, я придумалъ къ этому интересный эпизодъ, такъ что все вмѣстѣ должно очень хорошо читаться...»

Не имѣя, однакожь, въ виду входить въ разборъ Натана, какъ драматическаго произведенія, я не остановлюсь теперь надъ этимъ интереснымъ эпизодомъ и ничего не скажу о связи его съ главною тэмою драмы. Читатель, интересующійся этою стороною знаменитаго произведенія Лессинга, ознакомится съ нею по прекрасному изложенію г. Крылова. Я же перейду теперь прямо къ вопросу объ истолкованіи смысла и значенія сказки о трехъ кольцахъ, какъ основы драмы.

Не объ установленіи старшинства между религіями старался Лессингъ въ «Натанѣ», говорятъ нѣкоторые комментаторы: въ немъ онъ имѣлъ въ виду показать ту послѣдовательность сту-

пеней развитія, которыми человѣкъ восходитъ отъ эгоизма къ цѣли религіи, къ тому полному самоотверженію и самоотреченію, которыя составляютъ сущность любви, той любви, которая одна можетъ дѣлать человѣка пріятнымъ «передъ Богомъ и людьми». По этой причинѣ, въ драмѣ Лессинга или, вѣрнѣе, въ проповѣди его, потому что въ ней, дѣйствительно, преобладаютъ практическія задачи проповѣдника, выставляется эгоизмъ во всемъ вредномъ вліяніи его на религію и, рядомъ съ нимъ, истинно-религіозное, всепрощающее милосердіе и человѣколюбіе и убѣжденіе, что оно, какъ духъ животворящій, торжествуетъ и, торжествуя, создаетъ торжество и самой религіи.

Мы бы составили о Лессингѣ совершенно превратное понятіе, еслибы сочли взглядъ этотъ исчерпывающимъ смыслъ и значеніе знаменитой драмы. Чтобы понимать ее, необходимо имѣть въ виду ту особенность міросозерцанія Лессинга, которую онъ заимствовалъ у Лейбница и которая заключалась въ различеніи явнаго или экзотерическаго ученія отъ тайнаго или эзотерическаго.

Всѣ теологическія сочиненія Лессинга, нѣкоторыя философскія, какъ наприм. «Воспитаніе человѣческаго рода», и, наконецъ, «Натанъ», примыкающій, какъ мы знаемъ уже, въ извѣстномъ смыслѣ, къ теологическимъ сочиненіямъ, представляютъ собою примѣры примѣненія этой двойственной точки зрѣнія. Буквальный смыслъ этихъ сочиненій выражаетъ ученіе внѣшнее—экзотерическое; но, кромѣ смысла буквальнаго, во всѣхъ ихъ намѣченъ и смыслъ тайный—эзотерическій, который можетъ быть понятъ только при извѣстной подготовкѣ. Безъ нея онъ остается скрытымъ.

Самъ Лессингъ, впрочемъ, какъ замѣчаетъ Геттнеръ, позаботился о томъ, чтобы всякій, у кого есть глаза, не оставался въ неизвѣстности по отношенію къ этой вполнѣ сознательной и преднамѣренной двойственности. Еще въ 1770 году, въ сочиненіи своемъ о Беренгаріи Турскомъ, онъ указываетъ, какъ на непремѣнную обязанность писателя — не высказывать истины вполнѣ; послѣ того, въ 1773 г., въ трактатѣ о вѣчности адскихъ мукъ, восхваляетъ онъ Лейбница за то, что тотъ охотно отказывался отъ своей системы и велъ всякаго къ истинѣ по той дорогѣ, на которой встрѣчалъ его. Лессингъ прибавляетъ къ этому, что Лейбницъ поступалъ такъ именно по примѣру, который представлялся ему въ эзотерическихъ и экзотерическихъ ученіяхъ древнихъ философовъ. Въ «Воспитаніи человѣческаго рода» Лессингъ восклицаетъ: «Остерегайся, ты, личность болѣе даровитая, ты, пылающій жаждою уничтоженія за послѣдней страницей книги твоего первоначальнаго обученія, остерегайся давать почувствовать твоимъ слабѣйшимъ соученикамъ то, что̀ ты почуялъ или начинаешь видѣть». Такъ же осуждаетъ онъ мечтателей XIII-го и XIV-го столѣтій за то, что они упреждали божественный планъ воспитанія человѣческаго рода, думая вне-

запно сдѣлать людьми соотечественниковъ своихъ, едва еще вышедшихъ изъ дѣтства и не имѣвшихъ нужнаго для того образованія и подготовки вообще. Въ одномъ изъ его сочиненій («Разговоры франмасоновъ») встрѣчается такое выраженіе: «мудрецъ не можетъ высказать того, о чемъ ему слѣдуетъ лучше промолчать». И, наконецъ, изъ одного письма Елизы Реймарусъ извѣстно, что Лессингъ порицалъ своихъ друзей, когда они слишкомъ свободно выступали съ воззрѣніями, уклонявшимися отъ общепринятыхъ, и съ идеями, обличавшими въ нихъ вольнодумцевъ. Лессингъ никогда не лгалъ; однакоже, онъ только не договаривалъ своихъ мыслей. Для умовъ сильныхъ у него были кое-какіе намеки, и, затѣмъ, онъ предоставлялъ имъ самимъ искать дорогу; слабыхъ же велъ онъ не по самой краткой, но по самой гладкой дорогѣ.

Лессингъ, какъ мы знаемъ уже, былъ спинозистъ и, притомъ, спинозистъ весьма послѣдовательный; очевидно, что міросозерцаніе это не могло не проникать всѣхъ произведеній втораго періода его литературной дѣятельности и не сказываться въ нихъ въ той мѣрѣ, понятіе о которой дали предшествовавшія разъясненія.

Быть спинозистомъ значитъ уже не быть теологомъ, значитъ выйти уже изъ этого фазиса умственнаго развитія и стоять на вполнѣ независимой точкѣ зрѣнія, метафизической вообще, пантеистической въ частности.

Какимъ же образомъ имѣлъ возможность Лессингъ сохранить всегда и вездѣ свою свободномыслящую метафизику, при условіи никогда не высказываться вполнѣ, никогда не договаривать того положенія, которое онъ признавалъ за истину? Какимъ образомъ находилъ онъ возможность передавать, хотя бы только и однимъ избраннымъ умамъ, идеи свои, употребляя языкъ теологовъ?

Трудности такой задачи не вполнѣ разрѣшимы даже и для такого ума, какъ Лессингъ; онъ только отчасти достигалъ своей цѣли ловкою постановкою вопроса и искуснымъ ходомъ разсужденія, обличавшими для проницательнаго читателя отсутствіе реальнаго содержанія его условныхъ терминовъ. Это вредило, конечно, многимъ его произведеніямъ; но, тѣмъ не менѣе, нельзя не удивляться умѣнью его послѣдовательно развивать идею свою разомъ двумя путями и способности удовлетворять недальновидныхъ теологовъ и дальновидныхъ фрейденкеровъ.

Чтобы уяснить себѣ приложеніе этой дѣйствительности къ дѣлу и получить возможность ясно понимать псевдо-теологическія воззрѣнія Натана, остановимся на минуту надъ «Воспитаніемъ человѣческаго рода» и посмотримъ, какимъ образомъ разрѣшаетъ здѣсь Лессингъ свою замысловатую задачу.

«Воспитаніе для личности, говоритъ здѣсь Лессингъ: — есть то же, что̀ откровеніе для рода человѣческаго. Воспитаніе есть откровеніе, совершающееся для личности; откровеніе есть вос-

питаніе, совершающееся для человѣческаго рода». Что̀ же понимаетъ Лессингъ подъ словомъ откровеніе? «Откровеніе, говоритъ онъ:—не дастъ человѣку ничего такого, чего бы онъ не могъ достичь собственными силами; но оно облегчаетъ работу, дозволяя достичь цѣли скорѣе». Очевидно, что въ такомъ опредѣленіи откровенія не заключается уже ничего, связующаго его съ теологическимъ міровоззрѣніемъ. Прибавимъ къ этому, что Лессингъ представляетъ откровеніе никогда не заканчивающимся, вѣчно развивающимся и, такимъ образомъ, ставитъ его въ положеніе, совершенно отрозненное отъ всего абсолютнаго. Далѣе, говоря о двухъ формахъ, въ которыхъ представлялось откровеніе въ прошедшемъ, онъ говоритъ о неизбѣжности возникновенія новой формы, которая будетъ новымъ шагомъ къ совершенствованію. Этотъ новый шагъ онъ характеризуетъ тѣмъ, что указываетъ на разумъ, какъ на единственное основаніе истины въ этомъ періодѣ развитія. Но для выработки этого высшаго фазиса развитія *природа* нуждается въ тысячелѣтіяхъ. Наконецъ, сколько отрицанія неподвижности, законченности, абсолютности вообще въ этихъ знаменитыхъ словахъ, по смыслу своему прямо относящихся къ вопросамъ, разсматриваемымъ въ «Воспитаніи человѣческаго рода». Еслибы Творецъ держалъ въ правой рукѣ всю истину, а въ лѣвой—одинъ только вѣчно живой инстинктъ, стремящійся къ ея открытію, и еслибы, въ то же время, онъ угрожалъ мнѣ проклятіемъ за постоянное заблужденіе и сказалъ: «выбирай!», я кинулся бы смиренно къ его лѣвой рукѣ и сказалъ: «Отецъ! отдай мнѣ то, что̀ у тебя здѣсь; чистая истина принадлежитъ только тебѣ одному». Не та истина, которою человѣкъ обладаетъ или думаетъ обладать, опредѣляетъ его достоинство; достоинство это заключается въ непрестанномъ усиліи для овладѣнія ею, ибо не обладаніе истиною, но исканіе ея расширяетъ силы человѣка и служитъ принципомъ его совершенствованія». «Выражаться такъ замѣчаетъ по этому поводу Лоранъ («La philosophie du XVIII s. et le christianisme»):—значитъ утверждать, что воспитаніе человѣка, которое совершалось бы посредствомъ супра-натуральнаго откровенія абсолютныхъ истинъ, было бы самое несостоятельное».

Взглянемъ теперь съ этой точки зрѣнія на основную мысль Натана.

Если кольца, независимо отъ качествъ ихъ владѣльцевъ, кольца, взятыя *an sich*, нельзя различать одно отъ другого, то очевидно, что вопросъ о достоинствѣ ихъ устраненъ самою постановкою вопроса, и, мало того, постановкою этою сдѣланъ уже выходъ изъ области теологіи. Теологическая терминологія, затѣмъ, является уже только въ видахъ экзотерической пропаганды. Эзотерическій же смыслъ вопроса познается уже и изъ того, что споръ, имъ подымаемый—неразрѣшимъ, такъ какъ разрѣшеніе спора есть прекращеніе или, вѣрнѣе, устраненіе его. Лессингъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ эпикурейцевъ, которые

также не отрицали теологіи своего времени, говорили о преимуществахъ природы боговъ и т. д., но ставили ихъ въ интермундіяхъ, внѣ области нашихъ событій, отдѣльно отъ нашего міра. (См. Лукреція. I. 57—62, II. 645—650, III, 18—29).

Этимъ я заключу мои краткія замѣтки о Лессингѣ и, резюмируя великое значеніе этого писателя, скажу вслѣдъ за Шлоссеромъ, что надъ многими, обогатившими нѣмецкій языкъ, нѣмецкую литературу и нѣмецкую жизнь, Лессингъ имѣлъ то преимущество, что писалъ, не насилуя нѣмецкаго языка и всегда подавая примѣръ, какимъ образомъ должно облагораживать этотъ языкъ и съ нимъ вмѣстѣ и жизнь, подавленную тогда раболѣпствомъ. Онъ великъ и тѣмъ, что не выходилъ никогда изъ среды народа, не удалялся отъ него, чтобъ блистать въ ореолѣ аристократизма и владычествовать въ салонахъ, пренебрегалъ всѣми пошлыми средствами, которыми эгоистическія натуры пользуются для пріобрѣтенія себѣ вѣса. При всемъ этомъ, онъ никогда не былъ популярнымъ писателемъ, если подъ этимъ словомъ разумѣть человѣка, пишущаго для дамъ и любителей пустыхъ романовъ. Онъ писалъ строго-логически, основательно, серьёзно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимательно и живо, формою изложенія принуждая читателя находить интересъ въ самомъ предметѣ. Достоинствомъ формы онъ могъ дѣлать занимательными для обыкновеннаго читателя даже статьи объ ученыхъ предметахъ или полемику о тяжелыхъ вопросахъ, не унижаясь до фокусовъ или балагурства, не обольщая фантазіями и грубыми приманками. Кромѣ того, Лессингъ былъ однимъ изъ немногихъ ученыхъ, которые, достигнувъ высшей славы, судятъ о собѣ вѣрно и безъ преувеличенія. Онъ самъ признавалъ, что у него больше вкуса и зоркости, нежели собственно поэтическаго таланта. Поэтому, онъ избиралъ такіе роды поэзіи, въ которыхъ не нужно ни диѳирамбическаго вдохновенія, ни трагическаго огня; онъ дѣлался поэтомъ для усиленія своихъ совѣтовъ примѣрами. Лессингъ самъ зналъ, въ какихъ именно предѣлахъ заключается творчество его духа, и, не выходя изъ нихъ, онъ создавалъ мастерскія произведенія. Но если творчество его заключено было извѣстными предѣлами, зато онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ съ точностью указывать, гдѣ есть поэтическій даръ и гдѣ его нѣтъ и почему его нѣтъ тамъ, гдѣ предполагаетъ его толпа. Наконецъ, какъ мыслитель, онъ просвѣтлялъ вѣрованія большинства, указывалъ меньшинству выходъ къ высшему фазису умственнаго развитія и всѣмъ выяснилъ блестящимъ образомъ идею терпимости и свободы мысли.

Изъ этого видно, что знакомство съ такимъ писателемъ, какъ Лессингъ, могло бы чрезвычайно благотворно вліять на наше общество, столь богатое еще людьми, которымъ усвоить высказанныя сто лѣтъ тому назадъ идеи Лессинга не значило бы попятиться назадъ, а напротивъ того, весьма рѣшительно двинуться впередъ. Пожелаемъ же, чтобы книга г. Крылова была

счастливымъ почипомъ въ этомъ отношеніи: Лессингъ всегда желалъ, чтобы его болѣе читали, чѣмъ восхваляли.

V.

Я не ограничиваюсь, однако, желаніемъ, чтобы въ книгѣ, по поводу которой я пишу, читали только Лессинга, я искренно желаю, чтобы всякій, у кого она будетъ только въ рукахъ, читалъ и статью г. Крылова и даже начиналъ бы чтеніе именно съ нея. Статья эта, въ полномъ смыслѣ слова, можетъ назваться превосходною и, сказалъ бы я, руководящею, еслибы слово это не было истрепано до негодности. Статья г. Крылова написана живо, ясно, изящно и, въ то же время, основательно. Вся она проникнута нетолько любовью къ избранному предмету, но и близкимъ знакомствомъ съ нимъ. Изъ нея читатель можетъ ознакомиться весьма подробно съ жизнью и дѣятельностью Лессинга и узнать всѣ перипетіи той внутренней дѣйствительной драмы, которая шла рядомъ съ подготовкой, а потомъ и осуществленіемъ драмы, порожденной мыслью. Исторія зарожденія, развитія и появленія въ свѣтъ этой послѣдней изложена особенно обстоятельно и полно. Въ заключеніе, читателю представляется превосходно изложенный критическій разборъ какъ внутренняго философскаго значенія этого произведенія, такъ и внѣшняго — художественнаго.

Чтобы не быть голословнымъ, я приведу отрывокъ изъ характеристикъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы—именно характеристику Саладина. Отрывокъ этотъ я выбираю, впрочемъ, не какъ лучшій, а какъ такой, который, знакомя съ изложеніемъ и взглядами г. Крылова, даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, понятіе и о той сторонѣ драмы, о которой я не говорилъ даже и мелькомъ.

Мы не будемъ входить въ подробности о томъ, насколько султанъ, выведенный въ драмѣ Лессинга, отвѣчалъ дѣйствительному историческому лицу. Лессингъ не стѣснялся подробностями исторической правды, и очень можетъ быть, что настоящій Саладинъ, хотя и велъ себя вообще разумнѣе и великодушнѣе всѣхъ современныхъ ему воителей за религію, далеко не былъ такимъ вѣротерпимымъ и мягкимъ, какимъ онъ представленъ въ драмѣ. Во всякомъ случаѣ, художникъ создалъ своего султана вполнѣ отвѣчающимъ всѣмъ даннымъ его жизни и развитія; живые оттѣнки, характеризующіе его и его сестру Зитту, основаны на исключительности ихъ положенія и отношеній къ другимъ людямъ. Саладинъ — султанъ, обладающій широкою безпрекословною властью, къ тому же, онъ еще — и завоеватель, людская кровь ему знакома; Зитта—балованная сестра этого владыки. Нѣмецкіе критики, до сихъ поръ носящіе въ себѣ ядъ романтизма, которымъ были зачумлены въ началѣ нынѣшняго столѣтія, особенно плѣняются характеромъ Саладина, восхваляя его рыцарскія доблести, его прямоту, рыцарскую честность, презрѣніе къ мірскимъ благамъ— и дѣйствительно, Лессингъ сдѣлалъ его въ полномъ смыслѣ рыцаремъ, до мелкихъ подробностей отработалъ эту сторону характера, на которую, однако,

никакъ нельзя смотрѣть, какъ на особенную добродѣтель. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое эти хваленыя рыцарскія достоинства? — прямота, храбрость, выдержка, вѣрность слову, принципу, человѣку. Но если прямота состоитъ въ томъ, чтобы оскорблять людей въ ихъ завѣтнѣйшихъ убѣжденіяхъ, презирать то, что̀ имъ дорого, такъ она обращается въ тупую грубость. Если храбрость тратится на то, чтобы налагать цѣпи рабства на родъ человѣческій, то право лучше быть трусомъ. Вѣрность принципу—вещь вредная, если самъ принципъ нечестный, и что̀ толку, если какой-нибудь ненасытный воитель дастъ себѣ слово, во имя своей прекрасной дамы, не снимать доспѣховъ, пока не покоритъ врага. Что̀ толку, если онъ и вѣренъ своему слову и проливаетъ потъ въ своихъ латахъ? какая доблесть въ этой нечистоплотности? — Да еще если къ этому онъ замѣтитъ, что его несчастная дама ласково взглянула на своего пажа и отстегаетъ ее плетью, то, право, лучше бы онъ забылъ свою рыцарскую вѣрность. Всѣ помянутыя двигательныя силы души человѣческой только тогда достойны сочувствія, когда онѣ ведутъ къ добру — въ иномъ же случаѣ, онѣ—позоръ и отвращеніе. Исходя отъ фразы, которую приписываютъ историческому Саладину, повторяемую и въ драмѣ Лессинга: «Что̀ нужно мнѣ?—мечъ, коня, одежду—и Бога!»—исходя отъ этой фразы, служащей какъ бы девизомъ характера султана, мы въ ней еще не видимъ привлекательности. Конечно, судя по ней, потребности Саладина не велики, но вѣдь и у дикаря потребности не велики; главное дѣло въ томъ, каковы онѣ. Саладину, прежде всего, нуженъ мечъ и конь — для чего же, какъ не для того, чтобы удовлетворить своей жаждѣ рѣзни, своей звѣрской храбрости, ему нуженъ и Богъ, чтобы оправдать въ своихъ глазахъ его звѣрство? Онъ бьется во имя Бога и воображаетъ, что Богъ ему помогаетъ. Богъ направляетъ руку его Богъ убиваетъ людей, а онъ—только орудіе Божіе—какъ будто дѣйствительно Богу нуженъ этотъ разгулъ его буйныхъ наклонностей! Приведенное изреченіе Саладина есть только лаконическое выраженіе всѣхъ такихъ разсужденій и оправданій; тѣмъ не менѣе, оно очень плѣняетъ нѣмецкихъ критиковъ, не исключая и К. Фишера, видящихъ тутъ доблестное самоотреченіе. Мы это самоотреченіе вовсе не цѣнимъ и не находимъ въ немъ ничего хорошаго: это не есть самоотреченіе работника, готоваго во всемъ себѣ отказать ради успѣха полезнаго труда; это—не болѣе, какъ фантазія необузданнаго властителя. Такимъ, дѣйствительно, и выставленъ Саладинъ у Лессинга. Первое, что̀ мы о немъ слышимъ въ драмѣ, есть помилованіе храмовника. Султанъ присутствовалъ при казни семнадцати молодыхъ людей, хотя бы и заклятыхъ враговъ его, но уже плѣнныхъ, безоружныхъ; онъ смотрѣлъ, какъ текла ихъ горячая, молодая кровь на плахѣ, онъ вглядывался въ ихъ молодыя лица за мгновенье до ихъ смерти. Черты одного изъ плѣнныхъ, какъ бы живымъ упрекомъ въ этомъ звѣрскомъ убійствѣ ближняго, напомнили Саладину его брата, и это спасло храмовника, уже готоваго къ казни. Тѣмъ и кончилось участіе Саладина; онъ тотчасъ и забылъ о спасенномъ храмовникѣ, пока не напомнилъ о немъ Натанъ. Что̀ могло привести Саладина къ такого рода помилованію?—Одно изъ двухъ: или капризъ владыки, или суевѣрный страхъ: ни то, ни другое непочтенно. Далѣе мы узнаемъ, что Саладину нужны деньги; почему и для чего? Оставляя въ сторонѣ издержки войны, въ которыхъ еще можно его нѣсколько оправдать, такъ какъ не онъ ее затѣялъ и вообще не одинъ онъ въ ней виноватъ — остановимся только на издержкахъ его благотворительности. Что̀ такое его милосердіе, какъ не капризъ человѣка, не имѣющаго понятія о цѣнѣ труда, о нуждахъ его подданныхъ. Онъ соритъ деньгами, вытащенными, можетъ быть, со слезами и горемъ на подать у рабочаго человѣка, и соритъ ими направо-налѣво всякому, кто понаглѣе, да польстивѣе. Посмотрите, какъ рельефна крошечная сценка въ началѣ 5-го

дѣйствія, гдѣ мамелюки прибѣгаютъ сообщить Саладину, что пришелъ транспортъ съ податями изъ Египта; кàкъ за глупую остроту султанъ даетъ мамелюку лишній мѣшокъ золота; прислушайтесь, кàкъ дервишъ Аль-Гафи въ первомъ дѣйствіи характеризуетъ его подаяніе—и вы безспорно признаете все это милосердіе капризомъ и тщеславіемъ. Саладину нужны деньги, и онъ узнаетъ, что въ Іерусалимѣ живетъ богатый еврей Натанъ; конечно, обладая рыцарскими качествами, султанъ могъ бы обыкновеннымъ разбойническимъ образомъ отнять накопленныя деньги—его останавливаетъ тщеславіе: онъ хочетъ оправдать въ своихъ глазахъ такой поступокъ и соглашается на предложеніе сестры разставить ловушку еврею. Манера, кàкъ султанъ къ этому приступаетъ, какъ бы нехотя и сваливая вину на другого, на сестру, проявляетъ черты тоже крайне живыя, человѣчныя, ловко подмѣченныя авторомъ и еще ярче выставленныя въ другомъ его проявленіи, въ лицѣ другого повелителя, въ драмѣ «Эмилія Галотти». Вообще, характеръ выдержанъ прекрасно. Каждая рѣчь султана дышетъ увѣренностью, не привыкшей слышать противорѣчіе; въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ движеніи его виденъ человѣкъ, сознающій свою силу и который могъ бы сдѣлаться весьма дурнымъ и принести много вреда, еслибы въ самой природѣ его не было хорошихъ чертъ горячей любви, великодушія, честности. Саладинъ страстно любилъ своего брата, иначе бы память о немъ не воскресла такъ живо при видѣ храмовника, и тщеславіе султана, все-таки, направлено на милосердіе, на желаніе сохранить добрую славу. Во всемъ этомъ видна какая-то совѣстливость, составляющая свѣтлую сторону этого характера. Въ этомъ даже сказывается человѣкъ, который самъ прошелъ школу житейской борьбы, гнета, преслѣдованій и не успѣлъ еще въ конецъ испортиться военнымъ успѣхомъ, лестью, самодурнымъ властолюбіемъ [1]. Оттого онъ и слушаетъ терпѣливо проповѣдь Натана и не остается къ ней глухъ. Надолго ли и въ какой мѣрѣ черты великодушія и добра пересилятъ дурныя стороны характера, пріобрѣтенныя вмѣстѣ съ положеніемъ — это сюда не идетъ; наше дѣло—только показать, что тѣ и другія черты существуютъ и подъ какимъ вліяніемъ тѣ и другія болѣе проявляются.

Читатель, который возьметъ на себя трудъ сравнить мой взглядъ на Лессинга со взглядомъ г. Крылова, найдетъ между взглядами этими значительную разницу: я смотрю на Лессинга, какъ на послѣдователя метафизическихъ и этическихъ идей Спинозы, и утверждаю, что идеи эти выступаютъ во многихъ сочиненіяхъ Лессинга, имѣющихъ двойственное значеніе; г. Крыловъ держится того мнѣнія, что характеръ міросозерцанія Лессинга неопредѣлимъ, такъ какъ Лессингъ «не принадлежалъ ни къ одной изъ существовавшихъ въ его время философскихъ системъ» (стр. XII.); поэтому г. Крыловъ проходитъ молчаніемъ различіе экзотерическаго и эзотерическаго смысла въ сочиненіяхъ Лессинга и объясняетъ Натана только въ томъ смыслѣ, который опредѣляется у меня, какъ экзотерическій. Я не стану, однакоже, полемизировать съ г. Крыловымъ: вполнѣ понимая причины, побудившія его поставить вопросъ такимъ образомъ, я нахожу, что онъ сдѣлалъ прекрасно, не поступивъ иначе и, по примѣру Лес-

[1] Извѣстно, что Саладинъ былъ сынъ простого курдскаго воина и провозгласилъ себя султаномъ уже въ Египтѣ, куда былъ посланъ, какъ военачальникъ во главѣ войска, отправленнаго султаномъ Нурединомъ.

синга, остановясь, когда нужно, на полъ-дорогѣ. Всякій на его мѣстѣ поступилъ бы точно также. Чтò же касается частностей обработки своей задачи, то въ нихъ я вездѣ вижу столько добросовѣстности, знанія и умѣнія, что ни въ какомъ отношеніи не вижу поводовъ для возраженія. Есть у г. Крылова одна мысль, которая меня шокируетъ и по поводу которой я намѣренъ сказать нѣсколько словъ; но мысль эта является часто эпизодически, не касается вовсе Лессинга и оцѣнки его литературной дѣятельности. Я очень хорошо понимаю, конечно, что статья г. Крылова не стала бы ни лучше, ни хуже, еслибы онъ не сдѣлалъ отступленія, на которомъ я намѣренъ остановиться: отступленіе это могло быть или не быть, такъ какъ оно не связано органически съ общимъ строемъ статьи. Я и указываю на него вовсе не какъ на ошибку или недосмотръ въ изученіи Лессинга, а единственно только, какъ на повтореніе мысли, ходячей у насъ, но совершенно ложной и не разъ уже дававшей поводъ къ разглагольствіямъ самаго страннаго свойства.

Объяснивъ значеніе религіозной терпимости, г. Крыловъ ставитъ вопросъ: «Одной ли религіозной терпимости учитъ Натанъ?» и разсуждаетъ по этому поводу такъ: «Когда судья, въ разсказѣ о трехъ кольцахъ, совѣтуетъ доказать подлинность кольца честною жизнью, добрыми дѣлами, искреннею преданностью Богу, намъ думается: и то, чтò люди именуютъ широкимъ словомъ «убѣжденіе», изъ-за чего такъ ежедневно, такъ обильно и чисто, такъ безсмысленно враждуютъ, не есть ли оно—то же своего рода религія, своего рода кольца, подлинность котораго надо доказать жизнью, поступками? Не есть ли это своего рода божество, къ которому надо относиться съ искреннею преданностью, а не дѣлать его послужникомъ своихъ страстей и эгоизма? Еслибъ, дѣйствительно, каждый къ своимъ убѣжденіямъ относился искренно, еслибъ различіе ихъ было только дѣломъ темперамента, бòльшей или меньшей опытности, знанія и проч. то они приводили бы не къ враждѣ, а къ взаимной помощи и дружбѣ. Не то вредно, чтò, по невѣжеству, по случайной близости къ той или другой средѣ общества, человѣкъ исповѣдуетъ и проводитъ въ жизнь схваченныя на вѣру нелѣпыя убѣжденія; вредно, когда онъ за нихъ держится только потому, что они лично ему выгодны. Невѣдѣніе еще не такъ опасно: всякій, искренно, съ любовью относящійся къ своимъ убѣжденіямъ, будетъ постоянно провѣрять ихъ жизнью, чужими воззрѣніями и поступками, узнàетъ, чтò не зналъ, и излечится отъ ошибокъ. Не такъ поступаетъ тотъ, кто разъ забралъ въ голову, что принятыя имъ кàкъ бы то ни было убѣжденія приносятъ ему выгоду, и потому непогрѣшимы; тутъ ихъ ничто не будетъ совершенствовать жизнью—напротивъ: они станутъ деспотически подчинять себѣ жизнь. Первый случай необходимо обусловливается терпимостью убѣжденій, вызываетъ обмѣнъ ихъ, ведетъ къ развитію; второй

*

дѣлаетъ человѣка нетерпимымъ, узкимъ, грубымъ, порождаетъ застой и невѣжество». (стр. LXXIII).

Я думаю, что г. Крыловъ недостаточно остановился надъ анализомъ понятія, выражаемаго словомъ «убѣжденіе», не далъ понятію этому достаточно точнаго опредѣленія, а потому и могъ заявить требованія, которыхъ нельзя не признать невозможными. Въ самомъ дѣлѣ, всегда ли возможно доказывать свои убѣжденія поступками и жизнью? Ка̀къ ихъ докажетъ литераторъ, публицистъ, проповѣдникъ, обращающійся къ тысячамъ, тогда какъ жизнь его извѣстна десяткамъ? Кто можетъ доказать кому бы то ни было жизнью и поступками свои философскія, политическія и т. д. убѣжденія? Извѣстно, что у новаторовъ всегда требуютъ доказательства ихъ убѣжденія жизнью, упуская изъ виду, что бо̀льшую часть этихъ убѣжденій нельзя вовсе доказать жизнью или невозможно доказать жизнью единичнаго лица. Такое требованіе есть несомнѣннѣйшая ошибка. Всякое убѣжденіе, однакоже, имѣетъ важное жизненное значеніе и всякое проводится путемъ побѣды надъ другими убѣжденіями, путемъ борьбы, а никакъ не путемъ соревнованія въ добродѣтели. Соревнованіе это идетъ своею отдѣльною дорогою и въ борьбѣ рѣдко что нибудь значитъ. Конечно, борьба имѣла бы совершенно иной характеръ, чѣмъ тотъ, которой свойственъ ей теперь, еслибы всѣ люди въ состояніи были руководиться тѣмъ методомъ, которымъ, по мнѣнію г. Крылова, не руководятся однѣ только своекорыстныя натуры, а именно—если бы всякій поучался и изученіемъ неизвѣстнаго, и знакомствомъ съ чужими воззрѣніями, и наблюденіемъ надъ чужою жизнью. Но, всего прежде, многіе ли люди способны сознавать свое невѣжество и далѣе, многимъ ли извѣстно, что̀ такое методъ, многіе ли, зная это, способны пользоваться такимъ знаніемъ? Правда, многіе кричатъ: опытъ, жизненный опытъ, опытъ многихъ лѣтъ жизни, но вѣдь это только «пошлый опытъ— умъ глупцовъ», т. е., просто на просто, итогъ однихъ воспріятій и безпорядочныхъ непровѣренныхъ представленій, не перешедшихъ еще въ понятія и чуждыхъ идеи критики. Подъ опытомъ этимъ разумѣется, такимъ образомъ, субъективнѣйшія измышленія, принимаемыя за убѣжденія, измышленія, не далеко уходящія обыкновенно отъ умозрѣній гоголевскаго судьи. Напрасно станемъ мы ратовать, поэтому, на безвредность людей, «проводящихъ въ жизнь схваченныя на вѣру нелѣпыя убѣжденія»; люди эти, во-первыхъ, не знаютъ или не справятся ни съ какимъ методомъ, а во-вторыхъ, они тѣмъ еще особенно вредны въ обществѣ, преизобилующемъ невѣжествомъ и глупостью, что имъ все простятъ за искренность и честность. Найдутся люди, способные цѣлые годы толочь воду только потому, что къ толченію воды призываетъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ; найдутся люди, готовые поддерживать нелѣпости и бредни опять потому только, что ихъ возвѣщаетъ искренно убѣжденный человѣкъ, честный и притомъ-же хорошій отецъ и вѣрный супругъ;

многіе изъ за этого почтительно относятся къ спиритизму и даже сами дѣлаются спиритами!.. Оставимъ добродѣтель этихъ почтенныхъ людей при нихъ и не забудемъ только одного, что они *проводятъ въ жизнь* схваченныя на вѣру нелѣпыя убѣжденія и что они честно и искренно убѣждены въ непогрѣшимости этихъ убѣжденій и, по ограниченности своей, неспособны нетолько понять другія воззрѣнія, но даже и стать на пути, ведущемъ къ нимъ. Вспомните старую басню о музыкантахъ. Если мы отчетливо слышимъ, что музыканты *дерутъ*, смѣшно намъ умиляться трезвостью ихъ жизни. Я полагаю, что эти идиллическіе взгляды несовмѣстимы съ условіями сложнаго строя общественной жизни и что, поэтому, намъ неизбѣжно слѣдуетъ смотрѣть на борьбу убѣжденій иначе, примиряться съ тѣми суровыми чертами, которыя ей присущи и отъ нея неотъемлемы.

Совершенно вѣрно, конечно, что не слѣдуетъ дѣлать убѣжденія послужниками страстей; но изъ этого ничуть не слѣдуетъ, что возможно изгнать страсти изъ борьбы убѣжденій или что изгнаніе это возвыситъ нравственную сторону этой борьбы. Всякая борьба ведется не только ради кого или чего, но и противъ кого или чего. Страсти въ ней неизбѣжны поэтому, и неизбѣжны, притомъ же, страсти непремѣнно неоднородныя. Стремиться изгнать ихъ значитъ преслѣдовать иллюзію, еще болѣе несбыточную, чѣмъ стремленіе установить доказательность убѣжденій посредствомъ жизни и поступковъ. Изъ той истины, что не слѣдуетъ дѣлать своихъ убѣжденій послужниками страстей, вытекаетъ не фантастическое слѣдствіе—прекращеніе борьбы мнѣній или устраненіе изъ нея страстности, но весьма практическое и важное заключеніе—справедливость и самообладаніе въ борьбѣ, умѣніе различать средства борьбы, устранять изъ нея все недостойное человѣка, все безсмысленное, нечестное... Въ справедливости и выборѣ средствъ и заключается вся суть нравственной стороны борьбы за убѣжденіе. Поэтому, всякій человѣкъ, проводящій свои убѣжденія вопреки препятствіямъ, т. е. путемъ борьбы, не долженъ желать прекращенія ея, пока есть еще съ кѣмъ бороться, не долженъ заставлить умолкать свое сердце, пока есть что̀ ненавидѣть, не долженъ бояться убить врага своего словомъ, такъ какъ убійство это—только образное выраженіе силы самого слова; а кто, не безразлично относящійся къ вопросу о торжествѣ своихъ убѣжденій, сознательно и добровольно отыметъ у слова его силу—единственную силу, которая въ борьбѣ за убѣжденія только и имѣетъ значеніе?

Въ заключеніе, я долженъ упомянуть еще о примѣчаніяхъ къ переводу Натана и библіографическомъ указателѣ, о которыхъ не сказалъ еще ни слова, тогда какъ они въ высшей степени достойны вниманія. Примѣчанія у г. Крылова имѣютъ цѣлью дать занимающемуся нѣмецкой литературой возможность пользоваться переводомъ при чтеніи оригинала. Они сопровождаютъ драму изъ сцены въ сцену и разрѣшаютъ всѣ частные вопросы

какіе только могутъ остановить вниманіе читателя. Полнотою и обстоятельностью они вполнѣ достигаютъ своей цѣли, и книга г. Крылова, поэтому, вѣроятно обратитъ на себя вниманіе педагоговъ. Что же касается библіографическаго указателя, то, по полнотѣ своей, хронологическому порядку расположенія сочиненій и обстоятельности изложенія ихъ содержанія, всегда сопровождаемаго оцѣнкою ихъ значенія, указатель этотъ скорѣе можетъ быть названъ конспектомъ исторіи литературы о Натанѣ. Для всѣхъ желающихъ изучить Натана онъ представляетъ такое руководство, которое не можетъ быть замѣнено никакимъ другимъ иностраннымъ источникомъ.

Вл. Лесевичъ.

ДВА МОТИВА СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗІИ.

Poésies de L. Ackermann. Poems of George Elliot.

I.

Наше время неблагопріятно поэзіи. Давно уже нѣтъ поэтовъ, которые были воплощеніемъ мечтаній и думъ, страсти и стрададаній, всѣхъ чувствъ и стремленій—всего, что жило въ душѣ человѣчества въ данную эпоху и давало ей свое имя. А между тѣмъ, являются ученые и мыслители, которые даютъ свои имена той или другой школѣ мысли и науки. Сила творчества не вымерла, но пошла на другое. Гдѣ причина такого явленія?

Люди отживающихъ идеаловъ объясняютъ бѣдность поэтическаго, чувства отличительную черту нашего времени, вымираніемъ вѣрованій, уносившихъ человѣчество въ міръ необъятнаго и безконечнаго, и мертвящей сухостью новаго міросозерцанія, приковывающаго душу человѣчества къ землѣ. Но такое приковыванье придаетъ еще болѣе силы чувству, сосредоточивая его на живомъ. Разрывъ съ старымъ міросозерцаніемъ и переходъ къ новому создали Байрона. Послѣдователи Спенсера, сравнивая жизнь общества съ жизнью организма, находятъ, что отвѣтъ какъ нельзя болѣе простъ. Европа пережила пору молодости — пору чувства и поэзіи, и вступаетъ въ зрѣлый возрастъ — пору строгаго анализа и трезвой мысли. Простота подобнаго объясненія только кажущаяся. И каждый человѣкъ, который живетъ одною мыслью — существо неполное, живущее половинчатой жизнью, и неполнота эта отзовется и на самой мысли. Тотъ, въ комъ съ молодостью угаснетъ чувство, стремленіе къ идеалу—все, что дѣлаетъ его чуткимъ къ поэзіи, въ зрѣломъ возрастѣ не внесетъ

ничего въ жизнь. Тѣмъ болѣе непримѣнимо подобное объясненіе къ обществу, въ которое безпрестанно прибываютъ молодые члены. Горе тому обществу, молодое поколѣніе котораго трезво до утраты чутья всего, что составляетъ поэзію жизни. Не зрѣлые работники выйдутъ изъ него, когда уляжется броженіе молодыхъ силъ, а черствые дѣльцы. Мы и теперь видимъ, что вышло изъ большинства молодежи, повторявшей, не понявъ того, что вызвало ее, парадоксальную бутаду о томъ, что сапоги полезнѣе Шекспира. Бѣдность и сухость натуры, удовлетворившейся въ зрѣломъ возрастѣ ажіотажемъ, гонораріями за *интересныя* дѣла, сказались въ молодости превознесеніемъ сапогъ надъ Шекспиромъ. Доводы, которыми объяснялось превознесеніе это, сродные тѣмъ, ради которыхъ Платонъ изгонялъ поэтовъ и художниковъ изъ республики, были для большинства этого фразой. Въ меньшинствѣ бутада эта была скорѣе вызвана тѣмъ, что не было поэзіи, вполнѣ выражавшей стремленія его; повторяло же оно съ увлеченіемъ многіе ямбы Барбье и иные отрывки изъ Виктора Гюго.

Поэзія не можетъ вымереть въ человѣчествѣ; хотя бываютъ времена, когда она не бьетъ болѣе мощнымъ потокомъ, шумъ котораго слышенъ на весь міръ, но пробивается небольшими ключами, журчанье которыхъ слышно немногимъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать. То бываютъ тяжелыя времена разбитыхъ надеждъ, когда съ пораженіемъ, понесеннымъ идеею, гаснетъ въ слабыхъ вѣра въ нее. Живая связь, сплочивавшая людей, слабѣетъ, обрывается. Все личное, мелкое—все, что, какъ огнемъ, выжигалось стремленіемъ къ общему, разнуздывается. Сила, поднимавшая общество, вымираетъ, и оно падаетъ въ свое болото. Въ болотномъ кишѣньи нѣтъ мѣста поэзіи. Нѣтъ искръ, которыя могли бы какъ въ одномъ фокусѣ, слиться пламенемъ въ поэтѣ— воплощеніи своего времени. Въ болотѣ мелькаютъ только блудящіе огоньки. Въ такомъ обществѣ есть только богатый матеріалъ для сатиры. Въ такое время появляются только изрѣдка поэты, и тѣхъ вдохновляетъ муза мести и печали. Въ нихъ находитъ себѣ выраженіе все, въ чемъ еще таится искра жизни; они—вопль наболѣвшей души тѣхъ, которые не могли уйти въ болотное кишѣнье.

Съ годъ тому назадъ во Франціи появился небольшой томикъ стихотвореній, на которомъ было выставлено неизвѣстное имя L. Ackermann. Глубина поэтическаго чувства, сила мысли, потрясающая страсть, энергическій и мѣстами огненный стихъ обратили вниманіе на новаго поэта, и никто не подозрѣвалъ, что поэтъ этотъ—женщина, до появленія въ «Revue des deux mondes» статьи, которая, отдавая справедливость поэтическому таланту Акерманъ, отнеслась съ строгимъ осужденіемъ къ разрушительнымъ идеямъ, вдохновлявшимъ поэта. Небольшой томикъ этотъ будетъ жить. Въ немъ исповѣдь больной дочери больнаго вѣка, пережившей муки сомнѣнія и сжегшей старыхъ боговъ; въ немъ исповѣдь женщины, которая силой мысли и чувства вышла изъ

тѣснаго міра личной жизни и страданій въ міръ общей жизни и отравилась изъ чаши міровой скорби.

Поэзія Акерманъ представляетъ оригинальное явленіе въ ряду другихъ произведеній французскихъ поэтовъ по потрясающей искренности; она чужда декламаціи, искажающей произведенія самыхъ знаменитыхъ поэтовъ Франціи; и если Акерманъ занимаетъ очень скромное мѣсто позади нихъ, зато у нея не найдется строчки, отзывающейся фразой или напускнымъ паѳосомъ. Такая искренность бываетъ только плодомъ жизни, всецѣло и безкорыстно отданной служенію идеи. Лучшими женщинами въ тѣсномъ мірѣ женской жизни были тѣ, которыя приняли на вѣру мораль преданности и самоотверженія, внушенную имъ, и, выйдя изъ этого міра, онѣ внесли въ служеніе идеѣ тоже отреченіе отъ мелкаго *я*, ту же потребность отдать всѣ силы свои, всю жизнь. Женщинамъ за это служеніе не могли сниться министерскія мантіи, какъ патріарху Вальфриду: онѣ не могли разсчитывать на президентскія кресла, какъ другіе поэты. Любовь къ идеѣ была чужда въ нихъ примѣси какихъ бы то ни было своекорыстныхъ побужденій: то было чистое, всепоглощающее чувство. А когда такое чувство находитъ себѣ исходъ въ поэтическомъ дарѣ, то, силенъ ли онъ или слабъ, въ звукахъ его не будетъ слышно ни одной фальшивой ноты, ни одной реторической фразы.

Акерманъ—поэтъ-мыслитель, и небольшой томикъ стихотвореній представляетъ выдающееся явленіе посреди приторныхъ сентиментальностей и разныхъ виртуозныхъ произведеній искуства для искуства, которыми тѣшится современная поэзія во Франціи. Но мысль не убиваетъ поэзію. Стихотворенія Акерманъ, порожденныя духомъ анализа—вопль му̀ки, вырванный разрывомъ съ старыми идеалами, они—проклятіе всему, что̀ гнело душу человѣчества. Въ нихъ виденъ смѣлый умъ, который жадно ищетъ истину и безъ смущенія и колебаній рветъ все, что̀ было прежде дорого и свято, какъ скоро увидѣлъ, что истина не тамъ; въ нихъ слышится чувство, наболѣвшее отъ страданій человѣчества, высказывающееся въ вдохновенномъ лиризмѣ, полномъ оригинальной и мощной образности; въ нихъ чуются огненные порывы сильной души, которой было тѣсно въ жизни.

Акерманъ—не молодой поэтъ. Первыя стихотворенія помѣчены 1835 годомъ, послѣднія 1870. Для тридцатипятилѣтняго срока Акерманъ дала немного въ количественномъ отношеніи, но въ этомъ немногомъ есть вещи, которыя не забудутся. Стихотворенія ея — отраженіе всего пережитаго мыслью и чувствомъ XIX вѣка съ тридцатыхъ до семидесятыхъ годовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, драгоцѣнный листокъ въ лѣтописи развитія женской мысли. Въ первыхъ произведеніяхъ слышится вліяніе и байроновскаго романтизма, и романтизма 30-хъ годовъ, прошедшее сквозь призму женскаго чувства и мысли. Байроновскій романтизмъ—недовольство жизнью во имя собственной личности, которое исчезло бы, еслибы жизнь могла доставить постоянное наслажденіе, безъ

мукъ пресыщенія, еслибы былъ снятъ гнетъ, давившій ея силы. Романтизмъ 30-хъ годовъ—недовольство бѣдностью наслажденій, стремленіе къ безконечному и необъятному, которое въ жизни находитъ достойнымъ себя только красоту и искуство. И тотъ, и другой романтизмъ гордо поднимаютъ голову; избранники, отмѣченные имъ, считаютъ себя нетолько выше презрѣнной толпы, но и выше человѣчества. Они хотятъ взять все для себя, они не считаютъ себя связанными кровной связью долга отдавать людямъ то, что̀ даетъ имъ жизнь. Центръ тяготѣнія ихъ—одно я. Женскій романтизмъ первыхъ стихотвореній Акерманъ, при томъ же гордомъ заявленіи о своемъ одиночествѣ среди толпы и тѣхъ же жалобахъ на неспособность ея понимать все, что̀ таится въ душѣ поэта, не рвется взять себѣ всѣ наслажденія жизни. Она хочетъ отдать всю свою жизнь всецѣло, беззавѣтно. Измученная жизнью, она бѣжитъ изъ отечества, холодная, равнодушная; ей нѐкого и нѐчего жалѣть тамъ. Жизнь такъ бѣдна, время такъ темно. «Такъ бѣгутъ, говоритъ она: — всѣ, кого гонитъ мрачное отчаяніе, всѣ, которые, видя, ка̀къ ничтоженъ человѣкъ, ка̀къ жизнь полна бѣдствій, не нашли въ себѣ силы любить. Но Богъ свидѣтель мнѣ—я нашла бы въ себѣ эти силы, несмотря на все. Я хотѣла бы прилѣпить все сердце великой любви, соединить свою участь съ чьей нибудь одинокой жизнью, отдаться безъ сожалѣній, безъ страха, неразрывно. Не вѣрьте, что я равнодушно вижу, какъ гаснутъ въ лучшіе дни моей жизни, улыбающіяся надежды на счастіе. Сердце можетъ умереть, но страданіе живетъ». Въ другомъ стихотвореніи «Прощанье съ поэзіей» слышится вопль одинокаго страданія. «Слезъ своихъ я ни съ кѣмъ не дѣлила, никто не считалъ и не видѣлъ ихъ; ни одинъ глазъ чужой не измѣрилъ отчаянье души моей. Страдающій—тайна для братьевъ; онъ долженъ идти одинъ къ дверямъ смерти. И я пойду одна, разбивъ свою лиру; неся страданія свои, не буду пѣть о нихъ. Ихъ высказать—страшнѣе му̀ка, чѣмъ ихъ нести».

Наше время враждебно относится къ романтизму и совершенно справедливо осуждаетъ такое исключительное поглощеніе всѣхъ сторонъ жизни одною. Но въ этихъ немногихъ, написанныхъ кровью сердца строкахъ, высказывается не слабость, не узость натуры. Сравните ихъ съ хныканьемъ, которымъ наполняли міръ другіе поэты романтизма объ измѣнѣ возлюбленной, объ утратѣ любви. У тѣхъ поэтовъ были другія стороны жизни, и тѣмъ не менѣе они расплывались въ жалостномъ нытьѣ, въ которомъ сказывалась слабость души, неспособной снести страданіе. Не безхарактерное нытье слышится въ этомъ небольшомъ стихотвореніи, а глубокая, потрясающая жалоба мощной души. Жизнь указала только одинъ исходъ всѣмъ силамъ ея, любовь—одну связь, въ которой, какъ въ фокусѣ, собирается все живое въ человѣкѣ, и, когда такая связь рвется, то понятно, что человѣкъ идетъ «къ дверямъ смерти». И женщина-поэтъ идетъ, не расплываясь

въ жалобахъ. У ней вырвался одинъ крикъ страданія, и имъ было сказано все. И за такимъ крикомъ слышится трагедія.

Силы, таившіяся въ поэтѣ, зрѣли и стали искать другого выхода въ искуствѣ. Когда проходитъ острый періодъ страданія, человѣкъ начинаетъ спрашивать себя: что̀ дѣлать съ жизнью? «О, душа безсмертная, говоритъ поэтъ:—на что̀ отдать твои желанья и тайные порывы твои. И счастливые знаютъ страданія; земля холодна, небо тяжело нависло, а человѣкъ подъ ними носитъ мрачное сердце, разрывающееся между напрасными сожалѣніями и короткой любовью. Лучшій удѣлъ — уйти въ очарованный міръ и въ любимомъ искуствѣ созерцать одинъ изъ образовъ вѣчной красоты. Ты понялъ это, художникъ, и чело твое ясно; ты отдалъ вѣру, нѣжную любовь, все поклоненіе души искуству, въ то время, когда гибнетъ вѣра, любовь и поклоненіе. И въ то время, какъ мы падаемъ обезсиленные, не встрѣчая свѣточа во мракѣ нашихъ дней, когда на каждомъ шагу тернія рвутъ наши ноги, ты идешь свѣжею тропою своей; небо любитъ тебя и улыбается тебѣ; ты мечтаешь о немъ съ святой радостью и заглушаешь въ сердцѣ, полномъ поклоненія идеалу, и вѣчную скорбь, и необъятное желаніе».

Это поклоненіе вѣчной красотѣ даетъ поэту силы жить — на время. Она въ стихотвореніи «In memoriam» говоритъ, что можетъ жить подъ душистыми апельсинными деревьями и небомъ юга и, мечтая о счастливыхъ дняхъ, безъ горечи видѣть, какъ рождаются и умираютъ дни. Но такое настроеніе — фазисъ, который проходитъ мысль поэта. Натура Акерманъ—богатая, полная живыхъ силъ; она не можетъ затвориться въ мірѣ искуства для искуства и созерцаніи вѣчныхъ красотъ. Она кровно связана со всѣмъ живымъ, и созерцаніе вѣчныхъ красотъ отравлено. Въ небольшой превосходной пьесѣ «Лира Орфея», вспоминая древній миѳъ природы, разцвѣтающей при звукахъ этой лиры повсюду, куда ни приносили волны чудесную цѣвницу пѣвца, «Увы! мы далеки отъ этого времени! восклицаетъ поэтъ:—и лира въ наше время не принесетъ разцвѣта ничему».

Впрочемъ, потребность иного, болѣе широкаго и жизненнаго идеала еще только смутно шевелится въ женщинѣ-поэтѣ. Это видно по слѣпому поклоненію ея Альфреду Мюссе въ глубоко прочувствованномъ стихотвореніи на смерть этого «пророка романтизма и любимца своего вѣка». «Ты одинъ нашелъ въ себѣ тотъ крикъ, который хватаетъ за сердце, тѣ глубокіе звуки, которые съ взволнованныхъ устъ проходятъ въ душу всѣмъ. Съ тобою, сынъ страдающій тревожнаго времени, мы были связаны связью сомнѣній и скорби. Ты бросилъ въ міръ свои безсмертныя рыданья». На этой ступени женщинѣ-поэту доступенъ только протестъ личности во имя личности, понятно только гордое страданіе немногихъ избранныхъ, которые одни извѣдали муки сомнѣнья среди холодной и равнодушной толпы. Она болѣетъ душой только о страданіяхъ этихъ избранниковъ, подни-

мавшихъ высоко головы свои надъ массой человѣчества и воображавшихъ, что купили на то право томомъ другихъ звучныхъ стиховъ, которые раздражаютъ только тоску жизни и жажду упоенія.

И тоска эта, и жажда законны. Онѣ—заявленіе права личности на жизнь, онѣ—протестъ ея противъ всего, что̀ не даетъ ей развернуть всѣ силы, что̀ гнететъ и уродуетъ жизнь. Но горе тому человѣку, который не знаетъ ничего другого, кромѣ этой тоски и этой жажды! Онѣ сжигаютъ жизнь. Такъ сгорѣлъ поэтъ, оплаканный Акерманъ и бросившій въ міръ свои «безсмертныя рыданья», которыя и теперь уже кажутся намъ бѣднымъ выраженіемъ того, что̀ живетъ въ душѣ человѣчества. Теперь нужны другія рыданья, вырванныя чувствомъ болѣе широкимъ, болѣе глубоко захватывающимъ жизнь, нежели скорбь о разбитыхъ надеждахъ и вѣрованіяхъ своего я, и только такія рыданія могутъ вызвать отвѣтъ въ груди немногихъ живыхъ людей нашего времени. Чуткая душа Акерманъ поняла это, и она ищетъ спасенія въ общей любви, въ которой найдетъ себѣ миръ сердце, разбитое личной любовью. Въ стихотвореніи «Лампада Геро» поэтъ говоритъ: «Надъ нами во мракѣ вѣчной бури вздымаются и ревутъ волны, наполняя воздухъ погребальнымъ звукомъ, каждая волна раскрываетъ могилу. И среди опасностей и мрака намъ свѣтитъ одинъ свѣтъ. Поднявъ глаза къ дальнему свѣту, мы, полные надеждъ, разсѣкаемъ волны, и на краю пучины колеблющійся свѣтъ сверху охраняетъ насъ. О, свѣточъ любви во мракѣ глубокой ночи, указывающій намъ путь среди подводныхъ камней, не угасай!»

Этими мотивами исчерпывается содержаніе первой части стихотвореній Акерманъ, озаглавленныхъ Poésies lyriques. Въ ней слышатся порой, еще смутно и слабо, мотивы второй. «Нашъ вѣкъ печаленъ, говоритъ поэтъ въ стихотвореніи «Гименей и любовь»:— онъ предчувствуетъ близкій кризисъ. Не одна святая связь слабѣетъ и рвется. Всѣ въ смятеніи ждутъ бури, которая понесетъ насъ къ неизвѣстной цѣли». Второй отдѣлъ носитъ названіе Poésies philosophiques; въ немъ слышатся два мотива: философскій и политическій, но онъ имѣетъ такое же право на названіе: Poésies lyriques. Лиризмъ ихъ сильнѣе, жизненнѣе. Онъ—потрясающее, мощное выраженіе мукъ души, которая мужественно загасила все, что̀ было ей прежде свѣточемъ во мракѣ жизни, какъ скоро увидѣла, что свѣточъ тотъ—блудящій огонь, и зажгла новый — науки и мысли. Лиризмъ этотъ — выраженіе скорбныхъ думъ поэта надъ судьбами человѣчества, онъ—лиризмъ борьбы за свободу и свѣтъ. Въ этой части мы видимъ уже не поэта-женщину, сильную и страстную, которая оплакиваетъ разбитое счастіе, погибшую любовь. Ни одного звука личной жизни не слышится въ этой поэзіи. Сильная душа отдалась общей жизни. Въ ней она нашла силу жить. Все человѣческое становится ея жизнью, и въ него она внесла ту жгучую скорбь, ту глубокую

всепоглощающую любовь, которою дышатъ первыя стихотворенія. Но несмотря на то, что у поэта не вырывается болѣе ни одной личной жалобы, въ каждомъ стихѣ ея чуется изстрадавшаяся душа. Такъ живутъ общею жизнью только люди, поставившіе крестъ надъ личной, находя силы жить только, не заглядывая въ глубь своего *я*. Такъ, дерево, съ одной стороны опаленное молніей, порой гуще и пышнѣе раскидываетъ вѣтви свои въ другія стороны; но видъ его все-таки навѣваетъ печальныя думы. Умершее личное располагаетъ видѣть и въ общемъ, которому отданы всѣ силы души, скорѣе задатки смерти, чѣмъ жизни. Въ послѣднихъ стихотвореніяхъ Акерманъ мы видимъ мыслителя-поэта, который смѣло смотритъ въ лицо истинѣ, разбившей все, что̀ прежде давало силы нести жизнь, и повторяетъ за Шопенгауэромъ, что жизнь есть страданіе и зло и самое лучшее, чего можно желать человѣчеству—нирвана. Мы видимъ женщину-гражданку, у которой есть одно дорогое святое въ жизни — будить спящихъ, указывать людямъ на зло, которое они терпятъ по слѣпотѣ своей и по жалкому равнодушію. Она вынесла изъ жизни одно сокровище, эту выстраданную книгу, и она завѣщаетъ ее братьямъ, и это—все, что̀ она могла сдѣлать. Женщина умерла, остался человѣкъ, который чутко отзывается на все человѣческое, осталась Касандра, которая, на развалинахъ пылающаго Парижа, бросаетъ проклятіе свое всему, что̀ сгубило его. Лиризмъ этихъ стихотвореній долго еще будетъ находить себѣ отзывъ въ тѣхъ, кто, какъ и поэтъ, мыслилъ о судьбахъ человѣчества и болѣлъ страданіями его. На такой лиризмъ ни у кого не повернется языкъ сказать поэту:

Какое дѣло намъ—страдалъ ты или нѣтъ?
На что̀ намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ
Разсудка злыя сожалѣнья?

II.

Poésies philosophiques—произведеніе кризиса мысли XIX столѣтія. Въ нихъ видно сильное вліяніе Конта, Дарвина, Спенсера и Бюхнера. Акерманъ, несмотря на поэтическое чувство—трезвый мыслитель. Она не увлеклась теософіей, которою Контъ хотѣлъ замѣнить католицизмъ. Лиризмъ ея—крикъ борьбы и не знаетъ примиренія съ отжившимъ, подъ какою бы формою ни являлись призраки его. Поэзія ея чужда легкой насмѣшки Вольтера и олимпійскаго объективизма Гёте. Она не издѣвается и не созерцаетъ. Она съ горячечнымъ порывомъ рветъ цѣпи стараго міросозерцанія и сжигаетъ старыхъ боговъ. По жгучему озлобленію стиха видно, ка̀къ они были дороги ей и ка̀къ глубоко они были срослись съ душою ея. Но иначе и быть не могло при сильной и глубокой натурѣ поэта. Зато въ такихъ натурахъ разрывъ—не

минутное увлеченіе, навѣянное поднявшимся вихремъ и которое уляжется вмѣстѣ съ нимъ. Это—поворотъ на новый путь, по которому такія натуры пойдутъ безъ трусливой оглядки, неся свое слово.

Двѣ поэмы, «Прометей» и «Паскаль»—выраженіе этого кризиса мысли и чувства поэта. Первая—вдохновенная пѣснь проклятій, вторая—поэма, раздѣленная на нѣсколько отдѣловъ, въ которой въ лицѣ Паскаля, олицетворена борьба человѣчества его времени, съ неизвѣстнымъ и примиреніе его съ католицизмомъ, которое ведетъ къ смерти.

Послѣ Гёте и Шелли рисковано браться за вѣчно живой миѳъ Прометея. Разумѣется, не можетъ быть и сравненія между Прометеемъ Гёте и Акерманъ ни по силѣ творчества, ни по художественной правдѣ. Прометей—человѣкъ древняго міра, не знавшаго нашей раздвоенности, люди котораго не приняли вѣковое наслѣдство разъѣдающихъ мукъ. Вотъ почему и въ возмущеніи его противъ Юпитера видна спокойная и гордая сила. «Отецъ, говоритъ онъ посланнику Юпитера, требующему отъ него повиновенія. Зато онъ и имѣлъ повиновеніе моего дѣтства. Онъ охранилъ меня отъ опасностей, которыхъ онъ боялся. Но могъ ли онъ уберечь это сердце отъ тайно жалившихъ его змѣй? закалить эту грудь на борьбу съ титанами? Меня сдѣлало человѣкомъ всемогущее время—мой повелитель и вашъ. Вы можете ли безмѣрное пространство земли и неба зажать въ моей рукѣ, вы можете ли разлучить меня съ самимъ собой; вы можете-ль меня распространить на цѣлый міръ? Рокъ, замѣчаетъ Меркурій.—Ты признаешь власть его и я тоже. Ступай, я не служу вассаламъ», отвѣчаетъ Прометей. Прометей Шелли ближе къ человѣку новаго міра, нежели древняго. Въ немъ слышится нота примиренія, которой не зналъ Прометей Гёте; Прометей Шелли такъ долго страдалъ, что забылъ даже ненависть и жалѣетъ Юпитера, несмотря на торжество его. Всѣ трепещутъ передъ царемъ Олимпа. Юпитеръ не знаетъ жалости къ страданіямъ человѣчества: онъ посылаетъ ихъ, онъ не знаетъ любви. Напрасно Юпитеръ посылаетъ фурій терзать Прометея видомъ самыхъ страшныхъ бѣдствій человѣчества. Прометей отвѣчаетъ фуріи: «Хотя слова твои—рой крылатыхъ ядовитыхъ змѣй, но я жалѣю тѣхъ, кого они не жалятъ».—«Ты жалѣешь», говоритъ фурія и исчезаетъ, она безсильна терзать его болѣе. Прометей Шелли побѣдилъ фурій силой любви; онъ выбралъ страданіе за человѣчество, какъ лучшій удѣлъ — ученіе новаго человѣчества. Въ концѣ поэмы Шелли мы видимъ паденіе Олимпа и новую эпоху другой вѣры въ силу природы — единственное божество, управляющее міромъ; символъ его—наука, и передъ нею падаетъ во прахъ тиранія Олимпа.

Прометей Акерманъ, по мысли, ближе къ лирической драмѣ Шелли; но далеко уступаетъ той по богатству образовъ и плодовитости идеи, за то онъ сильнѣе чувствомъ ненависти, нервной страстностью злобы. Онъ вызываетъ Юпитера: «Поражай меня,

Юпитеръ, дави, уродуй, безсильнаго врага, поверженнаго тобой! Раздавить не значитъ побѣдить, и твои безполезныя молніи угаснутъ въ моей крови. Твои удары падаютъ на горсть земли, твой безумный гнѣвъ приковалъ къ скалѣ только хрупкую плоть. Духъ Прометея избѣгнулъ твоей ярости, и подъ когтями коршуна клочья истерзаннаго сердца трепещутъ непобѣдимой любовью». Прометей хотѣлъ принести людямъ огонь Зевеса, и въ томъ—все преступленіе его. Зевесы любятъ хранить огонь для себя и своего Олимпа, а людямъ оставляютъ холодъ и тьму. «Единственный коршунъ, терзающій меня—горькая мысль о томъ, что ничто не вырветъ у людей зародыша бѣдствій, которые ты посѣялъ въ ихъ плоти и крови, говоритъ Прометей.—Ты могъ все — и ты захотѣлъ страданія». И онъ горько упрекаетъ Юпитера за свои разбитыя надежды и вѣру въ него. Для того ли онъ помогалъ ему побѣждать титановъ, для того ли онъ съ восторгомъ встрѣчалъ царство его, ожидая, что мрачный ужасъ исчезнетъ съ лица земли, что желѣзныя сѣти, которыми рокъ опутываетъ людей, будутъ попраны ногами любящаго властелина земли. «О, мои обманутыя желанія! О, исчезнувшій сонъ! восклицаетъ Прометей. — Я передъ лицомъ бога, который разитъ и ненавидитъ». Но власть царя Олимпа не вѣчна. Прометей завѣщалъ свои проклятія людямъ. Они пробудили сознаніе человѣчества и возстаетъ грозный мститель. Потомки Прометея, рожденные на то, чтобы страдать, свергнутъ Юпитера. Они призовутъ его къ суду и спросятъ: Зачѣмъ ты далъ намъ страданія, зачѣмъ твои прихоти и ненависть? И сознаніе человѣчества не можетъ простить тебя, оно отвергнетъ тебя. Оно не станетъ униженно ползать у алтарей твоихъ. Видя тебя глухимъ къ мольбамъ, оно сочтетъ небо пустымъ. Природа, набросивъ на тебя вѣчное и прекрасное покрывало свое, уже скрыла тебя отъ взглядовъ его. Отнынѣ оно признаетъ въ безграничной вселенной за божество слѣпую и мрачную чету—силу и случай. Покажись тогда Юпитеръ, метай свои молніи, ты не услышись ни мольбы, ни проклятія, и это молчаніе будетъ твоей карой».

Въ этомъ Прометеѣ слышенъ не человѣкъ древняго міра, но человѣкъ новаго. Такой анализъ ощущеній былъ чуждъ людямъ древняго міра, и Прометей оказывается скорѣй аллегоріей борьбы титанической натуры XIX-го вѣка. Если утрачивается настоящая окраска и субъективность поэта сквозитъ слишкомъ ярко надъ греческимъ миѳомъ, зато лиризмъ не утрачиваетъ своей силы. Онъ отвергаетъ Юпитера и съ восторгомъ привѣтствуетъ новую силу, которая свергнетъ его—сознаніе человѣчества. Оно не проститъ властелину Олимпа, который могъ все и захотѣлъ дать страданіе людямъ, и отвергаетъ его.

Въ Паскалѣ тѣ же мотивы, но драма иная и исходъ иной. Проснувшееся сознаніе человѣчества борется само съ собой во имя духа авторитета и губитъ себя въ этой борьбѣ. Паскаль—мыслитель, отступившій передъ ужасомъ неизвѣстнаго и сохра-

нившій свою святыню—янсенизмъ—побѣда, за которую онъ платится нравственною смертью. И борьба, и печальная побѣда вызываютъ у поэта жалобы, полныя горечи и скорби. Паскаль, полный силъ, исчерпавшій все знаніе своего вѣка, шелъ смѣло на борьбу съ неизвѣстнымъ—то былъ таинственный сфинксъ, передъ которымъ останавливается наука. Когда мысль дойдетъ до этого рубежа, то человѣку приходится выбирать одно изъ двухъ: сказать: я не знаю и жить тѣмъ, что̀ онъ знаетъ, или отречься отъ знанія, отъ жизни. Паскаль выбралъ послѣднее. «Паскаль, говоритъ поэтъ:—полный силъ и мужества, шелъ на борьбу со сфинксомъ и въ пламенномъ порывѣ кинулъ ему свой отвѣтъ въ лицо. Онъ побѣжденъ, я разгадалъ его!» Но чудовище упало изъ гнѣзда своего къ ногамъ смѣлаго мыслителя для того, чтобы пожрать его. Завязалась борьба. Сфинксъ нашелъ въ изможденномъ мыслителѣ страшнаго врага. Паскаль, прижимая свою святыню къ груди, съ кликомъ торжества говоритъ міру, что онъ побѣдилъ, что онъ вырвалъ тайну изъ груди сфинкса. Но сфинксъ сохранилъ ее, а Паскаль, истерзанный, уходитъ въ аскетизмъ. Онъ сгараетъ мистической любовью въ объятіяхъ мертвеца, говоритъ поэтъ. Онъ ждалъ отъ него чуда, и надежда не сбылась и разумъ мыслителя померкъ. Вмѣсто атлета-героя мысли, мы видимъ несчастнаго помѣшаннаго. Да̀, лучше было терзаться всю жизнь борьбою со сфинксомъ, чѣмъ гибнуть такъ. Задавивъ мысль, Паскаль задавилъ въ себѣ и всѣ человѣческія чувства. Поэзія любви на мгновеніе освѣтила лучемъ своимъ мрачную келью аскета. Кто была эта женщина, очарованіе которой было такъ сильно, что смущало мистическія созерцанія аскета въ его кельѣ? спрашиваетъ поэтъ. Она прошла въ жизни его, не сорвавъ покрывала съ чела. Паскаль счелъ и этотъ мимолетный сонъ преступленіемъ. Алчный, неумолимый аскетизмъ отнялъ у мыслителя все, чѣмъ дорога жизнь; послѣ любви, онъ отнялъ геній. Жертва была полная. Вмѣсто человѣка и мыслителя остался мертвецъ. Послѣдняя глава поэмы озаглавлена «Послѣднее слово». Оно—приговоръ поэта XIX вѣка всему, что̀ сгубило Паскаля. Если надо выбирать, говоритъ поэтъ:—то мы лучше выберемъ наше отчаяніе, наши сомнѣнія, наши муки, чѣмъ твое спокойствіе и примиреніе. Мы не хотимъ походить на рабовъ гладіаторовъ, которые, истерзанные искали глазами цезаря на тронѣ, чтобы сказать ему: умирающій привѣтствуетъ тебя, цезарь. И если человѣчеству нѣтъ другого выбора, то пусть лучше погибнетъ оно. О какая страшная радость, послѣ всѣхъ мукъ, бросить, наконецъ, среди общей гибели крикъ освобожденія: Нѣтъ болѣе людей подъ небомъ, мы—послѣдніе!»

Этимъ воплемъ заканчивается поэма. Если жизнь такъ ужасна, если нѣтъ другого выбора: задавить въ себѣ человѣка, какъ Паскаль, или жить подъ гнетомъ сомнѣній и муки, то лучше умереть. И сама любовь къ людямъ вырветъ этотъ дикій крикъ: «Нѣтъ болѣе людей, мы—послѣдніе!»

Наболѣвшему чувству поэта трудно примириться съ неумолимыми законами, которые признала его мысль. Человѣкъ—атомъ, затерянный во вселенной. Его страданія, мысль, подвиги—все, созданное имъ, исчезнетъ вмѣстѣ съ землею, и неумолимая природа, стеревъ нашъ міръ какъ песчинку, начнетъ лѣпить другіе міры. Поэтъ вышелъ изъ борьбы Паскаля бѣднѣе и мрачнѣе. Пусть прежнее было сномъ, но теперь у него нѣтъ и этого. И онъ говоритъ: «За рубежемъ человѣческой науки открывается пустота, которую мы населяли призраками. Мы изгоняемъ ихъ и закрываемъ неизвѣстное. Но побѣдитель дорого заплатитъ за побѣду. Онъ смущенъ. Изгнавъ призраковъ, онъ сталъ бѣднѣе. Онъ остался безъ надежды, безъ пріюта, безъ опоры, и желаніе его упорно бродитъ вокругъ запретной пропасти». И эта мучительная ступень пройдена поэтомъ. Не нужно забывать, что поэтъ—женщина, что преданія глубже въѣлись въ плоть и кровь ея, что у нея нѣтъ внѣшней жизни, которая отвлекала бы силы ея отъ внутренняго міра. Она вышла побѣдительницей изъ борьбы. Она, оставивъ міръ мистицизма, останавливается въ глубокой думѣ надъ судьбами человѣчества и идеаломъ жизни. Эти думы составляютъ содержаніе двухъ пьесъ, проникнутыхъ страстной и мрачной поэзіей: «Слово природы человѣку» и «Слово человѣка природѣ».

Въ первомъ отчасти видны слѣды мечтаній Фурье и новой, болѣе совершенной породы людей. Несмотря на отреченіе поэта отъ «пропасти неизвѣстнаго», мысль возвращается къ нему, и поэтическая фантазія, одухотворяя природу, вкладываетъ въ уста ея слѣдующее воззваніе къ человѣку: «Неужели ты будешь послѣднимъ предѣломъ моего творчества? Неужели атомъ человѣческій можетъ остановить стремленіе мое? Неужели всѣ мои усилія могли создать только это воплощеніе всѣхъ бѣдствій. Нѣтъ, ты не можешь быть ни моею цѣлью, ни предѣломъ моей силы! Создавъ тебя, я думаю уже уничтожить тебя. Не для того вышла я изъ вѣчнаго хаоса, чтобы успокоиться на ничтожествѣ твоемъ. Я безъ устали и роздыха наполняю вселенную безпредѣльными твореніями моими. Я тысячами путей устремляюсь къ неизвѣстной цѣли—моей надеждѣ и мечтѣ. Вѣчное движеніе есть порывъ къ священному идеалу. Я вижу его и въ восходящей лѣствицѣ превращеній моихъ, преслѣдую его, хочу уловить его. Я требую его у неба, волнъ, воздуха, у темныхъ стихій, у сіяющихъ свѣтилъ. И если онъ убѣгаетъ отъ меня, то я возьму его изъ рукъ времени. Я слишкомъ долго была мачихой, я устала погребать, я устала разрушать. Я—мать, боготворящая ребенка, который не родился еще. Онъ покоритъ силу, онъ подчинитъ себѣ законы. Источники жизни, открытые, наконецъ, прольютъ свои священныя волны. Онъ гордымъ порывомъ вырвется изъ рукъ твоихъ, о матерія! Рука его порветъ желѣзныя кольца твои, неумолимая необходимость! И я увижу въ сіяніи свѣта свободное и всемогущее существо».

Мистицизмъ, отъ котораго отрекся авторъ, безсознательно для него сквозитъ подъ другою формою въ этихъ строкахъ. Поэтъ не можетъ примириться съ человѣчествомъ, какъ оно есть, но, вмѣсто того, чтобы искать примиренія въ томъ, въ чемъ возможно найти его, муза его заставляетъ природу говорить человѣку: «Ты—несовершенный набросокъ того творенія, о которомъ я мечтала. Ка̀къ ни страдаетъ и ка̀къ ни негодуетъ гордость твоя, въ творческихъ рукахъ моихъ ты будешь только глиной, которую я снова буду лѣпить». Фантазія поэта, отвернувшись отъ дѣйствительности, хочетъ успокоиться на образѣ другого свободнаго и всемогущаго существа, которое можетъ явиться въ свой чередъ, когда исчезнетъ память о бѣдномъ человѣчествѣ. Мечты объ эдемѣ слишкомъ глубоко въѣлись въ плоть и кровь женщины-поэта; только теперь она видитъ его не въ далекомъ прошломъ, а въ далекомъ будущемъ. Но мысль зрѣетъ, она сосредочивается, наконецъ, на этой землѣ, на человѣчествѣ. Человѣкъ отвѣчаетъ природѣ: «Ты приносишь меня въ жертву невозможному; я умру, а онъ, тотъ сынъ, о которомъ ты мечтала, не родится». Природа сознаётъ себя только въ человѣкѣ. Эти стремленія къ идеалу, которыя въ поэтической и наболѣвшей фантазіи его принимали неестественную форму, живутъ только въ сознаніи человѣка. И онъ говоритъ природѣ. «Тотъ, о комъ ты мечтаешь, твоя надежда и химера, неужели долженъ существовать только потому, что ты мечтала о немъ? Ты мечтаешь, что зачала его уже, ты хочешь быть матерью. За дѣло! Создавай. Обрати въ дѣйствительность твои великія ожиданія, но, несмотря на стремленія твои, между мыслью твоею и нѣдрами—цѣлая пропасть. *Онъ* не родится, а я, твой сынъ, полный жизни, я вышелъ изъ дали вѣковъ. Я ношу въ сердцѣ, я ношу на челѣ печать великихъ судебъ. Передо мною открывается великая будущность. Прогрессъ зоветъ меня идти впередъ. И я готовъ идти. Я одинъ нахожу тебя прекрасной. Я счелъ сокровища твои, я призналъ твою силу, и разумъ мой, о, вѣчная природа! былъ зеркаломъ твоимъ.» И человѣкъ, чувствуя себя скованнымъ силами природы, оставшись одинъ лицомъ къ лицу съ неумолимыми законами ея, можетъ только проклинать ее. Всѣ стремленія его, усилія мысли, всѣ подвиги, все великое и прекрасное, что̀ жило въ немъ—все будетъ поглощено смертью. «Будь проклята за то, мачиха, въ необъятныхъ созданіяхъ твоихъ, да проклята въ творческой силѣ твоей и въ стихіяхъ твоихъ; пусть силы твои истощатся и неподвижный мракъ погаситъ всѣ свѣтила мрачнымъ покрываломъ за то, что изъ величественной и безпредѣльной вселенной ты смогла сдѣлать одну могилу!»

Этотъ мрачный взглядъ на природу проникаетъ всѣ поэмы Акерманъ, за исключеніемъ небольшаго стихотворенія «Облако» и нѣкоторыхъ отрывковъ въ первой части. Только оторвавшись отъ думъ о судьбѣ человѣчества, поэтъ находитъ нѣсколько ми-

нутъ спокойствія въ созерцаніи природы, и умиротворяющее вліяніе ея проникаетъ каждый стихъ «Облака». Эпиграфомъ къ нему поставленъ стихъ изъ «Облака» Шелли. «Я измѣняюсь, но не могу умереть». Въ этой небольшой поэмѣ въ превращеніяхъ облака олицетворенъ круговоротъ силъ природы. Свѣтлое, прозрачное облако несется по лазури, отражая въ себѣ всѣ улыбки дня. То солнце золотитъ его, то ураганъ несетъ его, сгущая. Оно копитъ въ себѣ и страшныя грозы, и благодатный дождь, оплодотворяющій поля. Оно, пролившись потоками, льется въ нѣдра океана и снова поднимается изъ него, привлеченное лучами солнца. И въ этомъ вѣчномъ круговоротѣ оно говоритъ о вѣчной творческой силѣ природы.

Но минуты такого свѣтлаго міросозерцанія рѣдки. Женщина-поэтъ живетъ въ такую эпоху, когда въ такомъ созерцаніи могутъ забываться только люди, которымъ чуждо все живое. Дѣйствительность, среди которой жила Акерманъ была такъ ужасна: въ душѣ ея живутъ идеалы человѣческаго достоинства свободы, братства, любви. Она зоветъ ихъ всѣми силами страстной души, а вокругъ видитъ развратъ и продажность второй имперіи, всѣ ужасы братоубійственной войны и, наконецъ, гибель самыхъ дорогихъ и завѣтныхъ надеждъ. И женщина-поэтъ клянетъ бичъ человѣчества—войну, она плачетъ кровавыми слезами надъ жертвами ея. «Война, насытивъ глаза раздирающими душу слезами, а уши страшными стонами, когда умирающій народъ сходитъ въ могилу, война, торжествуя, кричитъ смерти: ты хорошо косила! Дà, хорошо. Лучшіе, сильные пали первыми, и человѣчество съ скорбью смотритъ на срѣзанные напрасно колосья. Они могли бы созрѣть для другой жатвы». Но жалоба эта вырывается не изъ слабой женской души, неспособной видѣть страданіе. Для нея мучительнѣе всего, что жертвы эти пали даромъ, что всѣ муки, вся кровь напрасны. Она примирится съ бѣдствіями войны, она будетъ мужественно смотрѣть на льющуюся кровь, если все это окупится торжествомъ идеи. И, однако, война унесла у нея дорогое существо, памяти котораго посвящено это стихотвореніе. Но личная скорбь не закроетъ отъ нея великихъ цѣлей. «Не мнѣ, строгому мыслителю и пѣвцу, отрицать все величіе добровольной смерти, говоритъ поэтъ». Идти на нее—святое дѣло. Философы, ученые, апостолы и воины идеала найдутъ за что̀ умереть, кромѣ лавровъ войны. Но грубому мечу, уродующему и разящему, но разрушительнымъ подвигамъ и безплодной смерти я всегда скажу: нѣтъ. И васъ, которые живете для искуства, науки, всякой цѣли, вы, переполненные любовью, вы—цвѣтъ жизни—васъ обращаютъ въ пушечное мясо. Свобода, право, справедливость поставлены на ставку картечи, и за лоскутъ земли, за рядъ стѣнъ—убитъ народъ. Несмотря на лавры твои, не ослѣпленная побѣдой, я буду преслѣдовать тебя, война, хотя ослѣпленная исторія можетъ простить и освятить тебя. Война, ты—убійца, которому ды-

мится өиміамъ, и я, подавленная безсиліемъ своимъ, буду всегда проклинать и ненавидѣть тобя».

Идея, которою жила Акерманъ, понесла пораженіе. Настало время позорныхъ сдѣлокъ, измѣнъ. Она осталась вѣрна идеѣ, но ею овладѣло мучительное раздумье, въ которомъ сказался слѣдъ прежняго мистицизма. Теперь она живетъ для иного живаго идеала; но вѣка, смѣняя вѣка, ставятъ новыя колыбели на груды могилъ, а идеалъ ускользаетъ отъ насъ, у идеала, терзающаго насъ, впереди безконечное, куда онъ уходитъ. И среди окружающаго мрака, нося въ сердцѣ весь ядъ разбитыхъ надеждъ, поэтъ повторяетъ предсмертныя слова Гёте: Свѣта, больше свѣта! Онъ въ выстраданныхъ, потрясающихъ стихахъ зоветъ свѣтъ. Пускай свѣтъ ускользаетъ отъ него, но ничто не вырветъ вошедшую въ плоть и кровь его жажду свѣта. Божественный сонъ будетъ преслѣдовать и томить его. «Не говорите человѣчеству, чтобы оно отреклось отъ своей муки. Свѣта! Свѣта! Пусть это слово выражаетъ безнадежное желаніе, которое ростетъ. Пусть этотъ крикъ, повторяясь, становится все мучительнѣе. Но когда онъ, какъ торжественное прощанье, замретъ на устахъ человѣчества, то самое солнце скроется въ ужасѣ мрака».

Жизнь есть стремленіе къ идеалу, говоритъ поэтъ, и въ тоже время даетъ разъѣдать себя мысли о томъ, что идеалъ не вѣченъ; что истина, которую одно поколѣніе ищетъ въ тяжелыхъ мукахъ, для которой приноситъ столько жертвъ, станетъ ложью для грядущихъ поколѣній. Въ поэта до того въѣлось стремленіе къ безконечному и необъятному, что, несмотря на всю мучительную работу мысли, несмотря на переходъ къ другому трезвому міросозерцанію, онъ не можетъ примириться съ сознаніемъ, что человѣкъ—единица въ человѣчествѣ и скованъ пространствомъ и временемъ. Мысль признала неумолимый фактъ, но чувство болѣзненно возмущается противъ него. Оно хочетъ, чтобы идеалъ, для котораго поэтъ живетъ, былъ вѣченъ. Къ чему жить, когда то, что истинно сегодня, станетъ преданіемъ черезъ вѣкъ другой. Это чувство отнимаетъ у поэта силы и онъ въ глубокомъ уныніи зоветъ смерть. Акерманъ сознавала искренно и честно долгъ гражданки и миссію поэта нашего времени. Въ глубоко прочувствованномъ стихотвореніи «Моя книга» говоритъ: «Я дамъ вамъ, вмѣсто мелодическихъ пѣсенъ, крики возмущенія и грозныя пѣсни. Но если вы поблѣднѣете услышавъ меня? Если, пораженные моимъ гнѣвомъ, вы проклянете сильный и рѣзкій голосъ, заставившій васъ вздрогнуть? Но я не хочу наносить страданіе, и если звукъ отчаянія подавляетъ другіе, то я вырвала этотъ звукъ не ради наслажденія проклинать. Свобода встаетъ на борьбу съ вѣковыми заблужденіями, истина борется, прокладывая себѣ путь, а я буду обречена не принимать участія въ великой драмѣ. Неужели сердце, которое бьется въ этой груди—не человѣческое сердце, потому что оно—сердце женщины.

И въ чемъ моя вина, если въ эти горячечные дни пламенные вопросы срываются съ устъ моихъ, если весь трепетъ вѣка пробѣгаетъ по жиламъ моимъ?» Такіе звуки—не заученныя тирады гражданской скорби, это—слово глубокаго убѣжденія; въ немъ чуется жизнь, проникнутая имъ. У женщины-поэта было одно средство служить ему—ея книга, и эта книга—единственное сокровище ея, она—ея связь съ идеей, связь съ страдающимъ человѣчествомъ. Она, погибая, хочетъ, чтобы эта книга была спасена. Но этою книгою исчерпаны всѣ силы поэта. Идея, вдохновлявшая поэта, была поражена. Надломленныя силы не выносятъ долѣе. Вѣра въ жизнь подорвана. И надъ дымящимися развалинами Парижа раздаются вопли Кассандры, пророчащей общую гибель. Послѣднимъ звукомъ поэзіи ея было стихотвореніе «Крикъ», которымъ заканчивается книга; оно помѣчено мартомъ 1871 г. Наболѣвшая, мрачная фантазія поэта создаетъ картину бурнаго моря, по волнамъ котораго носится корабль безъ мачтъ и безъ руля. «Черны небеса и черны волны, гибель неизбѣжна. Этотъ гибнущій корабль—человѣчество, и мы гибнемъ съ нимъ. Неумолимый рокъ несетъ его на скалы». «А я, которую судьба, не спросясь желанія моего, послала на этомъ кораблѣ выносить бури, говоритъ поэтъ:—я не хочу безмолвно и покорно погибнуть. Если блѣдные спутники мои, отупѣвшіе отъ ужаса, молчатъ, то пусть голосъ мой броситъ въ міръ всѣ накопившіяся проклятія. Я собрала въ сердцѣ моемъ отчаяніе всѣхъ сердецъ. Да, крикъ агоніи—священный крикъ. Онъ—обвиненіе, онъ—протестъ въ минуту смерти. И я бросила міру этотъ крикъ отчаянія и безконечнаго ужаса, я могу погибнуть».

Да, послѣ такого крика не остается ничего, кромѣ смерти. Отъ такого крика, говоря словами поэта, по жиламъ пробѣгаетъ весь трепетъ вѣка и въ душѣ встаетъ страшный вопросъ: неужели человѣчество обречено на одно страданіе, на сжигающее жизнь стремленіе къ недостижимому идеалу, и, если такъ, то самая любовь къ нему должна призывать разрушеніе, какъ призывалъ его поэтъ? Если такъ, то нирвана Шопенгауера—единственный исходъ. Но неужели нѣтъ другого?

III.

Исходъ есть, и на него указываетъ другая женщина-поэтъ—Джорджъ Элліотъ. Она извѣстна русской публикѣ своими романами, «Мельницей на Флоссѣ», «Феликсомъ Гольтомъ», «Миддльмарчемъ. Въ прошедшемъ году вышелъ томъ стихотвореній ея, который служитъ отвѣтомъ на мрачную поэзію Акерманъ. Джорджъ Элліотъ—дочь своего времени, какъ и Акерманъ. Она тоже разорвала съ прошедшимъ, она выступила на новый путь и личной жизнью своей бросила перчатку фарисейскому духу Англіи. Она отстояла себѣ личную свободу и перомъ своимъ служитъ

идеямъ демократизма—служеніе, которое англійское общественное мнѣніе встрѣчаетъ несравненно враждебнѣе, нежели французское. Джорджъ Элліотъ пережила душевный кризисъ, который подорвалъ силы Акерманъ. Въ натурѣ ея нѣтъ той порывистой страстности, какъ въ Акерманъ; за то въ ней болѣе спокойной, непоколебимой и свѣтлой силы; та же ширь пониманія жизни, согрѣтая глубокимъ теплымъ чувствомъ, но въ пониманіи этомъ болѣе трезвости. Въ поэзіи ея слышится вліяніе тѣхъ же мыслителей, которые разбили старыхъ боговъ Акерманъ, но она взяла въ нихъ то, что̀ даетъ силы жить. Всѣ поэмы ея и стихотворенія проникнуты ученіемъ альтруизма Конта. Она спасаетъ ее отъ нирваны, которую зоветъ Акерманъ. Она постоянно указываетъ поэту на жизнь людскую съ ея рѣдкими проблесками счастія среди мрака бѣдствій и горя. Эта жизнь — то сѣренькая и тихая жизнь простыхъ смертныхъ, то самоотверженное служеніе человѣчеству, которое изъ крошечной искорки, теплящейся въ душѣ малыхъ, разгорается въ свѣтлое пламя въ душахъ немногихъ избранныхъ, которые проходили усѣянный терніями путь Голгоѳы. Поэту, въ сердцѣ котораго немолчно бьется пульсъ этой жизни, передъ глазами котораго она стоитъ неотступно, не до разъѣдающихъ думъ о томъ, что «все въ вѣчности жерломъ пожрется и не минетъ своей судьбы», о томъ, что истина, которою онъ живетъ, не будетъ истиной въ грядущихъ вѣкахъ. Это для Джорджа Элліота—пережитый фазисъ, überwundener Standpunkt, какъ говорятъ нѣмцы, признанный законъ жизни, противъ котораго такъ же нелѣпо возмущаться, какъ противъ чередующейся смѣны временъ года. Поэтъ съ свѣтлымъ спокойствіемъ говоритъ о томъ времени, когда «время смежитъ свои вѣки, и міръ человѣческій свернется, какъ свитокъ, который затѣмъ останется непрочтеннымъ во вѣки». Пусть жерло вѣчности пожираетъ все, чѣмъ жило человѣчество—мысль, подвиги, радости его, но все это было. Пусть истина нашего времени не будетъ истиной въ грядущихъ вѣкахъ, но она была переходной ступенью къ другой, и, служа ей, мы сдѣлали свое дѣло. Въ каждой истинѣ есть неумирающій ростокъ, онъ, разростаясь все шире и могучѣе, будетъ жить и до той минуты, когда «время сложитъ свои вѣки». Этотъ ростокъ, завѣщанный древнимъ міромъ новому, который создавалъ героевъ Греціи и Рима, создавалъ и всѣхъ шедшихъ путемъ Голгоѳы, и есть контовскій альтруизмъ, ученіе братства и человѣчности.

Джорджъ Элліотъ въ нѣсколькихъ поэмахъ создаетъ образы людей, жившихъ этимъ ученіемъ. Она видитъ живительную искру его, согрѣвающую бѣдную темную жизнь тѣхъ, кого свысока зовутъ меньшей братіей. Агата, бѣдная сирота, всю жизнь свою отдала своей деревнѣ. Она ходитъ за больными, няньчаетъ дѣтей; она помогаетъ во всѣхъ бѣдахъ и трудами выростила двухъ родственницъ, которыя живутъ ея же жизнью. Вся деревня зоветъ ее святою, и, когда она умерла, то почувствовали, что

не стало благодѣтельной силы, и память о ней вдохновила деревенскаго поэта сложить пѣсню о престарѣлой дѣвѣ — матери. Агата—типъ женщины народа и міра темныхъ преданій. Поэтъ относится къ этому міру безъ злобы, безъ проклятій Акерманъ, которыя говорятъ о свѣжести разрыва, о боли его, а съ тонкимъ юморомъ взрослаго, пережившаго пору дѣтскихъ сновъ. Не сны эти дали Агатѣ силу жить, а миссія ея. Для нея то не было даже миссіей, взятой на себя ради принципа, то было потребностью сердца ея, самой жизнью.

Въ небольшой драмѣ «Армгарда» та же идея даетъ силу жить геніальной пѣвицѣ, когда для нея закрылось то, что̀ было жизнью ея—сцена. Армгарда—сильная честолюбивая натура: ей нужно упоеніе успѣха, рукоплеканія; ей нужно видѣть толпу, надъ которою она можетъ хоть на мигъ властвовать чарами своего голоса, давать ей упоеніе. Армгарда не хочетъ въ жизни быть второй. Она можетъ торжествовать или пасть, «только во имя перваго приза». Она часто спрашиваетъ себя, чѣмъ бы была жизнь ея, еслибы природа не дала ей голоса. Силы ея, не находя исхода, превратили бы ее въ Менаду. «Она схватила бы пылающую головню и зажгла бы лѣсъ, чтобы ярость ея въ трескѣ пламени была видна и слышна половинѣ страны. Несчастная, говоритъ она объ убійцѣ, міръ былъ жестокъ, и она не могла пѣть. Вся месть моя въ моемъ голосѣ я люблю, когда пою, и любима». Армгарда любима и любитъ, но любимый человѣкъ требуетъ отъ нея отреченія отъ искуства. Искуство—ея святыня. Она не хочетъ быть женой человѣка, способнаго требовать такого отреченія. Она будетъ жить одна и изливать и скорбь, и страсть свою въ вдохновенныхъ звукахъ. Армгарда теряетъ голосъ отъ болѣзни. Жизнь ея разбита. Друзья ея надѣются, что любовь спасетъ ее; но графъ, предлагавшій ей руку съ условіемъ отказа отъ сцены, не думаетъ жениться на освистанной пѣвицѣ; его самолюбію льстила мысль, что знаменитость откажется для него отъ сценической славы. Армгарда близка къ самоубійству. Что̀ ждетъ ее—участь обыденной женщины, давать уроки, писать дюжинныя статейки или за солидныя качества получить предложеніе руки отъ какого-нибудь вдовца? — «Я не могу жить тихою жизнью», говоритъ она кузинѣ Вальпургѣ.—«Почему же нѣтъ? холодно спрашиваетъ Вальпурга. Армгарда отвѣчаетъ: — «Потому что небо создало меня царицей, всѣ силы души моей устремило къ высокой цѣли. У меня осталось еще одно право — возмущенія. И я не отдамъ его. Я не протяну жизнь въ вяломъ прозябаніи, не позволю жизни опошлить и измельчать меня, не буду носить маску спокойствія, прикрывающую все несчастіе женщины». Вальпурга—кроткое, любящее существо, отдавшее жизнь свою Армгардѣ. Она съ благоговѣніемъ служитъ ей, какъ помазанницѣ, которая даетъ страдающимъ минуты забвенія. Вальпурга въ негодованіи отвѣчаетъ:—«Да̀, эту маску вы, избранницы, рожденныя для легкихъ радостей,

считали естественнымъ выраженіемъ. Никакое откровеніе не показало вамъ печали, которая скрывается подъ ней. Когда я годами жила твоею жизнью, ты думала, что это—маска терпѣнія. А почему же не любви, которая нашла себѣ исходъ въ другой жизни? Да мы, которыя понимаемъ радость только по лишеніямъ, для которыхъ страсть—мука, пока мы покорно не примемъ наслѣдіе всѣхъ обдѣленныхъ на землѣ и не будемъ жить скромной долей радостей общей жизни. Я здѣсь—символъ правъ милліоновъ. Ты никогда не думала о нихъ. Ты не видѣла ихъ съ высоты торжественной колесницы твоей. Почему же тебѣ одной принадлежитъ право возмущенія? Гордое возмущеніе поднимаетъ общую ношу. Бросить свою ношу и бѣжать — не возмущеніе». —«Я была ослѣплена», говоритъ Армгарда и покорно беретъ свою долю въ общей ношѣ. «Мы должны хоронить наши умершія радости и жить надъ могилами ихъ вмѣстѣ съ міромъ» — вотъ идея поэмы.

Идеалъ жизни, который даетъ поэтъ, труденъ для людей, жившихъ исключительно своимъ я. Но другого нѣтъ ни для счастливыхъ, ни для обездолѐнныхъ. Если первые не захотятъ знать его, ихъ ждетъ скука пресыщенія, они безъ опоры въ жизни; если вторые—то для нихъ остается смерть, а не хватитъ порыва на нее, то ноющее прозябанье. Идеалъ этотъ — брать свою долю изъ общей ноши, въ блескѣ-ли торжества Армгарды, чтобы не заслужить горькаго упрека, брошеннаго ей, или съ печальнымъ спокойствіемъ Вальпурги, когда глаза горятъ отъ невыплаканныхъ слезъ. За этотъ идеалъ рецензентъ «Вѣстника Европы» обвинилъ Джорджа Элліота въ непониманіи страсти, холодности и въ томъ, что поэзія ея есть поэзія самоотреченія и отъ нея вѣетъ могильнымъ склепомъ. Упрекъ былъ бы вѣренъ, еслибы она проповѣдывала самоумерщвленіе и аскетизмъ. Могильнымъ склепомъ вѣетъ отъ той поэзіи, которая не указываетъ другого исхода, кромѣ смерти. Въ Джорджѣ Элліотѣ, напротивъ, видно глубокое, теплое чувство любви. Она хочетъ жизни, свѣта. Она проповѣдуетъ не безсмысленное самоотреченіе одной личности ради другой, при которомъ сумма счастія не увеличится ни на волосъ, но дѣятельную, полную смысла любовь, корень которой въ общей жизни. Агата—благодѣтельный геній цѣлой деревни, сама Армгарда находитъ счастіе въ этой миссіи. Вальпурга, служа Армгардѣ, бережетъ силы той, которая даетъ человѣчеству минуты забвенія отъ гнета жизни, свѣтлаго упоенія. Джорджъ Элліотъ понимаетъ и порывы страсти, и свѣтлую радость, и муки отчаянія. Но личное чувство у нея смолкаетъ передъ общимъ. Наконецъ, въ поэмахъ ея виденъ болѣе художникъ, нежели лирикъ. Личность поэта скрывается за создаваемыми имъ образами, а чистый лиризмъ, въ которомъ прямо высказывается личность поэта, всегда производитъ болѣе сильное впечатлѣніе. Вотъ почему поэзія ея, кажется, при первомъ впечатлѣніи, холоднѣе поэзіи Акерманъ.

Поэзія Джорджа Элліота отличается самостоятельностью; на ней не видно слѣдовъ вліянія кого бы то ни было изъ великихъ англійскихъ поэтовъ—ни отрицанія Байрона, ни пламенныхъ грезъ о новыхъ временахъ Шелли. Она широкимъ пониманіемъ обнимаетъ и прошлое, и будущее, отыскивая и въ прошломъ, и въ будущемъ силы для жизни. Она не отрицаетъ и не проклинаетъ. Отжившее для нея отжило. Она оставляетъ мертвымъ хоронить мертвецовъ. Она не чертитъ и плана иныхъ временъ. Она не хочетъ тѣшиться утопіями, въ которыхъ слабые, не вынеся страданій, ищутъ примиренія. Она видитъ примиреніе только въ живой дѣйствительности. Она—глубоко реальный поэтъ. Сердце ея тепло бьется только при видѣ живой жизни; и, какою бы глубокою скорбью ни забилось оно, она не закроетъ глазъ на эту жизнь, чтобы вызвать призраки иного совершеннаго существа, которые вызвала Акерманъ. Въ небольшой поэмѣ «Младшій пророкъ» она съ меткимъ юморомъ осмѣиваетъ мечты о золотомъ вѣкѣ, которымъ тѣшатъ себя разныя религіозныя секты англичанъ. Младшій пророкъ этотъ—вегетаріанецъ и духовидецъ Эліасъ Буттеруортъ, предки котораго, при Кромвелѣ, вѣрили въ пятилѣтній срокъ пришествія Христа. Но когда, вмѣсто Христа, явился Карлъ II, они назначили другой срокъ и отправились въ новый свѣтъ — въ Америку. То была, говоритъ поэтъ, пылкая раса, которая съ великодушными надеждами слѣдила за судьбами человѣчества, не смущалась повышеніемъ цѣнъ на кожи и паденіемъ золота, не прислушивалась къ голосу времени, какъ хозяйка къ клохтанью куръ, спрашивая себя—не снесли ли онѣ яйца въ ихъ гнѣзда». Эліасъ—современный пророкъ, у него своя психофизическая доктрина; онъ вѣритъ, что стуки спиритовъ—дѣло не духовъ, но мысли атмосферы, паровъ мозга ея, движеніе которыхъ выражается стукомъ; онъ подкрѣпляетъ свою теорію ссылками на элевзинскія таинства и веды. Онъ открылъ средство спасти міръ—вегетаріанство и пророчествуетъ о томъ времени, когда Сахара будетъ плодоносной, населенной и цивилизованной страной и все въ жизни будетъ гармоніей и совершенствомъ. «Никакія слезы не могутъ быть печальнѣе улыбки, съ какою я слушаю Эліаса, говоритъ поэтъ.—Я горько чувствую, что каждая перемѣна на землѣ покупается жертвой». И поэту глубоко жаль жизни, отъ которой отворачиваются фанатики въ родѣ Эліаса, для своихъ безплодныхъ мечтаній. «У очага моего есть священный уголокъ, говоритъ поэтъ, для гномовъ, которые работали въ былыя времена для бѣднаго измученнаго человѣка. Я съ благоговѣніемъ смотрю на безобразныя формы — наслѣдіе трудящихся поколѣній, которыя всю жизнь гнулись подъ конторкой или плугомъ, или станкомъ, или въ рудникахъ. Я вѣрю, что міръ долженъ рости, какъ выросъ онъ изъ хаоса и ночи; я вѣрю, что душа его не высохнетъ никогда до того, что въ ней не будетъ мѣста надеждѣ на то, что свѣтъ, наконецъ, прогонитъ мракъ. Не даромъ же столько вѣковъ въ ней носи-

лось видѣніе о будущемъ времени, когда свѣтлый ангелъ копьемъ повергнетъ демона!» И эта вѣра дорога поэту, но онъ не можетъ жить только ею, онъ приникаетъ всѣмъ сердцемъ къ бѣдной темной жизни, которая должна исчезнуть. И поэтъ сравниваетъ себя съ скромнымъ гражданиномъ, который въ толпѣ ждетъ торжественнаго входа героя въ городъ. Онъ привѣтствуетъ героя кликомъ, въ которомъ слышится рыданіе радости; онъ счастливъ тѣмъ, что въ мірѣ есть великіе люди и великія дѣла. Онъ съ радостью несетъ и свою лепту, заработанную тяжкимъ трудомъ, потому что подвиги героя приближаютъ то время, когда каждый гражданинъ будетъ носить платье не въ лохмотьяхъ. Но онъ чувствуетъ себя вполнѣ братомъ только такому же работнику, какъ самъ, и, отдавъ дань благоговѣнія великому, онъ съ радостью подумаетъ о томъ, «что у него въ карманѣ есть булка для свѣтлоглазаго мальчугана, который становится уже слишкомъ тяжелъ для молодой матери».

Юмористическая поэма оканчивается глубокимъ паѳосомъ. «Жизнь не можетъ дать ничего божественнѣе пророка, который видитъ пути высшей красоты и порядка и создаетъ прекрасный идеалъ, чтобы заставить насъ покраснѣть за наше низкое довольство. Но пророчество есть звукъ положенный на музыку, который можетъ быть прекраснымъ, только исходя изъ огненной души; оно становится нестерпимымъ трескомъ въ треснутыхъ свирѣляхъ и рѣжетъ всѣмъ уши». Надтреснутая свирѣль Эліаса осмѣяна. Поэтъ, въ образѣ Эліаса, предвидящаго блаженный милленіумъ въ какой бы то ни было формѣ, который долженъ снизойти на землю, безъ всякаго участія со стороны вѣрующихъ, осмѣиваетъ оптимизмъ—этотъ дешевенькій способъ успокоивать свою совѣсть, когда зло и неправда жизни слишкомъ больно затронутъ ее. Эліасъ, поживая въ свое удовольствіе, пріумножаетъ его мечтаніями о томъ времени, когда Сахара будетъ населеннымъ оазисомъ. Эта маниловщина радикальныхъ сектъ въ Англіи на языкѣ образованныхъ классовъ, стоящихъ выше предразсудковъ невѣжественной толпы, называется ученіемъ объ эволюціи, въ силу котораго все идетъ къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ. Она безпощадно осуждена поэтомъ.

Джорджъ Элліотъ не признаетъ никакой силы, которая могла бы обратить міръ этотъ въ наилучшій изъ міровъ—помимо насъ самихъ. Она вѣритъ свято въ совершенствованіе человѣчества, все прошлое его скрѣпляетъ эту вѣру; но она говоритъ: вѣра сильна, когда мы сильны, она слабѣетъ, когда мы слабы. Главная сила въ личности. «Гармонія, справедливость, любовь означаютъ совершенствованіе человѣка: такъ, разные элементы, слагаются, чтобы округлить каплю росы». Все это придетъ, и все, что̀ поднимаетъ личность, приближаетъ этотъ день: «радостный трепетъ сердца и слезы, вызванныя высокимъ подвигомъ или произведеніями великихъ творцовъ, героическая любовь, безкорыстно радующаяся радости, которая не ей дана, со-

знаніе того добра, которое живетъ въ насъ, заставляющее насъ преклоняться передъ учителями нашими; даже ошибки наши — пророчество намъ, даже стремленія наши и горькія слезы о той истинѣ и томъ добрѣ, которыхъ мы не можемъ достичь: такъ, патріоты, о которыхъ говорятъ, что они умерли даромъ, мѝками и смертью своею освящаютъ свободу». Сравните этотъ отрывокъ съ плачемъ Акерманъ о томъ, что человѣчество обречено на вѣчную погоню за идеаломъ, который вѣчно будетъ ускользать отъ него, на вѣчную пытку Тантала, вслѣдъ за которой его ждетъ одно разрушеніе. Джорджъ Элліотъ говоритъ: что̀-жь въ томъ, что идеалъ недостижимъ вполнѣ? стремленіе къ нему есть благо; оно поднимаетъ человѣка, и муками его куплено и то, что̀ сдѣлало человѣчество, купится и то, что̀ предстоитъ ему совершить. Ничто не пропадаетъ безслѣдно. Все честное, святое, что̀ живетъ въ душѣ человѣка, жило не даромъ. Оно скажется, смотря по степени силы и даровитости личности, въ бо̀льшемъ или меньшемъ кругу; оно медленно, но неуклонно подготовляетъ то время, когда одно за другимъ будетъ рушиться все, что̀ давитъ и калѣчитъ личность человѣка. Героическая любовь, безкорыстно радующаяся радости, которая не ей дана, сдѣлаетъ невозможнымъ варварское: tue la! Дюма-фиса. Радостный трепетъ сердца и слезы, вызванныя великимъ подвигомъ, сознаніе добра, которое живетъ въ насъ, заставляющее преклоняться передъ учителями нашими — проблески силъ идти по слѣдамъ ихъ. Что̀-жь въ томъ, что не каждый проблескъ вспыхнетъ искрой, которая сольется въ общемъ пламени, что не каждое сѣмя даетъ плодъ? Оставимъ мертвымъ хоронить мертвецовъ и будемъ смотрѣть на то, въ чемъ есть сила для жизни—только такъ можно жить.

Джорджу Элліоту приходилось хоронить и дорогихъ мертвецовъ. Въ прелестной, благоухающей теплымъ, свѣтлымъ чувствомъ поэмѣ «Братъ и сестра» она вспоминаетъ свое дѣтство вмѣстѣ съ братомъ, свое благоговѣніе къ нему и безотвѣтную, рабскую преданность сестры, которая видитъ идеалъ силы ума и жизни въ братѣ, сознавая, что она—подчиненное существо, и съ благодарной любовью принимая его покровительство. Она жила его радостями и его горемъ; все личное, дѣтское теряло для нея смыслъ. Школа разлучила ихъ, а потомъ, говоритъ поэтъ: «зловѣщіе годы, имя которымъ — измѣненіе, охватывали наши души, которыя рвались другъ къ другу, хотя расходились все дальше и дальше, и, наконецъ, оно отлило насъ безжалостно въ двѣ формы, носящія въ себѣ двѣ враждебныя стихіи, которымъ не слиться въ потокѣ жизни». Она смотритъ безъ горечи на прошлое: оно заронило въ нее искры, которыя не пропали безслѣдно. Она вынесла изъ него примѣръ смѣлости, упорной воли и самообладанія, она знала свѣтлыя минуты дѣтскаго счастья и любви, въ которыхъ зрѣли силы, и, прочитавъ отходную надъ умершимъ для нея заживо братомъ, говоритъ: «Еслибы мнѣ суждено

было снова узнать міръ дѣтства, я хотѣла бы быть въ немъ маленькой сестрой».

Въ поэмѣ «Легенда о Іовалѣ» Джорджъ Элліотъ даетъ образы не маленькихъ, свѣтлыхъ искорокъ, но великаго пламени, освѣтившаго жизнь человѣчества. Поэма начинается картиною жизни потомковъ Каина, когда они въ первый разъ встали лицомъ къ лицу съ смертью. Передъ ужасомъ вѣчнаго уничтоженія въ сыновьяхъ Ламеха проснулось гордое честолюбіе. Для потомковъ Каина смерть была «политымъ слезами сѣменемъ стремленія къ подвигамъ жизни». Они сказали: «Придетъ ночь, когда будетъ поздно творить, когда духъ не въ силахъ будетъ поднять творящую руку, когда жадная мысль не найдетъ выраженія и послѣднія желанія будутъ напрасно тѣсниться къ нѣмѣющимъ устамъ. Такъ, пока рука сильна работать, пока духъ нашъ находитъ выраженіе въ звукахъ, пусть рука и духъ создадутъ творенія, которыя будутъ всевластно жить надъ нашими могилами и раздѣлять власть съ великимъ богомъ дня, лучи котораго проливаютъ жизнь. Да̀, сотворимъ дѣла̀, которыя будутъ жить въ то время, когда мы будемъ лежать безмолвно во тьмѣ». Два старшіе сына Ламеха научили бѣдныхъ потомковъ Каина труду, дали имъ пищу отъ стадъ и защиту отъ враговъ. Ужасъ смерти сталъ рѣже грозить людямъ. Физическій трудъ наполнилъ пустоту жизни. Первыя потребности жизни были удовлетворены. Тогда проснулась въ потомкахъ Каина та жизнь, которая не удовлетворяется однимъ хлѣбомъ. Съ росшими силами, съ развивавшимися красотой и здоровьемъ «пришла странная жажда, роковая сила безъименнаго недовольства, внутреннее стремленіе къ неродившейся еще силѣ, къ дѣлу, болѣе глубоко захватывающему душу. Душа росла и не находила иного выраженія, кромѣ вздоховъ. Тогда пришелъ Іовалъ со своей цѣвницей». Давно уже звуки, носившіеся въ природѣ, и звуки, вырывавшіеся изъ груди человѣка, открывали для него новый міръ. Онъ сольетъ ихъ въ живое созданіе, онъ дастъ грядущимъ поколѣніямъ новую жизнь. Среди толпы раздались «торжественная пѣснь, гармоническіе звуки ея рыдали, гремѣли восторгомъ и проникали въ сокровенные источники, гдѣ спала страсть. Радость охватила каждую живую душу, зажгла отживающія сердца видѣніями о солнцѣ, согрѣвавшемъ ихъ въ дни дѣтства и молодости, возвратила и ограниченное дорогое извѣстное и открыло неизмѣримое неизвѣстное. Молодыя сердца забились для будущаго—свѣтлаго берега, плавающаго въ огненныхъ лучахъ востока.»

Іовалъ открылъ новую жизнь своимъ братьямъ и создалъ много учениковъ. Пѣсни его повторялись въ разныхъ формахъ. Брошенное имъ сѣмя вызрѣло и принесло плоды. Онъ захотѣлъ новыхъ созданій и сталъ искать новыхъ впечатлѣній. Повтореніе себя самого, которое онъ слышалъ повсюду, забивало его душу въ тѣсныя рамки, и онъ пошелъ сначала въ горы, потомъ по

берегамъ рѣкъ ловить новые звуки природы и людскихъ сердецъ. «Я буду слушать ихъ—сказалъ онъ—и жизнь моя раскинется, какъ высокія и прекрасныя деревья, которыя все пышнѣе разцвѣтаютъ съ каждымъ годомъ и приносятъ все болѣе роскошный плодъ». И онъ ходилъ по землѣ, принося людямъ благо своихъ пѣсенъ. Наконецъ, пришла старость, силы измѣнили, а онъ увидѣлъ, ка̀къ великъ идеалъ, и ка̀къ мало, даже въ полномъ разцвѣтѣ силъ, онъ могъ выразить его своими пѣснями. «Міръ великъ, но я слабъ, сказалъ себѣ Іовалъ:—новые голоса звучатъ мнѣ повсюду, куда я ни иду, и сердце мое разростается по мѣрѣ того, какъ расширяется моя родина: но пѣснь моя слабѣетъ и сердце мое должно разорваться, потому что нѣтъ силы ни въ голосѣ, ни въ пальцахъ, чтобы вызвать полный звукъ цѣвницы. И струнъ ея мало, чтобы отвѣтить на призывъ ростущаго духа. Ка̀къ ничтожны пѣсни мои, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ міръ сказалъ мнѣ. Тайна та велика, и я смутно чуялъ ее». И онъ идетъ назадъ, на родину, чтобы передъ смертью принять награду—благословеніе потомковъ. Онъ шелъ по странамъ дикихъ народовъ, неся имъ даръ пѣнія и, слабѣя съ каждымъ шагомъ, дошелъ до родины и упалъ въ истомленіи. Онъ увидѣлъ новое племя, болѣе совершенное, нежели то, которому далъ пѣсню. Оно торжествовало память его, и всѣ голоса сливались въ одномъ, наполнявшемъ воздухъ кликѣ: Іовалъ. Но никто не узналъ его; всѣ шли мимо истомленнаго путника, лежавшаго неподвижно при дорогѣ. «И плоть его взывала о жизни съ живыми людьми, и духъ его рвался слиться съ нимъ въ общей пѣснѣ, и онъ умирающимъ голосомъ крикнулъ: «я—Іовалъ, я создалъ музыку и пѣснь!» И, услышавъ звукъ разбитаго голоса, самые пламенные поклонники славы Іовала, сочли его богохульной клеветой и, кинувшись на него, избили своими свирѣлями, а толпа преслѣдовала его ругательствами и хохотомъ. И полумертвый Іовалъ доползъ въ чащу кустовъ умирать одиноко, а въ воздухѣ гремѣло славное имя его, повторяемое тысячами голосовъ. И въ предсмертныя минуты передъ нимъ встало видѣніе, и ангелъ жизни и смерти сказалъ ему: «Я—то, что̀ создало тебя. Ты не промѣнялъ бы свой удѣлъ на всѣ наслажденія неба, ты не просилъ бы ничего другого у боговъ. Ты взялъ свой удѣлъ со всѣми страданіями его и не отдалъ бы его за безмятежное существованіе, въ которомъ не было бы слышно ни одного звука пѣсни. Твоимъ удѣломъ было: чувствовать, создавать, давать людямъ и знать ту безпредѣльную жизнь, въ которой умираетъ все личное. Что̀-жь въ томъ, что тѣло твое истлѣетъ въ неизвѣстности? ты живешь въ душѣ человѣчества, какъ богъ, который далъ ему новыя страсти и новыя радости, и только одно разрушеніе земли унесетъ дары, которые ты одинъ могъ дать людямъ».

Удѣлъ великій и свѣтлый, но онъ—удѣлъ немногихъ. Но какая же должна быть цѣль жизни тѣхъ, кто не можетъ дать че-

ловѣчеству «дары, которые унесетъ только одно разрушеніе земли?» Джорджъ Элліотъ даетъ и на это отвѣтъ въ стихотвореніи, заканчивающемъ книгу: «О я хочу слиться съ невидимымъ хоромъ безсмертныхъ мертвецовъ, которые живутъ въ душахъ, освященныхъ присутствіемъ ихъ! говоритъ она: — живутъ въ великодушномъ біеніи пульса, въ смѣлыхъ подвигахъ, въ презрѣніи мелочныхъ цѣлей, средоточіе которыхъ—ничтожное я; въ возвышенныхъ помыслахъ, пронизывающихъ ночь, какъ звѣзды, и кроткимъ свѣтомъ своимъ вдохновляющихъ человѣка искать широкіе пути. Такая жизнь есть небо, и эта лучшая часть нашего бытія будетъ жить, пока человѣческое время не сомкнетъ свои вѣжды и міръ не свернется въ могилѣ, какъ свитокъ, который останется съ тѣхъ поръ навѣки непрочтеннымъ. Дà, это—жизнь, которую мученики со славою указали намъ, завѣщая намъ идти по слѣдамъ ихъ. О, еслибы я могла достичь до этого неба, быть для другихъ душъ подкрѣпляющей чашей въ минуту великихъ мукъ, вдохновлять сердца великодушнымъ жаромъ, питать чистую любовь, быть воплощеніемъ добра, которое тѣмъ болѣе ростетъ, чѣмъ болѣе раздается людямъ! Дà, я тогда сольюсь съ невидимымъ хоромъ, пѣснь котораго — счастіе міра».

Свѣтлымъ, торжественнымъ хораломъ раздается эта пѣснь; въ ней слышатся мужественные, живительные звуки здороваго примиренія съ жизнью. Большому кораблю большое и плаваніе, а маленькимъ челнокамъ—счастье быть привязанными къ кормѣ большаго корабля. Тѣ же идеи вдохновляли и поэзію Шелли; но въ немъ было сильно вліяніе соціальныхъ идей Фурье, даже въ самыхъ увлеченіяхъ послѣдняго. Въ Джорджѣ Элліотѣ сильно вліяніе позитивизма Конта. Она не чертитъ «плана иныхъ временъ», не видитъ, какъ Шелли, въ лучезарномъ сіяніи иного человѣка и иную жизнь, когда зло и страданіе станетъ однимъ страшнымъ сномъ. Все это такъ далеко впереди, а сердце поэта такъ крѣпко и тепло держится за эту бѣдную темную жизнь страдающихъ братій; въ нее она хочетъ внести свѣтъ, въ ней найти силы, которыя будутъ опорой жизни.

Поэзія Акерманъ близка намъ въ извѣстные страшные моменты жизни, когда умъ мутится и передъ нами открывается черная пропасть. Тогда крикъ отчаянія Кассандры — выраженіе того, чтò живетъ въ душѣ нашей; но, когда эти моменты пережиты, мы съ отрадой внимаемъ свѣтлому хоралу Джорджа Элліота, въ которомъ слышатся звуки жизни. Они не сулятъ мгновеннаго избавленія отъ всѣхъ скорбей, но они учатъ нести ихъ, указывая на единственный исходъ. Стройная торжественность ихъ можетъ показаться безотрадной и неумолимой для тряпичныхъ душъ; но чтò же другое можетъ, въ наше время, сказать поэтъ, который не хочетъ обрекать человѣчество на нирвану Акерманъ?

Джорджъ Элліотъ стоитъ къ намъ ближе уже тѣмъ, что мно-

гіе изъ мотивовъ, вдохновляющихъ мрачную поэзію Акерманъ и которые слышатся порою и въ другихъ современныхъ поэтахъ, напримѣръ, Дрэнморѣ—для нея давно пережитое; она не вызываетъ тѣней несчастныхъ, которые съ горькими проклятіями отрекаются отъ вѣчности, потому что внесутъ въ нее память обо всемъ вынесенномъ; она не плачется о томъ, что все въ вѣчности жерломъ пожрется и не минетъ своей судьбы; о томъ, что радости скоротечны, что за наслажденіемъ наступаетъ утомленіе, что идеалъ недостижимъ вполнѣ. Силы ея не подъѣдены мистицизмомъ, который вырождается въ ту или другую форму такихъ жалобъ. Она признала извѣстные законы и въ предѣлахъ ихъ ищетъ жизни. Правда, ей не пришлось перенести весь ужасъ разбитыхъ завѣтныхъ надеждъ и плакать, какъ Кассандра надъ развалинами родного города, отданнаго во власть враговъ. Но вся литературная дѣятельность Джорджа Элліота проникнута тѣми же идеями, пораженіе которыхъ вырвало у Акерманъ ея страшный «Крикъ»; романы ея, «Феликсъ Гольтъ», «Миддльмарчъ», могли быть произведеніемъ автора, глубоко сознающаго пошлость и бѣдность окружающей жизни; и она разорвала съ прошедшимъ, чтобы жить другими идеалами, нашла въ близкихъ враждебныя стихіи, съ которыми жизнь ея не могла слиться въ общемъ потокѣ. Но это не подорвало ея силы, и она своею поэзіею зоветъ на жизнь.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Сенатъ, его вынужденное бездѣйствіе и признаніе дѣйствительности всѣхъ выборовъ. — Провѣрка полномочій въ палатѣ депутатовъ. — Предложеніе Рандю и бонапартисты. — Руэръ и его выборъ въ Аяччіо. — Непризнаніе правильности выборовъ Ферэ, Шенелона и т. д. — Слѣдствіе по поводу выбора де-Мёна. — Дюфоръ и декларація 1682 года. — Парижскій архіепископъ и законодательная власть. — Комическая интермедія: отлученіе де-Фаллу. — Медленность реформаторовъ закона о высшемъ образованіи. — Давленіе лѣвыхъ на министерство: Гамбетта — президентъ бюджетной комиссіи. — Законъ о мэрахъ и правительство. — Отсрочка преній объ амнистіи въ сенатѣ и палатѣ депутатовъ. — Заявленіе Рикара противъ имперіи. — Вакансіи въ обѣихъ палатахъ и результаты перваго періода сессіи.

Несмотря на то, что конституціей признано за сенатомъ право иниціативы, онъ, по характеру своего состава, не способенъ ни къ какому самостоятельному дѣйствію въ какомъ бы то ни было направленіи. Разнообразіе составляющихъ его элементовъ об-

условливаетъ эту его невольную инерцію, и онъ ждетъ для своихъ работъ почина отъ палаты депутатовъ. Между тѣмъ, въ нижней палатѣ идетъ все еще провѣрка полномочій, и новымъ сенаторамъ, пока приходится сложа руки сидѣть у моря и ждать погоды. Одинъ изъ остроумныхъ карикатуристовъ «Шаривари», не забывшій еще того времени, когда рабочіе посылали, въ 1848 году, депутацію въ учредительное собраніе съ требованіемъ работы, весьма мѣтко олицетворилъ положеніе минуты, изобразивъ на рисункѣ группу сенаторовъ 1876 года, появляющуюся въ нижней палатѣ съ требованіемъ отъ нее «права на трудъ». Удовлетвореніе на такое требованіе послѣдовало, однако же, въ очень скромныхъ размѣрахъ. На разсмотрѣніе сената изъ палаты поступилъ, пока, всего на-все одинъ законъ—о снятіи осаднаго положенія съ послѣднихъ мѣстностей Франціи, находившихся еще подъ тяжестью этой исключительной мѣры. Разсмотрѣніе и принятіе его доставило занятій сенату не болѣе, какъ на полчаса времени. Немного труда и времени потребовалось отъ него и для установленія очереди для частнаго возобновленія его членовъ, которое должно начаться въ 1879 году. Для этого, всѣ департаменты Франціи были имъ раздѣлены на три категоріи (по алфавитному порядку), и рѣшено было начать съ той категоріи, которая вынется по жребію. Жребій и тутъ не поблагопріятствовалъ реакціи. Очередь выпала на ту серію департаментовъ, въ которой на 75 сенаторовъ, подлежащихъ выбытію изъ сената черезъ 3 года, только 27 республиканцевъ, считая даже съ конституціоналистами, а 48—принадлежатъ къ правымъ. Такимъ образомъ, къ концу мак-магоновскаго семилѣтія и къ сроку пересмотра конституціи, если только во Франціи продолжится то демократическое настроеніе, какимъ она преисполнена нынѣ, большинство сената неизбѣжно будетъ вполнѣ республиканскимъ.

Провѣрка полномочій въ сенатѣ тоже произошла очень скоро, и всѣ выборы просто-на-просто признаны правильными, чему отчасти способствовало опасеніе вызывать для перевыборовъ снова на сцену всю многосложную процедуру сенаторскихъ выборовъ. Такъ, даже по поводу выборовъ въ Корсикѣ и Савойѣ, происходившихъ при явномъ нарушеніи избирательныхъ законовъ, всѣ пренія были чуть ли только не ради приличія. Выборы герцога де-Брольи и адмирала Ла-Ронсьера ле-Нурри не были даже никѣмъ оспариваемы, а такъ какъ избраніе этихъ двухъ витязей, обязанныхъ своимъ проникновеніемъ въ сенатъ обоюдной услужливости, не подверглось осужденію, то было бы уже крайней несправедливостью исключить кого-либо другого изъ среды сената...

Совершенно иначе дѣйствовала палата депутатовъ при повѣркѣ полномочій своихъ членовъ. Во имя справедливости, новое собраніе не щадило времени, и та процедура, которая, во времена имперіи, была чуть ли не одною только формальностью, стала для нея живымъ дѣломъ. Это не могло не раздражить реак-

ціонеровъ, и одинъ изъ нихъ, клерико-бонапартистъ Рандю, внесъ, 2-го апрѣля, слѣдующее предложеніе, подписанное многими правыми: «Со времени принятія и обнародованія настоящаго закона, всѣ заявленія о неправильности выборовъ въ палату будутъ подвергаться обсужденію кассаціоннаго суда, который долженъ состоять изъ соединеннаго присутствія обѣихъ палатъ». Напрасно автора этого предложенія стараются опровергать и доказываютъ ему, что его законъ не сообразуется съ конституціей: онъ не хочетъ ничего слушать, стоитъ на своемъ и требуетъ для него «неотложности». Тогда депутатъ Бриссонъ громкимъ голосомъ прочитываетъ слѣдующую статью конституціоннаго уложенія, въ которой говорится категорически: «Каждой изъ двухъ палатъ принадлежитъ право обсужденія того, представляютъ ли выборные ея члены тѣ условія, при которыхъ они могутъ быть выбираемы, и законно ли произошло ихъ избраніе. Каждая изъ нихъ самостоятельно отстраняетъ своихъ членовъ, не представляющихъ означенныхъ условій». Статья эта настолько ясна, что сами подписчики предложенія видятъ свой промахъ, и одинъ изъ нихъ, маркизъ де-Кастелланъ, замѣчая, что его приходится взять назадъ, наивно заявляетъ въ извиненіе, что «недоразумѣніе произошло отъ того, что нѣкоторые депутаты не имѣли еще возможности вполнѣ изучить всѣ мелкія подробности сложной конституціи, сдѣлавшейся закономъ». Такое признаніе со стороны конституціониста до-нельзя комично, но республиканцы не довольствуются однимъ осмѣяніемъ этой выходки, и Бриссонъ проситъ палату принять къ свѣдѣнію, что «первое нарушеніе конституціи совершается бонапартистами. Когда лица этой партіи не могутъ ее нарушать съ оружіемъ въ рукахъ, то они стараются ее, по крайней мѣрѣ, извращать такими способами, образцомъ которыхъ можетъ служить настоящее предложеніе».

Черезъ два дня послѣ этого, при провѣркѣ правильности выбора единственнаго республиканца, выбраннаго Корсикой, бонапартисты пользуются этимъ случаемъ, чтобы получить реваншъ за свое недавнее пораженіе. Хотя бюро въ своемъ заключеніи единогласно и признало ихъ неправильными, но бонапартистъ Казо заявляетъ еще и о такихъ фактахъ, которые указываютъ на то, что Бартоли, въ борьбѣ своей съ Аббатучи въ Сартенскомъ Округѣ, прибѣгалъ ко многимъ изъ такихъ способовъ, какіе имперіализмъ вкоренилъ въ нравы этого благополучнаго острова для соблазна избирателей. Поэтому, онъ требуетъ отъ лѣвыхъ, чтобы они и относительно всѣхъ поступали съ тою же строгостью, съ какою поступаютъ противъ правыхъ, тѣмъ болѣе, что они даже заявляли уже въ палатѣ, что таковъ и ихъ взглядъ на это дѣло. Послѣ этой рѣчи, крайніе лѣвые, чрезъ посредство Накэ, требуютъ назначенія слѣдствія, а умѣренная лѣвая (Ланглуа) склоняется къ уничтоженію выбора, если факты, приведенные Казо, подтвердятся. Но большинство предпочитаетъ передачу разсмотрѣнія дѣла снова въ бюро, чтобы, въ своемъ стрем-

леніи къ справедливости, не сдѣлаться жертвою обмана. Послѣ такого рѣшенія, правые начинаютъ апплодировать и подсмѣиваться. Начинается такой шумъ, что президентъ Греви считаетъ себя вынужденнымъ вмѣшаться и призываетъ реакціонеровъ къ соблюденію должнаго уваженія къ достоинству палаты.

Вообще, реакціонеры рѣшительно не хотятъ видѣть и понять, что республиканское большинство можно скорѣе упрекнуть въ излишней къ нимъ снисходительности, нежели въ злоупотребленіи своею силой. Оно могло бы, пользуясь своимъ правомъ, просто кассировать всѣ выборы реакціонеровъ, такъ какъ изъ нихъ едва ли хотя одни обошлись безъ всякаго грѣха, а оно, между тѣмъ, изъ ложной щепетильности, признаетъ правильными полномочія такихъ депутатовъ, которые, напримѣръ, подобно де-Сен-Полю, выбраны, положительно благодаря оффиціальной поддержкѣ своей кандидатуры, или, подобно Руэру, недостойны никакого снисхожденія по личнымъ своимъ качествамъ (а его выборы въ Ріомѣ и Бастіи признаны дѣйствительными). Самый Ларошжакленъ, всѣ недостойныя продѣлки котораго были вполнѣ обнаружены, не признанъ, благодаря только самому незначительному перевѣсу голосовъ. Реакціонеры ничего не хотятъ знать и ведутъ себя крайне неприлично. Когда кассируются выборы какихъ-нибудь Пейрюсса или Кюнео д'Орнано, избраніе которыхъ происходило совершенно такимъ же образомъ, какъ при Наполеонѣ III, когда префекты фабриковали единодушныя законодательныя собранія, то, вслѣдъ за ихъ непризнаніемъ палатою, раздаются десятки голосовъ: «До скораго свиданія! Мы отвѣчаемъ за то, что вы снова будете выбраны при перевыборахъ!» Зато, едва противъ кого-нибудь изъ республиканцевъ возникаетъ какое-нибудь возраженіе и если послѣ подробнаго его обсужденія большинство заключаетъ къ признанію выбора, Поль-де-Кассаньякъ обыкновенно первый начинаетъ громко хохотать, и его взрывъ веселости немедленно подхватывается и поддерживается всѣми его единомышленниками. 6-го апрѣля, дѣло дошло даже до того, что умѣренная лѣвая положительно возмутилась, и депутатъ Тираръ, а вслѣдъ за нимъ человѣкъ тридцать изъ этой группы, оставили свои мѣста и подошли къ скамьямъ бонапартистовъ съ требованіемъ немедленнаго прекращенія ихъ безобразій. «Мы свободно высказываемъ свои мнѣнія, воскликнулъ Тираръ: — и не позволимъ кому бы то ни было осмѣивать нашу искренность и правдивость». Передъ дуэлистомъ Кассаньякомъ появляются два молодыхъ демократа, Жоржъ Перэнъ и Клемансо, готовые съ нимъ драться, если онъ сочтетъ себя обиженнымъ или рискнетъ чѣмъ-нибудь оскорбить разсерженныхъ протестантовъ. Но обыкновенно столь пылкій Кассаньякъ оказывается вдругъ ниже травы, тише воды. Онъ перестаетъ смѣяться—и молчитъ. Палатскіе пристава просятъ гг. депутатовъ снова занять свои мѣста, а Греви съ своего президентскаго кресла угрожаетъ примѣнить во всей строгости мѣры, предоставляемыя

ему регламентомъ палаты противъ такихъ лицъ, «которыя позволяютъ себѣ, относительно парламентскихъ голосованій, производить заявленія, представляющія собою прямое оскорбленіе большинства». Рауль Дюваль покушается прервать его для объясненія образа дѣйствій своихъ товарищей, но Греви не позволяетъ ему говорить. «Президенту собранія, рѣзко произноситъ онъ: — принадлежитъ право разрѣшенія и запрещенія заявленій. Уважайте этотъ авторитетъ; онъ необходимъ въ такомъ собраніи, въ которомъ мнѣ стóитъ не мало усилій поддержать его на уровнѣ парламентской высоты!»

При такомъ настроеніи палаты, можно было ожидать значительной бури, когда очередь дошла до провѣрки выбора ex-вице-императора Руэра въ Аяччіо. Бюро заключило о ихъ непризнаніи, основываясь главнѣйше на вмѣшательствѣ въ избирательную борьбу Руэра съ принцемъ Наполеономъ чайзльгёрстскаго подростка при помощи его безграмотнаго письма. По этому поводу можно было ждать новаго подтвержденія съ трибуны декларапіи 5-го марта 1871 года о низложеніи династіи. У Гамбетты, безъ всякаго сомнѣнія, была уже въ запасѣ рѣчь, которою онъ приготовлялся разгромить лукаваго совѣтника Наполеона III, на совѣсти котораго и мексиканская экспедиція, и Седанъ. Но при чтеніи письма легкомысленнаго юноши, бонапартисты вели себя очень сдержанно и не позволили себѣ никакихъ враждебныхъ палатѣ заявленій, а, по окончаніи доклада, никто изъ нихъ не отважился говорить въ защиту Руэра. Голосованіе произошло при всеобщемъ молчаніи. Такимъ образомъ Руэръ, выборы котораго въ Ріомѣ были признаны дѣйствительными, остался въ чистомъ барышѣ отъ непризнанія его выбора въ Аяччіо, такъ какъ онъ далъ одинаково честное слово, какъ корсиканцамъ, такъ и овернцамъ, что онъ оставитъ за собою ихъ представительство. Отнявъ отъ него возможность исполненія его обѣщанія корсиканцамъ, палата какъ бы выгородила его изъ затруднительнаго положенія и помогла ему сдержать слово, данное овернцамъ.

Палатѣ предстоялъ случай, еслибы она только хотѣла имъ воспользоваться, къ началію, по крайней мѣрѣ, десятка слѣдствій о продѣлкахъ духовенства по поводу клерикальныхъ кандидатуръ, но она удовольствовалась только слѣдствіемъ въ округѣ Понтиви, разсуждая, что имъ однимъ могутъ быть вполнѣ обнаружены всѣ махинаціи политико-іезуитской конспираціи. Другихъ слѣдствій она не назначала и ограничилась только непризнаніемъ дѣйствительности выборовъ пяти или шести депутатовъ, которые могли пройти, только благодаря крайнему невѣжеству населеній, искусно эксплуатированному рьяными священниками. Такъ, она кассировала выборъ нѣкоего Феррѐ, котораго мѣстный епископъ, по ораторскому таланту, выставлялъ избирателямъ, какъ прямого продолжателя Беррье, чего, однако же, не подтвердила защитительная рѣчь этого непризнаннаго депутата. Не

прошелъ также и знаменитый Шенелонъ, который, благодаря своему благочестію, изъ разбогатѣвшаго продавца свиней возвысился, въ 1873 году, до степени посредника между версальской аристократіей и королемъ и едва не сдѣлался, еслибы разумъ въ немъ равнялся его усердію, избраннымъ орудіемъ промысла для реставраціи Генриха V. Защитительная рѣчь его была до-нельзя комична. Болѣе полутора часа времени онъ употребилъ на выясненіе передъ слушателями своей личности и на математическіе разсчеты того, что онъ побѣдилъ своего соперника большинствомъ скорѣе 12, чѣмъ 8 голосовъ! Вмѣшательство въ свои выборы духовенства онъ оправдывалъ тѣмъ, что это вмѣшательство не было абсолютнымъ, а только относительнымъ, такъ какъ духовенство вынуждено защищаться отъ центровъ свободныхъ мыслителей, посягающихъ на самый его хлѣбъ своимъ проектомъ отмѣны бюджета вѣроисповѣданій. Многіе благочестивые депутаты лѣваго центра вполнѣ удовлетворились его доводами, но, несмотря на это, недѣйствительность его выбора была признана большинствомъ 50 голосовъ.

Поощренная голосованіями этого рода въ палатѣ, комиссія противуклерикальнаго слѣдствія выказала уже стремленіе придать своимъ занятіямъ характеръ серьёзнаго изслѣдованія всѣхъ правонарушеній, на какія отваживалось духовенство со времени появленія Syllabus'а. Она уже успѣла окончить ту часть своей работы, въ которой доказывается, что оно нарушило уже не мало правъ государства, правъ, опредѣленныхъ нетолько конкордатомъ 1801 года и его органическими постановленіями, но даже и четырьмя основными положеніями деклараціи 1682 года, продиктованными Боссюэтомъ общему собранію французскаго духовенства сообразно съ волею Людовика XIV, когда онъ уничтожилъ нантскій эдиктъ. Дюфоръ, въ качествѣ министра исповѣданій, былъ приглашенъ въ комиссію, и, когда ему серьёзно былъ предложенъ вопросъ: «продолжаютъ ли преподаваться въ семинаріяхъ четыре основные пункта деклараціи, требованіе чего было подтверждено наполеоновскимъ конкордатомъ?»—онъ значительно смѣшался и обѣщалъ навести объ этомъ повсюдныя справки. Понимая, однако же, что такой отвѣтъ былъ еще мало удовлетворителенъ и что онъ, въ качествѣ перваго представителя юстиціи во Франціи, обязанъ дать болѣе категорическое объясненіе, хранитель государственной печати, несмотря на всю свою набожность, а отчасти, можетъ быть, и какъ неисправимый галликанецъ, не признающій папской непогрѣшимости, произнесъ слѣдующее торжественное заявленіе: «Правительство сознаётъ своимъ долгомъ и вполнѣ рѣшилось противодѣйствовать тому, чтобы излишне усердствующіе духовные не осмѣливались придавать Syllabus'у такихъ истолкованій и примѣненій, которыя шли бы въ разрѣзъ съ существующей конституціей и законами страны». Въ справочномъ же министерскомъ слѣдствіи не оказалось даже и надобности, такъ какъ, едва въ публикѣ стало извѣстно объ

этомъ засѣданіи комиссіи, какъ всѣ клерикальные органы единогласно поспѣшили заявить, что «галиканскія доктрины и государственные законы давно уже не преподаются въ семинаріяхъ, да и впредь преподаваться не будутъ, такъ какъ таковое преподаваніе запрещено Ватиканомъ». Вводить снова обязательно въ преподаванiе эти предметы, по единодушному заявленію всѣхъ клерикаловъ, значило бы вводить въ искушеніе и нарушать свободу совѣсти всѣхъ вѣрныхъ послѣдователей непогрѣшимаго папы. Даже въ газетѣ «Français», которая нѣкогда была основана, какъ органъ либеральныхъ католиковъ (когда таковыми были Дюпанлу, де-Фаллу, де-Брольи и Бюффè), можно было прочитать такія строки: «Если правительство немедленно не остановитъ начавшагося пагубнаго движенія, если оно хотя мало-мальски приметъ въ немъ участіе, то въ самомъ скорѣйшемъ времени во всей Франціи возникнетъ самое страшное изъ междоусобій—междоусобіе религіозное!»

Опасаться подобныхъ угрозъ, впрочемъ, нѣтъ особеннаго основанія.

Полное пораженіе ультрамонтанскихъ бандитовъ на сѣверѣ Испаніи и бѣгство потерявшаго всякую надежду на успѣхъ дона-Карлоса въ Англію ясно доказываютъ, что настоящее время не представляетъ послѣдователямъ Лойолы особенныхъ удобствъ для превращенія Франціи въ Вандею, для которой и въ народныхъ массахъ, впрочемъ, уже не найдется достаточно элементовъ. Если клерикалы и стараются какъ можно громче кричать о возможности во Франціи религіозныхъ смутъ, то это дѣлается или только для того, чтобы запугать парламентскихъ буржуа, или поставить «честную шпагу», поручившуюся за сохраненіе порядка, въ необходимость противодѣйствія республиканскому большинству палаты въ его патріотическихъ и противуклерикальныхъ стремленіяхъ. Опасность и въ этомъ смыслѣ не особенно велика, такъ какъ самые агитаторы, кричащіе громче другихъ о необходимости прибѣгнуть къ оружію для защиты религіи, подобные редакторамъ «Français», выписку изъ которой я привелъ не безъ цѣли, дѣлаютъ сами всевозможное, чтобы публика увидала, что ихъ воинственные крики далеко не искренни и что именемъ религіи, какъ это я сейчасъ покажу, они прикрываются только для достиженія своихъ личныхъ, своекорыстныхъ и весьма часто ничтожныхъ цѣлей.

Такъ, знаменитѣйшій изъ покровителей и вдохновителей «Français», бывшій нѣкогда главою либеральныхъ католиковъ, одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей недавнихъ монархическихъ конспирацій, изобрѣтатель и первый примѣнитель къ практикѣ закона 1850 года о среднемъ образованіи, тайный пособникъ Дюпанлу въ недавней компаніи послѣдняго для завоеванія духовенствомъ новыхъ правъ при проведеніи закона о высшемъ образованіи—однимъ словомъ, де-Фаллу подвергся отлученію отъ церкви. Отлу-

чилъ его монсиньоръ Фреппель, непримиримый ультрамонтанецъ и анжерскій архіепископъ.

Но какое же преступленіе, спросите вы, могъ совершить этотъ благочестивый и богобоязненный человѣкъ, который, со времени послѣдняго ватиканскаго собора, возведшаго въ догматъ папскую непогрѣшимость, рѣшился для признанія этого догмата распроститься съ послѣдними своими заблужденіями, могшими представлять хотя бы самую слабую тѣнь еретическихъ мнѣній?.. Увы! онъ, вблизи своего зàмка и рядомъ съ своею приходскою церковью, устроилъ небольшую больницу на деньги, доставшіяся ему отъ продажи изданія записокъ вашей умершей соотечественницы, г-жи Свѣчиной. Въ больницѣ этой онъ помѣстилъ нѣсколько сестеръ милосердія и нанялъ для нея особеннаго исповѣдника, для котораго построилъ капеллу на землѣ, принадлежащей сосѣдней церкви. Покупка земли этой произведена имъ съ согласія управляющихъ этимъ церковнымъ имѣніемъ и контрактъ купли узаконенъ гражданскимъ порядкомъ. Но еще разъ, увы! покупку эту совершилъ онъ, не испрося *предварительнаго благословенія для своей затѣи* анжерскаго архіепископа! Вслѣдствіе такого ужаснаго преступленія, легкомысленнаго нарушенія церковно-іерархической дисциплины, виконтъ де-Фаллу—со своею больницею, капеллою, сестрами милосердія, исповѣдникомъ и больными—въ качествѣ захватчика церковныхъ земель, подобно Виктору Эммануилу, лишенъ правъ пріобщенія и, въ добавокъ еще, передъ самой пасхой, т. е. тогда, когда онъ всего болѣе въ этомъ нуждался!! Увѣдомленный о таковой для себя невзгодѣ своимъ духовникомъ, де-Фаллу, не удовольствовавшись одними письмами и телеграммами, какія онъ немедленно разослалъ повсюду, самъ примчался въ Парижъ съ экстреннымъ поѣздомъ и бросился въ ноги папскому нунцію. Монсиньоръ Меліа отвѣчалъ ему, что онъ не можетъ вмѣшиваться въ частныя дѣлà епархіи, но обѣщалъ ему употребить все свое вліяніе на анжерскаго архіепископа, чтобы отлучная запись, уже разосланная по всѣмъ приходамъ епархіи, не была... напечатана. Тогда злосчастный де-Фаллу обратился къ министру вѣроисповѣданій, Дюфору, умоляя стараго галиканца заступиться за своего бывшаго единомышленника по доктринѣ свободнаго католицизма; но и хранитель печати ничего для него не сдѣлалъ, хотя ни въ чемъ и не отказалъ, а посовѣтовалъ ему только войти въ прямое сношеніе съ Ватиканомъ. Вся эта исторія надѣлала много шума во Франціи и возбудила не мало смѣха нетолько въ средѣ свободныхъ мыслителей, но и въ лагерѣ ультрамонтановъ, оракулъ которыхъ «Univers»—изобрѣтшій нѣкогда для де-Фаллу кличку fallax (лживый)—продолжаетъ и надъ отлученникомъ, по прежнему, зло и ехидно подсмѣиваться.

Впрочемъ, ультрамонтаны смѣются, въ настоящее время, сквозь слезы. Дѣло комиссіи о выборахъ де-Мёна, долженствующее вывести на свѣжую воду всѣ продѣлки іезуитовъ и послужить

поводомъ для принятія законодательныхъ мѣръ, въ видахъ ихъ дальнѣйшаго обузданія—подвигается впередъ. Комиссія эта, прежде отправленія делегатовъ въ Морбиганъ для изслѣдованія на мѣстѣ всѣхъ махинацій, прямо относящихся къ выбору де-Мёна, имѣла одно засѣданіе въ Парижѣ въ бурбонскомъ дворцѣ, назначенное ею тамъ, въ видахъ любезности относительно парижскаго архіепископа, долженствовавшаго быть вызваннымъ ею для показаній, и чтобы избавить его отъ неудобства путешествія для этого въ Версаль. Но монсиньоръ Гиберъ не оцѣнилъ такой деликатности комиссіи и самолично явиться въ нее отказался и далъ свои показанія письменно. Письмо эго, исполненное всякихъ ораторскихъ сладостей, тѣмъ не менѣе нѣсколько, такъ сказат, лживо, если только не допустить, что кардиналъ страдаетъ, въ настоящее время, совершеннымъ отсутствіемъ памяти. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что, въ іюнѣ 1863 года, онъ, за свою поддержку кандидатуры Монталамбера, подвергался судебному преслѣдованію, и многіе еще помнятъ, ка̀къ, въ отвѣтъ на письмо къ нему бывшаго министра вѣроисповѣданій Рулана, заключавшее въ себѣ осужденіе его образа дѣйствій, онъ, между прочимъ, высказалъ такую мысль, что «не признаётъ права учить епископовъ исполненію ихъ обязанностей ни за кѣмъ, кромѣ святѣйшаго отца и соборовъ». Между тѣмъ, въ настоящемъ своемъ письмѣ онъ самымъ жалобнымъ тономъ говоритъ: «Въ продолжене всего моего продолжительнаго пасторскаго управленія—я не позволялъ себѣ никогда ни малѣйшаго вмѣшательства въ мірскую политику. Я всегда считалъ за правило, что служители церкви, при томъ ожесточеніи партій, которыя раздираютъ нашу страну, обязаны держаться въ сторонѣ отъ политической борьбы, чтобы не компрометировать чѣмъ-либо той высоты своего призванія, исполненіе котораго такъ необходимо для духовнаго блага всѣхъ и каждаго». Все письмо написано въ этомъ же тонѣ. О томъ, что мірская власть не имѣетъ права требовать отчета въ дѣйствіяхъ служителей церкви—нѣтъ въ немъ и помина. Очевидно, что монсиньоръ понялъ духъ своего времени и, дорожа своимъ жалованьемъ, рѣшился лучше пожертвовать своею духовною независимостью, о которой такъ много говорятъ «Monde» и «l'Union», чѣмъ произвести недочетъ въ матерьяльномъ своемъ бюджетѣ. Въ письмѣ его даны всѣ необходимыя для комиссіи показанія о перепискѣ его съ ваннскимъ епископомъ во вредъ аббату Кадорне и въ пользу де-Мёна, такъ что, когда комиссія получитъ показанія и отъ его корреспонцента, то создастъ этимъ прецедентъ, который фактически установитъ, что, на будущее время, всѣ священнослужители на жалованьи отъ казны будутъ признаны отвѣтственными предъ народными представителями и какъ бы имъ подчиненными. Если же ваннскій епископъ заартачится и не захочетъ дать показаній *мірянамъ*, то Дюфоръ, конечно, исполнитъ свое обѣщаніе—подчинить слишкомъ ревностныхъ сто-

ронниковъ Syllabus'а обязательству исполненія государственныхъ законовъ.

Комиссія для реформы высшаго образованія, избравшая своимъ предсѣдателемъ извѣстнаго философа-демократа Барни, автора поправки о свободѣ частныхъ курсовъ и лекцій, былъ бы далеко не прочь составить подробный и радикальный проектъ объ отмѣнѣ злосчастнаго закона, принятаго въ іюлѣ 1875 года, и можно сказать навѣрное, что, какъ бы онъ ни былъ широко либераленъ, онъ непремѣнно прошелъ бы въ палатѣ депутатовъ. Свѣтское, даровое и обязательное образованіе было бы также легко признано ею необходимымъ, какъ и необходимость изгнанія іезуитовъ, присутствіе которыхъ во Франціи терпимо наперекоръ современному законодательству. Но такой откровенный законъ, принятый палатою, встрѣтилъ бы противодѣйствіе въ сенатѣ и мак-магоновское *veto*. Это старался дать понять комиссіи министръ народнаго просвѣщенія Ваддингтонъ, и на основаніи его завѣренія, что возвращеніе государству исключительнаго права выдачи степеней, въ видѣ отдѣльнаго законопроекта, навѣрное будетъ принято сенатомъ, комиссія рѣшила ограничиться пока представленіемъ въ палату именно такого спеціальнаго законопроекта. Этимъ закономъ, когда онъ пройдетъ, клерикальное преподаваніе будетъ обуздано или, говоря выраженіемъ Дюпанлу, «поражено въ самое сердце», и тогда, при помощи другихъ законовъ, о которыхъ уже сдѣлано заявленіе (отмѣна предварительныхъ разрѣшеній на право преподаванія, введенія обязательности и т. д.), мало по малу введется повсюдное свѣтское образованіе и воспитаніе и наука освободятся окончательно изъ-подъ ферулы обскурантизма.

Основная реформа измѣненія персонала администраціи, обѣщанная министерскою программой и начавшаяся въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ, побудила республиканцевъ постараться, не раздражая кабинета, подвинуть дѣло. Такое рѣшеніе было ими принято, когда они узнали навѣрное, что лица, окружающія маршала, настраиваютъ его настоятельно какъ можно противодѣйствовать этой реформѣ. Для этого делегаты отъ тѣхъ групъ, которыя уже сформировались въ палатѣ (лѣвый центръ, и умѣренная лѣвая), продолжая дѣло, на которое указывалъ Гамбетта на «полномъ собраніи», вмѣстѣ съ делегатами трехъ лѣвыхъ групъ сената, оффиціально заявили о своемъ желаніи видѣть скорѣйшее осуществленіе реформы—президенту государственнаго совѣта и министру внутреннихъ дѣлъ. Они добились, такимъ образомъ, обѣщанія, что значительныя измѣненія въ администраціи будутъ произведены тотчасъ послѣ того, какъ въ палатѣ окончится провѣрка полномочій. Кромѣ того, министръ внутреннихъ дѣлъ высказалъ имъ, что, хотя министерство и желаетъ какъ можно скорѣе выработать полный и окончательный избирательный законопроектъ, но правительство не будетъ противодѣйствовать, еслибы палата до того времени потребовала

введенія временнаго муниципальнаго закона 1871 года и отмѣны закона о мэрахъ де-Брольи. Министерству, еслибы оно было даже болѣе склонно, чѣмъ теперь, прикрывать мак-магонскія сочувствія къ реакціи — было невозможно уступить ничего меньше этого на требованія умѣренныхъ представителей республиканцевъ. Вслѣдъ затѣмъ, республиканское большинство вновь заявило свое могущество, составивъ бюджетную комиссію на такихъ широкихъ демократическихъ основаніяхъ, что ея представителемъ выбранъ не какой-либо финансистъ изъ лѣваго центра, а некто иной, какъ «бѣшеный безумецъ»—Гамбетта, обращенный, такимъ образомъ, въ Гамбетту благоразумнаго.

5-го апрѣля, депутатъ Леонъ Легранъ, отъ имени первой комиссіи парламентской инициативы, представилъ докладъ о предложеніи, подписанномъ отъ имени трехъ лѣвыхъ групъ Бенжаменомъ Распайлемъ, Жюлемъ Ферри и Полемъ Бетмономъ объ отмѣнѣ закона 20-го января 1874 года съ заключеніемъ комиссіи о необходимости возвращенія муниципальной свободы. Такимъ образомъ, палатѣ выдавалось для уничтоженія самое изъ главнѣйшихъ орудій борьбы правительства нравственнаго порядка. Рикаръ, заявивъ на это свое желаніе, чтобы палата подождала первыхъ засѣданій послѣ пасхальныхъ вакацій для обсужденія этого вопроса, вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ его законопроекта о муниципалитетѣ, который онъ не замедлитъ къ тому времени представить, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказалъ, при огромныхъ рукоплесканіяхъ большинства, что онъ потому такъ дорожитъ окончательнымъ муниципальнымъ закономъ, что «Франція устала отъ законовъ временныхъ и мимолетныхъ» и что пора подумать о составленіи законовъ органическихъ «для упроченія республики», «такъ какъ», подтвердилъ онъ, подчеркивая свои слова̀, къ крайнему недовольству правыхъ, «наконецъ, Франція обладаетъ тѣмъ образомъ правленія, какого она желала. Она стала республикою. Республика же должна покоиться на окончательныхъ и незыблемыхъ конституціонныхъ законахъ». Что̀ же касается существующаго закона о мэрахъ, то министръ назвалъ его съ презрѣніемъ «закономъ уже осужденнымъ» и обѣщалъ, что «министерство никогда подобнымъ закономъ не станетъ пользоваться». Словами этими правительство обязывалось, даже еще до принятія закона о муниципальной свободѣ, освободить общины отъ мэровъ, навязанныхъ имъ въ эпоху де-Брольи и Бюффе, и не назначать уже болѣе ни одного изъ не принадлежащихъ къ составу муниципальныхъ совѣтовъ. Только при такомъ образѣ дѣйствій правительства, сельскія населенія будутъ въ состояніи начать понимать, что, послѣ выборовъ 20-го февраля и 5-го марта, кое-что̀ измѣнилось. Они увидятъ перемѣну лицъ, стоящихъ съ ними въ непосредственныхъ отношеніяхъ и убѣдятся мало по малу, что республика—дѣло дѣйствительное и серьёзное.

Помѣшать такимъ измѣненіямъ, а если возможно не давать имъ даже начаться, а для этого, съ одной стороны, поддерживать имъ противодѣйствіе въ маршалѣ, а съ другой, постараться вызвать министерскій кризисъ или, разсоривъ лѣвыхъ, добиться фиктивнаго большинства—таковъ тактическій парламентскій планъ противуреспубликанскаго меньшинства, направленнаго кучкою бонапартистовъ. Но дѣла въ палатѣ шли такъ, что для приложенія къ практикѣ ихъ плана и вызова столкновенія между министерствомъ и радикалами имъ не предстояло другаго случая, кромѣ вопроса объ амнистіи.

Поэтому-то, 7-го апрѣля, выступилъ на сцену нѣкто де-Бодри д'Оссонъ съ напоминаніемъ правительству о томъ, что оно требовало 21-го марта неотложности по вопросу объ амнистіи, почему онъ и требовалъ назначенія числа для представленія комиссіей объ этомъ доклада и назначенія преній объ ея заключеніяхъ. Когда такое предложеніе было отвергнуто голосованіемъ, то депутатъ Робертъ Митчель потребовалъ, чтобы палата, по крайней мѣрѣ, обязалась не расходиться на вакаціи ранѣе, чѣмъ состоится ея рѣшеніе по этому вопросу. Но и это предложеніе было отвергнуто.

Подъ конецъ засѣданія 10-го апрѣля, де-Бодри д'Оссонъ снова повторяетъ свое предложеніе, а ярый Поль де-Кассаньякъ требуетъ, чтобы докладчикъ комиссіи объяснилъ, въ какомъ положеніи дѣло. Но докладчика въ палатѣ не оказалось, и засѣданіе окончилось безъ голосованія. Это до-нельзя неблагопріятно для плана бонапартистовъ и дѣлается еще неблагопріятнѣе, когда они узнаютъ, что, въ тотъ же день, въ сенатѣ, докладчикъ Парисъ уже представилъ съ трибуны свой докладъ, но сенаторы не потребовали его прочтенія, рѣшившись не начинать преній по его поводу ранѣе, чѣмъ палата не закончитъ своихъ; тотчасъ же послѣ чего сенатъ рѣшилъ разойтись на вакаціи до 10-го мая.

На слѣдующій день, покончивъ съ провѣркою полномочій, признавъ 15 выборовъ недѣйствительными и 3 подслѣдственными, за неимѣніемъ никакой работы, которую можно было бы закончить до наступленія пасхи, палата тоже задумалась о своихъ вакаціяхъ. Она молча прослушала и препроводила на разсмотрѣніе въ комиссію иниціативы предложеніе Накэ и пяти другихъ депутатовъ крайней лѣвой объ отмѣнѣ всякихъ исключительныхъ мѣръ относительно свободы печати и о подчиненіи преступленій и проступковъ слова общимъ уголовнымъ закономъ. Вдругъ, послѣ этого, на трибунѣ появился старый адвокатъ Леблонъ съ докладомъ объ амнистіи. Палата потребовала его прочтенія. Сущность его заключается въ отрицаніи всякой полной или частной амнистіи и въ предоставленіи коммунарамъ одной надежды на широкое милосердіе Мак-Магона. Въ центрѣ слышится рукоплесканіе. Радикалы, замѣчая, что комиссіею отвергнуты даже самыя невиннѣйшія изъ поправокъ, молчатъ и не протестуютъ, но

не потому, чтобы они своимъ молчаніемъ думали одобрить докладъ и его заключенія, а потому, во-первыхъ, что, имѣя въ виду цѣлый мѣсяцъ вакацій, надѣются, что за это время они успѣютъ заручиться, при помощи общественнаго мнѣнія, многочисленными сторонниками при заявленіи своего требованія, чтобы широкое милосердіе было, по крайней мѣрѣ, если они будутъ при преніяхъ побѣждены, обставлено какими-нибудь серьёзными гарантіями, а во-вторыхъ—потому, что, отказываясь отъ немедленнаго начатія преній, они этимъ избѣгаютъ бонапартистской западни.

И дѣйствительно, едва умолкъ докладчикъ, какъ все тотъ же Робертъ Митчель встаетъ съ предложеніемъ назначить на слѣдующій день пренія по поводу доклада и снова просить правительство объяснить, почему оно, потребовавъ для этого предмета неотложности, теперь, повидимому, не желаетъ ею воспользоваться. Рикаръ отвѣчаетъ, что, такъ какъ главный аргументъ лицъ, желающихъ скорѣе окончить съ вопросомъ объ амнистіи, состоитъ въ томъ, что до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ разрѣшенъ, въ странѣ не могутъ утихнуть возбужденныя имъ безпокойства и опасенія, то неотложность, послѣ того, какъ сенатъ разошелся на вакаціи, теряетъ въ этомъ смыслѣ всякое значеніе, такъ какъ вопросъ черезъ мѣсяцъ все-таки будетъ въ сенатѣ снова обсуждаться. Рауль Дюваль пользуется отвѣтомъ министра, чтобы заявить ему отъ лица своей партіи, что она считаетъ своей обязанностью стоять на стражѣ общественнаго спокойствія и готова поддерживать правительство, какимъ бы оно ни было, не питая къ нему враждебности и не слѣдуя такой политикѣ, которая стремилась бы усиливать всякія безпокойства, чтобы ими воспользоваться...

«Мы примемъ ваше заявленіе къ свѣдѣнію», слышится голосъ съ лѣвой стороны. «Хоть десять разъ принимайте», отвѣчалъ Дюваль; но ему, съ своей стороны, отвѣчаетъ министръ, что правительство «не можетъ придавать никакого значенія заявленіямъ такихъ партій, которыя, въ качествѣ низложенныхъ, не имѣютъ права отъ чего-либо отказываться».

Лѣвые подчеркиваютъ эти слова̀ своими восторженными рукоплесканіями, чтобы бонапартисты вполнѣ поняли ихъ значеніе, такъ какъ ими правительство, во главѣ котораго стоитъ бывшій товарищъ по оружію Наполеона седанскаго, нетолько отрицается ото всякой поддержки сторонниковъ Наполеона IV, но обязуется смотрѣть на нихъ, какъ они того заслуживаютъ, т. е. какъ на враговъ республики.

Смущенный Рауль Дюваль пытается что̀-то отвѣтить Рикару; въ его отвѣтѣ слышится какая-то фраза о гнѣвномъ раздраженіи министра, но это заставляетъ только Рикара высказаться еще яснѣе. Не забывая, что, при заявленіи своемъ 21-го марта, по поводу той же амнистіи, онъ былъ до того увлеченъ, что заслужилъ незавидную честь возбудить къ себѣ бонапартистскія сим-

патіи, онъ рѣшился разъ на всегда покончить съ ихъ нелестною навязчивостью. Въ нѣсколькихъ словахъ онъ весьма опредѣленно и ловко провелъ мысль, что всеобщее голосованіе 20-го февраля и 5-го марта было, въ одно и то же время, всенародною ратификаціею бордоскаго провозглашенія низложенія имперіи и признаніемъ цѣлою страною республиканской конституціи. Такимъ своимъ приговоромъ, по его словамъ, страна выразила свою непоколебимую волю, чтобы республиканское правительство стояло выше чьихъ бы то не было частныхъ симпатій и антипатій, «такъ какъ, сказалъ онъ:—это, образъ правленія окончательный, и, если за страною сохранилось право пересмотра конституціи, послужившей для него основаніемъ, то только въ видахъ ея усовершенствованія, а не для низверженія правительства. Никакая партія, при такомъ порядкѣ вещей, не имѣетъ права предлагать свою поддержку такому правительству, выговаривая себѣ за это тѣ или другія условія и уступки, и обязанность всѣхъ добрыхъ гражданъ—безусловное ему подчиненіе».

Рауль Дюваль, все-таки, что-то бормочетъ въ отвѣтъ, но его никто не слушаетъ. Онъ инсинуируетъ, что настоящій кабинетъ составленъ такъ, что въ его средѣ нѣтъ представителей мнѣній республиканцевъ нѣкоторыхъ фракцій. Этими словами онъ хочетъ посѣять раздоръ между умѣренными республиканцами и непримиримыми и вызвать столкновеніе между министромъ и республиканскимъ большинствомъ. Но никто не поддается западнѣ, и республиканцы, желая снова подтвердить свою солидарность, оставляя въ сторонѣ всякія печальныя соображенія, вызванныя въ нихъ заключеніями доклада Леблона, подымаются единодушною массою, представляющею, по своей численности, болѣе двухъ третей палаты, чтобы отвергнуть предложеніе Митчеля.

Послѣ этого, палата расходится на вакаціи.

Чего же успѣли достигнуть республиканцы въ этотъ періодъ первой парламентской сессіи?

Если возрожденная чуть не чудомъ Франція и не могла торжественно отпраздновать эпоху вступленія своего на новый путь, то ея представителямъ все-таки удалось нѣсколько упрочить новый и желательный порядокъ вещей. Такъ, новымъ палатамъ удалось, во время этого періода первой сессіи, избѣжать всякаго столкновенія какъ между обоими законодательными собраніями, такъ и между законодательною и исполнительной властью, заставить послѣднюю встать въ открытыя враждебныя отношенія съ имперіализмомъ, хотя во главѣ управленія и стоитъ лицо этому несочувствующее, и провозгласить республиканскій образъ правленія окончательно утвержденнымъ. Кромѣ того, имъ удалось поставить нѣкоторый оплотъ противъ одного изъ страшнѣйшихъ золъ, угрожавшихъ Франціи—возможности восторжествованія въ ней ультрамонтанской реакціи.

Всего этого, если хотите, еще не много, и можно было бы сдѣ-

лать и больше, не откладывая на будущее нѣкоторыхъ жгучихъ вопросовъ, но, принимая во вниманіе то положеніе вещей, въ какое поставлена была Францiя своимъ недавнимъ прошедшимъ и подземной продолжительной работой монархическаго и клерикальнаго собранія 1871 года, понимая, какъ усложнены въ ней борьбою лицъ и стремленій всѣ самые существенные вопросы, политическіе, религіозные и военные—нельзя не убѣдиться, что первый періодъ сессіи прошелъ, все-таки, не безполезно, и кое что сдѣлано расчищено и упрощено для того, чтобы въ будущемъ уже не встрѣчалось для общественнаго и свободнаго развитія Франціи тѣхъ нелѣпыхъ и угнетающихъ препятствій, какія на каждомъ шагу ее давили, угнетали и замедляли ея правильный ходъ... И... все то благо, что добро.

II.

Театръ и музыка.—«Дядя, лакомый для наслѣдниковъ» и «Старые пріятели»—на сценѣ театра Гимназіи.—«Poste restante», «Мужъ мой въ Версали» и «Лулу»—въ театрѣ Палэ-Рояля.—«Король почиваетъ»—въ «Variétés.»—«Первый коверъ», «Гололедица» и «Разъѣздъ съ бала»—на театрѣ Водевиля.—Огромный успѣхъ «Розовыхъ домино».—«Les Mirlitons»—въ Folies Drammatiques.—«Le roi d'Yvetot»—въ театрѣ улицы Тэтбу.—«Мельница Веръ-Галанъ»—въ Буффахъ.—Успѣхъ «Пикколино» Жиро въ Комической Оперѣ.—Замѣчательное паденіе «Іоанны д'Аркъ» въ Большой Оперѣ.—Открытіе итальянскаго и лирическаго театровъ.—Духовные концерты.

Зима настоящаго года, отличавшаяся необычайною суровостью, отличилась и своею продолжительностью. Въ страстную пятницу у насъ еще шолъ снѣгъ, и парижане, въ концѣ апрѣля, вмѣсто обыкновенныхъ въ это время прогулокъ за городъ, вынуждены были оставаться въ городѣ и еще топить камины въ своихъ квартирахъ. Для театровъ, слѣдовательно, въ смыслѣ денежной выручки, настоящій сезонъ исключительно благопріятенъ, но за то, въ смыслѣ прогресса драматическаго искуства—такого жалкаго года я положительно не запомню. Урожай пьесъ, правда, былъ обиленъ, онѣ появлялись десятками, но чуть-ли нетолько для того, чтобы немедленно провалиться. Пьесъ, перешедшихъ за сто представленій, всего на все только три: «Путешествіе на луну», «Данишевы» и «Молодая новобрачная». Изъ серьёзныхъ Комедій, литературное достоинство можно признать только за одной «Госпожой Каверлэ». Если со сцены театра Французской комедіи еще не сошла терзающая нервы зрителей «Иностранка», то развѣ только потому, что ее нечѣмъ замѣнить. Театръ Гимназіи, съ тѣхъ поръ, какъ Дюма-сынъ его промѣнялъ на театръ Французской Комедіи и, ставъ академикомъ, счелъ для себя недостойнымъ писать для него пьесы, просто агонизируетъ. Дирекція его уцѣпилась за Сарду, но всѣ возобновленія

пьесъ этого автора не имѣли успѣха, да и единственная новинка «Ферреоль» не продержалась долѣе шести недѣль. За «Ферреолемъ» блѣдными тѣнями промелькнули еще нѣсколько многоактныхъ комедій, и эта цѣлая серія неуспѣховъ, какъ мнѣ кажется, совершенно озадачила первостепенную труппу артистовъ этого театра—труппу, быть можетъ, лучшую въ мірѣ. Всѣ исполнители какъ-то растерялись, и въ ихъ игрѣ исчезли и прежній ансамбль, и всякое увлеченіе. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда смотрѣлъ на то, ка̀къ они исполняли «Дядю, лакомаго для наслѣдниковъ», недурную комедію гг. Делакура и Геннекена. Она окончательно провалилась, и въ этомъ случаѣ рѣшительно отъ небрежной и вялой игры актеровъ. Новая пьеса Луи Давиля, автора «Законной любовницы», «Старые пріятели», тоже весьма дурно разыгрывается и отчасти поэтому имѣетъ какой-то только полу-успѣхъ. Впрочемъ, самое названіе этой пьесы неудачно и не соотвѣтствуетъ содержанію. Ждешь живой и выхваченной изъ дѣйствительной жизни картины несостоятельности притворно дружескихъ отношеній, а присутствуешь при супружеской драмѣ самаго ординарно-буржуазнаго пошиба, разрѣшающейся скоропостижною смертью одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Первый актъ, впрочемъ, представляющій собою картину быта провинціи—написанъ мастерски, за то въ другихъ, несмотря на нѣсколько удачныхъ сценъ и остроумныхъ подробностей, дѣйствіе тянется такъ вяло и возбуждаетъ такъ мало интереса, что почти радуешься, что, наконецъ, является хотя бы и неудачная развязка. Вся пьеса построена на томъ, что старый морякъ Деу, за восемнадцать лѣтъ до начала пьесы, во время морскаго путешествія, насилуетъ, скорѣе подъ вліяніемъ минутной вспышки страсти, чѣмъ по коварному расчету, жену лучшаго своего друга, доктора Гибера, порученную послѣднимъ его покровительству на время переѣзда. Послѣдствіемъ этого печальнаго обстоятельства—дочь г-жи Гиберъ, Амелія. Не будь ея, и весь этотъ скандалъ такъ бы и кончился ничѣмъ, ибо морякъ давно раскаялся въ своемъ преступномъ дѣяніи и искупилъ его долголѣтнимъ самоотверженіемъ въ пользу обманутаго имъ врача, а жертва его, г-жа Гиберъ, хотя и мучается безмолвною скорбью, но увѣрена, что никто объ ея тайнѣ не знаетъ. Амелія, при началѣ дѣйствія—уже невѣста, и, вѣроятно, она вышла бы преблагополучно замужъ за своего жениха Жюльена, еслибы у моряка не было племянницы вдовы и кокетки, влюбленной въ этого же субъекта. Отецъ-врачъ далъ бы ей свое родительское благословеніе и соотвѣтственное приданое, а отецъ-морякъ прибавилъ бы къ оному и отъ себя малую толику. Оказывается, что влюбленная вдова-племянница и кокетка почему-то знаетъ о тайнѣ своего дяди и госпожи Гиберъ (это почему въ пьесѣ покрыто мракомъ неизвѣстности, и зритель не можетъ объяснить себѣ этого ея знанія ничѣмъ, кромѣ того, что она или подслушала какое нибудь объясненіе своего дяди съ его жертвой, или, при

столоверченіи, узнала эту исторію отъ духовъ) и, желая отбить отъ Амеліи Жюльена, выводитъ эту тайну на свѣжую воду.

Семейно драматическія сцены, слѣдующія за этимъ обнаруженіемъ, весьма эффектны въ сценическомъ смыслѣ, а особливо сцена, гдѣ Гиберъ требуетъ объясненія отъ моряка. Деу до того уничтоженъ сознаніемъ своей преступности, стыдомъ и горемъ, что съ нимъ дѣлается апоплектическій припадокъ. Какъ врачъ, Гиберъ обязанъ его спасти, какъ обманутый мужъ и другъ, которому измѣнили—онъ обуреваемъ жаждою отмщенія. Борьба эта очень драматична. Чувство долга беретъ въ немъ перевѣсъ надъ личными аффектами, и онъ рѣшается пустить своему другу кровь... ланцетомъ, но уже поздно—морякъ мертвъ. Смерть его обусловливаетъ то, что мужъ прощаетъ свою жену, а Амелія и Жюльенъ соединяются законнымъ бракомъ, даже и не подозрѣвая, какая вокругъ нихъ происходила драма. Еслибы въ ней не попадалось хорошихъ мѣстъ, то зрители могли бы имъ позавидовать, что они ея не видали, но, повторяю, при всей нелѣпости пьесы въ ея цѣломъ составѣ, въ ней чувствуется присутствіе таланта, и нѣкоторыя частности и мѣста выкупаютъ вполнѣ наводимую ею скуку, уныніе и досаду на автора за очевидную необдуманность и рутинную блѣдность его произведенія.

Впрочемъ, автора, пожалуй, не за что и упрекать: онъ—писатель новый, и прошло не болѣе трехъ лѣтъ, какъ выступилъ впервые передъ публикою театра «Gaîté» съ первою своею пьесою, написанною имъ въ сотрудничествѣ съ Барьеромъ. «Законная любовница»—первая его пьеса, исключительно имъ однимъ написанная. А въ качествѣ новаго писателя, онъ долженъ сообразоваться съ требованіями директоровъ нашихъ театровъ. Директора же эти, вообще, неохотно и рѣдко принимающіе пьесы новыхъ писателей, отличаются крайнею боязнью всего новаго и оригинальнаго. Они боятся, что, говоря ихъ выраженіемъ, пьеса, въ чемъ либо отступающая отъ принятой рутины, «не сдѣлаетъ денегъ», т. е. не доставитъ надлежащихъ сборовъ. Обыкновенно, они придерживаются одного или двухъ старыхъ поставщиковъ, т. е. такихъ писателей, которые имѣли предварительный и, главное, денежный успѣхъ, и допускаютъ на своихъ сценахъ произведенія молодыхъ писателей только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда извѣстности почему либо не успѣваютъ закончить къ точному времени обѣщанныхъ имъ пьесъ. Но и въ этихъ случаяхъ, они только тогда ставятъ пьесы молодыхъ авторовъ, если онѣ написаны, такъ сказать, по трафарету, напоминаютъ пьесы, имѣвшія успѣхъ, и ни въ чемъ не отступаютъ отъ путей, уже наѣзженныхъ и къ которымъ привыкла публика. Мало того: они отъ себя навязываютъ такимъ авторамъ сотрудниковъ изъ старыхъ посредственностей, которые перекраиваютъ пьесу такъ, что изгоняютъ изъ нея все смѣлое, самобытное и совершенно ее обезцвѣчиваютъ. Не принять такого сотрудника во многихъ случаяхъ для начинающаго невозможно, такъ какъ

иначе ему никогда не попасть въ число авторовъ, пьесы которыхъ играютъ. Только третьестепенные театры, какъ «Théâtre parisien», «Théâtre du Château d'Eau», «de Cluny», «des Arts» и еще съ полдюжины другихъ, разбросанныхъ по отдаленнымъ кварталамъ Парижа, снисходительнѣе къ молодымъ авторамъ, хотя сборы съ нихъ такъ незначительны по бо̀льшей части, что ставить на нихъ новыя пьесы значитъ почти отказаться отъ всякаго вознагражденія за свой трудъ. Это было бы, впрочемъ, еще ничего, такъ какъ, все-таки, они пріучаютъ публику къ новымъ именамъ; но есть другое обстоятельство, въ которомъ молодые писатели рѣшительно неповинны и которое, тѣмъ не менѣе, всею тяжестью своею фатально обрушивается на нихъ и портитъ ихъ будущность. Дѣло въ томъ, что антрепренерами такихъ театровъ дѣлаются обыкновенно спекуляторы и, притомъ, не обладающіе достаточными денежными средствами. Держатся они обыкновенно нѣкоторое время кое-какъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, а кончаютъ почти всегда банкротствомъ. Причину же этого банкротства они сваливаютъ на то, что пьесы молодыхъ авторовъ не доставляютъ имъ денежныхъ успѣховъ, тогда какъ сами они не умѣютъ или не могутъ ни обставить ихъ какъ слѣдуетъ, ни составить порядочной труппы. Нѣкоторые изъ нихъ даже серьёзно станутъ увѣрять васъ, что пьесы молодыхъ авторовъ приносятъ несчастіе театру. Едва-ли подобнаго грубаго предразсудка втайнѣ не раздѣляютъ и директора театровъ болѣе значительныхъ, такъ какъ они, за неимѣніемъ подъ рукою новыхъ пьесъ извѣстностей, все-таки отчуровываются отъ произведеній новыхъ писателей, а пробавляются «возобновленіями» давно заигранныхъ пьесъ. Такъ, въ настоящую минуту, напр. на «Историческомъ Театрѣ» идетъ старинная пьеса «Maison du Pont Notre Dame», въ «Ambigu»—«Ліонскій курьеръ», а на Театрѣ Сентъ-Мартенскихъ Воротъ, вслѣдъ за «Тремя Мушкатерами» и «Двадцать лѣтъ спустя», появилась старая передѣлка съ англійскаго «Jean la Poste». Между тѣмъ директоръ этого театра уже два года тому назадъ принялъ отъ того же Давиля пьесу «le Capitaine Coq Hardi», но ставить ее очевидно боится. Мало того: ни ему и никому изъ его товарищей даже и въ голову не пришло, что, воспользовавшись снятіемъ съ Парижа осаднаго положенія, можно было бы приступить къ постановкамъ на сцену, напр. такихъ пьесъ Виктора Гюго, какъ «Le Roi s'amuse», представленіе которой было за это время запрещено, или такихъ, которыхъ публика еще не знаетъ, какъ новая его драма «Торквемада».

На сценѣ театра «Пале-Рояля», такъ какъ «Le Panache» былъ уже окончательно заигранъ, директора поставили новую пьесу счастливыхъ авторовъ «Процесса Ворадьё», гг. Делакура и Геннекена: «Poste restante». Пьеса эта довольно живая, и въ ней есть новыя и счастливыя положенія. Такъ, напримѣръ, весьма недурна сцена, гдѣ старикъ мужъ, пойманный на интригѣ од-

нимъ изъ своихъ пріятелей, стараясь передъ нимъ всячески оправдаться, объясняетъ необходимость ея своимъ вулканическимъ темпераментомъ и природною холодностью своей жены. Разумѣется, онъ и не догадывается, что его молодой конфидентъ пользуется фаворомъ его супруги и считаетъ себя глубоко несчастнымъ, такъ какъ не имѣетъ рѣшительно никакого покоя отъ знойныхъ порывовъ ея неудержимой страстности. Ваши соотечественники находятъ, что подобныя сценическія положенія прегрѣшаютъ слишкомъ глубокимъ проникновеніемъ въ реальную область супружескихъ отношеній, но мы подобною чопорностью анализа не отличаемся, и намъ эта сцена до нельзя понравилась. Пьеса, однако, долго на сценѣ не продержалась (всего около 15 дней); ее буквально свалили друзья-критики авторовъ, начавшіе положительно завидовать, тому, что ихъ пьесы на всѣхъ театрахъ начали принимать и онѣ повсюду встрѣчаютъ успѣхъ.

Впрочемъ, не повсюду: пьеса одного изъ нихъ, Делакура, написанная имъ въ сотрудничествѣ съ Лабишемъ и идущая на театрѣ «Variétés»—успѣха не имѣла, несмотря на то, что эта пьеса «Король почиваетъ», фантастическій водевиль (féerie-vaudeville) старательно исполняется, что въ ней находятся цѣлыя аріи и хоры, музыка для которыхъ очень талантливо скомпанована капельмейстеромъ театра — Маріусомъ Буляромъ. Пьесы подобнаго рода, для того чтобы ихъ можно было смотрѣть безъ скуки, требуютъ слишкомъ роскошной постановки и декорацій, такъ же какъ и выставки значительнаго числа красивыхъ актрисъ, для чего и сцена «Variétés» мала, и средства дирекціи не особенно велики. Иначе цѣпь невѣроятныхъ происшествій въ какой-то невозможной средѣ невольно нагоняетъ зѣвоту. Олицетворенія сновидѣній дѣйствующихъ лицъ въ ней недостаточно картинны и живописны. Прадо очень забавно пародируетъ адвоката Лашо, этого знаменитаго защитника Тропмана и Базèна, но, чтобы понять всѣ его намеки и аллюзіи, надо быть завсегдатаемъ ассизныхъ судовъ. Самое забавное и живое мѣсто въ пьесѣ—это осмѣяніе дуэлей и дуэлистовъ; я даже позволю себѣ передать вамъ всю эту сцену и обстоятельства, ея объусловливающія. Представьте себѣ, что нѣкоторый принцъ Альсендоръ, безо всякаго серьёзнаго повода и основанія, отказывается отъ своей невѣсты—принцессы Ромбоиды. Отецъ невѣсты, грозный король Фликъ-Флякъ, служившій, прежде своего восшествія на престолъ, въ уланахъ, кажется, трубачемъ, вызываетъ его на дуэль, предоставляя ему самому выборъ оружія. Наканунѣ дуэли, имъ приходится ночевать въ одной и той же палаткѣ, такъ какъ другой вблизи выбранной имъ мѣстности не оказывается. Они оба засыпаютъ, такимъ образомъ, передъ зрителями, и передъ зрителями же проносятся ихъ общія сновидѣнія. Видятъ во снѣ они самихъ себя и свою будущую дуэль. Сначала они дерутся во Франціи на шпагахъ. Между облаками являются трое маленькихъ дѣтей. Двое одѣты, какъ они, и представляютъ

ихъ, а третій—крошечнаго доктора. Но едва они выступаютъ въ позицію и скрещиваютъ свои шпажонки, какъ появляется громадный жандармъ и беретъ подъ мышку, чтобы снести въ тюрьму какъ ихъ самихъ и доктора, такъ и ихъ оружіе, для предоставленія всего этого куда слѣдуетъ, въ качествѣ corpus delicti. Оба врага просыпаются по очереди, и каждый изъ нихъ заявляетъ немалую, хотя и трусливую радость, что все ими видѣнное—только сновидѣніе. Засыпая снова, они видятъ другой сонъ. Они въ Бельгіи, странѣ «свободной для дуэлей», какъ объ этомъ гласитъ надпись на доскѣ, въ которой сказано, что «здѣсь каждому предоставляется право убивать другого сколько угодно». Маленькіе ихъ Созіи дерутся на этотъ разъ на большихъ пистолетахъ. Они очень основательно ихъ заряжаютъ, стрѣляютъ другъ въ друга и на поваль одинъ другого убиваютъ. Крошечный докторъ свидѣтельствуетъ фактъ наступленія смерти. Трупы ихъ кладутъ на носилки, и со стороны Францін за ними являются погребальныя дроги, на которыя ставятъ эти носилки. Похоронная процессія проходитъ по сценѣ и замыкаетъ ее все тотъ же, уже знакомый публикѣ гигантъ-жандармъ, на этотъ разъ заливающійся слезами и вытирающій ихъ огромнымъ голубымъ съ клѣтками платкомъ. Первымъ просыпается грозный Фликъ-Флякъ и съ крикомъ отчаянія: «Я убилъ своего зятя!» бѣжитъ изъ палатки. За нимъ просыпается и Альсендоръ и, видя, что постель Флика пуста, начинаетъ рыдать о томъ, что онъ—убійца своего тестя. Встрѣчаются они только уже въ одной изъ слѣдующихъ картинъ, когда каждый изъ нихъ считаетъ долгомъ явиться утѣшителемъ въ семьѣ своего убитаго противника. Встрѣча ихъ доставляетъ имъ несказанную радость, что они оба живы, что все, что̀ они видѣли, было только во снѣ, что они отдѣлались только однимъ страхомъ, почему они и торопятся помириться и устроить свое семейное дѣло къ обоюдному и общему удовольствію.

Но одной или двухъ удачныхъ сценъ, конечно, мало для успѣха цѣлой пьесы, и вотъ Variétés оказались вынуждены снять съ афишъ своего «Короля» и поставить временно «Парижскую жизнь», пока репетируется возобновленіе «Денежной булочницы». Театръ Пале-Рояля, съ своей стороны, рѣшилъ, не рискнуть ли на постановку, вмѣсто одной длинной пьесы, «составляющей спектакль», нѣсколькихъ маленькихъ пьесокъ. Относительный успѣхъ оправдалъ его соображенія. Къ двумъ старымъ водевилямъ, «Омаръ» и «Онъ не умѣетъ читать», онъ прибавилъ два новыхъ «Мой мужъ въ Версали» и «Лулу», и публика въ него вало̀мъ повалила.

Пьескѣ «Мой мужъ въ Версали» гг. Октава Гатино и Вильяма Бюзнака придавало пикантность то обстоятельство, что ея представленіе было запрещено театральной цензурой во время нахожденія Парижа въ осадномъ положеніи. Военные люди считали непозволительнымъ хотя бы самый отдаленный намекъ на

версальскія священнодѣйствія и жрецовъ; цензура республиканцевъ не увидала никакого преступленія въ томъ, чтобы члены новыхъ палатъ были выводимы на сцену. Впрочемъ, дѣйствующія лица палерояльскаго водевиля, изображаемыя Гіасентомъ и Равелемъ—даже не депутаты. Они только выдаютъ себя за депутатовъ: одинъ передъ женой, для того чтобы придать благовидный предлогъ своимъ незаконнымъ отлучкамъ изъ-подъ супружскаго крова въ общество кокотокъ, другой—передъ женщиной, въ которую влюбленъ, для того чтобы, подѣйствовавъ внушительно на ея самолюбіе, этимъ способомъ проложить себѣ путь къ ея сердцу. Вся эта исторія приводитъ къ дѣйствительно живой и комической заключительной сценѣ свиданія двухъ лже-депутатовъ, въ которой каждый изъ нихъ, принимая другого за дѣйствительнаго депутата, опасается своего изобличенія, почему между ними и происходитъ уморительнѣйшій qui pro quo. Пьесу эту, не безъ пользы для супружескаго благополучія—могутъ весьма удобно привозить смотрѣть своихъ мужей тѣ парижскія жены, которыя опасаются съ ихъ стороны себѣ невѣрности. «Вотъ въ какія смѣшныя положенія могутъ тебя поставить твои дѣйствія, можетъ, въ заключеніе, сказать каждая изъ нихъ своему сожителю. За то, конечно, ни одна изъ кокотокъ, любящихъ округлять свои средства, хотя бы они приходили изъ многочисленныхъ рукъ, не пустила бы ни одного изъ своихъ кліентовъ, еслибы это отъ нея зависѣло, смотрѣть пьеску гг. Мельяка и Галеви «Лулу». Водевиль этотъ, остроумный до пряности, живьемъ выхваченъ изъ быта бульварщиковъ и дамъ полусвѣта. Характеръ главнаго дѣйствующаго лица, кокотки, играющей своими обожателями и принаравляющейся ко вкусамъ и требованіямъ каждаго изъ нихъ, представляющейся неразсчетливой, увлекающейся, беззаботной, а въ сущности, сухой, своекорыстной и расчитывающей каждый грошъ—годился бы даже въ серьёзную комедію.

Театръ «Водевиля» послѣдовалъ примѣру пале-рояльскаго и тоже составилъ смѣшанный спектакль изъ небольшихъ новыхъ пьесъ. «Первый коверъ», комедійку гг. Бускара и Декурселя, можно было бы назвать «Выборомъ перваго любовника», тогда названіемъ исчерпывалось бы все его содержаніе. Дѣло въ томъ, что одна актриса, которой надоѣло сохранять свою добродѣтель, не рѣшается во все время дѣйствія — кого изъ своихъ поклонниковъ осчастливить. Наконецъ, выборъ ея падаетъ на нѣкоего Балатова, русскаго, который даритъ ей коверъ, пришедшійся ей очень по вкусу. Эту конфекту, впрочемъ, вамъ еще, вѣроятно, преподнесутъ на вашемъ михайловскомъ театрѣ, такъ какъ авторы этой жалкой пьесы, должно быть, не безъ цѣли выставили въ ней русскаго побѣдителемъ сердца героини. Безъ сомнѣнія, она и у васъ, такъ же, какъ у насъ, провалится.

«Гололедица»—пьеска очень талантливаго... живописца, нѣкоего Вибèта. Это—такъ-называемая actualité, только ужь больно

заднимъ числомъ, такъ какъ со времени знаменитой гололедицы, бывшей въ Парижѣ 1-го января 1875 года—прошло уже болѣе 15 мѣсяцевъ. Декорація, представляющая Площадь Согласія ночью со всѣми экипажами и пѣшеходами, какъ они были захвачены гололедицей—очень хороша, но и только. Пьеса эта могла бы еще смотрѣться гдѣ-нибудь въ кафе-шантанѣ, но на сценѣ серьёзнаго театра она рѣшительно неумѣстна.

«Разъѣздъ послѣ бала» Поля Роже и Делакура удачнѣе двухъ первыхъ пьесъ. Главный ея недостатокъ—краткость, множество дѣйствующихъ лицъ и сложность интриги, такъ что отъ зрителя требуется напряженное вниманіе, чтобы за нею слѣдить. Стòитъ пропустить мимо ушей двѣ-три фразы, и уже нельзя будетъ ничего понять. Мысль пьески довольно удачная—показать, кàкъ разнообразно дѣйствуютъ на мужей различныхъ темпераментовъ и наклонностей подозрѣнія объ измѣнѣ имъ ихъ молодыхъ и красивыхъ женъ. Это, такъ сказать—комическій этюдъ, къ сожалѣнію, скомканный въ коротенькой водевиль.

Видя, что со смѣшаннымъ спектаклемъ далеко не уйдешь, театръ «Водевиля» поставилъ новую пьесу все тѣхъ же авторовъ «Процесса Ворадьё»—Делакура и Геннекена: «Розовыя домино», и успѣхъ ихъ превзошелъ всякія ожиданія. Пьеса, дѣйствительно чрезвычайно удачна. Я, по крайней мѣрѣ, не запомню пьесы, въ которой *imbroglio* было бы такъ мастерски скомпановано и съ такою ясностью приведено въ дѣйствіе. Передъ зрителями два современныхъ французскихъ супружескихъ менажа. Первая изъ женъ, Маргарита—настоящая парижанка и очень хорошо понимаетъ, что мужъ ея, во время своихъ постоянныхъ отлучекъ то въ клубъ, то въ театры, нисколько не озабочивается сохраненіемъ своей супружеской вѣрности. Зато подруга ея, Анжела, провинціалка, находится въ полномъ убѣжденіи, что для ея мужа не существуетъ на свѣтѣ другихъ женщинъ, кромѣ нея, и онъ такъ ее искренно любитъ, что, если порою и отлучается изъ дому, то только по необходимости и для устройства дѣлъ. Маргарита подтруниваетъ надъ такою наивностью и предлагаетъ своей подругѣ подвергнуть обоихъ мужей испытанію. «Я назначу свиданіе твоему мужу, ты—моему, говоритъ она: — и мы увидимъ». Свиданіе назначается въ оперномъ маскарадѣ, и обѣ женщины тутъ же диктуютъ своей камеристикѣ анонимныя письма къ своимъ мужьямъ. Мужъ Маргариты, не имѣющій привычки давать женѣ отчетъ въ своемъ поведеніи, отправляется въ маскарадъ, не говоря ни слова. Положеніе мужа Анжелы труднѣе, и ему приходится придумывать для этого предлогъ. Онъ съ самымъ серьёзнымъ видомъ объявляетъ женѣ, что дѣлà на его фабрикѣ требуютъ его немедленной поѣздки въ Руанъ— и отправляется на свиданіе. И Маргарита, и Анжела одѣваются въ одинаковыя розовыя домино и ѣдутъ туда же. Камеристка, которой тоже назначено въ этомъ маскарадѣ свиданіе молодымъ родственникомъ Маргариты, по ихъ отъѣздѣ, тоже ѣдетъ туда.

У ней—такое же розовое домино, подаренное ей ея госпожой въ прошломъ году.

Всѣхъ женщинъ изъ маскарада ихъ кавалеры привозятъ ужинать въ отдѣльныя комнаты одного и того же моднаго ресторана. Тутъ же является и дядя юноши, назначившаго свиданіе камеристкѣ, который внѣ себя отъ восторга, что ему, еще въ первый разъ въ жизни, приходится быть въ театрѣ на первомъ представленіи, оттуда попасть въ маскарадъ и ужинать съ кокоткой. Благодаря тому, что кокотка оставляетъ дядю (Дюбюиссона) одного и онъ отправляется ее отыскивать, благодаря тому, что племянникъ, выходящій изъ отдѣльной комнаты, чтобы поторопить слугу подачей шампанскаго, наталкивается на своего дядю, благодаря тому, что, по уговору съ дамами, не соглашающимися снять своихъ масокъ, гарсонъ ресторана, по условному звонку, вызываетъ одновременно обоихъ мужей по какому-то предлогу, происходитъ такое всеобщее qui pro quo, что, хотя для зрителей и совершенно ясно, кто изъ мужчинъ въ данную миминуту находится съ глазу на глазъ съ тѣмъ или другимъ изъ домино, но, въ то же время, понятно, что дѣйствующимъ лицамъ самимъ невозможно объ этомъ догадаться. Запутанность интриги еще болѣе усиливается въ третьемъ дѣйствіи, гдѣ появляется жена Дюбюиссона, которая, какъ оказывается, тоже дома не ночевала (она провела ночь у больной родственницы). Одну минуту оба мужа начинаютъ думать, что каждый изъ нихъ сдѣлалъ другого рогоносцемъ, а жены обвинять одна другую, что, будто бы, каждая изъ нихъ подала слишкомъ поздно условный сигналъ звонкомъ. Потомъ все обрушивается на тётку, и мужья, позволившіе себѣ слишкомъ смѣлое обращеніе съ своими домино за ужиномъ, полагаютъ, что они бесѣдовали въ это время съ тетушкой. Тутъ же они вспоминаютъ, что, во время самаго разгара ужина, одинъ изъ нихъ облилъ домино своей маски кофе, а другой-таки порядкомъ его разорвалъ. Осмотръ домино обѣихъ дамъ убѣждаетъ мужей, что добродѣтель ихъ женъ не подвергалась никакому риску, такъ какъ оба домино и не разорваны, и кофе не облиты. Тётка Дюбюиссонъ объясняетъ, гдѣ она ночевала, и это спасаетъ дядю и племянника отъ дачи объясненій, какъ они провели свое время. Камеристка отказывается отъ мѣста, и ей почему-то стыдно показаться на глаза своей госпожѣ; но найденное ея домино, нѣсколько разорванное и облитое кофе—ясно доказываетъ, что, если во всей этой передрягѣ кто-нибудь и пострадалъ, то уже, конечно, не обѣ жены и не тётушка Дебюиссонъ. Съ этимъ же послѣднимъ домино началъ ужинать дядя, а окончилъ племянникъ. Все, слѣдовательно, распутывается къ общему удовольствію, и жены прощаютъ своихъ мужей.

Строгіе моралисты найдутъ, конечно, что эта комедія не особенно нравственна, и надо сознаться, что въ ней очень много черезъ чуръ рискованныхъ положеній, но въ томъ-то и заклю-

чается ея достоинство, что она ведена и написана такъ, что она, въ то же время, до послѣдней крайности прилична. Ни одного сколько-нибудь неосторожнаго слова, никакой выходки, которую можно бы было грубо перетолковать. Приэтомъ и разъигрывается она превосходно и чрезвычайно умно, и сдержанно, такъ что если въ ней третье розовое домино и подвергается за сценою четырекратному раздранію, но, такъ какъ обстоятельство это необходимо для водворенія мира и благополучія въ двухъ семьяхъ, то, право, бѣды особенной въ этомъ еще нѣтъ...

Злосчастный театръ «Folies Dramatiques», который послѣ «Дочери госпожи Анго» не можетъ добиться успѣха ни для одной изъ ставленныхъ имъ оперетокъ, хотя бы того же самаго Лекока, рѣшился попытать счастія съ пьесой какого-то неопредѣленнаго рода, называющейся «Les Mirlitons». Это—что̀-то въ родѣ длиннаго водевиля-обозрѣнія, элементами котораго служитъ цѣлая пантомима, отрывокъ изъ оперетки, комическій, вокальный и инструментальный концертъ, гимнастическія упражненія и катанье на конькахъ. Однимъ словомъ, чепуха невообразимая, хотя и смѣшная до-нельзя. Вообще, какъ читатель могъ замѣтить, у нѣкоторыхъ изъ нашихъ театровъ обнаруживается за послѣднее время тенденція обратиться въ кафе-шантаны. Не говоря уже о томъ, насколько такое явленіе выражаетъ паденіе театровъ въ отношеніи искуства, я полагаю, что и въ матеріальномъ отношеніи директора-спекуляторы отъ этого превращенія немного выиграютъ. Кафе-шантановъ и безъ того въ Парижѣ не оберешься, и они, чтобы удержать за собой публику, вынуждены иногда ставить небольшія, новыя оперетки, т. е. какъ бы обращаться въ театры. Въ числѣ послѣднихъ укажу, напримѣръ, на очень игривую и недурную въ музыкальномъ смыслѣ оперетку новаго композитора Берника: «Два Омара», дающуюся на сценѣ недавно открытаго кафе-шантана «Fantaisies». Другой молодой композиторъ, Вассёръ, отъ котораго, послѣ «Timbale d'Argent», ожидали довольно много, удостоился постановки на сцену театра улицы Тэтбу своей оперетки «Le Roi d'Yvetot», имѣвшей въ прошломъ году нѣкоторый успѣхъ въ Брюсселѣ. Къ сожалѣнію, либретто этой оперетки до-нельзя вяло и глупо, тогда какъ изъ знаменитой пѣсни Беранже было такъ удобно составить что̀-либо остроумное и осмысленное. Въ музыкѣ два-три мѣста спасаютъ честь композитора, но, вообще, оперетка смотрится не ради ея самой, а только благодаря хорошему исполненію. Такъ, неистощимо веселая Дэклоза̀, играющая нормандскую крестьянку, до того уморительна, что сто̀итъ ей показаться на сценѣ—и между зрителями немедленно водворяется самое веселое настроеніе духа.

Въ «Буффахъ» идетъ новая полу-комическая опера Серпетта: «Le Moulin du Vert-Galant», тоже неимѣющая успѣха, хотя музыка ея и недурна. Это—какое-то неудачное подражаніе комическимъ операмъ добраго стараго времени, и становится не-

вольно жаль, что Серпеттъ, композиторъ, безспорно даровитый, тратитъ свои силы на подобные пустяки.

Наконецъ, «Театръ Комической Оперы», благодаря содѣйствію Перрена, директора «Театра Французской Комедіи», выкрутился, кажется, изъ своихъ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствъ. Представленія на немъ открылись комической оперой новаго композитора Жиро—«Пикколино». Несмотря на то, что либретто принадлежитъ самому Сарду и давалось нѣкогда, какъ самостоятельная пьеса, на сценѣ театра «Гимназіи», а теперь только переложено въ оперу Нюиттеромъ—оно далеко не совершенство. Оно преисполнено ложной сантиментальностью, съ которою вовсе не вяжутся грубыя выходки самаго дешеваго комизма, а конецъ уже черезъ-чуръ мелодраматиченъ. Аранжировка тоже не изъ удачныхъ; тамъ, гдѣ, по положенію дѣйствующихъ лицъ, ждешь музыки—ея не оказывается; тамъ же, гдѣ въ ней нѣтъ особенной надобности — она тутъ какъ тутъ.

Кромѣ того, дѣйствіе пьесы, подобно тому, какъ въ «Травіатѣ», ради музыкальной необходимости, пришлось перенести въ отдаленную эпоху, такъ какъ нельзя же было заставить распѣвать аріи людей во фракахъ и круглыхъ шляпахъ. Въ первомъ и третьемъ актахъ не мало мѣстъ, замѣчательныхъ въ музыкальномъ отношеніи. Особенно мелодиченъ романсъ 1-го дѣйствія: «Онъ сказалъ мнѣ: я люблю тебя!», приэтомъ чрезвычайно удачно оркестрованный. Замѣчательно хороша описательная симфонія римскаго карнавала: она нисколько не ниже извѣстнаго карнавала Берліоза, хотя и въ другомъ родѣ. Въ третьемъ актѣ особенно выдаются оркестровыя варіаціи на мотивы колыбельной пѣсни. Но болѣе всего хорошъ второй актъ, хотя нѣкоторые строгіе цѣнители и судьи отнеслись къ нему очень свысока, такъ какъ кое-гдѣ въ этомъ актѣ композиторъ позволилъ себѣ такія шаржи, которыя умѣстны только въ однѣхъ опереткахъ. Пожалуй, они не совсѣмъ неправы, и Жиро сдѣлалъ, можетъ быть, ужь слишкомъ много уступокъ духу времени. Такъ, напримѣръ, онъ позволилъ себѣ даже пародировать знаменитую моцартовскую серенаду изъ «Донъ-Жуана», причемъ этой серенадѣ пѣвцы аккомпанируютъ звукоподражаніями гитарѣ, и помѣстилъ въ этомъ актѣ такую пѣсню о блондинкѣ и брюнеткѣ, которая была бы болѣе умѣстна въ какой-нибудь опереткѣ Эрве, того времени, однакожь, когда еще онъ писалъ ихъ недурно. Но, кромѣ этихъ мѣстъ, да еще черезъ-чуръ уже утрированнаго хора чичероне—весь остальной актъ хорошъ безукоризненно. Дуэтъ: «Мнѣ страшно! мнѣ страшно!» сдѣлалъ бы честь любому первостепенному композитору, а романсу Пикколино о Соренте, великолѣпно исполненному г-жею Галли-Марье—предстоитъ самая завидная популярность.

Но если «Пикколино» имѣлъ успѣхъ, зато такъ долго поднятая «Іоанна д'Аркъ» Мермэ—первое новое произведеніе, поставленное Алапзье на сценѣ Большой Оперы, окончательно

провалилась, несмотря на то, что участвовавшая въ ней Круссъ выказала замѣчательный трагическій талантъ. Зато Форъ, на долю котораго пришлось очень немного пѣнія, при всѣхъ своихъ голосовыхъ средствахъ, не былъ въ состояніи ничего сдѣлать изъ своей жалкой партіи. Извѣстно, что партитура «Іоанны д'Аркъ», только благодаря случайности, была спасена, на пожарѣ театра улицы Лепельтье—но едва ли не лучше было бы и для композитора, и для публики, еслибы она на немъ сгорѣла.

Тогда, по крайней мѣрѣ, за авторомъ «Роланда» сохранилось бы почетное мѣсто въ исторіи французской драматической музыки, какъ за удачнымъ композиторомъ военныхъ маршей и орфеоническихъ хоровъ, а публика была бы избавлена отъ нѣсколькихъ часовъ скуки, самой эѳіопской. Послѣ же «Іоанны д'Аркъ», вся репутація Мермэ окончательно погибла. Даже самый коронаціонный маршъ, о которомъ было такъ много рекламъ и которому предсказывали, что онъ уничтожитъ извѣстный маршъ въ «Пророкѣ», несмотря на свою оглушающую шумность, не представляетъ рѣшительно никакихъ достоинствъ. Даже самые снисходительные критики и друзья не отважились ничего похвалить во всей оперѣ, за исключеніемъ хорошо прочувствованной прощальной съ деревней аріи Іоанны въ первомъ актѣ и нѣкоторой гармоничности финала втораго акта. При существованіи въ современной музыкѣ различныхъ направленій, при различіи требованій, предъявленныхъ композиторамъ любителями серьёзной или легкой музыки, обыкновенно бываетъ такъ, что почти всякое новое музыкальное произведеніе возбуждаетъ споры, и то, что̀ наводитъ на порицаніе однихъ, другими, напротивъ, превозносится. Опера Мермэ примирила всѣ партіи и никакихъ распрей и споровъ не произвела: всѣ, слышавшіе ее, единогласно согласились въ томъ, что она безспорно невыносима. Еслибы въ Парижѣ не наступило время наѣзда въ него иностранцевъ и еслибы въ немъ не существовало еще сотень тысячъ постоянныхъ жителей, еще не видавшихъ внутри зданія оперы, а потому идущихъ въ нее, несмотря на то, что̀ бы на сценѣ ни давали, то послѣ трехъ обязательныхъ представленій «Іоанна д'Аркъ» была бы снята съ репертуара. Постановка оперы чрезвычайно роскошна и обошлась Аланзье не дешево, но жалѣть его не представляется основаній. Онъ ничего не платитъ за великолѣпное помѣщеніе своего театра, да еще, кромѣ того, получаетъ 800,000 франковъ ежегодной субсидіи. Почти всѣ декораціи и рѣшительно всѣ костюмы онъ можетъ утилизировать, если возобновить, напримѣръ, хоть «Карла VI» Галеви. Я увѣренъ, что и реймскій соборъ у него не пропадетъ, а явится передъ публикой въ «Пророкѣ» Мейербера. Онъ же, притомъ, въ ущербъ всякимъ другимъ своимъ качествамъ, обладаетъ великою способностью грошовой экономіи, и образъ предка Ротшильдовъ, скопившаго себѣ состояніе при пособіи собиранія

уроненныхъ булавокъ — постоянно проносится передъ его воображеніемъ. Нажиться какъ можно больше, и притомъ какъ можно скорѣе — таковъ его идеалъ, и онъ не упускаетъ ничего изъ вида для его полнѣйшаго осуществленія. Укажу для примѣра на одно обстоятельство. Хотя цѣны на мѣста таксированы правительствомъ, но въ кассахъ вы никогда не найдете ни одного билета, подъ предлогомъ того, что все продано и взято впередъ. Чтобы попасть въ театръ въ тотъ день, когда желаешь, единственное средство—обратиться за билетомъ къ толпѣ перекупщиковъ, которые берутъ за нихъ такую цѣну, какую имъ вздумается. Еслибы дѣло шло о предпріятіи частномъ, то съ такимъ порядкомъ или, вѣрнѣе сказать, безпорядкомъ, пришлось бы поневолѣ примириться, но скандалъ въ томъ-то и заключается, что Большая Опера—театръ національный, и его оффиціальный администраторъ поэтому не можетъ, не компрометируя правительства, прибѣгать, для увеличенія количества личной своей наживы, къ такимъ способамъ, какіе употребляются спекуляторами публичныхъ увеселеній самаго низшаго разбора. Должно думать, однако, что царствію Аланзье скоро наступитъ конецъ, и, при обсужденіи бюджета на 1877 годъ, въ палатѣ депутатовъ будетъ поднятъ вопросъ и объ измѣненіи въ управленіи Большой Оперой. Его или сдадутъ въ руки частныхъ антрепренеровъ, которые возьмутся за это дѣло безъ ассигнованія имъ субсидіи, или въ видахъ интересовъ искусства — преобразуютъ такъ, что лицо, которому будетъ поручено оффиціальное завѣдываніе нашей національной музыкальной академіей, будетъ обязано строгою отчетностью въ своемъ образѣ дѣйствій, какъ относительно артистовъ, такъ и относительно публики. Неуспѣхъ «Іоанны д'Аркъ», можно предсказать навѣрное, послужитъ для Аланзье благовиднымъ предлогомъ долго не ставить ничего новаго. Онъ будетъ безъ конца обходиться все тѣми же пятьюшестью операми, которыя находятся въ настоящее время на текущемъ репертуарѣ—съ дешевыми пѣвцами и пѣвицами—благо должно пройти еще много времени, пока любопытство всѣхъ парижанъ видѣть новую залу будетъ удовлетворено, а когда, наконецъ, вѣдомство изящныхъ искусствъ обратитъ на это вниманіе и захочетъ прибѣгнуть къ какимъ-нибудь строгимъ мѣрамъ для поднятія падающаго искусства, онъ просто подастъ въ отставку... Съ капиталомъ, который можетъ дать нѣсколько сотъ тысячъ годоваго дохода, можно спокойно доживать и въ отставкѣ, хотя бы и съ репутаціей человѣка, окончательно добившаго драматическую музыку во Франціи.

Впрочемъ, будемъ надѣяться, что добить драматическую музыку окончательно все-таки ему не удастся. Обращеніе театра «Gaîté» въ третій лирическій театръ съ правительственной субвенціей—можетъ быть нѣсколько поправитъ дѣло. Открыться онъ долженъ на дняхъ.

На 1 мая объявлено первое представленіе оперы «Димитрій»

(самозванецъ), написанной Жонсьеромъ для Большой Оперы, а вслѣдъ затѣмъ пойдутъ и «Эринніи», извѣстная драма Леконта Делиля, имѣвшая значительный успѣхъ въ «Одеонѣ» и которая теперь появится въ формѣ лирической трагедіи, съ увертюрой, антрактами и хорами, написанными композиторомъ Массенэ. Объ этихъ музыкальныхъ событіяхъ я буду подробно говорить въ своей слѣдующей хроникѣ, а теперь упоминаю только вскользь, также какъ и о томъ, что мы, наконецъ, дождались представленія на сценѣ «Итальянскаго Театра», закрытаго въ теченіи цѣлаго года, «Аиды» Верди. Оркестромъ дирижировалъ самъ маэстро и успѣхъ былъ значительный. Это былъ, такъ сказать, успѣхъ протеста противъ бездѣйствія управленія Большой Оперы.

Концерты, во время поста, шли своимъ обычнымъ порядкомъ. Объ нихъ тоже, по недостатку мѣста, упоминаю только вскользь. Наибольшимъ успѣхомъ пользовался вашъ соотечественникъ Венявскій и г-жа Шарвади (Вильгельмина Клаусъ). Консерваторія доставила диллетантамъ случай услышать симфонію, написанную двадцать лѣтъ тому назадъ французскимъ композиторомъ Гуви и исполнявшуюся еще въ *первый разъ!* Несмотря на то, что она исполнялась послѣ произведеній Бетховена и Мендельсона, она поразила публику своими первоклассными красотами и показала ясно, что Францiя въ ея авторѣ потеряла замѣчательнаго композитора, который потому только не создалъ ничего для сцены, что не было театра, который принималъ бы его произведенія. На популярныхъ концертахъ былъ исполненъ на страстной недѣлѣ Requiem Гуно подъ его личнымъ управленіемъ. Публикой онъ былъ принятъ отлично, но мнѣ показался нѣсколько сухимъ и монотоннымъ. Музыкальное общество «Шателе» познакомило насъ съ музыкально-библейской поэмой Санъ-Саэнса «Потопъ», которая значительно смахиваетъ на «Хаосъ» Рубинштейна. Наконецъ, на сценѣ «Одеона» капельмейстеръ театра Комической Оперы, Константенъ, на одномъ изъ четверковыхъ концертовъ, рискнулъ появиться съ однимъ изъ произведеній Вагнера. Публика сначала апплодировала, а, когда отдала эту подобающую честь талантливому новатору въ музыкѣ, то принялась свистать, выразивъ этимъ свою антипатію къ Вагнеру-галлофобу. На этомъ же концертѣ былъ исполненъ торжественный маршъ, написанный, какъ значилось на афишѣ, Максомъ, но, какъ оказалось, это былъ только псевдонимъ, подъ которымъ явился впервые передъ публикой опять-таки вашъ соотечественникъ — князь Иванъ Трубецкой. Когда публика это узнала, то рукоплесканія, вызванныя маршемъ, удвоились. Оканчивая обзоръ музыкальныхъ новостей, не могу не повторить того же, что̀ я уже говорилъ въ своей прошедшей хроникѣ, что русскіе и все русскіе болѣе и болѣе у насъ входятъ въ моду. Для убѣжденія въ этомъ читателей приведу еще одинъ фактъ. На дняхъ, въ Марсели, на сценѣ опер-

наго театра, шла въ первый разъ и имѣла огромный успѣхъ опера новаго композитора Бріона д'Онжеваля. Называется она: «Иванъ IV».

III.

Будущая всемірная выставка въ Парижѣ. — Публичныя чтенія Виктора Гюго и Луи-Блана — для сбора средствъ для отправленія рабочихъ на филадельфійскую выставку. — Погребеніе жены Луи-Блана. — Празднованіе столѣтія американской свободы въ зданіи Новой Оперы. — Католическій комитетъ и петиція клерикаловъ. — Петиція въ пользу амнистіи. — Дополнительные выборы. — Рѣчь министра Ваддингтона въ Сорбоннѣ. — Новая смѣна префектовъ.

Мысль объ учрежденіи въ 1878 году новой всемірной выставки въ Парижѣ — родилась результатомъ полемики, начатой газетою «France» между Эмилемъ Жирарденомъ и Тарганомъ и спорами ихъ объ интересахъ «улицы» и «рабочаго», которые повели къ гласному обсужденію наилучшихъ способовъ доставленія труда нуждающимся въ немъ рукамъ, чтобы, поднявъ матеріальное благосостояніе рабочихъ массъ, воспрепятствовать этимъ путемъ, въ будущемъ, возможности возникновенія какихъ-либо уличныхъ безпорядковъ и даже революціонныхъ вспышекъ. Республиканцы тѣмъ съ бо̀льшимъ сочувствіемъ отнеслись къ осуществленію этой мысли, что такая выставка, уже кромѣ того, что послужитъ самымъ яркимъ выраженіемъ прочности установившагося порядка вещей и довѣрія республики къ своему будущему — связываетъ «третью республику» съ традиціями предшествовавшихъ, такъ какъ первоначальная идея выставокъ этого рода принадлежитъ первой французской республикѣ. Несмотря на глухую оппозицію бонапартистовъ, монархистовъ и клерикаловъ, правительство было увлечено въ потокъ сочувственнаго отношенія къ этому вопросу общественнаго мнѣнія, и всего черезъ какой-нибудь мѣсяцъ отъ начала возникновенія этой патріотической полемики, появились два президентскихъ декрета. Однимъ изъ нихъ назначается срокъ открытія — 1878 годъ — и продолжительности (отъ весны до весны) выставки. Другимъ — учреждалась комиссія для организаціи и опредѣлялся ея личный составъ. По докладу подготовительной комиссіи немедленно появился проектъ, которымъ предлагается отвести подъ помѣщеніе выставки, съ согдашенія палатъ, громадное пространство, заключающее въ себѣ Марсово Поле и площадь Трокадеро, находящіяся на обѣихъ сторонахъ Сены и соединенныя мостомъ, который для этой цѣли предполагается обратить въ крытый. Въ тоже время, въ муниципальный совѣтъ Парижа внесенъ былъ проектъ займа въ 120 милліоновъ для окончанія извѣстныхъ работъ по перестройкѣ Парижа, прерванныхъ войною 1870 года. Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣдній проектъ въ принципѣ и частностяхъ,

какъ затѣя роскоши на имперіалистскій манеръ, встрѣтилъ нѣкоторое противодѣйствіе въ членахъ муниципальнаго совѣта и что представители города, развѣнчаннаго для Версаля, стали, въ виду состоянія городскихъ финансовъ, защищать ихъ отъ правительства, требуя, чтобы имъ, по крайней мѣрѣ, была предоставлена свобода употреблять эти финансы на сооруженія и постройки болѣе неотложныя, чѣмъ проектированное проложеніе новаго бульвара (Опернаго). Въ тоже время, весьма естественно, что нѣкоторые изъ муниципальныхъ совѣтниковъ сочли себя въ правѣ заявить, что, если на долю платежныхъ силъ городскаго населенія для удовлетворенія гордости, а, пожалуй, даже и тщеславія остальной Франціи, выпадаютъ наибо̀льшія тягости, то и Франція обязывается возвратить Парижу его прежнее значеніе столицы. Если всемірная выставка 1878 года должна передъ Европой служить доказательствомъ того, какъ Франція миролюбиво настроена и какъ она мало помышляетъ объ отомщеніи за зло, нанесенное ей Германіей, то не должна ли она и для Парижа служить выраженіемъ, что всѣ внутренніе раздоры страны окончены и забыты.

Парижскіе рабочіе, эти наивныя дѣти своей общей матери, Франціи, одушевлены и въ настоящее время тою же жаждою ознакомленія своего съ послѣдними успѣхами научнаго прогресса производствъ, какъ и во время лондонской всемірной выставки 1862 года. Два года назадъ, несмотря на то, что версальское собраніе отказало имъ во всякомъ поощреніи ихъ и въ матеріальномъ содѣйствіи, они, на суммы, доставленныя имъ муниципалитетомъ, а главнѣйше подписками по частной иниціативѣ, посылали своихъ делегатовъ на выставку въ Вѣну. Въ настоящее время, для таковой же отправки рабочихъ въ Филадельфію, муниципальный совѣтъ вотировалъ имъ 30,000 франковъ субвенціи, о пособіи въ 100,000 фр. поднятъ вопросъ въ палатѣ депутатовъ; остальныя же издержки на такое дорогое и отдаленное путешествіе делегатовъ предполагается, по прежнему, покрыть при пособіи частныхъ подписокъ. Въ видахъ этой же цѣли, происходило въ театрѣ «Château d'Eau» публичное чтеніе Луи-Блана и Виктора Гюго. Знаменитый историкъ французской революціи прочиталъ въ сжатомъ видѣ цѣлую исторію Соединенныхъ Штатовъ Америки—исторію, впрочемъ, скорѣе въ соціальномъ, чѣмъ въ политическомъ смыслѣ этого слова. Чтеніе это было какъ бы краснорѣчивымъ апоѳеозомъ творческой способности человѣка и его разума, все озаряющаго и не откуда, кромѣ какъ изъ самого себя, не почерпающаго своего свѣта. Поэтъ «Грознаго Года», забывъ на время въ своей рѣчи гнѣвное вдохновеніе, одушевляющее его «Châtiments» отдался въ ней однимъ гуманнымъ концепціямъ, какія нѣкогда обусловили созданіе его «Contemplations». Онъ не упоминалъ ни о международномъ братоубійствѣ 1870 года, ни о всѣхъ тѣхъ скорбныхъ фактахъ, въ которыхъ проявлялось стремленіе силы — за-

душить право, но, воспользовавшись празднованіемъ перваго дня христіанской пасхи, заявилъ только, что народамъ пора отпраздновать свою всемірную пасху умиротворенія и всеобщаго братства. Особенно сильный энтузіазмъ публики вызвало его обращещеніе къ парижскому народу, къ которому онъ отнесся такимъ образомъ: «Не отчаявайся, о, народъ, оклеветанный и непонятый! Оставайся навсегда самимъ собой... съ своею гордостью и добротой, всегда готовый подчиниться порядку, основанному на долгѣ и дорожащій свободой, основанной на трудѣ. Иди, какъ шелъ, впередъ—безъ отдыха, борись, какъ боролся безъ устали, напрягая всѣ свои усилія, чтобы никого не ненавидѣть. Увы! послѣднее иногда чрезъ мѣру трудно. Но все равно, братья, не станемъ отъ этого терять энергіи, поддержимъ колеблющихся, успокоимъ боящихся, поможемъ страждущимъ, отвѣтимъ любовью любящимъ и простимъ—неумѣющимъ прощать!»

Рѣчь свою заключилъ онъ такими словами: «Америка, въ средѣ которой существовали рабы, заимствовала у насъ великій примѣръ и освободила ихъ. У насъ есть осужденные и жертвы недавняго междоусобія. Заимствуемъ же и мы у Америки для нихъ великій примѣръ—амнистію!» Луи-Бланъ также, когда въ своемъ изложеніи коснулся того, что, по окончаніи послѣдней гражданской войны въ Америкѣ, побѣдоносный Сѣверъ поспѣшилъ немедленно амнистировать поднявшихъ знамя мятежа южанъ, высказалъ съ особенною выразительностью слѣдующую мысль:

«Къ вѣчной славѣ государственныхъ людей Новаго Свѣта послужитъ то, что они были въ состояніи понять, что только одно великодушіе обладаетъ могуществомъ воспрепятствовать, чтобы въ побѣжденныхъ ненависть пережила ихъ пораженіе и, что никакой порядокъ не проченъ, если онъ не водворенъ на умиротвореніи оскорбленныхъ чувствъ побѣжденныхъ».

Виктору Гюго былъ поднесенъ громадный цвѣточный вѣнокъ, перевязанный трехцвѣтными лентами; онъ отдалъ его Луи-Блану, для передачи женѣ послѣдняго, лежавшей при-смерти въ то самое время, когда отъ ея болѣзненнаго одра гражданинъ-мужъ долженъ былъ оторваться, для исполненія своего общественнаго дѣла—чтенія въ пользу рабочихъ. Больная приняла этотъ даръ съ грустною улыбкой: «Это будетъ дорогимъ украшеніемъ моей могилы», сказала она, и, дѣйствительно, черезъ восемь дней, этотъ вѣнокъ, едва начавшій увядать, былъ положенъ на ея гробъ. Покойной подругѣ Луи-Блана, англичанкѣ, рѣшившейся, 10 лѣтъ тому назадъ, самоотверженно раздѣлить горькую судьбу изгнанника, было всего только 40 лѣтъ. Она избѣгала всякой публичности, которою обыкновенно такъ тщеславяться всѣ жены знаменитостей, и была скромнымъ украшеніемъ и радостью домашняго быта знаменитаго историка. Парижское населеніе, тѣмъ не менѣе, придало ея погребенію характеръ политической манифестаціи, а Викторъ Гюго сказалъ

на могилѣ торжественную рѣчь. Когда погребальный поѣздъ появился на площади Бастиліи, то, среди криковъ рабочихъ: «да здравствуетъ республика!», слышались также и крики: «да здравствуетъ амнистія!»

Зато совершенно не удалось празднованіе столѣтняго юбилея американской свободы, происходившее, вечеромъ въ день этихъ похоронъ, въ зданіи «Большой Оперы», сборы съ котораго должны были послужить къ увеличенію суммы французско-американской подписки на расходы по сооруженію въ нью-йоркскомъ рейдѣ статуи «Свободы, просвѣщающей міръ». Вы, конечно, не забыли, при какихъ счастливыхъ условіяхъ, въ послѣднюю осень, когда скульпторъ Бартольди закончилъ свое произведеніе, подъ предсѣдательствомъ посланника Уашбёрна и Лабулэ, ставшаго впослѣдствіи сенаторомъ, образовался комитетъ, на который было возложено устройство международной манифестаціи въ память великодушнаго содѣйствія французскихъ волонтеровъ зарождавшейся заатлантической республикѣ? Форма театральнаго представленія, придуманная для такой манифестаціи, оказалась весьма неудачною. Весь сборъ этого вечера ограничился суммою въ восемь тысячъ франковъ, что̀ составляетъ только около половины того, что̀ даетъ представленіе на той же сценѣ, напр., «Вильгельма Телля». Лабулэ ухитрился сказать такую фразистую и безцвѣтную рѣчь на благодарную тэму американской свободы, что едва-едва удостоился нѣсколькихъ рукоплесканій, да и то изъ приличія. Музыкальная композиція Гуно, написанная на этотъ случай, несмотря на то, что была исполнена великолѣпнымъ оркестромъ «Большой Оперы» и хоромъ орфеонистовъ въ 700 человѣкъ, тоже не имѣла никакого успѣха. Появленіе на эстрадѣ композитора, который самъ дирижировалъ оркестромъ, вызвало овацію, но, по окончаніи исполненія его произведенія, послѣдовало гробовое молчаніе. «Свобода» Гуно— такъ называется это его произведеніе—оказалась банальной и лишенной всякихъ достоинствъ музыкальной композиціей, съ тривіальнымъ военнымъ маршемъ въ хвостѣ. Гуно предстоялъ случай отличиться и написать для Новаго Свѣта новую, торжественную марсельезу, но онъ такимъ случаемъ не воспользовался.

Черезъ недѣлю послѣ Пасхи, происходили въ Парижѣ одновременно два конгресса: конгрессъ католическихъ комитетовъ и съѣздъ представителей ученыхъ обществъ изъ французскихъ провинцій. Первый, вѣроятно бы, даже и не происходилъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, еслибы не былъ созванъ уже въ прошломъ году. Въ виду слѣдствія по поводу выборовъ въ конклавѣ въ частности и политическихъ интригъ ультрамонтановъ вообще, клерикальнымъ конспираторамъ было бы гораздо удобнѣе не вызывать на свѣтъ божій намѣреній и рѣшеній своихъ комитетовъ, союзовъ и собраній, затѣянныхъ на основаніи Силлабуса, и въ противодѣйствіе существующимъ законамъ, по под-

польной инициативѣ іезуитовъ, и съ явнаго разрѣшенія и благословенія непогрѣшимаго святѣйшаго отца. Докладъ о распространеніи католическихъ рабочихъ союзовъ, которыхъ оказывается 10 въ Парижѣ и 400 въ департаментахъ, несмотря на всю сдержанность докладчика, исполненъ такими откровеніями, которыя, конечно, не будутъ пропущены мимо ушей парламентскими слѣдователями. Относительно республиканскаго большинства палаты депутатовъ общее собраніе католиковъ встало въ явно враждебное отношеніе, избравъ своимъ предсѣдателемъ отстраненнаго депутата Шенелона и произведя шумную манифестацію въ честь де-Мёна, который отсутствовалъ. По прочтеніи объемистой записки іезуита-патера Моссиньи, конгрессъ рѣшилъ не принимать никакихъ ограниченій закона о высшемъ образованіи, прошедшемъ въ 1875 году, признавая его за minimum требованій, на какія по этому вопросу можетъ предъявлять свое право католичество. Положено было составить обширную петицію для представленія въ сенатъ, заключающую въ себѣ протестъ противъ законопроекта о выдачѣ степеней государствомъ, представленнаго Вадингтономъ отъ имени правительства маршала Мак-Магона. Для привлеченія къ ней наибольшаго числа сторонниковъ и приданія ей бо̀льшаго эффекта въ глазахъ маршала и благочестивѣйшихъ изъ сенаторовъ, положено организовать поклонническія процессіи, возможно торжественнѣйшія, и одну, главную, прямо въ центръ всяческой католической благодати—въ богоспасаемый Римъ. Кромѣ того, организована процессія въ Лурдъ и въ Парэ-ле-Моніаль, гдѣ положено отслужить особенно торжественную мессу для богомоленія о возвращеніи въ лоно католической церкви, извините... христіанъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія!!!

Министръ народнаго просвѣщенія, Ваддингтонъ, воспользовался съѣздомъ представителей провинціальныхъ ученыхъ обществъ, чтобы прямо отвѣчать на нападки конгресса католическихъ комитетовъ. Перечисливъ всѣ проекты, какіе правительство намѣрено внести въ палаты для поднятія уровня оффиціально-общественнаго преподаванія по всѣмъ отраслямъ знанія, объ учрежденіи новыхъ провинціальныхъ университетовъ, увеличеніи числа школъ и постепенномъ введеніи дароваго и обязательнаго порвоначальнаго обученія, Ваддингтонъ произнесъ, наконецъ, такое знаменательное заявленіе: «Передайте всѣмъ вашимъ товарищамъ и тѣмъ, кто будетъ васъ объ этомъ спрашивать, что правительство республики твердо рѣшилось поддерживать во всемъ свое государственное право, относясь съ уваженіемъ къ тому, что̀ дорого для религіознаго сознанія; говорите всѣмъ, что оно смотритъ съ такимъ же почтеніемъ на священническую сутану, какъ и на профессорскую тогу... Передавайте всѣмъ, что мы твердо уповаемъ въ будущее и, при содѣйствіи всѣхъ, съ помощію Божіей и подъ Его святымъ покровительствомъ, надѣемся, что новая республика, республика

1875 года, юная и дорогая наша республика, доставитъ Франціи долгоденствіе, благосостояніе и величіе».

Вы видите, что это заявленіе, само по себѣ, какъ по своей сущности, такъ и по формѣ, могло бы почесться весьма невиннымъ, но ему придано огромное значеніе: крайнее озлобленіе, съ какимъ накинулись на оратора-протестанта католическіе изувѣры, увидавшіе въ его рѣчи профанацію Бога, имъ исключительно принадлежащаго, и начавшіе призывать всякіе громы и молніи на еретическую голову республиканскаго гугенота на розовомъ маслѣ, обусловило за Ваддингтономъ, несмотря на скромный объемъ его обѣщаній, полное довѣріе демократіи и такую популярность, что министерскій постъ за нимъ упроченъ надолго, какъ бы противъ этого ни интриговали исповѣдники и собесѣдники «по духу» маршальши Мак-Магонъ, этой половины главы современной Франціи.

За то Дюфоръ, въ качествѣ политическаго эквилибриста высшей школы, тьеровскаго пошиба, не преминулъ выкинуть реакціонный кюльбютъ при видѣ того, что его товарищъ по кабинету сдѣлалъ либеральную вылазку. Замѣняя Рикара, находившагося нѣсколько дней не у дѣлъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, онъ сообщилъ «Агентству Гаваса» маленькую замѣтку въ стилѣ Бюффè, которою предварялись газеты, что имъ не мѣшало бы прекратить всякіе толки объ амнистіи, такъ какъ правительство твердо рѣшилось стоять за заключенія доклада Леблона и абсолютно не соглашаться на принятіе какой бы то ни было комбинаціи, которая хотя бы нѣсколько напоминала собой подобіе обще-прощающей мѣры. Кромѣ того, парижская прокуратура получила предложеніе пригласить редактора газеты «Les Droits de l'homme» не къ суду присяжныхъ, а въ судъ исправительной полиціи, за помѣщеніе на ея страницахъ рѣчи доктора Робине, произнесенной на частномъ собраніи въ залѣ улицы Аррасъ. Эта рѣчь, отъ перепечатанія которой другія газеты благоразумно воздержались, излагаетъ такіе факты изъ исторіи коммуны, которые заставляютъ раздѣлять отвѣтственность за все происшедшее столько же и побѣдителей, какъ и побѣжденныхъ. Въ ней логически доказывается, кромѣ того, какъ, помимо всякихъ юридическихъ основаній, военные суды могли злоупотреблять тѣмъ смѣшеніемъ понятій, какое существуетъ въ вопросѣ о различіи политическихъ преступленій отъ преступленій по общему уголовному праву. Этимъ преслѣдованіемъ правительство, очевидно, хотѣло прекратить всякія неудобныя разоблаченія по дѣлу коммуны въ самомъ зародышѣ и воспрепятствовать распространенію петиціи за амнистію, составленную на этомъ же частномъ собраніи. Едва ли только оно достигнетъ своей цѣли. Забвеніе всего прошлаго возможно только при посредствѣ прощенія всѣхъ, такъ какъ едва ли не всѣ въ немъ одинаково нуждаются.

Второе измѣненіе въ административномъ составѣ произошло

въ 47-ми префектурахъ и обусловило отставку маркиза де-Фурнеса, спасшагося при первой перетасовкѣ, только благодаря своему родству съ маршаломъ. Въ числѣ новыхъ 13-ти префектовъ едва ли попалъ хоть одинъ настоящій республиканецъ, такъ какъ назначены все почти орлеанисты, болѣе или менѣе подчинившіеся конституціи. Около двухъ третей провинціальныхъ администраторовъ остались прежніе и только перемѣщены изъ одной префектуры въ другую. Крайніе оптимисты видятъ въ этихъ перемѣщеніяхъ особенную ловкость и политическій тактъ Рикара, такъ какъ реакціонернѣйшіе изъ префектовъ перемѣщены имъ въ мѣстности, наиболѣе отличающіяся своимъ республиканизмомъ и, такимъ образомъ, вынуждены на невольное бездѣйствіе. За свою излишнюю деликатность относительно правъ представителей «нравственнаго порядка» Рикаръ былъ вознагражденъ наглою выходкой перемѣщеннаго префекта де-Шазелля. Дождавшись появленія въ «Journal Officiel» извѣщенія о перемѣщеніи своемъ изъ префектуры Канталя въ префектуру Верхнихъ Пиренеевъ, этотъ достойный администраторъ напечаталъ въ газетахъ открытое письмо, исполненное брани и ругательствъ на внутреннюю политику министра и заявляющее, что онъ не намѣренъ измѣнять своихъ мнѣній и образа дѣйствій такъ легко, какъ его заставляютъ перемѣнять мѣстожительства. Такое письмо префекта, хотя и поражаетъ тѣмъ, что, при щекотливости своей совѣсти, онъ такъ поздно объ этомъ спохватился—полезно, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что показываетъ отсутствіе всякой ординарной честности и способность къ крайней политической двойственности въ другихъ его товарищахъ по 24-му мая. Наиболѣе скомпрометированные изъ нихъ, оставшіеся еще въ составѣ администраціи, воздерживаются отъ заявленій своихъ мнѣній и повыпросили себѣ кратковременные отпуски до окончанія засѣданій генеральныхъ совѣтовъ, гдѣ имъ невольно приходилось бы высказываться. Между тѣмъ, если въ средѣ двухъ или трехъ совѣтовъ этого рода, гдѣ большинство осталось монархическимъ и высказывалось сожалѣніе объ утратѣ реакціонныхъ префектовъ, то, по крайней мѣрѣ, въ двадцати слышался протестъ на то, что въ ихъ департаментахъ представители центральной власти стоятъ въ прямой оппозиціи съ законоустройствомъ страны, такъ что Рикару придется прибѣгнуть еще разъ къ измѣненію административнаго состава. На этотъ разъ, оно должно быть полнѣе предъидущаго и сопровождаться циркуляромъ министра ко всѣмъ представителямъ центральной власти о необходимости, съ ихъ стороны, вполнѣ республиканскаго образа дѣйствій. Тогда, и только тогда, можно будетъ рѣшить навѣрное: дѣйствуетъ ли министръ слабо и неумѣло, или образъ его дѣйствій—ловкій политическій манёвръ, для того чтобы восторжествовать надъ интригами лицъ, окружающихъ маршала, и провести во что̀ бы то

ни стало конституціоннымъ путемъ въ жизненную практику принципы умѣренной демократіи.

Избирательное движеніе продолжалось въ теченіи всего апрѣля въ 13-мъ и 17-мъ округахъ Парижа и въ подгородномъ округѣ Сен-Дени, гдѣ, послѣ заявленій гг. Луи-Бланомъ и Локруа себя депутатами другихъ округовъ, пришлось выбирать трехъ новыхъ депутатовъ. Во всѣхъ этихъ округахъ было много соперничествующихъ кандидатуръ, и пришлось прибѣгать къ перебаллотировкамъ. Непримиримые были побѣждены въ лицѣ Бонне-Дювердье. Горячо веденный опытъ проведенія рабочей кандидатуры не удался въ лицѣ работника Габе: побѣдилъ его кандидатъ Кантагрель, заявившій себя съ самаго начала выборовъ, какъ «соціальный республиканецъ». Во всей Франціи онъ одинъ только заявилъ себя открыто соціалистомъ. На эти послѣдніе дополнительные выборы не имѣли никакого вліянія ни газеты, ни избирательные комитеты — напротивъ: можно сказать, что избиратели при нихъ дѣйствовали съ полною независимостью и прямо наперекоръ и тѣмъ, и другимъ. На 21-е мая назначены дополнительные выборы въ 13-ти мѣстностяхъ остальной Франціи для замѣщенія тѣхъ депутатовъ, которыхъ полномочія не признаны удовлетворительными палатою депутатовъ. Весьма интересно будетъ видѣть: подтвердитъ или опровергнетъ всеобщее голосованіе приговоры республиканскаго большинства новой палаты?

Людовикъ.

Парижъ, 1 мая 1876 г.

ТРУДЪ И ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ АМЕРИКѢ

(ПО ДИКСОНУ).

Америку привыкли считать страною раздолья, обѣтованною землею для рабочихъ, и мы приведемъ ниже картины заселенія западныхъ пространствъ, набросанныя авторомъ мастерскою рукою, но это—уже послѣдніе слѣды прошлаго; они скоро сдѣлаются миѳомъ, съ исчезновеніемъ незанятыхъ пространствъ, съ заселеніемъ дѣвственныхъ пустынь, которыя, впрочемъ, съ проведеніемъ желѣзной дороги, съ наплывомъ съ запада китайцевъ, уже и перестали быть дѣвственными. Пока поселенецъ имѣетъ дѣло только съ необъятною природою, пока людскую тѣсноту можно разрѣдить безъ особенныхъ трудностей, расчищая лѣса и отнимая земли у дикарей, до тѣхъ поръ вопросъ о трудѣ еще не возникаетъ, и положеніе рабочихъ удовлетворительно, плата высока;

такая репутація и установилась за Америкою въ прежнихъ сочиненіяхъ объ этой странѣ. Диксонъ указываетъ, что необъятныя пространства страны истощаются, что Америка должна надѣяться въ будущемъ только на свои силы, и, сознавая возникновеніе новаго вопроса, ограничивается указаніемъ на пьянство, заражающее рабочіе классы, на крестовый походъ женщинъ противъ этого зла и, въ заключеніе, даетъ картину «рая рабочихъ», счастливаго уголка въ штатѣ Вермонтъ.

Два типа рабочаго быта американцевъ, приводимые авторомъ, дадутъ намъ ключъ къ выводу о положеніи рабочаго вопроса въ краѣ, лишь слегка намѣченнаго авторомъ.

Что̀ касается поселенцевъ первобытнаго типа, существующихъ еще кое-гдѣ на западѣ, то вопросъ этотъ, хотя уже частію извѣстенъ по другимъ сочиненіямъ и по другимъ странамъ, но все-таки представляетъ значительный интересъ и для настоящаго Америки. Процессъ колонизаціи еще совершается и теперь на калифорнской почвѣ. «Бѣлымъ колонистамъ для этого предоставляются три способа. Первый способъ—пріобрѣсти землю по женитьбѣ. Цвѣтныя женщины любятъ бѣлыхъ мужчинъ, и, если дѣвушка-метисъ взята изъ своего племени еще въ молодости, то можетъ еще быть пріучена къ англійской жизни; если у дѣвушки есть братья, то поля и луга раздѣлятся между ними и ею, но потомъ непремѣнно выйдетъ такъ, что, мало-по-малу, доли перейдутъ въ руки бѣлаго и его потомства. Второй способъ, пригодный для дѣятельнаго и обладающаго денежными средствами иностранца—ссудить деньги какому-нибудь безпутному гибриду, обладающему обширными овечьими выгонами и превосходными источниками, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пустыми карманами и разнообразными потребностями. Взявъ деньги, гибридъ, разумѣется, отдать ихъ не можетъ, и вотъ въ руки пришельца отходитъ отличная пастбищная земля съ холмами, «ранчами», мельницами и вододѣйствующими колесами. Долгъ, такимъ образомъ, уплаченъ, и пришелецъ стоитъ уже твердою ногою на туземной землѣ, которая черезъ нѣсколько лѣтъ перейдетъ къ нему въ собственность. Третій способъ — соединиться тремъ или четыремъ кваттерамъ, хорошо владѣющимъ ножами и ружьями, поклясться стоять другъ за друга грудью и отправиться искать счастья на западъ, т. е. гнать свои стада по хорошимъ, тучнымъ полямъ и къ обильнымъ источникамъ, не разбирая, кому принадлежатъ эти поля и источники. Расположившись на хорошемъ мѣстечкѣ, поселенцы строятъ хижину, изгородь, и тогда пусть-себѣ собственникъ оспариваетъ ихъ права̀. Если онъ попытается прогнать ихъ силою, то произойдетъ кровопролитіе, а при всемъ удальствѣ полудикихъ обитателей дальняго запада, они питаютъ страхъ къ англійскимъ ружьямъ. Обратится мексиканецъ къ суду, тогда дѣло выходитъ еще хуже: право собственности на землю нужно доказать, а это сдѣлать мудрено, особенно передъ американскими судьями. Собственнику остается только покориться.

Вотъ два примѣра такихъ поселеній, изъ которыхъ быстро выростаютъ города. Авторъ приводитъ картину зарожденія города Салина, на рѣкѣ того же имени. «Девять лѣтъ назадъ, Ріо Салина протекала по пустынѣ, по которой бродили дикіе звѣри и еще болѣе дикіе охотники. Каждый оврагъ оспаривался у охотниковъ медвѣдями и лисицами. Утки и разныя другія птицы покрывали озерки и ручьи. Ружья трапперовъ рѣдко слышались въ здѣшнихъ холмахъ и, за исключеніемъ развалинъ стараго миссіонерскаго дома въ Соледахъ, около высотъ Монте-Торо не было замѣтно никакого слѣда гражданской жизни. Теперь это—красивый англійскій городокъ, съ банками, гостинницами, церквами. Почти на полмили тянется широкая, главная улица, хорошо вымощенная и опрятно обстроенная. Въ здѣшнихъ магазинахъ можно найти шляпы и пальто новѣйшаго фасона. Салина имѣетъ свои журналы, библіотеки, народныя школы. Недавно открыта и тюрьма, такъ какъ сосѣдніе пастухи — народъ безпокойный, а тюрьма Санъ-Хозе далеко...» Короче, всѣ признаки того, что современная цивилизація пустила корни. Вотъ какимъ образомъ основался городъ: «Капитанъ Шервудъ, офицеръ англійской арміи, участвовавшій въ крымской войнѣ, явился въ Калифорнію и купилъ въ долинѣ Салина такъ-называемый скотскій выгонъ (cattle run) у безпечнаго туземца за какую-то бездѣлицу. Къ Шервуду присоединился старый товарищъ, майоръ Бекноллъ, соблазненный случаемъ поохотиться на медвѣдей, утокъ и на другую дичь. Охота была удачна, и майоръ остался. Ему понадобилась хижина, чтобъ поставить ружье, сварить пищу. «Почему бы мнѣ самому ея не построить? соображалъ майоръ. — Нѣсколько бревенъ, молотокъ, мѣшокъ съ гвоздями и дѣло сдѣлано. Нѣтъ ничего легче. Но если можно выстроить домъ, то отчего бы не построить и городъ?» Свой проектъ онъ сообщилъ Шервуду. Тотъ только улыбнулся. Какому дьяволу придетъ охота жить въ такой глуши, какъ Салина, подъ постоянной опасностью нападенія дикарей—развѣ только бродягамъ-охотникамъ и пастухамъ? Вѣроятности относительно надежныхъ поселенцевъ было мало. Кругомъ скитались полудикіе номады-пастухи, которые добывали себѣ пропитаніе изо дня въ день, какъ и ихъ стада и, какъ стада, же не подчинялись никакимъ запретамъ. Чуждые человѣческимъ искуствамъ, эти пастухи не знали другихъ удовольствій, кромѣ того, что танцовали фанданго, проигрывали все свое имущество до послѣдняго доллара, пили на пропалую и, при случаѣ—распарывали другъ другу животъ. Понятно, почему Шервудъ недовѣрчиво относился къ подобнымъ поселенцамъ, но, уступая настояніямъ майора, все-таки далъ ему участокъ земли, на которой тотъ и выстроилъ бревенчатый шалашъ, въ которомъ вскорѣ открыта была продажа грогу въ надеждѣ на будущихъ потребителей. Дѣйствительно, погонщики скота и пастухи стали тутъ останавливаться выпить чарку водки. Для этихъ же погонщиковъ, которые бродили около продажи, какой-то любитель раскинулъ ша-

лашъ, въ которомъ, подъ пьяную руку, можно было поплясать. Черезъ полгода послѣ первой мысли майора Бекнолла о необходимости построить шалашъ, около него толпилось уже 25 домовъ, что̀ означаетъ до 100 человѣкъ и 40 или 50 ружей. Такимъ образомъ, дикихъ опасаться болѣе было нѐчего. Мало-помалу, явились сюда англійскіе поселенцы, высматривая пастбища для скота, американцы, съ цѣлью покупки участковъ въ будущемъ городѣ, и меньше, чѣмъ черезъ семь лѣтъ, хижина майора на озерѣ превратилась въ городъ съ 3,000 душъ. Теперь уже Салина—болѣе важное мѣсто, чѣмъ Монтерей. Кругомъ города всѣ земли въ рукахъ англичанъ и американцевъ.

Овладѣвъ землею, поселенцы огораживаютъ поля и не пускаютъ туда новыхъ пришельцевъ, а сверхъ того, сильно набиваютъ цѣну на индійскихъ женщинъ, за которыхъ платятъ наличными деньгами и выбираютъ лучшихъ.

Подобно городу Салина, въ Калифорніи возникъ другой, приводимый авторомъ образчикъ новыхъ американскихъ городовъ, но при нѣсколько иныхъ условіяхъ: это—Денисонъ въ Техасѣ, построенный благодаря предпріимчивости и золоту англичанъ. Въ 5 миляхъ отъ моста черезъ Красную Рѣку, на границѣ индійской территоріи, полковникъ Стевенсъ, инженеръ техасской и канзасской желѣзныхъ дорогъ, отлично знающій и краснокожихъ, и страну, въ которой они живутъ, выбралъ удобное мѣсто для поселенія! Гладкій лугъ, роща старинныхъ дубовъ, а изъ-за нихъ опять равнина съ отдѣльными деревьями, мѣстами выдающійся утесъ, кругомъ богатая мѣстность, способная къ произростанію хлопка, риса и маиса. Мѣсто для города было выбрано. На листѣ бумаги проектированы улицы, скверы, дороги — роща для публичнаго пользованія, — назначенъ день для продажи земельныхъ участковъ. Стевенсъ увѣрилъ первыхъ же покупщиковъ, что будетъ построено желѣзнодорожное депо, что Денисонъ будетъ магазиномъ фортовъ Ричардсона, Гриффина и Силла, которые должны быть связаны линіею телеграфовъ, а затѣмъ устроятся ледники, бойни и заведенія для выдѣлки хлопка. Таковы были обѣщанія, сдѣланныя спекуляторамъ - скупщикамъ участковъ; такъ какъ желѣзныя дороги находятся въ рукахъ англичанъ и обѣщанія основывались на вѣрѣ въ англійскую честность, то явившіеся изъ Далласа и Шрэвепорта евреи убѣдились, что городъ устроился. Начали возникать шалаши; но новое горе!—мало бревенъ для постройки. Дубъ трудно поддается выдѣлкѣ, а желтая сосна растетъ за 100 миль. Тѣмъ не менѣе тяжелые возы съ деревомъ начали показываться на главной улицѣ. Спросъ почуялся лѣсопромышленниками, и три фирмы въ Санъ-Луи поспѣшили отправить въ возникающій городъ нѣсколько возовъ бѣлой сосны, хотя Денисонъ еще не значился ни на какихъ картахъ Этимъ возамъ дерева пришлось сдѣлать почти 600 миль по желѣзной дорогѣ.

Работа закипѣла; шалаши стали быстро рости тамъ и сямъ.

Въ зарождающійся городъ устремились и негры изъ Каддо, и жиды изъ Шрэвепорта и Гальвестона, бродяги и проходимцы со всѣхъ сторонъ. Открыты были лавка, аукціонная продажа, танцовальный домъ; чрезъ полгода, Денисонъ имѣлъ уже около тысячи жителей разныхъ цвѣтовъ и убѣжденій и получилъ репутацію «самаго живаго города въ цѣломъ Техасѣ». Прошло 28 мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Стевенсъ начертилъ на листѣ бумаги планъ города, и Денисонъ уже сдѣлался настоящимъ городомъ съ населеніемъ въ 4,500 душъ. Желѣзнодорожный складъ занимаетъ цѣлую четверть города, а близь него находятся бойни, два обширные ледника, сарай для выдѣлки хлопка, четыре церкви, пять тавернъ и несчетное число банковыхъ конторъ. Разумѣется, завелись уже мэръ, восемь альдерменовъ, «все честные демократы», судья, торговое бюро и — самое главное — гордость Денисона — его школа. Это красное кирпичное зданіе стóитъ 45,000 долларовъ, набранныхъ заимообразно центъ за центомъ, и, если Денисонъ будетъ имѣть цвѣтущую будущность, то ссудчики получатъ свои деньги обратно, не считая сознанія, что помогли хорошему дѣлу. Половину населенія этого пограничнаго города составляютъ негры; значеніе Денисона въ томъ, что это— аванпостъ въ землю индійцевъ; сюда собирается со всѣхъ концовъ страны капиталъ и трудъ и жадными глазами смотрятъ на жалкій остатокъ владѣній бывшихъ властелиновъ страны. «Пусть только телеграфная проволока пронесетъ слово *впередъ* (go ahead), говорилъ автору джентльменъ на потомакскомъ пароходѣ: — и меньше, чѣмъ черезъ недѣлю, десятокъ тысячъ людей явится въ Денисонъ, и ближнія мѣста. Пусть только Улиссъ Грантъ подастъ знакъ»... и тогда—конецъ индійской территоріи, а аванпостъ «бѣлыхъ завоевателей», Денисонъ, рѣшительно процвѣтетъ. «Вѣдь эта страна, сэръ, это—садъ Америки!»

Однако, «бѣлые завоеватели», для совершенія такихъ подвиговъ, помимо дикой храбрости, свойственной каждому флибустьеру, должны же обладать и кое-какими нравственными достоинствами; иначе имъ не удержать своего завоеванія, какъ не удержали его испанцы. Одинъ изъ такихъ піонеровъ нарисованъ авторомъ въ лицѣ Рольстопа, магната при заливѣ Сан-Франциско. Этотъ богатый землевладѣлецъ былъ нѣкогда плотникомъ, тесавшимъ сосновый лѣсъ, потомъ служилъ поваромъ на пароходѣ, затѣмъ былъ рудокопнымъ рабочимъ; теперь онъ—президентъ банка и одинъ изъ мѣстныхъ финансовыхъ тузовъ. У него прелестное помѣстье—Бельмонтъ-Гилль. Замѣчательно, что вообще, какъ и въ этомъ случаѣ, англосаксонскіе поселенцы выбираютъ себѣ холмы, никогда не станутъ сидѣть въ болотахъ, какъ мексиканцы и гибриды, изъ-за того только, что тамъ дешева рыба и быстро ростутъ тыквы; впрочемъ, сами пользуются близостью воды, гдѣ могутъ, т. е. обхватываютъ заливъ желѣзными дорогами, покрываютъ морскія волны пароходами, ставятъ на берегу дымныя трубы, устраиваютъ чрезъ узкія мѣста

паромы, но для поселенія ищутъ себѣ горъ и овраговъ; буравятъ скалы, ища руды, роютъ землю въ поискахъ угля. Они не боятся ни гостепріимной почвы, ни холоднаго воздуха, и забираются на самыя высокія вершины и ущелья, которыя и носятъ англійскія имена, тогда какъ близь воды непремѣнно гнѣздятся селенія съ именами святыхъ, обличающія испанское происхожденіе.

Къ первымъ принадлежитъ и Бельмонтъ-Гилль. Десять лѣтъ назадъ, это было скалистое ущелье, прилѣпившееся къ горному склону и до такой степени загроможденное огромными дубами и кедрами, что метисы-обитатели называли его «Чертовой долиной». Вверхъ по ущелью не было никакой тропинки, такъ какъ ни одному цивилизованному человѣку и не снилось устроить тамъ себѣ жилье. Одни только индійскіе охотники, преслѣдуя лось и антилопу, зажигали свои костры, да дикіе звѣри рыскали по лѣсу. Теперь же Бельмонтъ напоминаетъ долину на Цюрихскомъ Озерѣ. Вверхъ по долинѣ устроена отличная дорога. Лѣса превращены въ парки. Нѣсколько виллъ гнѣздятся въ зелени. Церковь и школа довершаютъ картину. Рольстонъ, послѣ своей трудовой карьеры, устроилъ себѣ земной рай въ Бельмонтѣ, со всѣми возможными удобствами цивилизованной жизни, но это не значитъ, чтобъ онъ, достигнувъ богатства, успокоился на лаврахъ. Напротивъ, авторъ того мнѣнія, что Рольстонъ сдѣлался жертвою своей предпріимчивости, рабомъ своего успѣха. Владѣя обширными средствами, живя въ полномъ изобиліи, онъ какъ бы бережетъ себя, отказывая себѣ въ удовольствіяхъ, по состоянію вполнѣ ему доступныхъ. «Онъ не осмѣливается выпить стаканъ вина. За обѣдомъ слуга ставитъ передъ нимъ пинту молока съ рыбой, и наливаетъ нѣсколько капель лимонной воды въ его кофе. Стаканъ вина можетъ произвести головную боль, а головная боль означаетъ потерю времени. Время—такой капиталъ, котораго Рольстонъ не смѣетъ тратить. У него обширная бильярдная комната, но онъ не долженъ рисковать начинать игру; привезенъ гаванскій табакъ, но, куря сигару, онъ можетъ ослабить напряженіе своего мозга. Домъ и паркъ Рольстона находятся только на разстояніи часа ѣзды отъ конторы, но онъ заглядываетъ въ нихъ только разъ въ недѣлю. Быстро отобѣдавъ, осушивъ три пинты молока, онъ встаетъ изъ-за стола раньше всѣхъ, покидаетъ своихъ гостей и идетъ спать. На слѣдующее утро онъ на ногахъ уже въ 4 часа, толкуетъ съ конюхами, скачетъ по лѣсамъ, посѣщаетъ фермы и гидравлическія работы. Въ десять часовъ мы видимъ его на минуту, во время завтрака; въ часъ мы прощаемся съ нимъ передъ прогулкой, въ три часа встрѣчаемъ его мелькомъ на холмѣ повыше Санъ-Матео, гдѣ Рольстонъ устраиваетъ плотину черезъ ручей и строитъ будущій городъ. Въ пять часовъ онъ вскакиваетъ на поѣздъ желѣзной дороги, отработавъ свои «досужіе часы», и спѣшитъ въ свою контору въ Санъ-Франциско.

Работу, которой другому достало бы на недѣлю, онъ выполняетъ въ 24 часа. Этотъ человѣкъ—типъ завоевателей бѣлой расы, которые тратятъ свою жизнь въ борьбѣ изъ-за достиженія задуманной цѣли». Остается только жалѣть, что, при современномъ положеніи дѣлъ въ Америкѣ, такая энергія употребляется исключительно на индивидуальныя цѣли, на личное обогащеніе. Теперь наступилъ въ судьбѣ страны такой поворотный моментъ, когда именно необходима правильная постановка быта рабочихъ втораго типа—рабочихъ, которымъ приходится бороться уже не съ природой, а съ враждебными общественными силами.

Между тѣмъ, относительно положенія рабочихъ въ сложившемся уже обществѣ, въ старыхъ штатахъ Америки, Диксонъ не даетъ такихъ яркихъ картинъ, какъ картины борьбы американца съ природой. Описывая господствующій въ Америкѣ порокъ пьянства и крестовый походъ, предпринятый противъ него американскими женщинами, авторъ касается положенія рабочаго въ связи именно съ вопросомъ о пьянствѣ. Этому посвящены у него двѣ главы, описывающія упомянутое уже нами въ предъидущей статьѣ мѣстечко, С.-Джонсбери, въ штатѣ Вермонтъ, названное «раемъ рабочаго».

При Георгѣ III, мѣста, гдѣ теперь находится этотъ «рай», составляли еще «охотничьи пространства» индійцевъ, постоянно служившія предметомъ борьбы между враждующими племенами и переходившія изъ рукъ въ руки. Правда, нѣсколько трудолюбивыхъ шотландцевъ вздумали построить себѣ хижины близь горнаго хребта; но топоры индійцевъ сдѣлали для нихъ прочное водвореніе крайне труднымъ дѣломъ. Когда 13 колоній провозгласили свою независимость, Вермонтъ былъ еще дикой страной. Сформировавшись подъ французскимъ вліяніемъ, какъ показываетъ и самое названіе (Vermont), Вермонтъ былъ принятъ въ число штатовъ союза лишь спустя нѣкоторое время. Мѣстечко Сент - Джонсбери, расположенное въ прелестной мѣстности, сначала туго развивалось, и первоначальная его исторія не представляетъ ничего поучительнаго. При плохихъ дорогахъ, при отдаленности всякихъ рынковъ иначе и быть не могло. Одинокій фермеръ строилъ хижину; пастухъ огораживалъ свое поле. Мало по малу завелся лѣсной промыселъ. На вершинѣ холма появилась гостинница, содержатель которой, капитанъ Бэрни, вовсе не способствовалъ развитію въ шотландцахъ—обитателяхъ мѣстечка трезвости, впослѣдствіи прославившей С.-Джонсбери.

Толчекъ въ противоположномъ направленіи данъ былъ подъ вліяніемъ нѣкоего Тадеуса Фэрбенкса, завѣдывающаго фабриками, которыя устроены въ мѣстечкѣ, и теперь С.-Джонсбери представляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ уголковъ Соединенныхъ Штатовъ. Помимо физической красоты, мѣстечко представляетъ необычный видъ и въ нравственномъ отношеніи. Ни бродягъ, ни нищихъ, ни пьяныхъ не видно. Не видно грязныхъ

лачугъ, оборванныхъ дѣтей, бродячихъ женщинъ, разбитыхъ оконныхъ стеколъ, ободранныхъ крышъ. Каждый домикъ (коттеджъ) стоитъ особнякомъ, выкрашенъ бѣлой или сѣрой краской; при коттеджѣ чистый, поросшій травою дворъ. Обитатели этихъ домиковъ посылаютъ своихъ дѣтей въ публичную начальную школу, гдѣ дается дѣтямъ хорошее, безплатное элементарное обученіе.

Обитатели мѣстечка, бо̀льшею частію—рабочіе люди, сдѣлавшіеся собственниками тѣхъ домиковъ, въ которыхъ живутъ. Домики нетолько снаружи, но и внутри поражаютъ порядкомъ и домовитостью. Тайну этого довольства авторъ видитъ въ томъ, что жители Вермонта большинствомъ голосовъ приняли законъ, воспрещающій продажу спиртныхъ напитковъ. «Мы живемъ въ республикѣ, говорятъ эти противники эля, виски и пива: — у насъ каждый человѣкъ свободенъ, но у насъ только о̀динъ законъ для всѣхъ, принятый большинствомъ; и то, чего желаетъ большинство, прочіе дѣлать обязаны!» Такъ рѣшаетъ большинство республиканскихъ голосовъ.

Хорошій, по мысли, законъ о трезвости проведенъ съ такою безпощадною послѣдовательностью, которая иногда крайне стѣснительна, особенно для чужестранцевъ, и въ описаніи Диксона доходитъ до комизма. Трактира въ С.-Джонсбери не существуетъ; продавать опьяняющіе напитки не дозволяется ни одному гражданину ни подъ какимъ предлогомъ (хотя, какъ увидимъ, способъ все-таки можно найти). Пьютъ здѣсь только воду, которая, кстати, превосходна, но воду только чистую; содовая вода и зельтерская здѣсь неизвѣстны. Автору, который вздумалъ попросить себѣ на ночь одинъ изъ этихъ невинныхъ напитковъ, объяснили, что въ зельтерской водѣ могутъ нуждаться только люди, пьющіе водку, и, слѣдовательно, въ подобной водѣ нѣтъ надобности для трезваго мѣстечка.

Лишнее было бы говорить, что въ С.-Джонсбери нѣтъ ни игорныхъ домовъ, ни домовъ терпимости, ни питейной продажи, ни публичныхъ баловъ. Чахлая продажа сигаръ, подъ громкимъ названіемъ «базаръ увеселительныхъ и курительныхъ предметовъ» едва существуетъ. Одинокая продавщица жаловалась автору, что нѣкоторые изъ обитателей «уже добиваются запрещенія продавать курительный и нюхательный табакъ, подобно тому, какъ запрещена продажа пива и джина; еще чрезъ годъ или около того они добьются большинства голосовъ».

Авторъ попытался достать элю для своего спутника, воспитаннаго въ англійскихъ привычкахъ. Слуга объяснилъ, что достать, пожалуй, и можно, только слѣдуетъ за этимъ послать къ оффиціальному комиссіонеру, завѣдывающему продажей аптекарскихъ ядовъ, «въ томъ родѣ, поясняетъ а̀вторъ:—какъ въ Лондонѣ москотильщики продаютъ мышьякъ». Такъ какъ въ цивилизованномъ городѣ бываютъ нужны яды съ лекарственными цѣлями, то на тѣхъ же основаніяхъ въ С.-Джонсбери про-

даются спиртные напитки. Авторъ потребовалъ себѣ пинту яду, называемаго «бѣлый эль». Его попросили написать такое требованіе на бумагѣ для памяти; такъ что въ архивахъ С.-Джонсбери навсегда останется неблагопріятный аргументъ относительно нравственныхъ правилъ Диксона; притомъ, даже и съ такими предосторожностями отпускать подобный ядъ можно не чаще одного раза въ день.

Въ мѣстечкѣ существуетъ фабрика бляхъ, на которой авторъ замѣтилъ до 500 рабочихъ, занятыхъ въ разныхъ комнатахъ. Работа эта тѣмъ тяжеле, что въ нѣкоторыхъ комнатахъ очень жарко, а работать надо отъ 7 часовъ утра до полудня, и отъ часу до семи вечера. Фабричные рабочіе не пьютъ ни пива, ни водки, ни джину; единственное питье ихъ—вода, единственное удовольствіе—чай. Курить на фабрикѣ также не дозволено. Однакожъ, работы идутъ хорошо, и сами рабочіе пользуются отличнымъ здоровьемъ. Не худо припомнить, что эти трезвые рабочіе, по самому роду своихъ занятій, должны находиться около горнильныхъ печей, тиглей, носить расплавленный металлъ; между тѣмъ, они же сами—рьяные приверженцы запрещенія спиртныхъ напитковъ. Какъ сначала они подали голосъ въ пользу такого запрещенія, такъ и потомъ постоянно высказывались въ томъ же смыслѣ.

«Видите-ли, сказалъ автору полковникъ Фербэнксъ, управляющій фабрикою:—мы—нервная и горячая раса. Воздухъ у насъ сухой, пронизывающій человѣка до костей; вся наша жизнь составляетъ рьяную, неустанную борьбу. Если мы работаемъ, то работаемъ сильно; если пьемъ, то пьемъ также сильно. Неудивительно, что и воздержаніе у насъ проводится строго до малѣйшихъ мелочей». Иными словами: «мы—цѣльныя натуры, и, если поймемъ, что̀ именно хорошо, то непремѣнно и устроимъ».

Ка̀къ бы то ни было, С. Джонсбери, со своими пятью тысячами жителей, представляетъ такой образчикъ благосостоянія, какой рѣдко отыщется даже въ Америкѣ. Полисменовъ не видно на улицахъ; имъ нѐчего тамъ дѣлать въ обыкновенное время. «Нравственный порядокъ, заключаетъ авторъ:—здѣсь еще замѣтнѣе, чѣмъ даже матеріальное благосостояніе. Въ этомъ поселеніи каждый человѣкъ считаетъ своимъ высшимъ долгомъ и дѣломъ своего личнаго интереса соблюдать законъ».

Такимъ образомъ, «рай рабочихъ», хотя очень почтенный самъ по себѣ, сводится къ весьма скромнымъ размѣрамъ. Запутанный узелъ рабочаго вопроса разрѣшался бы очень просто, еслибъ дѣло зависѣло только отъ соблюденія рабочими трезвости. Конечно, мы ея порицать не будемъ, какъ не порицаетъ самъ авторъ, хотя и подсмѣивается надъ принципами вермонтова закона, который заставилъ его на ночь сосать кусокъ льду, предусмотрительно лишивъ содовой воды. Самая исключительность подобнаго положенія, видная изъ словъ директора фабрики Фэрбэнкса, показываетъ, что подобное благосостояніе —отдѣльный

случай и едвали можетъ распространиться на тѣ рабочія поселенія, гдѣ не пожелали-бы покупать пиво, въ качествѣ лекарства, по аптекарскому счету, и гдѣ сочли бы нелѣпымъ отказать себѣ въ стаканѣ зельтерской воды, потому только, что она бываетъ нужна для пьяницъ. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что рабочіе дѣлаются собственниками своихъ коттеджей. Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ относительно этого болѣе подробныхъ объясненій. Тѣ выдержки, какія мы привели выше изъ книги Диксона о положеніи свободныхъ рабочихъ, поставленныхъ лицемъ къ лицу съ природой, подтверждаютъ нашу мысль. Піонеры дальняго запада, расчистившіе участокъ дикой земли, могутъ пріобрѣсть потомъ эти расчистки въ собственность. Въ энергіи у американцевъ нѣтъ недостатка, и она проявляется въ хорошую сторону, когда можетъ привести къ хорошимъ результатамъ. Въ дикихъ краяхъ трудъ, если только по силамъ человѣку, бываетъ всегда благодаренъ; въ цивилизованныхъ поселеніяхъ трудъ также удается, если онъ служитъ къ упроченію быта рабочаго, а такимъ упроченіемъ больше всего можетъ служить собственность. Причину благосостоянія «рая рабочихъ» авторъ принимаетъ за слѣдствіе. Хотя подробности устройства рабочихъ С. Джонсбери авторомъ и не объяснены, но несомнѣнно, что только сознаніе возможности употребить съ пользою свой трудъ даетъ возможность рабочимъ достигать благосостоянія. Энергія американцевъ и запрещеніе спиртныхъ напитковъ, конечно, способствуютъ этому. Въ благосостояніи, какого достигали уже мормоны и нѣкоторыя другія религіозныя общины въ Америкѣ, очевидное сходство съ благосостояніемъ рабочихъ С. Джонсбери; только тамъ видимой пружиной служатъ религіозныя требованія, а здѣсь замѣтенъ уже шагъ впередъ: основою благосостоянія служитъ соблюденіе закона, установленнаго добровольно самими жителями, и трезвость. Но основной мотивъ и тутъ и тамъ одинаковъ: возможность достиженія прочнаго положенія путемъ труда, сознаніе того, что трудъ небезнадеженъ, не уходитъ исключительно на пользу другого лица. Это — единственная возможная закваска правильной постановки вопроса, при которой жалобы на пьянство, мѣшающее благосостоянію, должны будутъ исчезнуть. Условіемъ прогресса Америки должно служить правомѣрное отношеніе труда къ вознагражденію за трудъ, прототипомъ чего могутъ служить или общины, описанныя Диксономъ въ «Новой Америкѣ», или «рай рабочихъ» со своими фабричными собственниками; наконецъ, образчикомъ хорошаго направленія дѣла можетъ служить еще и то, что нѣкоторые негры по рѣкѣ Джэмсу пріобрѣли мелкіе земельные участки и сдѣлались небольшими фермерами, занимаясь разведеніемъ табаку. Но все то — только исключенія: изъ положенія китайскихъ работниковъ въ Америкѣ видно, что вопросъ труда въ Америкѣ, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать немногимъ наличнымъ хорошимъ образчикамъ, направляется рѣшительно по избитой дорожкѣ европейскихъ отношеній, которыя во

сто кратъ худшемъ видѣ являются у китайцевъ, привыкшихъ довольствоваться ничтожнымъ заработкомъ и понизившихъ плату за трудъ. «Ловля долларовъ» американцами, эксплуатація ими рабочихъ всѣхъ сортовъ сдѣлались общимъ мѣстомъ, а между тѣмъ, руководители націи, занявшись борьбою расъ, не обращаютъ вниманія на главное условіе успѣха своей расы, на самостоятельность рабочаго люда, которую легко осуществить при отсутствіи дворянскихъ и феодальныхъ преданій и при достаточномъ еще пока количествѣ земли. Вопросъ труда въ Америкѣ до сихъ поръ былъ поставленъ въ своеобразныя рамки; мы привыкли слышать о безстрашныхъ скваттерахъ, піонерахъ цивилизаціи, расчищающихъ страну отъ лѣсовъ и дикарей и богатѣющихъ не по днямъ, а по часамъ. Приведенныя выдержки изъ наблюденій автора показываютъ, что еще и теперь такіе образчики возможны,—какъ остатокъ прошлаго. Роковой вопросъ будущаго Америки, заключается въ томъ: тотъ ли принципъ рабочаго устройства возьметъ верхъ, который мы видимъ осуществившимся въ религіозныхъ общинахъ, въ «раѣ рабочаго», принципъ труда и обезпеченія, или же европейско-китайскій, усиливающійся постояннымъ приливомъ людей, на немъ взросшихъ? Поэтому, рабочій вопросъ въ странѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ объ эмиграціи.

При народной переписи въ 1870 году выяснилось, что изъ общаго числа жителей республики 5.500.000 душъ рождены на чужеземной почвѣ, а у 11 милліоновъ отецъ или мать—иностранцы. Слѣдовательно, 1 человѣкъ изъ 7 былъ иностранцемъ по рожденію и почти 1 изъ 3—по крови. Главнымъ образомъ, заселеніе Америки совершалось выселенцами изъ англійскихъ и германскихъ портовъ. По англійскимъ законамъ ничто и теперь не препятствуетъ эмиграціи въ Америку. Даже устроены многія удобства сообщенія стараго свѣта съ Америкой, какихъ прежде не было. Прежній законъ о національности (разъ британецъ—всегда британецъ) отмѣненъ: теперь англійскій подданный легко можетъ сдѣлаться американскимъ гражданиномъ, и, въ случаѣ войны, не будетъ считаться измѣнникомъ: между тѣмъ, эмиграціонное движеніе ослабѣваетъ и даже получило обратное направленіе. Англійскія консульства осаждаются ищущими безплатнаго переѣзда обратно въ Европу; въ каждомъ пунктѣ сообщенія съ Ливерпулемъ множество людей умоляетъ о позволеніи заработать обратный переѣздъ чрезъ океанъ. Притомъ, такое стремленіе проявляется не между праздношатающимися, которые равно негодны для стараго и новаго свѣта. Авторъ удостовѣряетъ, что назадъ стремятся люди самыхъ разнородныхъ профессій, поселяне и горожане, чернорабочіе, копающіе рвы, плетущіе плетни, искусные ремесленники, мелкіе фермеры, ирландскіе земледѣльцы, слуги, клерки банкирскихъ конторъ и т. п. Десять лѣтъ назадъ, невозможно было встрѣтить мюнстерскаго или эссекскаго земледѣльца, который побывалъ бы въ Америкѣ

казавшейся тогда обѣтованной землей, и вернулся назадъ. Теперь же не рѣдко въ какой нибудь деревушкѣ около Корка живетъ поселянинъ, толкующій о Чикаго или Канзасѣ по собственному опыту, который оказался неудачнымъ. Тысячи обратныхъ эмигрантовъ не получаютъ никакихъ возбужденій, ни пособій для обратнаго переѣзда. Волна изъ Европы въ Америку перемѣнила свое направленіе по мѣрѣ усиленія такой же волны изъ Азіи.

Германскіе переселенцы также убыли: тутъ причины чисто политическія. Наибольшій приливъ эмиграціи и въ прежнія времена бывалъ изъ мелкихъ княжествъ, управлявшихся мелкими деспотами, изъ какого-нибудь Гессена, ландграфъ котораго продавалъ своихъ подданныхъ въ чужеземныя войска, и т. п. Изъ собственной Пруссіи волна эмиграціи и прежде не была особенно высока: въ теченіе всего 40 лѣтняго періода (1820—60) наибольшаго стремленія въ Америку переселенцы изъ Пруссіи составляли цифру, меньшую 100.000 душъ. Но теперь Германія— уже не та, и Бисмаркъ смотритъ на эмиграцію неблагопріятно. Не слѣдуя прежней австрійской системѣ или порядкамъ мелкихъ нѣмецкихъ князьковъ, онъ понимаетъ, что полицейскія мѣры и паспортныя стѣсненія могли бы только усилить отливъ людей. Онъ воспользовался сильнымъ національнымъ чувствомъ, охватившимъ нѣмцевъ съ послѣдней войны, и вотъ что̀ говорилось въ прошломъ году въ парламентѣ однимъ изъ нѣмецкихъ министровъ: «Мы должны начать (дѣло противодѣйствія эмиграціи) изданіемъ такихъ законовъ, которые заставили бы человѣка видѣть въ своемъ домѣ дѣйствительно родной кровъ. Должны усовершенствовать фабрики, шоссейныя и желѣзныя дороги, каналы; должны улучшить дома поселянъ, поощрять духъ промышленности и бережливости. Намъ нужно положить конецъ эмиграціи, и мы этого достигнемъ, не посредствомъ ограниченія права свободнаго передвиженія, но путемъ цѣлой системы мѣръ, направленныхъ къ возвышенію положенія рабочихъ классовъ». Время покажетъ, въ чемъ будутъ состоять эти мѣры прусскаго правительства, но несомнѣнно, что Германія пошлетъ въ Америку уже не много переселенцевъ.

Таково современное положеніе вопроса объ европейской эмиграціи въ Америку. Прибавимъ чрезвычайно важное, упоминавшееся уже нами обстоятельство, что, по словамъ генерала Базена, изслѣдовавшаго вопросъ, на ряду съ уменьшеніемъ прилива европейской эмиграціи уменьшается и масса земель для переселенцевъ. Картины Уашингтона Ирвинга давно уже стали анахронизмомъ. Когда Луизіана была пріобрѣтена отъ Франціи, то пространство новой области казалось безпредѣльнымъ, и точныя цифры его были даже неизвѣстны. Тоже было, когда принимались въ составъ союза Иллинойсъ, Айова, Небраска, Канзасъ. Въ этихъ всѣхъ штатахъ забрана уже вся земля, по крайней мѣрѣ, такая, которую сто̀итъ забрать и огородить. Не говоримъ о без-

плодныхъ, горныхъ пространствахъ, непригодныхъ для теперешнихъ поселенцевъ. Какъ бы то ни было, все измѣрено и опредѣлено—гдѣ земля плодородна, гдѣ безплодна, гдѣ болотиста, гдѣ находится оазисъ, гдѣ стоитъ почти постоянная стужа, гдѣ мало воды и лѣсу.

Такимъ образомъ, авторъ выяснилъ нѣсколько основныхъ фактовъ относительно условій народнаго труда въ Америкѣ: предпріимчивость и энергичность расы въ борьбѣ съ естественными препятствіями и дикими племенами; близкое прекращеніе этой борьбы, одновременное съ уменьшеніемъ прилива европейской эмиграціи и съ увеличеніемъ эмиграціи желтокожихъ; одиночныя попытки правомѣрной постановки труда, посредствомъ земельнаго обезпеченія рабочихъ, на ряду съ усиленіемъ духа наживы и алчности, эксплуатаціи трудящихся, при помощи привыкшихъ къ дешевизнѣ желтокожихъ рукъ.

«Знаменіе на стѣнѣ», замѣченное Диксономъ относительно будущей судьбы республики, въ томъ и состоитъ, что духъ старой Европы, наслѣдіе буржуазно-феодальныхъ началъ, заносимый постоянно въ Америку переселенцами, теперь долженъ слабѣть съ ослабленіемъ прилива европейскихъ переселенцевъ и съ увеличеніемъ часла свободныхъ гражданъ, родившихся на американской почвѣ; не будь неблагопріятныхъ вліяній, этотъ духъ, соединенный съ результатами цивилизаціи европейцевъ, поставленный притомъ подъ вліяніе возвышающей человѣка близости къ природѣ, показалъ бы міру на американской почвѣ нѣчто новое въ положеніи трудящихся классовъ (чему и были отдѣльные примѣры); даже теперь мы встрѣчаемъ не только свободныхъ скваттеровъ, но и фабричныхъ собственниковъ (въ С.-Джонсбери). Но существующіе уже неблагопріятные навыки и обстоятельства, а именно: привычка къ постоянному угнетенію цвѣтныхъ расъ, а за неимѣніемъ ихъ подъ рукой, и бѣлаго собрата, обиженнаго судьбой, приливъ дешевыхъ рабочихъ китайцевъ, общая разнокалиберность и взаимная враждебность населенія сдѣлали то, что теперь, къ моменту близкаго истощенія свободныхъ земель, не только не распространились хорошіе образчики новыхъ экономическихъ началъ, но старыя начала даже еще усилились, судя по тому, что неизбалованный судьбою ирландецъ возвращается на родину изъ бывшей обѣтованной страны. Америка могла усвоить себѣ геній европейской цивилизаціи и выработанныя ею плодотворныя сѣмена безъ слабыхъ сторонъ послѣдней, завѣщанныхъ преданіями временъ насилія. Если европейскія преданія и вымрутъ на американской почвѣ, то настолько ли силенъ тамъ свѣточъ цивилизаціи, чтобъ восторжествовать надъ китайскими началами и надъ собственнымъ формирующимся уже духомъ американцевъ, который извѣстенъ подъ названіемъ «ловля долларовъ»? Дальнѣйшій отвѣтъ на эту задачу можетъ дать только народное образованіе, понимае-

мое не въ смыслѣ простой граматности, но въ широкомъ воспитательномъ значеніи слова.

Что̀ касается граматности, то положеніе Америки въ этомъ отношеніи не особенно завидно. Природныхъ американцевъ, неумѣющихъ ни читать, ни писать, насчитывается около 5-ти милліоновъ. Но граматностью исчерпывается далеко не все, даже и не у такого народа, какъ американцы. У нихъ же, говоря о народномъ образованіи, мы разумѣемъ нетолько школьное, а преимущественно тотъ воспитательный элементъ, который дается широкимъ развитіемъ политической жизни. Впрочемъ, и собственно школьное дѣло можетъ представить въ этомъ отношеніи небезъинтересныя данныя не столько въ числовомъ отношеніи, сколько относительно общей постановки дѣла. «Лѣтъ 7 или 8 назадъ, говоритъ авторъ:—нѣкоторые рьяные наблюдатели американскаго прогресса указали, что, вслѣдствіе опустошеній, нанесенныхъ войною, а также по причинѣ обѣднѣнія, постигшаго нѣкоторые штаты, Америка не только перестала идти впередъ, но даже стала двигаться назадъ. Конгрессъ учредилъ въ Уашингтонѣ бюро по дѣламъ воспитанія съ цѣлью собрать относящіеся сюда факты. Во главѣ этого бюро поставленъ былъ генералъ Итонъ, который въ теченіи четырехъ лѣтъ составлялъ отчеты по предмету народнаго образованія. Цѣль усилій въ дѣлѣ образованія ясна: привести народъ, начиная съ неграмотныхъ $5^{1}/_{2}$ милліоновъ, къ такому состоянію, какое прилично въ республикѣ (а республика, какъ гласитъ положеніе Итона, можетъ существовать только подъ тѣмъ условіемъ, что всѣ ея граждане — просвѣщенные люди).

Дѣло въ томъ, что нѣкоторое движеніе назадъ, дѣйствительно, замѣтно со времени войны; послѣдняя во всѣхъ штатахъ отразилась неблагопріятно, а въ иныхъ штатахъ даже вся школьная система потерпѣла крушеніе, преимущественно въ штатахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Потомака. Еще въ нѣсколько лучшемъ положеніи Нью-Йоркъ и шесть штатовъ Новой Англіи. Худшіе образчики представляютъ Мэрилендъ и Делаваръ. Мэрилендъ только теперь принимается за общественныя школы; Делаваръ, одинъ изъ самыхъ мрачныхъ уголковъ Соединенныхъ Штатовъ, не признаетъ даже, въ качествѣ штата, необходимости давать народу просвѣщеніе. Цвѣтныхъ школъ у него нѣтъ, а то незавидное ученіе, какое допускается, ввѣрено священникамъ.

Не останавливаясь на болѣе отрадныхъ уголкахъ, каковы Мичиганъ, Индіана, Висконсинъ, Айова и Миннесота, даже Канзасъ и Миссури, укажемъ еще на крайнюю небрежность народнаго образованія въ сосѣднихъ съ Тихимъ Океаномъ штатахъ, за исключеніемъ Калифорніи. Орегонъ, Дакота и Невада едва входятъ въ число цивилизованныхъ странъ, а объ Аризонѣ, Утахѣ и Новой Мексикѣ и того сказать нельзя.

По поводу распространенія въ штатахъ просвѣщенія происходитъ борьба между большинствомъ и меньшинствомъ; постоянныя усилія послѣдняго въ пользу просвѣщенія массы ослабляют-

ся равнодушіемъ большинства; всего оживленнѣе эта борьба, конечно, въ южныхъ штатахъ, до войны стоявшихъ особнякомъ добровольно, а послѣ войны вынужденныхъ держаться также на исключительномъ положеніи. Въ южныхъ штатахъ, и въ особенности въ самой характерной ихъ представительницѣ—Вирджиніи, кавалерскій духъ положилъ свой отпечатокъ и на народныя школы. Вообще, «джентри» (или, говоря по нашему, дворяне въ употребительномъ, житейско-русскомъ значеніи этого слова) стремятся обособиться въ касту. Будетъ ли знатная ричмондская лэди посылать своихъ птенцовъ въ народную школу, гдѣ они могутъ имѣть общеніе со «всякою дрянью»? Авторъ оговаривается, что таково общее чувство господствующаго класса во всѣхъ странахъ, а мы прибавимъ, что это напоминаетъ намъ нѣчто родное. Единственными школами, пригодными для благороднорожденныхъ ричмондскихъ гражданъ, были частныя школы, низшій типъ пансіоновъ, а затѣмъ ученье высшихъ степеней не находило привѣтливаго пріема въ странѣ «джентри»: педагогія была въ пренебреженіи, и иногда только домашній джентльменскій кругъ спасалъ молодаго виргинца отъ такого же умственнаго уровня, на какомъ находились прежніе, обладавшіе безукоризненно хорошимъ происхожденіемъ, обладатели страны—испанцы. Но все это было больше десяти лѣтъ назадъ. Политическія бури дали хорошій урокъ южнымъ джентльменамъ. Чтобы достигнуть политическаго вліянія въ обновленномъ союзѣ, пришлось отложить въ сторону мысль о своей «бѣлой кости». Теперь образованіе только и можетъ доставить перевѣсъ той или другой политической партіи. Сравнительно бо̀льшая тонкость политическаго развитія, составляющая его слѣдствіе, уже и теперь представляетъ джентльменамъ случай обуздать и осѣдлать надѣленныхъ политическими правами негровъ. Южные штаты взялись за умъ и, если они поведутъ дѣла̀ въ будущемъ такъ же благоразумно, то впереди политическое вліяніе будетъ принадлежать имъ: негровъ они привлекутъ на свою сторону, а торгаши, чистокровные янки сѣвера, занятые ловлею долларовъ, не съумѣютъ выловить для себя политическое вліяніе изъ нынѣшняго переходнаго времени.

Года четыре назадъ, народное образованіе въ Вирджиніи было поставлено по программѣ, принятой въ Массачузетсѣ. Прежніе пансіоны исчезли. Построено много школъ, явились учителя, и во многихъ случаяхъ наставницами являются дѣвушки изъ среды того самаго общества, которое до войны относилось съ презрѣніемъ къ «сѣверной дряни». Женщины бывшихъ невольничьихъ штатовъ, которыя еще больше мужчинъ прятались за подобное величавое презрѣніе, которыя еще долѣе своихъ братьевъ, мужей и отцевъ горѣли жаждою мести къ сѣверу и тѣмъ отдаляли день исцѣленія ранъ своей родины — женщины теперь первыя подали примѣръ обученію въ новыхъ народныхъ школахъ. Вирджинія вступаетъ на путь свободы и труда и тѣмъ хочетъ

изгладить свою прежнюю дурную репутацію центра невольничьяго міра. Система общаго для всѣхъ классовъ, единообразнаго и безплатнаго воспитанія прививается Дѣло идетъ даже лучше, чѣмъ въ Вермонтѣ и Нью-Гэмпширѣ, и этимъ Вирджинія обязана своимъ прежнимъ лэди, которыя, въ большинствѣ случаевъ, сдѣлали воспитательную карьеру своей профессіей. Справедливость требуетъ пояснить, что къ этому ихъ побудили нетолько патріотизмъ и урокъ, данный войною, о чемъ мы сейчасъ говорили, но и причина болѣе произаическая — бѣдность. Съ отмѣною невольничьяго труда, послѣ разорительной войны, многія плантаторскія семейства обѣднѣли, и бывшія лэди, откинувъ лишнюю величественность, принялись зарабатывать себѣ деньги трудомъ. Какъ обыкновенно бываетъ, крайность перешла въ другую крайность: безплатныя школы сдѣлались модой, и въ ричмондскихъ школахъ трудятся, въ качествѣ учительницъ, дѣвушки первыхъ мѣстныхъ фамилій, еще недавно окружавшія себя ореоломъ недоступности.

Школы устраиваются смѣшанныя для обоихъ половъ (но не для цвѣтныхъ дѣтей: въ этомъ ричмондская аристократія остается вѣрною своимъ прежнимъ преданіямъ; она можетъ снизойти до публичнаго обученія бѣдныхъ бѣлыхъ дѣтей, но не далѣе). Въ одной такой школѣ авторъ нашелъ прелестную дѣвушку, Грэсъ Ольстонъ, обучающую дѣвочекъ и мальчиковъ, которые иногда не моложе ея самой. На вопросъ автора, что она думаетъ о системѣ смѣшаннаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ въ одной и той же комнатѣ одинаковымъ урокамъ, дѣвушка отвѣчала: «я нахожу, что смѣшанная система лучше для обоихъ половъ, чѣмъ одиночная. Мальчики оказываютъ укрѣпляющее дѣйствіе на дѣвочекъ; дѣвочки производятъ смягчающее вліяніе на мальчиковъ».

— Но, вѣдь, вамъ должно быть не мало хлопотъ съ этими толстыми малыми?

— Нисколько; съ этими еще легче, чѣмъ съ малютками; у 15-ти лѣтнихъ больше сознанія, что стыдно дѣлать худо, чѣмъ у 10-ти лѣтнихъ; а особенно въ присутствіи лэди. Тутъ помогаетъ и духъ рыцарства.

Духъ рыцарства, о которомъ говоритъ вирджинская лэди, свойственъ американцамъ по отношенію къ женщинамъ, составляя рѣзкій контрастъ съ отношеніями американцевъ-мужчинъ между собою, и хотя такое рыцарство не лишено значенія въ образовательномъ отношеніи, само по себѣ оно составляетъ результатъ другой причины. Женщинъ очень мало, и потому онѣ очень цѣнны въ Америкѣ — вотъ прозаическое объясненіе такого явленія. Положеніе женщины въ Америкѣ имѣетъ непосредственную связь съ образованіемъ народа. Крайнее неравенство половъ вредно отзывается на интеллектуальномъ складѣ народа. Крайне скудное количество бѣлыхъ женщинъ влечетъ за собою необходимость покупки индійскихъ женщинъ, подвоза китаянокъ,

и увеличиваетъ количество помѣсей, количество смѣшанныхъ семействъ и дѣтей, крайне туго поддающихся духу европейскаго образованія. Потеря бѣлой расой значенія на западномъ склонѣ американскаго материка прямо приписывается авторомъ недостатку женщинъ у испанцевъ. Вмѣсто испанцевъ, католиковъ и сколько-нибудь цивилизованныхъ, явились полудикія стаи гибридовъ, параллель съ которыми можно провести повсюду, даже въ самомъ англосаксонскомъ племени. Образованіе, которое теперь составляетъ для Америки насущный вопросъ, находится въ прямой зависимости отъ числа бѣлыхъ женщинъ въ странѣ. Неравенство половъ поражающее, хотя и не вездѣ одинаково, напримѣръ, въ Орегонѣ приходится по 2 мужчины на 1 женщину; въ Невадѣ и Аризонѣ тоже отношеніе выражается еще болѣе неблагопріятными цифрами — 3 къ 1, а въ Идабо, Уайомингѣ и Монтанѣ пропорція выражается даже 4 : 1. Возможно ли нетолько образованіе, но и какой бы то ни было нравственный и общественный порядокъ тамъ, гдѣ на одну женщину приходится четыре мужчины? Притомъ, распредѣленіе женщинъ крайне неправильно. Въ общемъ, республика бѣдна бѣлыми женщинами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и женщины имѣютъ численный перевѣсъ надъ мужчинами; такъ, въ округѣ Колумбіи, гдѣ находится Уашингтонъ, на каждую тысячу душъ приходится 528 женщинъ на 472 мужчинъ, подобный же перевѣсъ женщинъ въ старыхъ сѣверныхъ пуританскихъ штатахъ, Массачузетсѣ и Родъ-Эйландѣ. Но во всѣхъ этихъ мѣстахъ излишекъ женщинъ объясняется мѣстными, случайными причинами, эмиграціей изъ сѣверныхъ штатовъ на западъ, и значеніемъ Уашингтона, какъ центра моды и удовольствій. Вообще, перевѣсъ женщинъ, хотя бы и малый, замѣчается въ 17 штатахъ, кромѣ Колумбіи; во всѣхъ другихъ штатахъ и территоріяхъ избытокъ мужчинъ несомнѣненъ; уже въ Калифорніи онъ поразителенъ. Среднее положеніе вопроса для цѣлаго союза таково: на 1,000 человѣкъ приходится 505 мужчинъ и 495 женщинъ. Подобное положеніе отзывается и на физическомъ здоровьѣ американскихъ женщинъ: по оффиціально одобреннымъ даннымъ, только одна женщина изъ десяти способна физически выполнять обязанности жены и матери. Дальнѣйшее развитіе того же начала представляетъ еще болѣе неутѣшительную картину: нѣсколько лѣтъ назадъ выяснилось по статистическимъ изслѣдованіямъ, что въ каждомъ штатѣ цифра рожденій съ года на годъ уменьшается, уменьшается постоянно и повсемѣстно, какъ въ Арканзасѣ и Алабамѣ, такъ въ Массачузетсѣ и Нью-Йоркѣ. Сверхъ того, цифра рожденій у новоприбывшихъ поселенцевъ держится еще выше, чѣмъ у мѣстныхъ урожденцевъ, но даже и у первыхъ она все-таки ниже, чѣмъ въ любой странѣ Европы, даже чѣмъ была во Франціи, въ худшіе дни правленія Наполеона III.

Зло началось съ переселенія въ Америку одинокихъ эмигрантовъ, оставлявшихъ свои семьи дома, въ Европѣ. Если припом-

нить, что у индійцевъ, негровъ, мулатовъ число женщинъ превышаетъ число мужчинъ, то очевидно, что не въ физическихъ свойствахъ страны должно искать причину такого печальнаго явленія. Нѣкоторые изъ статистиковъ доходили до заключенія, что бѣлая раса не можетъ жить на американской почвѣ, но на подобныхъ заключеніяхъ нельзя серьёзно останавливаться. Важнѣе тотъ фактъ, что самая цифра перевѣса бѣлыхъ мужчинъ надъ женщинами постепенно уменьшается и въ десятилѣтіе съ 1860 по 1870 годъ уменьшилась на 300,000. Неравенство половъ было первоначальнымъ слѣдствіемъ иммиграціи европейцевъ и будетъ ослабѣвать съ ослабленіемъ ея. Прекратится приливъ европейскихъ переселенцевъ, прекратится и неравенство половъ. «Но, спрашиваетъ авторъ: — такое лекарство не будетъ ли хуже самой болѣзни?»

Въ образовательномъ отношеніи будетъ несомнѣнно хуже, такъ какъ только европейцы пока поставляютъ въ Америку контингентъ людей съ болѣе или менѣе цивилизованными понятіями, уравновѣшивающій полуобразованные и варварскіе элементы, привходящіе съ другихъ сторонъ. Притомъ, еще вопросъ: исцѣлится ли и тогда самая болѣзнь, т. е. именно уменьшеніе цифры рожденій? Тутъ во многомъ имѣетъ значеніе матеріальное положеніе семьи и возможность вообще жить семейною жизнью. Вопросъ можетъ быть сведенъ на экономическую почву. Возвращаясь къ дѣлу образованія, нельзя не признать, что неравенство половъ, какъ и повсемѣстное пьянство, какъ и значительная безграматность, безусловно вредно для развитія страны въ образовательномъ отношеніи, хотя само по себѣ оно, а также и прочія явленія, упомянутыя нами, въ сущности—явленія экономическаго порядка.

Вообще, цивилизація народа — понятіе условное, и къ Америкѣ нельзя примѣнять въ этомъ отношеніи европейскаго масштаба. Если измѣрить и взвѣсить различныя «pro» и «contra», то окажется, быть можетъ, что, относительно говоря, она далеко ушла въ сравненіи съ Европой. Въ этой молодой странѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь, осталось элементовъ варварства, полуобразованія, чистаго невѣжества и извращеннаго развитія. Образчики всего этого можно бы найти желающему. Дикое народное правосудіе въ преріяхъ, іезуитскія школы въ испанской полосѣ республики, мормонская цивилизація, возникшая пышнымъ цвѣткомъ среди пустыни и замирающая отъ свиста локомотива, неясное сознаніе въ народѣ необходимости взаимнаго общенія, выражающееся во множествѣ коммунистическихъ обществъ, какъ реакція противъ эгоистическаго индивидуализма янки, европейскій умственный уровень штатовъ Новой Англіи, джентльменская образованность южныхъ штатовъ, поголовная грамотность и нравственное идіотство китайцевъ, интеллектуальное дѣтство негровъ—такой пестрой совокупности элементовъ самыхъ разнохарактерныхъ вполнѣ достаточно, чтобъ сдѣлать, очевидно, не-

состоятельными сужденія объ образованіи народа въ европейскомъ смыслѣ слова. Сухи и безсодержательны будутъ самыя точныя цифровыя таблицы о числѣ учащихся, школъ, учителей, системахъ школьнаго обученія въ томъ или другомъ штатѣ и т. п. И это потому, что по такимъ таблицамъ результаты будутъ несоотвѣтствовать дѣйствительности. Америка все-таки будетъ образованнѣе, чѣмъ покажется по цифровымъ свѣдѣніямъ на европейскій образецъ. Образовательный элементъ республики—ея политическая жизнь, тотъ тактъ, смѣтливость, которые сообщаются гражданину свободной страны участіемъ въ ея политическихъ отправленіяхъ. Негры не могли еще получить просвѣщенія; однакожь, южные «консерваторы» выражали увѣренность автору, что даже «негръ, владѣющій хижиною и садомъ, становится консерваторомъ и подаетъ голосъ противъ наѣзжихъ авантюристовъ». Въ этомъ отношеніи, по словамъ того же консерватора, негръ, обезпеченный имуществомъ, становится столь же политически здравымъ, какъ и негръ сравнительно образованный. «Уже при послѣднихъ выборахъ, тысячи негровъ подавали голоса за насъ, а когда уйдутъ федеральныя войска, такихъ будутъ десятки тысячъ». Политическія права̀ и возможность экономическаго обезпеченія посредствомъ честной дѣятельности—вотъ что̀ прежде всего нужно въ свободной странѣ; хорошая школьная организація, конечно, составляетъ необходимый аттрибутъ, но только тогда можетъ достигнуть цѣли, когда будетъ неразрывно связана съ общественными тенденціями: только съ улучшеніемъ этихъ тенденцій, съ поднятіемъ уровня народнаго духа возможенъ и успѣхъ образованія. У Диксона мы находимъ два яркіе примѣра, ка̀къ нужно понимать образованіе въ Америкѣ, ка̀къ велико значеніе количества учебныхъ заведеній, и ка̀къ велико вліяніе школьной дисциплины, когда она идетъ въ разрѣзъ съ жизнью. Большой, многолюдный штатъ Иллинойсъ, по его недавнему существованію, можно назвать просвѣщеннымъ и даже ученымъ штатомъ: здѣсь наберется съ дюжину университетовъ и академій, болѣе 13,000 книжныхъ лавокъ. Если изъ $2^1/_2$ милліоннаго населенія Иллинойса исключить около 90,000 туземцевъ и до 42,000 чужеземцевъ, то въ числѣ остальныхъ каждый мужчина, каждая женщина умѣютъ читать и писать. Между тѣмъ, было бы горькой ироніей называть этотъ край образованнымъ. Населеніе занимается, бо̀льшею частію, бойней скота и выдѣлкою вѝски. Быть можетъ, въ этого рода занятіяхъ, замѣчаетъ авторъ, заключается причина того, что Иллинойсъ—самая лучшая арена для тайныхъ обществъ въ родѣ Ку-Клюкса, что здѣсь процвѣтаютъ дикія формы правосудія, въ родѣ суда Линча, разныхъ тайныхъ наблюдательныхъ комитетовъ, что Иллинойсъ—сцена частыхъ убійствъ, виновники которыхъ всѣмъ извѣстны, но по поводу которыхъ шерифъ не будетъ дѣйствовать; онъ долженъ помнить о себѣ самомъ. Здѣсь, при существованіи дюжины университетовъ, больше всего въ ходу правила индій-

скихъ вигвамовъ: око за око и зубъ за зубъ. Судьи и коронеры, шерифы и полисмены аккуратно избираются, но помнятъ, что они—нечто иное, какъ покорные слуги тѣхъ, кто ихъ выбралъ, виноторговцевъ и мясниковъ, а когда фермеръ, мясникъ и виноторговецъ взаимно несогласны въ мнѣніяхъ, то пускаютъ въ ходъ ножи, а шерифъ... «Нашъ шерифъ всегда выйдетъ сухъ изъ воды, смѣется философъ въ кожаной курткѣ:—случится потасовка, онъ поворачивается спиной и даетъ дѣлу утихнуть». Затѣмъ, кто-нибудь изъ спорящихъ сторонъ остается побѣдителемъ, и тогда законъ опять становится выраженіемъ общей воли. Авторъ разсказываетъ поразительные случаи вендетты, свойственной этимъ бѣлымъ дикарямъ, случаи самозваннаго правосудія, когда замаскированные люди вторгаются въ жилище стараго фермера, который не поладилъ съ женой и нанялъ себѣ работницу, объявляютъ, что «взвѣсили факты», признали его виновнымъ и что онъ будетъ повѣшенъ, если не призоветъ жену назадъ. Опѣшившій фермеръ метался туда и сюда, обращался за помощью, призывалъ къ себѣ жену, которая не согласилась вернуться, и, несмотря на его мольбы и объясненія, былъ повѣшенъ на деревѣ. Сосѣдъ фермеръ нашелъ повѣшеннаго и имѣлъ неосторожность проболтаться, что видѣлъ замаскированныхъ людей, членовъ тайнаго общества Ку-Клюксъ. Два члена общества были арестованы по подозрѣнію, но вскорѣ отпущены, такъ какъ единственнаго свидѣтеля не оказалось въ живыхъ: неосторожный фермеръ, возвращаясь домой, былъ застрѣленъ неизвѣстно кѣмъ.

«Наши законы были бы хороши, со вздохомъ говорилъ автору опытный и видавшій виды иллинойскій «magistrate:—еслибъ кто нибудь ихъ слушался; но мы создаемъ больше законовъ и нарушаемъ больше законовъ, чѣмъ какой нибудь другой народъ на свѣтѣ. Сэръ, мы не можемъ выносить закона!»

Если приговоръ иллинойскаго «магистрата и черезчуръ суровъ, то, очевидно, все-таки, что просвѣщенію или, вѣрнѣе, духу американской гражданственности найдется не мало работы даже въ такомъ штатѣ, какъ Иллинойсъ, который «гордится многимъ» и, между прочимъ, граматностью, университетами и академіями.

Перенесемся въ другой уголокъ Америки и посмотримъ на діаметрально-противоположныя, но также враждебныя цивилизаціи страны вліянія, дѣйствующія на молодое поколѣніе. Если на учащуюся американскую молодежь должны вредно дѣйствовать сцены вендетты и тайныхъ обществъ, не оправдываемыхъ постороннимъ гнетомъ, то не менѣе вредна могла бы быть іезуитская пропаганда, органомъ которой служитъ коллегія Санта-Клара. Правда, іезуиты явились какъ бы продолжателями францисканцевъ, миссіонерствовавшихъ не безъ успѣха среди индійцевъ, а многіе ученики въ коллегіи состоятъ изъ гибридовъ, но іезуиты смотрятъ на свое дѣло шире, и потому рѣчь о нихъ умѣстна здѣсь.

«Не обученіе земледѣлію и скотоводству нужно здѣшнимъ жителямъ. Въ Алжирѣ и Парагваѣ отцы нашего ордена также учили туземцевъ обработывать землю и собирать хлѣбъ. Въ Санта-Клара мы призваны дѣлать иное дѣло. Туземная раса, для которой трудились францисканцы, почти исчезла. Наша борьба на иной аренѣ». «Наше дѣло, говоритъ падре Варси — воспитаніе юношества. Стараясь лучше выполнить свое дѣло, мы расширили прежнюю арену; къ дѣлу прежней миссіи прибавили новыя зданія...»

Авторъ подробно описываетъ боевыя орудія почтеннаго патера. Это—библіотека, театръ, гимнастическія упражненія. «Мы несемъ съ собою миръ и являемся сюда друзьями», поясняетъ патеръ. Очевидно, эти боевыя орудія предназначены не для завоеванія индійцевъ и гибридовъ. «Францисканцы сдѣлали свое дѣло и ушли». Санта-Клара гостепріимно открываетъ двери молодежи всѣхъ расъ и вѣроисповѣданій: сюда могутъ явиться и еврей, и буддистъ, и англиканецъ. Мальчикъ можетъ держаться религіи своего отца, но обязанъ ходить слушать католическую мессу «только для порядка»; впрочемъ, другихъ религіозныхъ отправленій, кромѣ католическихъ, Санта-Клара у себя не допускаетъ.

Впрочемъ, іезуиты здѣсь—вовсе не враги новѣйшихъ знаній, точной науки; въ Римѣ они могутъ быть ея врагами, но въ Америкѣ — это значило бы сразу потерять подъ собою почву. Іезуиты понимаютъ требованія времени. Книги, инструменты, тигли и т. п. аттрибуты здѣсь все послѣдніе, новѣйшаго образца; имѣется фотографическая студія, типографскій станокъ, даже мѣсячный журналъ; далѣе—оркестръ, фехтовальная зала, мѣсто для гимнастическихъ упражненій, даже драматическое общество. Театральныя представленія — здѣсь одно изъ лучшихъ удовольствій: исполняются разговорныя пьесы, фарсы, оперетки. Одинъ изъ патеровъ, обладающій артистическимъ глазомъ, ставитъ на сцену живописные танцы. Правда, женщинъ нѣтъ, но патеръ наряжаетъ мальчиковъ въ женское платье. На сценѣ раздается парижская музыка Лекока. Воспитанники пробуютъ силы въ Гамлетѣ; въ Макбетѣ заслужили даже одобреніе—и только отчасти затрудняются въ Отелло. Библіотека—смѣшаннаго состава, но много книгъ новыхъ. «Мы—не траписты», говоритъ падре Варси: — наше оружіе—не мощи, а книги. Мы вѣримъ въ книги.» Въ кругъ преподаванія входятъ математика, металлургія, пробирное искусство и другія прикладныя знанія. День воспитанника посвящается упорному труду и безусловному послушанію. Открывается другая сторона медали.

Несмотря на всѣ либеральныя прикрасы, цѣль воспитательнаго заведенія одна: отучить юношей отъ личной воли и независимой мысли. Коллегія, на англійскій глазъ, составляетъ нѣчто въ родѣ тюрьмы. Учебный годъ продолжается десять мѣсяцевъ; вообще употребляются величайшія старанія, чтобъ юноша не привыкалъ

къ нечестивому свѣту и не заражался вольнодумствомъ. Съ разсвѣта до сумерекъ воспитанникъ занятъ, при чемъ время распредѣлено по часамъ до самыхъ мелочей, т. е. нетолько вставать, ложиться спать, обѣдать, идти на молитву, но даже когда мыть руки, какъ складывать сюртукъ и снимать чулки. Въ теченіе 24 часовъ на полный произволъ воспитанника предоставляется не болѣе 50 минутъ.

Выйти за ворота коллегіи дозволяетя не иначе, какъ въ сопровожденіи префекта или тутора, но вечеромъ даже и съ ними выходить не позволяется. Учащійся не вправѣ читать газеты и журналы, а также имѣть у себя книги, не просмотрѣнныя падре Варси. Самъ учащійся не можетъ переписываться со своими товарищами внѣ коллегіи; всѣ письма, къ нему присылаемыя, читаетъ Варси, исключая писемъ матери юноши, если это достовѣрно извѣстно тому же Варси, но если существуетъ какое-нибудь сомнѣніе, то Варси и въ этомъ случаѣ взламываетъ печать и читаетъ. Никто другой, даже отецъ воспитанника, не вправѣ имѣть свободное съ нимъ сообщеніе. Учащійся не можетъ имѣть денегъ въ своемъ распоряженіи; карманныя деньги передаются казначею. Сумма, какую отецъ можетъ дать своему сыну на расходы, опредѣляется съ точностью и ни подъ какимъ видомъ не должна превышать 25 центовъ, т. е. одного шиллинга. Варси даже того мнѣнія, что довольно и 6 пенсовъ.

Всѣ эти правила прилагаются и къ взрослымъ юношамъ. Къ счастію, число воспитанниковъ не велико—всего около 200 человѣкъ; но и съ тѣми выходили казусы, показывающіе, что всѣ іезуитскія ухищренія безсильны противъ духа американской жизни.

Нѣкто Дельмасъ, сынъ богатаго мексиканца, пробылъ въ коллегіи Санта-Клара до 20 лѣтъ и пользовался одобреніемъ отцовъ-іезуитовъ. Вздумавъ вступить въ дѣйствительную жизнь и заняться правомъ, онъ провелъ нѣсколько дней въ Сан-Франциско, но когда увидѣлъ, что вовсе не знаетъ людей, а изъ книгъ немногое, кромѣ длиннаго списка средневѣковыхъ папъ и іезуитовъ отъ Лойолы до Бекса, но плохо знаетъ даже имена членовъ кабинета президента Линкольна, онъ вернулся, было въ коллегію, но отецъ, взбѣшенный мыслью, что сынъ его можетъ сдѣлаться іезуитомъ, вырвалъ его оттуда, и молодой Дельмасъ поступилъ въ знаменитый Яльскій университетъ.

«Тамъ открылся для меня новый міръ, говорилъ онъ автору:— тамъ каждый воленъ идти своей дорогой, работать какъ хочетъ, формировать самъ свой характеръ. Сначала я былъ нѣсколько боязливъ, чувствуя недостатокъ руководителей; но со временемъ научился полагаться на свои силы и управлять самъ собою». «Разумѣется, іезуиты сочли меня погибшимъ для нихъ, бѣглымъ рабомъ, бросившимся во всѣ тяжкія суетнаго міра. Но дѣло кончено, цѣпь сломана, и уже невозможно воротить то настроеніе, въ какомъ проведена была моя юность. Теперь уже не буду искать совѣта или отказываться отъ своего мнѣнія

предъ священникомъ потому только, что онъ—священникъ. Въ республикѣ каждый вправѣ думать и дѣйствовать самъ за себя. Что же касается до меня, то, получивъ такой урокъ, я буду крѣпко держаться за республику, пока республика держится за меня».

«А вы не боитесь, что эту республику погубятъ ея же граждане?»

«Нѣтъ, нѣтъ, съ одушевленіемъ говоритъ молодой человѣкъ:—нѣтъ никакой опасности, пока у іезуитовъ такіе соперники, какъ эти американцы, которые возводятъ кипящіе жизнью города тамъ внизу, подлѣ залива. Подъ защитою звѣздъ и полосъ намъ нечего бояться за свободу мысли».

Іезуитскія ухищренія, безсильны противъ благотворнаго развитія, даваемаго самою жизнью свободной республики. Не школьное образованіе одно поможетъ очистить американское общество и отъ такихъ чужеядныхъ наростовъ, какъ «Ку-Клюксы» и т. п. Главное лекарство противъ подобныхъ безобразій—сознаніе ихъ ненужности, а оно придетъ, какъ только американское общество покинетъ заботы о преобладаніи надъ цвѣтными расами и о борьбѣ всѣхъ противъ каждаго и обратитъ свои силы и свою громадную энергію на свое гражданское развитіе.

ЗАПИСКИ ПРОФАНА.

XX.

Газета «Недѣля», «мыслящіе провинціалы», г. Кавелинъ и проч.

Habent sua fata libelli, и статьи, конечно—тоже, и писатели, и литературныя партіи—тоже. Бываетъ такъ, что какая-нибудь статья, какой-нибудь писатель, какая-нибудь група писателей вдругъ становятся модными: о нихъ говорятъ, спорятъ, отъ нихъ проходу нѣтъ—и все это часто вовсе не потому, чтобы въ нихъ блеснула какая-нибудь совершенно новая мысль или, вообще, какія-нибудь выходящія изъ ряда вонъ достоинства, а по причинамъ, даже внѣ ихъ лежащимъ и почти неуловимымъ. Такъ было недавно съ гр. Львомъ Толстымъ, который, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, прошелъ незамѣченнымъ (не какъ романистъ, разумѣется), а нынѣ, повторивъ почти буквально (и, во многихъ отношеніяхъ, гораздо слабѣе) свои тогдашнія воззрѣнія, долго занималъ собою литературу и вызвалъ оживлен-

ные споры. Но гр. Толстой, еще особь статья. Гораздо удивительнѣе тотъ внезапный интересъ, который нынѣ получили гг. Мордовцевъ, П. Ч., «Недѣля» и провинціальная литература. Толками о нихъ переполнены газетные фёльетоны; статейка г. П. Ч. послужила тэмой для разсужденій и г. Пыпина, и публицистовъ «Дѣла», и газетныхъ хроникёровъ, и вашего покорнѣйшаго слуги; г. Мордовцевъ вызвалъ противъ себя цѣлый походъ въ «Недѣлѣ», въ недавно вышедшемъ казанскомъ сборникѣ «Первый шагъ», въ газетѣ «Сибирь», въ «Донской Газетѣ»; «Недѣля», по мнѣнію многихъ, чуть ли не переворотъ въ литературѣ произвела; провинціальные писатели съ небывалою энергіей стремятся помѣряться съ «столичной прессой». Называя совокупность этихъ явленій достойною удивленія, я разумѣю только ея внезапность, а не внутренній смыслъ вопросовъ, затрогиваемыхъ упомянутыми авторами — смыслъ, безспорно, чрезвычайно важный. Никто—говорю это смѣло—не радуется больше меня тому, что именно эти вопросы занимаютъ общество и ея зеркало—литературу. Точно также радовался я внезапному оживленію, вызванному статьей гр. Толстого. Но тамъ я былъ преимущественно удивленъ тѣмъ, что идеи этого писателя прошли въ свое время безслѣдно. Теперь же я, напротивъ, удивляюсь тому, что П. Ч. и Мордовцевъ, Мордовцевъ и П. Ч., и опять П. Ч. и Мордовцевъ не даютъ никому спать, между тѣмъ, какъ г. П. Ч. и, вообще, «Недѣля», въ самомъ выгодномъ для нихъ случаѣ, не успѣли даже высказаться, а статьи г. Мордовцева о провинціальной печати представляютъ безпорядочную «игру ума», отъ которой самъ авторъ почти отказался. Конечно, это показываетъ, что, такъ или иначе, дурно или хорошо, положительно или отрицательно, но тронуто наболѣвшее мѣсто. Но дѣло въ томъ, что, оставляя въ сторонѣ г. Мордовцева, «новое слово» «Недѣли» не есть новое, оно имѣетъ свою, не Богъ знаетъ какую длинную исторію, но все-таки исторію, которая почему-то упорно игнорируется и самою «Недѣлею», и всѣми, кто обращается къ этой почтенной газетѣ то съ ироніей, то съ оваціями. Провинціальная литература была у насъ до сихъ поръ дѣйствительно какъ бы въ забросѣ, чему, однако, существуютъ если не оправданія, то очень осязательныя причины. Что̀ же касается до новаго слова «Недѣли», провозглашаемаго съ такой помпой, то соотвѣтственное наболѣвшее мѣсто трогается имъ далеко не впервые. Трогалось оно не одинъ разъ много лучше и много яснѣе. Что̀ же за причина внезапнаго появленія модъ à la П. Ч. и à la «Недѣля»? Вопросъ этотъ представляется мнѣ чрезвычайно интереснымъ. Не знаю только, съумѣю ли я имъ заинтересовать читателя, что̀ было бы очень желательно.

Прежде всего, надо установить факты, т. е., во-первыхъ, показать, что упомянутыя явленія дѣйствительно существуютъ и находятся въ извѣстной связи между собой, и, во-вторыхъ, про-

слѣдить хотя вкратцѣ исторію идей нашихъ Колумбовъ и Америго Веспуччи. Можетъ быть, при этомъ сами собой обрисуются причины занимающей насъ внезапности. Я чувствую себя вполнѣ способнымъ отнестись къ дѣлу совершенно безпристрастно, глубоко сожалѣю объ административныхъ карахъ, постигающихъ «Недѣлю», искренно желаю ей всяческаго успѣха и нетолько не намѣреваюсь предлагать ей отказаться отъ сути своихъ воззрѣній, а, напротивъ, потребую отъ нея бо̀льшей ясности и опредѣленности... Да̀, только опредѣленности, потому что сюда подойдетъ, кажется, даже предложеніе отказаться отъ титуловъ Колумба и Америго Веспуччи, съ которымъ я обращусь къ почтенной газетѣ.

Позвольте мнѣ сдѣлать слѣдующую большую выписку изъ статьи г-жи Александры Ефименко: «Одна изъ нашихъ народныхъ особенностей» («Недѣля», №№ 3—5 нынѣшняго года). Она введетъ насъ въ самое сердце вопроса. Напомню читателю, что г-жа Ефименко есть авторъ многихъ очень дѣльныхъ работъ по нашему обычному праву.

«Нѣкоторыя заявленія «Недѣли» о деревнѣ, почвѣ, узкихъ рамкахъ и т. п. встрѣчены были со стороны нашей интеллигентной столицы большимъ вопросительнымъ знакомъ и выраженіемъ крайняго недоумѣнія, которое до сихъ поръ не сходитъ съ физіономіи петербургской печати, какъ только рѣчь коснется «Недѣли» и ея мнѣній. Совсѣмъ иначе отнеслась къ этимъ заявленіямъ провинція, по крайней мѣрѣ, та ея часть, за которою нельзя не признать значенія наиболѣе здоровой части. Между тѣмъ какъ столица увидала въ нихъ лишь пикантный литературный сюжетъ, дававшій публицисту новую тэму для болѣе или менѣе тонкихъ замѣчаній, фельётонисту — для болѣе или менѣе остроумныхъ выходокъ, провинція почуяла въ ихъ заявленіяхъ то, чего не замѣтила столица — жизненную струю, которая можетъ провѣтрить страшно затхлую психическую атмосферу, дать новый толчекъ застоявшимся жизненнымъ отправленіямъ. Кто правъ: проглядѣла ли столица, увлеклась ли миражемъ провинція? Наши личныя симпатіи стоятъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, на сторонѣ провинціи. Намъ дико и чуждо то объективно-литературное отношеніе, которымъ встрѣтила столичная пресса вопросы, затрогиваемые «Недѣлей». Неужели вся сила въ томъ, чтобы показать, что тогда-то и тогда-то, тамъ-то и тамъ-то, такое-то лицо поднимало подобный же вопросъ? или что та или другая мысль не вполнѣ гармонируетъ съ цѣлымъ? или что въ томъ-то и томъ-то мѣстѣ употребленъ терминъ, не вполнѣ удачно схватывающій суть мысли?—спрашивали мы себя, пробѣгая строки бо̀льшей части столичныхъ изданій, касавшихся мнѣній «Недѣли». Вѣдь эти вопросы—вопросы общественнаго міросозерцанія, тѣ роковые вопросы, которые въ необычайно запутанной и сложной формѣ ставитъ современному человѣку жизнь, говоря ему,

какъ сказочный сфинксъ: или разрѣшай ихъ, или погибай, погибай самою страшною изъ смертей—нравственной смертью живаго человѣка, человѣка, находящагося въ полной силѣ сознанія и чувства... И вотъ, когда стоишь въ роковомъ недоумѣніи передъ чудовищемъ, а мысль тревожно бьется и мечется, пытаясь найти разгадку, или, что̀ еще хуже, когда уже, послѣ тщетной борьбы, начинаетъ ослабѣвать инстинктъ, и ты, въ предсмертной агоніи, чувствуешь, ка̀къ начинаетъ заживо обхватывать разложеніе—можно представить себѣ, что̀ значитъ въ подобномъ положеніи не рѣшеніе вопроса—это было бы ужь слишкомъ много—а хоть новая его постановка, дающая намекъ на рѣшеніе, хоть самое общее указаніе направленія, которому надо слѣдовать, чтобы придти къ этому рѣшенію. Такъ отнеслась къ дѣлу та часть провинціи, о которой мы, какъ знающіе ее, считаемъ себя вправѣ говорить. Суть въ томъ, что для мыслящаго провинціала рѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ (тѣхъ, которые мы назвали вопросами общественнаго міросозерцанія) есть дѣло насущной необходимости, въ болѣе строгомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ, наприм. (?), для интеллигентнаго столичнаго жителя. Столичный житель можетъ, напримѣръ, рѣшить всѣ свои недоразумѣнія или подъисканіемъ готовой формулы изъ имѣющагося ихъ запаса, или видоизмѣненіемъ какой-либо изъ готовыхъ, или, наконецъ, составленіемъ своей новой и, затѣмъ, незадѣваемый жизнью, онъ можетъ себѣ жить да поживать въ томъ душевномъ спокойствіи, которое дается увѣренностью въ истинности своей исходной точки. Совсѣмъ иное положеніе провинціала—положеніе по истинѣ трагическое. Тщетно перерываетъ онъ богатый складъ общеевропейской науки и философіи, пытаясь найти въ немъ то орудіе, которое даетъ ему возможность бороться съ приступающими къ горлу жизненными вопросами и требованіями, тщетно, увлекаясь иллюзіей, хватается то за то, то за другое; жизнь вырываетъ изъ рукъ и ломаетъ, какъ ничтожную тростинку, все, что̀ ему въ первоначальномъ ослѣпленіи кажется такой... Не годится ни то, ни другое, ни третье... а, между тѣмъ, запасъ, на который ты надѣялся, приходитъ къ концу: гдѣ искать новое орудіе? Или... или сложить безпомощно руки? Но, пока силенъ инстинктъ жизни, онъ не даетъ примириться со вторымъ рѣшеніемъ; надо искать, искать, а, между тѣмъ, время уходитъ, надежда найти что̀-нибудь подходящее все слабѣетъ. Но вотъ раздается голосъ, который говоритъ: «не трудитесь напрасно, вы ищете не того, что̀ нужно, и не тамъ, гдѣ нужно; для того, чтобы встрѣтить вызовъ нашей жизни, намъ не годится готовое орудіе, надо готовить новое»... И когда это говорится не голословно, а поддерживается и вѣскими общими соображеніями, и фактическими доказательствами—понятно то сочувствіе, съ какимъ встрѣчается этотъ голосъ. Мы убѣждены, что провинція не ошиблась, отдавъ свои

сочувствія мнѣніямъ «Недѣли», выражающимся въ статьяхъ гг. Кавелина, П. Ч. и др.»

Откровенно сознаюсь въ своемъ столичномъ безсердечіи: мнѣ было скучновато и даже непріятно выписывать эту напряженно-страстную тираду. Но я долженъ былъ это сдѣлать, потому что въ ней счастливымъ образомъ сгруппировались всѣ нужные мнѣ элементы:

Соперничество провинціальной литературы со столичною, стремленіе провинціаловъ пикироваться, мѣряться, развивать канитель о своихъ разнообразныхъ преимуществахъ передъ нами, «столичной прессой». Этимъ не одна г-жа Ефименко занимается. Высокое мнѣніе о себѣ провинціальныхъ дѣятелей литературы достигаетъ иногда даже еще бо̀льшей энергіи выраженія. Такъ, пылкій «литераторъ-обыватель» заявляетъ: «Если-бы вы знали провинцію, вы знали бы и то, что на *десятокъ* вашихъ публицистовъ, фёльетонистовъ, рецензентовъ и поддѣльныхъ «провинціальныхъ философовъ» въ провинціи найдутся *сотни* умовъ, передъ которыми ваши завсегдатаи изображаютъ изъ себя жалкое умственное и нравственное убожество» («Первый шагъ», стр. 482). Вотъ какая страшная пропорція! Когда, въ прошломъ году, «Кіевскій Телеграфъ» сразу лишился *тринадцати* сотрудниковъ, между которыми были самые главные и дѣятельные, въ нѣкоторыхъ нашихъ о̀рганахъ было выражено сомнѣніе насчетъ будущности кіевской газеты. Но новая редакція «Кіевскаго Телеграфа» съ гордостью объявила, что провинція, а тѣмъ болѣе такая, какъ Кіевъ, вовсе не такъ бѣдна литературными силами, чтобы газета потерпѣла ущербъ отъ потери тринадцати сотрудниковъ. Конечно, ни одна петербургская или московская редакція не отважится на столь великолѣпное заявленіе.

Приподнесеніе «Недѣлѣ» титула Колумба. Этимъ тоже не одна г-жа Ефименко занимается. Съ разныхъ точекъ зрѣнія этотъ торжественный актъ совершается и маркизомъ Голопузенкой «Русскаго Вѣстника», и размазней «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», и размазней «Новаго Времени», и пылкимъ «литераторомъ-обывателемъ» казанскаго сборника «Первый шагъ», и Jean'омъ qui pleure, и Jean'омъ qui rit, и даже самой «Недѣлей»...

И подо всѣмъ этимъ—ложь, конечно, безсознательная и непреднамѣренная; ложь фактическая или ложь умолчанія, или ложь извращенія... И пора, наконецъ, разоблачить эту ложь, которая тянется больше года, маскируясь хорошими вещами. Я приглашаю только читателя не торопить меня и предоставить мнѣ право говорить и о такихъ вещахъ, которыя, на первый взглядъ, покажутся ему, можетъ быть, мелочью.

«Намъ дико и чуждо то объективно-литературное отношеніе, которымъ встрѣтила столичная пресса вопросы, затрогиваемые «Недѣлей», говоритъ г-жа Ефименко.—Неужели вся сила въ томъ,

чтобы показать, что тогда-то и тогда-то, тамъ-то и тамъ-то, такое-то лицо поднимало подобный же вопросъ?» Боже меня избави отъ защиты всего наговореннаго по этому, да и по какому бы то ни было поводу «столичной прессой». Столичная пресса, это—такое собирательное имя, въ которомъ суммируются самыя разношерстныя вещи. Однако, такъ презрительно трактуемая г-жею Ефименко задача «показать, что тогда-то и тогда-то, тамъ-то и тамъ-то, такое-то лицо поднимало подобный же вопросъ», эта задача совсѣмъ ужь не такъ заслуживаетъ презрѣнія. Я даже недоумѣваю, можно ли ее назвать «объективно-литературною». Конечно, если какой-нибудь единичный писатель выразилъ случайно какую-нибудь мысль, которая потомъ заглохла и затерялась, то напоминаніе объ этомъ обстоятельствѣ представляетъ интересъ только для спеціалиста-историка литературы. Журнальный же дѣятель имѣетъ полное право относиться къ нему довольно хладнокровно. Но дѣло получаетъ совсѣмъ иной видъ, когда извѣстная мысль имѣетъ свою исторію. Не пустяки это, не объективно-литературный интересъ—когда цѣлая група людей живетъ и умираетъ ради той или другой идеи. Тутъ для сторонника этой мысли становится обязательнымъ, нетолько во имя литературной честности, но и во имя успѣха дѣла, отчетливо знать, постоянно помнить и возможно часто указывать исторію своей мысли. Замѣчательна въ этомъ отношеніи разница между образомъ дѣйствія европейскихъ и многихъ современныхъ русскихъ писателей. Оставимъ въ сторонѣ мелочныхъ эрудитовъ, въ родѣ Рошера или Рау, которые такъ любятъ цитировать древнихъ и новыхъ авторовъ, повидимому, единственно «для познанія всякаго рода мѣстъ». Это—не примѣръ, хотя, надо замѣтить, что страсть къ познанію всякаго рода мѣстъ дѣлаетъ сочиненія подобныхъ ученыхъ, въ своемъ родѣ, драгоцѣнными и незамѣнимыми. Возьмемъ крупныхъ дѣятелей науки и литературы. Возьмемъ, напримѣръ, Геккеля. Этотъ человѣкъ несомнѣнно внесъ «новое слово» въ свою область знанія, а между тѣмъ, посмотрите, съ какою тщательностью выискиваетъ онъ нетолько въ современной, а и въ старой литературѣ преемственную исторію своихъ идей. Онъ не презираетъ задачи, презираемой г-жею Ефименко. Напротивъ, онъ дорожитъ каждою чертой, на которую можетъ указать, какъ на родственную себѣ въ духовномъ отношеніи, хотя это вовсе не мѣшаетъ ему часто очень рѣзко полемизировать даже съ тѣми, къ кому онъ такъ или иначе близокъ. Еще яснѣе эта черта въ другомъ видномъ современномъ дѣятелѣ науки — въ Марксѣ. Очевидно, не «объективно-литературный» интересъ руководитъ этими людьми, а во-первыхъ, требованія литературной честности, и во-вторыхъ—страстное желаніе успѣха своимъ идеямъ. Они понимаютъ, что дѣло ихъ можетъ только выиграть отъ добросовѣстнаго изслѣдованія историко-литературныхъ корней ихъ идей. Геккелю очень важно показать, что въ твореніяхъ такихъ умовъ, какъ Дарвинъ, Гёте,

Ламаркъ, Океиъ, его взгляды имѣютъ свою исторію, а частныя изслѣдованія такихъ-то и такихъ-то второстепенныхъ ученыхъ подтверждаютъ ихъ. Точно также важно и Марксу показать, что, напримѣръ, его теорія цѣнности весьма близка къ теоріи такого авторитетнаго питателя, какъ Рикардо, развитой еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Понятное дѣло, что никакого умаленія заслугъ Геккеля и Маркса отъ такого образа дѣйствій произойти не можетъ. Напротивъ, въ этомъ именно лежитъ одна изъ важнѣйшихъ заслугъ ихъ, и даже не одна заслуга, а нѣсколько: во-первыхъ, заслуга передъ наукой, потому что они даютъ матеріалъ для исторіи развитія идей; во-вторыхъ, заслуга передъ обыкновенной читающей публикой, потому что она получаетъ возможность провѣрять и сравнивать ихъ выводы съ другими; въ-третьихъ, заслуга въ смыслѣ пропаганды, потому что они связываютъ свои идеи со взглядами людей, репутація которыхъ, въ томъ или другомъ отношеніи, стоитъ въ обществѣ высоко. Такой образъ дѣйствія вовсе не требуетъ слащавости и колѣнопреклоненія, порукой въ томъ рѣзкость полемики тѣхъ же Геккеля и Маркса,—а только добросовѣстности. Дѣйствительно, будьте вы только добросовѣстны и вы непремѣнно изучите занимающій васъ вопросъ по возможности всесторонне, и непремѣнно будете знать и помнить его литературу, и непремѣнно пожелаете распространенія своихъ взглядовъ, и непремѣнно съ этою цѣлью будете розыскивать предшественниковъ и единомышленниковъ и проч. Словомъ, все дѣло въ добросовѣстности. Но этого-то драгоцѣннаго качества и недостаетъ весьма многимъ, даже очень извѣстнымъ нашимъ писателямъ. Я очень хорошо понимаю всю тяжесть этого обвиненія и произношу его совершенно сознательно.

Недавно вышла книга г. Ватсона «Эпилогъ прусско-французской войны». По разнымъ причинамъ, я долженъ отказать себѣ въ удовольствіи подробнѣе поговорить объ этомъ, якобы, историческомъ сочиненіи. Скажу нѣсколько словъ только объ одной его сторонѣ. Г. Ватсонъ разсказываетъ многія, совершенно невѣроятныя, просто ни съ чѣмъ несообразныя вещи, въ такой же мѣрѣ несообразныя, какъ сообщенія г. Вагнера о похищеніи духами ордена изъ могилы въ Севастополѣ и т. п. (Пусть читатель обратитъ вниманіе, напримѣръ, на стр. 103 «Эпилога прусско-французской войны»). При этомъ, г. Ватсонъ оставляетъ читателя въ неизвѣстности относительно источниковъ, изъ которыхъ онъ добылъ свои свѣдѣнія. Только въ предисловіи говорится, что авторъ пользовался сочиненіями, «бо̀льшею частью», (надобно бы, кажется, сказать «исключительно») враждебными изслѣдуемому имъ историческому явленію. Такое сочиненіе, конечно, не можетъ быть названо добросовѣстнымъ трудомъ. Очевидно, автору не очень-то дороги его воззрѣнія, потому что, хоть кое-гдѣ въ литературѣ и раздавались похвалы книгѣ г. Ватсона, но это объясняется только закулисными литературными от-

ношеніями и трудностью положенія въ данномъ случаѣ критики; внѣ же литературныхъ дрязгъ, въ публикѣ, взгляды г. Ватсона, благодаря своей очевидной несообразности и презрѣнію къ источникамъ, необходимо должны понести полное фіаско. А потомъ г. Ватсонъ напишетъ, можетъ быть, даже и очень хорошую и очень правдивую книгу, но ему уже никто не повѣритъ, какъ нѣкогда не дано было вѣры шаловливому пастуху, который предварительно надулъ своихъ односельчанъ неумѣстнымъ крикомъ «волки!» Таковы естественныя послѣдствія литературной недобросовѣстности, обнаруживающіяся рано или поздно.

О г. Ватсонѣ я только мимоходомъ. Въ трудѣ его мы имѣемъ образчикъ недобросовѣстнаго, некритическаго отношенія къ историческимъ источникамъ и фактическимъ даннымъ. Насъ будутъ занимать подобные же критическіе пріемы по отношенію къ исторіи идей.

Хотя г-жа Ефименко и не желаетъ знать, гдѣ и когда кто что̀ говорилъ, но это—только вообще, а, въ частности, весьма рѣзко подчеркиваетъ, что никто другой, какъ «г.г. Кавелинъ, П. Ч. и др.» сказали въ «Недѣлѣ» слово, имѣющее обновить литературу и успокоить провинцію. О г. П. Ч. я уже говорилъ и получилъ отъ него возраженіе (мимоходомъ сказать, я одинъ удостоился этой чести; г. П. Ч. простилъ и г. Пыпину, и газетнымъ хроникёрамъ; впрочемъ, объ этомъ, не лишенномъ общаго интереса обстоятельствѣ—ниже). Къ сожалѣнію, возраженіе это не таково, чтобы покончить съ недоразумѣніями, и не таково даже, чтобы вызвать дальнѣйшую полемику. Однако, я вернусь еще отчасти къ нему въ связи съ нѣкоторыми другими мыслями, высказанными въ «Недѣлѣ». Теперь напомню только, что рѣчь шла о «деревнѣ», о «народно-психологической подкладкѣ», долженствующей обновить литературу и проч. Въ этомъ состоитъ то «новое слово», которое сказала «Недѣля», по мнѣнію г-жи Ефименко и самой почтенной газеты. Это же слово, какъ мы видѣли, приписывается и г. Кавелину.

Г. Кавелинъ былъ нѣкогда писатель чрезвычайно дѣятельный, оказавшій многія услуги русской литературѣ и принадлежавшій къ «западническому» толку. Это было настолько давно, что терминъ «западничества» имѣлъ еще вполнѣ опредѣленный и очень важный смыслъ. Со времени памятнаго общественнаго и литературнаго движенія, начавшагося въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, г. Кавелинъ постепенно сходитъ со сцены. Изъ первыхъ рядовъ литературы, въ которыхъ онъ стоялъ въ сороковыхъ годахъ, онъ уходитъ куда-то назадъ, увядаетъ. Въ наши дни онъ опять разцвѣтаетъ, и вотъ ему приписывается даже «новое слово...» Нельзя сказать, чтобы, въ періодъ своего увяданія, г. Кавелинъ совсѣмъ исчезъ съ литературнаго горизонта и рѣшительно не обращалъ на себя вниманія. Напримѣръ, его прекрасная статья объ общинномъ землевладѣніи, напечатанная въ «Атенеѣ» 1859 года, была замѣчена и оцѣнена по достоинству.

Но, въ общемъ, онъ, въ числѣ многихъ другихъ представителей сороковыхъ годовъ, былъ отодвинутъ силами болѣе свѣжими, молодыми, энергическими. Извѣстно, что это обстоятельство сопровождалось нѣкоторымъ недовольствомъ, даже озлобленіемъ отодвинутыхъ. Г. Кавелинъ остался не чуждъ этому озлобленію, хотя, надо правду сказать, оно никогда не достигало въ немъ такой степени и не принимало такихъ грубо-полицейскихъ формъ, какъ у многихъ его сверстниковъ. Однако, оно было и есть. Помнится, въ 1865 году, г. Кавелинъ, по поводу диссертаціи г. Неклюдова, напечаталъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статью (она была, кажется, издана потомъ отдѣльной брошюрой), въ которой весьма недвусмысленно принялъ участіе въ позорной травлѣ разныхъ «измовъ». Это былъ, однако, голосъ и недостаточно громкій, и недостаточно оригинальный, чтобы остановить на себѣ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, вниманіе общества и литературы. Г. Кавелинъ не заслужилъ ни ѳиміамовъ, ни ненависти—не то, что г. Тургеневъ или г. Писемскій или Щербина и т. п. Теперь, какъ уже сказано, г. Кавелинъ опять разцвѣтаетъ. Эта новая, вторая его извѣстность началась съ долго утомлявшихъ читателей «Вѣстника Европы» психологическихъ этюдовъ, въ которыхъ авторъ обнаружилъ болѣе усердія и благихъ намѣреній, чѣмъ истинно философской мысли и пониманія избраннаго имъ предмета. Статьи г. Сѣченова, нашего журнала и, сколько помнится, «Знанія» не оставили въ этомъ, кажется, никакого сомнѣнія. Г. Кавелинъ хотѣлъ быть оригинальнымъ, новаторомъ, но оказался желающимъ примирить непримиримое. Оказался онъ такимъ, конечно, только для другихъ, а не для самого себя. Затѣмъ явилось въ «Недѣлѣ» нѣсколько его статей, въ которыхъ развивалась мысль о возможности и необходимости появленія у насъ самостоятельной, оригинальной философской мысли, болѣе или менѣе отличной отъ западно-европейской. Словомъ, г. Кавелинъ явился провозвѣстникомъ *національной* русской философіи. Мнѣ нѣтъ нужды трактовать объ этихъ статьяхъ по существу. Интереснѣе статья «Проектъ поземельной реформы», написанная по поводу достойной лишь смѣха книги г. Миттельштедта «Новыя экономическія начала общественнаго строя». Г. Кавелинъ выразилъ здѣсь нѣсколько очень справедливыхъ мыслей о крестьянствѣ, какъ о важнѣйшемъ, но часто забываемомъ элементѣ русской жизни; о разницѣ между европейскою исторіей и русскою; о поземельной собственности, какъ о гарантіи экономической независимости народныхъ массъ. Надо замѣтить, что г. Миттельштедтъ, несмотря на свою фамилію, есть ярый врагъ нѣмцевъ и столь же ярый другъ славянъ. Сообразно этому, онъ ставитъ вопросъ о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ на чисто національную почву, противъ которой ничего не имѣетъ и его оппонентъ, г. Кавелинъ: онъ только вноситъ извѣстныя поправки, очень, конечно, радикальныя.

Вотъ откуда «мыслящіе провинціалы» получили, по словамъ г-жи Ефименко, «просіяніе своего ума». Чтò-жь! Это хорошо. Лучше отсюда, чѣмъ ни откуда или изъ какихъ нибудь неблаговонныхъ мѣстъ. Но мыслящіе провинціалы могли на этотъ счетъ просвѣтиться гораздо раньше (и, забѣгая впередъ, прибавлю—лучше) изъ другихъ источниковъ, еще въ то время, когда г. Кавелинъ не разцвѣталъ вторично. Мыслящіе провинціалы хотятъ поставить крестъ надъ этими источниками, дабы водрузить знамя «Недѣли» на новооткрытомъ матерuкѣ, доселѣ не знавшемъ обитателей. Но, можетъ быть, самъ г. Кавелинъ окажется добросовѣстнѣе этихъ жителей необитаемыхъ острововъ? Прекрасный поводъ для обнаруженія этого прекраснаго качества представлялся ему въ статьѣ «Общинное владѣніе», напечатанной въ только что вышедшихъ номерахъ «Недѣли» (3—5 и 6—7). И вотъ кàкъ г. Кавелинъ поступилъ. Въ бѣгломъ историческомъ очеркѣ отношеній русской литературы и русскаго общества къ поземельной общинѣ онъ говоритъ, что были, дескать, у насъ на этотъ счетъ всегда двѣ партіи: славянофилы и западники. Въ первый разъ споръ возникъ между ними въ сороковыхъ годахъ. Славянофилы видѣли въ общинѣ «воплощеніе высокаго христіанскаго идеала взаимныхъ отношеній между людьми, удержавшееся только у насъ и, притомъ, только въ крестьянствѣ»; западники, напротивъ, смотрѣли на общину, какъ на остатокъ патріархальнаго быта, несоотвѣтствующій новымъ условіямъ жизни и потому подлежащій разложенію. Споръ въ томъ же смыслѣ получилъ новую пищу въ диссертаціи г. Чичерина (1856 г.), а затѣмъ подошло время отмѣны крѣпостного права. Тутъ пререканія должны были уже спуститься съ высоты чисто теоретическихъ разсужденій на практическую почву. «Поборниками общиннаго владѣнія снова выступили московскіе славянофилы, вооруженные большимъ практическимъ знаніемъ великорусскаго народнаго быта, а противниками ихъ, защитниками личной собственности и участковаго владѣнія—западники, опиравшіеся на законы политической экономіи и блистательные результаты примѣненія ихъ въ западной Европѣ... Члены редакціонныхъ комиссій (выработывавшихъ Положеніе 19 февраля) принадлежали, по вопросу объ общинномъ владѣніи, къ одному изъ двухъ воззрѣній, между которыми раздѣлялись, отчасти и теперь раздѣляются мыслящіе русскіе люди».

Прочитавъ этотъ ретроспективный взглядъ на наше недавнее прошлое, я истинно пришелъ въ ужасъ. Страшно за литературу и общество, въ которыхъ возможны подобныя, якобы историческія обозрѣнія. Кàкъ могъ написать его г. Кавелинъ, за которымъ утвердилась репутація писателя, хотя не особенно блестящаго, но всегда серьёзнаго и добросовѣстнаго? Кàкъ могла оставить его безъ комментаріевъ «Недѣля», которая, до открытія необитаемыхъ острововъ «Печевіи», «Кавелиніи» и всего архипелага «Недѣліи», была газетой, хотя нѣсколько вялой и скучной, но

полезной именно своей добросовѣстностью и отсутствіемъ качествъ, характеризующихъ Ивана Непомнящаго? Безъ сомнѣнія, «Недѣлѣ» очень хорошо извѣстно, что по вопросу объ общинѣ наша литература и общество, «мыслящіе русскіе люди», съ пятидесятыхъ годовъ дѣлятся не на двѣ, а на три, совершенно опредѣленныя партіи; что «воплощеніемъ высокаго христіанскаго идеала» и жалкимъ остаткомъ патріархальнаго быта далеко не исчерпываются понятія русскихъ мыслящихъ людей объ общинѣ; что существовало, задолго до открытія Печевіи и Кавелиніи, третье воззрѣніе, къ коему, во времена своей почтенной скромности, «Недѣля» примыкала откровенно и безъ умолчаній. Это третье воззрѣніе, вполнѣ опредѣленное относительно общины, не касалось, однако, только ея: оно раздвигалось въ цѣлое міросозерцаніе, которое пользовалось глубокимъ, даже восторженнымъ уваженіемъ однихъ и самою злобною ненавистью другихъ; оно пустило въ обществѣ неистребимые корни, воспитало и, безъ сомнѣнія, воспитаетъ еще не одно поколѣніе, въ томъ числѣ и знаменитый архипелагъ «Недѣлю». Поэтому не объективно-литературный интересъ заставляетъ меня напомнить объ немъ. Литературный хроникёръ «Молвы» предполагаетъ, что нынѣ народилась новая литературная школа «національнаго сознанія». Этотъ терминъ не привился и, я надѣюсь, не привьется. Почтенный хроникёръ зачисляетъ въ эту школу и меня, и знаменитый архипелагъ. Я не могу принять этой чести по причинамъ, которыя отчасти выяснятся ниже; что̀ же касается до архипелага, то ка̀къ осмѣлился бы онъ назвать себя школой русскаго «національнаго сознанія», когда самая помпа открытія его есть ложь на «мыслящихъ русскихъ людей» и недостойное запамятованіе заслугъ русской литературы? Нѣмцы полагаютъ, что они теперь находятся въ періодѣ «національнаго сознанія», и, конечно, они имѣютъ больше правъ на эту вывѣску, чѣмъ какая бы то ни было русская «школа». Но, вѣдь, они ставятъ памятникъ Арминію въ Тевтогбургскомъ Лѣсу, а не говорятъ, что Арминія никогда не было; выискивая вездѣ бойцовъ за то, что̀ имъ теперь кажется хорошимъ, они даже готовы растянуть каждое ничтожное лыко въ огромнѣйшую строку. Здѣсь много тоже лжи, но это—та именно ложь, которая неизбѣжна въ періоды «національнаго сознанія». Здѣсь нѣтъ лжи мелкаго озлобленія на своихъ предшественниковъ за то, что они—предшественники, что они открыли Кавелинію раньше Кавелина или, по крайней мѣрѣ, описали ее лучше его. Дѣлаю эту оговорку въ виду упомянутой выше статьи г. Кавелина въ «Атенеѣ». Хотя статья эта стояла совершенно независимо отъ дѣятельности людей, такъ радикально выскочившихъ нынѣ изъ памяти г. Кавелина и «Недѣли», но была проникнута отчасти тѣмъ же духомъ, отличаясь только меньшею яркостью и послѣдовательностью. Въ статьѣ этой г. Кавелинъ отстаивалъ общину и, слѣдовательно, не видѣлъ въ ней жалкаго остатка патріархальнаго быта, но не видѣлъ въ ней

также «воплощенія высокаго христіанскаго идеала». Такимъ образомъ, распредѣляя нынѣ всѣ мнѣнія, высказанныя въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, по двумъ рубрикамъ, г. Кавелинъ доводитъ забвеніе даже до самозабвенія. Такъ именно думалъ я, прочитавъ №№ 3—5 «Недѣли». Это было бы, по крайней мѣрѣ, логично и добросовѣстно, насколько возможна добросовѣстность въ некрасивомъ положеніи, въ которое поставилъ себя г. Кавелинъ. Но №№ 6—7 разочаровали меня. «Недѣля», дѣйствительно, херитъ свое собственное прошлое, почерпая нравственное вознагражденіе въ репутаціи Колумба и Америго Веспуччи. Г-жа Ефименко и другіе провинціальные писатели, провозглашающіе открытіе новаго архипелага, тоже херятъ свое прошлое. Но г. Кавелинъ... pas si bête. Свою статью онъ заканчиваетъ такъ: «Такіе же взгляды высказывали мы, семнадцать лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ, напечатанной въ «Атенеѣ», издававшемся въ 1859 году въ Москвѣ»...

И такъ, семнадцать лѣтъ тому назадъ, существовали московскіе славянофилы, существовали враги общины, опиравшіеся на законы политической экономіи и блистательные результаты личнаго землевладѣнія въ западной Европѣ, да еще существовалъ... г. Кавелинъ. Правда это, г. Гайдебуровъ? (г. Кавелина я не спрашиваю).

Есть, впрочемъ, въ статьѣ г. Кавелина одно мѣсто, на которое «Недѣля», если захочетъ (въ чемъ я впрочемъ сомнѣваюсь), можетъ указать, какъ на пополненіе указаннаго пропуска. Вотъ это мѣсто цѣликомъ: «Не мало у насъ и такихъ противниковъ и защитниковъ общиннаго землевладѣнія, которые смотрятъ на него сквозь *европейскія очки* (это слово часто раздается на новооткрытыхъ необитаемыхъ островахъ) и примѣняютъ къ нему европейскіе шаблоны. Консерваторамъ этого пошиба мерещатся въ общинномъ землевладѣніи зародыши европейскаго соціализма и коммунизма, которые со временемъ, когда разовьются, должны разрушить священное право личной собственности. Естественно, что всякій защитникъ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія долженъ имъ казаться крайнимъ изъ крайнихъ, краснымъ, чуть чуть не коммунаромъ и петрольщикомъ. Къ сожалѣнію, есть у насъ и такіе защитники общиннаго владѣнія, которые наивно принимаютъ вызовъ подобныхъ противниковъ и, стоя съ ними на одной почвѣ, примѣняя, подобно имъ, европейскую мѣрку къ нашимъ общественнымъ явленіямъ, объясняютъ общинное владѣніе въ смыслѣ самыхъ крайнихъ радикальныхъ европейскихъ воззрѣній».

Вотъ единственный намекъ г. Кавелина на существованіе у насъ защитниковъ общины—не славянофиловъ. И какіе это выходятъ у него жалкіе, глупые люди! Къ сожалѣнію, г. Кавелинъ еще пощадилъ ихъ и выразился не достаточно точно. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, значитъ «объяснять общинное владѣніе въ смыслѣ самыхъ крайнихъ радикальныхъ европейскихъ воззрѣній»? Я ду-

маю, что, какъ упрекъ, это—безсмыслица. Я думаю, что, высказывая его, г. Кавелинъ обнаружилъ только недостатокъ брезгливости, ибо, поднявъ его прямо съ улицы, не потрудился даже хоть маленько пообчистить приставшую къ нему уличную грязь, а такъ, какъ есть, во всей неприкосновенности безобразія, передалъ его г. Гайдебурову для тисненія. А тотъ тиснулъ.. Vous avez bien mérités de la patrie, публицисты «національнаго сознанія»! Требуйте себѣ лавровыхъ вѣнковъ и тріумфальныхъ воротъ, требуйте смѣлѣе, наглѣе—и вы ихъ получите. Но помните, что ваша patrie есть новооткрытый архипелагъ, а его составляютъ едвали не тѣ самые острова, на которыхъ ростетъ трынъ-трава. Поведеніе г. Кавелина относительно исторіи взглядовъ на общину—не случайное: оно входитъ въ систему. Г. Кавелинъ ведетъ свою линію упорно и разносторонне. Такъ, въ той же «Недѣлѣ», онъ напечаталъ въ прошломъ году статью «Бѣлинскій и послѣдующее движеніе нашей критики», изъ которой видно, что со временъ Бѣлинскаго (т. е. со временъ перваго разцвѣта г. Кавелина) критика наша двигалась къ ничтожеству. И здѣсь, значитъ, онъ усиливается похерить все то движеніе, которое отодвинуло его, г. Кавелина, изъ первыхъ рядовъ литературы въ задніе... Объяснять чью-нибудь литературную дѣятельность мотивами уязвленнаго мелкаго самолюбія и чисто личнаго озлобленія—дѣло тяжелое и непріятное. Можетъ быть, приведенные факты допускаютъ иное объясненіе, но это, во всякомъ случаѣ—факты, и я попрошу «Недѣлю», если она удостоитъ меня отвѣтомъ, держаться фактовъ же, т. е., напримѣръ, доказать, что литература, по вопросу объ общинѣ, дѣйствительно исчерпывается славянофилами, западниками—противниками общины, и г. Кавелинымъ, да развѣ еще кучкой глупцовъ, едва заслуживающихъ (и то своею глупостью) упоминанія. Не говорите, господа «мыслящіе провинціалы», о мертвенномъ, «объективно-литературномъ» отношеніи къ дѣлу. Я обвиняю «Недѣлю» нетолько въ умолчаніи, нетолько въ извращеніи и въ нарушеніи требованій литературной добросовѣстности. Я обвиняю ее въ томъ, что она отнимаетъ у васъ цѣлую драгоцѣнную литературу, какъ отняли у васъ пещерные люди Льва Толстого. Если вы, вслѣдъ за г. Кавелинымъ и по его наущенію, отвернетесь отъ того, что у насъ было писано по вопросу объ общинѣ, то вы же останетесь въ убыткѣ. Я вовсе не то говорю, чтобы г. Кавелинъ обязанъ былъ испещрить свою статью цитатами въ такомъ, напримѣръ, родѣ: «въ томъ же самомъ «Атенеѣ», гдѣ появилась моя статья, только годомъ раньше, была напечатана статья г. Юрьина, въ которой отношеніе общиннаго землевладѣнія къ различнымъ европейскимъ ученіямъ было разработано вполнѣ безпристрастно и безъ всякихъ европейскихъ очковъ». Или: «въ рѣчахъ В. А. Панаева выразился взглядъ на общину, одинаково далекій и отъ славянофильской доктрины и отъ воззрѣній западниковъ—противниковъ общины». Или: «Экономическій указатель»,

ратовавшій противъ общины во имя европейскихъ экономическихъ теорій, встрѣтилъ сильнѣйшій отпоръ не со стороны славянофиловъ». И проч., и проч. Это дѣло библіографіи и спеціальной исторіи литературы. Но г. Кавелинъ поднимаетъ руку на цѣлое направленіе, а этого, конечно, не долженъ бы былъ дѣлать человѣкъ, уважающій себя и дорожащій успѣхомъ своихъ идей.

Каковы бы однако ни были мотивы г. Кавелина, но одна ласточка весны не дѣлаетъ. Не могъ бы онъ совершать публично, во всеуслышаніе, актъ столь явной литературной недобросовѣстности и получать за это не свистки, а лавровый вѣнокъ, еслибы тому не способствовали какія нибудь стороннія и болѣе или менѣе общія причины. Для выясненія этихъ причинъ, позвольте мнѣ напомнить вамъ въ самыхъ общихъ чертахъ что̀ именно такъ упорно желаетъ вытереть изъ вашей памяти г. Кавелинъ, и не онъ одинъ, какъ сейчасъ увидимъ. Повторять то, что̀ много разъ уже было говорено, не весело. Но что̀ же дѣлать, если у людей такъ коротка память.

Оживленіе нашей литературы и общества началось съ концомъ крымской войны. Два ряда фактовъ и два теченія мысли вырѣзались при этомъ съ особенною яркостью. Во-первыхъ, была усмирена наша *національная* гордость; во-вторыхъ, оказалось необходимымъ улучшить положеніе *народа* (слушайте, г. Фаустъ Щигровскаго Уѣзда, и, если вамъ на будущее время придетъ охота опять сочинять невозможныя слова̀ въ родѣ «ультранаціоны», то научитесь, по крайней мѣрѣ, прикладывать ихъ куда слѣдуетъ; запомните разъ на всегда, что нація и народъ, nation и peuple—не синонимы). Это двойственное явленіе отразилось на извѣстной части нашего общества и литературы, наиболѣе живой и энергичной, слѣдующимъ образомъ. Прежде всего, утратили всякій смыслъ славянофильство и западничество, какъ самостоятельныя доктрины. Не въ пошломъ эклектизмѣ было дѣло; не то, чтобы явилась надобность или обнаружилось поползновеніе примирить эти два, по существу своему, непримиримыя ученія. Нѣтъ, надлежало покончить съ самимъ основаніемъ той и другой доктрины, просто выкинуть его изъ счета. Сообразно этому, получилось вполнѣ свободное отношеніе къ «Европѣ», къ выработаннымъ ею теоріямъ, къ ея исторіи, къ ея надеждамъ и разочарованіямъ, а равно и къ Россіи, къ «началамъ русскаго народнаго быта», о которыхъ такъ много толковали славянофилы. Образовалось, такъ сказать, новое высшее судилище, передъ которымъ «европейское» и «русское», «національное», не имѣли сами по себѣ ровно никакого значенія—ни положительнаго, ни отрицательнаго. Русская литература смѣло могла тогда сказать, что для нея «нѣсть эллинъ, ни іудей». Это не былъ какой нибудь совершенно внезапный скачо̀къ общественнаго развитія. Къ такому же результату, въ общихъ чертахъ, пришли уже и наиболѣе чуткіе дѣятели сороковыхъ годовъ—конечно, немногіе. Да, наконецъ, самые завзятые, самые крайніе западники и славяно-

филы фактически не могли преклоняться передъ «Европой» вообще и передъ «началами русскаго быта» вообще. Они, по необходимости, произвольно выкидывали одни изъ «Европы», другіе изъ нашихъ національныхъ особенностей то, что̀ имъ не нравилось, что̀ не соотвѣтствовало ихъ собственнымъ идеаламъ, и только на остатокъ отъ этой операціи навѣшивали ярлыкъ своей доктрины. Затянутые къ корсетъ западничества и славянофильства, они производили эту разборку безсознательно и несвободно. Эта-то сознательность, эта-то свобода и народились послѣ крымской войны. Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что лучшіе люди того времени—тѣ самые, которые теперь, черезъ какихъ нибудь пятнадцать-двадцать лѣтъ, когда уже износились сапоги, въ которыхъ мы шли за гробами ихъ, игнорируются и даже оплевываются—эти люди не придавали никакой цѣны титуламъ «европейскій» и «національный». На западѣ или на востокѣ, на сѣверѣ или на югѣ народилась извѣстная идея или извѣстный общественный фактъ—они входили въ новое міросозерцаніе и занимали въ немъ соотвѣтственное положеніе, трактовались въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ по своему содержанію, безъ переклички западничества и славянофильства, которая нынѣ опять входитъ въ моду, безъ какихъ бы то ни было европейскихъ или національныхъ очковъ. Это, однако, вовсе не значитъ, чтобы для нихъ не имѣла цѣны историческая почва. Если русская жизнь народила или сохранила нѣчто, съ ихъ точки зрѣнія, драгоцѣнное, они прямо указывали на это обстоятельство и естественно видѣли въ немъ залогъ успѣха своихъ идей. Такъ было именно съ общиной. Г. Кавелинъ говоритъ: «*Никому* не приходило тогда въ голову, что крестьяне могутъ когда-нибудь, какъ случалось впослѣдствіи, домогаться обращенія участковаго владѣнія въ общинное». *Никому*—это слишкомъ сильно сказано. Г. Кавелину это, дѣйствительно, не приходило въ голову, какъ видно изъ его статьи въ «Атенеѣ»; но другимъ, и именно тѣмъ, кого онъ нынѣ заднимъ числомъ такъ глубоко презираетъ—приходило. Мало того, на этой возможности основывались большія надежды, причемъ историческая прочность общины, ея вѣковѣчность въ жизни русскаго народа представлялась превосходнымъ базисомъ. Г. Кавелинъ, вѣроятно, именно по этому поводу строитъ свою маленькую (ахъ, какую маленькую!) вавилонскую башню изъ «жупеловъ» въ родѣ европейскихъ очковъ, петрольщиковъ, соціалистовъ и проч. и затѣмъ, величественно уперевъ руки въ боки, усаживается на самой вершинѣ башни, воображая, что она дѣйствительно достроена до неба. Господь Богъ, во гнѣвѣ своемъ на строителей вавилонской башни, смѣшалъ ихъ языки. Онъ смѣшалъ и языки строителей маленькой вавилонской башни «Недѣли». «Европейскія очки», въ качествѣ ли упрека или похвалы, очевидно должны быть разбиты въ дребезги, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ тому времени, о которомъ мы говоримъ. Въ то время, вся признанная, школьная европейская наука считала общину

безповоротно сданною въ архивъ и осужденною исторіей на забвеніе. А русская литература тогда не чуралась европейской науки. Поэтому, не европейскія очки, а смѣлость и опредѣленность мысли нужны были для признанія крестьянской общины драгоцѣннымъ залогомъ будущаго. Г. Кавелинъ скажетъ, что литература наша, все таки, искала себѣ учителей на Западѣ. Мудрено, я думаю, ихъ не искать тамъ. Уроками оттуда пользуются, увы! даже гг. Кавелинъ и П. Ч.—только не упоминаютъ объ этомъ. Г. Кавелинъ говоритъ, напримѣръ, объ томъ, что въ западной Европѣ экономическій прогрессъ повелъ къ созданію пролетаріата, къ страшной войнѣ между трудомъ и капиталомъ, что экономическая независимость народныхъ массъ наилучше гарантируется поземельною собственностью и т. п. Откуда онъ узналъ все это? Я готовъ впрочемъ допустить, что онъ, подобно Тяпкину-Ляпкину, до всего этого своимъ умомъ дошелъ, а другіе узнали, какъ онъ презрительно говоритъ, изъ иностранныхъ книжекъ. Но такъ какъ онъ говоритъ буквально тоже самое, что̀ и эти другіе, то его самостоятельность не имѣетъ для меня большого значенія.

Не выходя изъ области экономическихъ идей, я могу указать на одинъ чрезвычайно яркій фактъ самостоятельности нашей литературы пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Поводъ къ этому даетъ недавно вышедшій первый томъ сочиненій Рикардо въ русскомъ переводѣ, бесѣду объ которомъ я долженъ впрочемъ отложить до другого раза. По странному совпаденію, три года тому назадъ, говоря о русской литературѣ, о понятіяхъ націи и народа, т. е. о тѣхъ самыхъ тэмахъ, которыми и нынѣ вынужденъ занимать ваше вниманіе, я, въ видѣ иллюстраціи, остановился на диссертаціи г. Зибера: «Теорія цѣнности и капитала Рикардо». Кругомъ, значитъ, все быстро идетъ впередъ, выкрикиваются «новыя слова̀», открываются необитаемыя острова, а я... я выбираю все тѣже тэмы и даже пользуюсь все тѣми-же поводами... Что̀ дѣлать, читатель, что̀ дѣлать! Всякому свое.

Вотъ какъ характеризуетъ Рикардо его почтенный переводчикъ: «Не говоря о твердомъ, ясномъ и послѣдовательномъ проведеніи начала, открытаго задолго до него, а именно начала, по которому цѣнность бо̀льшей части продуктовъ основывается на издержкахъ производства или на количествахъ труда — Рикардо первый изъ числа экономистовъ выяснилъ основной въ политической экономіи законъ взаимнаго отношенія двухъ составныхъ частей цѣны-прибыли и задѣльной платы, и показалъ, что размѣры ихъ обратно пропорціональны между собой. Этимъ въ первый разъ объективно и научно, хотя еще и безсознательно, указывалась истина, что интересы труда и капитала, развиваемые на полной свободѣ, отнюдь не тождественны, а противоположны. Изъ этого основнаго положенія Рикардо вывелъ рядъ важнѣйшихъ послѣдствій въ отношеніи къ образованію ренты, къ распредѣленію всѣхъ трехъ отраслей дохода въ

пространствѣ и во времени, къ внѣшней и внутренней торговлѣ, къ системѣ налоговъ и премій и т. д.» Въ пятидесятыхъ и въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, эти идеи Рикардо были въ Европѣ не въ авантажѣ. Такъ называемые экономисты съ почтеніемъ поминали имя Рикардо и видѣли въ немъ какъ бы своего предшественника, но не имѣли съ нимъ собственно ничего общаго, ни по пріемамъ изслѣдованія, ни по содержанію своей доктрины. То была доктрина гармоніи интересовъ, развиваемыхъ на свободѣ, въ противоположность Рикардо, пришедшему, какъ мы видѣли, къ тому результату, что «интересы труда и капитала, развиваемые на полной свободѣ, отнюдь не тождественны, а противоположны». Только очень маленькая група писателей, съ Миллемъ во главѣ, отчасти сохранила традицію Рикардо. Что̀ же касается соціалистовъ, то, за весьма малыми исключеніями, они крайне враждебно относились къ классической политической экономіи и едва-ли не враждебнѣе всѣхъ къ Рикардо, по разнымъ причинамъ главнымъ образомъ, конечно, по недоразумѣнію, игнорируя его научныя заслуги. Только позже прогремѣлъ по Германіи «желѣзный законъ заработной платы» Рикардо, а еще позже явился трудъ Маркса, прямо примыкающій къ Рикардо, минуя всю фалангу позднѣйшихъ европейскихъ экономистовъ. Такимъ образомъ, въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Рикардо былъ въ Европѣ совершенно затертъ какъ экономистами, такъ и соціалистами. Поэтому, усмотрѣть и оцѣнить его сквозь какія бы то ни было европейскія очки было нельзя. Надо было быть лучше и сильнѣе вооруженнымъ, надо было обладать стройнымъ и совершенно опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, стоящимъ выше дѣленія на европейское и національное русское. Русская литература имъ тогда обладала и потому дѣйствительно усмотрѣла и оцѣнила воззрѣнія Рикардо. Такъ какъ она относилась и къ этимъ воззрѣніямъ не попугаеобразно, а критически, такъ какъ, далѣе, она вводила въ кругъ своего изученія нѣкоторыя явленія русской жизни, мало доступныя, а въ то время и почти неизвѣстныя иностранцамъ, то я осмѣлился выразить, три года тому назадъ, слѣдующее сужденіе: «Эта русская литература оказывала такія важныя услуги даже чистой наукѣ, что будущій историкъ развитія экономическихъ идей въ Россіи отмѣтитъ ихъ съ величайшимъ почтеніемъ. Скажемъ больше. Будущій историкъ напишетъ: если бы въ это время русскій языкъ былъ извѣстенъ въ Европѣ, то европейская наука могла бы кое-чѣмъ позаимствоваться отъ этихъ якобы легкомысленныхъ и презирающихъ науку людей». Это сужденіе, я знаю, показалось вамъ слишкомъ смѣлымъ. Признаться, я и самъ не ожидалъ, что оно получитъ нѣкоторое подтвержденіе такъ скоро. Историка развитія экономическихъ идей въ Россіи—еще нѣтъ (я не могу признать таковымъ г. Кавелина), но въ замѣчательнѣйшемъ изъ современ-

ныхъ трудовъ по политической экономіи, далеко оставляющемъ за собой все, доселѣ въ этой сферѣ написанное, я встрѣтилъ самый лестный отзывъ о той русской литературѣ, которую вы, публицисты національнаго русскаго сознанія, оплевываете. Позоръ той литературѣ, гдѣ за подобныя дѣянія подносятся лавровые вѣнки, гдѣ, фигурально выражаясь, «вѣшаютъ на вора крестъ, а не на крестъ вздѣваютъ вора», гдѣ провозвѣстниками обновленія провозглашаются.... кто? — настоящее слово употребить не рѣшаюсь, недостаточно сильное—не хочу.

Скажутъ можетъ быть, что все это—не къ дѣлу, потому что, дескать, все-таки Рикардо, все-таки европеецъ. Объ этомъ нѣсколько подробнѣе ниже. Однако, и теперь уже видно, что дѣло совсѣмъ не въ Рикардо, а въ томъ, что литература умѣла оріентироваться въ чрезвычайно запутанной и сложной сѣти теченій европейской мысли, выбирать изъ нея то, что̀ въ данную минуту было презираемо или забыто всѣми европейскими партіями, и въ тоже время высоко цѣнить явленія, сохранившіяся до этой данной минуты почти только въ одной Россіи, какъ община, въ Европѣ тогда тоже забытая или презираемая. Спрашивается теперь: какое же это было новое міросозерцаніе, въ чемъ состояла та новая точка зрѣнія, которая глядѣла выше и шире какъ европеизма, такъ и національзма? Во имя чего и въ чемъ объединялись такія, напримѣръ, повидимому, совершенно чуждыя другъ другу вещи, какъ европейская и, притомъ, вполнѣ отвлеченная теорія Рикардо и русская крестьянская община? Самый бѣглый взглядъ на ту и другую можетъ уяснить въ чемъ дѣло. Основныя положенія Рикардо (не одного Рикардо, а въ бо̀льшей или меньшей степени—всей классической политической экономіи, т. е. и Смита, и Мальтуса, и ихъ предшественниковъ; Рикардо выразилъ ихъ только всѣхъ яснѣе и послѣдовательнѣе) суть: 1) трудъ есть источникъ и мѣрило всякой цѣнности, 2) интересы труда и капитала, развиваемые на полной свободѣ, противоположны. Послѣднее одинъ экономистъ выразилъ съ неподражаемою силою въ короткой формулѣ: національное богатство есть нищета народа. Одно изъ показаній въ комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства очень характерно и прямо гласитъ, что русское (*національное*) сельское хозяйство процвѣтетъ только въ томъ случаѣ, если у крестьянъ (у *народа*) не будетъ собственныхъ хозяйствъ, каковыя гарантируются общиной. Это мнѣніе фактически вполнѣ вѣрно и вполнѣ подтверждается тою-же теоріей Рикардо. Его держалась и русская литература пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ; но, въ противоположность помянутому свидѣтелю въ комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго сельскаго хозяйства, она не желала сдѣлать изъ Россіи второе изданіе Европы, не желала буквальнаго повторенія всего европейскаго опыта и потому стояла за общину. Ясно, значитъ, какой цементъ связалъ

двѣ, повидимому, столь неподходящія вещи, какъ Рикардо и община: интересы народа,—причемъ понятіе народа самымъ тщательнымъ, самымъ строгимъ образомъ отграничивались отъ понятія націи. На это обстоятельство я обращаю особенное вниманіе читателя.

Вотъ, значитъ, что̀ «Недѣля» желаетъ вытравить изъ вашей памяти. Я далекъ отъ мысли предлагать вамъ рабское, подобострастное отношеніе къ чему бы то ни было, а тѣмъ болѣе къ такой литературѣ, которая сама была такъ свободна отъ идолопоклонства. Это было бы оскорбленіемъ ея памяти, пожалуй, не меньшимъ того, которое наносится ей «Недѣлею». Нѣтъ, пятнадцать-двадцать лѣтъ прошли не даромъ; они выяснили не мало ошибокъ и увлеченій, потребовали дальнѣйшаго развитія, новыхъ приложеній—все той же, однако, я думаю, основной мысли, которая одушевляла литературу въ періодъ возрожденія. Не говоря уже о томъ сектантски-замкнутомъ движеніи, котораго талантливѣйшимъ представителемъ былъ Писаревъ, было бы смѣшно засиживаться даже на наиболѣе жизненныхъ сторонахъ старой литературы, оставляя ихъ безъ дальнѣйшаго развитія и разъясненія. Образцомъ такого засиживанья можетъ служить литературная дѣятельность г. Пыпина. Онъ—одинъ изъ живыхъ остатковъ литературы пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ, полнымъ представителемъ которой никогда, однако, не былъ, а многими своими сторонами даже всегда былъ и остается совершенно чуждъ ей. Спеціальнымъ предметомъ его изслѣдованій всегда былъ національный вопросъ, главнымъ образомъ, въ литературѣ и отчасти въ исторіи и политикѣ. Сообразно духу своего времени, онъ, преимущественно въ борьбѣ съ славянофилами, рѣзко отрицательно относился ко всякому «національному» и отстаивалъ «единство цивилизаціи». Много весьма существенныхъ услугъ русскому обществу оказалъ онъ на этомъ поприщѣ. Но, продолжая и донынѣ борьбу съ славянофилами все съ тѣмъ же азартомъ или, вѣрнѣе, съ тѣмъ же хладнокровіемъ и тѣми же пріемами, онъ обратился, наконецъ, въ нѣчто въ родѣ барона фон-Грюнвальюса:

Баронъ фон-Грюнвальюсъ,
Извѣстный въ Германьи,
Въ забралѣ и латахъ,
На камнѣ предъ за̀мкомъ.
Предъ за̀мкомъ Амальи
Сидитъ, принахмурясь!..

. . . .

Года за годами,
Бароны воюютъ,
Бароны пируютъ —
Баронъ фон-Грюнвальюсъ
Все въ той же позицьи
На камнѣ сидитъ...

Если баронъ фон-Грюнвальюсъ есть г. Пыпинъ, то зàмокъ Амальи, конечно — «единство цивилизаціи». Этотъ зàмокъ прекрасной дѣвы (она—дѣва, это вѣрно: по крайней мѣрѣ, она никого не родила и не родитъ) даетъ мнѣ отличный случай для разъясненія новаго слова, сказаннаго «Недѣлей». Такъ какъ при этомъ рѣчь будетъ объ «Отечественныхъ Запискахъ», то, да позволено мнѣ будетъ, во избѣжаніе уличеній въ личномъ самолюбіи и раздраженіи, сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: руководствуясь личнымъ самолюбіемъ, я долженъ бы былъ только благодарить «Недѣлю», ибо въ нѣкоторыхъ ея прошлогоднихъ статьяхъ мнѣ была отведена такая роль въ литературѣ, выше которой не можетъ быть... Я думаю, что это—недоразумѣніе со стороны «Недѣли»... Увѣряю васъ, что и это замѣчаніе мнѣ крайне непріятно дѣлать. Но я счелъ его нужнымъ, на всякій случай, потому что читатель бываетъ разный...

Въ своемъ очеркѣ литературы по вопросу объ общинѣ, г. Кавелинъ касается и современной литературы, причемъ указываетъ даже на такіе труды, которые еще только имѣютъ появиться (г-жи Ефименко), но зато не упоминаетъ ни работъ г. Клауса, ни, напримѣръ, замѣчательной (таковой она признаётся всѣми знающими людьми, напримѣръ, г. Е. Якушкинымъ) статьи г. Л—ша, напечатанной у насъ. Однако, главная струя забвенія и презрѣнія, все-таки, устремлена на литературу пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ. Обратное отношеніе мы видимъ у другого сотрудника «Недѣли», г. П. Ч. Правда, и онъ коритъ старую литературу за «европейскія очки», но находитъ для нея многія смягчающія обстоятельства. Главные же его громы направлены на литературу нынѣшнюю, причемъ больше всего достается «Отечественнымъ Запискамъ». Я уже упоминалъ, что возраженія г. Пыпина, «Дѣла» и газетныхъ хроникёровъ онъ только принялъ къ свѣдѣнію, тогда какъ мои побудили его написать довольно сердитый отвѣтъ. Точно также, въ статьѣ «Отчего безжизненна наша литература», онъ, главнымъ образомъ, занятъ промахами (или тѣмъ, чтò ему кажется промахами) «Отечественныхъ Записокъ». Обращая ваше вниманіе на эти мелочи, я не забываю, что это—мелочи, и значительно сокращаю относящіеся сюда факты. Я надѣюсь, однако, что теперь, когда съ г. Кавелинымъ мы уже почти покончили, читатель убѣдился, что мелочи уясняютъ иногда очень многое. Другое отличіе г. П. Ч. отъ г. Кавелина состоитъ въ томъ, что послѣдній, въ сущности, повторяя многія мысли литературы пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ, или молчитъ объ ней или презираетъ ее; г. же П. Ч. откровенно заявляетъ, что у него съ «Отечественными Записками» «много точекъ соприкосновенія».

Много или мало—это яснѣе обнаружится впослѣдствіи, когда г. П. Ч. потрудится нѣсколько обстоятельнѣе и полнѣе развить свои взгляды, а теперь это—дѣло темное. Взять, напримѣръ, зà-

мокъ Амальи, «единство цивилизаціи». Я противопоставилъ ему теорію типовъ и степеней развитія. О типахъ и степеняхъ развитія говоритъ также г. П. Ч., а вслѣдъ за нимъ, и г-жа Ефименко. Но говоримъ ли мы одно и то же—это еще неизвѣстно. Теорія типовъ и степеней развитія не представляетъ, по существу, чего-нибудь новаго. Элементы ея даны и разработаны литературой 50—60-хъ годовъ; съ другой точки зрѣнія разрабатывались они славянофилами еще съ сороковыхъ годовъ. Славянофилы, вѣдь, тоже предполагали, что Европа стоитъ на весьма высокой степени развитія, но что *типъ* національнаго русскаго развитія выше. Если этихъ словъ и не было говорено (да и то было, именно, помнится, въ книгѣ г. Данилевскаго «Европа и Россія»), то суть была именно такова. Конечно, та литература 50—60-хъ годовъ, о которой у насъ идетъ рѣчъ, съ этимъ согласиться не могла и утверждала, что цивилизація едина и національностей не знаетъ. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы ей чуждо было различеніе типовъ развитія, независимо отъ его степени. Она, разумѣется, очень хорошо понимала, что, напримѣръ, средневѣковый и новѣйшій европейскій хозяйственный строй, или французская, англійская и русская системы землевладѣнія представляютъ совершенно кореннымъ образомъ различные типы, могущіе имѣть свои, весьма различныя степени развитія. Если же она продолжала отстаивать «единство цивилизаціи», то въ томъ только смыслѣ, что историческій опытъ однихъ народовъ не долженъ проходить даромъ для другихъ; что между всѣми народами неизбѣжно происходитъ обмѣнъ идей; что типы развитія не замыкаются въ рамки національностей; что они могутъ переходить одинъ въ другой; что, наконецъ, европейскія массы, равно какъ и лучшіе умы въ Европѣ, чѣмъ дольше, тѣмъ больше тяготѣютъ къ тому типу общественнаго строя, частное выраженіе и невысокую степень развитія котораго представляетъ наша община. Я глубоко убѣжденъ, что все это — сама истина, требующая только, какъ и всякая истина, разъясненія, болѣе точнаго формулированія, дальнѣйшаго развитія и новыхъ приложеній. Такъ, напримѣръ, литература 50—60-хъ годовъ, если не исключительно, то преимущественно, подавляюще преимущественно, цѣнила въ быту русскаго народа общинное землевладѣніе. Въ пятнадцать-двадцать лѣтъ (и, право, этимъ нѣчего гордиться) могли открыться въ народной жизни другія, не менѣе драгоцѣнныя явленія, а съ другой стороны, и европейская исторія могла выставить новые факты. Въ сущности же, положеніе г. Пыпина, какъ барона фон-Грюнвальюса, нѣсколько комично не столько потому, что онъ

Все въ той же позицьи
На камнѣ сидитъ,

сколько въ силу свойствъ самой его «позицьи», въ силу ея односторонности. Г. Пыпинъ всегда былъ этимъ грѣхомъ грѣшенъ, но

нѣкогда односторонность его не бросалась такъ въ глаза, потому что уравновѣшивалась работами его сотрудниковъ. Теперь онъ такого уравновѣшенія лишенъ, и потому-то такъ ясна дѣвственность его Амальи.

Итакъ, предлагая теорію типовъ и степеней развитія, я только обобщилъ и формулировалъ истины, давно пущенныя въ умственный обиходъ русскаго общества и отчасти забытыя. Я считаю ихъ достояніемъ драгоцѣннымъ и въ особенности рекомендую ихъ имѣть въ виду тѣмъ, кто хочетъ правильно размышлять о сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ, въ которыхъ фигурируютъ смежныя, но не покрывающія другъ друга понятія націи и народа. Я не претендовалъ ни на какое «новое слово»—напротивъ: постарался отыскать его даже тамъ, гдѣ едва ли кто предполагалъ его найти—въ старыхъ сочиненіяхъ гр. Л. Толстого. Новое слово приписывается «Недѣлѣ», да она и сама въ этомъ, кажется, убѣждена. Что же она сказала? Отвѣчу прямо: «Недѣля» отчасти *почти буквально* (подчеркиваю) повторила все вышеизложенное, только бросивъ камень въ своихъ предшественниковъ, а отчасти подставила, вмѣсто идеи народа, идею націи. Изъ этой послѣдней операціи не могло выдти ничего, разумѣется, кромѣ ряда противорѣчій, двусмысленностей и туманностей. «Дѣло» и г. Пыпинъ справедливо указали на близость новаго слова «Недѣли» съ идеями славянофиловъ и почвенниковъ. Разница, однако, въ томъ, что тѣ (въ особенности, славянофилы) были несравненно цѣльнѣе, смѣлѣе, послѣдовательнѣе, потому что имъ не мѣшали ингредіенты литературы 50—60-хъ годовъ, которые «Недѣлею» хотя и презираются, но тѣмъ не менѣе эксплуатируются. Вы замѣтили, конечно, несправедливое показаніе г. Кавелина, будто община была въ глазахъ славянофиловъ воплощеніемъ высокаго христіанскаго идеала. Это, конечно—неправда, собственно не полная правда, потому что славянофилы видѣли въ общинѣ, главнымъ образомъ, продуктъ русскаго національнаго быта, хотя, конечно, пріурочивали сюда и христіанство, точнѣе сказать, православіе. Правда, г. Достоевскій (все-таки, не чистый славянофилъ), въ послѣднемъ нумерѣ своего «Дневника писателя», указываетъ на православіе, какъ на коренное начало русскаго народнаго духа, но этимъ отнюдь не исчерпывается славянофильская доктрина. Если же г. Кавелинъ поставилъ дѣло такимъ образомъ, то единственно потому, что и самъ онъ, въ пику «европейскимъ очкамъ», склоненъ пристегнуть къ существительному «община» прилагательное «національный», а между тѣмъ, объявить себя славянофиломъ не смѣетъ. Это комически наивное стремленіе сѣсть незамѣтно для публики между двухъ стульевъ въ г. Кавелинѣ еще не такъ сильно, какъ въ г. П. Ч. Г. Кавелинъ еще развѣ только въ помыслахъ о національной русской философіи обнаруживаетъ его.

Г. П. Ч. хочетъ «бороться съ застарѣлымъ мнѣніемъ, достав-

шимся въ наслѣдство отъ подражательнаго періода, будто Россія только отстала отъ Запада, отличается отъ него единственно *степенью* развитія, тогда какъ центръ тяжести вопроса не въ степени, а въ *типѣ*, въ характерѣ развитія» («Недѣля», 1875 г., № 44-й). Что-жь! Это хорошо—боритесь. Но помните, что борьбу вы можете вести двоякимъ образомъ. Или вы пріурочите борьбу къ знамени національности—и тогда вы предадитесь хвастовству, исключительности и безсознательному выбору элементовъ народнаго русскаго быта—словомъ, болѣе или менѣе повторите сказанное славянофилами. Или же вы выберете знамя народа—и, въ такомъ случаѣ, будете охотно черпать изъ европейскаго опыта и европейской науки, совершенно трезво относиться къ приснопамятнымъ особенностямъ русскаго народнаго быта и не откажете Европѣ въ возможности развитія по наилучшему типу, каковъ бы онъ ни былъ въ данную минуту—русскій или европейскій. Г. П. Ч. предпочитаетъ, однако, шествовать по обѣимъ этимъ путямъ сразу, отчего, конечно, происходитъ путаница. Уже призывъ къ борьбѣ съ «застарѣлымъ мнѣніемъ» оканчивается такимъ афоризмомъ: «а онъ (типъ развитія) у Россіи всегда былъ и впередъ будетъ иной». Не видать, значитъ, Европѣ лучшаго будущаго, какъ своихъ ушей! Вѣчно ей оставаться при ея теперешнемъ непривлекательномъ (такъ характеризуетъ его самъ г. П. Ч.) типѣ! Печально для Европы, но зато недурно для насъ. Я думаю даже, что не зачѣмъ бороться съ «застарѣлымъ мнѣніемъ», если такъ ясно, что типъ развитія нашего отечества всегда былъ и впередъ будетъ иной. Тамъ, что ни говори, а «будетъ иной»... Это—примѣръ національной исключительности и вѣры въ какую-то таинственную, непреодолимую силу основъ народнаго быта, вѣры, которая надѣлала бы намъ много бѣдъ, еслибы могла укрѣпиться. А вотъ примѣръ національнаго хвастовства и безсознательнаго подбора элементовъ народнаго быта: Статья «Наша національная особенность» («Недѣля», № 31) начинается такъ: «Въ послѣднее время, въ нашей умственной жизни сказывается одна рѣзкая особенность, которую я охарактеризовалъ бы такъ: сознаніе необходимости самобытнаго, національнаго направленія въ разныхъ сферахъ дѣятельности». Затѣмъ поминаются г. Кавелинъ, съ его проэктомъ національной философіи, генералъ Фадѣевъ, г. Стронинъ, г. Энгельгардтъ, статья гр. Толстого о народномъ образованіи. «Даже, продолжаетъ г. П. Ч.:—въ групѣ лицъ, которыя въ умственномъ отношеніи жили почти исключительно общечеловѣческими идеями, не замѣчая и не зная существующей Россіи, даже въ этой групѣ все болѣе и болѣе укореняется убѣжденіе въ необходимости сначала серьёзно ознакомиться съ народнымъ бытомъ». Помянувъ еще русскую музыкальную школу и русскую школу живописи, г. П. Ч. объявляетъ, что «всѣ эти разрозненныя явленія говорятъ, каждое на

своемъ языкѣ, что пора перестать мудрить надъ русскою жизнью по иностраннымъ образцамъ и книжкамъ. Это нужно выговорить отчетливо, безъ смягченій. ...Мы имѣемъ дѣло съ своеобразнымъ складомъ общества, который въ цѣломъ до сихъ поръ, правда, далеко уступалъ европейскимъ порядкамъ, но зато имѣетъ много задатковъ развиться въ лучшее устройство скорѣе, чѣмъ остальная Европа, потому скорѣе, что пойдетъ иной дорогой. Истинно національное направленіе, по моему мнѣнію, въ томъ именно и состоитъ, чтобы сознательно идти этой дорогой, *развивая тѣ бытовыя особенности, въ которыхъ заключается залогъ лучшаго будущаго и отбрасывая безобразные осадки, нанесенные чисто посторонними историческими событіями въ родѣ татарскаго ига*». Изъ этого видно, что настоящія особенности русскаго быта всѣ превосходны и составляютъ залогъ лучшаго будущаго, а коли и попадается что̀ безобразное, такъ это—чисто посторонній осадокъ... Это—самохвальство и больше ничего. Сто разъ это было перемолото на славянофильскихъ мельницахъ, которыя, своимъ появленіемъ, говорили о моментѣ самобытнаго, національнаго развитія въ тысячу разъ опредѣленнѣе, чѣмъ генералъ Фадѣевъ или гг. Кюи и Стасовъ (національная русская музыка) Однако, появленіе славянофиловъ окончилось ихъ исчезновеніемъ, да иначе и быть не могло, потому что принципъ національности способенъ прикрыть самыя разнообразныя вещи, и изъ-подъ этой покрышки каждый можетъ произвольно выуживать все, что̀ ему угодно, игнорируя остальное. А ужь тутъ чего же ждать хорошаго? Вотъ, напримѣръ, г. П. Ч. говоритъ объ оригинальной, національной русской оперѣ. Одинъ пойметъ дѣло такъ, что надо брать сюжеты изъ русской жизни и вводить въ оперу народные русскіе мотивы; другой потребуетъ именно такихъ-то сюжетовъ, именно такого-то, а не иного освѣщенія явленій русской жизни, укажетъ, напримѣръ, на «Русалку», какъ на типическое либретто русской оперы; третій потребуетъ совсѣмъ другихъ, но тоже національныхъ русскихъ драматическихъ мотивовъ; г. Кюи (глава, вѣдь) скажетъ, что все это—пустяки: можно взять либретто изъ Гейне или изъ Виктора Гюго, но только выгнать мелодію и насадить речитативъ—это и будетъ оригинальная русская опера. А г. П. Ч., наконецъ, увидитъ въ этомъ рѣшеніи одинъ изъ симптомовъ того, что пора, дескать, перестать мудрить надъ русскою жизнью по иностраннымъ книжкамъ. Или вотъ примѣръ изъ практики самого г. П. Ч. Даны два несомнѣнные, тысячами свидѣтелей засвидѣтельствованные факта. Во-первыхъ, крайне строгое, доходящее даже до звѣрства отношеніе крестьянъ къ преступникамъ, подлежащимъ (законно или незаконно) ихъ суду; во-вторыхъ, необычайно мягкое, гуманное отношеніе тѣхъ же крестьянъ къ арестантамъ, каторжникамъ, къ «несчастнымъ», къ преступникамъ, осужденнымъ не ихъ, народнымъ судомъ. Коно-

крадъ или поджигатель, уличенный или пойманный на мѣстѣ преступленія самими крестьянами, подвергается жестокимъ истязаніямъ и иногда просто забивается до смерти; такой же конокрадъ, такой же поджигатель, проходя мимо деревни въ кандалахъ, т. е. будучи осужденъ «на законномъ основаніи», получаетъ имя «несчастнаго», добрыя пожеланія, сочувствіе и дорогую лепту вдовицы. Обративъ вниманіе на это любопытное противорѣчіе, г. Е. Якушкинъ, человѣкъ, очевидно, хорошо знакомый съ великорусскимъ бытомъ, но не зараженный маніей націонализма, предположилъ, что на образованіе гуманнаго отношенія къ каторжнымъ, ссыльнымъ, острожникамъ имѣли вліяніе организація старыхъ судовъ и произволъ помѣщиковъ, ссылавшихъ своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь. Мнѣніе г. Якушкина показалось мнѣ оригинальнымъ, вѣрнымъ, и я привелъ его въ «Запискахъ профана», сдѣлавъ нѣкоторые выводы. Г. П. Ч., возражая мнѣ, пишетъ: «Ученые люди только въ послѣднее время дошли, что потому-то и потому преступникъ скорѣе достоинъ сожалѣнія. А наши крестьяне давно зовутъ преступника «несчастнымъ» и (Nota bene) *далеко не потому, что онъ не ими осужденъ*. Прислушайтесь, что̀ лежитъ въ основаніи ихъ взгляда: «не намъ судить!» Сколько непосредственной человѣчности въ этомъ простомъ: не намъ судить! Всего же лучше, что крестьяне относятся такъ не на словахъ только, а на дѣлѣ— матеріально помогаютъ изъ своихъ скудныхъ средствъ». Вотъ и извольте съ такимъ человѣкомъ разговаривать. Надобно, какъ въ сказкѣ про бѣлаго бычка, начинать съ начала: «не намъ судить!»—это прекрасно и, дѣйствительно, очень гуманно, но почему, когда народъ самъ судитъ, онъ бываетъ жестокъ до звѣрства? Вамъ опять отвѣтятъ лирикой и упорнымъ закрываніемъ глазъ на цѣлую серію несомнѣнныхъ явленій народнаго быта. Вы опять сказку про бѣлаго бычка и т. д., и т. д. Изъ такого отношенія къ дѣлу, конечно, ничего путнаго выйти не можетъ и, прежде всего, не можетъ сложиться пониманіе народной жизни. Можетъ быть, мнѣніе г. Якушкина совсѣмъ невѣрно, можетъ быть, гуманное отношеніе крестьянъ къ «нѐсчастнымъ» допускаетъ и требуетъ совсѣмъ иныхъ объясненій. Но лирика и умышленная слѣпота, конечно, ихъ дать не могутъ. Отъ этого именно и славянофильство изморомъ кончилось. Еще одинъ примѣръ лирики и умышленной слѣпоты г. П. Ч., и я покончу съ этой стороной его воззрѣній (у него есть другая, не впримѣръ лучшая). Обративъ его вниманіе на многія, крайне непривлекательныя стороны народнаго быта, я получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Даны суевѣрія, идолопоклонство и иныя представленія, съ ними соприкасающіяся: по формѣ—грубо, аляповато, иногда просто возмутительно. А между тѣмъ, тутъ въ зародышѣ лежитъ великое чувство: стремленіе подчинить свое эгоистическое *я* чему-то болѣе широкому, высшему, къ которому человѣкъ имѣетъ

нравственныя обязанности и чему, при случаѣ, готовъ жертвовать своей личностью. Важнѣе всего, что это чувство не головное—какъ идейная любовь къ человѣчеству, съ которой у него много общаго—а физіологическое, насквозь проникающее душу и тѣло: простой человѣкъ диспутировать объ этомъ не станетъ и самъ не знаетъ, откуда оно взялось. Какіе чудные узоры могъ бы выткать, опираясь на это чувство, развитой умъ, вооруженный знаніемъ вѣка! И насколько эти узоры были бы выше и, главное, прочнѣе тѣхъ чисто головныхъ симпатій къ человѣчеству и общему благу, которыми пробавляется большинство такъназываемыхъ образованныхъ людей! Смѣю думать, что многимъ, съ высоты своего величія взирающимъ на народныя суевѣрія, нужно горько пожалѣть, что они, вмѣстѣ съ грубою внѣшностью, эмансипировались и отъ сути дѣла, за что теперь и расплачиваются своею нравственной дряблостью, которую не можетъ затушевать и излечить никакая головная начинка». Долженъ признаться въ своей слабости: я очень люблю оригинальныя мысли, да и въ самомъ дѣлѣ, въ парадоксахъ почти всегда есть нѣчто освѣжающее, озаряющее. Поэтому, мнѣ даже прискорбно, что приведенная мысль, несомнѣнно, очень оригинальная, не имѣетъ рѣшительно никакого фактическаго основанія. И я предполагаю, что г. П. Ч. здѣсь опять-таки умышленно закрываетъ глаза. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстно, что зерно, ядро «суевѣрій и идолопоклонства»—совсѣмъ не таково? Кому неизвѣстно, что, по крайней мѣрѣ, рядомъ (это—большая уступка съ моей стороны) съ самопожертвованіемъ, суевѣрія и идолопоклонство всегда гарантировали пожертвованіе *чужою* личностью, ажъ до человѣческихъ жертвоприношеній и людоѣдства, которое также имѣетъ религіозную санкцію. Всякое идолопоклонство и кровь человѣческая—неразлучные спутники. Велика можетъ быть душевная сила турка, который въ эту минуту рѣжетъ голову христіанина, проникаетъ, можетъ быть, насквозь его душу и тѣло идея признанія надъ собой чего-то высшаго, онъ даже, пожалуй, и собой жертвуетъ, идя въ битву; но, кромѣ крови, отсюда ничего не выходитъ. Велика душевная сила вдовы индуса, всходящей на костеръ, если она всходитъ на него добровольно, но что сказать о тѣхъ суевѣріяхъ, которыя установили этотъ обычай, равно какъ и обычай убійства слугъ и рабовъ на могилѣ благороднаго человѣка? Самаго поверхностнаго знакомства съ исторіей суевѣрій и идолопоклонства достаточно, чтобы убѣдиться, что стремленіе подчинить свое эгоистическое *я* чему-то высшему играло тутъ ничтожную роль. Оно есть явленіе очень позднее; да и то мученики всегда предполагаютъ мучителей, стоящихъ на одной съ ними почвѣ, хотя и покланяющихся другимъ идоламъ. Въ огромномъ, подавляющемъ большинствѣ случаевъ, идолопоклонство только санкціонируетъ совершенно эгоистическія стремленія сильныхъ, причемъ

слабыя приносятся въ жертву. Есть, конечно, и такіе случаи, когда суевѣрія и идолопоклонство не имѣютъ такого характера и когда личность, чувствуя свою слабость, бѣжитъ подъ защиту или спасается отъ угрозъ созданнаго ею сонма идоловъ или лѣшихъ, домовыхъ и т. п. Полагаю, что стремленіе, о которомъ говоритъ г. П. Ч., тутъ, по малой мѣрѣ, не при чемъ.

Будетъ. Г. П. Ч. не только такія вещи говоритъ, онъ способенъ разсуждать здраво, отдавая себѣ ясный отчетъ въ произносимыхъ имъ словахъ. Четыре или пять статей его, напечатанныхъ въ «Недѣлѣ», заключаютъ въ себѣ, наряду съ туманностями и путаницей, мысли очень вѣрныя и очень хорошо изложенныя, которыя я рекомендую вниманію читателя, какъ рекомендую и статью г. Кавелина объ общинномъ землевладѣніи. Я могу здѣсь намѣтить только общій характеръ ихъ. Но для этого посмотримъ сначала, чѣмъ недоволенъ г. П. Ч. въ современной литературѣ и чего онъ отъ нея требуетъ.

Г. П. Ч. очень строгъ. Онъ утверждаетъ, что вся современная литература не знаетъ Россіи, не хочетъ ее знать, смотритъ на нее сквозь европейскія очки, пробавляется «выписными идеалами» и иностранными книжками, черпаетъ свои задачи не изъ русской жизни и т. п. Одно возраженіе г. Пыпина на это огульное обвиненіе выражено такъ хорошо, что мнѣ остается только повторить его. «Неужели дѣйствительно, говоритъ г. Пыпинъ:—напримѣръ, Щедринъ не видалъ губернскаго города, Писемскій смотрѣлъ сквозь заграничныя очки, Некрасовъ не имѣетъ понятія о деревнѣ, Тургеневъ или Островскій не видали провинціи, Рѣшетниковъ или Скалдинъ писали по заграничнымъ книжкамъ и т. д. и т. д.? Наконецъ, и люди, живущіе въ Петербургѣ, неужели видятъ русскую жизнь *издали*? Намъ кажется, наоборотъ, что нѣкоторыя, весьма существенныя стороны ея они видятъ такъ близко, какъ едва ли кто можетъ видѣть въ провинціи» («Вѣстникъ Европы», № 1). Это простое замѣчаніе хорошо тѣмъ, что нетолько устраняетъ добрую половину нареканій г. П. Ч., но указываетъ на несостоятельность самаго его пріема. Въ самомъ дѣлѣ, поименованные писатели извѣстны намъ, такъ сказать, съ головы до ногъ; мы знаемъ, что они въ провинціи бывали, деревню видали, а кое кто можетъ быть даже ни одной иностранной книжки не читалъ. Но вѣдь это—случайность, т. е. случайно знаемъ мы объ нихъ все это. А собственно нѣтъ и не можетъ быть, да и ненужно, пожалуй, такой статистики, которая могла бы подтвердить или опровергнуть показанія г. П. Ч. Но дѣло въ томъ, что замѣчаніе г. Пыпина до такой степени просто, что трудно допустить, чтобы оно не приходило въ голову самому г. П. Ч. Я склоненъ думать, что онъ это только съ горяча, съ разбѣгу объявилъ: никто не бывалъ въ провинціи, никто не видалъ деревни; что хотя онъ и очень сильно напираетъ на

этотъ пунктъ, но желаетъ сказать нѣчто другое. Знаніе народной жизни есть дѣло насущнѣйшей необходимости—это несомнѣнно. Литература въ цѣломъ обладаетъ имъ въ очень недостаточной степени—это опять несомнѣнно. Но, кажется, здѣсь дѣло не въ одномъ знаніи. П. И. Мельниковъ, напримѣръ, вѣроятно, хорошо знаетъ многія стороны русской народной жизни, знакомства же съ иностранными литературами, по крайней мѣрѣ, не обнаруживаетъ, но я сомнѣваюсь, чтобы его дѣятельность удовлетворяла г. П. Ч. Біографія г. Фауста Щигровскаго Уѣзда мнѣ неизвѣстна, и, право, я объ этомъ рѣшительно не жалѣю: уроженецъ ли онъ Офицерской Улицы или знаетъ вдоль и поперегъ Щигровскій и многіе другіе уѣзды, онъ, все равно, ровно ничего не понимаетъ въ занимающихъ насъ здѣсь вопросахъ. Г. Фетъ живетъ, кажется, безвыѣздно въ деревнѣ, но я не думаю, чтобы его уличенія мужика въ разныхъ пакостяхъ заставляли сердце г. П. Ч. биться сочувственно. Все это, повторяю, такъ просто, такъ понятно, что не могло не представляться уму самого г. П. Ч. если не съ полною ясностью, то хоть какъ-нибудь въ полу-туманѣ. Чтò же онъ хотѣлъ сказать? Г. П. Ч. заявляетъ теперь, что, говоря о «людяхъ деревни», онъ очень хорошо помнилъ крайнее разнообразіе, а также очевидную непривлекательность многихъ особенностей народнаго русскаго быта; онъ очень хорошо понималъ, что надо сдѣлать извѣстный выборъ среди этихъ особенностей. Онъ только утверждаетъ, что «сдѣлать этотъ выборъ удовлетворительно могутъ только тѣ, которые, *вмѣсто того, чтобы исходить изъ абстрактнаго человѣка*, существующаго внѣ времени и пространства, и *навязывать* (курсивъ принадлежитъ г. П. Ч.) свой выборъ, предварительно ассимилируютъ наслѣдство русской деревни, психологически сростутся съ нимъ и уже тогда станутъ пускаться въ обобщенія. Это и будутъ «люди деревни», которые одни способны оживить нашу литературу. Sapienti sat». («Недѣля» 1876, № 2). Sapienti, конечно, sat. Sapienti, можетъ быть, и совсѣмъ статьи г. П. Ч. не нужны. Но, вѣдь, онъ имѣетъ дѣло не съ мудрецами, а съ публикой, съ массой читателей, которая естественно требуетъ нѣсколько бòльшей ясности мысли. Ея только требую и я, потому что чрезвычайно заинтересованъ вообще образомъ мыслей г. П. Ч. Взявъ на себя трудъ привести мыльный пузырь «Недѣли» къ его естественному концу и исполняя эту черную работу, такъ сказать, документально и, какъ, надѣюсь, повѣритъ читатель, съ порядочной скукой для себя, я хотѣлъ бы, однако, бережно отдѣлить и указать все дѣйствительно цѣнное. Тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о дѣлѣ, интересующемъ меня, какъ профана, больше всего на свѣтѣ, больше даже гг. Менделѣева, Вагнера и тѣхъ графинь и бароновъ, которые подписали протестъ противъ отчета комиссіи для изслѣдованія спиритическихъ явленій, хотя пульсъ нашей обще-

ственной жизни едва ли не энергичнѣе всего бьется на этомъ пунктѣ. Нѣчто, дѣйствительное цѣнное, можетъ быть и не быть въ приведенной мысли г. П. Ч., равно какъ и въ «Недѣлѣ» вообще, смотря по дальнѣйшему ея развитію. Опять-таки одно изъ двухъ: или это—старая славянофильская дребедень со всею ея неопредѣленностью, безсознательностью и произвольностью; или прямое наслѣдіе (не говорю: повтореніе) литературы 50—60-хъ годовъ. Можетъ быть, конечно, еще третій исходъ, именно — стремленіе сѣсть незамѣтно для публики между двухъ стульевъ. Во всякомъ случаѣ, хорошая мысль должна быть выражена по возможности ясно, иначе хоть бы ея и не было, иначе она можетъ только плодить недоразумѣнія.

Мысль о «народно-психологической подкладкѣ» очень нравится «Недѣлѣ». Она развиваетъ ее и въ редакціонной статьѣ на новый годъ «Наши задачи». Нельзя, впрочемъ, сказать *развиваетъ*, потому что дѣло выясняется весьма мало. Трудно даже разсказать, кàкъ понимаетъ «Недѣля» народно-психологическую подкладку, а выписывать не хочется, потому что выписокъ, кажется, уже довольно. Почтенная газета прямо заявляетъ, что надо отбросить, при оцѣнкѣ явленій русской жизни, европейскіе шаблоны, но продолжать однако учиться у Европы, «такъ же учиться, какъ мы учились до сихъ поръ». Это, если хотите—наиболѣе ясная, но и наименѣе оригинальная часть profession de foi почтенной газеты. Выражая его, она становится въ ряды работниковъ мысли, давно, какъ уже читатель знаетъ, пущенной въ обиходъ нашей умственной жизни, хотя часто, слишкомъ часто забываемой. Дà, это прекрасно, будемъ учиться у Европы, но такъ, какъ подобаетъ учиться взрослымъ людямъ: будемъ руководствоваться ея историческимъ опытомъ, выбирая изъ него подходящее и отбрасывая неподходящее; будемъ изучать ея мыслителей—ничего, что это не наша національная философія, а «иностранныя книжки»—но будемъ изучать критически и прилагать западныя теоріи осмотрительно, какъ потому, что они и сами по себѣ, у себя на родинѣ, могутъ оказаться ошибочными, такъ и потому, что условія нашей жизни имѣютъ свои особенности. Будемъ дѣйствовать такимъ образомъ и мы будемъ честными работниками идеи, вотъ уже лѣтъ пятнадцать почти не изсякающей въ русской литературѣ, хотя и пробивающейся иногда едва замѣтной, тонкой струей. Будемъ охранять ее отъ чьихъ бы то ни было и какихъ бы то ни было наскоковъ и расширять, непремѣнно, конечно, расширять, т. е. дополнять и развивать.

Но это—только общая формула, въ которую надо влить опредѣленное содержаніе, надо выяснить какіе именно уроки должны мы получить отъ Европы, какія изъ особенностей русской жизни заслуживаютъ положительнаго и какія—отрицательнаго вниманія. И для этого имѣются въ литературѣ кое-какія ука-

занія, даже не кое-какія; но ничто не мѣшаетъ, конечно, «Недѣлѣ» стоять въ совершенной независимости отъ нихъ. До сихъ поръ въ извѣстной части литературы, наиболѣе, все-таки, я думаю, удовлетворяющей требованіямъ «Недѣли», наблюденія надъ русскою жизнью, выводы ихъ этихъ наблюденій, опытъ европейской исторіи и научныя теоріи комбинировались вокругъ интересовъ народа, какъ центра. Счастливымъ образомъ (иначе, впрочемъ, и быть не могло) оказывалось, что, напримѣръ, тѣ самыя экономическія теоріи, которыя фактически въ европейскомъ опытѣ такъ могущественно послужили враждебной народу буржуазіи, ложны именно постольку, поскольку они играли эту роль; содержавшееся же въ нихъ зерно истины, будучи добыто изъ-подъ шелухи, оказалось совершенно иного свойства. Мы (я разумѣю упомянутую часть литературы, къ которой съ гордостью причисляю и себя) взяли это зерно, ассимилировали его, дѣлали изъ него выводы и ставили такимъ образомъ на стражѣ интересовъ народа самую науку. Счастливымъ образомъ (на этотъ разъ, дѣйствительно, счастливымъ, потому что могло бы быть и иначе) значительная часть русскаго народа сохранила общину до нашего времени, когда наука и опытъ, теорія и практика достаточно вооружили насъ для надлежащей ея оцѣнки. Она оказалась важной гарантіей интересовъ народа, и мы приняли ее. И т. д., и т. д. Жизнь идетъ впередъ, возникаютъ новыя научныя и философскія теоріи, но онѣ не застаютъ насъ врасплохъ; мы встрѣчаемъ ихъ, какъ и факты дѣйствительной жизни, насколько они доступны нашему обсужденію, критически, пріурочивая свою критику все къ тому же центру, который естественно становится намъ все дороже. Возможны, конечно, ошибки, недосмотры, торопливость рѣшеній и т. п.; безъ сомнѣнія, ихъ не мало, но вѣдь не въ нихъ и дѣло. Мы говоримъ только о направленіи дѣятельности, а оно, прежде всего — ясно. Ни русское, ни европейское происхожденіе не гарантируютъ въ нашихъ глазахъ доброкачественности теоріи или факта. Среди интимнѣйшихъ подробностей народнаго быта мы готовы встрѣтить, не закрывая глазъ, черты прямо враждебныя интересамъ народа; среди самыхъ блестящихъ европейскихъ научныхъ теорій—черты, антипатичныя съ этой же точки зрѣнія и по тому самому невѣрныя (причемъ дѣло идетъ не о фактахъ наблюденія, отъ которыхъ мы не отворачиваемся, а объ ихъ освѣщеніи, обобщеніи); точно также не усомнимся мы извлечь изъ «иностранной книжки» нѣчто, подходящее къ нашему верховному критерію. Это не отъ того зависитъ, чтобы мы обладали какими-нибудь необычайными, чрезвычайно самостоятельными умами. Нѣтъ, умами и талантами мы ужь, конечно, меньше всего хвастаемся. Дѣло гораздо проще. Опредѣленное міросозерцаніе, сохранившееся въ главныхъ своихъ чертахъ два поколѣнія, сообщаетъ чутье, почти инстинктъ, который почти ме-

ханически высасываетъ изъ каждаго даннаго явленія все подходящее и отбрасываетъ неподходящее. Какъ сложилось это направленіе и чѣмъ оно поддерживается—здѣсь говорить не мѣсто. Но мнѣ хотѣлось бы, все-таки, сказать на этотъ счетъ нѣсколько словъ, лучше сказать, кое-что напомнить, собственно для выясненія нижеслѣдующаго. Я давно уже отмѣтилъ тотъ фактъ, что въ годину нашего общественнаго возрожденія всплыли наверхъ и завладѣли движеніемъ двѣ групы людей, которыхъ я назвалъ разночинцами и кающимися дворянами. Первые, выйдя изъ низшихъ слоевъ общества, были болѣе или менѣе близки къ народу (ихъ дѣдъ сплошь и рядомъ, какъ у Базарова, землю пахалъ), знали его и принимали его интересы непосредственно къ сердцу, такъ что элементъ «чисто головной», какъ любитъ теперь укорительнымъ тономъ говорить «Недѣля», вовсе не игралъ исключительной роли. Кающіеся дворяне, чуткія души изъ привилегированныхъ классовъ, пристали къ разночинцамъ опять-таки далеко не одними головами. Напротивъ: они влагали въ дѣло подчасъ даже слишкомъ много сердца, чувства, въ ущербъ «чисто-головному» элементу. Чувство это было—чувство отвѣтственности за свое привилегированное положеніе, страстное желаніе омыть грѣхи прошлаго и смыть всѣ его слѣды, стать лучше и чище. Нѣтъ нужды припоминать судьбу этихъ двухъ совмѣстныхъ теченій, которыя то сходились, то расходились, то твердо шли впередъ, то сбивались съ прямого пути. Это—исторія. Я напоминаю ее только для того, чтобы показать, что интересы народа стали намъ дороги по двумъ различнымъ причинамъ: однимъ—по близости къ народу, другимъ—по оторванности отъ него. Послѣдній случай любопытенъ по тому длинному обходу, который нужно было сдѣлать, чтобы придти этимъ путемъ къ нашему міросозерцанію. Самая трудность этого обхода отчасти оправдываетъ то уклоненіе въ сторону, виновниками котораго въ литературѣ были Писаревъ и его школа. Но самое теченіе не изсякло. Кающіеся дворяне не исчезли. Ихъ мучитъ все та же старая душевная боль за свое положеніе. Они, наконецъ, видятъ, что этотъ самый народъ, невѣжественный и нищій, съ точки зрѣнія спокойствія совѣсти, выше ихъ, какія бы звѣзды они ни хватали съ неба и даже чѣмъ больше они ихъ хватаютъ; онъ выше не по какимъ-нибудь своимъ національнымъ особенностямъ, а потому что онъ—народъ.

Г. П. Ч. сейчасъ поможетъ мнѣ еще уяснить дѣло. «Недѣля» не одобряетъ того направленія, которое я старался, по возможности, коротко характеризовать. Она или умалчиваетъ о немъ, или бросаетъ въ него европейскими очками, или просто плюетъ. Сама она смотритъ на дѣло вотъ какъ. Упомянувъ о непригодности для насъ европейскихъ шаблоновъ, не исключающей надобности учиться у Европы, редакція почтенной газеты за-

являетъ, что недостаточно, однако, простого знакомства съ фактами русской жизни: «ихъ еще нужно *почувствовать*, нужно сродниться, сростись съ здоровыми элементами этой жизни, нужно пріобрѣсти то, что̀ мы назвали бы *народной психической подкладкой*» (курсивы «Недѣли»). Идеаловъ своихъ «Недѣля» хочетъ, однако, искать «не въ избѣ, не въ нынѣшнихъ крестьянскихъ представленіяхъ, съ битьемъ женъ, съ сѣченіемъ дѣтей, суевѣріемъ, предразсудками и т. п.; эти идеалы, какъ продуктъ высокаго умственнаго развитія, могутъ выработываться только людьми высоко развитыми и способными къ самостоятельному мышленію; но эти люди, прежде всего, должны быть одарены чутьемъ, пониманіемъ народныхъ инстинктовъ и стремленій—словомъ, тѣмъ, что̀ мы назвали народной психологической подкладкой». Это—тѣ же «люди деревни» г. П. Ч. и столь же неудобопонятные. Напрасно только и редакція не прибавила въ концѣ: sapienti sat. Мы бы ужь такъ и знали, что «Недѣля» для мудрецовъ издается, а для насъ, для профановъ, всѣ эти разсужденія представляютъ только хожденіе вокругъ да около. Въ самомъ дѣлѣ, намъ говорятъ, что необходимо сродниться съ *здоровыми* элементами русской жизни и потомъ уже, благословясь, писать; но намъ не указываютъ, въ чемъ состоятъ эти здоровые элементы, да и не смѣютъ указать, потому что это будетъ, во всякомъ случаѣ, произвольно: г. Достоевскій будетъ называть здоровыми одни элементы, «Недѣля»—другіе, я—третьи и т. д., и съ мистической «народной психической подкладкой» въ этомъ разнообразіи не разберешься.

До сихъ поръ редакція «Недѣли» и г. П. Ч. только повторяютъ другъ друга. Но, къ счастью, г. П. Ч. дѣлаетъ шагъ дальше. Онъ ясно понимаетъ, что жизненный вопросъ состоитъ въ какомъ-то обмѣнѣ между нами и народомъ, что мы должны что̀-то дать ему и взамѣнъ что̀ то получить, что наша роль состоитъ не въ томъ только, чтобы просвѣщать, а и въ томъ, чтобы просвѣщаться. Онъ даетъ даже замѣчательно опредѣленную формулу этого обмѣна. Всякое міросозерцаніе, говоритъ онъ, слагается изъ двухъ моментовъ: нравственнаго и умственнаго. Мы должны дать народу свое умственное развитіе, а у него позаимствоваться нравственнымъ моментомъ («Недѣля», № 2). Ка̀къ просто! Возьми двѣ груши, разрѣжь ихъ пополамъ, правую половину первой груши приставь къ лѣвой половинѣ второй, а остальное выбрось за окно... Хорошо говорить: дадимъ народу нашу науку («идеи и фактическія знанія») и возьмемъ у него его нравственность («нравственные задатки»); но, оставляя пока послѣдніе въ сторонѣ, я не рѣшусь внушить народу многое изъ запаса науки и, главнымъ образомъ, потому, что операція съ двумя грушами невозможна. Не говоря уже о наукахъ соціальныхъ, въ которыхъ нравственный моментъ такъ рѣзко проникаетъ моментъ умственный, я лично убѣжденъ, что,

напримѣръ, дарвинизмъ, какъ чисто біологическая доктрина, обязанъ своимъ происхожденіемъ, въ значительной степени, нравственно-политическому состоянію современной Европы. Пройдутъ какихъ-нибудь два поколѣнія, можетъ быть, даже меньше, даже навѣрное меньше, если, конечно, нравственно-политическое состояніе Европы сдѣлаетъ тѣ успѣхи, какихъ можно ожидать—и борьба за существованіе, какъ творческій принципъ, будетъ сдана въ архивъ. Конечно, это—только мое личное убѣжденіе, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что не всѣ же наши «идеи» имѣемъ мы право совать народу, даже еслибы онъ былъ готовъ къ ихъ воспринятію. Опять-таки нуженъ выборъ. Нуженъ выборъ и среди «нравственныхъ задатковъ» народа, потому что тамъ тоже всяко бываетъ. Укажите мнѣ точку зрѣнія, съ которой этотъ выборъ возможенъ, да не ссылайтесь на русскую народную психологическую подкладку, потому что, вы видите, она безплодна, какъ весталка, какъ и ея прямая противоположность—дѣвица Амалья, возлюбленная барона фон-Грюнвальюса.

Но, вотъ, наконецъ, еще одно объясненіе г. П. Ч., съ которымъ я уже неизбѣжно долженъ совершенно согласиться. Онъ, я долженъ признаться, очень ловко это устроилъ.

«Нравственные задатки у простонародья вообще, а у нашей деревни въ особенности—правдивѣе, чѣмъ у культурныхъ классовъ, которые у насъ страдаютъ отсутствіемъ историческаго нравственнаго наслѣдства, а на Западѣ, хотя и имѣютъ это наслѣдство, но оно, вообще говоря; неудобнаго свойства. Много есть на это причинъ. «Цивилизованный» человѣкъ, вообще говоря, находится въ ненормальномъ положеніи относительно простонародья; всякій это чувствуетъ, понимаетъ—и тѣмъ глубже, чѣмъ онъ образованнѣе—и, все-таки, остается на своемъ мѣстѣ. Подобный сознательный разладъ, дающій себя чувствовать во всякой мелочи и, притомъ, постоянно, изо дня въ день, не можетъ не отразиться на нравственной физіономіи. Это—одна сторона дѣла. Затѣмъ, товарное хозяйство, порождая bellum omnium contra omnes, медленно, но неизбѣжно подтачиваетъ истинное основаніе нравственности—общественный инстинктъ; причемъ подборъ дѣйствуетъ въ направленіи выживанія тѣхъ, которые, при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, обладаютъ болѣе эгоистическими наклонностями; «приспособленіе», происходящее въ этомъ смыслѣ, угрожаетъ опасностью уже прямо человѣческой природѣ. Товарное хозяйство, котораго коренныя свойства обнаруживаются съ полной силой только съ того момента, какъ оно сдѣлалось преобладающимъ, еще не успѣло наложить своего роковаго клейма на наше крестьянство—въ этомъ его великое преимущество. Наконецъ, общинныя и артельныя привычки слишкомъ крѣпко срослись съ нашимъ крестьянствомъ; несмотря на быстроту измѣненія нравовъ, характери-

зующую наше время, они, смѣю надѣяться, пережили бы не на одинъ десятокъ лѣтъ даже фактическое уничтоженіе деревенской общины. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, дѣлаютъ нравственные задатки крестьянства—не говорю прочнѣе: это, вѣдь—давнее наслѣдство—а здоровѣе, правдивѣе, человѣчнѣе, наконецъ, чѣмъ даже у тѣхъ группъ, которымъ приходится говорить: я—самъ предокъ (надѣюсь, что потомковъ франковъ и нормановъ и г. М. не станетъ отстаивать въ этомъ отношеніи)».

О, конечно, не стану. Даже потомковъ коренныхъ славянъ, въ которыхъ нѣтъ ни капли франкской, норманской и какой бы то ни было другой инородческой крови, и тѣхъ не стану отстаивать. Да и вообще не стану возражать г. П. Ч. За приведенныя строки, въ которыхъ, отчасти, такъ искусно резюмированы нѣкоторыя главы «Записокъ профана», я могу только благодарить г. П. Ч. Да еще любоваться ловкостью полемическаго пріема возраженія мнѣ моими собственными мыслями и словами, по пословицѣ: моимъ же добромъ, да мнѣ же челомъ. Ка̀къ тутъ не согласиться? И, такъ какъ мы, наконецъ, напали на пунктъ полнѣйшаго согласія, то, отправляясь отъ него, можетъ быть, и договоримся до чего-нибудь путнаго. Изъ приведенныхъ строкъ можно вывести слѣдующія заключенія. Благодаря многоразличнымъ историческимъ условіямъ, народъ нашъ сохранилъ у себя до сихъ поръ тотъ хозяйственный типъ, который нѣкогда былъ распространенъ едва ли не по всему міру. Значитъ, ничего спеціально русскаго, національнаго въ немъ нѣтъ («это надо выговорить отчетливо, безъ смягченія», говоритъ г. П. Ч., впрочемъ, по другому и, отчасти даже, противоположному поводу). Въ этомъ типѣ люди суть «полные носители культуры своего времени и мѣста», говоря словами Шиллера; «сами удовлетворяютъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ», говоря словами гр. Л. Толстого; не имѣютъ «товарнаго хозяйства», говоря словами г. П. Ч. (собственно не г. П. Ч., а одной «иностранной книжки», именно «Капитала» Маркса). Этотъ порядокъ не позволяетъ жить одному члену общественной единицы насчетъ другого или, по крайней мѣрѣ, не даетъ самъ по себѣ (а онъ, къ сожалѣнію, рѣдко бываетъ «самъ по себѣ», т. е. не осложняясь посторонними явленіями), не даетъ разыграться такому паразитизму. Общество можетъ быть бѣдно, можетъ быть богато, но это ничѣмъ не отзывается на его внутреннихъ распорядкахъ, на взаимныхъ отношеніяхъ его членовъ [1]. Понятно, что такой строй жизни, помимо своего эконо-

[1] Мѣсяца два тому назадъ, въ «Русскомъ Мірѣ», а потомъ и въ другихъ газетахъ, явилась изъ Тамбовской Губерніи слѣдующая «выписка изъ курьёзнаго прошенія уполномоченныхъ крестьянъ въ уѣздное по крестьянскимъ

мическаго значенія, долженъ благопріятствовать высокому нравственному развитію, какую бы формулу нравственности вы ни избрали. Сохранивъ этотъ старый хозяйственный типъ, народъ русскій сохранилъ, разумѣется, и соотвѣтственные «нравственные задатки». Получить ихъ отъ народа было бы для насъ великимъ благомъ и, прежде всего, успокоеніемъ совѣсти, потому что «цивилизованный» человѣкъ дѣйствительно находится въ фальшивомъ положеніи относительно народа, т. е. не всякій, конечно, цивилизованный человѣкъ, а только тѣ чуткія натуры, въ которыхъ совѣсть разбужена.

Вотъ что̀ значитъ попасть на пунктъ полнѣйшаго согласія. Мы сразу сдѣлали чрезвычайно важный шагъ въ опредѣленіи элементовъ обмѣна между нами и народомъ: отъ него желательно получить совсѣмъ не нравственный моментъ вообще, а тѣ именно нравственные задатки, которые вытекаютъ изъ его экономической независимости, изъ способности самому удовлетворять свои человѣческія потребности. Но мы сдѣлаемъ и еще шагъ, и не одинъ, все отправляясь отъ того же пункта полнѣйшаго согласія. Дѣло въ томъ, что, еслибы «наслѣдство деревни» только и состояло изъ упомянутыхъ нравственныхъ задатковъ, такъ не пришлось бы намъ и разсуждать теперь такъ много и такъ долго о «Недѣлѣ», о русскихъ литературныхъ партіяхъ и т. д. Ничего бы этого не было, и вообще совсѣмъ иной видъ имѣло бы и наше отечество, и весь міръ. Но старый хозяйственный типъ подвергался очень многимъ и крайне разнообразнымъ постороннимъ вліяніямъ, и подъ этими-то вліяніями въ Европѣ почти совсѣмъ исчезъ, а у насъ, по крайней мѣрѣ, осложнился, вслѣдствіе чего потерпѣли осложненія и вытекающіе изъ него нравственные задатки. Загорались войны, являлись побѣдители

дѣламъ присутствіе»: «На общественныхъ сходахъ почти-что вездѣ одинъ порядокъ. Міроѣды говорятъ, а бѣдные собираются только, чтобы слушать ихъ разговоры. А между тѣмъ, равную повинность отбываютъ, и еще богатые закладываютъ себѣ бѣдныхъ за подати, но землянымъ надѣломъ пользуются не равно: полевая общественная земля наша, при дѣлежѣ на душу, остается отъ всякаго столба и остатки составляютъ значительную часть земли, которая не дѣлится по душамъ, а отдается за вино и за безцѣнокъ. Кто отдастъ, тѣ и пользуются всѣми правами; а прочіе отбываютъ денежныя и натуральныя тяготы болѣе первыхъ, отъ неполнаго надѣла земли, почему терпятъ еще большую бѣдность, доходящую до послѣдняго куска хлѣба, но еще менѣе могутъ выносить подати. А по сему, покорнѣйше просимъ: *отдѣлить бѣдныхъ крестьянъ въ особое сельское общество отъ богатыхъ*». Газеты наши по этому поводу только и сумѣли сказать, что это — выписка изъ «курьезнаго» прошенія. На самомъ дѣлѣ, однако, это—не курьезъ, а драгоцѣнный матеріалъ для оцѣнки значенія общины. Несмотря на всю тяжесть своего положенія, крестьяне требуютъ не замѣны общиннаго владѣнія участковымъ, а отдѣленія бѣдныхъ крестьянъ въ особое сельское общество отъ богатыхъ, т. е. болѣе строгаго примѣненія общиннаго принципа.

и побѣжденные, рабы, что̀ прямо клиномъ врѣзывалось въ мораль стараго хозяйственнаго типа. Слабый и неопытный умъ создавалъ рядъ ложныхъ боговъ, а идолопоклонство и суевѣрія, какъ уже было замѣчено, почти всегда санкціонируютъ жертву одной личности для другой. Семейныя отношенія складывались несоотвѣтственно морали стараго хозяйственнаго типа, жена и дѣти признавались почти рабами. И т. д., и т. д. Всѣ эти бури, проносившіяся надъ русской деревней, надъ русскимъ народомъ, оставляли по себѣ слѣды, запятнавшіе нравственные задатки стараго хозяйственнаго типа. Ужь, конечно, крѣпостное право шло прямо въ разрѣзъ съ этими задатками и не могло не привить народу совсѣмъ иныхъ нравственныхъ качествъ, а народъ русскій не одно крѣпостное право вытерпѣлъ. Мимоходомъ сказать, если старый хозяйственный типъ отнюдь не можетъ быть названъ нашимъ національнымъ достояніемъ, то совокупность всѣхъ многоразличныхъ историческихъ осадковъ вполнѣ заслуживаетъ этого названія. Дѣйствительно, старый хозяйственный типъ существовалъ вездѣ и потому не можетъ быть пріуроченъ къ какой нибудь одной національности. Историческія же условія, видоизмѣнявшія его, войны и другія столкновенія различныхъ групъ людей, комбинируясь въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время, подъ вліяніемъ тысячи случайностей, крайне разнообразно, положили основаніе дѣйствительнымъ національнымъ отличіямъ (я не упускаю изъ виду вліяніе природы, стихійныхъ силъ, а только не ввожу его въ свои соображенія). Но это—мимоходомъ. Такимъ то, значитъ, образомъ въ народѣ русскомъ, рядомъ съ высокими нравственными задатками, сложились и крайне непривлекательные. Ихъ мы, конечно, у народа вымѣнивать не станемъ. Еще шагъ: нравственныхъ задатковъ, не вытекающихъ изъ экономической независимости, намъ не нужно, ка̀къ бы глубоко ни залегли они въ особенностяхъ русскаго народнаго быта, ка̀къ бы ни были они національны. Такъ какъ значительная часть нравственныхъ задатковъ соприкасается съ семейными отношеніями, то нелишне будетъ замѣтить, что и послѣднія очень удобно подводятся подъ найденный нами критерій. Надо только помнить, что баба—тоже народъ. Тогда національность, напримѣръ, пѣсни о томъ, ка̀къ сынъ на матери капусту возилъ и молоду жену въ пристяжку водилъ, не будетъ уже насъ смущать: національно, да скверно, «деревня», да хуже «города».

Да мы, кажется, половину своей задачи рѣшили. Остается только опредѣлить, что̀ *мы* должны дать народу. А это ужь совсѣмъ просто. Народъ невѣжественъ, мы обладаемъ знаніями. Знанія вообще не только не могутъ поколебать экономической независимости народа, а, напротивъ, только усилить и утвердить ее. Понятно, что даже такія, повидимому, безразличныя знанія, какъ свѣдѣнія о небѣ и землѣ, о солнцѣ и лунѣ, могутъ сами по себѣ только помочь человѣку самому удовлетворять своимъ

человѣческимъ потребностямъ. Надо только имѣть въ виду, что въ нашихъ кладовыхъ науки есть много фактическихъ знаній, которыя и намъ самимъ-то не особенно нужны и которыми нѣтъ и подавно надобности обременять непривычную память мужика. Но есть чисто фактическія знанія, даже особенно въ нашемъ смыслѣ драгоцѣнныя. Мы знаемъ исторію Европы и, между прочимъ, знаемъ, какія обстоятельства въ Европѣ разрушили старый хозяйственный типъ, лишили народъ его экономической независимости. Нашъ народъ этого не знаетъ. Далѣе: говоря объ экономической независимости русскаго народа, мы употребляемъ это выраженіе, конечно, только условно, разумѣя единственно старый хозяйственный типъ. Въ дѣйствительности же, какъ мы уже видѣли, этотъ типъ не въ безвоздушномъ пространствѣ живетъ, въ него со всѣхъ сторонъ во множествѣ вросли явленія совершенно другихъ порядковъ, болѣе или менѣе подрывающія его значеніе; они впились въ него какъ безобразные черные раки въ трупъ утопленника. Мы знаемъ всю эту механику—недаромъ же мы въ четырехъ факультетахъ вывариваемся—народъ не знаетъ. Это—все чисто фактическія знанія. Но факты, это—только сырой матеріалъ. Наши кладовыя науки наполнены, кромѣ сырья, еще обработанными произведеніями, идеями, теоріями, системами. Здѣсь выборъ элементовъ обмѣна съ народомъ долженъ производиться несравненно осмотрительнѣе. Кàкъ бы ни разрѣзывалъ г. П. Ч. двѣ груши пополамъ и кàкъ бы ни старался онъ приставить правую половину одной груши къ лѣвой половинѣ другой, но въ области идей, теорій и системъ нравственный и умственный моменты неотдѣлимы. Собственно говоря, даже кругъ чисто фактическихъ знаній находится въ извѣстной зависимости отъ нравственнаго момента, отъ «нравственныхъ задатковъ». Человѣкъ изучаетъ, напримѣръ, ассирійскія древности, систематику паукообразныхъ и проч. потому, что его влечетъ къ этимъ знаніямъ, а влеченіе есть уже нравственный моментъ. Конечно, это влеченіе не можетъ повліять прямо на характеръ фактическихъ знаній о данномъ предметѣ, не можетъ ихъ поколебать, измѣнить. Оно можетъ только, сосредоточивая вниманіе на извѣстномъ кругѣ фактовъ, оставить многіе другіе, быть можетъ, болѣе важные факты безъ разсмотрѣнія. Оттого наши фактическія знанія, разработанныя крайне неравномѣрно и совершенно несоотвѣтственно относительной важности различныхъ разрядовъ фактовъ, въ общемъ, однако, вѣрны и могутъ быть поэтому безбоязненно предложены народу. Но въ идеи, теоріи, системы, вообще въ групировку фактовъ нравственный моментъ вторгается уже совершенно властно. А такъ какъ многіе свои нравственные задатки мы признаемъ негодными и желаемъ замѣнить ихъ нѣкоторою, вполнѣ опредѣленною частью нравственныхъ задатковъ народа, то ясно, что изо всей массы нашихъ идей мы должны выбрать только тѣ, которыя, по край-

ней мѣрѣ, не противорѣчать экономической независимости народа. Гдѣ и кѣмъ будутъ выработаны эти идеи и теоріи—въ Англіи, на Сандвичевыхъ Островахъ, петербужцемъ, казанцемъ—это рѣшительно все равно. Поясню примѣромъ. Г. П. Ч. напоминаетъ одинъ очень любопытный фактъ. Именно, что, хотя крестьянинъ вообще не считаетъ за грѣхъ рубить чужой лѣсъ, потому что не понимаетъ возможности пріобрѣтенія «Богомъ рощеннаго» дерева въ частную собственность, но признаётъ настоящимъ воровствомъ вывозъ изъ лѣса нарубленныхъ дровъ, т. е. того же дерева, но въ которое вложенъ человѣческій трудъ. Это воззрѣніе, конечно, прямо примыкаетъ къ старому хозяйственному типу, въ которомъ на пользованіе чужимъ трудомъ наложена узда. Воззрѣніе это считается множествомъ чрезвычайно ученыхъ экономистовъ и юристовъ совершенно неправильнымъ, но именно поэтому мы и не посмѣемъ понести ихъ теоріи и идеи народу, не подвергая однако ихъ остракизму за то только, что они, дескать—европейцы и умѣютъ только иностранныя книжки сочинять. Нѣтъ, среди самыхъ этихъ иностранныхъ книжекъ мы встрѣчаемъ удивительно близкое къ воззрѣнію крестьянъ одно изъ основныхъ положеній классической политической экономіи, мною уже приведенное: трудъ есть источникъ и мѣрило всякой цѣнности. Экономисты нашили вокругъ этой тэмы и на ней самой много совсѣмъ неподходящихъ узоровъ, подсказанныхъ забракованными нами нравственными задатками. Но нѣкоторые сильные умы, отчасти потому, что они сильные умы, а отчасти потому, что нравственные задатки у нихъ выдались подходящіе, вывели изъ своего основнаго положенія нѣсколько экономическихъ законовъ, пригодныхъ рѣшительно для всѣхъ странъ. Это сдѣлано, правда, главнымъ образомъ въ иностранныхъ книжкахъ; но почему же бы намъ не сообщить знаніе этихъ законовъ, въ сущности очень простыхъ, народу, когда мы при этомъ только его же добромъ, да ему же челомъ поклонимся, только не въ видѣ инстинкта, а въ видѣ знанія? когда мы только уяснимъ ему его собственные интересы?

Таковы, въ общихъ чертахъ, рамки и элементы прямого обмѣна между нами и народомъ. Но мы можемъ, а, слѣдовательно, должны сдѣлать и еще нѣчто. Народъ безгласенъ. Онъ подаетъ, напримѣръ, прошеніе (см. выше, въ примѣчаніи), исполненное, прямо сказать, глубокаго, хотя и инстинктивнаго нравственно-политическаго такта, а представители общественнаго мнѣнія, газеты, зачисляютъ его въ разрядъ «курьёзовъ». Мы, конечно, тоже не особенно гласны, но все-таки мы пишемъ, разсуждаемъ, говоримъ, вліяемъ на общественное мнѣніе, будимъ другъ въ другѣ мысли и чувства. Направьте все это въ вышеизложенномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ интересовъ народа или его экономической независимости, и вы получите литературу, достойную названія голоса общественной совѣсти. Усмотритъ ли тутъ «Недѣ-

ля» «народно-психологическую подкладку» и «психологическое срощеніе съ здоровыми элементами деревни»—я не знаю, но знаю, что она, во-первыхъ, не будетъ у насъ совершенною новостью, и что, во-вторыхъ, она будетъ совершенно свободно черпать не только матеріалы, а и выводы какъ изъ иностранныхъ книжекъ, такъ и изъ особенностей русскаго народнаго быта.

Не говорю: sapienti sat, потому что не надо быть мудрецомъ, чтобы понять все это. И знаете, чѣмъ, я думаю, отчасти объясняется внезапность открытія необитаемыхъ островов архипелага «Недѣліи»? Тѣмъ именно, что «Недѣля», издаваясь для мудрецовъ, считаетъ себя вправѣ говоритъ невразумительно, и потому многіе могутъ вложить въ ея слова свои собственныя мысли, весьма, въ сущности, различныя. Съ вышеизложеннымъ «Недѣля» должна будетъ, я думаю, согласиться, потому что мы же вѣдь отправлялись отъ пункта полнѣйшаго согласія. Но ей будетъ жаль «самобытнаго развитія», «національныхъ особенностей», «европейскихъ очковъ» и тому подобныхъ невразумительностей, которыя моею постановкой вопроса устраняются. Много новыхъ невразумительностей можетъ она наговорить по этому поводу, а я ихъ могу отчасти предвидѣть и беру заранѣе то единственное возраженіе почтенной газеты, которое, насколько я могъ ознакомиться съ ея духомъ, заслуживаетъ отвѣта. Все такъ, скажетъ «Недѣля», но вы отстаиваете интересы народа вообще, даже еще отвлеченнѣе—интересы труда, а не интересы *русскаго* народа, которые отстаиваемъ мы. Я чрезвычайно упрощаю задачу «Недѣли», дѣлая себѣ отъ ея имени это возраженіе, потому что ничего болѣе яснаго и правдиваго она сказать не можетъ. А между тѣмъ, и это далеко не правдиво. Г. П. Ч. иронически замѣчаетъ, что у насъ очень много занимались европейскимъ рабочимъ вопросомъ, не подозрѣвая, что это—вопросъ намъ чуждый, потому что нашъ домашній рабочій вопросъ поставленъ совсѣмъ иначе. Послѣднее, конечно, вѣрно, но это не подозрѣвалось, а прямо говорилось задолго до открытія необитаемаго острова Печевіи. Мало того, бывало давно и не разъ высказываемо, что рабочій вопросъ у насъ нетолько имѣетъ другой характеръ и разрѣшается другими путями, но что онъ, пока, въ европейскомъ своемъ значеніи у насъ просто не существуетъ. За всѣмъ тѣмъ, мнѣ хотѣлось бы показать, что рабочій вопросъ въ Европѣ изучался у насъ нетолько не слишкомъ много, а напротивъ, слишкомъ мало, но это—длинная и довольно побочная матерія. Я спрошу только г. П. Ч.: почему онъ не протестуетъ противъ чрезмѣрныхъ занятій спиритизмомъ, дарвинизмомъ, позитивизмомъ, римской исторіей, французской исторіей и проч., и проч.? Я не вижу, почему, разрѣшая намъ удовлетворять свою любознательность въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ знанія и исторіи, онъ выгораживаетъ одинъ изъ нихъ, какъ совершенно намъ чуждый? Если же онъ соблаговолитъ разрѣшить

нашей любознательности доступъ и въ эту область, то долженъ будетъ разрѣшить и нѣкоторое сердечное участіе, нѣкоторый интересъ къ роли труда вообще, какъ существуетъ интересъ къ судьбамъ науки вообще, философіи вообще, поэзіи вообще и т. п. Затѣмъ, если положеніе труда у насъ весьма отлично отъ положенія его въ Европѣ, то интересы труда вездѣ одни и тѣ-же. Если же бы они столкнулись какъ-нибудь враждебно (что̀ едва ли возможно), то я стану на сторонѣ русскаго труда, русскаго народа. Да и помимо такого столкновенія, во всякое данное время, интересы русскаго народа стоятъ для меня на первомъ планѣ. Почему? Во-первыхъ—потому, что я говорю русскимъ языкомъ и имѣю много общаго съ русскимъ народомъ въ нѣкоторыхъ понятіяхъ, привычкахъ, вкусахъ—словомъ, почву для взаимодѣйствія. Во-вторыхъ—потому, что ѣмъ русскій хлѣбъ, что личная моя безопасность, возможность бесѣдовать съ вами и проч. оплачиваются именно русскимъ народомъ. Эти двѣ причины могутъ комбинироваться крайне разнообразно, образовать сочетанія чрезвычайно сложныя (онѣ будутъ съ возможною для меня полнотою разобраны въ одномъ изъ отдѣловъ «Борьбы за индивидуальность»), но вы всегда выйдете изъ этихъ затрудненій съ честью, если въ словахъ: русскій *народъ* — подчеркнете существительное. Оно—не только существительное, а и существенное. Это я говорю. Теперь посмотримъ, что̀ говоритъ «Недѣля». Она говоритъ, что ей до̀роги интересы именно русскаго народа. Надо, по крайней мѣрѣ, это выговорить «отчетливо и безъ смягченій», а то до сихъ поръ этого не видно. Я вижу, что вы радуетесь проекту національной русской философіи, созрѣвшему на необитаемомъ островѣ Кавелиніи; вижу, что вы радуетесь замѣнѣ мелодіи въ оперѣ речитативомъ, какъ чему-то самобытному, національному, особенному, нашему. Причемъ тутъ русскій народъ! Отъ речитатива ему ни тепло, ни холодно, а отъ національной философіи, когда проектъ ея перейдетъ въ область дѣйствительности, будетъ можетъ быть даже холодно. По крайней мѣрѣ, нѣмецкому народу было не особенно тепло отъ національной философіи Гегеля. Несмотря, однако, на задатки національной исключительности и самохвальства, я далекъ отъ мысли уличать «Недѣлю» въ славянофильствѣ. Она для этого недостаточно смѣла: она, какъ уже сказано, просто хочетъ незамѣтно для публики сѣсть между двухъ стульевъ. Г. П. Ч. говоритъ, напримѣръ, постоянно, что надо перестать трепать заграничныя формулы, забросить иностранныя книжки и т. п. Онъ обрисовался въ своихъ статьяхъ совершенно достаточно, чтобы судить, насколько самъ онъ эмансипировался отъ этихъ зловредныхъ вещей. Онъ писалъ о теоріи Дарвина въ приложеніи къ обществознанію, о книгѣ Лавеле, о типахъ народнаго хозяйства и проч. Статьи эти, если выкинуть изъ нихъ чисто механически приставленныя разсужденія о самобытности

и трепаніи заграничныхъ формулъ—вообще хорошія, но чего нибудь такого, что̀ не было бы или не могло бы быть доселѣ опубликованно въ иностранной или русской литературѣ, чего нибудь типически новаго въ нихъ нѣтъ. Напримѣръ, вотъ статья «Типы народнаго хозяйства». Очень хорошая статья. Въ ней доказывается, во-первыхъ, что въ основѣ каждаго крупнаго общественнаго явленія лежитъ экономическая причина. Это, прежде всего—заграничная формула, почерпнутая изъ иностранныхъ книжекъ. Г. П. Ч. распространяетъ эту заграничную формулу и на Россію и, конечно, очень хорошо дѣлаетъ, потому что, когда славянофилы и почвенники доказывали, что въ основѣ крупныхъ явленій русской жизни, въ отличіе отъ эгоистической Европы, лежатъ какія-то духовно нравственныя причины—они говорили пустяки. Далѣе, какъ въ этой статьѣ, такъ и въ другихъ, развивается идея товарнаго хозяйства, которою освѣщается и европейская, и русская исторія. Между тѣмъ, эта идея есть таже заграничная формула и принадлежитъ не русскому какому-нибудь писателю, подложенному народной психологической подкладкой, а нѣмецкому еврею Марксу. Правда, г. П. Ч. объ этомъ не упоминаетъ, но объ этомъ нечего упоминать, потому что это всѣмъ извѣстно. Относительно русской литературы, которую г. П. Ч. такъ сильно презираетъ, я, конечно, уже изъ вѣжливости долженъ допустить полную его самостоятельность. Однако, я встрѣтилъ у него не мало мнѣній, совершенно совпадающихъ съ тѣми, которыя въ русской литературѣ были изложены пятнадцать, двадцать лѣтъ тому назадъ, когда народная психологическая подкладка не была еще изобрѣтена и заграничныя формулы, по показанію г. П. Ч., жестоко трепались. Имѣлъ я также удовольствіе встрѣтить подобныя же совпаденія съ нѣкоторыми моими мыслями, хотя я никогда не мечталъ о національной самобытности и, разумѣется, въ числѣ другихъ, «мудрю надъ русской жизнью по иностраннымъ книжкамъ». Вообще, г. П. Ч. поступаетъ, какъ и всѣ мы грѣшные, лишенные народной психологической подкладки: беретъ факты изъ европейской и русской жизни (бо̀льшею частію историческіе факты, т. е. занесенные въ сочиненія по русской исторіи; новыхъ или даже мало извѣстныхъ бытовыхъ фактовъ онъ не приводитъ ни одного) и оперируетъ надъ ними при помощи идей, отчасти добытыхъ изъ иностранныхъ книжекъ и русской литературы, отчасти самостоятельно выработанныхъ. Я, конечно, за это не упрекаю его, потому что самъ поступаю точно также, притомъ же онъ дѣлаетъ хорошее дѣло и дѣлаетъ его хорошо. Но зачѣмъ онъ портитъ его туманомъ самобытности, которымъ самъ вовсе не дышетъ? Зачѣмъ онъ вводитъ людей въ соблазнъ, участвуя въ неблаговидномъ открытіи необитаемыхъ острововъ, пытаясь отбить людей отъ заграничныхъ формулъ и иностранныхъ книжекъ, которыми самъ очень хорошо пользуется, и отъ своихъ собствен-

ныхъ союзниковъ? Пусть г. Кавелинъ строитъ свою вавилонскую башню—онъ старъ и золъ и, пожалуй, имѣетъ свои причины злиться. Пусть «Недѣля» ему потворствуетъ. А вамъ-то что̀? Вы—писатель начинающій и, по всей вѣроятности, молоды, передъ вами цѣлая жизнь... Положа руку на сердце, говорю: мнѣ было тяжело писать о г. П. Ч., такъ что я даже колебался—писать-ли, и пусть онъ это увидитъ въ самой рѣзкости моей...

Я хотѣлъ было уже написать à la Спасовичъ: я кончилъ, какъ вспомнилъ, что совсѣмъ не кончилъ. Мыльный пузырь «Недѣли», ея новое слово состоитъ въ томъ, что она взяла готовое уже міросозерцаніе, т. е. старое слово, умолчала или обругала тѣхъ, кѣмъ оно было сказано, и механически прицѣпила къ нему совсѣмъ неподходящія подвѣски «самобытности», «европейскихъ очковъ» и проч. Подвѣски эти, конечно, могли только испортить дѣло и затуманить его. Но почему же этотъ мыльный пузырь обратилъ на себя столько вниманія? Собственно на этотъ вопросъ я и хотѣлъ отвѣтить. Меня тутъ особенно «мыслящіе провинціалы» занимаютъ. Но это уже надо до другого раза.

Н. М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Возможна ли популярность въ Россіи.—Ю. Ѳ. Самаринъ; его характеристика, отношеніе къ нему русскаго общества; рѣчи гг. Кояловича и Аксакова.—М. П. Погодинъ; его характеристика; рѣчь г. Кошелева. — Графъ А. П. Шуваловъ; представители извознаго промысла при его погребеніи.—Рѣчи на могилѣ П. М. Леонтьева.—А. П. Щаповъ. Дѣятельность его въ Казани, въ Петербургѣ, отправленіе въ Иркутскъ. — Ольга Ивановна Щапова; ея характеристика и вліяніе на Щапова. Крайняя бѣдность Щаповыхъ въ Иркутскѣ, смерть жены и мужа.

Еслибы какой-нибудь нѣмецъ или французъ спросилъ меня: кто у насъ теперь популярнѣйшій человѣкъ въ Россіи, а также, кто пользовался популярностію за послѣднія десять лѣтъ? то я, признаюсь, сталъ бы въ большое затрудненіе, ка̀къ отвѣчать на этотъ вопросъ. Прежде всего, въ умѣ моемъ, навѣрное, промелькнули бы имена Овсянникова, Кокорева, Губонина, Полякова, но потомъ, поразмысливъ немножко, я отвѣтилъ бы, конечно, то же, что̀ отвѣтилъ бы на моемъ мѣстѣ и каждый россіянинъ: что у насъ популярныхъ людей вовсе нѣтъ, и пока быть не можетъ. Да̀, и быть даже не можетъ: ибо пріобрѣсти популярность возможно только тамъ, гдѣ есть возможность взять на себя иниціативу какого-нибудь народнаго или общественнаго

вопроса, стать во главѣ болѣе или менѣе значительной части общества, дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ для этой цѣли, съобща устраняя препятствія, лежащія на пути къ ней, и съобща изобрѣтая и употребляя тѣ или другія средства для достиженія ея. У насъ всякая иниціатива и дѣятельность, предпринятая въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ для общества, возможна только подъ формою оффиціальною, а потому и популярность у насъ возможна только оффиціальная. Такой популярности, дѣйствительно, и достигаютъ нѣкоторыя оффиціальныя лица въ извѣстные критическіе моменты общественной жизни. Такъ, во время послѣдняго польскаго возстанія сдѣлались популярными имена министра иностранныхъ дѣлъ, князя Горчакова, и бывшаго генерала-губернатора сѣверо-западнаго края, графа Муравьева. Но оффиціальная популярность можетъ быть названа популярностію только въ не собственномъ смыслѣ этого слова: въ дѣйствительности, это — не болѣе, какъ извѣстность, которая можетъ быть иногда очень печальною, ибо можетъ не только не пользоваться симпатіями лучшей части народа или общества, а можетъ быть вполнѣ имъ ненавистна; въ основаніи же популярности должны лежать всегда именно симпатіи общества или народа. Такъ, Малюта Скуратовъ, главный вождь опричинны, былъ въ рукахъ Ивана IV прекраснымъ орудіемъ въ достиженіи тѣхъ великихъ государственныхъ цѣлей, которыя, будто бы, какъ объясняютъ нѣкоторые историки, преслѣдовались опричниною, но въ глазахъ всего общества или народа это былъ не болѣе, какъ самый гнусный злодѣй.

Если не имѣть въ виду подобной широкой популярности, добываемой путемъ оффиціальнымъ, то у насъ и можетъ быть рѣчь только о популярности мѣстной, сословной и кружковой. Въ разныхъ учрежденіяхъ общественныхъ, мѣстныхъ, сословныхъ и частныхъ обществахъ, имѣющихъ по закону право извѣстной самодѣятельности, могутъ болѣе или менѣе тѣсно сплочиваться кружкѝ людей и дѣйствовать съобща для извѣстной цѣли; среди нихъ могутъ выдвигаться люди съ талантомъ иниціативы и умѣнья вести дѣло кружка и дѣлаться въ немъ популярными. Имена ихъ, естественно, должны привлекать къ себѣ симпатіи какъ того общества, въ которомъ они дѣйствуютъ, такъ и лицъ, болѣе или менѣе близко стоящихъ къ этому обществу. Вотъ, намъ кажется, единственная популярность для людей дѣла, возможная у насъ въ Россіи.

При такомъ положеніи нашихъ такъ-называемыхъ общественныхъ дѣятелей, положеніи очень скромномъ, никогда почти непользующимся нетолько популярностію, а даже извѣстностію за предѣлами ихъ мѣста дѣятельности, кàкъ то странно читать тѣ напыщенные панегирики, которые по смерти того или другого дѣятеля слагаются его друзьями. Умираетъ человѣкъ, дѣятельность котораго, иногда, дѣйствительно, прекрасная, до самого дня его смерти была, однакожь, мало кому извѣстна, исклю-

чая очень небольшаго кружка болѣе или менѣе близкихъ къ нему людей, и вдругъ въ газетахъ начинаютъ появляться одна за другой статьи, рѣчи и доклады съ недопускающимъ никакого сомнѣнія увѣреніемъ, что вся Россія находится въ трауре, что она глубоко потрясена смертію такого-то (имя рекъ), что она не можетъ опомниться и долго не опомнится отъ понесенной ею потери. Читая подобныя заявленія, часто не вѣришь глазамъ своимъ и удивляешься, кàкъ одни люди могутъ, нисколько не конфузясь, писать такое лганье, а другіе, также нисколько не конфузясь, читать его. Умеръ, напримѣръ, недавно Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, человѣкъ въ своемъ родѣ, безспорно, очень замѣчательный и достойный всякаго уваженія. Главное его достоинство состояло въ томъ, что, баричъ по рожденію и воспитанію, онъ, однакожь, несмотря на дворянскую дрессировку стараго времени, съумѣлъ, выходя на общественное поприще, сохранить въ себѣ «каплю крови, общую съ народомъ», и это дало направленіе всей его послѣдующей дѣятельности. Одинъ изъ близко знавшихъ Самарина въ его молодые годы, даже самъ, какъ онъ говоритъ, присутствовавшій при томъ умственномъ кризисѣ, который произошелъ въ Самаринѣ при вступленіи изъ школы въ жизнь, такъ разсказываетъ объ этомъ въ краткомъ некрологѣ, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 73): «По окончаніи университетскаго ученія, на порогѣ жизни, которая блистательно открывалась передъ нимъ, онъ вдругъ смутился въ глубинѣ души, вдругъ почувствовалъ тщету своего воспитанія въ искуственно-разобщенной средѣ, подъ руководствомъ иностранцевъ, на иностранныхъ языкахъ. Онъ болѣзненно и глубоко почувствовалъ себя чуждымъ своему народу. Его томила жажда народности; онъ искалъ источниковъ русской жизни, русской мысли, русскаго слова. Усердно и горячо принялся онъ за изученіе древнихъ памятниковъ и въ своихъ изслѣдованіяхъ вскорѣ сблизился съ покойнымъ Константиномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ; общее настроеніе привело ихъ обоихъ къ Хомякову, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на ихъ дальнѣйшее развитіе». Говоря другими словами, Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ слѣлался славянофиломъ на всю жизнь. Намъ извѣстны хорошо и достоинства, и недостатки славянофильскихъ теорій. Еслибы дѣло шло о настоящемъ времени, то мы, конечно, глубоко пожалѣли бы, что такая даровитая личность увлеклась славянофильскими теоріями. Но для своего времени Самаринъ сдѣлалъ, можетъ быть, лучшее, что можно было дѣлать. Правительство, во все время прошедшаго царствованія, съ искренностію заботившееся объ облегченіи печальной участи крестьянъ, получило въ немъ дорогую силу, которая оказалась не менѣе дорогою и при обсужденіи крестьянской реформы, и потомъ при введеніи ея въ жизнь. Для насъ лично, кромѣ того, крайне симпатиченъ нравственный образъ Самарина. Судя по тѣмъ извѣстіямъ, которыя сообщены о немъ по смерти, этотъ человѣкъ, при своемъ несо-

мнѣнно выдающемся умѣ, обширныхъ знаніяхъ, самостоятельномъ характерѣ, житейской опытности, представлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, образецъ такой дѣтской простоты, чистоты, невинности, наконецъ, даже наивности, что подобный образъ становится какъ-то совсѣмъ невѣроятнымъ для нашего времени. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, о немъ въ надгробномъ словѣ его духовникъ, протоіерей А. Ключаревъ: «Порядкомъ жизни своей Юрій Ѳедоровичъ напоминалъ древнихъ аскетовъ... Ради свободы духовной и умственной дѣятельности, онъ отказался отъ супружества и семейнаго счастія; при богатствѣ, онъ чуждъ былъ доставляемыхъ имъ наслажденій. Кругъ близкихъ знакомыхъ онъ ограничивалъ людьми, которые наполняли его жизнь и доставляли ему утѣшенія дарованіями, познаніями и благородствомъ сердца. Безкорыстно, безъ мысли о славѣ и почестяхъ, онъ трудился дни и ночи для блага отечества, не почитая для себя унизительною никакой работы для пользы общей. Часто утренняя заря заставала его съ перомъ въ рукѣ, и онъ оканчивалъ горячія думы о благѣ своей родины горячею молитвою о ней къ Богу».—«Нельзя было безъ глубокаго уваженія смотрѣть на него и слышать его въ священныя минуты исповѣди: какъ этотъ человѣкъ, испытующій и строго разбирающій всѣхъ и все, строже и нещаднѣе всѣхъ судитъ самого себя, какъ отвергаетъ облегчающія и утѣшающія объясненія его нравственныхъ состояній, съ какой полнотой и глубиной обозрѣваетъ (особенно при болѣзняхъ) цѣлую свою жизнь, какъ искренно признаётъ заслуженною примѣчаемую имъ въ упадкѣ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, по его собственному выраженію, *«кару Божію»*, и какъ смиренно, будто простѣйшій изъ простыхъ, преклоняетъ колѣна для принятія таинственнаго отпущенія грѣховъ. При искреннихъ дружескихъ собесѣдованіяхъ, о чемъ онъ больше скорбѣлъ? Объ этой, какъ онъ говорилъ, несчастной склонности и способности поражать противника въ преніяхъ и огорчать его торжествомъ своей мысли. Въ этой способности уже онъ винилъ свое сердце, почиталъ себя жестокимъ. Нѣжнѣйшій сынъ, добрый братъ, беззавѣтно преданный другъ, разумный и щедрый благотворитель, онъ впадалъ иногда въ глубокую печаль отъ мысли, что у него любви мало». Соберите, читатель, всѣ эти черты вмѣстѣ и представьте себѣ человѣка, который не женится ради свободы въ умственной дѣятельности, который работаетъ до утренней зари, а затѣмъ становится на молитву о благѣ своей родины, который, приходя на исповѣдь къ священнику, разсказываетъ такіе грѣхи, что священникъ долженъ увѣрять его, что то, что онъ выдаетъ за грѣхъ—вовсе не грѣхъ, который видитъ нравственное паденіе даже въ томъ, если онъ, во время думскихъ дебатовъ, въ жаркомъ спорѣ или въ литературной полемикѣ сказалъ какъ-нибудь жесткое слово, который, наконецъ, на свои болѣзни тѣлесныя смотритъ, какъ на кару Божію за грѣхи, и скажите: вѣроятенъ ли подобный нравственный обликъ въ наше время въ человѣкѣ

ума недюжиннаго и съ широкимъ образованіемъ? Вы скажете мнѣ: «да̀, но, вѣдь, и источникъ-то какой вы взяли? Надгробное слово. Чего ни говорится въ надгробныхъ словахъ? Ка̀къ отличить тутъ истину отъ преувеличеній?» Ну, на этотъ счетъ я васъ долженъ успокоить, читатель. Я не менѣе васъ недовѣрчивъ къ нагробнымъ словамъ и никакъ не взялъ бы ни одного слова изъ подобнаго источника, еслибы не былъ убѣжденъ, что тутъ, въ данномъ случаѣ, нѣтъ ни одного факта вымышленнаго. Въ pendant къ нравственному облику, нарисованному духовникомъ Ю. Ѳ. Самарина, я присовокуплю еще слѣдующую черту, сообщенную фёльетонистомъ «Голоса» № 60, изъ письма Самарина за послѣднее время. Ю. Ѳ. Самаринъ въ Берлинѣ; наступаетъ 19-е февраля; ему, какъ участнику въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, какъ человѣку, всею душею симпатизировавшему дѣлу освобожденія, нельзя не праздновать этого дня. «Отправился я—пишетъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ—въ ресторанъ, спросилъ полбутылки шампанскаго и мысленно чокнулся со всѣми близкими, со всѣмъ русскимъ народомъ; нужно было видѣть, въ какомъ изумленіи смотрѣли на меня кельнеры, вовсе непривыкшіе къ тому, чтобы за моимъ, болѣе нежели скромнымъ завтракомъ красовалось шампанское»...

Не много нужно фантазіи, чтобы по тѣмъ немногимъ чертамъ, которыя мы сообщили, представить себѣ цѣльную нравственную личность Ю. Ѳ. Самарина—личность не отъ міра сего, полную глубокаго христіанскаго смиренія, самоотверженія, любви, твердо вѣрующую въ возможность возрожденія міра единственно путемъ нравственнымъ, для которой даже такія средства воздѣйствія на лица, какъ жесткія слова̀ въ спорахъ или въ литературной полемикѣ, казались мѣрами слишкомъ энергическими, были ненавистны.

Многіе ли даже изъ тѣхъ, которые болѣе или менѣе близко стояли къ Самарину во время его жизни, понимали личность его въ такомъ видѣ? Я думаю: очень и очень немногіе.

Посмотрите, напримѣръ, какое пониманіе о покойномъ Самаринѣ высказываетъ профессоръ здѣшней духовной академіи, г. Кояловичъ, который выдаетъ себя за человѣка, хорошо знавшаго Самарина. Въ рѣчи своей, говоренной, 28-го марта, въ память Самарина въ здѣшнемъ славянскомъ благотворительномъ комитетѣ, г. Кояловичъ, исчисливъ, между прочимъ, заслуги славянофиловъ въ Западной Россіи во время послѣдняго польскаго возстанія, затѣмъ продолжаетъ:

«Зная близко эти слова̀ и дѣла̀ и зная на мѣстахъ тамъ многихъ славянофиловъ, я невольно задавался вопросомъ: почему эти люди не стоятъ и тамъ, и вездѣ у насъ, впереди въ государственной и общественной средѣ, почему такіе люди, какъ покойный Юрій Ѳедоровичъ, были не впереди даже въ общественной средѣ? Извѣстно, что даже въ этой послѣдней средѣ

весьма немногіе у насъ признавали, что онъ долженъ быть впереди другихъ. Вопросъ этотъ не переставалъ занимать меня и послѣ польской смуты, въ наши послѣднія времена. Напротивъ, онъ мнѣ представлялся еще болѣе жгучимъ.

«У насъ существуетъ анти-государственное направленіе, которое, какъ бы систематически, каждый годъ сказывается печальными явленіями. Для борьбы съ этимъ направленіемъ славянофилы обладаютъ могущественнымъ оружіемъ. Кто серьёзно славянофилъ, тотъ непремѣнно признаётъ существующія основы нашего государственнаго устройства и врагъ ихъ ломки. Съ другой стороны, славянофилы способны бороться съ анти-государственнымъ направленіемъ не кознями, а силою убѣжденій. Почему же эти вѣрные слуги русской земли и русскаго государства не стоятъ въ этой борьбѣ впереди другихъ въ государственной и общественной средѣ? Почему не стоялъ впереди другихъ и покойный Юрій Ѳедоровичъ?

«Далѣе. Мы страдаемъ отъ сильнаго распространенія у насъ невѣрія. Если борьба съ этимъ зломъ не должна быть дѣломъ оффиціальной профессіи, если она должна быть живымъ дѣломъ всего русскаго общества, то опять удивительно, почему и въ этой борьбѣ не стоятъ впереди славянофилы? Вѣдь, кто серьёзно славянофилъ, тотъ непремѣнно признаетъ неразрывно связанными нашу русскую народность и наше православіе! Неужели можно думать, что съ тѣмъ и другимъ зломъ могутъ справиться такъназываемые наши западники? Они ихъ развѣ усилятъ, потому что стоятъ на той же почвѣ, на которой выросли и наши соціалисты, и наши атеисты. Почему это такъ? Почему даже такой знатокъ религіозныхъ дѣлъ, какъ покойный Юрій Ѳедоровичъ, не стоялъ впереди и даже испытывалъ неудачи?»

Первое, что̀ бросается въ глаза въ приведенныхъ нами строкахъ, это—тѣ явленія, на которыя считаетъ нужнымъ обратить вниманіе, при воспоминаніи о Самаринѣ, профессоръ Кояловичъ. Россія страдаетъ отъ *анти-государственнаго направленія*, Россія страдаетъ *отъ распространенія безвѣрія*—вотъ, по указанію г. Каяловича, два страшныя зла, которыя ее разъѣдаютъ!!! Ка̀къ вамъ понравятся такія сопоставленія, какъ Россія и анти-государственность, Россія и безвѣріе! Въ наше время нельзя указать ни одного европейскаго государства, которое бы страдало отъ анти-государственныхъ стремленій или отъ распространенія безвѣрія. Чтобы усмотрѣть въ Европѣ подобныя страданія, надобно смотрѣть на міръ черезъ очки никѣмъ не признаваемаго Генриха V или Пія IX. Но въ другихъ государствахъ Европы можно, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно найдти и партіи противогосударственныхъ стремленій, и партіи безвѣрія. У насъ ничего подобнаго нѣтъ даже въ зародышѣ, и серьёзно говорить о разъѣдающихъ, будто бы, Россію анти - государственныхъ стремленіяхъ, просто забавно. Тоже самое должно сказать о распространеніи безвѣрія, въ которомъ г. Кояловичъ видитъ язву Россіи. Научныхъ

атеистовъ, которыми, по мнѣнію г. Кояловича, кишитъ русское образованное общество, я думаю, днемъ съ огнемъ здѣсь не отыщешь. Скорѣе можно найти людей индифферентныхъ къ религіи, да и то въ очень умѣренномъ, я полагаю, числѣ, для которыхъ все равно кàкъ ни объяснять религіозные вопросы, людей, которые подъ часъ могутъ высказывать мнѣнія и атеистическія, и пантеистическія, и спиритическія и т. п., какія придется. Но спрашивается: неужели всякаго человѣка, увлекающагося извѣстнымъ философскимъ или натуралистическимъ ученіемъ и высказывающаго мнѣнія, несогласныя съ откровеніемъ, надобно сейчасъ же записывать въ атеисты? Вѣдь, вотъ было время, что и Самаринъ увлекался философіею Гегеля и, слѣдовательно, понимая религію по Гегелю, былъ также атеистомъ. Но посмотрите, какой изъ этого атеиста выработался православнѣйшій сынъ церкви. Мы убѣждены, что покойный Самаринъ не смотрѣлъ такъ сурово, какъ г. Кояловичъ, на молодыя увлеченія и ошибки ни въ области политики, ни въ области религіи, и тѣмъ болѣе не могъ усматривать здѣсь разъѣдающаго Россію зла. Зло это онъ видѣлъ тамъ, гдѣ оно дѣйствительно есть: въ тяжеломъ положеніи народныхъ массъ, въ поглощеніи общественной самодѣятельности бюрократизмомъ, въ феодальныхъ стремленіяхъ русскаго дворянства, въ преобладаніи и господствѣ иноземнаго элемента надъ русскимъ въ окраинахъ, въ преслѣдованіи здѣсь земныхъ цѣлей даже представителями католической церкви, и противъ этого зла дѣйствительно боролся.

Но г. Кояловичъ, видимо, скорбитъ о томъ: зачѣмъ покойнаго Самарина *насильно* не заставили дѣйствовать противъ тѣхъ, именно, золъ, которыя усматриваетъ онъ, г. Кояловичъ, т. е. противъ анти-государственныхъ стремленій и безвѣрія. Я говорю: *насильно*, потому что, еслибы Самаринъ хотѣлъ самъ бороться противъ нихъ, то онъ имѣлъ полную къ тому возможность: онъ могъ писать и издавать сочиненія, онъ могъ даже дѣйствовать, пользуясь своимъ оффиціальнымъ положеніемъ въ думѣ, въ дворянствѣ, въ земствѣ. Но г. Кояловичъ напираетъ на то: почему такой достойный человѣкъ, какъ Самаринъ, не стоялъ въ *государственной* средѣ впереди всѣхъ въ борьбѣ съ людьми анти-государственныхъ стремленій и атеистами? Вотъ оно куда идетъ! Отсюда и разумѣвайте: какихъ разнородныхъ стремленій духъ покойнаго Самарина и духъ г. Кояловича. Самаринъ былъ того убѣжденія, что всего надобно достигать кротостію, нравственными средствами, самоотверженною любовію, г. Кояловичъ думаетъ, что иногда и *погнуть*, и *вытянуть* кого будетъ слѣдовать не мѣшаетъ и для этого быть впереди всѣхъ въ государственной средѣ очень полезно. Если Самаринъ всю жизнь носилъ въ сердцѣ своемъ слова Господа: *аще кто хощетъ болій изъ васъ быти, да будетъ всѣмъ слуга,* то г. Кояловичъ къ видимому Господу взываетъ: поставь одесную тебя славянофиловъ, а ошуюю меня— Кояловича, и мы все управимъ.

Въ pendant къ соболѣзнованію, высказанному г. Кояловичемъ въ память покойнаго Самарина, выскажемъ и мы, въ память этого же, несомнѣнно достойнаго человѣка, наше соболѣзнованіе:

Не анти-государственныя стремленія, не безвѣріе губитъ Россію, ее губитъ крайнее невѣжество и грубость: примитивныя невѣжество и грубость народа, образованное невѣжество и грубость образованнаго общества, ученое невѣжество и ученая грубость духовныхъ и свѣтскихъ учителей и руководителей русскаго общества и народа и, наконецъ, ученнѣйшее невѣжество и ученнѣйшая грубость учителей, занимающихся образованіемъ этихъ учителей и руководителей, въ особенности въ вертоградахъ духовныхъ. Дѣлатели въ сихъ послѣднихъ, почивающіе на завѣтѣ, переданномъ людямъ Господомъ, должны бы были яснѣе всѣхъ понимать глубокій смыслъ его, дожны бы были быть преисполнены любви христіанской, вливать ее въ воспитываемыхъ имъ пастырей и учителей, черезъ нихъ проводить ее въ свѣтское общество и юношество, въ государственныя учрежденія; такъ должно бы было быть. А между тѣмъ, эти люди понимаютъ евангеліе точно такъ же, какъ понимали его почтенные отцы инквизиціи и готовы бы были сейчасъ же разложить костры, только бы свѣтская власть допустила ихъ хоть ошуюю себя. Очень жаль, что такая христіанская прекрасная личность, какъ покойный Самаринъ, не былъ поставленъ въ среду этихъ новѣйшихъ книжниковъ и фарисеевъ, чтобы научить ихъ, какъ надобно понимать евангельское ученіе и прилагать его къ своей жизни и дѣятельности. А впрочемъ, помогло ли бы это? Вѣдь, г. Кояловичъ говоритъ, что онъ былъ близокъ къ Самарину и понималъ его. Даже и божественнаго учителя только имѣющіе уши могли слышать...

Изъ доселѣ сказаннаго мною ясно, что нравственная личность Самарина до его смерти была мало кому извѣстна. Точно также мало кому извѣстна была его дѣятельность въ качествѣ чиновника при генерал-губернаторахъ кіевскомъ и остзейскомъ. Болѣе знали его дѣятельность во время крестьянской реформы, но и то только сравнительно болѣе; притомъ же, эта дѣятельность нисколько не выдѣлялась отъ дѣятельности многихъ другихъ, подобно ему, радѣвшихъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Современному обществу Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ извѣстенъ болѣе по газетнымъ извѣстіямъ о его дѣйствіяхъ въ качествѣ члена разныхъ общественныхъ учрежденій въ Москвѣ. Но и эти дѣйствія при его жизни были извѣстны публикѣ лишь въ видѣ тѣхъ или другихъ высказанныхъ имъ во время дебатовъ мнѣній. Только уже послѣ его смерти обнаружилось, что въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ онъ состоялъ членомъ, онъ былъ нетолько ихъ руководителемъ, но и чернорабочимъ. Такъ, по справкѣ въ дѣлахъ, сообщенной секретаремъ московской думы, Щепкинымъ, оказывается, что, состоя членомъ или предсѣдателемъ болѣе

чѣмъ 20-ти разныхъ комиссій, въ 1872, 73 и 74 годахъ, Самаринъ треть и даже болѣе трети всѣхъ докладовъ, поступавшихъ изъ этихъ комиссій въ думу, писалъ на-черно̀ и переписывалъ на-бѣло̀ собственноручно!! Солидныя сочиненія Самарина были малоизвѣстны въ публикѣ; бо̀льшею, сравнительно, извѣстностію пользовались его политическія брошюры, печатанныя заграницей, въ особенности послѣдняя его брошюра: «Отвѣтъ Ѳадѣеву». Но и эти брошюры именно потому, что они печатались заграницей, были извѣстны только въ немногихъ кругахъ. Такимъ образомъ, Самаринъ не пользовался нетолько популярностью въ нашемъ обществѣ, но даже особенною извѣстностью. Смерть его произвела нѣкоторое впечатлѣніе въ кругахъ интеллигенціи, его болѣе или менѣе знавшихъ, такъ точно, ка̀къ производитъ у насъ впечатлѣніе смерть и всякаго, сколько-нибудь выдающагося дѣятеля, потому что русская земля пока находится еще въ глубокомъ снѣ и не богата дѣятелями. Я думаю, что даже смерть г. Кояловича оставитъ нѣкоторое впечатлѣніе, потому что и онъ былъ радѣтелемъ, въ своеобразномъ направленіи, за народъ своего роднаго края, и не его вина, что Богъ не вложилъ въ его сердце духа любви и кротости. Однимъ словомъ, общественная скорбь по поводу смерти Самарина въ дѣйствительности выразилась очень скромно и умѣренно.

Между тѣмъ, въ газетахъ стали появляться извѣстія и статьи, одна другой пламеннѣе, извѣщавшія о скорби, охватившей будто бы русскихъ по случаю смерти Самарина. Лганье въ этомъ направленіи день-ото-дня шло все crescendo и crescendo, пока, наконецъ, 28-го апрѣля, въ соединенномъ засѣданіи славянскаго благотворительнаго комитета, предсѣдатель его, И. С. Аксаковъ, не воспользовался имъ и особымъ ораторскимъ пріемомъ не сдѣлалъ изъ него chef'd'oeuvre ораторскаго искуства. Г. Аксаковъ начинаетъ свою рѣчь заявленіемъ, что дѣлать оцѣнку покойнаго Самарина теперь еще несвоевременно, неумѣстно, да едва ли и есть надобность: «Еще, говоритъ онъ:—стоитъ въ воздухѣ, еще не стихло то краснорѣчивое надгробное слово, которое, можно сказать, все общество, всею своею совокупностью промолвило ему въ единодушномъ взрывѣ со̀чувствія и скорби, при первой вѣсти о его кончинѣ. Явленіе знаменательное! восклицаетъ ораторъ:—на которомъ сто̀итъ остановиться мыслью, тѣмъ болѣе знаменательное, что общество, захваченное этой мыслью врасплохъ, еще не могло и успѣть отдать себѣ ясный отчетъ въ значеніи понесенной утраты. Въ самомъ дѣлѣ, кто такой, чѣмъ могъ быть для большинства русской публики Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ? Кого же это почтило въ немъ общество?» Изслѣдуя этотъ вопросъ, ораторъ находитъ, что однихъ достоинствъ Самарина общество вовсе не знало, а другія, хотя и знало, но, по тѣмъ или другимъ причинамъ, вовсе не могло чествовать. «И, тѣмъ не менѣе, восклицаетъ ораторъ:—едва лишь

пронеслась молва о кончинѣ, великое общественное значеніе Самарина, ясное для близкихъ ему друзей, но нежданно даже для нихъ самихъ, внезапно, безъ предварительныхъ толкованій, безъ подготовки, безъ сговора, сказалось мгновенно въ сознаніи всего русскаго общества, не путемъ отчетливаго анализа, а какимъ-то откровеніемъ общественнаго нравственнаго чувства. Едва лишь смерть успѣла подвести итогъ подъ его земное бытіе, какъ разомъ вознесся и сталъ передъ нашимъ мысленнымъ взоромъ во весь свой ростъ и во всей своей цѣльности его духовный образъ и охватилъ все общество неотразимою силою своего нравственнаго обаянія». Я полагаю, что всю эту тираду ораторъ произнесъ не иначе, какъ въ сильномъ экстазѣ и непремѣнно съ зажмуренными глазами. Потому что, ка̀къ хотите, а находясь въ спокойномъ состояніи и смотря въ лицо другимъ—ни у кого недостанетъ мужества провозгласить, что общество, не знавшее заслугъ Самарина, внезапно было осѣнено откровеніемъ относительно ихъ въ день его смерти и, подъ вліяніемъ этого откровенія, предалось общей скорби!! Я не понимаю даже, для кого и для чего нужны подобныя измышленія? Для оцѣнки Самарина, для его историческаго безсмертія, если онъ таковое заслужилъ, не все ли равно: плакало ли на его могилѣ общество, или оставалось равнодушнымъ? Когда умираетъ человѣкъ ничтожный, слѣдъ котораго долженъ исчезнуть въ обществѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ гробъ его будетъ опущенъ въ могилу, тогда, быть можетъ, извинительно заботиться и о пышной погребальной процессіи, и даже о наемныхъ плакальщикахъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, этимъ, въ минуты, предшествующія полному уничтоженію, привлечь къ покойному вниманіе общества. Но для Самарина смерть не была безслѣднымъ уничтоженіемъ: многочисленные памятники его дѣятельности остались въ обществѣ, для которой теперь только и начиналась полная и безпристрастная оцѣнка. И если люди, близко къ нему стоявшіе, находили эту дѣятельность великою или особенно плодотворною, то не лучше ли было, вмѣсто того, чтобы сочинять небылицы, познакомить съ этою дѣятельностью публику и сказать, въ какомъ жалкомъ положеніи находится наше общество, когда оно нетолько не можетъ поощрять дѣятельности своихъ лучшихъ людей, но даже не имѣетъ возможности знать объ этой ихъ дѣятельности при ихъ жизни?

Впрочемъ, лганье дружеское объяснить еще можно. Каждому другу желательно, чтобы его друга оцѣнило все общество такъ, какъ онъ самъ его цѣнитъ. Потому неудивительно, если ему представится, что общество, дѣйствительно, поражено глубокою скорбію о потерѣ его друга, хотя бы на дѣлѣ ничего подобнаго и не было. Но мы не понимаемъ уже рѣшительно лганья, если возможно такъ выразиться, совершенно безкорыстнаго, появляющагося по смерти почти каждаго изъ нашихъ дѣятелей. Есть люди, кото-

рые считаютъ своею обязанностію произносить самые необузданные панегирики о каждомъ изъ таковыхъ умершихъ. Я совершенно согласенъ, что, въ виду свѣжей могилы умершаго, надобно говорить aut bene aut nihil; но, однакожъ, если человѣкъ беретъ на себя обязанность говорить объ умершемъ bene, то надобно дѣлать это такъ, чтобы похвалы были правдоподобны и не стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ прошедшимъ. Надобно имѣть чувство мѣры. Къ сожалѣнію, объ этомъ менѣе всего заботятся.

Умеръ, напримѣръ, М. П. Погодинъ—человѣкъ, не сходившій со сцены литературной, ученой и общественной въ продолженіи цѣлаго пятидесятилѣтія. Едва-ли чье-нибудь имя въ образованной публикѣ было такъ извѣстно, какъ имя Погодина. Но извѣстность эта была далеко нелестная. Я не знаю человѣка, котораго бы, при его жизни, такъ усердно и такъ дружно всѣ бранили и въ литературѣ, и въ обществѣ, какъ покойнаго Погодина. И мнѣ лично никогда не случалось читать и слышать ни одного голоса въ его защиту. Едва онъ умеръ, какъ начались общія, абсолютныя похвалы—нашлись лица, которыя вспомнили въ покойномъ черты, дѣйствительно достойныя всякаго уваженія (зачѣмъ же они молчали при его жизни?); но панегиристы забыли все, что̀ говорилось при жизни Погодина въ его порицаніе, а вслѣдствіе этого, и то, что̀ они говорятъ въ его пользу, принимаетъ какой-то сомнительный цвѣтъ. Припомнимъ образъ М. П. Погодина, какъ онъ многими представлялся и изображался при его жизни. Погодинъ, по природѣ своей, былъ человѣкъ общественный; способности его были не особенно сильны; но онъ обладалъ неимовѣрною чуткостью къ нарождающимся практическимъ интересамъ въ обществѣ, сильною энергіей и готовностью отвѣчать на всѣ запросы и требованія, если они обѣщали житейскую выгоду. Онъ писалъ все, что̀ входило въ моду въ публикѣ: повѣсти, драмы, разсужденія, путешествія; но своею спеціальностію избралъ русскую исторію, которая, благодаря Исторіи Россійскаго Государства Карамзина, вниманію къ историческимъ памятникамъ графа Румянцева, трудамъ Шлёцера, Каченовскаго и т. д., пользовалась преимущественнымъ у всѣхъ уваженіемъ. Профессія историка у насъ и до сихъ поръ, по недостатку разработки матеріаловъ, еще связывается съ занятіями библіографіи, археологіи, собиранія древнихъ рукописей, актовъ и т. д.; тогда это было неизбѣжно. Благодаря этому обстоятельству, покойный Погодинъ умѣлъ составить рѣдкое собраніе рукописей, рѣдкое собраніе вообще древнихъ памятниковъ и, передавъ ихъ въ публичную библіотеку, получилъ полмилліона на тогдашнія ассигнаціи. Какъ у всѣхъ людей рутины, горизонтъ мысли Погодина былъ не особенно широкъ. Захвативъ чужую мысль о норманскомъ періодѣ нашей исторіи, онъ посвятилъ разработкѣ этого предмета лучшее время своей жизни. Фактически, для этого вопроса, равно какъ и для исторіи удѣльнаго

періода, имъ сдѣлано было очень много. Но его труды не вносили никакого новаго свѣта въ русскую исторію. Она оставалась тѣмъ же, чѣмъ была и при Карамзинѣ, т. е. простою лѣтописью. Тѣмъ не менѣе Погодинъ, при необширности своего кругозора, имѣлъ слабость думать, что онъ поставилъ исторію на твердую ногу и совершилъ нѣчто Epochenmachende. Поэтому, когда изъ воспитаннаго имъ же юношества явились даровитые люди съ попыткою внести смыслъ въ русскую исторію (Соловьевъ, Кавелинъ), Погодинъ отнесся къ нимъ очень недоброжелательно: это—очень дурная черта. Съ такимъ же недоброжелательствомъ онъ относился ко всему, чтò выходило изъ его узкаго кругозора, чего онъ не понималъ. До самой смерти своей онъ не признавалъ Бѣлинскаго, не понималъ его значенія и называлъ не иначе, какъ недоучившимся студентомъ!!! При такой узкости умственнаго кругозора, Погодинъ тѣмъ болѣе не могъ ни понять, ни признать людей новаго времени. Они всѣ огуломъ слыли у него подъ именемъ нигилистовъ, а подъ нигилистами онъ разумѣлъ людей ничего не знающихъ, ничего не понимающихъ, ни во чтò не вѣрующихъ, стремящихся къ разрушенію всякаго порядка. Погодину, остановившемуся на первой стадіи своего развитія, т. е. на двадцатыхъ или, много, на тридцатыхъ годахъ, еще извинительно такое огульное осужденіе цѣлаго поколѣнія. Но кàкъ-то странно и дико бросается въ глаза, когда одинъ изъ панегиристовъ Погодина, г. Кошелевъ, именно это недомысліе его выставляетъ характеристическимъ признакомъ его, какъ русскаго человѣка. Я желалъ бы спросить г. Кошелева: увѣренъ ли онъ въ томъ, что покойный Погодинъ изучилъ внимательно людей новаго времени, прочиталъ хоть одного изъ тѣхъ, кого онъ называетъ недоумками и недоучками, а кромѣ того, способенъ ли онъ былъ, даже при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, понимать то, чтò они говорятъ и пишутъ. Мнѣ кажется, какъ скоро человѣкъ началъ писать такія вещи, какъ: *немудрыя рѣчи о мудреныхъ вещахъ*, его надобно немедленно зачислить человѣкомъ, состоящимъ не у дѣлъ, пережившимъ себя самого и свое время и неспособнымъ понимать, чтò около него творится. Не странно-ли и даже не забавно ли эти очевидные признаки умственнаго изнеможенія и дряхлости возводить на степень какихъ-то доблестей и ставить ихъ даже отличительными свойствами русскаго ума!? Боже сохрани отъ такого русскаго ума! Истинному панегиристу подобало, напротивъ, начать именно съ извиненія Погодина въ томъ, чтò имъ сдѣлано некрасиваго въ послѣдніе годы его жизни, затѣмъ объяснить нѣкоторыя нелестныя черты его характера и дѣятельности въ лучшіе годы его жизни, и затѣмъ уже только можно было говорить и о его хорошихъ качествахъ. А въ Погодинѣ, дѣйствительно, было много и хорошаго. Во-первыхъ, Погодинъ, сколько мнѣ извѣстно, хотя панегиристы и не говорятъ объ этомъ, во все время своей долголѣтней ученой дѣятельности стоялъ по-

стоянно за общедоступность образованія для всѣхъ — для знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и небогатыхъ. Въ наше время въ этомъ никто не усмотрѣлъ бы особой заслуги, но Погодинъ жилъ и дѣйствовалъ въ другія времена, часто очень тяжелыя и печальныя. Мысль о томъ, что къ образованію надобно допускать только дѣтей людей состоятельныхъ и, притомъ, исключительно изъ привилегированныхъ классовъ, не умерла окончательно еще и до сихъ поръ въ людяхъ ретроградныхъ. А тогда она находила практическое примѣненіе въ разныхъ оффиціальныхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ для юношества изъ непривилегированнаго класса. Далѣе, по свидѣтельству г. Буслаева, бывшаго ученикомъ Погодина, Погодинъ стоялъ въ братскихъ отношеніяхъ съ университетскимъ юношествомъ. Онъ умѣлъ привлекать его къ себѣ сколько своими лекціями, столько же товарищескимъ обращеніемъ съ нимъ, вниманіемъ къ его нуждамъ, вообще близостію къ нему. По словамъ Буслаева, даже по выходѣ изъ университета, Погодинъ «сохранилъ привязанность къ нему почти такую же, какую имѣлъ, будучи его членомъ, и во всякомъ случаѣ гораздо бо̀льшую, чѣмъ многіе изъ дѣйствующихъ профессоровъ, пользовавшихся всѣми выгодами профессорскаго званія». Наконецъ, покойный Погодинъ былъ вообще доступенъ всѣмъ, ищущимъ образованія, и готовъ былъ помогать имъ всѣмъ, чѣмъ могъ—своимъ совѣтомъ, услугами, учеными пособіями. Въ доказательство этого, я сообщу фактъ вполнѣ достовѣрный, слышанный много лѣтъ тому назадъ отъ лица, мнѣ близкаго. Еще во время студенчества, этому лицу, впослѣдствіи моему товарищу, понадобилось для сочиненія порыться въ древлехранилищѣ Погодина, и онъ поѣхалъ въ Москву и явился къ Погодину почти безъ всякой рекомендаціи, разсказавъ только работу, которою онъ занимался, и имя лица, давшаго ему эту работу. Этого было довольно, чтобы М. П. сдѣлалъ его чуть не хозяиномъ своихъ рукописей. Онъ далъ ему ключи отъ шкафа, гдѣ хранились нужныя моему товарищу рукописи, и послѣдній въ продолженіи цѣлой недѣли ходилъ сюда изо дня въ день, выбирая и выписывая, что̀ ему было нужно, а иногда цѣлые дни проводилъ здѣсь рѣшительно одинъ. «Тогда, говорилъ мнѣ товарищъ:—мнѣ нисколько не казалось это страннымъ. Только впослѣдствіи, когда я узналъ, что библіографы и любители рукописей бо̀льшею частію не чисты на руку, я понялъ, сколько въ такомъ довѣріи Погодина было простоты, умѣнья и такта обращаться съ молодыми людьми, даже совершенно ему неизвѣстными. Я уже не говорю о томъ постоянно радушномъ вниманіи и участіи, которое Погодинъ постоянно оказывалъ мнѣ за это время при случайныхъ встрѣчахъ со мною».

Я долженъ сказать нѣсколько словъ и о покойномъ графѣ Шуваловѣ. Это былъ мѣстный петербургскій дѣятель и пользовался здѣсь большою извѣстностію и вниманіемъ очень многихъ. Еще нѣсколько такихъ дѣлъ, какъ уничтоженіе монополіи из-

вознаго промысла, успѣвшей было окольными путями пробраться очень далеко и почти утвердиться въ Петербургѣ — и имя графа Шувалова современемъ могло бы сдѣлаться популярнымъ въ С.-Петербургѣ. Онъ умеръ, впрочемъ, и теперь въ счастливую для себя минуту, именно, когда, благодаря его стараніямъ, ходатайство Сивкова объ извозной монополіи въ Петербургѣ провалилось и когда, вслѣдствіе этого, общественное вниманіе Петербурга было обращено на графа Шувалова. Надобно сказать, что умирать въ минуты единодушнаго сочувствія къ себѣ общества достается на долю очень немногихъ, и мы назвали бы смерть графа Шувалова вполнѣ счастливою, еслибы торжество его послѣдняго цѣлованія съ обществомъ не было нѣсколько разстроено чрезмѣрно излишнимъ усердіемъ представителей извознаго промысла. Тутъ оказалась совершенно фальшивая нота. Мы думаемъ, что, если покойный графъ Шуваловъ хлопоталъ объ уничтоженіи монополіи Сивкова, то вовсе не съ тою цѣлію, чтобы удержать извозный промыселъ въ рукахъ нынѣшнихъ его представителей въ С.-Петербургѣ. Послѣдніе держатъ его точно на томъ же самомъ основаніи, на какомъ снялъ бы и держалъ и Сивковъ; разница между ними и Сивковымъ, въ сущности—таже, какая была во время блаженной памяти откуповъ между цѣловальниками и откупщиками. Конечно, гдѣ есть откупщикъ, тамъ будутъ и цѣловальники; и, если избирать изъ двухъ золъ меньшее, то на время лучше остаться съ одними цѣловальниками и не навязывать себѣ сверхъ того и откупщика. Но и съ цѣловальниками оставаться навсегда также нѣтъ особенной сладости. Они также сосутъ народъ безпощадно. Потому графъ Шуваловъ не могъ хлопотать объ уничтоженіи монополіи Сивкова въ видахъ благоденствія современныхъ представителей извознаго промысла въ Петербургѣ. Монополія Сивкова ему была противна по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она добывалась помимо думы, окольными путями; еслибы она была утверждена, прецедентъ для городскаго самоуправленія на будущее время былъ бы очень печальный; во-вторыхъ, это была бы монополія на многое число лѣтъ, санкціонированная, законтрактованная, которая, слѣдовательно, надолго связала бы руки думѣ и на долгое время оставила бы положеніе извознаго промысла въ томъ же или еще болѣе жалкомъ видѣ, въ какомъ онъ находится теперь. Теперь у думы руки совершенно свободны, и она можетъ регулировать извощичій промыселъ на самыхъ лучшихъ основаніяхъ. Можетъ даже образовать извощичьи артели по образцу биржевыхъ и другихъ подобныхъ артелей въ Петербургѣ. Впрочемъ, относительно артелей мы такъ только говоримъ, а едва ли можно питать надежду, что дума когда нибудь до этого додумается. Наши думы вообще только задомъ крѣпки, какъ выражается одинъ одесситъ о своей думѣ, т. е. заднимъ умомъ. Петербургская дума въ этомъ отношеніи не лучше другихъ. Огромный доходъ, который она могла бы получать отъ построенныхъ самою ею кон-

ныхъ дорогъ, она просвистала, а теперь хочетъ пополнить свой бюджетъ изъ доходовъ музыкантовъ, акробатовъ, учительницъ и т. п.; а сихъ послѣднихъ, находящихся въ полунищенскомъ состояніи и ищущихъ какого нибудь мѣста, въ одномъ обществѣ гувернантокъ и учительницъ записано, помнится, болѣе 800, да вѣроятно, втрое болѣе этого находится въ такомъ же состояніи вообще въ Петербургѣ. По доброму, дума должна была бы подумать о мѣрахъ, ка̀къ бы помочь имъ, а она—видители!—въ свою доходную статью ихъ записала! Вотъ такъ самоуправленіе! Но это--между прочимъ, а главное, что̀ мы хотѣли сказать, сводится вотъ къ чему: еслибы покойный графъ Шуваловъ могъ встать изъ гроба, то, я полагаю, онъ былъ бы крайне удивленъ и даже нѣсколько шокированъ необычайной благодарностью къ нему нынѣшнихъ содержателей извознаго промысла, о которыхъ вовсе и не думалъ хлопотать, ведя борьбу противъ монополіи Сивкова. Съ другой стороны, ка̀къ то и представить странно, чтобы петербургскіе содержатели извознаго промысла не понимали, что графъ Шуваловъ хлопоталъ вовсе не для нихъ. Ужь чего добраго—могутъ подумать многіе—не *по наряду* ли содержатели извознаго промысла выказали свое усердіе при погребеніи графа Шувалова? — Во мнѣ лично, конечно, никогда не можетъ возникнуть подобное сомнѣніе. Ка̀къ можно! Я скорѣе соглашусь, что содержатели извознаго промысла дѣйствовали по недоразумѣнію, но, во всякомъ случаѣ, отъ искренняго чувства. Но другіе... охъ, какой нынѣ народъ сталъ невѣрующій и недовѣрчивый? Ничего, что̀ называется, нѣтъ для него святого. Въ доказательство этого, я сейчасъ разскажу нѣсколько поразительныхъ случаевъ.

Назадъ тому съ небольшимъ годъ, умеръ, какъ всѣмъ извѣстно, директоръ лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, Павелъ Михаиловичъ Леонтьевъ. Умеръ—ну, и все пошло какъ слѣдуетъ, по обряду: въ скорби приняли участіе всѣ, и въ особенности наставники лицея и воспитанники. Кому-же было и скорбѣть, какъ не имъ, терявшимъ отца! При погребеніи, по обыкновенію — рѣчи: говорятъ наставники, говорятъ воспитанники. И рѣчи все прекрасныя, видно, отъ сердца вылившіяся. Одинъ учитель, Д. Я. Головинъ, сравнилъ покойнаго съ апостоломъ Павломъ и назвалъ его отце-матерью: «былъ, дескать, для лицея отецъ, а для лицеистовъ замѣнялъ мать». Учитель исторіи, В. В. Назаревскій, уподобилъ его Моисею, еще учитель, А. Г. Кудрявцевъ, сопричислилъ его къ лику «славныхъ». Не менѣе, а даже, можно сказать, много превосходнѣе были рѣчи воспитанниковъ. Пріятно было видѣть, ка̀къ эти юныя, чистыя сердца нельстивыми устами слагали практическую пѣснь славословія, точно прошедшія черезъ горнило долгаго житейскаго опыта. И однакожъ, нашлись люди, которымъ все это не понравилось. Они заподозрили искренность рѣчей наставниковъ, воспитанниковъ, называя все это безобразіемъ, развращающимъ духъ заведенія, развивающимъ духъ раболѣпства,

прислужничества, лак... извините, я стыжусь произнести слово, даже меня просили описать въ этомъ направленіи торжество погребенія покойнаго Леонтьева. Я, конечно, на отрѣзъ отказался.

Недавно, черезъ годъ по смерти Леонтьева, произошла таже исторія. Въ годовщину его смерти, 24-го марта, происходило въ алексѣевскомъ монастырѣ поминовеніе по усопшемъ. На панихидѣ присутствовали всѣ воспитатели и воспитанники лицея; послѣ панихиды перешли всѣ на могилу. Въ виду этой могилы, еще пока свѣжей, къ которой не заросла тропа, въ воспитанникахъ естественно воскресли горькія чувства о великой утратѣ своего «славнаго» отца, переполнили ихъ сердца, и одинъ изъ нихъ, студентъ лицея Кулаковскій, не выдержавъ напора овладѣвшихъ имъ чувствъ, излилъ ихъ въ прекрасной рѣчи. «Годъ тому назадъ, началъ онъ:—стояли мы около твоего гроба, подавленные однимъ общимъ горемъ, глухіе и безчувственные ко всему остальному, сосредоточенные на одной горькой мысли: его не стало, его нѣтъ уже съ нами и не будетъ. Прошелъ годъ, мы у твоей могилы». Такъ началъ г. Кулаковскій. А потомъ и пошолъ и пошолъ... и пошолъ... «Время, говоритъ онъ:—хотя и облегчило бремя нашего горя... но мы потеряли въ тебѣ нашъ общій центръ... Ты старался, говоритъ, пробудить въ насъ лучшія стороны человѣчности... Ты, говоритъ, ввѣрялъ молодому поколѣнію святыню твоей любви» и т. д. и т. д.—все въ томъ же родѣ, и заключилъ все это тѣмъ, что мы, дескать, каждый годъ будемъ собираться на твоей могилѣ, нашъ «добрый, незабвенный». Все это очень хорошо: и краснорѣчиво, и чувства прекрасныя. Когда я читалъ рѣчь, мнѣ казалось, что надобно желать, чтобы г. Кулаковскій такіе прекрасные задатки преданности и любви къ начальству вынесъ изъ школы и въ жизнь и на могилѣ каждаго изъ своихъ будущихъ начальниковъ могъ изливать порывы своихъ чувствъ въ такихъ же искренныхъ рѣчахъ. Однакожь, и эта рѣчь многими встрѣчена была неодобрительно. И ее заподозрили въ неискренности. «Новое Время» даже прямо сказало, что г. Кулаковскій пойдетъ далеко...

Вообще, въ нашъ скептическій вѣкъ надобно крайне быть осторожнымъ въ заявленіи своихъ чувствъ даже къ мертвымъ. Впрочемъ, что̀ я говорю: даже къ мертвымъ? я долженъ сказать въ *въ особенности*, *по преимуществу къ мертвымъ*. Ибо всякій вѣрующій, заявляющій свое сочувствіе къ мертвымъ, долженъ имѣть въ виду два міра: во-первыхъ, сей видимый міръ, недовѣрчивый, сомнѣвающійся, подозрительный, а во-вторыхъ, еще болѣе страшный—міръ невидимый, для котораго нѣтъ ничего сокровеннаго. Говорятъ, по оставленіи своей смертной оболочки, душа ясно видитъ всѣ мысли, намѣренія и чувства тѣхъ людей, которые участвуютъ въ обрядѣ погребенія оставленной ею земной оболочки, говорятъ рѣчи, плачутъ и т. д. Представьте себѣ, ка̀къ тяжело и мучительно должно быть положеніе этой несчастной души, когда во всей погребальной тол-

пѣ, во всѣхъ рѣчахъ, произнесенныхъ здѣсь, во всѣхъ газетныхъ и устныхъ заявленіяхъ чувствъ, привязанностей она не видитъ ничего, кромѣ лжи, притворства, равнодушія! Каково видѣть и чувствовать эту комедію въ честь свою, видя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и чувствуя, что ее совершаютъ не одни чужіе вамъ люди, а и люди близкіе къ вамъ, въ честь, честность, искренность которыхъ вы когда-то имѣли слабость вѣрить! Но и безъ представленія безплотной всевидящей души, для каждаго простаго, неиспорченнаго чувства должно представляться оскорбительнымъ, возмутительнымъ искуственное лицемѣрное чествованіе покойника, въ особенности если оно находится въ ясной дисгармоніи съ тѣмъ отношеніемъ, какое имѣли къ покойному при его жизни. Не могу, при этомъ, не припомнить слѣдующихъ прекрасныхъ стиховъ, которые можно примѣнить къ большей части умирающихъ русскихъ дѣятелей:

Пускай умру — печали мало.
Одно страшитъ мой умъ больной:
Чтобы и смертъ не разыграла
Печальной шутки надо мной.

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролили-бъ горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ,

Чтобъ безучастною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною плитою
Не сталъ любви предметомъ я,

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

Можетъ быть, ни къ кому изъ русскихъ дѣятелей не подходитъ это стихотвореніе ближе, какъ къ покойному А. П. Щапову. По смерти его объ немъ всѣ вспомнили и на гробъ его также принесли цвѣтовъ, какъ и на гробъ Самарина, хотя не столько и не столь искуственныхъ — и это хорошо. Но при жизни общество съ давнихъ лѣтъ забыло его. Изъ русскихъ дѣятелей едва ли можно указать еще другого, который бы и въ моральномъ отношеніи получилъ такъ мало изъ всего того, чего онъ такъ жадно желалъ, и который бы находился въ такомъ жалкомъ матеріальномъ положеніи. Будучи еще въ полной силѣ (Щаповъ умеръ 46 лѣтъ) и совершенно способнымъ къ труду, Щаповъ умеръ, однакожъ, богаделеннымъ человѣкомъ, на содержаніи литературнаго фонда, который отпускалъ ему на содержаніе съ женою по 300 руб. въ годъ. Общество, даже мѣстное, иркутское, до того мало интересовалось имъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время, и обращало на него вниманія, что не послало въ Петербургъ даже телеграммы о его смерти. Щаповъ умеръ 27-го февраля, а извѣстіе о его смерти въ

Петербургѣ получено только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и то въ случайномъ частномъ письмѣ. Такой печальный конецъ общественной дѣятельности Щапова нисколько не соотвѣтствовалъ ея блестящему началу. Впрочемъ, общественное равнодушіе и забвеніе по отношенію къ литературному дѣятелю понять еще нетрудно. О литературѣ нашего времени можно сказать почти безъ всякаго измѣненія тоже, что̀ говорилъ кн. Вяземскій въ своемъ Фонвизинѣ, назадъ тому тридцать лѣтъ, о литературѣ тогдашняго времени, т. е.: что наша литература не есть выраженіе нашего общежитія, не составляетъ необходимаго его проявленія, а что она также случайна въ немъ, какъ и ваяніе, и живопись, и музыка, и можетъ быть, по всей справедливости, причислена къ разряду искуствъ и по своему дѣйствію на жизнь. «Посреди безмолвія, оцѣпенѣнія, царствующаго въ обществѣ, можетъ возвыситься иногда голосъ автора, который сильно подѣйствуетъ на вниманіе общества его окружающаго: общество отвѣчаетъ ему съ силою и быстротою потрясеннаго сочувствія, но сіе дѣйствіе случайно, скоропостижно и недолговременно. По своей мимолетности, оно ничѣмъ не отличается отъ того восторга и сочувствія, которыя зажигаютъ въ своихъ слушателяхъ сладкозвучный Ромбергъ или молніеносный смычекъ Паганини. Какъ здѣсь звуки замолкли, раздраженные нервы утихли и между виртуозомъ и слушателями его уже нѣтъ никакого нравственнаго соотвѣтствія, точно также происходитъ и съ виртуозами литературы. Между твореніемъ отличнымъ и народомъ, коего общество еще не готово къ литературѣ или литература еще не дозрѣла до общества, нѣтъ тоже обоюдности глубокой и постоянной. Концертъ отслушанъ, книга прочитана, и тотъ, и другой возбудили нѣсколько изящныхъ ощущеній, можетъ быть, нѣсколько благородныхъ соревнованій, но тѣмъ все и кончилось». Изъ сего ясно, что каждый русскій писатель, самый даже знаменитый, можетъ быть твердо увѣренъ, что онъ, если перестанетъ писать, будетъ непремѣнно забытъ и покинутъ обществомъ, и, въ случаѣ бѣдности, можетъ смѣло надѣяться даже умереть съ голоду, если благодѣтельный литературный фондъ не будетъ отпускать ему 300 руб. въ годъ на его пропитаніе, какъ отпускалъ Щапову. Потому нисколько неудивительно что общество забыло и покинуло Щапова; удивительнѣе всего то, какимъ образомъ Щаповъ, человѣкъ съ несомнѣнно огромнымъ талантомъ, находясь въ цвѣтѣ силъ и постоянно почти работая, не могъ выйдти на прежнюю блестящую дорогу, а постоянно опускался все ниже и ниже — до самаго конца жизни?—Вопросъ этотъ очень сложный, и я, конечно, не думаю браться за его разрѣшеніе; я постараюсь здѣсь только напомнить извѣстные факты его жизни и отмѣтить тѣ изъ нихъ, которые могли имѣть неблагопріятное вліяніе на его дѣятельность.

А. П. Щаповъ, сынъ сельскаго дьячка въ Иркутской Губер-

ніи, воспитывался спачала въ иркутской семинаріи, потомъ въ казанской духовной академіи, гдѣ, по окончаніи курса наукъ, былъ оставленъ баккалавромъ или адъюнкт-профессоромъ на каѳедрѣ исторіи. Подобно бо̀льшей части людей, родившихся и воспитывавшихся среди народа, Щаповъ, такъ сказать, съ молокомъ материнымъ всосалъ въ себя любовь къ нему и идеи о его благосостояніи были всегда близки его сердцу. Суровая, аскетическая дисциплина духовно-учебныхъ заведеній, стоявшая въ прямомъ противорѣчіи съ преподаваемымъ въ нихъ евангельскимъ ученіемъ о любви, отрицательнымъ путемъ должна была способствовать уясненію и развитію этихъ идей, а внимательное изученіе древнихъ грамотъ, актовъ, въ томъ числѣ множества поступившихъ изъ соловецкаго монастыря въ казанскую академію раскольническихъ сочиненій, полныхъ самыхъ разнородныхъ протестовъ, должно было открыть болѣе широкій горизонтъ для ихъ примѣненія. Мы видимъ, что, уже въ ноябрѣ 1858 года, Щаповъ, на актѣ казанской академіи, читаетъ рѣчь подъ названіемъ: «Голосъ древне-русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей». Рѣчь эта возникла, конечно, подъ вліяніемъ явившихся въ то время въ прессѣ идей объ освобожденіи крестьянъ, но для насъ она важна тѣмъ, что характеризуетъ направленіе мысли и сердечныхъ влеченій профессора, избравшаго такую тэму для оффиціальной рѣчи на публичномъ актѣ. Въ 1859 году, Щаповъ издалъ до-довольно объемистую книгу, подъ названіемъ: «*Русскій расколъ старообрядства*», содержащую историческое изслѣдованіе о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола. Книга эта прошла черезъ русскую духовную цензуру, самую суровую изъ всѣхъ цензуръ, потому она не могла имѣть яркаго цвѣта послѣдующихъ статей Щапова о расколѣ; тѣмъ не менѣе, она произвела впечатлѣніе. Въ Москвѣ обратили вниманіе на нее и на автора; лестный отзывъ о ней написанъ былъ, кажется, покойнымъ М. Н. Лонгиновымъ.

Надобно полагать, что этотъ первый солидный ученый трудъ Щапова и одобрительный отзывъ о немъ въ столичной прессѣ дали нѣкоторую извѣстность Щапову и въ Казани и послужили рекомендаціей для приглашенія его на университетскую каѳедру. Я дѣлаю это предположеніе, основываясь на «Воспоминаніяхъ казанскаго студента», помѣщенныхъ въ недавно вышедшемъ казанскомъ сборникѣ «Первый шагъ», изъ которыхъ видно, что, занимая каѳедру казанской академіи въ продолженіи уже пяти лѣтъ, Щаповъ никому почти не былъ до сего времени извѣстенъ въ Казани. «Въ 1860 году, говоритъ авторъ «Воспоминаній» студента:—филологи въ казанскомъ университетѣ, гдѣ тогда была вакантная каѳедра русской исторіи, были сильно озабочены вопросомъ о замѣщеніи этой каѳедры, возбуждавшей въ то время сильный интересъ, благодаря знаменитому вопросу о варягахъ и диспуту Костомарова съ Погодинымъ. Мы посл али

даже коллективное письмо къ кіевскому профессору русской исторіи, Платону Васильевичу Павлову, прося его занять такую же каѳедру въ казанскомъ университетѣ. Не помню результатовъ этой попытки, но дѣло въ томъ, что она показываетъ, какъ, почти наканунѣ пріобрѣтенія университетомъ на каѳедру русской исторіи Щапова, извѣстность этого ученаго и его популярность были еще незначительны. Студенты искали себѣ профессора за тридевять земель въ то время, какъ рядомъ съ ними находился одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и симпатичныхъ изслѣдователей по русской исторіи...» Такую полную неизвѣстность даровитаго профессора среди учащейся молодежи, и притомъ въ провинціальномъ городѣ, какъ-то даже и понять трудно. Надобно полагать, что казанская духовная академія была тогда очень прочно закупорена отъ всего остальнаго міра. И не напиши Щаповъ «Раскола старообрядства», не появись случайно объ немъ отзыва въ столичной прессѣ, имя его такъ и погибло бы безвѣстно въ этомъ благонравномъ казематѣ высшихъ наукъ.

Но «Расколъ старообрядства» вывезъ Щапова. Онъ былъ приглашенъ на каѳедру исторіи въ университетѣ и съ перваго появленія здѣсь получилъ такую блестящую извѣстность, которая едва ли доставалась на долю какого-нибудь профессора такъ быстро. Предметомъ первой лекціи Щапова былъ «Общій взглядъ на исторію великорусскаго народа». Щаповъ началъ ее словами: «Скажу напередъ: не съ мыслію о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на университетскую каѳедру русской исторіи». Какъ видитъ читатель, въ словахъ этихъ нѣтъ ничего особеннаго, но произнесенныя «страстно, съ энергіей, съ убѣжденіемъ», въ то время, когда съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса вся Россія ждала немедленнаго быстраго развитія народной жизни и широкой областной автономіи, они произвели громадное впечатлѣніе. Едва Щаповъ успѣлъ произнести эти слова, «какой-то ропотъ и гулъ пробѣжалъ по залѣ, всѣ переглянулись»; «произошелъ цѣлый переполохъ, длившійся нѣсколько минутъ: вся масса публики, присутствовавшая въ аудиторіи, точно морская волна, набѣгающая на берегъ, какъ-то разомъ подалась впередъ, ближе къ каѳедрѣ: ряды стульевъ моментально смѣшались, всѣ были наногахъ; прошло еще нѣсколько минутъ, и Щаповъ стоялъ на своей каѳедрѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ тѣсной толпой студентовъ; внизу каѳедры, цѣпляясь за края, кругомъ на стульяхъ, на плечахъ другъ у друга, на самой каѳедрѣ рядомъ съ профессоромъ, почти стѣсняя его, всюду лѣпились фигуры, изображающія изъ себя самое напряженное вниманіе, наэлектризованныя вдохновенною рѣчью, затаившія дыханіе...

«...Лекція продолжалась часа два, пока лекторъ и аудиторія не почувствовали того неизбѣжнаго утомленія, которое бываетъ результатомъ напряженнаго, исполненнаго волненій вниманія. Г. Щаповъ оборвалъ лекцію чуть ли не на полсловѣ и быстрымъ

движеніемъ скрылся изъ залы... Онѣмѣвшая толпа разступилась передъ нимъ съ инстиктивнымъ почтеніемъ. Нѣсколько секундъ въ залѣ еще длилась мертвая тишина; но вдругъ, какъ гремучій ударъ лѣтней грозы, разразился страшный громъ рукоплесканій. Это продолжалось съ минуту; толпа не двигалась съ мѣста, продолжая рукоплескать... Профессора и самъ попечитель дѣлали тоже. Потомъ начались какіе-то восторженные крики; наконецъ, ко всему этому присоединился оглушительный трескъ мебели, ломавшейся подъ напоромъ толпы, устремившейся, наконецъ, вслѣдъ за профессоромъ. Нѣкоторые неистово стучали въ полъ стульями и ногами. Всѣ куда-то спѣшили, бѣжали, сами не зная куда, и думаю — не прошло полчаса, какъ весь городъ зналъ о необычайномъ событіи, совершившемся въ университетѣ».

«Съ этихъ поръ г. Щаповъ сдѣлался идоломъ студенческой массы: по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ ажитація въ средѣ студентовъ не могла улечься. Впрочемъ, ей такъ и не суждено было кончиться безъ посторонняго вмѣшательства»...

«Въ тотъ короткій періодъ, говоритъ тотъ же авторъ «Воспоминаній» въ другомъ мѣстѣ:—когда Щаповъ занималъ у насъ каѳедру русской исторіи, онъ можно сказать, царилъ въ университетѣ; каждое его появленіе на каѳедрѣ было своего рода тріумфомъ; долгое время, въ тотъ часъ, когда читалъ Щаповъ, всѣ остальные профессора прекращали свои лекціи; клиника и анатомическій театръ пустѣли, у подъѣзда университета былъ съѣздъ экипажей, такъ какъ городская публика тоже приходила въ движеніе и стремилась послушать «знаменитость» на каѳедрѣ, какъ сбѣгается слушать «знаменитость» на сценѣ, а на этотъ разъ «знаменитость» была, такъ сказать, своя, домашняя, а не «пріѣзжая», не выписанная. Одно время во всемъ городѣ только и рѣчи было, что̀ о Щаповѣ, а о студентахъ и говорить нѐчего: они ходили, какъ ошалѣлые отъ восторга».

Эта блестящая профессорская дѣятельность Щапова была внезапно прервана однимъ непредвидѣннымъ происшествіемъ. При введеніи положенія 19-го февраля въ одномъ изъ селъ Казанской Губерніи *Безднѣ*, заподозрили его подлинность и не хотѣли принять. Послана была воинская команда; дѣло дошло до дѣйствія, во время котораго палъ одинъ главный руководитель крестьянъ, Антонъ Петровъ. Щаповъ сказалъ по этому поводу рѣчь и былъ увезенъ въ Петербургъ.

Щаповъ послѣ говорилъ, что во время этого невольнаго, совершившагося въ очень короткое время переѣзда изъ Казани въ Петербургъ, онъ выросъ умственно болѣе, чѣмъ выросъ бы въ десять лѣтъ обыкновенной жизни. И это очень понятно. Изъ міра идей, въ которомъ онъ до сихъ поръ только и вращался, онъ попалъ прямо въ объятія самой суровой дѣйствительности и здѣсь опытно понялъ, что людскія отношенія въ мірѣ дѣйствительности укладываются не такъ стройно и гуманно, какъ въ мірѣ идей. Урокъ

былъ суровый, но развивающій и полезный, а, главное, былъ дѣйствительно не болѣе, какъ урокъ. На поступокъ Щапова, въ уваженіе къ его сильному таланту и молодости лѣтъ, взглянули снисходительно. Бывшій тогда министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, взялъ на себя попеченіе устроить Щапова такъ, чтобы онъ имѣлъ возможность работать надъ любимымъ своимъ предметомъ—русской исторіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ впереди широкую дорогу. Онъ назначилъ его чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ по отдѣленію расколовъ, лично объяснивъ Щапову, что онъ не стѣсняетъ его никакими служебными обязательствами, предоставляетъ полную свободу заниматься чѣмъ онъ найдетъ для себя полезнѣе, обѣщавъ при этомъ въ матеріальномъ отношеніи обезпечить его наилучшимъ образомъ.

Еслибы Щаповъ прямо изъ духовной академіи былъ взятъ и поставленъ на эту дорогу, то, быть можетъ, онъ остался бы вполнѣ доволенъ ею, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ. Потому что она давала ему громадный матеріалъ для работъ по русской исторіи, матеріалъ самый богатый, разнообразный и, притомъ, современный, какого онъ не могъ бы нигдѣ болѣе найти. Но теперь это было поздно. Послѣ тѣхъ тріумфовъ, которыми сопровождалась каждая его лекція въ казанскомъ университетѣ, онъ не могъ довольствоваться одной кабинетной работой... Ему нужны были люди, которымъ онъ могъ бы лично сообщать результаты этой работы, могъ бы лично видѣть, кàкъ зажигается въ нихъ его мысль, кàкъ она постепенно овладѣваетъ ими, кàкъ, по мѣрѣ его одушевленія, растетъ ихъ одушевленіе; однимъ словомъ—ему нужна была громадная аудиторія, напряженное вниманіе слушателей, восторженныя лица... Ничего этого Щаповъ не могъ найти въ отдѣленіи расколовъ, къ которому онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ чиновника, и онъ пересталъ туда ходить. Мало того: самое имя чиновника ему стало противно. Нельзя не упомянуть здѣсь слѣдующаго курьёза. У Щапова былъ закадычный другъ чиновникъ, котораго Щаповъ очень любилъ и съ которымъ почти постоянно жилъ въ Петербургѣ. Этотъ другъ служилъ Щапову козломъ отпущенія за всѣхъ чиновниковъ; за весь чиновничій міръ. Какъ только Щаповъ выпьетъ, такъ онъ начинаетъ допекать своего друга за его чиновничьи воззрѣнія, чиновничью логику, за тупость и безсмысленность основъ ея. Этого мало: всякому встрѣчному объясняетъ, что другъ его—такой человѣкъ, съ которымъ ни разговора вести, ни жить вмѣстѣ, ни дѣла никакого имѣть невозможно. На другой день, однакожь, и Щаповъ, и другъ его опять, какъ ни въ чемъ не бывало, вмѣстѣ, и опять у нихъ, чтò называется, ленъ не дѣленъ.

Устранившись отъ занятій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Щаповъ всецѣло отдался литературѣ. Но и литература не могла доставить ему того, чего *онъ такъ жадно желалъ*. Первое, чтò здѣсь задѣвало его самолюбіе, это—та заурядность, въ которой онъ очутился. Здѣсь были свои боги, свои знаменитости; и Ща-

пова, правда, также любили и уважали въ литературныхъ кругахъ; въ нѣкоторомъ родѣ онъ былъ даже и знаменитостію, но здѣсь онъ былъ только однимъ изъ многихъ, въ качествѣ даже знаменитости былъ въ литературной средѣ только равный между равными, слѣдовательно, здѣсь онъ никогда не могъ чувствовать себя такъ, какъ чувствовалъ на каѳедрѣ, которая вызывала въ немъ всю полноту и энергію его силъ. Я не совсѣмъ вѣрно выразилъ его состояніе, сказавъ, что здѣсь задѣвалось его самолюбіе: нѣтъ, не заурядность его щемила, а пробудившееся вмѣстѣ съ выступленіемъ на литературное поприще чувство горькаго сознанія, что онъ навсегда потерялъ свою настоящую дорогу. Послѣ блестящей профессуры литературная дѣятельность не могла никоимъ образомъ удовлетворять Щапова. Правда, аудиторія литератора несравненно громаднѣе всякой университетской аудиторіи; онъ говоритъ не съ десятками, не съ сотнями, а съ тысячами, десятками тысячъ людей; но профессоръ видитъ и знаетъ, съ кѣмъ говоритъ, убѣжденъ, что десятки и сотни, которымъ онъ говоритъ, вполнѣ солидарны съ нимъ, жаждутъ его слова, онъ видитъ, ка̀къ вливается въ нихъ его мысль, постепенно растетъ и зрѣетъ и пересоздаетъ ихъ. Литераторъ лишенъ этого удовольствія. Тамъ, гдѣ литература, какъ у насъ, не есть *выраженіе общежитія*, литераторъ не знаетъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, не знаетъ даже, есть ли у него собесѣдники, не говоритъ ли онъ даже просто въ пустое пространство. По крайней мѣрѣ, если бы онъ сталъ судить о плодахъ своей дѣятельности по проходящимъ передъ нимъ явленіямъ, то онъ долженъ былъ бы убѣдиться въ полной своей безполезности и съ отчаянія бросить перо навсегда. Потому что, въ дѣйствительности, бо̀льшею частію дѣлается какъ разъ совершенно противное тому, чему онъ учитъ, за что̀ ратуетъ, на что̀ настаиваетъ. Конечно, литераторъ имѣетъ право предполагать, что помимо этой рутинной, парадной дѣйствительности, проходящей передъ его глазами въ видѣ тѣней волшебнаго фонаря, также призрачной, ничтожной и скоропреходящей, какъ эти тѣни, есть другая дѣйствительность, болѣе прочная и дѣйствительная, за которою будущность: это—молодые умы и сердца, разсѣянные по всему лицу огромной русской земли, которые страстно ловятъ каждое его слово, всасываютъ въ себя его идеи, вводятъ въ свою жизнь и дѣятельность проповѣдуемые имъ принципы, приготовляясь быть дѣятелями въ будущемъ... Но, вѣдь, это предположеніе можетъ быть и пустой мечтой. Однимъ словомъ, для литератора тѣхъ обществъ, гдѣ XVIII вѣкъ еще не кончился, гдѣ онъ не поставленъ въ непосредственной связи съ своей партіей и не несетъ открыто ея знамени, остаются скрытыми существенные результаты его дѣятельности. Онъ можетъ болѣе или менѣе знать только дѣйствіе своего литературнаго пера на мозги культурныхъ людей ближайшихъ къ нему круговъ и кружко̀въ. Онъ можетъ читать похвалы своимъ сочиненіямъ въ печати, можетъ слышать

лестные отзывы о нихъ въ публикѣ. Но для того, чтобы довольствоваться этимъ дешевымъ ѳиміамомъ, исходящимъ или отъ записныхъ литературныхъ строчилъ ex officio, или отъ людей, которые читаютъ сочиненія отъ скуки, ради препровожденія времени, для пищеваренія и т. п., и видѣть въ этомъ вѣнецъ и цѣль своей дѣятельности, надобно плавать уже слишкомъ мелко. Наконецъ, Щаповъ не могъ удовлетворяться литературною дѣятельностію и потому, что она не совсѣмъ подходила къ привычному характеру его занятій. Литература преслѣдуетъ свои цѣли — у ней есть свои особые пріемы и средства для дѣйствія, и свои враги. Она ведетъ борьбу ежедневную, бо̀льшею частію мелкую, но, по злобѣ дня, необходимую, и ведетъ ее обыкновенно легкимъ оружіемъ. Она не пренебрегаетъ и тяжелымъ научнымъ оружіемъ—напротивъ, съ охотою беретъ себѣ въ союзники и науку, и даже самую сухую науку, но съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она прямо или косвенно была приспособлена для ея цѣлей. Безъ этого, самая прекрасная, ученѣйшая статья, которая можетъ привести въ восторгъ записнаго ученаго, для текущей литературы—только ни къ чему ненужный балластъ, который, если она по временамъ и терпитъ на своихъ страницахъ, то или изъ разсчетовъ чисто-коммерческихъ, или изъ уваженія къ знаменитымъ именамъ, умѣвшимъ пріобрѣсть сочувствіе въ публикѣ. Щаповъ, по своимъ внутреннимъ влеченіямъ, былъ настолько же публицистъ, насколько и ученый, но онъ могъ быть публицистомъ, если можно такъ выразиться, только тяжелаго оружія, только публицистомъ на почвѣ любимой имъ науки, которою, однакожь, не настолько владѣлъ, чтобы могъ соорудить изъ нея постоянную батарею, готовую во всякое время для дѣйствія противъ непріятеля. Щапову самому еще много нужно было работать надъ многочисленнымъ и разнообразнымъ научнымъ матеріаломъ, чтобы на основаніи его для себя самого выработать опредѣленное и твердое воззрѣніе на исторію и остановиться на немъ, что̀ для Щапова, при его умѣ, быстро увлекающемся новизною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣленномъ громаднымъ талантомъ къ систематизаціи, было не легко. Сто̀ило Щапову завладѣть кикимъ-нибудь новымъ выдающимся естественно-научнымъ фактомъ, и онъ готовъ былъ немедленно положить его въ основаніе русской исторіи и изъ него односторонне объяснять всѣ ея событія. Извѣстны въ такомъ родѣ его работы, сдѣланныя подъ вліяніемъ изслѣдованій Либиха о хищническомъ пользованіи землею. Въ томъ же родѣ и его послѣднія работы, печатавшіяся въ «Отечественныхъ Запискахъ». Самыми лучшими работами Щапова останутся несомнѣнно работы, перваго времени, составленныя на изученіи граматъ, актовъ, лѣтописей, вообще—исключительно историческихъ памятниковъ, безъ особаго увлеченія естествознаніемъ. Щаповъ говорилъ объ этихъ своихъ работахъ, что онъ пришелъ къ выводамъ, противоположнымъ выводамъ профессора

Соловьева, потому, что онъ въ актахъ и граматахъ главное вниманіе обращалъ на то, о чемъ *били челомъ*, а г. Соловьевъ выпускалъ изъ виду то, о чемъ били челомъ, и останавливался только на томъ, что̀ *приказали*. Еслибы Щаповъ, держась такого же пріема и не задаваясь никакими, болѣе широкими программами, разработалъ всю нашу исторію, то трудъ вышелъ бы несомнѣнно очень замѣчательный и, во всякомъ случаѣ, очень полезный въ нашей исторической литературѣ. Но Щаповъ, начавъ знакомиться съ естественными науками, не могъ уже остановиться на такой скромной программѣ. Онъ хотѣлъ приложить къ русской исторіи естественно-научный методъ и съ жадностію проглатывалъ выходившія въ свѣтъ изданія по естественнымъ наукамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, еслибы Щаповъ оставался профессоромъ на каѳедрѣ исторіи, имѣлъ обезпеченное матеріальное положеніе, время и всѣ средства, то, рано или поздно, онъ совладалъ бы съ этою огромною задачею. Но, въ качествѣ журналиста, Щаповъ былъ поставленъ въ необходимость работать ради хлѣба; у него не было ни времени, ни возможности заняться черновою разработкою новаго громаднаго матеріала, приведеніемъ его въ согласіе съ историческими данными и возведеніемъ всего этого въ стройную систему. На это потребовались бы годы предварительной черновой, кабинетной работы; а Щаповъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи нетолько свободныхъ годовъ, а, можетъ быть, свободныхъ мѣсяцевъ, даже недѣль, чтобы разобраться съ своимъ матеріаломъ. Онъ долженъ былъ постоянно писать и писать что̀-нибудь, чтобы не сидѣть безъ хлѣба. Понятно, что, вмѣсто зрѣлыхъ трудовъ, онъ долженъ былъ давать только недоноски, часто въ зачаточномъ состояніи, въ особенности за послѣднее время.

Изъ всего сказаннаго мною ясно, что и литературная дорога не могла быть дорогою для Щапова. Выступивъ на нее, онъ сразу почувствовалъ нетолько тяжесть своего новаго положенія, но и то, что для него нѣтъ здѣсь никакихъ свѣтлыхъ видовъ въ будущемъ, и день-ото-дня началъ чаще и чаще прибѣгать къ чаркѣ.

Это періодическое «зашибанье», которымъ иногда страдаютъ люди, занимающіе высокіе по̀сты и которое не мѣшаетъ имъ вести свои дѣла̀, само по себѣ не могло бы еще окончательно сбить Щапова съ дороги; оно сдѣлалось для него гибелью только вслѣдствіе личнаго его характера. Щаповъ относился къ числу тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ: «во хмѣлю неспокоенъ». Кроткій, скромный, даже застѣнчивый въ трезвомъ состояніи, Щаповъ дѣлался невыносимымъ подъ пьяную руку. Онъ тогда никого не щадилъ: въ такомъ видѣ онъ могъ, ни съ того, ни съ сего, наговорить всякихъ непріятностей, дерзостей, оскорбленій даже лицамъ, которыхъ любилъ искренно; что̀ касается до лицъ, почему-нибудь ему несимпатичныхъ, онъ съ ними дѣлался просто буяномъ, безъ всякой совершенно причины. Я уже

сказалъ, что Щаповъ не любилъ чиновниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ему ненавистны были разные мундиры. Стоило человѣку въ такомъ ненавистномъ мундирѣ встрѣтиться съ Щаповымъ, подъ пьяную руку, гдѣ бы то ни было: на улицѣ, въ частномъ домѣ, въ трактирѣ, вообще, въ какомъ бы то ни было публичномъ мѣстѣ—и могла начаться цѣлая исторія. Щаповъ начиналъ, ни съ того, ни съ сего, бранить человѣка, котораго видѣлъ въ первый разъ въ жизни, схватывалъ его за мундиръ или отлички на немъ и т. д. Это было поводомъ ко многимъ непріятнымъ исторіямъ въ жизни Щапова и причиною отправленія его на родину, въ Иркутскъ. Передъ отправленіемъ, Щаповъ около года былъ боленъ и сначала лежалъ въ клиникѣ, потомъ переведенъ въ арестанскій сухопутный госпиталь, отсюда и отправился на родину. Черезъ этотъ же самый госпиталь онъ и въѣхалъ въ Петербургъ.

Я говорилъ о Щаповѣ пьяномъ; Щаповъ трезвый представлялъ совершенную противоположность Шапову пьяному. Это была личность въ высшей степени симпатичная. Вся мысль, вся душа его сосредоточивалась въ его наукѣ и въ текущихъ общественныхъ идеяхъ и вопросахъ. Остального ничего для него точно не существовало. Его обстановка была всегда самая мизерная, хуже, чѣмъ у послѣдняго мастерового. Въ отношеніи денегъ онъ былъ безсребренникъ до безалаберности. Заработывая въ иные годы порядочное количество денегъ (въ одинъ какой-то годъ мы, помню, насчитали до 5 или 6 тысячь), Щаповъ очень нерѣдко не имѣлъ на что̀ пообѣдать, не имѣлъ во что̀ одѣться, не имѣлъ перемѣны бѣлья. И это нисколько его не тревожило и не заботило. Обладая несомнѣннымъ талантомъ, и талантомъ сильно выдающимся, Щаповъ, повидимому, одинъ только не примѣчалъ этого грѣха за собою. Насколько онъ былъ самолюбивъ пьяный, настолько онъ казался совершеннымъ въ этомъ отношеніи младенцемъ въ трезвомъ состояніи. Ни въ одной его внѣшней чертѣ, ни въ его разговорахъ, спорахъ, сужденіяхъ о другихъ вы, при самомъ тщательномъ вниманіи, не примѣтили бы, что у него есть тенденція выставить себя и унизить кого бы то ни было. Простой, открытый, веселый, словоохотливый—таковъ Щаповъ былъ въ знакомомъ ему кругу; какъ скоро встрѣчались люди незнакомые, онъ уходилъ въ себя и свертывался. Я долженъ сказать, наконецъ, что я не зналъ никого, кто бы стоялъ въ такой короткой близости, въ такомъ искреннемъ братствѣ со всѣми простыми людьми, даже съ послѣднимъ лакеемъ, какъ Щаповъ. По его мнѣнію, только два сорта людей достойны истиннаго уваженія: люди высокообразованные, которые путемъ образованія выработали себя до сознанія искренней братской солидарности своихъ интересовъ съ интересами народа, до неразрывности связи въ этомъ отношеніи слова съ дѣломъ—и народъ, который въ своей неиспорченности обладаетъ тѣми же свойствами по природному чутью. Невѣжественный раскольникъ, который, ничего не понимая,

по одному ясновидѣнію чувства, чувствуетъ окружающую его несправедливость и который, вмѣсто всякихъ доказательствъ, указывая на икону, твердитъ одно: «се антихристъ!», упорно стойтъ на своемъ, готовый немедленно идти куда угодно—въ тюрьму, въ каторгу, на смерть, такъ же и, можетъ быть, даже болѣе достоинъ всякаго уваженія, какъ и человѣкъ образованный, дошедшій до такой же стойкости въ защитѣ народныхъ интересовъ путемъ образованія и логики. Рѣзкій контрастъ пьянаго Щапова съ Щаповымъ трезвымъ нетолько не возбуждалъ непріязненности къ нему даже въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ оскорблялъ, а напротивъ, увеличивалъ въ нихъ симпатіи къ нему до сердечной боли. Каждый старался поднять какъ-нибудь его внутренно, возбудить въ немъ энергію и надежды, но сдѣлать ничего было нельзя. Надобно пожалѣть о томъ, что Щаповъ, вообще бѣгавшій образованныхъ женщинъ, не встрѣтился ранѣе съ дѣвушкою, которая, полюбивъ Щапова, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошо поняла его натуру и какъ нужно дѣйствовать на него и, сдѣлавшись его женою, имѣла потомъ, какъ сейчасъ увидимъ, огромное на него вліяніе. Тогда, можетъ быть, Щаповъ не оставилъ бы Петербурга, и жизнь его сложилась бы совсѣмъ иначе.

Ольга Ивановна Щапова, урожденная Жемчужникова, представляла собой рѣдкій экземпляръ женщины, прежде всего, по своему самоотверженію и силѣ характера. Она познакомилась съ Щаповымъ незадолго до его послѣдней болѣзни въ Петербургѣ въ домѣ покойнаго профессора Жиряева и увлеклась имъ. Узнавъ, что Щаповъ сильно боленъ, лежитъ одинокій въ клиникѣ, что онъ высылается въ Иркутскъ, она пошла и сдѣлала ему предложеніе соединить свою судьбу съ его судьбою. Напрасно родные и знакомые отклоняли ее отъ этого шага, указывая ей на отсутствіе всякихъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни, на дикій характеръ Щапова пьянаго, на его страшную болѣзнь. Храбрая дѣвушка ничего не хотѣла слышать: рѣшилась и поѣхала съ Щаповымъ. Въ теченіе десяти лѣтъ жизни съ нимъ, ей пришлось перенести много физическихъ лишеній и болѣзней, еще болѣе перестрадать нравственно; но она твердо донесла свой крестъ до конца и умерла съ словами любви на устахъ къ человѣку, которому отдалась. «Ты одинъ для меня ближе, роднѣе всѣхъ для меня!» говорила она въ своихъ предсмертныхъ мукахъ Щапову. Ольга Ивановна Щапова умерла 13 марта 1874 года. Щаповъ былъ сильно пораженъ ея смертію. Вскорѣ послѣ ея смерти, онъ прислалъ намъ «Воспоминаніе» о ней съ таковымъ предисловіемъ: «Завѣщеваю это воспоминаніе, написанное вскорѣ послѣ смерти Ольги Ивановны Щаповой, именно съ 25 по 30 марта 1874 года, завѣщеваю непремѣнно напечатать его, какъ только будетъ возможно». «Въ настоящемъ очеркѣ, изъ біографіи Ольги Ивановны—пишетъ далѣе Щаповъ—представлена только общая антропологo-соціологическая или соціально-нравственная характеристика ея. Ея много-

страдальная борьба съ моимъ грубымъ порокомъ — пьянствомъ, которымъ я страдалъ въ первые годы сожительства съ нею и отъ котораго, только благодаря ея энергическимъ усиліямъ, избавился, ея соучастіе со мной въ трудной туруханской экспедиціи (въ 1866 г.), въ которую она перенесла много лишеній и страданій во время нашего тридцатидневнаго плаванія по Енисею на лодкѣ отъ Туруханска до села Ворогова (65°—62° с. ш.) и многіе другіе факты изъ ея скромной, неизвѣстной, но многознаменательной жизни будутъ описаны въ особой запискѣ». Свое воспоминаніе Щаповъ заканчиваетъ тѣмъ же завѣщаніемъ, которымъ и началъ—напечатать его непремѣнно: «уничтожьте всѣ мои сочиненія—говоритъ онъ—отнимите мою жизнь, бросьте въ огонь или въ воду все, что я написалъ и напечаталъ въ русской литературѣ, только умоляю, заклинаю всѣхъ будущихъ людей, какіе будутъ жить на мѣстѣ нынѣшней Сибири и Россіи—сохранить этѣ мои строчки о женщинѣ Ольгѣ Ивановнѣ Щаповой. Если я пережилъ ее, то считаю теперь единственнымъ высшимъ утѣшеніемъ своимъ, единственнымъ счастіемъ своимъ, что сподобился отмѣтить для будущой антрополого-соціологической исторіи или лѣтописи ея скромное, неизвѣстное, но многознаменательное соціально-антропологическое существованіе, сподобился указать на одну изъ свѣтлыхъ звѣздочекъ великаго будущаго женщины и человѣчества».

Несмотря на все наше желаніе исполнить это завѣщаніе и заклинаніе Щапова, мы не могли этого сдѣлать какъ по причинамъ отъ насъ независящимъ, такъ и по многимъ другимъ, объяснять которыя здѣсь нѣтъ надобности. Въ настоящей статьѣ, мы воспользуемся изъ «Воспоминанія» тѣми фактами, которые болѣе или менѣе характерно обрисовываютъ обѣ личности—мужа и жены, ихъ взаимныя отношенія, ихъ обстановку.

Увлекшись талантомъ Щапова и свѣтлою стороною его личности, дѣвушка Жемчужникова задалась большою задачею—своимъ вліяніемъ перевоспитать Щапова. Для этого ей нужно было позаботиться о своемъ развитіи и пріобрѣсть столько знаній относительно предметовъ, идей, вопросовъ, занимавшихъ душу и мысль Щапова, чтобы онъ видѣлъ и могъ уважать въ ней женщину умную, человѣка болѣе или менѣе равнаго себѣ. Я не знаю, насколько приготовлена была Щапова къ такой задачѣ предварительнымъ школьнымъ воспитаніемъ, даже училась ли она гдѣ нибудь въ школѣ. Въ своемъ «Воспоминаніи» Щаповъ глухо говоритъ только, что «она родилась въ Псковѣ отъ бѣднаго учителя семинаріи, двухъ мѣсяцевъ жизни осталась сироткой и воспитывалась въ доброй семьѣ своего дяди, петербургскаго протоіерея Меліоранскаго, подъ благотворнымъ, умственно и нравственновозбудительнымъ вліяніемъ университетской молодежи». Изъ этого можно заключить, что Жемчужникова съ дѣтства сама главнымъ образомъ работала надъ своимъ образованіемъ и развитіемъ и своимъ умомъ привыкла добиваться до разрѣшенія возникав-

шихъ передъ нею вопросовъ науки и жизни. Въ натурахъ съ умомъ недюжиннымъ, какимъ дѣйствительно владѣла Жемчужникова, по свидѣтельству знавшихъ ее, такой путь самообразованія рано закладываетъ самостоятельный характеръ и вмѣстѣ прочную основу для дальнѣйшаго развитія. Мысль, привыкшая съ раннихъ лѣтъ стоять на собственныхъ ногахъ и всего добиваться собственнымъ усиліемъ, никогда не замретъ, не остановится въ своемъ движеніи. Въ началѣ своего супружества, Щаповъ не видѣлъ въ своей женѣ ничего болѣе, кромѣ доброты, правдивости, искренности, но въ послѣдствіи долженъ былъ убѣдиться, что эта женщина обладала замѣчательнымъ богатствомъ умственныхъ силъ. Въ своемъ «Воспоминаніи» это неожиданное для него перерожденіе своей жены Щаповъ описываетъ и объясняетъ такимъ образомъ: «Въ первые годы моего сближенія и сожительства съ нею, она больше поражала и плѣняла меня своими высокими нравственными качествами — необыкновенною добротою, прямодушною, такъ сказать, истинно-демократическою простотою, естественностью и беззавирностью (sic!) въ поступкахъ и разговорахъ, полнѣйшею честностью и справедливостью нетолько во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, но и въ мысляхъ и сужденіяхъ, полнѣйшею искренностью чувствъ и убѣжденій. Глубина, сила и основательность ея мысли тогда еще не высказывались особенно рельефно. Многія понятія еще не совсѣмъ были выработаны... Но, живя въ Иркутскѣ, одинаково со мной, въ полнѣйшей отрѣшенности отъ общества, постоянно-сосредоточенною, самоуглубленною жизнію, постоянно читая серьёзныя, научныя книги съ живѣйшихъ интересомъ и вниманіемъ, потомъ, года два съ половиною или болѣе, съ внимательнѣйшею сосредоточенностью занимаясь самостоятельной разработкой и приготовленіемъ уроковъ для дѣтей женской гимназіи, постоянно серьёзнѣйшимъ анализомъ и размышленіемъ переработывая въ своей головѣ каждый вопросъ науки или жизни, каждый общественный или житейскій фактъ, каждое новое впечатлѣніе, каждое новое наблюденіе— даровитая Ольга Ивановна, годъ отъ году, все больше и больше развивалась... Разъ я замѣтилъ ей: «Въ послѣдніе годы ты замѣтно стала гораздо развитѣе сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда я впервые познакомился и сошелся съ тобой: съ полнѣйшею искренностью скажу тебѣ, что ты теперь стала высоко развитою, глубомыслящею женщиною; особенно поразительно выработана твоя нравственная натура». На это она съ пріятною шутливостію любезности отвѣтила мнѣ: «А ты, дуракъ мой, поди, думаешь, что я тебѣ, твоему вліянію обязана своимъ развитіемъ, если только я дѣйствительно развилась сколько нибудь сравнительно съ прежнимъ». — «Нѣтъ, отвѣчалъ я ей съ искреннимъ и серьёзнымъ убѣжденіемъ:—нѣтъ: ты достигла высокаго, серьёзнѣйшаго умственнаго и нравственнаго развитія, единственно вслѣдствіе многолѣтней сосредоточеннной жизни въ Сибири со мною, вслѣдствіе непрерывной, ежедневной, самостоятельной ра-

боты твоей головы, твоей мысли, вслѣдствіе постояннаго серьёзнаго чтенія и размышленія, вслѣдствіе постояннаго глубокаго анализа жизненныхъ и общественныхъ фактовъ и наблюденій».

Можетъ быть, въ этомъ взглядѣ Щапова на достоинства своей жены много преувеличеннаго, можетъ быть, въ дѣйствительности она далеко не была тѣмъ, что̀ онъ въ ней видѣлъ; но для насъ, въ данномъ случаѣ, это и не имѣетъ значенія. Для насъ именно важенъ личный взглядъ Щапова на свою жену, какъ на женщину высокоразвитую, достойную глубокаго уваженія. Ибо въ этомъ взглядѣ заключалась ея сила надъ нимъ, основа ея вліянія на Щапова.

Въ такомъ отдаленномъ углу, какъ Иркутскъ, гдѣ нѣтъ ни общественнаго, ни умственнаго движенія, гдѣ нѣтъ даже простого гулящаго шатанія, дающаго призракъ жизни такъ называемымъ мѣстамъ бойкимъ, гдѣ съ восьми часовъ вечера ворота всѣхъ домовъ заперты, собаки спущены, на улицахъ тьма хоть глазъ уколи, въ длинные зимніе вечера слышенъ только свистъ вѣтра, гремящаго болтами ставней, да лай и вой собакъ, гдѣ вообще трудно отыскивать какъ людей по сердцу, такъ и какихъ нибудь занятій и развлеченій—въ такомъ городѣ даже трезвѣйшій человѣкъ, если у него навсегда отнята надежда когда нибудь выбраться отсюда, можетъ впасть въ меланхолію и съ горя запить. Понятно, что тѣмъ бо̀льшая опасность предстояла въ этомъ отношеніи Щапову. Предупредить эту опасность можно было только, доставивъ ему болѣе или менѣе полное удовлетвореніе его дѣятельностію дома, овладѣвъ его душою и мыслію, сдѣлавшись его товарищемъ, необходимымъ ему человѣкомъ во всѣхъ его умственныхъ понятіяхъ, другимъ я, alter ego всѣхъ его думъ, начинаній, мечтаній, заставивъ его какъ бы забыть о существованіи остальнаго міра, за исключеніемъ немногихъ необходимыхъ сношеній и отношеній, на сторожѣ которыхъ быть уже не трудно.

И вотъ мы видимъ, что Ольга Ивановна проводитъ время за чтеніемъ любимыхъ Щаповымъ книгъ или, какъ онъ выражается, «лучшихъ серьёзнѣйшихъ или болѣе основательныхъ и удобопонятныхъ сочиненій по части естествознанія и по части антропологическихъ и соціальныхъ наукъ». «Всякія при этомъ чтеніи живыя впечатлѣнія новыхъ идей, возбуждавшія въ ней рядъ новыхъ мыслей, выводовъ, убѣжденій и чувствъ, она съ особенно сладостнѣйшимъ умственнымъ и нравственнымъ довольствомъ, наслажденіемъ и восхищеніемъ» сообщаетъ ему, Щапову. Къ нему точно также «она обращается съ разными вопросами, недоумѣніями, сомнѣніями». Далѣе: «читая—говоритъ Щаповъ—сочиненія великихъ европейскихъ мыслителей или біографіи великихъ соціальныхъ пропагандистовъ и дѣятелей и т. п., она въ высшей степени симпатично, съ истинною любовью и искреннѣйшею благожелательностію обращалась ко мнѣ и въ высшей степени нравственно-дѣйствено указывала мнѣ на то, ка̀къ та или другая

идея противорѣчила какой нибудь моей идеѣ, или основательно опровергала мой выводъ, мое мнѣніе, была болѣе глубока, научно раціональна и основательно убѣдительна, или какъ то или другое дѣйствіе какого-нибудь замѣчательнаго общественнаго дѣятеля должно было быть поучительно для меня или должно было возбудить во мнѣ живое и глубоко-нравственное сознаніе необходимости и обязанности исправить свой образъ дѣйствій въ томъ или другомъ отношеніи». При чтеніи газетъ и журналовъ, начинаются сношенія въ другомъ родѣ. Читая газету или журналъ, Ольга Ивановна обращается то и дѣло къ мужу съ предложеніемъ: «не нуженъ ли тебѣ вотъ этотъ фактъ, не нужны ли тебѣ вотъ эти свѣдѣнія?» или: «прочитай вотъ это или вотъ то-то: тебѣ вѣрно это нужно въ твоей работѣ». «Имѣя больше меня времени, продолжаетъ Щаповъ:—читать кучи старыхъ газетъ за полмѣсяца и болѣе, она постоянно указывала мнѣ на все замѣчательное въ нихъ и всегда удивительно согласно съ общимъ характеромъ моего міросозерцанія и моихъ убѣжденій или внутреннихъ потребностей». «Послушай—говорила она обыкновенно мнѣ, когда я сидѣлъ за своей литературной работой:—послушай, я прочитаю тебѣ вотъ новый фактъ о рабочихъ артеляхъ, тебѣ, я знаю, это нужно; послушай, если можешь теперь послушать, я прочитаю тебѣ извѣстіе о сестрорѣцкой артели», или: «вотъ новый фактъ о Мадзини» и т. д. Такъ проходило чтеніе. А чтеніе, по словамъ Щапова, составляло высшее утѣшеніе его жены. «При нашей—говоритъ онъ:—несложности скуднаго домашняго хозяйства, она имѣла полную возможность просиживать цѣлые дни за чтеніемъ. Въ послѣдніе годы жизни, когда начались и все болѣе осложнялись, усиливались ея разныя болѣзненныя страданія и когда она не могла уже заниматься ни въ мѣстной гимназіи, ни частными уроками, она, можно сказать, только и жила и дышала однимъ чтеніемъ серьёзныхъ книгъ, лучшихъ журналовъ и внимательнымъ обзоромъ лучшихъ газетъ. Это занятіе ея только и прерывалось, по временамъ, нашими взаимными бесѣдами о литературныхъ и общественныхъ дѣлахъ, да изрѣдка какимъ нибудь моимъ чтеніемъ изъ своихъ литературныхъ работъ». Такъ проводили время Щаповы вдвоемъ.

Посмотримъ теперь, съ какимъ характеромъ является Ольга Ивановна, когда являются гости и вообще сторонніе люди. «Все, бывало, пишетъ Щаповъ:—она больше молчитъ, слушаетъ бесѣды или разсужденія и споры приходившихъ къ намъ знакомыхъ и, въ общей сложности припоминаемыхъ бесѣдъ, рѣдко или не очень часто возразитъ, выскажетъ свое мнѣніе или убѣжденіе, но за то возразитъ всегда кстати, поразительно метко, обдуманно, разумно и полновѣсно». Но какъ только являлся человѣкъ не подходящій или начинались проводиться воззрѣнія несимпатичныя Ольгѣ Ивановнѣ, она сейчасъ преображалась и отъ спокойнаго состоянія переходила къ самому рѣзкому нападенію. «Чуть высказывалась, пишетъ Щаповъ:—въ какомъ-нибудь человѣкѣ, льнув-

шемъ къ намъ, хоть самая малѣйшая фальшивая струнка въ понятіяхъ, чувствахъ и особенно въ соціально-нравственныхъ убѣжденіяхъ и чувствахъ, она сейчасъ высказывала мнѣ свою антипатію къ этому человѣку, нерѣдко прямо обнаруживала ее передъ нимъ самимъ, рѣшительно отварачиваясь отъ него. Былъ ли знакомый, или совершенно незнакомый, чужой человѣкъ, но если онъ хоть на малѣйшую, на тончайшую нитку фальшивилъ въ тонѣ соціально-нравственныхъ чувствъ и убѣжденій, а особенно если онъ, по своимъ искреннимъ либерально-консервативнымъ убѣжденіямъ или по одностороннему и фальшивому направленію своей соціальной симпатіи, оправдывалъ и даже возвеличивалъ какія нибудь мнѣнія и дѣйствія тѣхъ или другихъ личностей, которыя, не смотря на ихъ кажущуюся или даже дѣйствительную (но ошибочную) благонамѣренность, не выдерживали, однакожъ, строгой соціально-нравственной критики и провѣрки на безпристрастныхъ вѣсахъ истинной справедливости, честности и гуманности, то въ такихъ случаяхъ Ольга Ивановна всегда высказывалась прямо, безъ всякихъ обиняковъ. Съ благороднѣйшей энергіей, съ обычной искоркой огня на ея глазахъ, возражала она въ такихъ случаяхъ часто рѣзко, но всегда глубоко-обдуманно, метко, основательно, твердо-убѣжденно и сильно-убѣдительно». Не приводя другихъ подобныхъ примѣровъ, я остановлюсь еще на самомъ Щаповѣ. Если и въ его словахъ слышалась иногда фальшивая нота, Ольга Ивановна и ему не спускала. «Если я—говоритъ Щаповъ—высказывалъ когда либо въ бесѣдѣ съ знакомыми ошибочныя мысли и сужденія, то она всегда безпристрастно, рѣзко и основательно возражала противъ моихъ ошибокъ. «Ты, говорила она мнѣ также не разъ и прямо, откровенно:—ты способенъ, умственно развитъ, но нравственно не совсѣмъ: въ тебѣ не мало еще слѣдовъ ангинщины (Анга—деревня за Леной, гдѣ я родился и выросъ) и бурсы, ты не воспитанъ былъ, а природа тебѣ дала дарованія». И это — вѣрно. Но, съ другой стороны — прибавляетъ къ этому Щаповъ—не могу умолчать и о другомъ ея сужденіи обо мнѣ: въ глубинѣ своего сердца, она въ высшей степени симпатично, искренно и высоко цѣнила во мнѣ и не однѣ умственныя способности, но еще болѣе мою, такъ сказать, кровную искренность, энтузіастичность и непоколебимую твердость антрополого-соціологическихъ убѣжденій и проч. и часто говорила мнѣ: «я только не говорю тебѣ этого: ты, пожалуй, зазнаешься».

Изъ этой краткой характеристики видно, что Ольга Ивановна была женщина съ огонькомъ, но огонекъ этотъ дѣйствовалъ, впрочемъ, въ полной гармоніи съ симпатіями и стремленіями Щапова. Отъ нея, какъ отъ хозяйки дома, какъ и вездѣ, зависѣли всѣ прочныя знакомства въ домѣ Щапова; но Ольга была очень строга въ выборѣ знакомства: «Для меня и для себя она желала заводить и поддерживать знакомство и сообщество только съ людьми болѣе или менѣе истинно-развитыми, честными,

справедливыми, гуманными и естественно-простосердечными, негордыми, нестѣснявшими насъ и съ нашей стороны нестѣснявшимися никакими ложными подсказываніями самолюбія, скрытности и фальшивой этикетности. Чуть вѣяло отъ человѣка отрадной, живительной теплотой непритворныхъ, искреннихъ, честныхъ, гуманныхъ и справедливыхъ чувствъ, убѣжденій и стремленій — она сейчасъ проницательно отгадывала и справедливо оцѣнивала этого человѣка, чувствовала къ нему искреннюю симпатію, съ живымъ, радостнымъ, сердечно-прямодушнымъ сочувствіемъ и радушіемъ принимала его», не взирая на то или другое его общественное положеніе. «Въ одно время», говоритъ Щаповъ:—единственный ихъ знакомый былъ «несправедливо выключенный изъ семинаріи бурсакъ, невзрачный, неуклюжій, оборванный, но умный, способный, серьёзномыслящій, съ жаждой и толкомъ читающій истинно-развивающія книги единственно для саморазвитія и подготовки къ полезной посильной дѣятельности для блага народнаго, честный въ своихъ убѣжденіяхъ и поступкахъ, просто, естественно, искренно, безъ всякихъ обиняковъ высказывающійся въ своихъ словахъ и дѣлахъ... Если этотъ бурсакъ долго не приходилъ къ намъ и съ горя погибалъ въ пьянствѣ, то она всегда посылала меня разыскать его, привести къ намъ, и сама употребляла все свое нравственное вліяніе, чтобы поддержать его, спасти отъ погибели и направить въ университетъ. Въ Иркутскѣ, надо сказать, у насъ только въ послѣдніе четыре года (до смерти Ольги Ивановны) и начались кое-какія, болѣе или менѣе симпатичныя для насъ обоихъ знакомства. Именно въ это время Ольга Ивановна только и цѣнила знакомство съ такими, наиболѣе развитыми, честными и соціально-симпатичными людьми, бо̀льшею частію, впрочемъ, чрезвычайно рѣдко и временно появлявшимися въ Иркутскѣ, каковы были Г. А. Л., кандидатъ петербургскаго университета, А. П. Гурлади, бывшій учитель иркутской классической гимназіи, жена его В. Д. Г., полковникъ В. А. Бѣльцевъ съ женой (теперь покойной), полякъ Даукша. Въ самое же послѣднее время, когда почти всѣхъ этихъ знакомыхъ въ Иркутскѣ не стало, Ольга Ивановна только и дорожила единственнымъ ближайшимъ нашимъ знакомствомъ съ жившимъ въ Иркутскѣ и занимавшимся учительствомъ студентомъ Г. Х. Фризе и его умной, честной и добросердечной женой Александрой Васильевной»... [1] Въ заключеніе, относительно знакомствъ Щаповъ

[1] Желательно бы было, чтобы всѣ тѣ, имена которыхъ здѣсь упомянуты, записали, что̀ они помнятъ о Щаповыхъ за время знакомства съ ними, и прислали свои замѣтки, по адресу: *въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», съ свѣдѣніями о Щаповѣ.* О томъ же просимъ и всѣхъ знавшихъ Щапова въ Казани и Иркутскѣ. А редакцію газеты «Сибирь», сверхъ того, просимъ напечатать на своихъ страницахъ подробный формуляръ Щапова, а также собрать документальныя свѣдѣнія о его близкихъ взрослыхъ и малолѣтнихъ

говоритъ: «вообще, умственное и нравственное чутье Ольги Ивановны, ея проницательность и строгая, но безошибочная и справедливѣйшая разборчивость въ выборѣ знакомыхъ и въ соціально-нравственномъ, соціально-психологическомъ діагнозѣ людей были, можно сказать, поразительны. Она, думалось мнѣ часто: — какъ будто нарочно создана была природой и призвана къ подбору людей для соціально-кооперативныхъ ассоціацій».

Я опять здѣсь долженъ повторить то же, что̀ сказалъ и выше. Можетъ быть, въ словахъ Щапова много преувеличеній, можетъ быть, Ольга Ивановна вовсе и не была создана природой и не призвана къ подбору людей для соціально-кооперативныхъ ассоціацій, какъ это казалось Щапову, но для насъ и здѣсь важенъ личный взглядъ его на эту способность Ольги Ивановны—взглядъ, на основаніи котораго она пользовалась ею въ своемъ домѣ; затѣмъ для насъ важны приводимые Щаповымъ факты, изъ которыхъ видно, что строгому подбору Ольги Ивановны подвергались нетолько люди, входившіе въ домъ Щапова, но даже и ихъ рѣчи и мысли.

Такое же точно огромное вліяніе Ольга Ивановна имѣла въ жизни Щапова во всемъ, на что̀ бы мы ни обратили вниманіе, начиная отъ грандіозныхъ плановъ и мечтаній о созданіи разныхъ ассоціацій въ Иркутскѣ, въ родѣ огороднической и садовнической, и до послѣднихъ мелочей. Во всемъ инициатива принадлежала ей, вездѣ она двигала и направляла дѣло, насколько могла, и ко всякому начинанію и дѣлу Ольги Ивановны Щаповъ относился съ величайшимъ уваженіемъ и симпатіей. Несомнѣнно, что Ольга Ивановна была живой человѣкъ и энергическій и имѣла большое значеніе въ жизни Щапова. Мы не знаемъ, ка̀къ и чѣмъ она дѣйствовала во время борьбы съ его, какъ выражается Щаповъ, грубымъ порокомъ пьянства; но она вышла побѣдительницей изъ этой борьбы. Упоминаемый въ «Воспоминаніи» Щапова полковникъ В. А. Бѣльцевъ разсказывалъ мнѣ, что онъ жилъ въ Иркутскѣ въ 1870, 1871 и 1872 годахъ, за это время былъ близко знакомъ съ Щаповымъ и его женой и знаетъ Щапова, какъ человѣка. совершенно непьющаго ни водки, ни вина.

Изъ всего этого видно, что Щапова и въ Иркутскѣ нельзя было почитать человѣкомъ окончательно потеряннымъ. Напротивъ, можно думать, что, при болѣе обезпеченномъ матеріальномъ положеніи, при бо̀льшемъ участіи къ нему общества, при надеждѣ на возвращеніе въ Петербургъ, онъ могъ бы явиться оттуда обновленнымъ и съ болѣе зрѣлыми силами для литературы.

родныхъ, имѣющихъ право на его наслѣдство. По полученіи означенныхъ свѣдѣній, мы позаботимся о составленіи подробной біографіи Щапова и войдемъ въ сношеніе съ его наслѣдниками объ условіяхъ, на которыхъ можетъ быть предпринято изданіе сочиненій Щапова.

Но этого не случилось, и Щаповъ не вынесъ тройнаго гнёта: матеріальной нужды, общественнаго безучастія и безнадежности—и погибъ. Пока была жива его жена, она, какъ мы видѣли, умѣла ободрять и поддерживать Щапова, хотя и сама съ трудомъ выносила свой крестъ и день ото дня хирѣла. Она предчувствовала, что долго невыдержитъ, и за годъ или даже за два до смерти стала собираться ѣхать въ Петербургъ лечиться и съ тайною, вѣроятно, при этомъ цѣлію лично просить о возвращеніи Щапова. Но во все это время не могла собрать средствъ на такой дальный путь—и умерла. Со смертію Ольги Ивановны, для Щапова, въ томъ положеніи, въ которомъ онъ былъ поставленъ, кончилось все, что̀ его привязывало къ жизни и что̀ даже поддерживало въ немъ жизнь. Надобно удивляться, ка̀къ онъ протянулъ еще такъ долго...

Средства для существованія у Щаповыхъ въ Иркутскѣ были вообще очень скудны. Главнымъ источникомъ дохода служила также литература. Но писать для текущей литературы не только въ отдаленномъ Иркутскѣ, а и вообще въ провинціи, это—совсѣмъ не то, что̀ писать въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ всякій пишущій знаетъ: на что̀ есть запросъ на литературномъ рынкѣ въ ту или другую минуту? далѣе: какія вѣянія носятся здѣсь въ измѣнчивой атмосферѣ литературы? Слѣдовательно, болѣе или менѣе понимаетъ. о чемъ нужно говорить и ка̀къ говорить. Въ провинціи, особенно отдаленной, знать эти чисто-случайныя, то и дѣло измѣняющіяся условія литературы совершенно невозможно. Болѣе, казалось бы, удобно работать въ провинціи по предметамъ научнаго характера. Но для статей ученыхъ съ характеромъ, подходящимъ для текущей литературы, въ провинціи нѣтъ достаточнаго числа нужныхъ источниковъ и пособій. Все это ведетъ къ тому, что, если не бо̀льшая часть, то непременно половина статей публицистическаго и ученаго содержанія, посылаемыхъ изъ провинцій, не находитъ помѣщенія въ столичной прессѣ. Въ такое же точно положеніе относительно литературныхъ работъ долженъ былъ стать и Щаповъ съ переѣздомъ въ Иркутскъ, тѣмъ болѣе, что источники и пособія для работъ по его предмету здѣсь были скуднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Эта скудость источниковъ и пособій заставляла его, съ одной стороны дорожить тѣми предметами, по которымъ имѣлись въ рукахъ даже кой-какіе источники и пособія, и писать о нихъ огромные трактаты, даже цѣлыя книги, тогда какъ, при другомъ положеніи, онъ относительно этихъ самыхъ предметовъ ограничился бы, быть можетъ, изслѣдованіемъ въ пятеро меньше по объему, что̀ не помѣшало бы послѣднему быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гораздо болѣе содержательнымъ; съ другой стороны, таже скудость источниковъ и пособій невольно склоняла его къ переходу отъ изслѣдованія общихъ предметовъ къ частнымъ, мѣстнымъ, по которымъ у него былъ болѣе или менѣе достаточный матеріалъ въ виду. Между тѣмъ, и то, и другое совершенно не совпадало съ цѣ-

лями текущей прессы и вело къ тому, что изслѣдованія не находили помѣщенія ни въ одномъ изъ журналовъ. Журналъ имѣетъ свою программу довольно разнообразную, и онъ безъ ущерба для этой программы не можетъ помѣщать на своихъ страницахъ слишкомъ объемистые трактаты или цѣлыя книги. Какъ скоро статью надобно разбивать болѣе, чѣмъ на три и даже болѣе, чѣмъ на двѣ книги, она уже составляетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, бремя для журнала. Исключенія, конечно, допускаются по разнымъ уваженіямъ: но, вообще, этихъ исключеній журналъ всегда старается избѣгать. Точно то же должно сказать о частныхъ мѣстныхъ вопросахъ. Нельзя сказать, чтобы журналы совершенно устранялись отъ помѣщенія изслѣдованій по частнымъ мѣстнымъ вопросамъ, но они и неохотно принимаютъ ихъ даже при талантливомъ изложеніи предмета, исключая тѣхъ случаевъ, когда эти изслѣдованія имѣютъ тѣсную связь съ важнѣйшими общими вопросами и представляютъ для разрѣшенія послѣднихъ вѣскія данныя. Щаповъ въ Иркутскѣ писалъ очень немало, но труды его, по означеннымъ мною причинамъ, едва ли даже наполовину находили помѣщеніе въ журналахъ и съ каждымъ днемъ становились все слабѣе и слабѣе, какъ отъ скудости матеріаловъ, такъ и отъ спѣшности работы. Пока Ольга Ивановна могла оставаться учительницей въ гимназіи и давать частные уроки, общими силами они пріобрѣтали настолько, чтобы существовать безъ особенной нужды въ насущномъ хлѣбѣ. Но въ февралѣ 1872 года, Ольга Ивановна заболѣла и должна была отказаться отъ гимназіи и уроковъ; послѣ этого и работы Щапова все рѣже и рѣже стали находить помѣщенія въ журналахъ, и существованіе ихъ стало дѣлаться очень труднымъ. Въ одномъ мѣстѣ своего «Воспоминанія», Щаповъ, говоря о своихъ знакомствахъ въ Иркутскѣ, описываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свое матеріальное положеніе: «У насъ съ Оленькой, въ теченіи 10-ти лѣтъ, не было даже и непрерывнаго, постояннаго знакомства вполнѣ симпатичнаго. Все метеорами, спорадически, разновременно и на самое короткое время появлялись въ Иркутскѣ отрадные, лучшіе люди и болѣе или менѣе развитые, честные, теплосердечные, и то больше проявлялись въ послѣдніе четыре или пять лѣтъ нашего уединенія въ «Иркутскомъ острогѣ» (такъ называетъ Щаповъ Иркутскъ!), сближались съ нами, доставляли намъ отраду и оживленіе своимъ знакомствомъ, кто полгода, кто годъ, кто годъ съ двумя или тремя мѣсяцами—и опять исчезали, уѣзжали одинъ за другимъ. Только мы: Оленька и я, съ вѣчной тоской, скорбью и горемъ, безвыѣздно, безвыходно оставались чахнуть въ иркутскихъ безжизненныхъ жилищахъ, постоянно воздыхая и печалясь о томъ, кàкъ бы и чѣмъ бы въ срокъ заплатить за квартиру, кàкъ бы и чѣмъ бы купить мѣшокъ или пудикъ муки для успокоенія стряпки, кàкъ бы замѣнить новымъ до дыръ, а иногда и до износу заношенное, ветхое бѣлье, кàкъ бы избавиться поскорѣе отъ сокруши-

тельной, убійственной тяготы долговъ, печалясь и воздыхая обо всемъ этомъ изъ-за того, какъ бы хоть сколько-нибудь поспокойнѣе углубиться въ свои умственныя занятія, въ свое общество вдвоемъ, состоявшее изъ Оленьки моей и меня. О, горе двухъ душъ, горе удвоенное, ассоціированное! И ты, моя многострадальная, долготерпѣливая, его пережила!» Въ другомъ мѣстѣ «Воспоминанія», Щаповъ разсказываетъ, что, въ концѣ 1873 года, Ольга Ивановна, хотя и больная (она не оправлялась вполнѣ отъ болѣзни съ самаго начала ея, съ февраля 1872 года, и до конца жизни), захотѣла устроить такіе же читальные вечера въ своемъ кружкѣ, какіе, по ея же иниціативѣ, существовали, до начала ея болѣзни, впродолженіи почти двухъ лѣтъ; но эту мысль помѣшала ей привести въ исполненіе, между прочимъ, говоритъ Щаповъ: «наша экономическая несостоятельность издерживать лишнее количество чаю и сахару, завести лишнія чайныя чашки и стаканы, припасти достаточно свѣчей!» А надобно замѣтить, что эти литературные вечера состояли много изъ 6—8 человѣкъ. Вотъ до чего доходила нужда!

Но вскорѣ и такое существованіе сдѣлалось невозможнымъ. Щаповъ заболѣлъ. Болѣзнь его важна была не потому уже, что мѣшала ему работать, а потому, что некому было бѣгать по городу искать денегъ на ежедневное пропитаніе. Нужда, наконецъ, такъ заѣла Щаповыхъ, что имъ совсѣмъ нечѣмъ было пропитываться. Отъ Щапова получено было слезное письмо о немедленной помощи. Все, что говорилось въ письмѣ, въ извлеченіи было немедленно сообщено комитету литературнаго фонда, и онъ, надо отдать ему справедливость, немедленно разрѣшилъ отпускать ежегодно Щапову 300 рублей до тѣхъ поръ, пока онъ поправится. Кажется, немного? Несмотря на это, ревизіонная комиссія, обозрѣвавшая отчетность комитета, сочла нужнымъ сдѣлать ему мудрое замѣчаніе: зачѣмъ, дескать, комитетъ, не имѣвъ ничего въ виду, кромѣ какого-то неосновательнаго заявленія частнаго лица, не собравши надлежащихъ справокъ оффиціальнымъ путемъ о нуждахъ Щапова, легкомысленно поспѣшилъ отпустить такую громадную сумму—300 руб. въ годъ? Но комиссія напрасно горячилась: вышло все-таки такъ, что

Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала.

Щаповы повертѣлись, повертѣлись на 300 рублей и, оба больные, вѣроятно, никакъ не могли ухитриться существовать на такую сумму, а потому и поспѣшили отправиться туда, гдѣ нѣтъ ни нищихъ литераторовъ, ни попечительныхъ о нихъ комитетовъ, и гдѣ, поэтому, нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе.

ВЪ ПЕРЕМЕЖКУ.

(Фантазія, дѣйствительность, воспоминанія, предсказанія).

III.

Мимо, мимо всѣ мои безобразія... Ка̀къ я, достигнувъ совершеннолѣтія, вытребовалъ у дяденьки-генерала свои пять тысячъ, эту—что̀ одно время было для меня вполнѣ ясно — цѣну крови Якова и Ѳедьки; ка̀къ я эту цѣну крови меньше, чѣмъ въ годъ, разбросалъ безпутно, неумѣло, даже почти безъ удовольствія для себя... Все это—мимо. Не потому, чтобы я хотѣлъ скрывать что-нибудь, а просто потому, что все это было слишкомъ ужь какъ-то ординарно и развѣ только вотъ въ какомъ смыслѣ оригинально: все это время, какъ я проматывалъ деньги, какихъ у меня съ тѣхъ поръ въ рукахъ не бывало, да и не будетъ, я жилъ въ той же душной и темной кануркѣ на Васильевскомъ Островѣ и образа жизни собственно не мѣнялъ. Ка̀къ это я ухитрился—ужь не знаю...

Разъ я сидѣлъ и пересчитывалъ остатки своего богатства. Насчиталъ, какъ теперь помню, четыреста тридцать три рубля бумажками, да шесть штукъ золотыхъ. Въ первый разъ, кажется, я призадумался надъ необыкновенно быстрымъ исчезновеніемъ денегъ. (Помѣщеніе ихъ въ какое-нибудь финансовое учрежденіе даже ни разу не приходило мнѣ въ голову). Опредѣленныхъ, впрочемъ, какихъ-нибудь соображеній о ближайшемъ будущемъ все-таки не было, а такъ—просто раздумье нашло. Дѣло вечеромъ было. Я сидѣлъ у стола, на которомъ горѣла лампа. Вдругъ слышу въ коридорѣ какой-то старчески пискливый голосъ: «Григорій Александровичъ господинъ Темкинъ здѣсь квартируетъ?» А черезъ нѣсколько секундъ вошелъ и обладатель пискливаго голоса. Съ разу я его не разглядѣлъ. Увидѣлъ только какую-то странную, длинную хламиду въ родѣ шинели, да бурую цилиндрическую шляпу, которую гость держалъ въ рукѣ. Онъ робко, застѣнчиво повторилъ свой вопросъ: здѣсь-ли «квартируетъ Григорій Александровичъ господинъ Темкинъ». И тутъ я его призналъ: это былъ дяденька-нѣмецъ. Онъ сильно похудѣлъ, но вовсе почти не постарѣлъ, да и мудрено ужь ему,

впрочемъ, было старѣть. Обрадовался я ему очень, но онъ былъ почему-то смущенъ и, назвавъ меня сначала Гришей, тотчасъ поправился и сталъ величать по отчеству. Когда мы поздоровались, дяденька сбросилъ хламиду и очутился въ сильно потертомъ, но очевидно тщательно вычищенномъ сюртукѣ съ длиннѣйшею таліей. Сѣвъ на стулъ, онъ оглядѣлъ компату и, наткнувшись взглядомъ на лежавшіе на столѣ остатки моего богатства, вдругъ опустилъ глаза, какъ-то безпомощно положилъ обѣ руки на колѣна и прерывающимся голосомъ произнесъ свою поговорку: «Тутъ вотъ теперича всегда вотъ такъ!» Попугаи такъ иногда произносятъ заученую фразу—грустно и не кстати. Я видѣлъ, ка̀къ слезы закапали на бѣлоснѣжную манишку дяденьки. Пошли тары да бары, разспросы да разсказы. Оказалось, что дяденька-нѣмецъ прожилъ все время со смерти отца («моего великодушнаго и благороднаго покровителя», выразился дяденька) въ Митавѣ, очень бѣдствовалъ, тѣмъ болѣе, что не могъ отстать отъ своей страсти къ археологическому хламу, и теперь пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью открыть магазинъ древностей и рѣдкостей.

— Мнѣ совѣтовали продать мои коллекціи, говорилъ дяденька-нѣмецъ, и покупщики были; но вы понимаете, Григорій Александровичъ, что мнѣ это очень трудно... продать... Столько лѣтъ собиралъ и теперича тутъ вотъ всегда...

— Да вѣдь послушайте, дяденька, вѣдь, если магазинъ откроете, такъ все равно продавать будете.

— Да и покупать...

— Ну, да̀, продавать и покупать?

— Да̀, да̀, и покупать...

Такъ я и отсталъ. Ясно было, что дяденька упорно хотѣлъ видѣть только одну сторону задуманнаго предпріятія: покупку археологическаго хлама и, слѣдовательно, расширеніе своей коллекціи, а отъ продажи всячески отворачивался. Дѣлалъ онъ это до трогательности наивно, что̀ часто бываетъ съ мономанами. Съ такою же наивностью дяденька объяснилъ мнѣ, что разсчитываетъ на мою помощь, ибо видитъ во мнѣ сына своего великодушнаго и благороднаго покровителя. «Мнѣ только на первое обзаведеніе, говорилъ онъ:—я скоро поправлюсь и возвращу... еслибы можно было рублей триста... немножко у меня самого есть. Извините меня, Григорій Александровичъ, но въ память Александра Петровича, вотъ тутъ теперича всегда такъ...» Я немедленно и съ полнѣйшею готовностью удовлетворилъ желаніе этого стараго ребенка, который, очевидно, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ моихъ денежныхъ дѣлахъ и о моемъ положеніи вообще. Дяденька тотчасъ же сталъ веселъ, разговорчивъ, особенно, когда на столѣ зашипѣлъ и забурлилъ на разные лады пузатый хозяйскій самоваръ—дяденька всегда очень любилъ чай. Онъ оказался до такой степени переполненнымъ своимъ проектомъ, что ни о чемъ, кромѣ него и связанныхъ съ

нимъ вещей, говорить не могъ. Онъ ужаснулся моей ссорѣ съ дяденькой-генераломъ, котораго объявилъ тоже «великодушнымъ и благороднымъ», но, къ большому моему удовольствію, о подробностяхъ и причинахъ распри даже не спросилъ. Зато съ величайшимъ одушевленіемъ сообщилъ, что уже высмотрѣлъ на Гороховой подходящій для него магазинъ. Съ еще бо̀льшимъ одушевленіемъ разсказалъ о знакомствѣ, которое онъ успѣлъ свести въ Петербургѣ. Знакомый былъ сосѣдъ дяденьки по меблированнымъ комнатамъ гдѣ-то на Лиговкѣ. Онъ служилъ нѣсколько времени въ бибиковской ревизіонной комиссіи, учрежденной въ прошлое царствованіе для повѣрки дворянскихъ правъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, и привлекъ къ себѣ сердце дяденьки разсказами объ этой комиссіи. «65,000 фальшивыхъ дворянъ открыли! передавалъ дяденька, чрезвычайно волнуясь, поднимая голосъ до высочайшаго фальцета и обдавая меня брызгами слюней.—65,000! И какой государственный мужъ былъ генералъ Бибиковъ! Онъ сказалъ кіевскимъ помѣщикамъ: отнынѣ, говоритъ, каждый изъ насъ будетъ навѣрное всегда тутъ вотъ теперича знать, что подаетъ руку благородному дворянину!»—Бѣдный, самоотверженный дяденька-нѣмецъ! Онъ такъ искренно радовался тому, что ему не подастъ руки чистокровный благородный человѣкъ...

Скоро на Гороховой объявился новый магазинъ съ вывѣской: «К. К. Фишеръ. Покупка и продажа древностей и рѣдкостей. An-und Verkauf von Antiken».—Дяденька отпраздновалъ новоселье, на которомъ, впрочемъ, кромѣ хозяина, присутствовали только я и старичокъ, служившій въ бибиковской комиссіи—старичокъ, ничѣмъ рѣшительно незамѣчательный. Дяденька угощалъ насъ чаемъ, бутербродами съ кнакъ-вурстомъ и какимъ-то совершенно невѣроятнымъ шипучимъ напиткомъ, съ этикетомъ на бутылкѣ: «Non pareil». Дяденька утверждалъ, впрочемъ, что это—шампанское. Онъ былъ счастливъ, какъ ребенокъ, которому подарили очень занятную игрушку. Еслибы я не видѣлъ своими глазами, я никогда не повѣрилъ бы, что человѣческое лицо можетъ вмѣстить столько блаженнаго умиленія, сколько его сосредоточилось въ физіономіи дяденьки-нѣмца, когда онъ расхаживалъ по своимъ новымъ владѣніямъ и безъ нужды отпиралъ и запиралъ витрины, заключавшія его сокровища. Онъ не ходилъ, а какъ бы танцовалъ какой-то торжественно-побѣдительный танецъ, высоко взбрасывая вывернутыми въ стороны ногами. Онъ не говорилъ, а, такъ сказать, вѣщалъ исторію каждой своей хламинки, если можно сдѣлать такое существительное. Бесѣдовали мы въ задней комнатѣ магазина, которую дяденька называлъ кладовою и гдѣ совмѣщалась, кромѣ хлама, спальня и столовая. Не успѣли мы еще выпить бутылку Non pareil и дослушать разсказъ дяденьки о голенищѣ Святополка Окаяннаго или о чемъ-то въ этомъ родѣ, какъ въ передней комнатѣ, въ «магазинѣ» послышался звонокъ. «Покупатель! практика!» пере-

шепнулись мы съ нѣкоторымъ даже волненіемъ. Дяденька торопливо обдернулъ сюртучекъ, пригладилъ височки и вышелъ въ магазинъ. Мы съ бибиковскимъ старичкомъ съ любопытствомъ смотрѣли въ полуотворенную дверь: что̀ будетъ? Вошла не старая, но очень худая и болѣзненная дама въ траурѣ, а слѣдомъ за ней какой-то малый изъ породы петербургскихъ младшихъ дворниковъ внесъ довольно большую корзинку, въ какихъ бѣлье носятъ. Малый поставилъ корзину на прилавокъ, снялъ шапку и встряхнулъ волосами. Дама торопливо зарылась въ карманѣ. Дяденька спросилъ, что̀ ей угодно. «Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчала она, вы, вѣдь, торгуете рѣдкостями?.. Я сейчасъ...» Она еще больше заторопилась, вытащила изъ кармана нѣсколько мѣдюковъ, разроняла ихъ по полу, покраснѣла, стала собирать... Наконецъ, мѣдюки были вручены малому и онъ ушелъ.

— Вотъ, я хочу продать—не купите ли? заговорила дама, неумѣло развязывая корзину и вынимая изъ нея различные, завернутые въ бумагу и переложенные соломой предметы. На прилавкѣ появились штука за штукой пять или шесть стклянокъ съ заспиртованными зародышами человѣка и какихъ-то животныхъ, маленькій мѣдный сосудъ странной и не русской формы, коробочка со старыми монетами, безобразная китайская фигура изъ зеленаго камня, большой мѣдный осьмиконечный крестъ съ финифтью и, наконецъ, еще какой-то большой предметъ, который я сначала не могъ разглядѣть, но который привлекъ къ себѣ все вниманіе дяденьки: какой-то неровный широкій металлическій обручъ. Дяденька отобралъ въ сторону этотъ обручъ, нѣсколько монетъ, мѣдный сосудъ и спросилъ, что̀ это все будетъ сто̀ить. «А этого мнѣ вотъ тутъ не надо», прибавилъ онъ, презрительно отодвигая рукой стклянки съ зародышами и прочее. —«Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, тоскливо заговорила дама:—пожалуйста, все вмѣстѣ... куда-жь я дѣну? Я вамъ еще хотѣла принести, у меня мужъ собиралъ, да я не знаю... Вѣдь, вы все равно продадите». Дяденька подумалъ и согласился. Сторговались они очень быстро на восемнадцати рубляхъ, и кромѣ того, дяденька записалъ адресъ дамы, чтобы посмотрѣть у нея на дому остатки коллекціи ея мужа. Дяденька съ сіяющимъ лицомъ поднесъ намъ вещь, показавшуюся мнѣ издали желѣзнымъ обручемъ: это былъ обломокъ шлема.

— Двѣнадцатаго вѣка, какъ дважды два, пищалъ онъ на самый побѣдоносный манеръ:—а можетъ быть, и одиннадцатаго... варяжскій... видите, крылатые звѣри вычеканены... видите дырья: это—мѣста для глазъ въ забралѣ... Эхъ!.. вотъ кабы тутъ еще кусочекъ не обломался... Можетъ быть, кто-нибудь изъ вашихъ предковъ тутъ вотъ теперича всегда носилъ, Григорій Александровичъ... Ну-ка, я примѣрю...

И съ видомъ человѣка, вѣнчающаго кого-нибудь лаврами за услуги отечеству, дяденька-нѣмецъ сталъ мнѣ надѣвать на го-

лову обломокъ шишака. Но голова моя вся ушла въ этотъ желѣзный обручъ, такъ что онъ очутился на плечахъ.

— Хе-хе-хе, весело залился дяденька:—головы тогда больше были... теперь умнѣе, поспѣшилъ онъ меня успокоить:—всегда вотъ тутъ умнѣе и образованнѣе... Ну, а тогда... хе-хе-хе... тогда больше, богатыри вотъ тутъ были...

— Тяжела ты шапка Мономаха! вставилъ неизвѣстно въ какомъ смыслѣ бибиковскій старичокъ и тоже весело разсмѣялся раскатистымъ старческимъ смѣхомъ.

— А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Мономаха? блеснула у дяденьки веселая идея, которую онъ, однако, развить не успѣлъ, потому что въ магазинѣ опять раздался звонокъ. Дяденька пошелъ, какъ былъ, съ знаменитымъ варяжскимъ шлемомъ въ рукѣ. Мы съ бибиковскимъ старичкомъ опять припали къ полуотворенной двери. И представьте себѣ мое удивленіе, когда я узналъ въ посѣтителѣ Башкина. Онъ былъ такъ же красивъ, какъ и прежде, и та же лѣнивая, насмѣшливая полуулыбка бѣгала подъ его неширокими черными усами. Я уже его давно не видалъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ окончательно пересталъ бывать у дяденьки-генерала. Я ему даже какъ будто обрадовался, но подойти почему-то и не думалъ. Башкинъ, съ обыкновенной своей вѣжливо, насмѣшливой манерой-поздравилъ дяденьку съ новосельемъ. И когда тотъ разинулъ ротъ отъ недоумѣнія, онъ пояснилъ, что знаетъ всѣ антикварскія лавки въ Петербургѣ и если, дескать, не зналъ дяденькина магазина, такъ, значитъ, онъ открылся недавно.

— Сегодня вотъ тутъ, отвѣчалъ дяденька, видимо смущенный изяществомъ наружности, манеръ и рѣчи посѣтителя.

— Ну вотъ; значитъ, я—какъ разъ на навоселье. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь изъ Помпеи?.. Помпейскихъ древностей? пояснилъ Башкинъ, видя дяденькино недоумѣніе. Надо сказать, что дяденька сунулся въ воду антикварской торговли, не спросясь броду: онъ зналъ толкъ только въ рыцарскихъ нѣмецкихъ и въ русскихъ древностяхъ, а о Помпеѣ, можетъ быть, и не слыхивалъ.

— Нѣтъ? продолжалъ Башкинъ.—Жаль. А фарфору стараго? Оказалось, что и фарфору нѣтъ. Башкинъ пообѣщалъ зайти въ другой разъ и попросилъ имѣть его въ виду, если дяденькѣ навернется что-нибудь подходящее. Передъ самымъ уходомъ, онъ спросилъ, что̀ такое держитъ дяденька въ рукахъ. Тотъ пустился съ увлеченіемъ объяснять многоразличныя достоинства варяжскаго шлема, что̀, повидимому, очень мало интересовало Башкина. По крайней мѣрѣ, онъ, кажется, просто для того, чтобы сказать что̀-нибудь и благовидно прекратить болтовню старика, перебилъ его вопросомъ: и что̀ же эта вещь можетъ стоить? Дяденьку этотъ вопросъ, очевидно, засталъ въ расплохъ, потому что онъ далеко еще не вошелъ въ роль торговца. Онъ расписывалъ достоинства варяжскаго шлема, какъ любитель, а совсѣмъ не какъ

купецъ, который желаетъ товаръ лицомъ показать. Поэтому онъ, даже какъ будто въ лицѣ перемѣнился, услышавъ вопросъ Башкина, и нѣсколько секундъ молчалъ. — Восемь... запнулся онъ наконецъ, и вдругъ рѣшительно и быстро добавилъ:—восемдесять пять рублей. При этомъ, онъ почти выдернулъ шлемъ изъ рукъ Башкина и ревниво прижалъ его къ своей бѣлоснѣжной манишкѣ. Башкинъ посмотрѣлъ на него съ насмѣшливымъ любопытствомъ, молча раскланялся и ушелъ.

Кнакъ-вурстъ былъ съѣденъ, Non pareil выпитъ, ставни магазина заперты, бибиковскій старичекъ зѣвалъ самымъ заразительнымъ образомъ, я тоже аппетитно потягивался, раздумывая, ка̀къ непріятно будетъ тащиться на Васильевскій Островъ, но зато ка̀къ сладко будетъ завалиться сегодня пораньше спать. Дяденька, правда, не уставалъ носиться въ эмпиреяхъ, но расходиться было, все-таки, пора. Разошлись. Не пришлось мнѣ, однако, въ эту ночь завалиться пораньше. Напротивъ, я ее совсѣмъ безъ сна провелъ...

— Гдѣ ты, полуночникъ, шляешься? сердито-ласково, какъ и всегда, встрѣтила меня патріархальная Василиса, одной рукой цѣломудренно придерживая рубашку, слѣзавшую съ ея плечъ, а въ другой держа пальмовую свѣчку въ мѣдномъ подсвѣчникѣ.— Право, полуночникъ. Иди скорѣе, тебя тамъ барышня сколько времени дожидается.

— Какая барышня?

— Извѣстно какая, настоящая; сестрица, говоритъ, твоя. Не тебѣ бы, полуночнику, этакую сестрицу...

Но я уже не слушалъ воркотни Василисы, въ нѣсколько прыжковъ очутился въ своей комнатѣ и, черезъ какія-нибудь двѣ секунды, обнималъ свою Соню. Да̀, меня ждала Соня...

Тутъ-то вотъ и начинается нѣчто, совершенно къ моимъ силамъ не подходящее. Ка̀къ я вамъ опишу Соню, когда это—сама красота? я разумѣю душевную красоту, хотя Соня и собой хороша была. Заставляя теперь проходить передъ собой исторію этой чудной дѣвушки, перебирая памятью безчисленное множество ея крупныхъ и мелкихъ эпизодовъ, я чувствую съ болѣзненною ясностью, что всѣ слова̀, какія я могъ бы написать для изображенія ея, либо пошлы, либо ходульны. Нѣтъ словъ... Конечно, еслибы я былъ большой художникъ, слова̀ нашлись бы, и я заставилъ бы васъ, какъ выражается Достоевскій, «молитвенно и колѣнопреклоненно» отнестись къ моей Сонѣ. Но я—нетолько не большой художникъ, а даже ни самомалѣйшей претензіи на художественность не имѣю и потому просто боюсь испортить дѣло своимъ грубымъ перомъ, боюсь, что не сумѣю сказать правды, а или какъ-нибудь урѣжу ее, или расцвѣчу аляповато. Ка̀къ могла уродиться такая красота среди, повидимому, совсѣмъ не подходящихъ условій—я не знаю. Готовъ бы былъ даже прямо назвать ее уродомъ, выродкомъ, еслибы не имѣлъ счастія встрѣчать въ жизни и другихъ людей, правда, очень немногихъ, въ

которыхъ находилъ то слабое, а то и очень сильное выраженіе той же самой красоты. Моя задача—изображеніе Сони—съ перваго же ея появленія передъ вами усложняется тѣмъ, что я засталъ ее у себя въ комнатѣ не одну. И этотъ другой, съ кѣмъ она сидѣла, дожидаясь меня, былъ, если хотите, тоже уродъ: онъ былъ геній...

Послѣ первыхъ объятій, прерываемыхъ совсѣмъ безсмысленными восклицаніями сквозь слезы радости, Соня показала мнѣ на какого-то молодаго человѣка, совершенно мнѣ незнакомаго. Онъ смущенно стоялъ у стола, опершись на него одной рукой, а другую заложилъ за спину. Неловкая, какая-то двойственная, не то сочувственная, не то горькая, не то конфузная улыбка некрасиво кривила его ротъ. Несмотря на то, что я въ эту минуту былъ меньше всего способенъ наблюдать, мнѣ показалось, что онъ не просто сконфуженъ, а больше, чѣмъ сконфуженъ. Я угадалъ, какъ потомъ оказалось.

— Вотъ, Гриша, я безъ тебя знакомство ужь свела. Вотъ... а ка̀къ же васъ зовутъ? весело обратилась Соня къ молодому человѣку. Контрастъ этого вопроса съ тономъ, предполагавшимъ какъ бы очень близкое знакомство, выходилъ очень забавенъ. Мы всѣ трое невольно расхохотались и затѣмъ взаимно отрекомендовались. Молодого человѣка звали Дмитрій Николаевичъ Бухарцовъ. Онъ только третьяго дня поселился въ сосѣдней со мной комнатѣ. Наканунѣ, утромъ, я слышалъ, какъ онъ посылалъ Василису въ лавочку.

— Вотъ вамъ пять копеекъ, Василиса, говорилъ мой, тогда еще незнакомый мнѣ сосѣдъ: — вотъ вамъ пять копеекъ; вы на три копейки купите сливокъ, а на остальное, понимаете? на все остальное, до послѣдней копейки, самыхъ сахарныхъ сухарей...

— На остальное! Много тутъ остальнаго. Сахарныхъ-то всего четыре штуки дадутъ, возражала Василиса, заливаясь смѣхомъ.

— Ахъ, Василиса, Василиса, продолжалъ дурачиться сосѣдъ:— такой вы чудесный экземпляръ человѣческой породы, а надъ бѣднымъ человѣкомъ смѣетесь: бѣдному человѣку четыре сухаря какъ разъ...

Такъ вотъ съ этимъ-то чудакомъ Соня и успѣла, дожидаясь меня, свести знакомство. А это странное, быть можетъ, для васъ обстоятельство (странное, впрочемъ, для того только, кто не живалъ и не бывалъ въ небогатыхъ петербургскихъ меблированныхъ комнатахъ лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ) налагаетъ на меня тяжелую обязанность представить вамъ съ разу двухъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый требуетъ пера поискуснѣе моего. Начну съ Бухарцова. Во-первыхъ, это много легче; во-вторыхъ, Бухарцовъ мелькнулъ передо мной, какъ метеоръ, какъ онъ, блестящій, какъ онъ, скоропреходящій, какъ онъ особенный, точно не имѣющій никакой связи съ другими явленіями природы. Въ самомъ дѣлѣ, Бухарцовъ стоитъ совсѣмъ особнякомъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Встрѣчу съ нимъ я могу выдѣлить, какъ закон-

ченный эпизодъ, законченный — смертью, значитъ, невозвратно, безнадежно законченный...

Представьте себѣ молодого человѣка, лѣтъ двадцати четырехъ-пяти, средняго роста, очень худого, чуть-чуть сутулаго, съ узкими и низенькими плечами, съ волосами сѣро-пепельнаго цвѣта, жидкими и мягкими, такого же цвѣта маленькими усами и едва пробивающейся бороденкой, длиннымъ носомъ и неопредѣленнымъ цвѣтомъ лица. Черты, какъ видите, все очень незамѣчательныя. Вы такихъ людей сотни, конечно, видали. Но можетъ быть, вы не видали такихъ глазъ и такой верхней губы, какъ у Бухарцова. Глаза у него были голубые и поражали повременамъ необыкновенною живостью и блескомъ, а повременамъ такою упорною сосредоточенностью, что она казалась почти тупостью. Верхняя губа тоже была характерная: средній выгибъ ея выдавался треугольникомъ, который крѣпко, точно замкомъ запиралъ, ложился на нижнюю губу. Простите эти мелочи. Это я себя тѣшу, очень хорошо понимая, что не даю вамъ ни малѣйшаго понятія о физіономіи Бухарцова. Кто его зналъ, впрочемъ, тотъ вѣрно вспомнитъ. Одѣвался онъ ни на что̀ не похоже. Все время, что̀ я его зналъ, онъ лѣто и зиму носилъ одну и туже трепаную и засаленую шотландскую шапочку безъ подкладки и клѣтчатый, черный съ зеленымъ, пледъ. Узенькій, черный галстухъ вѣчно совершалъ кругошейное путешествіе, такъ что бантъ торчалъ то на правой сторонѣ, то на лѣвой, а то и на затылкѣ. Откуда онъ бралъ платье — Богъ его знаетъ, но только оно всегда сидѣло на немъ мѣшкомъ, чѣмъ онъ ни мало не смущался. Помню, разъ онъ получилъ уроки въ какомъ-то аристократическомъ домѣ, которыми онъ, по разнымъ стороннимъ соображеніямъ, дорожилъ. Представляться надо было во фракѣ. Онъ досталъ фракъ у какого-то знакомаго гораздо выше и шире его. Но Бухарцовъ совершенно искренно вѣрилъ, что онъ вполнѣ элегантенъ въ своихъ обыкновенныхъ, какихъ-то муруго-пѣгихъ панталонахъ и въ этомъ чужомъ фракѣ, который сидѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Мимоходомъ сказать, уроковъ этихъ онъ далъ всего, кажется, два — не поладилъ.

Прошлое Бухарцова мнѣ мало извѣстно. Знаю, что онъ воспитывался въ одномъ изъ самыхъ привиллегированныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, кончилъ тамъ курсъ, но науки тамошней не взлюбилъ и уѣхалъ тотчасъ же по выходѣ за границу, гдѣ три или четыре года занимался естественными науками. Вернулся онъ въ Россію ученымъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Вы, пожалуй, этому не повѣрите; но дѣло въ томъ, что способностей онъ былъ, по истинѣ, громадныхъ. Никогда не встрѣчалъ я такой силы анализа, такой способности къ обобщенію, такого быстраго усвоенія фактическаго матеріала, такой неустанной, почти лихорадочной работы мысли. Пишу вполнѣ трезво и сознательно: Бухарцовъ былъ геніальный умъ. Что̀ же ка-

сается до его учености, то тутъ я—плохой, конечно, судья, но зато имѣю факты. Бухарцовъ самостоятельно работалъ на берегу Средиземнаго Моря надъ мелкими морскими животными. Этого рода изслѣдованія, какъ извѣстно, въ послѣднее время сильно подвинули науку впередъ и прославили нѣсколько именъ. Въ числѣ ихъ Бухарцовъ занималъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ, еслибы смерть не подкосила его такъ безжалостно рано. Онъ вывезъ множество наблюденій и весь этотъ матеріалъ предполагалъ обработать въ Россіи по готовому уже, совершенно опредѣленному плану. Но напечатать онъ успѣлъ только одну свою, и то небольшую работу. Вы можете ее найти въ бюллетеняхъ петербургской академіи наукъ. У меня до сихъ поръ хранится подаренный мнѣ Бухарцовымъ оттискъ этой статьи на нѣмецкомъ языкѣ (бюллетени нашей академіи по русски не издаются) съ собственноручной его поправкой. Въ началѣ статьи говорится, что авторъ успѣлъ обработать только часть своего матеріала wegen Zeit-und *Geld*-Mangel, то-есть, по недостатку времени и *денегъ*. Академія вычеркнула недостатокъ денегъ, ибо русскому ученому этимъ страдать не полагается... Не могу судить, какое именно значеніе имѣетъ для науки эта единственная напечатанная ученая работа Бухарцова, но знаю, что на нее довольно часто ссылаются очень высокіе европейскіе авторитеты. Еще недавно прочелъ я въ книгѣ одного такого авторитета слѣдующее: «Изслѣдованіями Фрица Мюллера, Бухарцова и Геккеля обнаружено» и т. д. Но эта работа составляла какую-нибудь сотую, и того меньше, долю того, что̀ хотѣлъ и имѣлъ сказать по своей спеціальности Бухарцовъ. По безобразной волѣ судьбы, онъ умеръ при такихъ странныхъ и до сихъ поръ не вполнѣ для меня ясныхъ условіяхъ, что вмѣстѣ съ нимъ погибли и заготовленные имъ матеріалы, и вещи, болѣе или менѣе обработанныя...

Какой свѣтильникъ разума погасъ
Какое сердце биться перестало!

Да̀, и сердце перестало биться великое. Свойственной спеціалистамъ черствости и узкости въ Бухарцовѣ не было и слѣда. Совсѣмъ напротивъ. Помню, былъ въ университетѣ диспутъ по предмету, близко Бухарцову знакомому. Послѣ оффиціальныхъ оппонентовъ выступилъ и онъ. Съ магистрантомъ онъ былъ знакомъ, даже, кажется, гдѣ-то за границей они вмѣстѣ работали. Онъ началъ такъ: «Ну-съ, г. N, теперь позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ. У насъ совсѣмъ другой разговоръ пойдетъ, потому что мы съ вами, по крайней мѣрѣ, литературу своего предмета знаемъ». Оффиціальные оппоненты, кто переглянулся, кто презрительно усмѣхнулся, выслушавъ эту дерзость безбородаго юноши. А Бухарцовъ, сдѣлавъ два три спеціальныя замѣчанія, объявилъ, что не объ этихъ частныхъ ошибкахъ и упущеніяхъ диссертаціи, равно какъ и не о несомнѣнныхъ достоинствахъ ея, намѣренъ онъ говорить. «Науки, продолжалъ онъ:—въ Россіи еще не было и нѣтъ въ настоящее вре-

мя. Съ извѣстной точки зрѣнія, бѣда эта еще не большая, такъ какъ вопросъ не въ томъ: есть ли въ странѣ каста ученыхъ, подобострастно преклоняющихся предъ общественнымъ мнѣніемъ и запродающихъ выводы свои за опредѣленную степень благосостоянія, спокойствія и за право безнаказанно знать и понимать многое, нисколько не обязываясь въ тоже время проводить свои убѣжденія въ жизнь? но—существуютъ ли ученые въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. общественные дѣятели, почерпающіе изъ предмета своихъ занятій какіе-нибудь практическіе выводы, отдающіе свою жизнь наукѣ не изъ видовъ личнаго обезпеченія, но занимающіеся ею только потому, что признаютъ въ ней двигательную силу къ достиженію человѣческаго идеала—разрѣшенію общественныхъ вопросовъ?». И т. д., и т. д. Бухарцовъ былъ человѣкъ веселый, любилъ шутить, болтать всякій вздоръ, но въ серьёзныхъ случаяхъ онъ говорилъ именно такъ, какъ я представилъ: нѣсколько книжно, длиннѣйшими періодами и чрезвычайно быстро, торопливо, глотая слоги и цѣлыя слова̀. Разговорнаго такта, онъ, впрочемъ, не имѣлъ ни на грошъ, никогда не сообразовался ни съ мѣстомъ, гдѣ онъ говоритъ, ни съ свойствами лицъ, его слушающихъ. Сплошь и рядомъ обливалъ онъ, напримѣръ, меня каскадомъ такихъ спеціальностей, которыхъ я совершенно не понималъ и которыми ни малѣйше не интересовался. Остановить же его, разъ онъ былъ въ ударѣ, не было возможности: «послушайте, да вѣдь, это такъ просто» и пойдетъ, и пойдетъ опять. Насколько умѣстно было начало его рѣчи на университетскомъ диспутѣ — судите ужь сами. Предсѣдатель и магистрантъ не нашли его умѣстнымъ, и Бухарцовъ долженъ былъ, наконецъ, замолчать, не безъ борьбы, однако. Было, конечно, дерзко говорить такую рѣчь въ сонмѣ патентованныхъ ученыхъ. Но, во-первыхъ, Бухарцовъ крѣпко вѣрилъ въ то, что̀ говорилъ, а во-вторыхъ, дерзость была вообще въ его характерѣ. Не та дерзость, которая разражается ругательствами. Нѣтъ, онъ крѣпкихъ словъ вообще не любилъ, а циническая брань даже ни разу не осквернила его устъ. Мимоходомъ сказать, онъ и вина не пилъ. Только подъ самый конецъ полюбилъ онъ глинтвейнъ и ликеры и очень этимъ тѣшился. Помню: придемъ мы, бывало, обѣдать въ греческую кухмистерскую или въ средней руки трактиръ, и Бухарцовъ, заказывая обѣдъ, заранѣе прибавляетъ: «а послѣ обѣда рюмочку ликеру» —какого, ему было все равно, было бы сладко. Такъ дерзокъ, говорю, онъ былъ ужасно, и что̀ особенно замѣчательно въ такомъ слабосильномъ и нервномъ человѣкѣ, онъ и физическою храбростью обладалъ тоже до степени дерзости. Очевидецъ разсказывалъ мнѣ, ка̀къ однажды, гдѣ-то заграницей, Бухарцовъ разсвирѣпѣлъ на кучера, который ударилъ бичемъ прохожаго: въ одну секунду, Бухарцовъ былъ на козлахъ, пара лошадей остановлена, и кучеръ просилъ прощенія. Я и самъ былъ свидѣтелемъ одного такого его столкновенія съ

буйнымъ, огромнымъ и сильнымъ человѣкомъ, причемъ восторжествовалъ Бухарцовъ. Въ другой разъ, онъ совершенно серьёзно предлагалъ дуэль «на ножахъ въ темной комнатѣ». Понятно, что враговъ у него было много (были даже такіе, которые серьёзно увѣряли, что онъ глупъ), но зато много было и друзей. Я, признаться, не понималъ, ка̀къ можно было не любить эту чистую и изумительно богатую натуру, эту дѣтски наивную душу. Правда, жить съ нимъ постоянно въ мирѣ не было никакой возможности. Мнѣ тоже случилось съ нимъ разъ поссориться, но ссора вышла на перепискѣ, а нѣсколько минутъ личнаго свиданія и прямого разговора сразу все уладили.

Что̀ касается существа рѣчи, полу-сказанной Бухарцовымъ на диспутѣ, то это была его святая святыхъ. Благодаря огромнымъ, хотя нѣсколько одностороннимъ свѣдѣніямъ и геніальному уму, необыкновенно склонному къ обобщеніямъ, онъ, можно сказать, ежедневно осыпалъ насъ гипотезами, теоріями, оригинальными сближеніями, не придавая имъ никакого значенія, а такъ, между дѣломъ. Такъ льется вода изъ переполненнаго сосуда. Но надъ всей этой роскошью теоретической смѣлости (пожалуй, опять дерзости) царила одна идея, которой Бухарцовъ придавалъ великое значеніе. Онъ мечталъ о реформѣ общественныхъ наукъ при помощи естествознанія и выработалъ уже обширный планъ ея. Не могу похвастаться, чтобы я хорошо его помнилъ, но знаю, что онъ не имѣлъ ничего общаго съ идеями, напримѣръ, г. Стронина и тому подобныхъ реформаторовъ. Впрочемъ, мнѣ случалось все-таки встрѣчать въ литературѣ прямое отраженіе идей незабвеннаго друга-учителя... Работалъ Бухарцо̀въ безпорядочно, но страшно много, читалъ рѣшительно все, соприкасающееся съ его спеціальностью, и, кромѣ того, жадно пополнялъ пробѣлы своего образованія по другимъ отраслямъ. Откуда онъ бралъ деньги на такую массу русскихъ и иностранныхъ журналовъ и книгъ—я не знаю. Я думаю, онъ и самъ не зналъ. Родные его были люди очень состоятельные (они жили въ провинціи), но онъ былъ съ ними не въ ладахъ и не получалъ отъ нихъ ни гроша. Затѣмъ онъ давалъ уроки, занимался переводами, но вообще бралъ деньги гдѣ случится и тратилъ ихъ самымъ безпорядочнымъ образомъ, хотя кутежи его не шли дальше рюмочки ликеру или стаканчика глинтвейну. Если онъ бралъ гдѣ случится, такъ и отдавалъ кому случится. Никогда не забуду я уморительной сцены у одного нашего общаго пріятеля. Онъ жилъ въ маленькомъ заведеніи меблированныхъ комнатъ, всего комнаты въ четыре, считая хозяйскую. Какъ-то разъ, мы съ Бухарцовымъ заночевали у него. Я улегся въ комнатѣ пріятеля, а Бухарцову хозяйка, добродушная, пожилая полька, предложила лечь въ одной изъ свободныхъ (а онѣ всѣ на ту пору были не заняты) комнатъ. Она очень старательно уложила его, постлала чистое бѣлье и вообще была чрезвычайно любезна. Улеглись. Не помню ужь, съ чего началось дѣ-

ло, кажется, съ того, что Бухарцовъ слишкомъ громко перекликался съ нами черезъ стѣну, но только хозяйка начала понемножку ворчать на безцеремонность и неблагодарность Бухарцова. Дальше—больше; хозяйка, наконецъ, стала уже просто кричать, что выгонитъ его съ своей кровати и чтобы онъ убирался вонъ изъ ея квартиры. Бухарцовъ столь же громко и совершенно серьёзно удивлялся: «Вотъ дура-то! ея кровать! вонъ изъ квартиры! вотъ дура! куда я ночью пойду?!» И т. д. Споръ вышелъ чрезвычайно горячій; но Бухарцовъ, по обыкновенію, побѣдилъ, а на утро они были опять пріятелями съ хозяйкой. (У него была способность нравиться, особенно простымъ людямъ, хотя онъ не дѣлалъ для этого рѣшительно никакихъ усилій. Такъ ужь ка̀къ-то выходило). Если онъ былъ пораженъ требованіемъ хозяйки, то зато нисколько не поражался, если кто-нибудь обращался къ нему съ требованіемъ его муруго-пѣгихъ панталонъ или зеленаго съ чернымъ пледа.

Но лучше всего, весь цѣликомъ, Бухарцовъ выразился въ слѣдующемъ сложномъ эпизодѣ. Я упоминалъ уже, что при видѣ нашей встрѣчи съ Соней онъ былъ больше, чѣмъ сконфуженъ. Дѣло въ томъ, что у него тоже была сестра, которую онъ любилъ до чрезвычайности и которой, какъ онъ думалъ, плохо жить у родныхъ. Онъ мнѣ самъ говорилъ потомъ, что эта-то мысль и грызла его, когда онъ увидѣлъ, ка̀къ мы съ Соней обнимались и плакали отъ радости. Но Бухарцовъ былъ не такой человѣкъ, чтобы остановиться передъ какой нибудь рискованной попыткой. Онъ рѣшилъ, ни больше, ни меньше, какъ похитить сестру и переправить ее за границу. Операція трудная и дорого стоющая. Нужны, прежде всего, деньги. Бухарцовъ немедленно вступаетъ въ соглашеніе съ однимъ издателемъ и берется перевести въ извѣстный срокъ съ латинскаго обширный трактатъ по зоологіи, за что̀ ухитряется стребовать тысячу рублей впередъ чистыми деньгами. Попытка похищенія и переправы за границу оканчивается полнымъ фіаско, деньги, однако, на нее истрачиваются, и Бухарцовъ остается съ обязательствомъ исполнить заказъ. Надо замѣтить, что латинскаго языка онъ почти не зналъ и даже вѣрнѣе будетъ сказать—совсѣмъ не зналъ. Но онъ такъ хорошо зналъ предметъ, что, при помощи лексиконовъ и знанія новѣйшихъ языковъ, произвелъ, вмѣсто обѣщаннаго перевода, нѣчто очень нескладное, но колоссальное. Онъ не успѣлъ кончить эту изумительную работу, но листовъ пять печатныхъ я уже видѣлъ въ корректурѣ. Сначала идетъ текстъ съ рѣдкими и небольшими примѣчаніями переводчика. Потомъ примѣчанія все ростутъ въ числѣ и объемѣ и, наконецъ, совершенно изгоняютъ текстъ. Остаются одни только примѣчанія переводчика, требующія уже новыхъ примѣчаній. Бухарцовъ расчитывалъ вложить сюда результаты всѣхъ своихъ самостоятельныхъ работъ, ничтожная доля которыхъ появилась въ бюллетеняхъ академіи наукъ, и всѣ свои завѣтныя мысли. Оттого, на ряду съ тонкостями спе-

ціальной эрудиціи, попадаются такія примѣчанія къ примѣчаніямъ (у меня сохранилась часть корректуры): «Я вообще не могу въ моихъ дополненіяхъ къ Ван-дер-Гёвену слишкомъ вдаваться въ теоретическія соображенія и выводы относительно примѣненія всѣхъ этихъ чисто анатомическихъ вопросовъ къ рѣшенію вопросовъ общественно-экономическихъ. Поэтому, я опять только обращаю вниманіе читателя на то, что вся моя анатомическая и эмбріологическая теорія имѣетъ главною своею цѣлью отысканіе законовъ физіологіи общества, и потому всѣ мои дальнѣйшія сочиненія будутъ, конечно, основаны на научныхъ данныхъ, излагаемыхъ мною въ этой книгѣ».

Все это погибло. Бухарцовъ, можно сказать, только приступилъ къ этому переводу, если можно такъ назвать задуманное имъ оригинальнѣйшее произведеніе...

Такъ вотъ каковъ былъ человѣкъ, котораго я засталъ у себя въ комнатѣ, когда вернулся съ новоселья дяденьки-нѣмца. Я буду вводить его при случаѣ, когда понадобится, въ дальнѣйшій разсказъ, но теперь мнѣ хотѣлось хоть немножко выдѣлить его фигуру. Вы, пожалуй, удивитесь, что ничего не слыхали объ такомъ замѣчательномъ человѣкѣ. А, милостивыя государыни и милостивые государи, на то были особыя причины. Да и мало ли, вѣдь, вы чего не слыхали? Вѣрно только то, что благонамѣренные творцы «новыхъ людей» прозѣвали много любопытнѣйшихъ типовъ и что, хоть тэма эта и надоѣла порядочно, но вовсе не потому, что она исчерпана. Нетронутой красоты тутъ вдоволь. Вы, вѣроятно, и о Далматовѣ ничего не слыхали. Я тоже не слыхалъ, пока не прочелъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (отъ 8 апрѣля) его коротенькую біографію. Газеты не только не попытались разсѣять нѣкоторыя недоразумѣнія, возбуждаемыя этою біографіей, но даже ни одна ея не перепечатала. Мнѣ хочется ее вамъ разсказать («С.-Петербургскія Вѣдомости» заимствовали ее изъ «Одесскаго Вѣстника»).

Николай Дмитріевичъ Далматовъ родился въ 1842 г. въ Пермской Губерніи отъ состоятельныхъ родителей-помѣщиковъ. Служилъ въ военной службѣ. «Гуманность его и доброе отношеніе къ нижнимъ чинамъ снискали ему искреннюю любовь послѣднихъ, несмотря на то, что онъ былъ строгъ, гдѣ это было необходимо по его мнѣнію. Но «одинъ въ полѣ не воинъ», и бороться съ окружающимъ строемъ было не подъ силу молодому человѣку... Онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ подпоручика. Въ 1859 г. онъ получилъ, по духовному завѣщанію умершей въ это время матери, 1,000 десятинъ земли съ соотвѣтственнымъ числомъ крестьянъ. Не заключая никакихъ условій, Николай Дмитріевичъ даетъ крестьянамъ волю и отдаетъ имъ всю землю, не оставляя себѣ ничего, за что и получилъ высочайшую благодарность». Дальнѣйшія похожденія Далматова таковы. Поступилъ въ петровско-разумовскую академію, служилъ контролёромъ на заводѣ въ сѣверо-западномъ краѣ, служилъ на маріинской системѣ,

былъ на ковровскихъ заводахъ, откуда, услыхавъ, что подготовляется болгарское возстаніе (въ концѣ 60-хъ годовъ), отправился черезъ Одессу въ Болгарію. Въ Одессу онъ уже прибылъ безъ копейки. Кое-какъ удалось ему поступить матросомъ на купеческое судно и такимъ образомъ достигнуть цѣли путешествія. Прибывъ на мѣсто, онъ получилъ-было командованіе надъ однимъ изъ сформировавшихся отрядовъ; но, такъ какъ возстаніе не состоялось, то ему пришлось искать работы. Онъ поступилъ рабочимъ на казенный пулелитейный и патронный заводъ въ Бѣлградѣ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ. Потомъ вернулся въ Россію, переходилъ въ разныхъ должностяхъ (бо̀льшею частью, въ качествѣ рабочаго) съ одного мѣста на другое и, наконецъ, попалъ рабочимъ въ слесарное отдѣленіе механическаго завода Яхненко и Симиренко, гдѣ пробылъ около полутора года. Оттуда Далматовъ поступилъ сперва въ курскую желѣзно-дорожную мастерскую слесаремъ, потомъ слесаремъ же въ конотопскую мастерскую. Здѣсь его застало герцеговинское возстаніе. Онъ немедленно поѣхалъ туда и въ сраженіи подъ Карагуевацемъ 8 (20) января убитъ. Былъ онъ причастенъ и литературѣ, но объ этомъ въ замѣткѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» говорится очень неясно и неточно.

Вотъ, милостивые государи, фигура. Красивая фигура. Конечно, это—еще не фигура, а только остовъ, скелетъ, формулярный списокъ. Пусть художникъ одѣнетъ его плотью, пусть онъ реставрируетъ его жилы и погонитъ по нимъ горячую алую кровь, пусть разгадаетъ его душу и разскажетъ ка̀къ и что̀ двигало Далматова; пусть художникъ сдѣлаетъ все это—и вы должны будете преклониться предъ красотою этого образа. А между тѣмъ, вы ничего не слыхали объ этомъ человѣкѣ, хотя онъ «получилъ высочайшую благодарность», а это не втихомолку дѣлается. Ахъ, господа, какъ многого мы съ вами не знаемъ... Да и не понимаемъ тоже очень многаго. Странная это, въ самомъ дѣлѣ, штука. Мы, кажется, такъ умѣемъ цѣнить добродѣтель, умъ, талантъ, заслуги, такъ любимъ служить панихиды и справлять юбилеи. А между тѣмъ, «герой», въ смыслѣ положительнаго типа, намъ почти неизвѣстенъ въ беллетристикѣ. Это, въ сущности—такая-же условная фигура, какъ «первый любовникъ», «комическая старуха», «благородный отецъ» и т. п. на сценѣ. Это—«амплуа» и только. Наши большіе художники или совсѣмъ избѣгаютъ этого амплуа, или не умѣютъ съ нимъ справиться, и даже у большихъ художниковъ, не говоря о мелкотравчатыхъ, амплуа героя сплошь и рядомъ занимаетъ парикмахерская вывѣска, гамлетизированный поросенокъ или вызолоченый оселъ. Это удивительно. Конечно, тутъ много причинъ дѣйствуетъ. Во-первыхъ, тѣ совершенно ужь постороннія причины, которыя разогнали фантастическій юбилей Моисеича въ щедринскомъ «Снѣ въ лѣтнюю ночь». Во-вторыхъ, очень драгоцѣнное само по себѣ качество русскаго человѣка вообще—трезвость. Не та трезвость, которая водки не пьетъ —

этого русскій человѣкъ не боится—а трезвость нравственная, боязнь ходульности и риторики. Это качество само по себѣ превосходное, но и его можно пересолить. Очень долгое въ этомъ смыслѣ воздержаніе, а особенно если оно отчасти насильственное, т. е. разгоняется, какъ юбилей Мосеича, можетъ повести къ совершенной невозможности дать за чрезвычайно высокое нравственное явленіе настоящую цѣну: русскій человѣкъ любитъ поторговаться. Наконецъ, есть и еще, я думаю, причина, если не самая важная, такъ самая распространенная. Существуютъ извѣстные образцы, шаблоны красоты, многочасно и многообразно разработанные. Надоѣли они, откровенно говоря, хуже горькой рѣдьки. Надоѣли, я думаю, даже самимъ писателямъ, которые ихъ эксплуатируютъ. Какъ хотите, а я не могу повѣрить, чтобы Тургеневъ свои «Вешнія воды», напримѣръ, или Левъ Толстой добрыя семь восьмыхъ «Анны Карениной» писали съ удовольствіемъ. Скучно имъ было. Молодые писатели, должно быть, скучаютъ тоже, потому что сплошь и рядомъ, изображая даже «новаго человѣка», облекаютъ его ветхимъ Адамомъ, усвоиваютъ всѣ пріемы, всю рутину «стараго красиваго типа». Происходитъ это, я думаю, оттого, что, хоть оно и скучно, да не трудно, именно потому, что образцы готовы, передъ глазами. А между тѣмъ, отойти отъ этихъ образцовъ и выработать новые вовсе ужь не такъ, кажется, невозможно. Конечно, la critique est aisée, mais l'art est difficile. А впрочемъ, когда я слышу эту поговорку, мнѣ всегда хочется прибавить: et l'art de critique?

Надо искать новыхъ образцовъ тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ совсѣмъ не искали, или искали очень мало. Когда Щедрину надоѣли юбилеи архиваріусовъ и проч., ему приснился юбилей Мосеича, и юбилей этотъ оказался не впримѣръ законнѣе юбилея помощника экзекутора Севастьянова. Къ этому источнику беллетристика наша обращалась уже, впрочемъ, не одинъ разъ и часто съ большимъ успѣхомъ. Чтобы не поминать стараго, еще недавно г. Златовратскій заставилъ насъ съ огромнымъ удовольствіемъ отпраздновать юбилей «крестьянъ-присяжныхъ», выведя при этомъ много чертъ дивной красоты. Народъ, какъ источникъ новыхъ или мало тронутыхъ образцовъ красоты, можетъ быть, даже особенно подходитъ къ нашей русской трезвости, боязни ходуль и риторики. Что̀ такое Мосеичъ? Какой онъ «герой»? Онъ пятьдесятъ лѣтъ «ни разу не отступилъ отъ правилъ истинной крестьянской жизни и безпрекословно принималъ всѣ ея невзгоды; всегда въ трудахъ, всегда въ потѣ лица своего добывая хлѣбъ свой... И памятуя церковь божію... Онъ прокармливалъ семью свою, не щадя ни силъ, ни крови своей... И ложе супружеское нескверно содержа... Никогда не задерживалъ податей, сидѣлъ въ острогѣ, былъ битъ... однимъ словомъ, въ совершенствѣ исполнилъ то назначеніе, которое въ совѣтѣ судебъ предопредѣлено...» А «крестьяне присяжные»? Они повинность отбываютъ, тоже въ совершенствѣ исполняютъ то на-

значеніе, которое въ совѣтѣ судебъ предопредѣлено. Такіе люди могутъ вложить «силу всю души великую» въ отбываніе повинности и, слѣдовательно, доставить художнику богатѣйшій матеріалъ, но это—все-таки только отбываніе повинности, исполненіе обязанности, а значитъ первое условіе изображенія даже великой силы ихъ души—есть простота. И вотъ эта-то простота и есть, я думаю, камень, на которомъ должно построиться зданіе новой красоты. Не знаю, понятно ли я выражаю свои мысли. Вамъ, можетъ быть, покажется, что я предлагаю апоѳеозъ пассивности. Но это не такъ. Вотъ, напримѣръ, въ очеркахъ г. Г. И. «Люди и нравы», дѣдъ Парменъ, типъ «ходока», который ужь побывалъ и въ острогѣ, и въ Сибири, и еще разъ рѣшилъ: «коли такъ, такъ, стало, Божья воля мнѣ потерпѣть еще на старости лѣтъ!.. Видно, ужь Господь батюшка, Никола-милостивый такъ осудилъ меня вѣнцомъ—иду!» Помните, ка̀къ «старый дѣдъ, съ котомкой за плечами, съ длинной палкой въ сухой рукѣ, неровной поступью худыхъ тонкихъ ногъ, обутыхъ на мірской счетъ въ новыя лапти, пошелъ воевать за свое дѣло». Это—значительное уклоненіе отъ чисто пассивнаго типа, это—уже отчасти типъ воинствующій: ка̀къ ни какъ, а дѣдъ Парменъ идетъ «воевать». Но онъ идетъ воевать за *свое* дѣло, и въ этомъ-то состоитъ крайняя простота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, огромная и рѣдкая въ нашей литературѣ красота его фигуры. Мірское дѣло есть его личное дѣло, срослось съ нимъ; онъ никого не благодѣтельствуетъ, никому не приноситъ жертвы. Если со стороны глядѣть, такъ онъ, конечно, подвигъ совершаетъ, но самъ-то старый дѣдъ Парменъ тоже въ родѣ какъ повинность отбываетъ, а не героическое какое-нибудь дѣло совершаетъ.

Этотъ же самый принципъ простоты и, если хотите, своего рода эгоизма долженъ быть введенъ и въ изображеніе нашего брата. Еслибы я осмѣлился, въ художественномъ смыслѣ, поднять руку на дорогую мнѣ память Бухарцова, я, конечно, не скрылъ бы истинно героическихъ его чертъ. Но онъ самъ и не подозрѣвалъ бы даже этого, онъ дѣлалъ бы *свое* дѣло, а такъ какъ онъ былъ склоненъ къ созиданію теорій, то непремѣнно возводилъ бы эгоизмъ даже въ принципъ. И, поставивъ дѣло такимъ образомъ, я былъ бы правъ, почти фотографически правъ, то-есть вполнѣ вѣренъ оригиналу. Вы, конечно, можете мнѣ не повѣрить, что Бухарцовъ, еслибы смерть не подкосила такъ рано эту жатву жизни, могъ бы, еслибы захотѣлъ, быть ученою знаменитостью на всю Европу. Но я его, во всякомъ случаѣ, такъ понимаю и такъ изобразилъ бы. Но никогда, ни въ серьёзнѣйшихъ интимныхъ разговорахъ, ни среди самой необузданной шутливости, не прорывалось у него тяготѣніе къ этой перспективѣ. Я ужь не говорю, что онъ не мечталъ о славѣ ученаго. Это—еще не богъ знаетъ что̀. Но онъ любилъ свою спеціальность, былъ полонъ жажды знанія вообще и даже, помню,

говаривалъ, что охотно поселился бы навсегда гдѣ-нибудь на берегу моря или въ тропическихъ лѣсахъ, единственно для того, чтобы «съ нимъ говорила морская волна и была ему звѣздная книга ясна»; охотно отдался бы онъ жаждѣ знанія, еслибы... еслибы не чувствовалъ обязанности, «повинности» жить въ обществѣ и направлять свою эрудицію извѣстнымъ образомъ. Но съ этою обязанностью онъ такъ же сросся, какъ дѣдъ Парменъ съ обязанностью ходока. Совершенно такъ же и дѣдъ Парменъ охотно лежалъ бы на печи и грѣлъ свои старыя кости, еслибы мірское дѣло не было его собственнымъ дѣломъ. Оттого и Бухарцовъ былъ такъ простъ. Самая его дерзость была нечто иное, какъ простота. Говоря свою рѣчь на диспутѣ, онъ былъ прекрасенъ именно своею простотой, именно тѣмъ, что онъ дѣлалъ свое собственное дѣло, собственную свою душу выкладывалъ, предлагая ученому ареопагу связать «Генезисъ въ типѣ пальмелевидныхъ водорослей» (что̀-то въ этомъ родѣ составляло тэму диссертаціи) съ разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ; самъ постоянно работая мыслью въ этомъ направленіи, онъ вовсе не думалъ предлагать или совершать что̀-нибудь достойное благодарности. Нѣтъ, онъ исполнялъ только свою обязанность и, притомъ, такую, которая облегчала его личное существованіе. Его тяготила громадная масса его знаній, пріобрѣтенная насчетъ невѣжественнаго общества. Онъ только сбрасывалъ съ души своей тяжесть. Или вотъ тоже Далматовъ. Его можно художественно двоякимъ, даже троякимъ образомъ обработать. Романистъ, въ родѣ г. Стебницкаго, сдѣлаетъ изъ него, пожалуй, нѣчто въ родѣ каторжника и, во всякомъ случаѣ, бахвала, глупца, жертву разныхъ зловредныхъ постороннихъ вліяній, заставитъ его жалѣть о поведеніи съ крестьянами и потребуетъ, чтобы въ бѣдности онъ оказался нечистъ на руку. Объ этомъ жанрѣ я ничего не имѣю сказать. Благонамѣренные изобразители «новыхъ людей» и «молодаго поколѣнія» сдѣлаютъ изъ Далматова «героя», сознательно приносящаго жертвы, благодѣтельствующаго, освобождающаго и т. д. Надо имѣть много таланта, чтобы это не вышло ходульно, но и при большомъ талантѣ, это, все-таки, будетъ мотивъ старый и порядочно пріѣвшійся, это будетъ все-таки ветхій Адамъ, хотя и симпатичный; старый образецъ или шаблонъ красоты. Можно иначе изобразить Далматова. Можно представить дѣло такъ (какъ оно, навѣрное, и было въ дѣйствительности), что онъ никого не благодѣтельствуетъ, никакихъ жертвъ не приноситъ, а только и занятъ усмиреніемъ своей собственной бунтующей совѣсти. Пусть во-очію развертывается и облекается плотью и кровью весь прекрасный формулярный списокъ Далматова, пусть всѣмъ читателямъ будетъ ясенъ его героизмъ, но пусть самъ онъ дѣлаетъ свое личное дѣло. Повидимому, тутъ всего одну маленькую передвижечку въ старомъ шаблонѣ красоты надо сдѣлать. Но сдѣлайте ее—и васъ обдастъ ароматомъ совершен-

но новой красоты. Вы скажете, можетъ быть, что такимъ образомъ освящается начало собственнаго благополучія, какъ говорятъ обыкновенно, эгоизма. Нѣтъ, зачѣмъ же? Искуство есть своего рода гласный нравственный судъ. Оно освѣщаетъ свой матеріалъ такъ или иначе и, значитъ, освящаетъ въ немъ то или другое, но, прежде всего, оно должно имѣть и всѣмъ показать свой матеріалъ. Матеріалъ этотъ долженъ постоянно обновляться, какъ обновляется жизнь, изъ которой онъ черпается. И самый характерный для нашего времени матеріалъ—есть разладъ совѣсти съ жизнью. Искуствомъ онъ пока затронутъ только чуть-чуть. (Я могъ бы все по пальцамъ пересчитать). Онъ имѣетъ, вѣроятно, скромныхъ Пименовъ, которые, вотъ какъ я, сидя у себя въ кельѣ, ведутъ свою безъискуственную лѣтопись. Но въ самомъ скоромъ времени, можетъ быть, завтра, должна появиться художественная его обработка. Будущій художникъ отнюдь не взглянетъ на свой матеріалъ, какъ на старый только разладъ идеала съ дѣйствительностью, а какъ на совершенно ясную, спеціальную, опредѣленную его форму, именно: какъ на разладъ совѣсти съ жизнью. Это далеко не одно и то же. Какой-нибудь гамлетизированный поросенокъ можетъ, во имя чрезвычайно высокаго идеала, несоотвѣтствующаго дѣйствительности, приходить въ отчаяніе, кокетливо «складывать на пустой груди ненужныя руки»; можетъ даже бороться съ дѣйствительностью, но съ полнымъ сознаніемъ своихъ многообразныхъ преимуществъ передъ простыми смертными, своего величія. Все это можетъ продѣлывать даже не гамлетизированный поросенокъ, а настоящій человѣкъ; но, во всякомъ случаѣ, это—старый типъ, исчерпанная тэма. Для созданія новой тэмы, поросенокъ долженъ весь проникнуться той мыслью, что онъ—дѣйствительно поросенокъ, хотя и съ чрезвычайно нѣжнымъ, бѣлымъ, жирнымъ мясомъ; не любоваться этимъ мясомъ онъ долженъ, не выставлять его, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, на показъ, а, напротивъ, терзаться имъ. Если онъ неспособенъ на это, такъ и чортъ съ нимъ, пусть остается поросенкомъ, на ходули его, во всякомъ случаѣ, не зачѣмъ ставить. Настоящій же человѣкъ (въ смыслѣ новой тэмы) и самъ на ходули не полѣзетъ. Всѣ его преимущества передъ простыми смертными, въ чемъ бы они ни состояли, должны его тяготить, его должна за нихъ грызть совѣсть, и потому, дѣйствуя въ извѣстномъ направленіи, онъ будетъ дѣлать свое собственное дѣло. Много разнаго люда видалъ я на своемъ вѣку, много размышлялъ о людяхъ, и—повѣрьте моей опытности—если человѣкъ говоритъ: «я хочу приносить пользу», «я пожертвую собой общему благу», «я хочу облагодѣтельствовать человѣчество или родину, или какой-нибудь околодокъ», если онъ говоритъ это даже вполнѣ искренно, такъ это еще ровно ничего не значитъ. Трудно выразить благороднѣйшую задачу жизни какими-нибудь другими общими формулами, и пылкая молодежь всегда говоритъ эти слова. Въ

этомъ еще ни бѣды нѣтъ, ни радости. Припоминая весь рядъ людей, съ которыми меня сталкивала судьба, я вижу, что почти всѣ они говорили: я пожертвую, я хочу приносить пользу и т. п. Но одни ставили на первый планъ свои, иногда (конечно, рѣдко), дѣйствительно, большія достоинства и отъ нихъ уже спускались къ интересовавшему ихъ дѣлу, которое выходило, такимъ образомъ, дѣломъ чужимъ, только по великодушію, по благородству души, признаваемымъ за свое. Очень все это бо̀льшею частью искренно было, кое-кто даже пострадалъ, но все-таки крайне непрочно. Дрянь потомъ изъ этихъ людей выходила иногда ужасная. Другіе, напротивъ, исходили изъ своего личнаго дѣла, изъ сознанія своихъ собственныхъ грѣховъ, требующихъ искупленія. Здѣсь-то будущій художникъ и найдетъ своихъ героевъ. Личное благополучіе, какъ принципъ, есть штука, конечно, очень, ка̀къ бы сказать... мѣщанская, что̀ ли. Стремленіе къ личной чистотѣ и соотвѣтственное покаяніе—штука старая и давшая искуству, кажется, уже все, что̀ съ нея взять можно. Но чувство *личной* отвѣтственности за свое *общественное* положеніе—есть тэма новая и почти нетронутая. Это чувство двигало и Бухарцова, и Далматова. Конечно, тутъ очень различныя комбинаціи возможны. Я знавалъ, напримѣръ, такихъ людей, которые въ жизни не сбивались съ пути, но постоянно брюзжали и ворчали на собственную совѣсть, не дающую покоя и мѣшающую отдаться всякимъ инстинктамъ—очень любопытный типъ. Знавалъ и такихъ, которые сбивались совсѣмъ незамѣтно и, очутившись, въ сущности, при одномъ чисто мѣщанскомъ личномъ благополучіи, продолжали думать, что они совсѣмъ не сбились. Чувствую, что выражаюсь не ясно, но, можетъ быть, потомъ, на примѣрахъ, дѣло выяснится. Я вамъ разныхъ людей покажу, какъ съумѣю: кого словами разскажу, кого во-очію представлю.

Однако, и старыхъ шаблоновъ красоты бросать не слѣдуетъ. Въ нихъ есть кое-что̀ истинно и еще надолго прекрасное, особенно если и въ нихъ сдѣлать маленькую передвижечку. Вотъ, напримѣръ, такая тэма: мать, убаюкивающая ребенка. Тэма очень старая. Привычный, набившій руку художникъ въ нѣсколько минутъ набросаетъ вамъ картинку: мать, блондинка или брюнетка, пользующаяся или непользующаяся супружескимъ счастіемъ, лѣтомъ на крыльцѣ помѣщичьей усадьбы, или зимой, въ бѣдной, но уютной комнатѣ, съ радостными или горестными мыслями, баюкаетъ ребенка. Слабымъ или сильнымъ, но пріятнымъ сопрано или контральто она поетъ berçeuse или колыбельную пѣсню г. Майкова, положенную на музыку г. Рубцомъ, или такъ какой-нибудь подслушанный у няньки мотивъ. Право, кажется, я всѣ возможныя комбинаціи перечислилъ. Но очевидно, что только очень большое мастерство изложечія можетъ спасти дальнѣйшія варьяціи этой тэмы, и самъ художникъ будетъ скучать, выбирая ихъ. А я бы вотъ какъ поступилъ. Я бы от-

нялъ у матери и сопрано, и контральто, и вообще всякій голосъ, слухъ и всякіе мотивы. Я бы заставилъ ее нескладнымъ голосомъ пѣть какой-нибудь совершенный вздоръ, безсмысленный наборъ словъ въ невозможныхъ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Я бы заставилъ окружающихъ смѣяться надъ ея пѣніемъ, хотя бы и добродушно, а она пусть, не смущаясь, мѣрно ходитъ изъ угла въ уголъ, качаетъ ребенка и тянетъ свою нескладицу: «золотую мою сыночку, бѣлую березочку, голубую кошечку, бай-бай-бай» и т. п. Можетъ быть, я и преувеличиваю, но мнѣ кажется, что одна эта черточка, комическая и трогательная вмѣстѣ, способна, въ рукахъ художника, возбудить новый интересъ въ читателѣ, которому давно пріѣлись описанія матери, убаюкивающей ребенка. А между тѣмъ, весь смыслъ этой маленькой черточки только въ томъ и состоитъ, что она сильнѣе другихъ налегаетъ на материнскую «повинность». Не велико дѣло—убаюкивать ребенка пріятнымъ контральто или сопрано: ребенокъ заснетъ самъ-собой, а кромѣ того, прохожій остановится, послушаетъ, мужъ полюбуется голосомъ «звонкимъ и ласковымъ», да и самой весело. Среди этихъ разнообразныхъ и все пріятныхъ обстоятельствъ, еще неизвѣстно, насколько дѣло вашего ребенка совпадаетъ съ вашимъ личнымъ дѣломъ. А вотъ вы попробуйте пѣть безъ голоса, возбуждать насмѣшки, оскорблять эстетически развитое ухо и все-таки пѣть—тогда будетъ видно.

Я понимаю, что это, черточка мелкая, ничтожная, и привелъ ее такъ къ слову. А ежели я къ ней и пристрастенъ, можетъ быть, такъ потому, что этотъ образъ безголосой матери мнѣ очень близокъ. Такъ пѣвала моя бѣдная Соня, и я, грѣшный человѣкъ, смѣялся надъ ея пѣніемъ и «голубой кошечкой», да и мудрено было не смѣяться. Но что все-таки это трогательно было и достойно хорошей кисти—это вѣрно.

Это я далеко впередъ забѣжалъ. Пока, еще ни одно облачко не сгустилось надъ головой Сони. Она сидитъ у меня, свѣжая, не помятая жизнью, веселая, какъ птица, выпущенная изъ клѣтки. Бухарцовъ тотчасъ же ушелъ, и мы остались вдвоемъ. Разговора нашего передать нѣтъ никакой возможности. Да и не разговоръ это былъ, а чортъ знаетъ что̀, потому что мы другъ друга почти не слушали, перебивали, цѣплялись за отдѣльныя слова̀, хохотали. Соня высыпала передо мной, какъ горохъ изъ мѣшка, груду институтскихъ воспоминаній, впечатлѣній дороги въ Петербургъ и наблюденій надъ Анной Сергѣевной (генеральшей Темкиной), которая, въ качествѣ жены опекуна, взяла ее къ себѣ изъ института. Она съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминала какую-то классную даму и какого-то учителя, которые помогли ей «развиться». Хотя я очень привыкъ слышать это тогда модное слово и самъ его часто употреблялъ, но въ устахъ Сони оно было какое-то несоотвѣтственное. Я не могъ не улыбнуться, отчасти снисходительно-покровительственно. Соня отнес-

лась къ моей улыбкѣ съ видомъ человѣка, который имѣетъ въ рукахъ неопровержимѣйшія доказательства, но предоставляетъ все времени: «Думаешь, нѣтъ? думаешь, нѣтъ, Гриша? Вотъ увидишь, увидишь!» щебетала она. Анна Сергѣевна ей очень не понравилась, а генерала Темкина она еще по старой памяти не любила, за его надменную строгость вообще и за зуботычины Якову въ особенности. И генералъ, и генеральша меня ей очень бранили, называли «дряннымъ и грязнымъ мальчишкой», «пропащимъ человѣкомъ» и предостерегали ее отъ моего пагубнаго вліянія. Не отпустить ее повидаться со мной было, однако, нельзя. Ей данъ былъ въ провожатые лакей, тотъ самый, который когда-то аккуратно каждый мѣсяцъ приносилъ мнѣ мои двадцать пять рублей. Не заставъ меня дома, Соня осталась ждать, а лакея отпустила. Но часовъ въ десять, онъ явился опять съ строжайшимъ требованіемъ Анны Сергѣевны «пожаловать домой». Соня объявила, что не уйдетъ, не видавъ меня, хоть бы ей пришлось ночевать въ моей комнатѣ. Лакей тоже стоялъ упорно на своемъ, но его, наконецъ, прогналъ Бухарцовъ, слышавшій весь споръ изъ своей комнаты. Этимъ и началось знакомство Сони съ Бухарцовымъ. «Онъ—чудесный, аттестовала его Соня:—только должно быть голова у него не въ порядкѣ, странный такой». Съ своей стороны, и я разсказалъ исторію своихъ отношеній съ генераломъ и генеральшей Темкиными, но очень бѣгло, кратко и поверхностно. Я не хотѣлъ посвящать Соню въ подробности послѣдняго посѣщенія Анны Сергѣевны, а насчетъ первой стычки съ генераломъ изъ за Якова и брата-мужика конфузился въ другомъ родѣ. Передъ этимъ свѣжимъ, свѣтлымъ созданіемъ мнѣ было стыдно съ разу признаться, что Яковъ и братъ-мужикъ давно уже перестали меня безпокоить, а потому я скомкалъ весь этотъ эпизодъ. Въ душѣ я рѣшилъ, что Соня все это непремѣнно должна узнать, но отложилъ исповѣдь до другого раза. На этотъ разъ, и Соня, впрочемъ, не была расположена къ серьёзному разговору. Извѣстію о дяденькѣ-нѣмцѣ она очень обрадовалась.

Самую суть нашей бесѣды составляли, однако, не эти все-таки серьёзныя или, по крайней мѣрѣ, фактическія рѣчи, а тѣ непередаваемые вздоры и пустяки, поводъ которымъ давали и нѣкоторыя забавныя институтскія манеры Сони, и патріархальная Василиса, которая безъ меня приходила занимать ее, и вообще все, что попадалось подъ руку. Проболтали мы такъ часовъ до шести. Солнце, которое только въ это время и заглядывало въ мою конурку, навело было насъ на мысль идти гулять, но я увидѣлъ, что, несмотря на бодрость духа Сони, плоть ея немощна: глаза у нея совсѣмъ слипались. Мы, наконецъ, улеглись, не раздѣваясь, она на диванѣ, я на кровати (такъ хотѣла Соня) и, черезъ какихъ-нибудь четверть часа, Соня спала сладкимъ сномъ.

Г. Темкинъ.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ ЛИЦАМЪ ЖЕНСКАГО ПОЛА,

ОБУЧАЩИМСЯ НА КУРСАХЪ

УЧЕНЫХЪ АКУШЕРОКЪ ПРИ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ И ВЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ КУРСАХЪ.

Краткое извлеченіе изъ отчета комитета.

(Читано въ общемъ собраніи 29-го февраля 1876 г.).

Кромѣ членскихъ взносовъ и пожертвованій, источниками, служащими къ увеличенію средствъ общества, служатъ возвращаемыя обществу ссуды и сборы съ устраиваемыхъ вечеровъ.

Ссудъ было возвращено 3 лицами на 75 руб. Вечеровъ было устроено три: отъ 2-хъ танцовальныхъ, 30-го января и 25-го ноября 1875 года, поступило 3,221 р. 70 к., и отъ концерта, даннаго 9-го марта 1875 года, получено 1,236 рублей.

Вообще въ теченіе 1875 г. поступило:

Членскихъ взносовъ . . .	3,382 р. — к.
Пожертвованій.	1,569 » 66 »
Сборовъ съ вечеровъ . .	4,457 » 70 »
Возвращенныхъ ссудъ . .	75 » — »
Дохода съ процент. бумагъ.	20 » — »
А всего . . .	9,504 р. 36 к.

Изъ этой суммы, на основаніи § 9 устава отчислено въ неприкосновенный капиталъ 2,687 рублей.

Всего съ 27-го декабря 1874 г. по 1-е января 1876 г. поступило въ комитетъ 228 прошеній, изъ которыхъ отклонены были два, а по остальнымъ 226 прошеніямъ выдано 5,998 р. и назначено къ выдачѣ 595 р., всего 6,593 руб.

Изъ этого числа наиболѣе крупная сумма выданныхъ пособій пала на долю слушательницъ курсовъ при медико-хирургической академіи, а именно 5,273 р.; слушательницами же педагогическихъ курсовъ получено 1,320 руб. Разница эта объясняется тѣмъ, что общее число слушательницъ, а слѣдовательно и нуждающихся, гораздо значительнѣе въ курсахъ академическихъ, сравнительно съ числомъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ.

Согласно § 9 инструкціи, денежныя выдачи, произведенныя комитетомъ, были двоякаго рода: безъ обязательства возврата къ опредѣленному сроку и съ обязательствомъ возвратить въ теченіи года. Перваго рода выдачъ было ассигновано на сумму 4,858 рублей, вторыхъ на сумму 1,735 рублей.

Въ академіи по курсамъ выданныя пособія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	I к.	II к.	III к.	IV. к.
Безсрочныхъ выдачъ . .	740	1,698	685	565
Срочныхъ выдачъ . . .	315	715	250	305
А всего . . .	1,055	2,413	935	870

Особый видъ пособія составлялъ взносъ платы за ученіе. Такъ какъ своевременный взносъ платы, необходимый для существованія самихъ учрежденій, обезпечивалъ за слушательницами право продолжать свое образованіе, то комитетъ обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе и, въ видахъ существеннаго облегченія слушательницъ, передавалъ эти взносы въ установленные сроки: почетной инспектрисѣ курсовъ при медико-хирургической академіи М. Г. Ермоловой, и почетной надзирательницѣ педагогическихъ курсовъ А. А. Вараксиной. Общая сумма такихъ взносовъ составила въ теченіе года 2,300 р., которые распредѣлены были между 88 слушательницами слѣдующимъ образомъ:

А. Медико-хирургической академіи:

I курса	25	слуш.	на сумму	625 р.
II »	20	»	» »	500 »
III »	11	»	» »	275 »
VI »	12	»	» »	300 »
Итого	68	слуш.	на сумму	1,700 р.

Б. Педагогическихъ курсовъ:

Младш. отд.	11	слуш.	на сумму	330 р.
Старш. »	9	»	» »	270 »
Итого .	20	слуш.	на сумму	600 р.

Всего же за 88 слушательницъ обоихъ заведеній внесено 2,300 рублей. Сумма эта вошла въ вышепоказанный итогъ всѣхъ вообще ассигнованныхъ пособій 6,593 рублей.

Составъ комитета управляющаго дѣлами общества.

(Съ 29-го февраля 1876 года).

Предсѣдатель общества — Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ (Мойка, у Конюшеннаго моста, домъ № 9, кв. № 13).

Товарищъ предсѣдателя—Николай Николаевичъ Тютчевъ (Вас. Остр., Набережная, на углу 6-й линіи, д. № 25).

Казначей—Александръ Порфирьевичъ Бородинъ (зданіе м.-х. академіи).

Секретарь — Иванъ Алесѣевичъ Павловъ (Милліонная, домъ № 26).

Члены комитета:

Ольга Константиновна Граве (Знаменская площадь, домъ № 122).

Варвара Павловна Тарновская (Надеждинская, д. родовспомогательнаго заведенія).

Евгенія Ивановна Арсеньева (Надеждинская, д. № 22).

Марія Филетеровна Павловская (Надеждинская, № 17, кв. 9).

Алексѣй Петровичъ Доброславинъ (Сергіевская, д. № 31).

Замѣтка для членовъ общества, жертвователей и просителей.

Комитетъ общества покорнѣйше проситъ членовъ общества сообщить ему точные ихъ адресы и извѣщать его о перемѣнѣ ихъ жительства.

Предложенія объ избраніи въ члены общества, съ точнымъ означеніемъ имени, отчества, фамиліи и мѣста жительства, равно какъ и членскіе взносы и другія пожертвованія въ пользу общества слѣдуетъ высылать въ Петербургъ или на имя предсѣдателя (Мойка, д. № 9), или на имя казначея (зданіе м.-х. академіи), который выдаетъ надлежащія квитанціи.

Выдача ссудъ и пособій производится, по опредѣленіямъ комитета, казначеемъ общества, со взятіемъ росписокъ въ ихъ полученіи.

Независимо отъ того, годовые платежи членовъ общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы петербургскими жителями въ книжный магазинъ Я. А. Исакова (гостин. дворъ № 24) и въ магазинъ книжной торговли для иногородныхъ Надѣина (Невскій проспектъ, № 44). Для избѣжанія недоразумѣній, комитетъ проситъ членовъ общества и жертвователей записывать собственноручно вносимыя ими деньги въ книжки общества, заведенныя въ обоихъ магазинахъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1876 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: 15 р. 50 к., *съ доставкою:* 16 р. сер., *съ пересылкою:* 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ: *Въ Главной Конторѣ* Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 38.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **исключительно** *въ Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ».

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ НОВОЕ, ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

8 томовъ (35 пьесъ). Цѣна за всѣ томы 12 р., на пересылку за 10 ф.

№ 14, внутри Гостиннаго Двора (входъ съ Невскаго, въ ворота), въ С.-Петербургѣ, у В. П. Печаткина, новое полное изданіе

СТИХОТВОРЕНІЙ Н. А. НЕКРАСОВА.

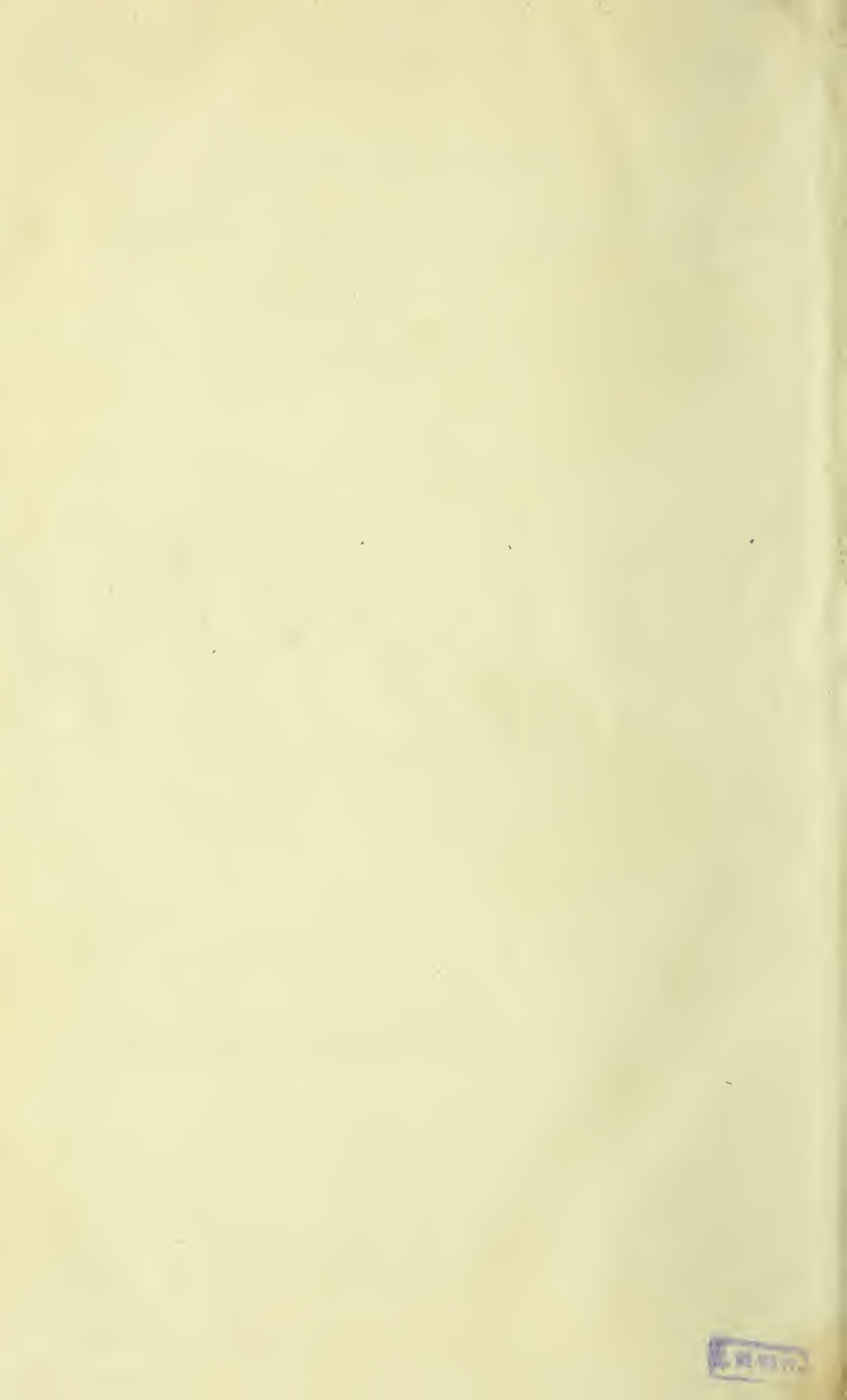
ШЕСТЬ ЧАСТЕЙ, ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

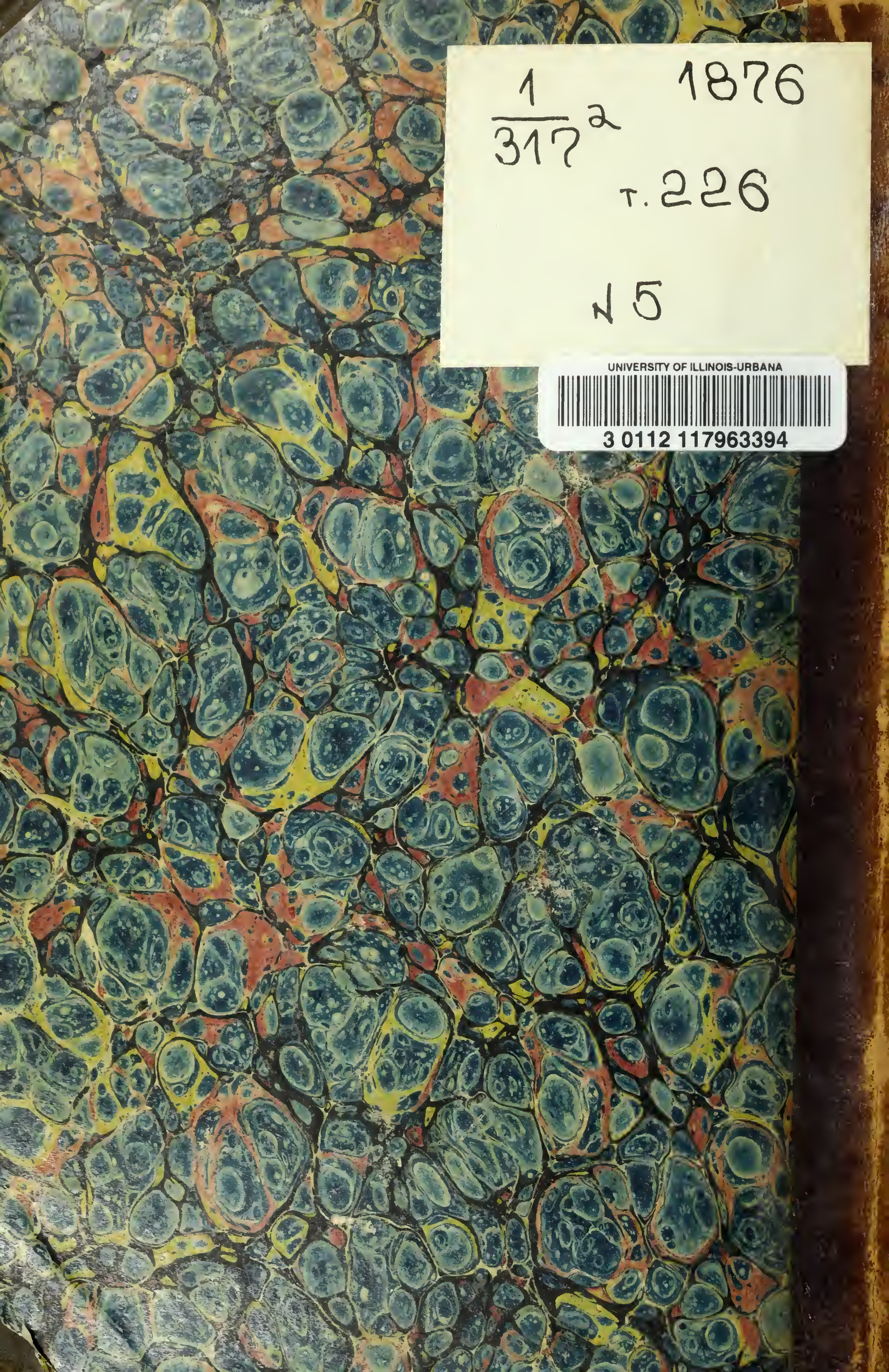
Цѣна за всѣ три тома (до ста печатныхъ листовъ) **6 руб.**, вѣс. за 6 ф.

Отдѣльно: часть VI — **1 р. 50 к.**; части IV и V по **2 р.**

Выписывающіе «Стихотворенія» черезъ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ» (Литейная, 38) за пересылку ничего не прилагаютъ.

А. Краевскій.





1/317²
1876
т. 226
№ 5
UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963394